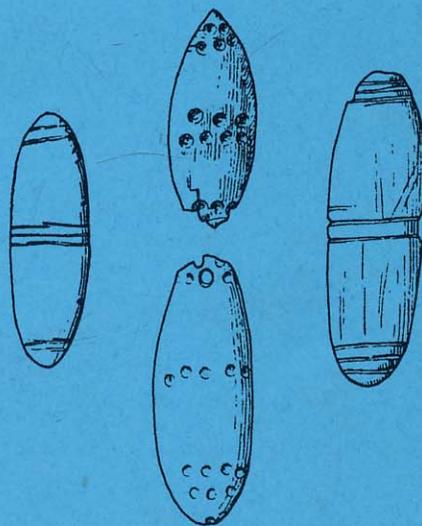


РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

НЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТ ЮГА И НЕОЛИТ СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ



Санкт-Петербург
2003

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

НЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТ ЮГА И НЕОЛИТ СЕВЕРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(новые материалы, исследования,
проблемы неолитизации регионов)

Санкт-Петербург
2003



Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», при финансовой поддержке Программы, РФФИ (проект № 02-06-80469а) и спонсорской помощи Донского Археологического Общества (г. Ростов-на-Дону).

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН.

Редколлегия: В. И. Тимофеев (составитель и отв. редактор), Г. В. Сеницына.

Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). — СПб: ИИМК РАН, 2003. — 316 с.

Издание содержит новые данные о позднем каменном веке и энеолите ряда территорий Восточной Европы. Вводятся в научный оборот материалы памятников обширной части региона южнорусских степей — Подонья и Приазовья, рассматриваются актуальные проблемы изучения первой, в полном смысле слова, земледельческой культуры Юго-Запада Восточной Европы — трипольской, впервые публикуются данные о ряде памятников мезолита и неолита Севера России и новые хронологические разработки. В группе статей анализируются проблемы неолитизации, начала неолитического периода, а также характеризуется неолитическая керамика, появление которой обозначает грань начала неолита в лесной полосе и на Севере Евразии.

Издание рассчитано на специалистов: археологов, историков, культурологов.

На обложке: орнаментированные костяные изделия из поселения Ракушечный Яр.

Оригинал-макет: Л. Б. Кирчо.

ISBN 5-201-01230-2 (1)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2003.



Т. Белановская

*Друзья, коллеги, ученики посвящают этот сборник
юбилею выдающегося исследователя
неолита и энеолита Юга Восточной Европы,
Татьяны Дмитриевны Белановской,
учителю многих Санкт-Петербургских археологов.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	7
<i>А. Д. Столяр (Санкт-Петербург)</i> Археологическая дружба или «дружба археологической длины».....	8
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	
<i>Г. В. Григорьева (Санкт-Петербург)</i> Памятники гребениковской мезолитической группы.....	11
<i>Т. Д. Белановская, В.И. Тимофеев (Санкт-Петербург)</i> Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы.....	14
<i>А. В. Цыбрий, В. В. Цыбрий (Ростов-на-Дону)</i> Изучение неолита Нижнего Дона, Северо-Восточного и Восточного Приазовья (историографический обзор).....	22
<i>В. В. Цыбрий, В. Я. Кияшко (Ростов-на-Дону)</i> Изделия из кости стоянки Раздорская 2 на Нижнем Дону.....	30
<i>А. В. Цыбрий (Ростов-на-Дону)</i> Неолитические памятники Восточного Приазовья.....	41
<i>В. В. Цыбрий (Ростов-на-Дону)</i> Неолитические памятники низовьев Северского Донца (проблемы культурно-хронологического определения).....	56
<i>А. Е. Матюхин (Санкт-Петербург)</i> Послепалеолитические памятники (мастерские) в устье Северского Донца.....	65
<i>А. В. Орленко (Ростов-на-Дону)</i> Мастерская каменного века Лесная 1 в бассейне Северского Донца (предварительное сообщение).....	76
ЭНЕОЛИТ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	
<i>Г. Н. Поплевко (Санкт-Петербург)</i> Комплексный анализ хозяйства энеолитического поселения Константиновское на Нижнем Дону.....	81
<i>Е. В. Цвек (Киев, Украина)</i> Восточнотрипольская культура и контакты ее населения с энеолитическими племенами Попрутья и Поднестровья.....	109
<i>Т. А. Попова (Санкт-Петербург)</i> О связях трипольско-кукутенских общин Поднестровья с населением поселений-гигантов Буго-Днепровского междуречья.....	122
<i>Н. Н. Скакун, Е. Г. Старкова (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о межкультурных связях в эпоху развитого Триполья ВП (по керамическим материалам поселения Бодаки).....	132
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО НЕОЛИТУ СЕВЕРА	
<i>И. В. Верещагина (Санкт-Петербург)</i> Поселение Хепо-ярви в южной части Карельского перешейка.....	140
<i>С. Н. Лисицын (Санкт-Петербург)</i> Стоянка Токарево 1 на северо-западе Карельского перешейка.....	152
<i>Г. Н. Поплевко (Санкт-Петербург)</i> Комплексное исследование некоторых видов каменных материалов стоянки позднего мезолита и неолита Большое Заветное 4 на Карельском перешейке (Ленинградская обл.).....	163

<i>Д. В. Герасимов, М. А. Кулькова (Санкт-Петербург)</i> Хронологическая атрибуция археологических комплексов многослойных памятников Силино и Большое Заветное 4 на Карельском перешейке по геохимическим данным.....	181
---	-----

**ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ
И ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО НЕОЛИТА**

<i>П. М. Долуханов (Ньюкасл, Англия)</i> Неолитизация Европы: хронология и модели.....	193
<i>Б. Матева (Исперих, Болгария), Н. Н. Скакун (Санкт-Петербург)</i> Хронология и периодизация культур неолита и раннего энеолита северо-восточной Болгарии (история изучения и современное состояние проблемы).....	207
<i>Е. Л. Костылева (Иваново)</i> Основные вопросы неолитизации Центра Русской равнины (особенности неолитизации лесной зоны).....	213
<i>В. М. Лозовский (Москва)</i> Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2).....	219
<i>С. В. Ошибкина (Москва)</i> К вопросу о раннем неолите на Севере Восточной Европы.....	241
<i>Г. В. Синицына (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о раннем неолите Северной Евразии.....	255
<i>А. Н. Мазуркевич, М. А. Кулькова, М. Э. Полковникова, Л. А. Савельева (Санкт-Петербург)</i> Ранненеолитические памятники Ловатско-Двинского междуречья.....	260
<i>Т. М. Гусенцова (Санкт-Петербург)</i> Керамика раннего неолита северо-востока Ленинградской области.....	268
<i>В. Я. Шумкин (Санкт-Петербург)</i> Керамика древнего населения Кольского полуострова (к вопросу о неолитизации в Северной Европе).....	277
<i>Г. М. Левковская, В. И. Тимофеев, Ю. В. Степанов, А. Н. Боголюбова (Санкт-Петербург), Н. С. Котова (Киев, Украина), О. В. Ларина, Н. Н. Волонтир (Кишинёв, Молдова), В. А. Климанов (Москва)</i> О неолитическом земледелии на западе Евразийской степной зоны (по результатам новых исследований на Украине и в Молдове и материалам археолого-палеоботанико-палинологического банка данных).....	298
Список сокращений.....	315

От редакции

Настоящий сборник статей посвящен юбилею Т. Д. Белановской, творческое лицо которой показано в яркой, эмоциональной статье А. Д. Столяра.

Сборник состоит из 4-х разделов. В первом собраны статьи, посвященные неолиту южной территории Восточной Европы. В этом разделе вводятся в научный оборот материалы памятников обширной части степного региона — Подонья и Приазовья, где работами Т. Д. Белановской создана основополагающая источниковая база. В статье Г. В. Григорьевой представлено изучение мезолитических памятников Юго-Запада степной зоны. Т. Д. Белановская и В. И. Тимофеев рассматривают материалы многослойного поселения Ракушечный Яр в контексте проблем неолитизации Восточной Европы с дополнительными данными по этому эталонному памятнику. В работах А. В. Цыбрия, В. В. Цыбрия и В.Я. Кияшко подробно рассматривается современное состояние изученности неолита Нижнего Дона и значительной части Приазовья. Новые материалы публикуются в статьях тех же авторов. Типологический анализ великолепной коллекции костяного инвентаря стоянки Раздорское 2 дает основания проводить широкие аналогии. В статьях А. Е. Матюхина и А. В. Орленко вводятся в научный оборот новые данные о кремнеобрабатывающих мастерских, видимо, неолитического времени бассейна Северского Донца. Публикуемые в первом разделе сборника статьи существенно дополняют имеющиеся данные по неолиту Юга Восточной Европы.

Второй раздел сборника посвящен рассмотрению актуальных проблем изучения энеолита. В статье Г. Н. Поплевко дан комплексный анализ хозяйственной деятельности поселения Константиновское. Статьи Е. В. Цвек, Т. А. Поповой, Н. Н. Скакун и Е. Г. Старковой посвящены изучению проблем контактов и миграций среди населения трипольской культуры на различных этапах ее существования.

В третьем разделе публикуются новые материалы стоянок мезолита и неолита Карельского перешейка. Впервые на основании геохимического изучения отложений Ладожского озера, к которым приурочены культурные слои, построена хронологическая схема мезолитических и неолитических стоянок Карельского перешейка (статья Д. В. Герасимова, М. А. Кульковой). По материалам открытых и исследованных памятников выделены этапы заселения южной и северо-западной части этой территории, определена культурно-хронологическая принадлежность памятников (И. В. Верещагина, С. Н. Лисицын). Кроме традиционных методов, на материалах этого региона проведен технологический и трасологический анализ каменных изделий, который позволил выявить специфику и традиции в изготовлении инвентаря (статья Г. Н. Поплевко).

В четвертом разделе сборника рассматриваются проблемы неолитизации Восточной Европы. В базовой статье П. М. Долуханова сконцентрированы основные дискуссионные проблемы, показаны особенности неолитизации ключевых регионов Европы, намечены основные пространственные «тренды» этого процесса для всей территории Евразии. Статья Б. Матевой (Болгария) и Н. Н. Скакун посвящена истории исследования и состоянию современной проблематики в изучении неолита северо-востока Болгарии. Е. Л. Костылева показала всю сложность построения модели неолитизации Центра Русской Равнины на конкретных материалах, проведя анализ состояния источниковой базы. В этом же ключе написана статья В. М. Лозовского по очень важным для рассматриваемой проблематики материалам многослойной стоянки Замостье 2. В работе С. В. Ошибкиной на примере ранненеолитических культур Севера России показано возникновение неолита, начиная с V тыс. до н. э. Начало неолитизации авторами сборника рассматривается, учитывая данные естественных наук — природно-климатические факторы, традиционные данные радиоуглеродного анализа. В статье Г. В. Сеницыной показано сходство процессов неолитизации на Европейской части и в Восточной Сибири, обусловленное природно-климатическими изменениями. Керамика, по-прежнему, остается основным маркером для формального выделения неолита; ряд статей (А. Н. Мазуркевича, М. А. Кульковой, М. Э. Полковниковой, Л. А. Савельевой; Т. М. Гусенцовой; В. Я. Шумкина) посвящен ее детальному анализу, на основании которого построены локальные хронологические схемы, для Ловатско-Двинского междуречья схема подтверждена данными радиоуглеродного анализа. Группой авторов во главе с Г. М. Левковской рассмотрено неолитическое земледелие на западе Евразийской степной зоны. Созданный археолого-палеоботанический банк данных дает возможность изучения характера изменения природной обстановки в начале неолита.

Предлагаемый сборник отражает современный уровень исследования проблем неолитизации Восточной Европы и выделения неолита как отдельной эпохи.

В. И. Тимофеев, Г. В. Сеницына

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДРУЖБА ИЛИ «ДРУЖБА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЛИНЫ»

Возраст моей дружбы с Таней Родионовой (известной многим, выращенным ею студентам, как Татьяна Дмитриевна Белановская) уже перевалил за 65 лет. В мерах нашего быстро текущего времени это измерение действительно археологическое.

...Первая встреча относится к 1937 году. Озерная пристань на Неве, у Смольного. Небольшое, но шумное сообщество студентов, несколько сотрудников. И главное — яркая личность, профессор Владислав Иосифович Равдоникас — заведующий кафедрой археологии нашего Университета. Это — состав экспедиции, которая отправляется на Южный Олений остров (северная часть Онежского озера, вблизи Кижей) для раскопок первобытного могильника. Точнее можно сказать, что целью организованной нашим профессором экспедиции было спасение для науки памятника, уникальность и исключительное историческое значение которого было полностью выяснено только спустя 30—40 лет...

...Почти трое суток пароходик «Урицкий» шлепает колесами по воде Невы, Ладоги, Свири и, наконец, Онежского озера. Замечательная картина необъятности и богатства природы страны открывается перед нами.

Другой, впечатляющей меня составляющей путешествия было общество, в котором я оказался — точнее, молодежный состав экспедиции. У меня за плечами было 9 классов школы, от дома я оторвался первый раз благодаря участию в моем кружковом приобщении к археологии П. П. Ефименко и Д. Н. Льва. Итак, в мужском составе экспедиции я был младшим, а в ее женской части самой юной была Таня Родионова, уже перешедшая на 2 курс кафедры археологии.

Владислав Иосифович, казалось, не обращал на нас никакого внимания. А в действительности он видел все и при его внешней суровости был добрым и заботливым. Так, как я понял много позднее, заботясь о «школяре», создал связку, обозначенную им, как «Таня и Абаня»¹.

Как боевой единице нам поручались определенные работы, надо признаться, не особенно ответственные. С тех пор в памяти живут в самой непосредственной форме отдельные эпизоды.

Так, к примеру, поручили нам зачистку участка с целью выявления признаков возможного нахождения погребений. Участок этот был изрыт многими ямами местных крестьян, добывавших здесь известняк для своих нужд. Трудились мы очень старательно и сразу под дерном обнаружили массивную черепную крышку. Однако, на такой малой глубине не могло быть погребения. Начальник, да и другие опытные сотрудники экспедиции посчитали, что нами найдена часть черепа от скелета из погребения, которое было разрушено недавними ломщиками известняка. Наш участок был исключен из площади, подлежащей раскопкам.

В таком положении эта «пустошь» оставалась заброшенной археологами до середины августа. А тогда, благодаря прошедшим дождям, здесь было открыто и изучено самое уникальное «стоячее» погребение (№ 100) с очень богатым набором сопровождающих вещей (более 500).

В другом случае В. И. дал нам, как я позднее понял, самое легкое задание в качестве простейшей контрольной работы. Погребение в могильнике обычно обсыпалось охрой, что позволяло распознать контуры могильной ямы до расчистки скелета по розовому пятну вытянуто-овальной формы.

Фиксация одного из таких пятен и была поручена нам. Подобная операция нормально выполнялась без особого труда, занимая не более получаса (компас, 4 измерения, общий контур). Мы же были проникнуты чувством чрезвычайной ответственности (наша документация войдет в науку!) и страстным желанием совершенствования методики. Было принято бессмысленное решение о проведении десятков (если не сотен) измерений. С большим энтузиазмом мы трудились целый день. А наше пятно находилось у края раскопа, вблизи от того места, где В. И.

¹ Не знаю за какие провинности меня в пору самого раннего детства стали так именовать. С тех пор этот «псевдоним» приклеился ко мне на всю жизнь.



Олений остров, август 1937 г.:
 сверху — А. Д. Столяр, В. Д. Рыбалова;
 в центре — Т. Д. Родионова (Белановская);
 внизу — Е. А. Векилова, Д. А. Бенуа.

облюбовал пень в качестве точки, с которой он наблюдал раскоп. Наступил второй день нашей самоотверженной работы. И перед обеденным перерывом Владислав Иосифович впервые обратился к нам в такой, навсегда запомнившейся форме: «Таня и Абаня! Прошу учесть, что до конца работ экспедиции осталось три недели. К этому сроку ваше пятно надо обязательно зачертить». Подобный урок устраняет всякую самонадеянность, приучая к ответственности. С Оленостровской поры Таня Родионова неизменно дружественно относилась ко мне, великодушно прощая издержки юного характера. При поступлении в следующем году на истфак она была моим добрым советчиком. То же относится и к 1938—1941 гг., в течение которых я одолел три курса обучения на ставшей мне близкой и родной кафедре, помещавшейся на третьем этаже. В таком сроднении с нею я во многом был обязан шефству Тани. С той поры помнится многое. В том числе, и квартира на проспекте Огородникова.

Во время войны большой радостью было несколько весточек, полученных от трудившейся в госпиталях Тани. Такие открытки поддерживали огонек очень важной надежды на Победу страны, возвращение в университет, продолжение занятий археологии.

ей. В 1944 году, при первой возможности Таня вернулась в возрождавшийся университет. Особо значительной для меня была наша встреча после Победы на родном истфаке. Время это было очень нелегким, во многом критическим для кафедры. Таня приняла на себя особенно тяжкую обязанность и в течение 12 лет (1946—1958 гг.), перенасыщенных «идеологическими» компаниями, кризисом и испытаниями, была секретарем кафедры. Пройти такое испытание, сохранив свою честность и человеческое достоинство, удел немногих.

Последующие страницы биографии, особенно с того рубежа, когда мы встречаемся уже с Татьяной Дмитриевной Белановской, известны многим выпускникам кафедры, участвующим в этом поздравительном издании.

Поэтому я в основном ограничусь выделением тех, определяющих личность Татьяны Дмитриевны духовных качеств, которые, увы, сейчас представляют острейший дефицит.

Честность, человечность, отзывчивость.

Поэтому совсем не случайно М. И. Артамонов в случаях возникновения на кафедре конфликта (например, связанного с оценкой диплома А. Н. Цуцкина) с присущей ему прямоотой обращался к решению Т. Д. Белановской.

Преданность науке и преподаванию, трудолюбие, скромность.

Бескорыстие Т. Д. и чистота ее служения археологии удостоверяются всей ее жизнью. Ее преподавание всегда опиралось на собственную большую требовательность и основательную

подготовку. Целостность ее личности прояснялась и в ее полевой деятельности, итогово посвященной изучению одного памятника (Ракушечного Яра), входящего в плеяду драгоценного первобытного достояния страны.

Личное мужество и общественность.

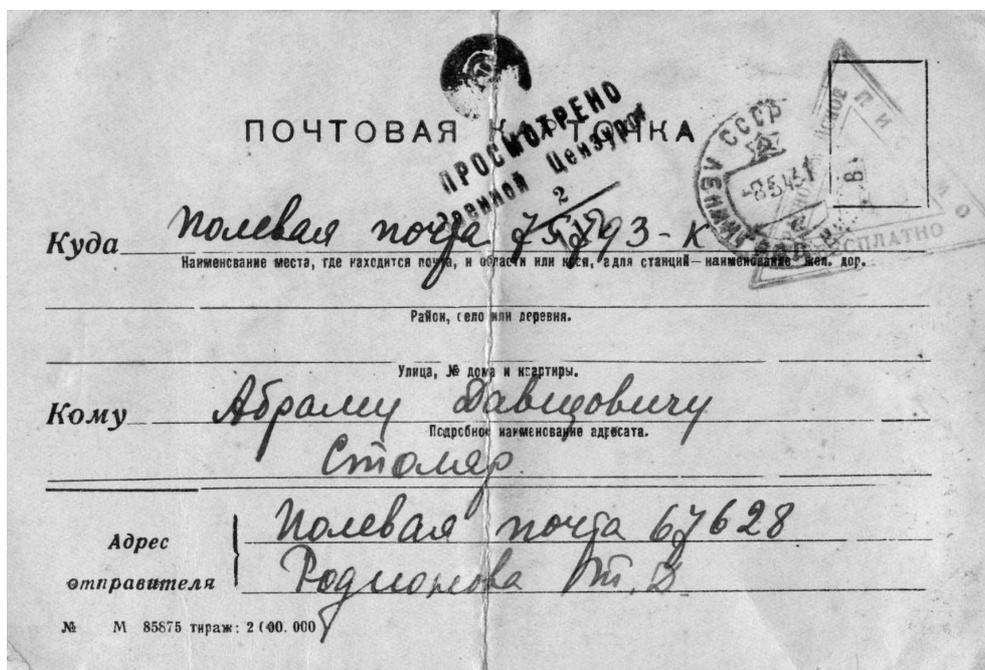
Татьяна Дмитриевна прошла через тяжкие и мучительные недуги с той выдержкой, которая дана немногим. И в это время она не утратила интереса к нашему общему делу и всегда была готова оказать помощь. Свою жизнь она посвятила не интересам личного благополучия, а заботе об окружающих ее людях. В их числе, естественно, особое место занимают наши студенты. Они прошли серьезную «школу Белановской» не только на Менделеевской линии. Может быть, еще более значительными, памятными на всю жизнь оказались дни Ракушечного Яра. Истинный гонорар преподавателя, отдавшего этой деятельности жизнь, измеряется только отношением и памятью его «выучеников». Эти чувства признательности и уважения повзрослевшей и уже независимой смены нельзя предписать приказом или купить за «евро».

Татьяна Дмитриевна таким духовным капиталом чрезвычайно богата. Уверен, что это очень значимо в ее осмыслении и оценке пройденного пути.

Только хотелось бы мне в этом слове благодарности Татьяне Дмитриевне призвать наших выпускников к следованию ее высокому примеру. Мы живем в духовно критическое время и подвержены порой недостойным соблазнам и деформации. За ними неизбежно последует расплата, порой непосильная. Не только почитайте Татьяну Дмитриевну, но и соизмеряйте свои поступки с теми общечеловеческими принципами бытия, которым она неизменно руководствуется.

...Встреча на «Урицком» положила начало одной из особо значительных линий в ткани моей жизни. Признателен судьбе за это и желаю от всего старого сердца дорогой Татьяне Дмитриевне Родионовой-Белановской здоровья, сохранения сил и бодрости, продолжения Вашего, для нас очень важного участия в общих делах.

Ваш Абрам.



Почтовая открытка военного времени.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Г. В. Григорьева (Санкт-Петербург)

ПАМЯТНИКИ ГРЕБЕНИКОВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Обращение к гребениковским памятникам — это возвращение в далекое прошлое, студенческие годы «когда мы были молодыми», воспоминания о наших замечательных преподавателях и сотрудниках любимой кафедры. Особенно запомнился выезд на неолитическое местонахождение в Разливе — возглавляли поездку Т. Д. Белановская и П. И. Борисковский. Поехали мы небольшой группой в выходной день. Провели разведку. Собрали несколько фрагментов керамики. И, несмотря на плохую погоду, день с утра был пасмурный, а затем пошел дождь, настроение у всех было превосходное! Много шутили, смеялись, все остались очень довольны поездкой. Так прошла наша первая, однодневная, «археологическая практика». А с Татьяной Дмитриевной Белановской связана жизнь нескольких поколений выпускников СПбГУ. Эта связь продолжается до сих пор. Татьяна Дмитриевна интересуется всем, что происходит в Университете и ИИМК РАН, принимает участие в конференциях и заседаниях, выступает с интересными докладами, пишет статьи. Продолжая научную деятельность, Татьяна Дмитриевна помогает многим добрыми советами и пожеланиями. Хочется, чтобы это продолжалось как можно дольше. А Татьяне Дмитриевне желаю здоровья и многих творческих лет!

Теперь о заявленной теме. Стоянка Гребеники, по которой была названа гребениковская культура, хорошо известна в научной литературе. Большинство памятников, относящихся к этой культуре, описано в разных изданиях, главным образом украинских. Гребениковскую культуру характеризуют несколько десятков памятников с присущими им особенностями.

Стоянка Гребеники открыта в 1954 г. под руководством П. И. Борисковского, является типичным тарденуазским памятником Нижнего Поднестровья (Борисковский, 1957. С. 4—10; Коробкова, 1957. С. 59—61; Григорьева, 1960. С. 226—230). Гребеники находятся в Великомихайловском р-не Одесской обл., в местности Барбанягры (Полубоковая криница, по местному). Культурный слой на стоянке не сохранился, но собран большой подъемный материал. В нем различные нуклеусы: одно- и двухплощадочные призматические, плоские, конусовидные и карандашевидные. Среди орудий выразительными сериями представлены трапеции — симметричные и асимметричные, скребки — полуокруглые, округлые и концевые, изготовленные из небольших отщепов. Имеются микропластинки с притупленным краем, пластинки с притупляющей и мелкой краевой ретушью, выемчатые формы. Единичны сегменты, резцы, остря. Найденные фаунистические остатки, по определению Н. К. Верещагина, принадлежат лошади.

После открытия Гребеников в Нижнем Приднестровье обнаружены новые памятники этой культуры (Борисковский, 1964. С. 14—19). В числе их стоянка Гиржево в окрестностях Великомихайловки, на правом берегу р. Кучурган (Борисковский, 1964. С. 14—29). Памятник открыт В. Н. Станко в 1961 г. и исследовался им. В верхнем распаханном слое обнаружены изделия неолитического облика. Под ним, на глубине 0,30—0,80 м в делювиальном суглинке залегает мезолитический слой. В коллекции много нуклеусов, одно- и двухплощадочных призматических, конусовидных, плоских, карандашевидных. Орудия представлены большой серией трапеций, скребками, округлыми, полуокруглыми и концевыми, пластинками и микропластинками с притупляющей ретушью, выемчатыми орудиями.

На другом местонахождении, Познанка, открытом в 1961 г. С. К. Рахубенко, расположенном на правом берегу р. Кодымы, у с. Познанка 2, по обоим склонам оврага собран подь-

емный материал, включающий призматические плоские и карандашевидные нуклеусы, серию трапеций, мелкие округлые, полуокруглые и концевые скребки (Борисковский, 1964. С. 14). Еще одно местонахождение Нижнего Поднестровья — Довжанка, расположенное на левом берегу р. Ягорлык, южнее г. Котовска., Красноокненского р-на Одесской обл. Памятник находится на мысу. В коллекции среди орудий имеются трапеции и мелкие округлые и концевые скребки (Борисковский, 1964. С. 14).

На правом берегу р. Ягорлык, в 40 км от с. Довжанка обнаружено местонахождение Орловка. Собранная на поверхности коллекция включает два призматических нуклеуса, небольшую серию трапеций и мелкие, округлые и концевые скребки.

Кроме перечисленных памятников, выявлен ряд пунктов с любопытными изделиями. Среди них: пункт у с. Малые Хатки — с округлыми скребками и карандашевидным нуклеусом; Приймово — с мелкими округлыми и концевыми скребками, единичными ретушированными пластинками и конусовидным нуклеусом; Балашево — с трапецией, двойным скребком и ретушированными пластинками (Григорьева, 1964. С. 19—23). Таков краткий перечень мезолитических памятников Нижнего Поднестровья.

Восточнее отмеченных памятников, в бассейне р. Ингульца, в 1966 г. под руководством П. И. Борисковского открыта стоянка Казанка (Борисковский, 1975. С. 55—62). Стоянка находится в окрестностях пос. Казанка Николаевской обл., в верховьях р. Висуни, правого притока Ингульца, на пологом склоне. Собран богатый подъемный материал, в том числе и несколько фрагментов керамики. Однако керамика, по мнению специалистов, поздненеолитическая и не может быть связана с собранной коллекцией. Изделия Казанки мелких размеров. Большинство нуклеусов призматической формы: одностороннеуплощенные, с полуокруглым скалыванием, конические. Имеется один отбойник. Орудия представлены серией трапеций, но только 1/3 из них составляют целые экземпляры, остальные — фрагменты. Трапеции, симметричные и асимметричные, две трапеции близкие по форме параллелограммам, три — имеют резцовые сколы на углу с брющка, одна своеобразная трапеция с выемчатыми боковыми краями и со струганой спинкой. Большую группу составляют скребки на мелких отщепах, единичны концевые экземпляры на мелких пластинках. Резцов немного, преобладают на углу пластинки. Малочисленны фрагменты ретушированных пластинок, одна микропластинка с притупленным краем, одна пластинка с выемкой, острие-проколка с выделенным ретушью рабочим концом. Среди орудий имеется наконечник удлинненной формы с выемчатым основанием. Верхний конец наконечника обломан. Наличие в коллекции трапеции со струганой спинкой и наконечника свидетельствуют о более позднем возрасте памятника, по сравнению с Гребениками. Вероятно, Казанка относится к раннему неолиту. П. И. Борисковский допускал возможность более молодого возраста Казанки. В. Ф. Петрунь, учитывая геоморфологию памятника, полагал, что он существовал в голоцене.

Перечисленные памятники Нижнего Поднестровья характеризуют мезолит Северного Причерноморья, а Казанка, по всей вероятности, относится к раннему неолиту.

В. Н. Станко выделяет в Северном Причерноморьи два периода мезолита — ранний и поздний (1976. С. 15—21). К раннему отнесены памятники: Белолесье, Кантемир, Царинка, Анетовка, Ново-Архангельск, Рогалик-Якимовский. Наиболее полное представление о раннем мезолите дает Белолесье (Станко, 1980. С. 92—97). Стоянка находится на правом берегу р. Сараты. В. Ф. Петрунь, исследовавший геологию памятника, считает, что «...время возникновения стоянки чуть-чуть предшествует или прямо совпадает с финигляциальной эпохой (8000 лет до н. э.), когда на юго-западе степной зоны Украины происходило завершение формирования черноморского... стратиграфического горизонта» (Петрунь, 1971. С. 115). Фауна Белолесья, по данным В. И. Бибиковой, представлена туром, лошастью и лисицей. Орудия состоят из серии геометрических микролитов, с преобладанием сегментов, единичны трапеции, треугольники и четырехугольник. Имеются скребки, округлые, полуокруглые, концевые, двойные, резцы, среди которых преобладают на углу заготовки, остальные типы — боковые, срединные, двойные — малочисленны. Выразительны острия. Есть ретушированные пластинки и отщепы.

Местонахождение Царинка по характеру техники расщепления и набору орудий, по моему мнению, относится к верхнему палеолиту, а не мезолиту (Григорьева, 1983. С. 55—61).

Формирование и ранний период развития гребениковской культуры, по В. Н. Станко, происходили в Северо-Восточной части Причерноморья, а затем носители этих традиций переселились на юго-запад, вдоль границы леса и степи (Станко, 1986. С. 26).

Необходимо обратить внимание еще на один момент. Геометрические микролиты появляются в верхнепалеолитических стоянках Восточной Европы довольно рано, начиная с ранней поры — Корпач (4 культурный слой), Хотылево II и до позднеледниковья — Тимоновка, Юдиново и другие, что в какой-то мере осложняет вопрос датирования памятников, где нет четких стратиграфических данных.

Поздний мезолит, по мнению В. Н. Станко, характеризуют гребениковская и кукрекская культуры, Третий Васильевский могильник и некоторые разнотипные памятники Северного Причерноморья (Станко, 1976. С. 18). Для гребениковских памятников отмечены следующие особенности их местоположения: высокие террасовые уровни, высокие поймы или первые надпойменные террасы. Фауна, по данным В. И. Бибиковой, представлена следующими видами: тур, лошадь, европейский осел, сайга. (Станко, 1976. С. 19). Для орудий характерны следующие показатели: трапеции, округлые и полуокруглые скребки небольших размеров, значительное сокращение резцов, немногочисленные пластинки и микропластинки с притупленным краем, острия. Сегменты присутствуют, но они единичны (Гребеники, Гиржево и др.). Имеются, наряду с призматическими, плоские, конусовидные и карандашевидные нуклеусы. Отсутствие стратиграфических данных мешает установлению соотношения между памятниками.

Таким образом, открытие памятников, относящихся к гребениковской культуре, решило, в основном, вопрос о характере мезолита Северного Причерноморья, являвшегося, видимо, одним из компонентов при сложении буго-днестровской раннеолитической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисковский П. И.* Разведки памятников каменного века между Тирасполем и Раздольной // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Вып. 1. Одесса, 1957.
- Борисковский П. И.* Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 г. // *Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского Государственного Археологического музея 1962 г.* Одесса, 1964.
- Борисковский П. И.* Мезолитическая стоянка Казанка близ Кривого Рога // *Памятники древнейшей истории Евразии*. М., 1975.
- Григорьева Г. В.* Новые данные о тарденуазской стоянке Гребеники в Нижнем Поднестровье // *Записки Одесского Археологического общества*. Т. 1 (34). Одесса, 1960.
- Григорьева Г. В.* Новые памятники каменного века в Нижнем Поднестровье // *Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского Государственного Археологического музея 1962 г.* Одесса, 1964.
- Григорьева Г. В.* Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами на Русской равнине // *КСИА*. Вып. 173. 1983.
- Коробкова Г. Ф.* Тарденуазская стоянка Гребеники в Нижнем Поднестровье // *КСИА*. Вып. 67. 1957.
- Петрунь В. Ф.* О геологической позиции и обработанном кремне мезолитической стоянки Белолесье // *Материалы по археологии Северного Причерноморья в эпоху первобытнообщинного строя*. Киев, 1971.
- Станко В. Н.* Периодизация памятников мезолита Северного Причерноморья // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Вып. 8. Киев, 1976.
- Станко В. Н.* Ранний мезолит степей Северного Причерноморья // *Первобытная археология. Поиски и находки*. Киев, 1980.
- Станко В. Н.* К проблеме сложения гребениковской культуры // *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 1986.

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ РАКУШЕЧНЫЙ ЯР (НИЖНЕЕ ПОДОНЬЕ) И ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Поселение Ракушечный Яр, расположено на острове Поречный, близ ст. Раздорской Усть-Донецкого р-на Ростовской обл., в нижнем течении р. Дон, в самом центре южнорусских степей, исследовано на широкой площади (более 1200 м²) многолетними работами экспедиции Ленинградского (Санкт-Петербургского) Университета под руководством Т. Д. Белановской. Результаты работ опубликованы монографически в сжатой форме (Белановская, 1995). Стационарными раскопками выявлено двадцать три культурных слоя, (при нумерации сверху вниз), охватывающих периоды неолита, энеолита и ранней бронзы. Столь дробная стратиграфия уникальна для юга Восточной Европы. Огромный, хорошо стратифицированный материал позволил, с привлечением материалов других памятников, известных в Нижнем Подонье и смежных регионах, выделить особую ракушечноярскую культуру, существование которой охватывало длительный отрезок времени. Материалы уже древнейших слоев имеют ряд специфических черт, что позволяет относить их к единой неолитической культуре, характерной для Нижнего Подонья (Белановская, 1983; 1995. С. 173 и сл.). Так, наиболее распространенными, преобладающими в орнаментации сосудов этой культуры, являются раздельно поставленные оттиски штампа треугольной или близкой ей формы, особенно характерные для керамики нижних неолитических слоев (Белановская, 1976а). Этим, в частности, ранняя керамика Ракушечного Яра отличается от раннеолитической керамики значительной части территории Восточной Европы — обширной днепро-донецкой общности, для раннего этапа которой особенно характерны мелкозубая гребенка и прочерченные линии (Телегин, 1968. С. 242), от ранней буго-днестровской керамики запада лесостепи Восточной Европы, в которой преобладает орнаментация прочерченными линиями, встречаются сосуды с зашипным орнаментом и налестками, отражающие, видимо, влияния раннего неолита Балкан (Даниленко, 1969; Котова, 2002. С. 2). Следует отметить, что раздельно поставленные наколы-«тычки» (не «скорострельные», т. е. поставленные каждый раз с отрывом конца орнамента от поверхности сосуда) являются древнейшим видом орнаментации сосудов раннеолитических культур ряда территорий Восточной Европы (в частности, наиболее ранней неолитической культуры лесной полосы — верхневолжской, см. Костылева, 1994. С. 53). Высказана гипотеза (Цетлин, 1996. С. 161), о том, что накольчатый орнамент был характерен для керамики населения, предшествующего верхневолжскому и затем ассимилированному носителями пришлой верхневолжской культуры, предполагающая широкое распространение этого хронологически древнейшего в лесной полосе керамического пласта (Цетлин, 1996. С. 162). Отсутствие «скорострельно-накольчатого» орнамента является, видимо, не только культурно значимым, но и хронологическим показателем древности нижней пачки неолитических горизонтов Ракушечного Яра, возраст которых превышает возраст памятников классической днепро-донецкой общности, а также и буго-днестровской культуры, что соответствует многочисленным радиоуглеродным данным (см., напр.: Котова, 2002. С. 103; табл. 9).

Принципиально важны материалы Ракушечного Яра для хронологии соседней степной неолитической культуры — сурской, памятники ее известны на территории бассейна Северского Донца и близость материалов этих культур была впервые отмечена Д. Я. Телегиным (1984. С. 364; 1996). Ряд сходных и отличных черт этих культур был сформулирован в литературе (Белановская, 1995. С. 178—179). Сходство проявляется, в основном, в керамическом материале, каменный инвентарь существенно различен. Даты сурской неолитической культуры находятся в интервале примерно 6800—7300 л. т. н. (Котова, 2002. С. 96), т. е. они позднее наиболее

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и РГНФ (проект № 01-01-00269а).

ранних ракушечноярских и указывают на менее продолжительный период существования сурской культуры.

Керамические комплексы культурных слоев Ракушечного Яра показывают определенную преемственность в течение очень значительного периода, по крайней мере с 23 по 4 слой, т. е. примерно на протяжении более 2500 лет «радиоуглеродного времени». В то же время, по крайней мере с V культурного слоя в комплексе отчетливо выражена керамика и иных культурных традиций, с обильной примесью толченой раковины в тесте, украшенная преимущественно сплошными зонами оттисков гребенчатого штампа. На наш взгляд, трудно согласиться с мнением Н. С. Котовой (2002. С. 26 и сл.) об однокультурности этих слоев Ракушечного Яра и известного Мариупольского могильника (Макаренко, 1933), отнесения их к единой нижнедонской культуре. Сходство с материалами Мариупольского могильника можно найти в кремневой индустрии, базирующейся, как и индустрия энеолитических слоев Ракушечного Яра, на крупных кремневых пластинах. Можно отметить, в частности, находки ножей на широких пластинах. Этот тип индустрии широко распространен в энеолитический период в памятниках степи и лесостепи. В то же время широкий набор кремневых орудий труда (разнообразные скребки, сверла, развертки и т. д.) представлен в могильнике слабо и не дает, практически, материалов для сопоставления. Наборы украшений, многочисленных на обоих памятниках, слишком различны. В энеолите Ракушечного Яра нет многочисленных в Мариупольском могильнике костяных подвесок шаровидной формы с V-образным сверлением, клыков кабана с отверстиями для подвешивания, характерных пластин, вырезанных из клыков кабана (пластинок мариупольского типа), кольцевых каменных подвесок. Особенности орнаментированных предметов и украшений (встреченных лишь в верхней части пачки неолитических и в энеолитических слоях, с 13-го по 4-ый) подробно охарактеризованы в публикациях (Белановская, 1983. С. 158—164; 1995. С. 125—144). Они находят отдельные соответствия в разных культурах каменного века, прямые аналогии изделиям из богатого подобного рода находками Мариупольского могильника очень немногочисленны (Белановская, 1995. С. 131, 141). Керамика же в комплексе могильника отсутствует (Макаренко, 1933). Различия между комплексами Мариупольского могильника и энеолитических слоев Ракушечного Яра весьма заметны и объясняются, очевидно, различной культурной атрибуцией — отношением могильников мариупольского типа к днепро-донецкой культурной общности (Телегин, 1991. С. 40). Параллели украшениям Мариупольского могильника имеющиеся в материалах исследованного В. Я. Кияшко (1987) многослойного поселения Раздорское I, расположенного недалеко от Ракушечного Яра, на правом берегу Дона (Котова, 2002. С. 195, 196, рис. 71, 72) могут найти разные объяснения и указывать на наличие определенных связей между этими памятниками. Комплексы гребенчатой керамики соответствующих по времени слоев Ракушечного Яра имеют, скорее, восточные и северо-восточные параллели (Белановская, 1995. С. 185—191) и отмечают, очевидно, неоднородный, по происхождению, состав населения в период существования поселений верхней пачки слоев Ракушечного Яра. Примеры неоднородности состава неолитического населения, прослеживающиеся, в частности, наличием «гибридных» типов керамики, известны на многих территориях. Это явление, в частности, распространено на западной границе лесной зоны Восточной Европы, на стыке земледельческих и «лесных» сообществ (Timofeev, 2000. P. 220). Так, на востоке Польши известны группы поселений, сочетающих в комплексах керамику традиций культуры воронковидных кубков, местную для Центральной Европы и «пришлый», восточный компонент, на севере (Торунский регион) связанный с традициями нарвской культуры (Kukawka, 1987; Кукавка, 2000. С. 36—37), на более южных территориях — с традициями неманской культуры (керамика типа Линин, см. Kempisty, 1986). В Восточной Прибалтике хорошо известна керамика типа Пиестиня, сочетающая признаки керамики нарвского типа и типичной гребенчато-ямочной. На стоянке Пиестиня в Восточной Латвии керамика типа Пиестиня и гребенчато-ямочная керамика залегали в одном культурном слое (Загорскис, 1967), что отражает, очевидно, неоднородность населения стоянки в этническом плане. Компоненты разного

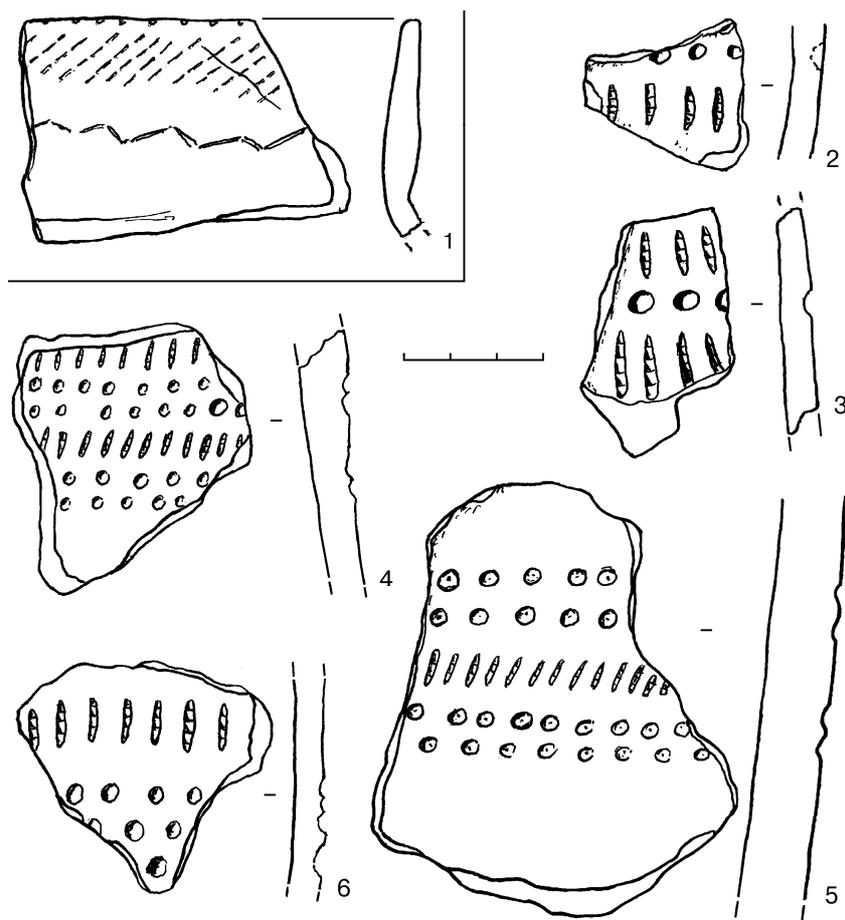


Рис. 1. Ракушечный Яр, фрагменты «импортной» (1) или «гибридной» (2—6) керамики:
 1 — типа Балки Квитяна; 2—6 — с ямочно-гребенчатой орнаментацией.
 1 — слой 10; 2, 6 — слой 4; 3, 4 — слой 3; 5 — слой 5.

происхождения прослеживаются в материалах цедмарской культуры на юго-востоке Прибалтики (Тимофеев, 1998. С. 279). Смешанный, неоднородный в культурном отношении характер населения прослеживает специальными исследованиями керамических материалов неолита Центральной России Ю. Б. Цетлин (1996. С. 155—163). На поселениях трипольской культуры нередко особую керамическую группу составляют находки фрагментов сосудов относящихся к иной, степной, скотоводческой среднестоговской культуре (Мовша, 1961).

Имеются в материалах Ракушечного Яра и некоторые данные о проявлении связей северной, лесной направленности. Среди очень значительной коллекции верхних, энеолитических слоев (слои 5, 4, 3) можно отметить фрагменты нескольких сосудов, выполненных в традиционной ракушечной технологии, но украшенных орнаментом, по всей видимости, подражающим ямочно-гребенчатому (чередование параллельных рядов ямок и оттисков зубчатого штампа (рис. 1, 2—6). Возможно, северные связи, с верхним Подоньем, где хорошо известны стоянки типа Долгое и Подзорное (Левенок, 1965), также играли определенную роль в жизни населения этого уникального памятника, что важно, в частности, для разработки хронологии и периодизации комплексов южной периферии ямочно-гребенчатой общности. Типологически аналогичное явление — «гибридизация» среднестоговских и ямочно-гребенчатых элементов в керамическом комплексе имело место примерно в это же время и в материалах позднего этапа среднестоговской культуры Украины, в частности, на исследованном Д. Я. Телегиным эталонном поселении Деревка (Котова, 2002. Рис. 128, 129).

Анализ многочисленной коллекции, полученной благодаря изучению большой площади поселения, показал территориально широкие контакты и связи населения неолита — энеолита

Нижнего Подонья. Бесспорна и важна как для синхронизации, так и для представления о дистанциях связей находка в 4-м раковинном энеолитическом слое фрагмента раннетрипольской статуэтки (Белановская, 1995. Рис. XXVII, 5). Имеются и в известной мере дискуссионные, предметы, которые могут рассматриваться как импорты или признаки влияний. Так, из слоя 10 (верх пачки тонких переслаивающихся неолитических слоев) происходит фрагмент венчика сосуда с высокой выделенной шейкой и расширяющимся туловом, орнаментированный ниже края венчика параллельными рядами оттисков гребенчатого штампа с длинными тонкими зубцами, ниже которого расположен горизонтальный зигзаг, образованный оттисками тонкой лопаточки или створкой раковины. Тесто компактное, со следами примеси песка и, возможно, органики. На внутренней поверхности — следы заглаженных параллельных расчесов. По профилировке и орнаментации (рис. 1, 1) данный сосуд отличается от прямостенных, украшенных наколами, неолитических сосудов ракушечноярской культуры и очень близок сосудам начальных фаз среднестоговской культуры типа Балка Квитяна (Телегин, Нечитайло, Потехина, Панченко, 2001. Рис. 2—7).

Видимо, эту находку следует учитывать при разработке проблемы самых первых проявлений керамических традиций, приведших к формированию среднестоговской культуры, а также и возможному уточнению длительности ее существования. Отдельные фрагменты поздней среднестоговской керамики можно предположительно выделить в верхних энеолитических слоях. Огромные, хорошо стратифицированные материалы Ракушечного Яра, сжато опубликованные, несомненно очень долго будут привлекать исследователей в поисках полных или частичных аналогий для уточнения хронологического положения памятников разных территорий. Хронология памятника базируется сейчас на значительной серии радиоуглеродных дат (табл. 1), полученных для неолитических и энеолитических слоев памятника (Зайцева, Тимофеев, Семенцов, 1999. С. 15; дополнено: Timofeev, Zaitseva, 2000. P. 55) Особенно важны датировки, полученные непосредственно по образцам, представленным фрагментами керамики с остатками пищевого нагара на внутренней поверхности сосудов, т. е. датирующие непосредственно момент (с учетом статистической ошибки метода) использования сосудов, приготовления или хранения в них пищи.

Таблица 1.

Радиоуглеродные даты многослойного поселения Ракушечный Яр

Культурный слой	Радиоуглеродный возраст (без калибровки)	Индекс лаборатории	Датированный материал
20	7690 ± 110 7930 ± 140 7860 ± 130	Ki-6475 Ki-6476 Ki-6477	пищевой нагар на керамике
15, 14—15	6930 ± 100 6825 ± 100 7040 ± 100	Ki-6478 Ki-6479 Ki-6480	пищевой нагар на керамике
9	7180 ± 250	Le-5344	раковины
8	6070 ± 100	Vln-704	древесный уголь
Под 5-м слоем	6770 ± 450	Le-5481	кость
5	6440 ± 35	Le-5582a	почва
5	6320 ± 35	Le-5582б	почва
5	5920 ± 90	Le-5479	кость
5	5890 ± 105	Ki-955	древесный уголь
4	6300 ± 90	Le-5482	кость
4	5060 ± 230	Le-5340	кость
3	4360 ± 100	Vln-1177	древесный уголь
2	5290 ± 260	Le-5327	древесный уголь
2	4830 ± 90	Le-5387	древесный уголь

Древнейшие даты связаны со слоем 20 — одним из самых нижних в стратиграфической колонке (глубина залегания более 4 м). Он представляет собой тонкую (мощностью до 7 см) суглинистую прослойку, отделенную от нижележащего слоя 21 и залегающего выше слоя 19 стерильными прослоями супеси (Белановская, 1990. С. 21, 36). Ниже слоя 20 залегают еще три очень тонких, культурных слоя (21—23) мощностью 4—6 см, аналогичных литологически и близких по составу находок слою 20, пока не имеющие дат.

Полученные даты С-14 показывают, что неолитическая культура, остатки которой зафиксированы в нижней пачке культурных слоев стратифицированного поселения Ракушечный Яр, существовала на этом поселении не менее тысячелетия. Эти данные имеют и существенное методическое значение. Как известно, пачка неолитических слоев Ракушечного Яра, залегающих в толще песчаных и супесчаных отложений, была раскопана (Белановская, 1990. С. 81—86) по тонким, литологически четко различимым слоям, разделяющимся стерильными прослойками.

В этом немалое значение материалов данного памятника для разработки детальной хронологии неолита степного юга России и более обширных территорий. В отличие от автора основных раскопок, Д. Я. Телегин, осуществивший в 1970-е гг. обширные зачистки на Ракушечном Яре, объединил материалы всей нижней пачки культурных слоев (с 23 по 6) в единый 6-й культурный слой (Телегин, 1981). Некоторые авторы (Кияшко, 1994) далее писали даже, что Д. Я. Телегин в данном случае исправил некие ошибки Т. Д. Белановской. Данные по абсолютной хронологии нижних слоев Ракушечного Яра показывают методическую неправомерность «генерализации» стратиграфии этого уникального поселения. Желание объединить материалы нижних слоев вполне объяснимо небольшими размерами площадей этих тонких слоев, вскрытых зачистками, давшими слишком небольшое количество находок, четко связанных с древнейшими этапами заселения памятника.

Раскопки широкой площадью, проведенные за многие сезоны (Белановская, 1972а; 1972б; 1972в; 1973; 1974; 1995) позволили проследить особенности в материалах разных культурных слоев нижней толщи, а хронологические данные, как мы видим, показывают значительные временные отличия между нижними и верхними слоями неолитической пачки, что методически не допускает их механического объединения.

Материалы нижних неолитических слоев Ракушечного Яра поднимают фундаментальную проблему глубокого возраста неолита степной — лесостепной зоны и его важной роли в неолитизации и распространения керамического производства на более северные территории Восточной Европы. Можно отметить, что данные Ракушечного Яра подтверждают позицию Л. Я. Крижевской (1992), отстаивавшей ранне-неолитическую атрибуцию матвеевокурганских материалов, возраст которых, при незначительном количестве находок керамики, казался многим исследователям неправдоподобно ранним. В последние годы другие свидетельства той же направленности получены для ранне-неолитических стоянок с архаической керамикой т. н. елшанского типа или елшанской культуры (Мамонов, 1999), открытой в лесостепи юго-востока европейской России. Первые ее памятники были открыты в 1970-х гг. (Васильев, Пенин, 1977). Группы стоянок известны в лесостепном Заволжье, памятники ее известны и на правобережье Волги, и в бассейне Мокши (Мамонов 2000. С. 147—148; Ставицкий, 1999). Масштабные раскопки произведены Н. Л. Моргуновой (1995) на стоянке Ивановская. Серия образцов раковин из культурного слоя стоянки Чекалино 4 (на р. Сок, Самарская обл.) дала чрезвычайно ранний возраст: 8990 ± 100 , 8680 ± 120 , 8050 ± 120 , 7950 ± 130 , 8000 ± 120 , 7940 ± 140 л. т. н. без калибровочных коррекций (Ле-4781, ГИН-7085, Ле-4783, ГИН-7086, Ле-4782, Ле-4784). Сходные даты имеются и для некоторых других памятников этой культуры (Timofeev, Zaitseva, 2000. P. 54). Данные спорово-пыльцевого анализа Е. А. Спиридоновой относят елшанские материалы к бореальному климатическому периоду (Мамонов, 1995. С. 23). Технологические и типологические особенности елшанской керамики, заметные мезолитические элементы в кремневом инвентаре, подтверждают ранний возраст памятников. Материалы древнейших комплексов ракушечной культуры имеют несколько более развитый облик. Серийные даты нижних неолитических слоев Ракушечного Яра, в целом хорошо следующие стратиграфической последовательности, и даты памятников елшанской культуры Заволжья, показывают,

что неолит степи и лесостепи Восточной Европы следует относить к значительно более глубокому времени, чем это предполагалось еще 20 лет назад. Представляется, что материалы нижних слоев Ракушечного Яра и более ранние елшанские находки дополняют друг друга, очерчивая обширную территорию ареала ранней неолитизации в степи — лесостепи на юго-востоке Восточной Европы.

Рассматривая проблему связей неолита Юга и Севера (лесной зоны Восточной Европы) можно отметить, что в орнаментации различных типов ранненеолитической керамики лесной полосы Восточной Европы наблюдается как бы различные сочетания, различные комбинации довольно ограниченного числа элементов и мотивов орнамента, причем эти исходные элементы впервые появляются в разных культурных комплексах степной и лесостепной зоны. Так, техника раздельно поставленного треугольного накола характерна также для древнейших керамических комплексов Центральной России (Цетлин, 1996. С. 161), орнаментация оттисками рыбьего позвонка, «отступающая лопаточка», оттиски в виде римской цифры I (Белановская, 1995. С. 102—103) возможно, впервые в Восточной Европе проявляются в материалах нижней пачки неолитических слоев Ракушечного Яра. Первые проявления других элементов — например шиповидное дно сосудов, впоследствии характерное для ряда Балтийских культур, узор из сетки прочерченных линий, «жемчужный орнамент» и некоторые другие — появляются раньше всего на елшанской керамике. Можно предположить, что сложение первых керамических стилей лесной полосы Восточной Европы, появившихся в разных частях этой огромной территории в период от 7200—7000 л. т. н. (верхневолжская культура) до 6600—6400 л. т. н. (неолит Прибалтики, Карелии, юга Финляндии и смежных регионов) произошло в результате инфильтрации на север небольших групп населения разного происхождения, их взаимодействия между собой и с аборигенным позднемезолитическим населением. В процессе осуществления этих контактов и взаимодействий, скорее всего, важную роль должны были иметь экзогамные связи (Формозов, 1959. С. 114—115). Это обеспечивало устойчивость определенных направлений контактов, очерчивало их территорию (т. е. территорию обитания родственных групп населения), вело к распространению и устойчивости вхождения в быт керамического производства, имеющего определенные и закрепляющиеся особенности. Видимо, таким был механизм сложения устойчивых, долго существовавших и ставших традиционными для обширных общностей населения керамических стилей. Особой темой является раннее проявление в неолите Ракушечного Яра элементов производящего хозяйства, возможно, также как плоское дно и форма некоторых сосудов, связанное с кавказскими влияниями, где раннее появление земледелия и скотоводства убедительно доказано, прежде всего, материалами Чохского поселения (Амирханов, 1987). Хозяйство неолитического Ракушечного Яра, несомненно, было комплексным (Белановская, 1977а). Наряду с наличием элементов производящего хозяйства, благоприятными условиями для земледелия, наличием уже в нижней пачке неолитических слоев костей домашних животных, прежде всего, крупного рогатого скота, свиньи, овцы (Белановская, 1995. С. 151), отчетливо представлены остатки охотничьей добычи, собирательство документируется мощными скоплениями раковин съедобных моллюсков, а особая роль рыболовства — как сохранившимися костями крупных рыб, так и значительным количеством сетевых грузил, указывающими на развитые коллективные способы ловли рыбы, для которых топографическое положение памятника было весьма благоприятно (Белановская, 1995. С. 149 и сл.). Следует вспомнить, что в лесной полосе именно рыболовство в значительной степени обеспечивало оседлый характер неолитических поселений. Видимо, именно благоприятные условия расположения обеспечили столь длительный период обитания памятника. В целом, на юго-востоке Восточной Европы прослеживается, видимо, особая региональная модель неолитизации, независимая от влияний раннего неолита Балкан, проявляющихся в древнейшей неолитической культуре юго-запада Восточной Европы — буго-днестровской.

Огромные, яркие, хорошо стратифицированные материалы Ракушечного Яра, несомненно очень долго будут привлекать исследователей в поисках полных или частичных аналогий для уточнения хронологического положения памятников разных регионов, при решении многих вопросов, связанных с генезисом и развитием неолитических общностей обширных территорий Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х. А.* Чохское поселение. М., 1987.
- Белановская Т. Д.* Неолитические местонахождения на Нижнем Дону и Северском Донце // XXV Герценовские чтения. Исторические науки. Л., 1972а.
- Белановская Т. Д.* Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр у станицы Раздорской Ростовской области // МИА. № 185. 1972б.
- Белановская Т. Д.* Поселение Ракушечный Яр // АО 1971 года. 1972в.
- Белановская Т. Д.* Хозяйство обитателей неолитического поселения Ракушечный Яр // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973.
- Белановская Т. Д.* К вопросу о влиянии природной среды на материальную культуру в период неолита: (По материалам многослойного поселения Ракушечный Яр на Дону) // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- Белановская Т. Д.* К вопросу о рыболовстве в период неолита на Нижнем Дону: (По материалам поселения Ракушечный Яр) // КСИА. Вып. 141. 1975.
- Белановская Т. Д.* Керамика с накольчатый орнаментом по материалам неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976а.
- Белановская Т. Д.* К вопросу об орнаменте керамики неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1976б.
- Белановская Т. Д.* К вопросу о палеоэкономике неолитических племен Нижнего Дона: (По материалам поселения Ракушечный Яр) // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977а.
- Белановская Т. Д.* Хронологические рамки неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону и методы их определения // КСИА. Вып. 153. 1978а.
- Белановская Т. Д.* Орнаментированные изделия из камня неолитического поселения Ракушечный Яр // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978б.
- Белановская Т. Д.* Поселение Ракушечный Яр // АО 1977 года. 1978.
- Белановская Т. Д.* Поселение времени неолита — энеолита Ракушечный Яр на Нижнем Дону // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. ТД конф. Оренбург, 1980а.
- Белановская Т. Д.* Поселение Ракушечный Яр // АО 1979 года. 1980б.
- Белановская Т. Д.* Охота и рыболовство в неолите: (По материалам поселения Ракушечный Яр) // Труды XI Конгресса ИНКВА. Т. 3. М., 1982.
- Белановская Т. Д.* Орнаментированные изделия из кости и рога неолитического поселения Ракушечный Яр // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
- Белановская Т. Д.* Ракушечная культура времени неолита — энеолита на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Белановская Т. Д.* К вопросу о контактах ракушечной неолитической культуры // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983б.
- Белановская Т. Д.* Поселение Ракушечный Яр — один из эталонных памятников для характеристики степных неолитических культур // Проблемы эпохи неолита степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 1986.
- Белановская Т. Д.* Методика раскопок многослойного поселения Ракушечный Яр времени неолита — энеолита // Полевая археология мезолита — неолита. Л., 1990.
- Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995.
- Белановская Т. Д.* Изделия из кости и рога неолитического — энеолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону // Каменный век Европейских равнин: ТД междунар. конф. Сергиев Посад, 1997.
- Белановская Т. Д.* Хронологическая характеристика многослойного поселения времени неолита и энеолита Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Белановская Т. Д., Телегин Д. Я.* Неолит северо-восточного Приазовья и Подонья // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Васильев И. Б., Пенин Г. Г.* Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья: ТД конф. Куйбышев, 1977.
- Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Главы древней истории Юго-Восточной Европы. Киев, 1969.
- Загорский Ф. А.* Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Рига, 1967.

- Зайцева Г. И., Тимофеев В. И., Семенцов А. А.* Радиоуглеродное датирование в ИИМК РАН: История, состояние, результаты, перспективы // РА. № 2. 1999.
- Кияшко В. Я.* Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону // КСИА. Вып. 192. 1987.
- Кияшко В. Я.* Между камнем и бронзой: (Нижнее Подонье в V—III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов, 1994.
- Костылева Е. Л.* Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. 1994.
- Котова Н. С.* Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Крижевская Л. Я.* Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб, 1992.
- Кукавка С.* Элементы культур неолита лесной зоны в культуре воронковидных кубков на территории Северо-Восточной Польши. Культурно-хронологический аспект // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Левенок В. П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // МИА. № 131. 1965.
- Макаренко Н. Е.* Маріюупільський могильник. Київ, 1933.
- Мамонов А. Е.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Мамонов А. Е.* О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
- Мамонов А. Е.* Ранний неолит. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара, 2000.
- Мовша Т. Г.* О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. № 2. 1961.
- Моргунова Н. Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Ставицкий В. В.* Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.
- Телегин Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
- Телегин Д. Я.* Про неолітичні пам'ятки Подоння і Степово Поволжя // Археологія. Вып. 3. 1981.
- Телегин Д. Я.* К вопросу о территории распространения сурской культуры // Материалы каменного века на территории Украины. Киев, 1984.
- Телегин Д. Я.* Неолитические могильники мариупольского типа. Киев, 1991.
- Телегин Д. Я.* Юг Восточной Европы // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Телегин Д. Я., Нечитайло А. Л., Потехина И. Д., Панченко Ю. В.* Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-черноморского региона. Луганск, 2001.
- Тимофеев В. И.* Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // ТАС. Вып. 3. 1998.
- Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- Цетлин Ю. Б.* Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита: (По данным изучения керамики) // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Kempisty E.* Neolithic cultures of the Forest zone in northern Poland // Problems of the Stone Age in Pomerania. Archeologija Interregionalis. Warszawa, 1986.
- Kukawka S.* Elementy polnocno-wshodnie w rozwoju spoleczenstw kultury puharow lejkowatych na ziemi Chelminskiej // Neolit i poczatki epoki brazu na ziemi Chelminskiej. Torun, 1987.
- Timofeev V. I.* On the problem of the Scandinavian Pitted ware origin and the definition of the Eastern component in this process // Muinasaa Teadus 8. De temporibus antiquissimis ad Honorem Lembit Jaanits. Tallinn, 2000.
- Timofeev V. I., Zaitseva G. I.* The chronology of the Neolithisation of Eastern Europe and the position of the South Russian area in this process // Radiocarbon and Archaeology. Vol. 1, No. 1. 2000.

ИЗУЧЕНИЕ НЕОЛИТА НИЖНЕГО ДОНА, СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО И ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ (историографический обзор)

Географическое расположение Нижнего Дона, Северо-Восточного и Восточного Приазовья, разнообразные и, в целом, благоприятные природно-климатические условия определяли интенсивность и «пестроту» этнокультурных процессов во все исторические периоды. Наличие, среди прочих свидетельств прошлого, многочисленных памятников каменного века определяло то, что проблемы древнейшей истории на протяжении многих лет привлекали внимание ученых. В известной мере это относится к неолитической эпохе, историческое значение которой трудно переоценить. Узловые вопросы становления и развития производящего хозяйства, происхождения и взаимодействия носителей различных культур, периодизации и хронологии памятников определяют значение эпохи и актуальность исследований.

Первые свидетельства о неолите Нижнего Дона появляются еще в 80-х годах XIX в. после исследований А. Яковлевым нео-энеолитического могильника на р. Чир у хут. Ярский. К сожалению, материалы памятника утрачены, а краткое сообщение автора работ мало информативно (Яковлев, 1902. С. 145). В дальнейшем, вплоть до 50-х годов XX в. систематических исследований памятников неолита здесь не проводилось, лишь в фонды музеев иногда поступали отдельные находки.

В конце 40-х и в 50-х годах прошлого века в зоне сооружения Волго-Донского канала были проведены широкомасштабные геологические, и попутно, археологические разведки. Их организатором и участником был известный геолог и энтузиаст-археолог Г. И. Горецкий, открывший большое количество новых памятников каменного века в бассейне Нижнего Дона и в Поманычье. Г. И. Горецкий первым опубликовал данные о собранной им на террасах Дона и Маныча керамике, часть которой он считал неолитической (1948. С. 535—540). В 1952 г. выходит в свет сводка по каменному веку, обобщившая результаты разведок в Подонье и Поманычье. Наряду с бесспорными палеолитическими местонахождениями в Нижнем Подонье и долине р. Маныч были выявлены пункты с микролитическим кремнем — местонахождения у хут. Добровольский, у ст. Цимлянская, у хут. Усть-Быстрый, у ст. Усть-Кундрючья, у хут. Серебровский, у оз. «Гузское», «Овцевод», «Красный Маныч» (Горецкий, 1952. С. 302—319). В соответствии с типологическими представлениями того времени, находки были датированы тарденуазом, т. е. мезолитом. Укрепляло это мнение и отсутствие достоверной неолитической керамики в коллекциях. В настоящее время ясно, что большую часть мезолитических сборов тех лет следует передатировать неолитом и энеолитом. Коллекция керамики, собранная Г. И. Горецким в районе Цимлянского водохранилища, была обработана и опубликована А. А. Формозовым (1954. С. 134—138). Опираясь на результаты сравнительного анализа с материалами эпохи бронзы (других возможностей тогда просто не было), большую часть неизвестной ранее керамики А. А. Формозов охарактеризовал как неолитическую. На основе этих материалов была выделена цимлянская неолитическая культура (Горецкий, 1955. С. 16). Накопленные данные и последующие исследования заставили пересмотреть первоначальные определения и отнести большую часть находок к энеолитическому времени (Кияшко, 1994. С. 23). В дальнейшем цимлянская культура была переименована в ракушечную, в связи с тем, что эпонимный памятник является опорным нео-энеолитическим поселением в Нижнем Подонье (Белановская, 1983а. С. 10—15). Первые материалы с Ракушечного Яра были собраны в середине 50-х годов краеведом А. Т. Агарковым, а в результате проведенной Т. Д. Белановской в 1959 г. разведки был выявлен культурный слой. Были открыты также новые неолитические местонахождения в долинах Северского Донца и Нижнего Дона (Белановская, 1972а. С. 156—159). Кроме этого, небольшая коллекция маловыразительных кремневых изделий микролитического облика была собрана в 1961 г. геологом Ю. М. Васильевым на правобережье Маныча, близ плотины Веселовского водохранилища (Праслов, 1971. С. 102).

В 1952 г. П. И. Борисовским были проведены разведки памятников каменного века в бассейнах рр. Миус и Тузлов. Наряду со средне- и позднепалеолитическими местонахождениями были выявлены кремневые мастерские с материалами неолитического облика — Марьева гора, Грекова гора, Белояровка, Успенка, Русское, Руссколютино, Лысогорка (Борисовский, 1957. С. 138—144). Материалы большинства памятников включают находки как палеолитического, так и более позднего времени. Исключения составляют несколько мастерских у хут. Машлыкино, где встречены изделия только неолитического облика. Несмотря на малую информативность сборов, показательным является большое количество призматических нуклеусов стандартных форм, наличие топориков и топоровидных изделий. Очень важно и то, что появилась возможность определить круг источников сырья, используемого в неолите, хотя на тот момент поселенческие памятники неолита в Северо-Восточном Приазовье еще не были известны.

Заслуга открытия здесь неолитических поселений и стоянок принадлежит Н. Д. Праслову, работы которого по палеолиту и неолиту стали важным шагом в изучении каменного века региона. В 1959—1960 гг. вблизи пос. Матвеев Курган им были выявлены семь местонахождений неолитического времени, расположенных по берегам древней старицы р. Миус и на первой надпойменной террасе. Четыре обнаруженных памятника (Матвеев Курган I, Матвеев Курган II, Грунтовский I и Грунтовский II) были исследованы стационарно (Праслов, 1964. С. 137—150). Не раскапывались стоянки Староречье I, Староречье II и Степановская. Одним из важных итогов раскопок Н. Д. Праслова является выявление двух культурных слоев на стоянке Грунтовский II. В свете современных, далеко не полных представлений об этапах развития неолита это открытие не потеряло своего значения и поныне. Уровень археологической науки тех лет и относительно небольшой объем коллекций ограничили возможность интерпретации материалов. Тем не менее, Н. Д. Прасловым были верно подмечены черты сходства с материалами памятников Поднепровья и Крыма и правильно определен неолитический возраст стоянок. Открытие группы поселенческих памятников и проведенные раскопки стали первым шагом в исследовании яркого культурного явления, в дальнейшем получившего название матвеево-курганская неолитическая культура.

Интересные материалы были получены в ходе разведки правобережья Западного Маньча, осуществленной Н. Д. Прасловым в 1966 г. (1971. С. 102—107). Типологически выразительные коллекции кремневого инвентаря были собраны на вновь открытых местонахождениях у хут. Курганный, Цыганица I, Цыганица III, Лысая гора. Характерной чертой этих комплексов является наличие большого количества геометрических микролитов — трапеций и сегментов, в том числе, двусторонне обработанных, а также пластин, обработанных пологой ретушью с брюшка. Н. Д. Праслов допускал мезолитический возраст выявленных памятников, не исключая, впрочем, и раннеолитической датировки. Важной заслугой этого исследователя является то, что он правильно определил выявленные на Маньче материалы, как относящиеся к довольно обширному кругу памятников с близкими элементами (двусторонне обработанные микролиты) в инвентаре. Правильно было охарактеризовано и территориальное расположение этих памятников — Северный Кавказ, Западный Прикаспий, Ергенинская возвышенность, Нижнее Поволжье. Дальнейшие исследования подтвердили обоснованность сделанных Н. Д. Прасловым выводов. Материалы, хорошо сопоставимые с маньчскими, были выявлены Л. М. Казаковой в долине р. Мокрая Чумбурка (Восточное Приазовье) в 1961—1963 гг. (Казакова, 1990. С. 24—28). Наиболее интересны находки происходят с местонахождения Красная балка, среди которых определены сегмент, миниатюрные скребки, фрагменты пластинок, некоторые из которых ретушированы. Открытия неолитических памятников стали отправной точкой в обосновании первых научных выводов и оценке перспектив дальнейших исследований.

Следующий важный шаг в изучении неолита и энеолита Нижнего Дона — широкомасштабное стационарное исследование многослойного поселения Ракушечный Яр открытого в 1959 г. Эти работы проводились под руководством Т. Д. Белановской на протяжении 11 полевых сезонов. Были исследованы 23 культурных слоя: 19 неолитических, три энеолитических, два слоя эпохи бронзы (Белановская, 1995. С. 26). Иную точку зрения на стратиграфию Ракушечного Яра обосновывал Д. Я. Телегин, проводивший в 1975 г. небольшие по объему работы на

этом поселении. Объединяя свиту тонких прослоек, Д. Я. Телегин выделил на памятнике шесть археологических слоев (1981. С. 3—13). Последующая послойная характеристика материалов, проведенная Т. Д. Белановской, показала обоснованность ее стратиграфической схемы, которая предоставляла возможность более детального исследования свиты культурных слоев. Материалы памятника нашли отражение в ряде отдельных публикаций, посвященных вопросам хозяйства, быта (Белановская, 1973. С. 11—14; 1975. С. 107—111; 1977. С. 22—28), культа (Белановская, 1972б. С. 262—268), древнего искусства (Белановская, 1978а. С. 201—209; 1983б. С. 158—164), культурно-хронологической интерпретации (Белановская, 1976. С. 5, 6; 1978б. С. 52—56; 1980. С. 21, 22; 1983а. С. 176—182). Итогом исследований стало монографическое издание материалов памятника (Белановская, 1995), что позволило получить довольно полное представление о жизни ракушечнойярсских поселенцев времени неолита — энеолита. Установлены преемственность материальной культуры на различных этапах существования поселения, комплексный земледельческо-скотоводческий характер хозяйства (при сохранении присваивающих форм), выделены этапы развития культуры, обоснованы выводы о возможных направлениях культурных связей. Привлекая широкий круг источников, Т. Д. Белановская делает вывод о наибольших чертах сходства Ракушечного Яра с древностями сурской культуры, подчеркивая, в то же время, своеобразие ракушечнойярсских материалов. Благодаря наличию многочисленной и разнообразной керамики (основной культуроопределяющий компонент), надежной стратиграфии, материалы Ракушечного Яра стали эталонными для степной зоны и активно используются в региональных и межрегиональных этнокультурных и хронологических построениях (Синюк, 1986; Васильев, Выборнов, 1988; Телегин, 1988; Котова, 1994).

Следующим этапом изучения неолита Северо-Восточного Приазовья стало продолжение раскопок поселений Матвеев курган I и Матвеев курган II под руководством Л. Я. Крижевской (1992). Полевые работы велись с 1968 г. и, с перерывами, по 1978 г. До монографического издания материалов памятников в свет вышел ряд научных работ, в которых рассматривались как отдельные (Крижевская, 1972; 1974; 1983а), так и общие (Крижевская, 1973а; 1973б; 1978; 1983б) проблемы изучения неолита указанного региона. Широкомасштабные раскопки хорошо сохранившихся культурных слоев позволили получить выразительные хозяйственно-бытовые и культовые комплексы, значительные коллекции инвентаря и фаунистических остатков. Учитывая специфику инвентаря, наличие слабо развитых форм производящего хозяйства, зачатков керамического производства, Л. Я. Крижевская связала поселения с ранней фазой неолита Северного Причерноморья и выделила своеобразную матвеевокурганскую культуру. Л. Я. Крижевская предполагала генетическую связь матвеевокурганского неолита с гребениковской мезолитической культурой Северо-Западного Причерноморья, и отмечала признаки сходства с сорокской группой памятников буго-днестровской культуры. По вопросу относительной датировки матвеевокурганских поселений альтернативную точку зрения высказал Д. Я. Телегин, который отнес эти материалы к мезолиту (1977. С. 31). Исследование матвеевокурганских древностей стало серьезным шагом в изучении степного неолита. Получены важнейшие свидетельства материальной и духовной культуры древнего общества, существовавшего на этапе появления экономических и производственных новаций, которые в дальнейшем определили содержание неолитической эпохи. Вместе с тем, в степной неолитической зоне матвеевокурганская культура выглядит достаточно локальным и замкнутым явлением. Не совсем ясны истоки ее формирования, этапы дальнейшего развития, ближайшее окружение и культурные связи. Эти вопросы требуют своей дальнейшей разработки.

Еще один неолитический памятник на территории российского Северо-Восточного Приазовья — Платовский Став I — был выявлен и исследован Л. М. Казаковой. Немногочисленная коллекция первоначально характеризовалась как мезолитическая (Казакова, 1973. С. 6, 7). В коллекции присутствуют специфические геометрические микролиты — сегменты с двусторонней обработкой дуги. На этом основании, А. Ф. Горелик связал эти материалы с неолитическим этапом зимовниковской культуры (1997. С. 32 — 36).

Открытие первых местонахождений в бассейне р. Северский Донец связано с упомянутыми выше разведками Г. И. Горецкого. Одна из обнаруженных стоянок — Усть-Быстрая —

была стационарно исследована В. Я. Кияшко в 1972 г. Материалы памятника введены в научный оборот сравнительно недавно (Кияшко, Цыбрий, Цыбрий, 2000. С. 45 — 63; Цыбрий, 2000. С. 88, 89). Снижает информативность значительной коллекции (более 5000 экз.), то, что большинство находок переотложено, а фрагменты керамики единичны. В микро-макролитическом инвентаре выразительны рубящие орудия, геометрические микролиты (трапеции), пластинчатые сколы, серии резцов. Авторами публикации обоснованы культурно-хронологическая близость материалов и вывод о ранне-неолитическом возрасте памятника.

В 1976 г. (хут. Крымский, Усть-Донецкого р-на) А. Н. Геом было исследовано многослойное Самсоновское поселение (Гей, 1983. С. 7—34), расположенное на донском правобережье. Два нижних слоя были отнесены к позднему неолиту — раннему энеолиту ракушечноярского типа.

В 1981 г. под руководством В. Я. Кияшко начались работы на поселении Раздорское 1, которые проводились на протяжении 10 лет. Этот памятник оказался уникальным по количеству археологических слоев разных эпох (Кияшко, 1987. С. 73—79; 1994. С. 26—28). Поселение находится на правом берегу Дона напротив Ракушечного Яра. Нижний (1-й) слабонасыщенный слой содержал неолитические изделия (кремневые изделия, шлифованные топорики, керамику) аналогичные находкам поздних ракушечноярсских слоев. По мнению В. Я. Кияшко, первоначально возникшее на острове поселение, в позднем неолите — энеолите какое-то время сосуществовало с береговым поселком.

Неолитические материалы несколько иного рода происходят из стоянки Раздорская 2, расположенной на правобережье Дона в 5 км ниже по течению от Раздорского 1 и Ракушечного Яра. Исследования на этом памятнике были проведены В. Я. Кияшко и Н. И. Ромащенко в 1989—1993 гг. Материалы частично введены в научный оборот (Кияшко, Ромащенко, 1994. С. 58—69). Из мощного культурного слоя происходит выразительная коллекция кремней раннего облика, шлифованных орудий из мягких пород камня (в т. ч. рубящих), костяных изделий. Отсутствует керамика, но при этом определены домашние виды животных. Авторы раскопок склоняются к мезо-неолитической датировке памятника и обращают внимание на некоторые черты сходства (но не тождественности) с матвеевокурганскими и ракушечноярсскими материалами. В. Я. Кияшко предполагает возможную преемственность Раздорской 2 и Ракушечного Яра. Выявление нового своеобразного бескерамического комплекса является важной предпосылкой вывода о сложности и многокомпонентности становления и развития нижнедонского неолита.

В 1987 г. в низовьях р. Быстрой (левый приток р. С. Донец) А. Е. Матюхиным было открыто многослойное поселение Нижнесеребряковское 1. Стационарные исследования памятника были проведены В. В. Цыбрием в 1997—2000 гг. (Цыбрий В., 2000. С. 88—89; 2002. С. 68—83). Здесь зафиксированы три культурных слоя неолитического времени (с 3-го по 5-й). Несмотря на малочисленность орудий, стратиграфически четкая последовательность слоев позволяет видеть развитие материалов во времени, при сохранении ряда принципиальных общих признаков. От слоя к слою происходит возрастание ширины пластинчатых заготовок, снижается количество орудий на микропластинках, появляются в 4-м слое и получают развитие в 5-м трапеции со струганной спинкой. Установлено сходство кремневых находок с инвентарем Усть-Быстрой, чего нельзя сказать о керамике; единичные фрагменты нижнесеребряковских слоев ближе к Ракушечноярской и прикаспийской посуде. В целом же, материалы и стоянки и поселения обладают набором признаков, позволяющих связать их с кругом памятников донецкой культуры украинского Подонцовья.

Кроме поселенческих памятников, стали известны и новые мастерские с материалами неолитического облика, выявленные А. Е. Матюхиным в бассейне Северского Донца (1994. С. 131—141). Целенаправленного исследования этих памятников не проводилось, хотя такая работа является перспективной в плане определения источников сырья и уточнения форм производственно-хозяйственной деятельности конкретных групп неолитического населения ¹.

¹ Под руководством А. Е. Матюхина в 2003 г. начаты исследования мастерской Лесная 1. См. статью А. В. Орленко в настоящем сборнике.

Неолитические стоянки восточных районов Нижнего Дона географически относятся к его бассейну, но не связаны непосредственно с долиной, а расположены в бассейнах маловодных степных рек. Все памятники выявлены в ходе работ последних лет. В 1994 г. А. В. Цыбрием, Н. И. Ромащенко и В. В. Цыбрием в Милютинском р-не Ростовской обл. открыты местонахождение на р. Березовая у хут. Степано-Савченское (Цыбрий С., 2002. С. 89, 90) и стоянка Кременная 2 на р. Гнилая у хут. Золотовский (Цыбрий, Цыбрий, 1997. С. 18—20). В 1999 г. у хут. Золотовский В. В. Цыбрием выявлена стоянка Кременная 3, а В. В. Трубниковым — местонахождение Золотовское (Трубников, 2002. С. 123). Разведками 1999 г. в Обливском р-не Ростовской обл. на берегах р. Чир выявлены местонахождения Обливское и Машинское. Все эти памятники имеют близкие технико-типологические показатели кремневого инвентаря. Стационарно исследованы две стоянки — Кременная II и Кременная III.

Стоянка Кременная II исследована А. В. Цыбрием на площади около 700 м². Кремневые изделия (около 4000 экз.) представляют собой, по всей видимости, единый культурно-хронологический комплекс, характерными чертами которого являются микролитовидность и пластинчатость, широкое применение приема фрагментации пластинчатых сколов, разнообразие форм геометрических микролитов специфического облика. Керамика малочисленна и невыразительна. В составе фауны определены лошадь и крупный рогатый скот. Абсолютные даты указывают на конец VII — первую половину VI тыс. до н. э., как на наиболее вероятное время существования стоянки. В культурном отношении Кременная II близка памятникам нижневолжской историко-культурной области эпохи неолита (Цыбрий, Горелик, в печати).

Более поздним, и, возможно, переходным к энеолиту является комплекс стоянки Кременная III, которая расположена в непосредственной близости от стоянки Кременная II. Вскрытая площадь — около 300 м² (раскопки В. В. Цыбрия) (Цыбрий, Цыбрий, в печати). В коллекции памятника почти 2000 каменных изделий. По сравнению с Кременной II происходит увеличение размеров пластинчатых заготовок, более развита вторичная обработка, богаче становится орудийный набор, включающий двусторонне обработанные и шлифованные изделия. В то же время сохраняются и общие черты: выраженная пластинчатость, специфический набор геометрических микролитов, близкие типы орудий. Керамика стоянки немногочисленна и не выразительна, но разнотипна. В составе фауны определены лошадь и крупный рогатый скот. Обнаружено медное изделие. Сочетание архаичных и развитых черт в инвентаре, свидетельствуют в пользу поздненеолитического возраста стоянки, материалы которой имеют параллели в неолите Северного Прикаспия, Поволжья и Восточного Приазовья. По совокупности данных, вероятно, следует относить стоянку к нижневолжской неолитической области на финальной стадии ее существования.

В середине 90-х гг. прошлого века активную деятельность по выявлению памятников археологии в долине Маныча развернул местный краевед В. А. Симоненко, которым была проведена большая работа по выявлению и картографированию памятников археологии. Помимо прочих древностей, в окрестностях хут. Юловский были обнаружены одна стоянка верхнего палеолита и несколько местонахождений с материалами мезо-неолитического облика (Симоненко, 1997. С. 183). В коллекциях этих местонахождений обращают на себя внимание уже известные по предыдущим исследованиям формы — двусторонне обработанные геометрические микролиты, сегменты и трапеции. На левом берегу р. Маныч сотрудниками Археологического научно-исследовательского бюро (г. Ростов-на-Дону) в 1997 г. обследовано новое местонахождение Кирпичное II. Авторами публикации была отмечена близость выявленных находок к ранее известным в долине Маныча материалам (Глебов, Цыбрий, 2000. С. 63—73). Небольшая коллекция изделий неолитического облика собрана и на правобережье Маныча И. Н. Парусиновым (1997. С. 32).

С 1998 г. активные разведочные и стационарные работы проводятся в долине р. Рассыпная и Б. Егорлык в Песчанокопском р-не Ростовской обл. В 1998 г. В. В. Цыбрием были проведены стационарные исследования стоянки каменного века Рассыпная I (Цыбрий, Цыбрий, 2000. С. 31—44). В результате работ выявлена относительно небольшая коллекция микролитовидных кремневых изделий, в составе которой отмечены конические нуклеусы, скребки, сег-

мент, пластинки с ретушью, а также фрагмент пластинки из обсидиана. В этом же году А. В. Цыбрием в долине р. Рассыпная была проведена разведка, в результате которой были выявлены 10 местонахождений с материалами мезо-неолитического облика (Цыбрий, Цыбрий, 2000. С. 31—44). Два памятника — стоянки Жуковская 2 и Рассыпная VI были исследованы стационарно А. В. Цыбрием в 2000 и 2002 гг. (Цыбрий, 2000. С. 86, 87; Цыбрий, Цыбрий, в печати)². В коллекциях этих памятников присутствуют разнообразные типы геометрических микролитов (трапеции, сегменты, в том числе, двусторонне обработанные, параллелограммы, нуклеусы, остря, пластины с «сероглазовской» ретушью, изделия из обсидиана, двусторонне обработанные наконечники. В фаунистических комплексах стоянок доминируют кости крупного рогатого скота при минимальном количестве диких видов. Существенные аналогии отмечены в керамических комплексах стоянок. Несколько пунктов с материалами, близкими выявленным на Маныче и на Рассыпной, обнаружены на р. Большой Егорлык в Сальском р-не Ростовской обл. (Цыбрий, 2002. С. 84—88).

Необходимо отметить, что материалы памятников Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья привлекаются для решения проблем реконструкции древних технологий (Гиря 1997. С. 92—100), абсолютной хронологии неолита (Зайцева, Тимофеев, 1997. С. 113; Белановская, 2000. С. 7, 8; Тимофеев, 2000. С. 81), палеоэкологии (Спиридонова, 1991). Завершая историографический обзор, необходимо дать общую оценку основным результатам, которые были достигнуты и тем проблемам, которые еще предстоит разрешить. Начавшись со случайных находок и небольших подъемных коллекций, полувековые исследования неолита Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья привели к открытию важных археологических источников, на основе которых стала возможна реконструкция исторических процессов древности. Стали известны памятники позднего каменного века практически на всей территории указанного региона. В хронологическом плане представлены материалы раннего, среднего и позднего этапов неолита. Стало очевидным, что неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья в культурном отношении неоднороден. На территории Северо-Восточного Приазовья расположены памятники матвеевокурганской и своеобразной зимовниковской культур, на Нижнем Дону выделена ракушечноярская нео-энеолитическая культура, граничащая с неолитическими памятниками бассейна Северского Донца. В восточных районах Нижнего Дона стали известны памятники, относящиеся к нижневолжской историко-культурной области эпохи неолита. Наряду с памятниками, культурно-хронологическая позиция которых достаточно очевидна, выявлены и материалы, место которых в неолите Нижнего Дона еще предстоит определить (Раздорская 2). Культурная неоднородность неолита является вполне закономерной, если учитывать природно-географическое своеобразие региона, которое определяется наличием крупных водных бассейнов и разнообразными, но, в целом, благоприятными климатическими условиями.

Несмотря на значительные достижения в исследовании неолита региона многие проблемы еще ждут своего разрешения. Прежде всего, фактически не решен вопрос генезиса многих культурных образований позднего каменного века. Памятники предшествующего мезолитического периода пока не выявлены. Сказывается и определенная неравномерность исследований. Так, в Северо-Восточном Приазовье известны памятники только ранне-неолитического периода, а на Нижнем Дону, напротив, исследованы преимущественно памятники развитого и позднего этапов неолита. В большинстве своем материалы выявлены в долинах крупных рек и в меньшей степени внимание исследователей привлекали прилегающие к рекам степные районы. Отсутствуют сведения о неолите северных районов Нижнего Подонья. Много нерешенных вопросов, связанных с интерпретацией уже введенных в научный оборот материалов. Не до конца выяснены вопросы межкультурного взаимодействия и взаимовлияния известных культурных образований. Актуальной остается проблема проверки и уточнения данных абсолютной хронологии для большинства неолитических памятников региона. Решение этих и иных проблем напрямую связано с продолжением исследований памятников неолита Нижнего Дона Северо-Восточного и Восточного Приазовья.

² См. также статью А. В. Цыбрия в настоящем сборнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановская Т. Д.* Неолитические местонахождения на Нижнем Дону и Северском Донце // XXV Герценовские чтения: Исторические науки. Л., 1972а.
- Белановская Т. Д.* Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр станицы Раздорской Ростовской области // МИА. № 185. Л., 1972б.
- Белановская Т. Д.* Хозяйство обитателей неолитического поселения Ракушечный Яр // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973.
- Белановская Т. Д.* К вопросу о рыболовстве в период неолита на Нижнем Дону // КСИА. Вып. 141. 1975.
- Белановская Т. Д.* Керамика с накольчатым орнаментом по материалам неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Кубышев, 1976.
- Белановская Т. Д.* К вопросу о палеоэкономике неолитических племен низовьев Дона // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977.
- Белановская Т. Д.* Орнаментированные изделия из камня неолитического поселения Ракушечный Яр // Проблемы археологии. Т. 2. Л., 1978а.
- Белановская Т. Д.* Хронологические рамки неолитического поселения Ракушечный Яр на нижнем Дону и методы их определения // КСИА. Вып. 153. 1978б.
- Белановская Т. Д.* Поселение времени неолита-энеолита Ракушечный Яр на Нижнем дону // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980.
- Белановская Т. Д.* Ракушечная культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983а.
- Белановская Т. Д.* Орнаментированные изделия из кости и рога неолитического поселения Ракушечный Яр // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983б.
- Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995.
- Белановская Т. Д.* Хронологическая характеристика многослойного поселения времени неолита и энеолита Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Борисковский П. И.* Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье // Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. Вып. 1. Таганрог, 1957.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1988.
- Гей А. Н.* Самсоновское поселение // Древности Дона. М., 1983.
- Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макро анализа древних орудий труда. Часть 2. СПб, 1997.
- Глебов В. П., Цыбрий А. В.* Сборы на левобережье Маныча // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов, 2000.
- Горелик А. Ф.* Сложение донецкой культуры и некоторые методологические проблемы «неолитизации» мезолитических культур // Древности Подонцовья. Луганск, 1997.
- Горецкий Г. И.* Новые стоянки неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Маныча как геологические документы // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 80. Вып. 5. Л., 1948.
- Горецкий Г. И.* Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // СА. № 16. 1952.
- Горецкий Г. И.* О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных осадков // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 20. М., 1955.
- Зайцева Г. И., Тимофеев В. И.* Радиоуглеродные даты памятников мезолита — энеолита юга Европейской России и Сибири // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб, 1997.
- Казакова Л. М.* Новые мезолитические местонахождения на Нижнем Дону // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973.
- Казакова Л. М.* Местонахождение каменного века в Азовском районе // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 10. Азов, 1990.
- Кияшко В. Я.* Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // КСИА. Вып. 192. 1987.
- Кияшко В. Я.* Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V—III тыс. до н. э.) // Донские древности. Азов, 1994.
- Кияшко В. Я., Ромащенко Н. И.* Раздорское 2 — новое местонахождение каменного века на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 13. Азов, 1994.
- Кияшко В. Я., Цыбрий В. В., Цыбрий А. В.* Раннеэнеолитические материалы стоянки Усть-Быстрая на Северском Донце // Археологические записки. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000.

- Котова Н. С.* Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-Донское междуречье) // Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України. Вип. 1. Луцьк, 1994.
- Крижевская Л. Я.* Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев Курган II // КСИА. № 131. 1972.
- Крижевская Л. Я.* Новые исследования неолита Приазовья // КСИА. № 137. 1973а.
- Крижевская Л. Я.* К вопросу о неолите Северного Приазовья // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973б.
- Крижевская Л. Я.* К вопросу о формах хозяйства у неолитического населения Северо-Восточного Приазовья // Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
- Крижевская Л. Я.* К вопросу о нижней границе неолита степей Северо-Восточного Причерноморья // КСИА. № 153. 1978.
- Крижевская Л. Я.* Некоторые данные о древнейшей керамике степей Причерноморья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983а.
- Крижевская Л. Я.* Нижняя граница и хронология неолитических памятников Северо-Восточного Приазовья // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983б.
- Крижевская Л. Я.* Начало неолита в степях северного Причерноморья. СПб, 1992.
- Матюхин А. Е.* Новые палеолитические памятники в бассейне Северского Донца // РА. № 1. 1994.
- Парусимов И. Н.* Археологические раскопки в Ремонтненском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1. Новочеркасск, 1997.
- Праслов Н. Д.* К вопросу о неолите Северо-Восточного Приазовья // Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1964.
- Праслов Н. Д.* Памятники каменного века Южных Ергеней // КСИА. Вып. 126. 1971.
- Синюк А. Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
- Симоненко В. А.* К археологической карте Сальского района Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.
- Спиридонова Е. А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. М., 1991.
- Телегин Д. Я.* О критериях выделения мезолитических памятников на Юго-Западе СССР // КСИА. Вып. 149. 1977.
- Телегин Д. Я.* Про неолитичні пам'ятки Нижнього Подоння і Степового Поволжя // Археологія. Вып. 36. Київ. 1981.
- Телегин Д. Я.* Области культур эпохи неолита юга европейской части СССР, их хронология и периодизация // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988.
- Тимофеев В. И.* Радиоуглеродные даты и проблемы неолитизации Восточной Европы // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Трубников В. В.* Итоги археологической разведки в Милютинском районе // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 18. Азов, 2002.
- Формозов А. А.* Неолитическая керамика Нижнего Подонья // КСИИМК. Вып. 53. 1954
- Цыбрий А. В.* Новые неолитические памятники на юге Ростовской области // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Цыбрий А. В.* Новые материалы каменного века в долинах рек Рассыпная и Большой Егорлык // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2002.
- Цыбрий А. В., Цыбрий В. В.* Стоянка Кременная II // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 1997.
- Цыбрий А. В., Цыбрий В. В.* Памятники каменного века в бассейне р. Рассыпной // Археологические записки. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000.
- Цыбрий А. В., Горелик А. Ф.* К вопросу о западной границе Нижневолжской историко-культурной области эпохи неолита. В печати.
- Цыбрий В. В.* Неолитические памятники низовьев Северского Донца // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Цыбрий В. В.* Материалы неолита, энеолита и поздней бронзы поселения Нижнесеребряковское I в низовьях Северского Донца // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2002.
- Цыбрий С. В.* Местонахождение Степаносавченское I // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2002.
- Яковлев А.* Плоские могилы каменного века на р. Чир в Донской области // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Т. 1. 1902.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ СТОЯНКИ РАЗДОРСКАЯ 2 НА НИЖНЕМ ДОНУ

Неолитическая стоянка Раздорская 2 расположена у одноименной станицы (Усть-Донецкий р-н Ростовской обл.) на правом берегу р. Дон, вблизи известных многослойных поселений Ракушечный Яр и Раздорское 1. В 1989—1993 гг. на размываемых участках памятника были проведены охранные раскопки под руководством В. Я. Кияшко и Н. И. Ромащенко. Полученные материалы частично были введены в научный оборот (Кияшко, Ромащенко, 1994. С. 58—70). В 2003 г. исследования были продолжены под руководством В. В. Цыбрия. В мощном (более 1 м), культурном слое памятника, состоящего из многочисленных прослоек раковин, гумуса, обильных продуктов горения, выявлены многочисленные и разнообразные находки из кремня, камня, кости, а также кости животных, птиц, рыб. Вскрытые напластования не имеют стерильных прослоек, а материалы памятника типологически выглядят единовременными. Они относятся к докерамическому этапу развития неолита, поскольку на памятнике нет глиняной посуды, но его обитатели уже знали домашних животных и широко использовали развитую технику шлифования мягких пород камня, прежде всего, для получения рубящих орудий. По эти признакам Раздорская 2 выглядит своеобразным явлением среди неолитических памятников Нижнего Подонья и сопредельных территорий, хотя и имеет некоторые параллели в материалах матвеевокурганской и ракушечной культуры. Еще одной важной чертой стоянки является наличие большого количества разнообразных костяных изделий, хорошо сохранившихся в культурном слое. Развернутому обзору этой важной категории инвентаря и посвящена настоящая работа. Здесь необходимо оговориться, что данная публикация является предварительной в том смысле, что исследования памятника еще не закончены и пока не получены трасологические определения, которые, вероятно, увеличат количество видов и приемов обработки, типов орудий и детализируют функции последних. На данный момент в коллекции учтены и обработаны 348, исключая некоторые фрагменты, изделий.

Техника обработки кости на Раздорской 2 включает в себя следующие виды: резание, строгание, абразивное истирание, полировка, сверление. В качестве основного поделочного материала использовались трубчатые кости животных, редко — кости птиц и рога¹.

Заготовки, отходы производства, невыразительные обломки изделий. В коллекции многочисленны (66 экз.) обломки костей, обработка которых иллюстрирует процесс получения заготовок для разнообразных поделок. Преимущественно, это следы продольного расчленения кости резцом. Прорезанный желобок, треугольный или трапециевидный в сечении имеет на стенках характерные полосы от последовательного неоднократного проведения инструмента (рис. 1, 1—4). Кость прорезали на большую часть толщины стенки и затем расщепляли, вероятно, при помощи каких либо клиньев или долот. В случаях, когда требовалось получение узкой заготовки, резали два и больше параллельных желобка. Поперечное расчленение кости встречается реже, оно также производилось резцом, но желобок делали неглубоким, после чего кость отламывали или отбивали. Некоторые фрагменты костей несут следы и продольного и поперечного резания. Подобные приемы резцового расчленения кости, описаны в специальных работах (Семенов, 1957. С. 188—190). Как видно, основной целью такой операции было получение в качестве заготовок удлиненных костяных пластин и четырехгранных по форме стержней (рис. 1, 5, 6). Выявлено 30 таких стержней-заготовок со следами их вырезания резцом и признаками дальнейшей, незавершенной обработки: строгания, шлифования. Очевидно, что подобные заготовки использовались для дальнейшего производства наиболее массовых орудий — разнообразных острий. Многочисленны невыразительные обломки кости с разнообразными признаками намеренного воздействия (76 экз.) Это прямые и волнообразные неглубокие линейные следы (возможно от резца или струга), абразивная обработка, полировка. Частью это,

¹ В публикацию также включена небольшая серия орудий из раковин.

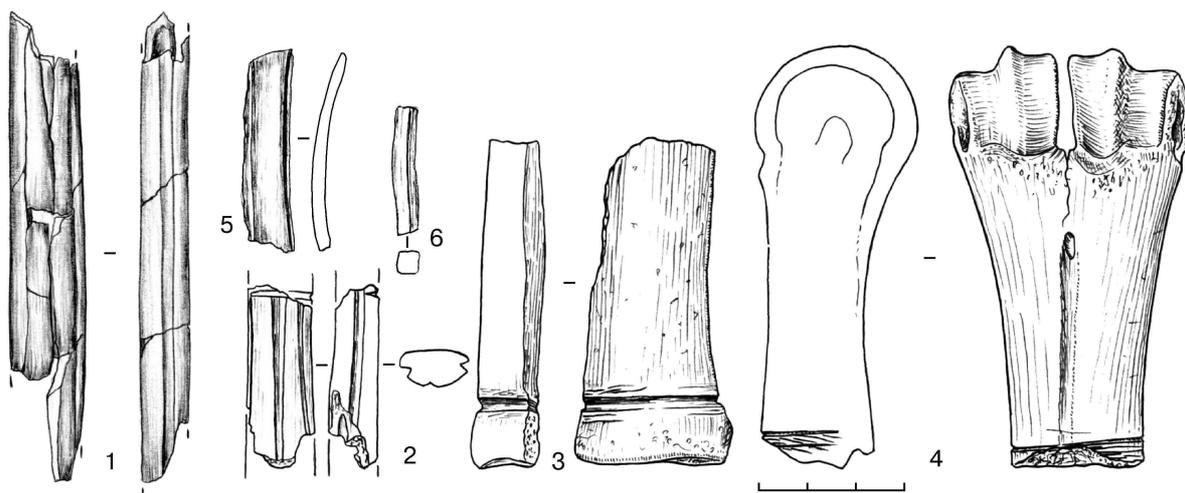


Рис. 1. Стоянка Раздорская 2: 1 — 6 — кость со следами расчленения.

видимо, обломки заготовок и производственные отходы. Фрагменты кости с абразивным истиранием и полировкой, скорее являются осколками готовых или почти готовых изделий. Свидетельством описанной технологии служат обнаруженные на стоянке многочисленные и разнообразные каменные абразивы, которые в этой статье не рассматриваются.

Острия. В культурном слое стоянки выявлено большое количество костяных острий, которые по характеру обработки и конечной форме разделяются на две группы. К первой группе относится большая часть фрагментированных и целых острий, отличающихся тщательной обработкой всей поверхности, прямизной, симметрией, устойчивостью форм, наличием орнамента. Скорее всего, эти изделия являются наконечниками стрел и, видимо, дротиков. Косвенным подтверждением этого мнения служит отсутствие четко обозначенной группы кремнёвых наконечников, особенно разительное на фоне богатого набора охотничьих топориков из камня и кремня. Именно для таких костяных наконечников исходными заготовками служили вырезанные резцом четырёхгранные стержни, в дальнейшем выравниваемые строганием². Конечную форму наконечнику придавали абразивной обработкой и, в ряде случаев, полировкой. Следы абразивного истирания хорошо прослеживаются в виде тонких линейных следов. Эти приемы достаточно стандартны и хорошо проиллюстрированы в литературе (Филиппов, 1978. С. 24—26). Целых наконечников немного и это пока не позволяет выработать их детальную типологию. Наиболее многочисленным видом являются уплощенные острия удлиненных пропорций — 21 экз. (рис. 2, 1—16). При общем сходстве они, тем не менее, достаточно индивидуальны, поэтому выделение устойчивых типов пока проблематично. По форме выделяются: наконечники с расширяющимся к насаду туловом; наконечники с прямым туловом и выделенным перегибом к жалу; наконечники, плавно суженные к обоим концам. В тех случаях, когда насады сохранились они, как правило, заужены и довольно сильно уплощены. В меньшей степени утончалось тулово, а основание жала почти всегда оставалось округлым в сечении. Практически всегда уплощение достигалась истиранием с одной стороны, в то время как другая оставалась выпуклой. Похоже, что иногда на морфологию предмета влияли размеры. Более крупные наконечники не могли быть округлыми в сечении, мешала недостаточная толщина стенок используемой в качестве сырья трубчатой кости, поневоле требовалось уплощение.

Девять изделий орнаментированы. В четырех случаях это прорезанные одинарные продольные линии (рис. 2, 7, 8, 15), которые из-за малой глубины нельзя считать пазами для вкладки. От случайных следов и царапин их отличает большая глубина желобка, четкость, прямизна, продольная ориентация. Взятый в отдельности, этот орнаментальный прием не особенно

² На поверхности многих предметов присутствуют достаточно глубокие продольные линейные следы, которые могли остаться от строгальных ножей.

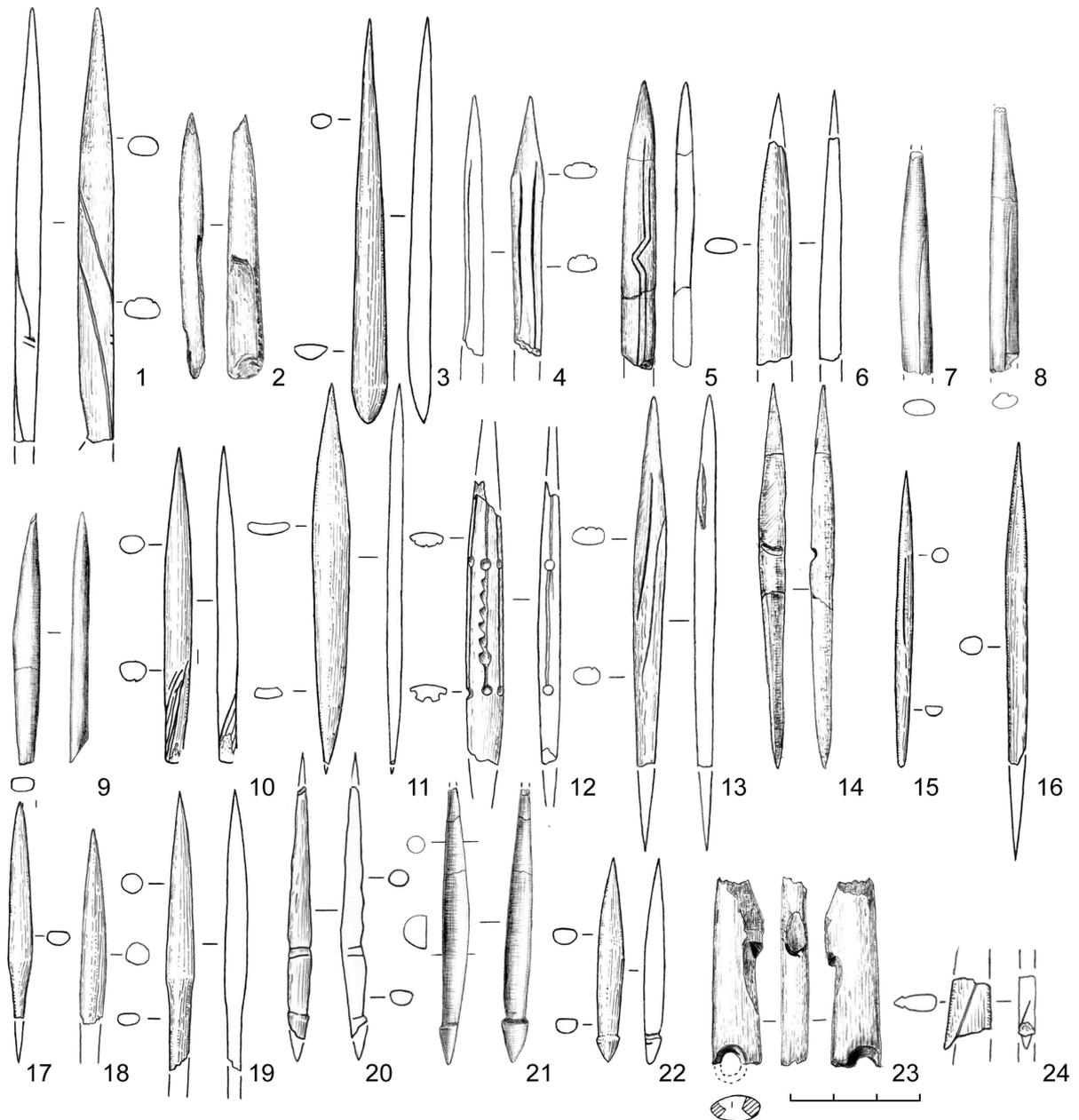


Рис. 2. Стоянка Раздорская 2: 1 — 24 — костяные наконечники.

выразителен, но в других случаях он выступает как элемент более сложных композиций. Таки-ми же, но парными параллельными линиями украшены два наконечника, на одном из которых прорезанные желобки слабо скошены относительно длинной оси (рис. 2, 4, 13). Еще на одном изделии более тщательно выполненные сдвоенные врезанные линии, изгибаясь в центральной части, образуют шеврон (рис. 2, 5). Самый крупный наконечник (дротика?) украшен наклонными, слабо извилистыми параллельными желобками, которые переходят на боковую сторону изделия, где несколько изгибаются к низу вдоль длинной оси (рис. 2, 1). В одном случае орнамент комбинированный. На поверхности и боковых гранях фрагментированного острия прорезаны три продольные прямые линии. В торцевой части наконечника они завершаются тремя высверленными углублениями. Аналогичный ряд из трех углублений, совмещенных с линиями, повторяется в средней части предмета. На участке между сверлинами центральному желобку гравировкой приданы односторонне волнистые очертания (рис. 2, 12). Заметим, что орнамент на этом симметричном, хорошо отполированном острие выделяется сложностью и тщательностью выполнения.

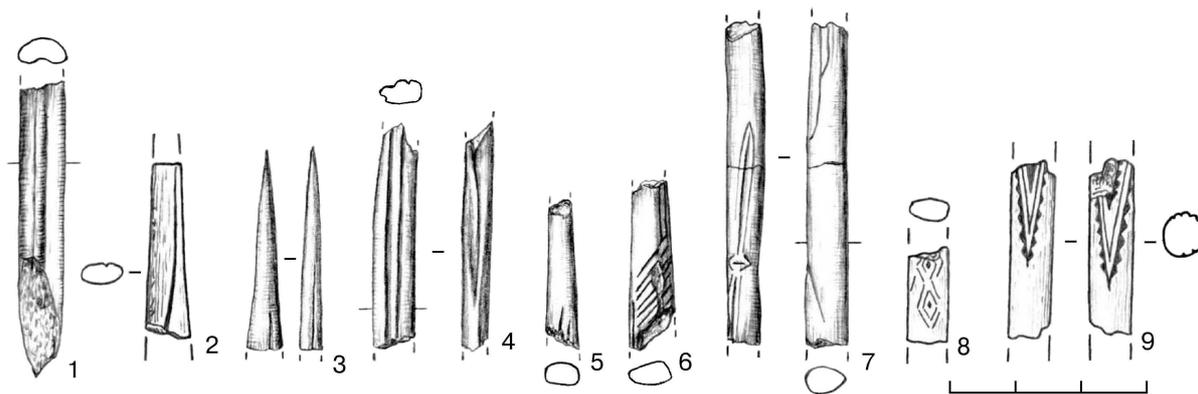


Рис. 3. Стоянка Раздорская 2: 1—9 — фрагменты костяных наконечников с орнаментом.

Второй вид наконечников — это изделия укороченных пропорций с выделенным насадом — 5 экз. (рис. 2, 17—19). В отличие от жала, насады отделены от тулова небольшим перегибом. При относительно небольших размерах эти острия несколько более объемны и имеют меньший угол заострения жала, чем у большинства выше описанных наконечников. Большая часть изделий фрагментирована, но судя по одному, почти целому, экземпляру, окончание насада заужено и уплощено (рис. 2, 17).

В отдельный тип следует выделить асимметрично сточенные наконечники (?) с выделенным полуконическим основанием — 3 экз. (рис. 2, 20—22). Эти острия отличаются от других выраженной асимметрией вследствие одностороннего стачивания нижней части изделия. Полуконические основания образованы круговым строганием и подрезанием. По отношению к сточенной плоскости (очевидно, предназначенной для крепления к древку) жало наконечника направлено в сторону. Это позволяет предположить не самостоятельное использование таких изделий, а как боковое острие составного орудия. В качестве этнографической параллели можно привести чукотский дротик (шатину) для битья птицы, где боковые наконечники имеют совершенно аналогичную форму (Богораз, 1991. С. 80, рис. 57, а).

Кроме целых и относительно целых наконечников, в коллекции довольно много их фрагментов, которые выделяются по тщательности обработки, характерному уплощению, зауженным очертаниям (67 экз.). Кроме обломков с характерным уплощением, присутствуют округлые в сечении фрагменты относительно большого диаметра. Некоторые обломки орнаментированы. В восьми случаях это одинарные продольные, а в двух случаях — сдвоенные врезанные линии, аналогичные вышеописанным на целых остриях (рис. 3, 1—5). На одном фрагменте сдвоенные линии слабо скошены относительно длинной оси изделия. В четырех случаях орнамент композиционно более сложный. 1). Врезанные продольная линия на поверхности и сдвоенные линии на боковой грани, пространство между которыми заполнено поперечными, скошенными параллельными нарезками (рис. 3, 6). При этом одинарная линия расположена над косыми нарезками, а сдвоенная смыкается с крайними из них. 2). «Пропеллеровидный» орнамент из прямых и изогнутых врезанных линий (рис. 3, 7). Последние, смыкаясь, образуют «лопасти», по внутреннему полю которых проходит более глубокий прямой желобок. Изгибаясь в месте стыка лопастей под углом, внешние линии образуют в центре подобие ромба, в середине которого сделана небольшая поперечная насечка. 3). Ромбический орнамент из смыкающихся фигур, образованный слабо прорезанными сдвоенными линиями, где линия внешнего контура одного ромба продолжает внутренний контур второго (рис. 3, 8). В центре ромбов нанесены точечные углубления. 4). Орнамент, представляющий собой две, расположенные рядом композиции из вложенных четко прорезанных углов, остриями направленных вдоль длинной оси изделия (рис. 3, 9). Линиям, образующим внешние и, в одном случае, внутренний углы, гравировкой придана волнистость. Этот прием идентичен гравировке на вышеописанном острие с комбинированным прорезанным и сверленным орнаментом. Необходимо подчеркнуть симметрию, тонкость и тщательность нанесения изображения.

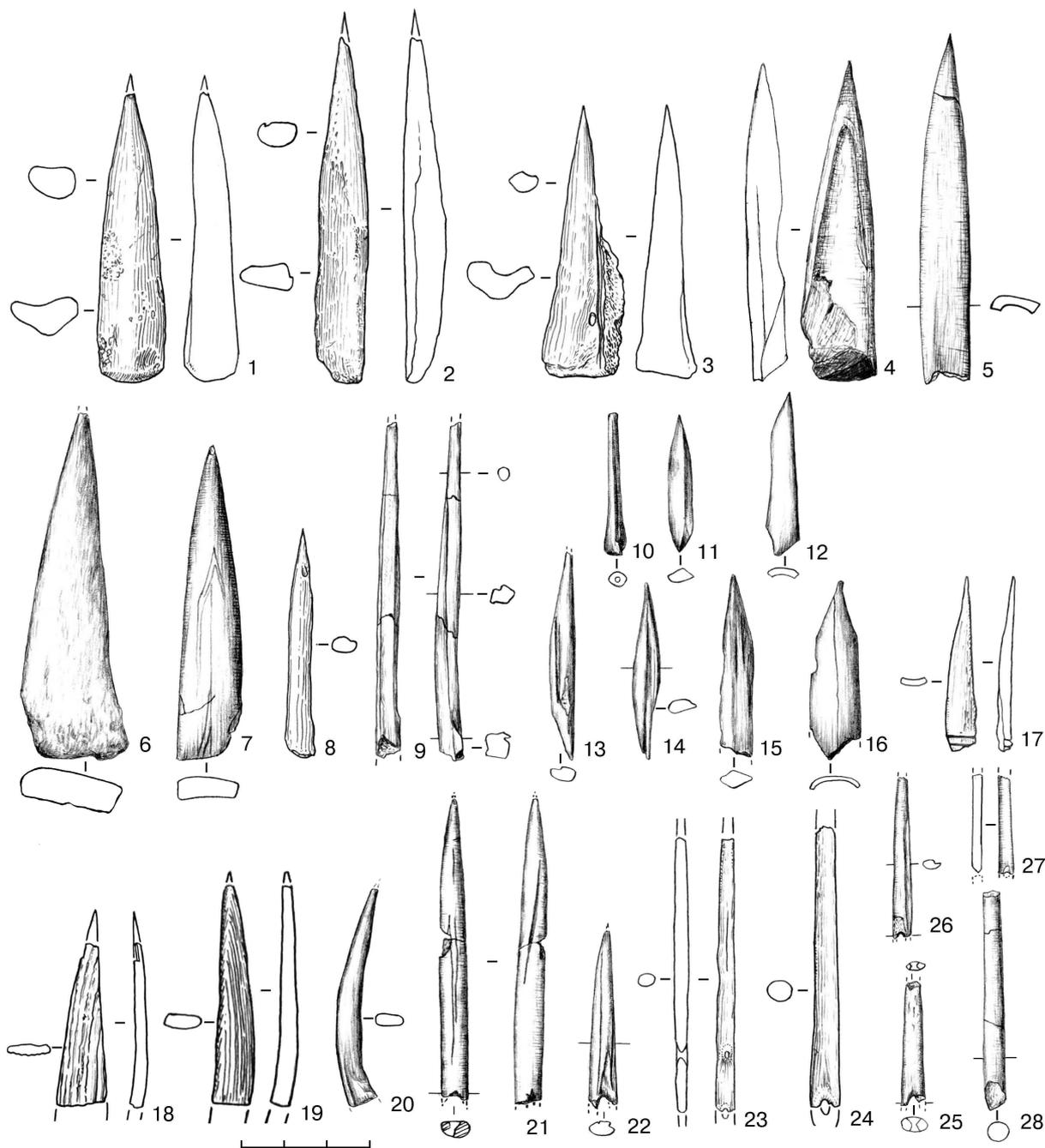


Рис. 4. Стоянка Раздорская 2: 1—20 — шилья, проколки; 21—28 — иглы.
1—17, 21—28 — кость; 18—20 — створки раковин *Ulio*.

Ко второй группе острий относятся изделия с более или менее тщательной отделкой рабочего конца, тогда как остальная поверхность орудия обработана грубовато, частично, либо вообще не обработана (46 экз.). Для этой группы свойственны вариабельность форм и размеров, которые определяются формой любой подходящей заготовки, часто с минимальной дальнейшей подработкой. Использовались как намеренно отчлененные заготовки (в этом случае видны следы продольного и поперечного расчленения резцом), так и заостренные обломки. Окончательное оформление орудий производилось шлифованием на различных абразивах. Основные функции острий достаточно очевидны — проколки, развертки и шилья для работы по мягкому материалу. Большинство их в той или иной степени фрагментированы, но все же

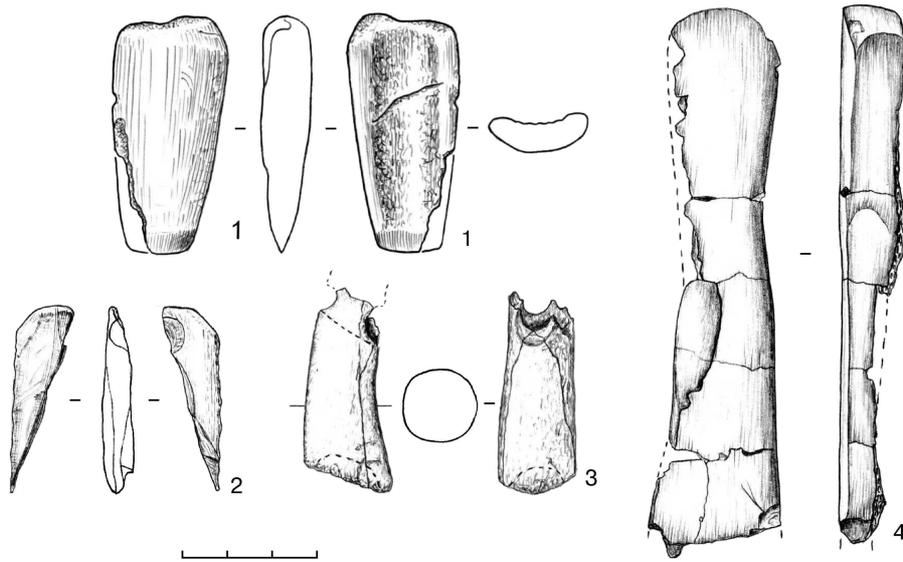


Рис. 5. Стоянка Раздорская 2: 1 — рубящее орудие; 2, 3 — сверленные изделия; 4 — ложило.
1, 2, 4 — кость; 3 — рог.

позволяют получить представление о составе группы. Здесь выделяются массивные изделия, для которых использовали крупные фрагменты расщепленных трубчатых костей — 13 экз. (рис. 4, 1—7). Сечения этих проколов различны и определяются характером исходной заготовки. Целые изделия обработаны на большей части поверхности и имеют довольно широкие основания (в некоторых случаях это остатки эпифиза), очевидно, для большего удобства захвата или упора. Наряду с крупными проколками (6,5—8,0 см) многочисленны средние (3,5—5 см) и маленькие (до 3,0 см) изделия (рис. 4, 8—17). Для них использовались удлиненные, разнообразные по форме обломки костей, которые затем шлифовались на абразивах с разной степенью тщательности. Часто затачивали один, наиболее острый край, а остальную поверхность не обрабатывали. Рабочие концы изделий нередко асимметричны, даже изогнуты, но, как правило, аккуратно и тщательно заточены на мелкозернистом абразиве. Лишь одно изделие этой группы орнаментировано двумя поперечными параллельными врезанными линиями (рис. 4, 17). Несколько выделяются из общей массы проколов прямые острия удлиненных пропорций с абразивной обработкой всей поверхности (5 экз.), но обработка эта грубоватая, местами незавершенная (рис. 4, 8, 9). Возможно, для этих проколов использовали неудачные заготовки, исходно предназначенные для наконечников.

Кроме костяных проколов, небольшой серией (5 экз.) представлены орудия, изготовленные из створок речных раковин *Unio* (рис. 4, 18—20). В четырех случаях они прямые или почти прямые, в одном случае изделие сильно изогнуто, повторяя изгиб створки. Проколки изготовлены путем абразивного истирания. Четыре орудия относительно узкие, вытянутых пропорций, одно — существенно расширяется к основанию. Характер использования этих предметов проблематичен. Учитывая исходную мягкость использованного материала, уплощенность и кривизну орудий, можно предположить их употребление (равно как и некоторых костяных поделок, и, гипотетически, многочисленных деревянных экземпляров) в качестве своеобразных «вилочек» для добывания съедобных частей из запеченных раковин улиток — одного из основных (судя по характеру слоя) видов пищи поселенцев.

Третью группу острий, функционально легко определимую по наличию ушка, составляют иглы — 9 экз. (рис. 4, 21—27). Все они в той или иной степени фрагментированы. Форма и размеры изделий сильно варьируют. Самое миниатюрное из них имеет диаметр 2 мм и ушко диаметром 1 мм, а самое крупное — диаметр 0,7 см, при длине сохранившейся части 6,5 см. В нижней части каждого изделия проделаны сквозные отверстия, выемки для которых прорезали резцом с обеих сторон заготовки. Так как ушки сильно фрагментированы, неясно, чем оконча-

тельно оформляли отверстие, так как возможности резца в данном случае ограничены. Вероятно, применялся комбинированный способ, когда окончательно ушко просверливалось. Такой прием описан С. А. Семеновым (1968. С. 149, 150) по иглам из палеолитической стоянки Елисеевичи. Размеры игл различны. Все они прямые, тщательно отшлифованные, с тонким острым жалом. Сечения изделий, как правило, округлые, нижний конец иногда имеет уплощение. Одна игла имеет второе ушко, вероятно, сделанное выше после слома изделия по нижнему отверстию. Видимо, обломками игл являются цилиндрические фрагменты тонких небольших костяных стержней (11 экз.), поскольку такие размеры и форма не характерны для других видов острий (рис. 4, 28).

Наконечники гарпунов (2 экз.). Оба изделия сильно фрагментированы. Более крупный обломок, принадлежащий поворотному гарпуну, имеет в области насада отверстие, сделанное биконическим сверлением. Сохранившееся основание от одного крупного зуба выделено на тулове строганием. Изделие тщательно отшлифовано (рис. 2, 23). Второй обломок — от хорошо отшлифованного орудия меньших размеров. Сохранился фрагмент с одним небольшим зубом, линия выреза которого точно совпадает с неглубоким узким желобком, наискось пересекающим тулово изделия (рис. 2, 24).

Рубящие орудия (2 экз.). В одном случае — это шлифованное небольшое прямоугольное орудие типа стамески, обушок которой утрачен. Лезвие хорошо заострено и скруглено по краям. Второе орудие изготовлено из рога (рис. 5, 1). Оно трапециевидное по форме и сужается к лезвию. Одна сторона орудия выпуклая, другая — вогнутая из-за выкрошившейся или удаленной пористой роговой массы. На обушке, насколько позволяет плохая сохранность изделия, как будто прослеживаются следы «забитости». Возможно, что это клин-долото для окончательного отделения костяных заготовок. Экспериментально подтверждена большая эффективность роговых клиньев в подобных операциях (Филиппов, 1978. С. 24).

Наряду с вышеописанными изделиями в коллекции есть выразительные предметы, назначение которых пока не ясно. В их составе: два фрагмента костяных пластин со следами биконического сверления (рис. 5, 2); крупный удлиненный фрагмент трубчатой кости со следами стертости и заполировки на одном крае (лошило?) (рис. 5, 4); фрагментированное, довольно крупное орудие с участком зауженного и закругленного шлифовкой края; плохой по сохранности обломок рогового изогнутого стержня со сквозным разношенным отверстием (рис. 5, 3) типологически сопоставим с частью известной формы псаля, характерного для эпох раннего металла. Остаётся предположить либо случайное попадание предмета в пределы исследованного слоя, либо удивительное конвергентное сходство различных по назначению изделий.

Орнаментированные предметы неясного назначения (5 экз.).

1. Фрагмент костяной пластины со следами продольного расчленения резцом по одному краю (рис. 6, 1). На предмете частично сохранился сложный орнамент. С одного края пластины, плавно изгибаясь, смыкаются тонкие сдвоенные линии, охватывающие прямой продольный, довольно глубокий желобок. Эта композиция напоминает «лопасти» на вышеописанном фрагменте наконечника. С другого конца изделия короткими насечками образован ряд зигзагов.

2. Фрагмент костяной пластины с двумя продольными неглубокими врезанными линиями, которые смыкаются с двумя поперечными параллельными желобками, по крайнему из которых произошел слом изделия (рис. 6, 3). Характер поперечных желобков неясен, это может быть и орнамент, и следы поперечного расчленения пластины.

3. Фрагмент слабо изогнутой в профиль костяной пластины украшен композицией из трех смыкающихся заостренно-овальных фигур, образованных сдвоенными линиями (рис. 6, 4). В среднем изображении внутренняя линия образует форму, близкую к ромбической. В центре каждой фигуры — короткие вертикальные насечки. Орнамент полустерт, очевидно, из-за длительного использования изделия. Эта композиция близка вышеописанному ромбическому узору на фрагменте наконечника.

4. Небольшой фрагмент трубчатой кости со следами продольного расчленения и орнаментом в виде ряда коротких продольных прорезанных линий. Узор прослежен на обоих концах фрагмента, тогда как медиальная часть орнаментом не затронута (рис. 6, 2).

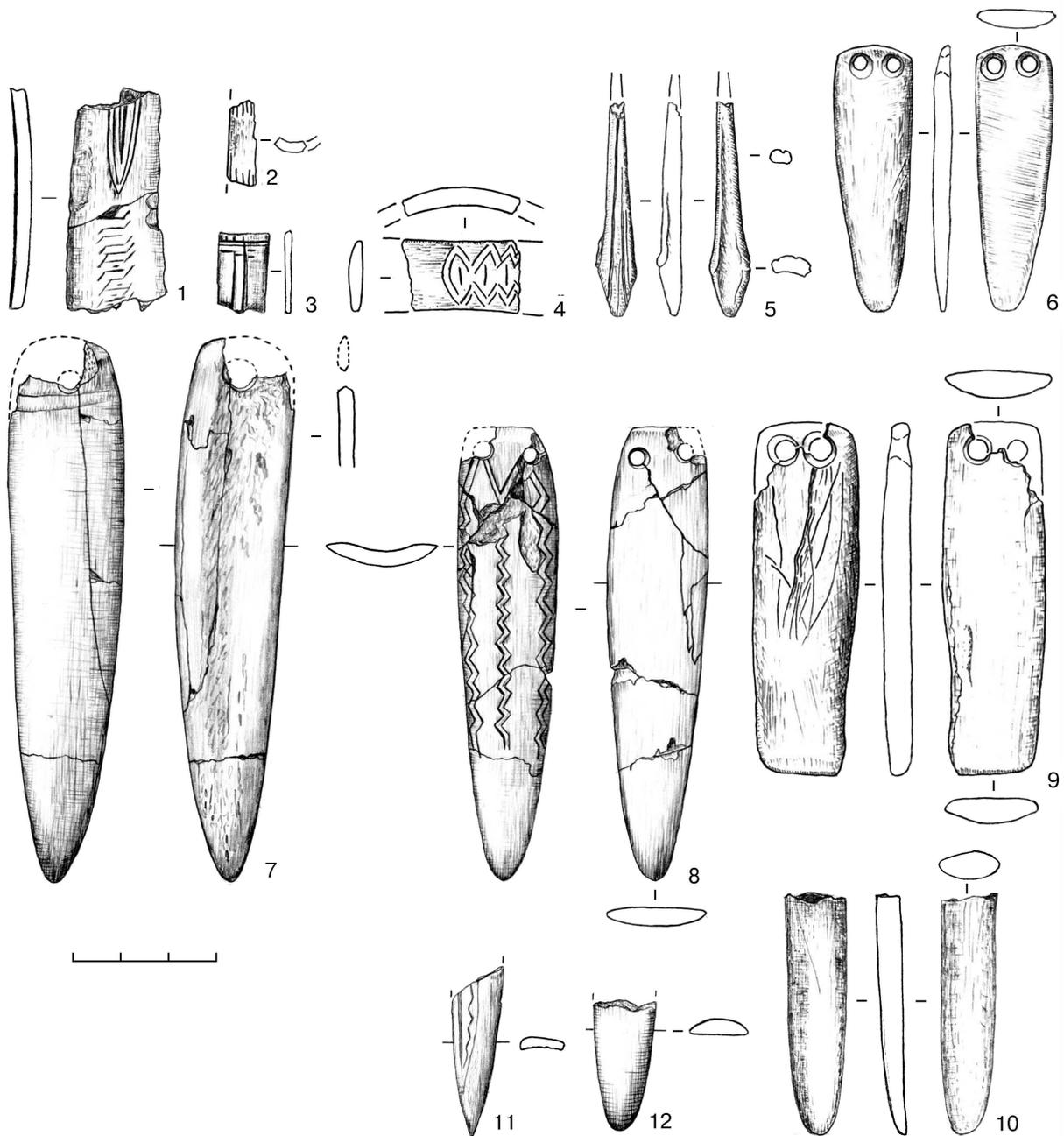


Рис. 6. Стоянка Раздорская 2: 1—5 — изделия неясного назначения с орнаментом; 6—9 — подвески; 10—12 — фрагменты подвесок. Кость.

5. Поделка в виде стержня, которому приданы удлиненные неправильно-ромбические очертания (рис. 6, 5). Наиболее тонкий конец изделия фрагментирован. Нижний, более широкий конец изделия сохраняет следы продольного расчленения резцом. Конечная форма поделке придана абразивной обработкой. На внешней стороне нанесен орнамент из продольных, расширяющихся к концу врезанных линий. Одна из них врезана более глубоко, по всей длине сохранившегося изделия. Нижний конец изделия уплощен и имеет следы залощенности.

Одной из самых интересных групп материала являются костяные и роговые подвески-амулеты. Найдено четыре относительно целых экземпляра и более десятка обломков нижних частей.

Первый из предметов (рис. 6, 6) в виде овально-конической костяной пластины. Размеры — 5,6 x 1,7 см. Имеет в верхней части, под выпуклым основанием «конуса» два симметричных

отверстия диаметром 0,3 см, сделанных встречным коническим сверлением. Выпуклая лицевая сторона идола имеет следы слабого врезанного орнамента в виде двух косых параллельных линий в левой части лицевого поля и слабых следов хаотичных прочерчиваний к центру. Вся поверхность имеет следы продольной обработки абразивом, возможно уничтожившей едва намеченный рисунок. Уплощенный кончик амулета подправлен прочерченным затачиванием. Изделие заполировано в процессе использования, а нижняя часть дважды обломана в древности, но восстановлена по найденным фрагментам. С тыльной стороны амулет равномерно и плоско сточен абразивом.

Второй, самый крупный из амулетов (11,6 x 2,4 см) изготовлен из трубчатой кости крупного животного (рис. 6, 7). За счет естественной кривизны поверхностей стенки кости изделие имеет выпуклую лицевую поверхность и желобчато-вогнутую изнанку. Предмет был разломан в древности и утратил кусок наверху с частью одиночной биконической сверлины диаметром 0,5 см. Обломанный заостренный нижний конец подвеса был найден отдельно. Лицевая часть предмета орнаментирована четырьмя поперечными лентами-витками. Отчетливо сохранился верхний виток, расположенный под сверлиной. Судя по нему, орнамент нанесен резьбой с последующим протиранием контура, от чего изображение становится валикообразным, выпуклым. Три нижние витка легко «читаются», но сильно затерты заглаженностью и полировкой, возникшей в результате длительного использования предмета. Полировка и затертость есть и на тыльной стороне изделия.

Третий амулет отличается тщательностью отделки и пышным декором (рис. 6, 8). Его размеры — 9,6 x 2,1 см. Он имеет правильную усеченно-сигарообразную форму, линзовидное сечение и зеркально заполированную, после предварительной продольной зачистки абразивом, поверхность. Под уплощенным, слабовыпуклым верхним краем встречным сверлением проделаны два симметричных отверстия диаметром 0,4 см. От этих своеобразных «глазок» статуэтки опускается прорезанный двумя параллельными врезками симметричный орнамент. В верхней его части двузубцовый шеврон образует своеобразный «клюв» между отверстиями, моделируя известный в первобытном искусстве Европы образ совы. Двузубцовая М-образная композиция змеится вниз тремя лентами-зигзагами, параллельно ниспадающими от боковин и перекладины «М». Орнамент, как и у других амулетов, не доходит до основания, оставляя нижнюю часть свободной.

Четвертое изделие (рис. 6, 9) фрагментировано. Частично обломана верхушка, однако, сохранились следы двух симметричных сверлин под слабовыпуклым основанием. Обломан и нижний конец. Причем, линия излома проходит по своеобразной ступени-пояску, отграничивающему верхнюю часть амулета от нижнего, более тонкого заострения. В отличие от первых трех, этот предмет изготовлен из рога. Отверстия диаметром 0,5 см сделаны встречным коническим сверлением. Размеры сохранившейся части — 7,3 x 2,2 см. На лицевой выпуклой поверхности хаотичными вертикальными линиями сделана попытка что-то изобразить. Тыльная сторона уплощена заглаживанием.

Среди костяных фрагментов на стоянке более десятка заполированных уплощенных острий со следами излома (рис. 6, 10—12). Большинство из них судя по морфологии и характеру обработки, можно считать обломками амулетов.

Поиск близких и далеких параллелей костяному инвентарю Раздорской 2 среди материалов других памятников — довольно сложная задача, поскольку поселение по-своему уникально и занимает хронологическую нишу (ранний неолит), слабо представленную на Донской земле. И всё же можно выявить некоторые как общие, так и отдельные черты сходства. Прежде всего, это выражается в идентичных технологических приемах обработки, формально-типологической близости ряда находок, наличии некоторых выразительных аналогий. С другой стороны, своеобразие и индивидуальность коллекции определяются многочисленностью форм и видов изделий, разнообразием и оригинальностью художественных проявлений. Естественно сравнение с наиболее близкой территориально и представительной коллекцией обработанной кости Ракушечнойярского поселения. Подавляющее большинство орудий здесь определены как шилья и проколки и, в целом, они, безусловно, похожи на изделия Раздорской 2 (Белановская, 1995).

Рис. XVII, с. 91). Применительно к наконечникам, Т. Д. Белановская (1995. С. 91, 128—129) упоминает лишь об одном игловидном изделии, но, судя по иллюстрациям, можно заметить, что и в составе шильев и проколов есть тщательно отшлифованные овальные и уплощенные острия, близкие к описанным выше наконечникам. Единичные рубящие и сверленные орудия из кости и рога Раздорской 2 имеют мало сходства с выразительными сериями мотыг и долот Ракушечной Яры поселения. Мало общих черт и в орнаментальных мотивах, хотя есть и некоторые особенности, интересные в свете установления степени родства или взаимосвязи рассматриваемых памятников. Наиболее распространенный элемент орнамента в Ракушечном Яре — прямые, реже наклонные, поперечные нарезки (Белановская, 1995. С. 134—135), не составляющие сложных композиций. Исключение составляют два случая, когда «углубленные линии ромбовидные» (Белановская, 1995. С. 134) образуют фигуры, в какой-то степени близкие орнаментации некоторых изделий стоянки. Своеобразная ракушечная черта — это наличие горизонтально удлинённых овальных предметов, украшенных поперечными нарезками или высверленными углублениями, причем отмечалось, что орнамент из линий и углублений никогда не сочетается. В числе раздорских вытянутых костяных подвесок есть одна с двумя поперечными желобками. В коллекции каменных изделий Раздорской 2 есть фрагмент сланцевой плитки с углубленным сверленным орнаментом, идентичным орнаменту на поделках из камня и кости Ракушечного Яра. Исходя из более архаичного облика раздорских материалов, можно предположить, что орнаментальные мотивы на кости Ракушечного Яра развивают известные ранее приемы в сторону упрощения, индивидуализации и большей схематизации элементов орнамента. Вероятно, обеднение косторезных орнаментов связано и с появлением керамического производства, с частичным переносом в эту новую сферу практики изобразительной символики.

Поиск аналогий в скромных костяных коллекциях хронологически более близких матвеевокурганских поселений мало продуктивен, особенно с учетом того, что основным поделочным материалом там был рог. Можно лишь отметить общее сходство оригинальных матвеевокурганских роговых острий (Крижевская, 1991. С. 82) и костяного наконечника гарпуна раздорской стоянки. Во всех случаях использовался своеобразный прием, когда небольшой зуб орудия отделялся от тулова по намеченному с одной стороны косому желобку.

Отдельные аналогии нашим материалам связаны с памятниками других регионов. Поворотные гарпуны являются достаточно редкими находками даже в многочисленных коллекциях костяных изделий, богатых на разнообразные типы гарпунов (например, памятники лесной зоны Восточной Европы, Прибалтики). Поэтому наличие такого изделия на раздорской стоянке примечательно. Из находок в степной зоне приведем поворотный гарпун (правда, иной формы) из материалов неолитического поселения Стрильча Скеля в Днепропетровском Надпорожье (Телегин, Константи́нску, 1992. С. 15).

Определенное сходство костяным раздорским изделиям можно увидеть среди находок на позднемезолитическом поселении Игрень в Поднепровье, обитатели которого были охотниками-рыболовами и собирателями (Телегин, 2002. С. 39—51; Телегин, 2001. С. 150). Близки формы костяных острий — шильев, проколов, игл, наконечников метательного вооружения. В то же время наконечники, в отличие от раздорских, часто имеют пазы для вкладышей. Интересны и фрагменты удлиненно-овальных, хорошо отшлифованных изделий, трактуемых как лопаточки (Телегин, 2002. С. 50, рис. 11, 41, 3). В свете анализа раздорских подвесок-амулетов и их обломков, можно предложить иную трактовку и для аналогичных находок из Игрени. Показательно, что одна из игреньских «лопаточек» орнаментирована.

Упомянутые подвески — новое уникальное явление в археологии степного Причерноморья. Семантическая насыщенность изделий проявляется не только в змеевидных композициях орнамента. Она и в морфологических деталях: двойное сверление в навершии, вертикальность, функциональное заострение, особенности изломов. Всё это позволяет поместить этот класс культовых изделий в лагуну между «булавками» позднего палеолита и роговыми молоточковидными фетишами бронзового века (Кияшко, 1992). В широком смысле, звеньями в этой цепи первобытных святынь будут, помимо известной антропоморфной пластики, и костяные идолы

с двойным сверлением в культуре линейно-ленточной керамики, расписные бычьи фаланги и совоподобные плакетки неолита — энеолита Пиренейского полуострова, костяные «кинжалы» позднего Триполья. Однако, эта тема требует специальной разработки, здесь лишь уместно подчеркнуть важность сделанного открытия.

В лесостепной зоне наиболее представительный набор костяного инвентаря принадлежит Варфоломеевской неолитической стоянке в Саратовском Заволжье (Килейников, Юдин, 1993. С. 63—85). Коллекция хорошо опубликована и определена трасологически. На фоне некоторого общего сходства острий, лоцил, сверленных и рубящих изделий, привлекают внимание костяные пластины с прорезанным линейным и сложным геометрическим орнаментом. Здесь есть и наконечник со сверленной орнаментацией.

Исследование памятника не завершено. Исключительная насыщенность слоя и хорошая сохранность костяных изделий позволяет надеяться на существенное пополнение коллекции, а следовательно, и расширение сделанных наблюдений. Но даже эта предварительная публикация позволяет представить своеобразие памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995.
- Богораз В. Г.* Материальная культура чукчей. М., 1991.
- Килейников В. В., Юдин А. И.* Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки // Археологические вести. Вып. 1. Саратов, 1993.
- Кияшко В. Я.* К вопросу о молоточковидных булавах // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1992.
- Кияшко В. Я., Ромащенко Н. И.* Раздорское-2 — новое местонахождение каменного века на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. Вып. 13. Азов, 1994.
- Крижевская Л. Я.* Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб, 1991.
- Семенов С. А.* Первобытная техника. МИА. № 57. М., 1957.
- Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968 г.
- Телегин Д. Я.* Ігреньське поселення на Подніпров'ї та проблема житлобудування в мезоліті Східної Європи. Луганськ, 2002.
- Телегин Д. Я.* Мезолитическое поселение Игрень на Нижнем Днепре // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Материалы междунар. конф. Сергиев Посад, 2001.
- Телегин Д. Я., Константиnescу Л. Ф.* Многослойное поселение на Стрильчей Скеле эпохи неолита — энеолита в Днепровском Надпорожье // СА. № 1. 1992.
- Филиппов А. К.* Технология изготовления костяных наконечников в верхнем палеолите // СА. № 2. 1978.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Актуальность исследования новых памятников в Восточном Приазовье определяется, во-первых, недостаточной изученностью здесь каменного века, в том числе неолитического периода, во-вторых, пограничным характером этого региона на стыке крупных природно-географических зон. До недавнего времени стационарных исследований неолитических памятников в этом районе не проводилось, что, разумеется, существенно обедняет картину этнокультурного развития населения региона в древности. Исследованиями памятников мезо-неолитического периода в той или иной степени были охвачены все сопредельные территории — Предкавказье, Прикаспий, Нижний Дон, Северо-Восточное Приазовье. На этом фоне территория Восточного Приазовья выглядит белым пятном, что совершенно неудовлетворительно с точки зрения полноты исторической картины. Наибольшее количество памятников каменного века выявлено в последние годы в бассейне р. Рассыпная, левого притока р. Большой Егорлык, являющегося, в свою очередь, притоком Западного Маныча. Здесь выявлено более десятка памятников каменного века с материалами близкого облика, три из которых были исследованы стационарно (Цыбрий, 2000. С. 86—87; Цыбрий, Цыбрий, 2000. С. 31—44). Наиболее полно изучена стоянка Рассыпная VI, открытая автором в 1998 г. Стоянка расположена в 2 км к востоку от с. Рассыпное, Песчанокопского р-на Ростовской обл. на высокой (12—14 м) террасе правого берега р. Рассыпная. Река в этом месте образует резкий меандр, к внутреннему, наиболее врезанному в коренной берег участку которого приурочен и наиболее возвышенный участок террасы, являющийся территорией памятника. Необходимо отметить, что подобное расположение отмечено для большинства местонахождений, выявленных в бассейне этой реки. Поверхность террасы задернована и слегка расчленена короткими и неглубокими лощинами, слабо выраженными в рельефе. Судя по распространению находок, памятник занимает преимущественно прибрежную часть террасы, наиболее пологий ее участок, площадь которого около 15000 м². Стоянка исследовалась автором в течение двух полевых сезонов 2002—2003 гг. На памятнике были заложены раскоп 1 (228 м²) и раскоп 2 (252 м²) и, таким образом, общая вскрытая на памятнике площадь составила 480 м². Коллекции из разных раскопов не имеют заметных отличий, аналогичны и стратиграфические условия залегания находок, что позволяет дать обобщенную характеристику материалов стоянки.

Стратиграфия¹

1. Современный черноземный слой. Имеет коричневатый оттенок. Рыхлый, неплотный, контакт с нижележащим слоем ровный, но нечеткий. Мощность слоя — 0,27—0,3 м.

2. Коричневато-серый гумусированный суглинок. Рыхлый, неплотный, в цветовом и структурном отношении однороден, лишь в нижней части толщи слабо осветляется. Является вмещающим слоем для культурных остатков. Контакт с нижележащим слоем неровный и нечеткий. Сильно изрезан норами землеройных животных. Мощность слоя — 0,7—0,9 м.

3. Буровато-серый слабо гумусированный суглинок. В археологическом отношении стерилен, находки отмечены только в заполнении нор. Помимо цветности отличается от вышележащего слоя большей плотностью. Кровля этого суглинка маркируется горизонтом карбонатов — известковых стяжений различной формы, размером 0,3—0,8 см. Сильно изрезан норами землеройных животных. Прослеженная мощность — 0,2—0,3 м.

Прочие разрезы не обнаруживают принципиальных отличий от охарактеризованного выше. Обращает на себя внимание идентичность стратиграфических разрезов раскопа 1 и раскопа 2. Отмечена лишь большая мощность слоя коричневатато-серого суглинка, вскрытого на раскопе 2. Интересно, что и концентрация культурных остатков на раскопе 2 значительно выше, чем на раскопе 1. Возможно, это объясняется лучшей сохранностью вмещающих культурный слой отложений на этом участке памятника.

¹ Описание дается сверху вниз по восточному борту раскопа 2.

В результате работ установлено, что относительно слабо насыщенный культурный слой залегает в толще коричневатого-серого гумусированного суглинка, на глубине от 0,2 до 1,2 м от современной дневной поверхности. Наибольшая концентрация материала отмечена на глубине 0,6—0,9 м. Довольно значительное распространение находок по вертикали обусловлено, вероятно, несколькими факторами, среди которых не последнюю роль играют причины естественного характера, в первую очередь, деятельность землеройных животных, норами которых культурный слой поврежден в значительной степени. Видимо, имело место и перемещение находок вместе с вмещающими отложениями с более высоких участков памятника. Однако характер залегания некоторых находок, которые остались в непотревоженном состоянии (отмечены на различных уровнях скопления только зубов или крупных костей животных в горизонтальном положении, терочная плита и т. д.) позволяет предположить, что это место, возможно, заселялось неоднократно или древняя дневная поверхность имела довольно сложный рельеф. Культурные остатки в слое представлены преимущественно кремневыми изделиями, фрагментами лепной керамики, костями животных, костным углем, редкими изделиями из мягких пород камня. Полученные материалы были сгруппированы по условным горизонтам, из-за невозможности соотнесения находок с литологическими слоями. Однако такая группировка не позволила выявить существенных отличий ни в метрических показателях, ни в типологии находок. Нет выраженных отличий и в сырье кремневых изделий, выявленных в различных горизонтах, что позволяет рассматривать комплекс как, в целом, одновременный и анализировать материалы обобщенно.

Коллекция **изделий из кремня** насчитывает 4644 предмета. Сырье представлено несколькими разновидностями кремня:

- серый непрозрачный кремень с точечными белесыми включениями или с включениями в виде обширных зон грязно-белого цвета; эта разновидность кремня доминирует и составляет не менее 50 % от общего количества;
- полупрозрачный, однородный, желтовато-коричневого «медового» цвета кремень;
- полупрозрачный кремень желтовато-коричневого цвета, с точечными белесыми включениями;
- полупрозрачный, розовый кремень, без включений;
- светло-коричневый непрозрачный кремень без включений;
- непрозрачный кремень желтого цвета;
- желтый непрозрачный кремень с белесыми включениями.

Большинство находок в различной степени патинизированы, что зачастую не позволяет охарактеризовать особенности сырья.

Кроме кремневого сырья на памятнике выявлено шесть изделий из темного прозрачного обсидиана и несколько кварцитовых изделий.

Нуклеусы (21 экз., два представлены в обломках). Все нуклеусы от пластин, семь из них были оставлены, по всей видимости, на стадии первичного расщепления — у них одним или несколькими сколами подготовлена ударная площадка (рис. 1, 1, 2); отмечены также негативы сколов формирующей рабочую поверхность.

Из сработанных нуклеусов (рис. 1, 3—17) все — одноплощадочные, эксплуатировались, как правило, с фронтальной или с фронтальной и боковых сторон, что приводило к уплощению ядрища на финальной стадии расщепления (рис. 1, 12—17). Тыльная сторона покрыта желвачной коркой или обработана серией грубых сколов. Единственным экземпляром представлен конический нуклеус, расщепление которого осуществлялось по всему периметру изделия. Средняя высота нуклеусов — 4,0—4,5 см, но встречены и очень миниатюрные экземпляры — высотой 2,2—2,5 см.

Кроме нуклеусов в коллекции имеется семь нуклевидных обломков и серия технологических сколов (10 экз.), представленных в большинстве сколами поперечной подправки ударных площадок, так называемыми «таблетками». Отмечены также сколы продольной подправки нуклеусов — реберчатые пластины, некоторые из них с продольно-поперечной огранкой спинки.

Пластинчатые сколы представлены в коллекции 1258 экз. (табл. 1). Пластинчатые сколы в абсолютном большинстве представлены фрагментами, среди которых доминируют проксимальные и медиальные. Ширина большинства пластин — 0,7—1,2 см, более узкие, либо более широкие сколы редки. Длина большинства фрагментов — 1,0—2,0 см. Количественное соот-

ношение проксимальных, медиальных и дистальных фрагментов в комплексе свидетельствует о трехчленной схеме фрагментации пластин, а средние параметры длины исходной заготовки близки к средним размерам высоты нуклеусов — 4,0—4,5 см. Среди пластинчатых сколов отмечено одно изделие из обсидиана.

Таблица 1.
Метрические (в см) и статистические показатели пластинчатых сколов

Наименование/длина	Ширина								Итого:	%
	До 0,7	0,7—1,0	1,0—1,2	1,2—1,4	1,4—1,6	1,6—1,8	1,8—2,0	2,0—2,2		
Целые										
1,0—1,5	1	1	—	—	—	—	—	—	2	
1,5—2,0	1	—	—	—	—	—	—	—	1	
2,0—2,5	1	5	3	1	1	1	—	—	12	
2,5—3,0	—	2	2	2	1	—	—	—	7	
3,0—3,5	—	1	—	2	1	—	—	—	4	
3,5—4,0	—	—	1	2	1	—	—	—	4	
4,0—5,0	—	—	—	—	—	—	1	—	1	
Итого по разделу:	3	9	6	7	4	1	1	—	31	2,46
Проксимальные фрагменты										
0,5—1,0	9	22	13	2	—	—	—	—	46	
1,0—1,5	5	60	47	21	2	—	1	—	136	
1,5—2,0	5	54	28	42	10	3	1	—	143	
2,0—2,5	—	22	15	20	5	2	—	1	65	
2,5—3,0	—	4	2	11	2	1	1	—	21	
3,0—3,5	—	1	1	1	—	—	—	—	3	
Итого по разделу:	19	163	106	97	19	6	3	1	414	32,91
Дистальные фрагменты										
0,5—1,0	6	9	1	—	—	—	—	—	16	
1,0—1,5	23	77	22	11	2	1	—	—	136	
1,5—2,0	16	49	18	18	4	—	—	1	106	
2,0—2,5	3	17	9	18	2	1	—	—	50	
2,5—3,0	—	7	1	2	1	1	—	—	12	
3,0—3,5	—	—	5	—	2	—	1	—	8	
Итого по разделу:	48	159	56	49	11	3	1	1	328	26,07
Медиальные фрагменты										
до 0,5	—	3	1	1	—	—	—	—	5	
0,5—1,0	24	57	31	13	6	—	1	—	132	
1,0—1,5	20	91	57	37	11	2	1	—	219	
1,5—2,0	8	34	27	18	7	2	1	—	97	
2,0—2,5	—	4	9	7	1	—	—	1	22	
2,5—3,0	1	3	4	1	—	1	—	—	10	
Итого по разделу:	53	192	129	77	25	5	3	1	485	38,55
Итого общее:	123	523	297	230	59	15	8	3	1258	100
% к общему кол-ву	9,78	41,57	23,61	18,28	4,69	1,19	0,64	0,24	100	
в т. ч. реберчатые	6									
со следами пребывания в огне	5									

Отщепы — 2298 экз (табл. 2). Наличие среди отщепов сколов с желвачной коркой на спинке говорит о том, что первичная обработка кремня в определенных объемах осуществлялась на территории стоянки. Интересно, что среди отщепов с коркой выявлены два изделия из обсидиана.

Метрические (в см) и статистические показатели отщепов

Наименование	Размеры				Итого:	%
	1,0—2,0	2,0—3,0	3,0—4,0	4,0—5,0		
Первичные	84	49	18	6	157	6,83
Полупервичные	90	68	14	7	179	7,79
Прочие	1640	284	34	4	1962	85,38
Итого:	1814	401	66	17	2298	100
%	78,94	17,45	2,87	0,74	100,00	
Отщепы со следами пребывания в огне		10				

Чешуйки, осколки, обломки — 523 экз.

Изделия со вторичной обработкой — 520 экз., что составляет 12,6 % от общего количества выявленных материалов, исключая чешуйки, обломки и осколки.

Наиболее широко в коллекции представлены *скребки* — 250 экз. Скребки на отщепах доминируют (рис. 2, 1—35), среди них отмечены подокруглые (32 экз.), концевые (59 экз.), конце-боковые (44 экз.), боковые (31 экз.). Десять скребков представлены обломками.

Среди скребков на пластинах (рис. 2, 36—53) больше всего концевых (60 экз.), встречены конце-боковые (9 экз.), боковые (2 экз.), отмечены и стрельчатые скребки (3 экз.).

Геометрические микролиты (117 экз.) изготовлены из пластин.

Больше всего выявлено *трапеций* — 66 экз., из них 42 представлены обломками (рис. 3, 1—49). Целые изделия в большинстве симметричны, боковые стороны микролитов обработаны крутой ретушью со спинки. Отмечены изделия (4 экз.) с двусторонней ретушью боковых сторон, а также трапеции с выемками в верхнем основании (6 экз.), представлены и две трапеции с ретушированным нижним основанием. Интересны трапеции (5 экз.) со следами уплощения корпуса на спинке изделия. В четырех случаях этот прием обработки выражен слабо (рис. 3, 45, 47—49), но одно изделие вполне можно отнести к типу трапеций «со струганой спинкой» (рис. 3, 46). Отличается это микролит от большинства других характером обработки, а также пропорциями и размером.

Сегменты — 45 экз. (рис. 3, 50—85), из них 15 представлены обломками. Различаются эти изделия между собой, главным образом, характером обработки — 25 сегментов обработаны крутой, подчас отвесной, ретушью со спинки, у 18 изделий отмечена двусторонняя обработка дуги, причем двусторонняя ретушь на одном изделии может сочетаться с односторонней. У четырех сегментов дуга обработана крутой ретушью вплоть до полного усечения межфасеточного ребра пластинчатой заготовки. В литературе изделия такого типа получили название «апельсиновых долек».

Параллелограммы — 4 экз. (рис. 3, 86—88), из них три изделия обработаны с брющка, причем в одном случае встречной «сероглазовской» ретушью.

Кроме геометрических микролитов представленных в сериях, выявлены один асимметричный *треугольник* (рис. 3, 90) и один обломок прямоугольника (рис. 3, 89).

Пластин с ретушью в коллекции 80 экз. Практически все представлены фрагментами. Отмечены пластины с ретушью на спинку — 45 экз. (рис. 4, 1—11), ретушированные с брющка 21 экз. (рис. 4, 23—29), пластины с ретушированными выемками — 22 экз. (рис. 4, 12—22) и пластины с противоположащей ретушью — 12 (рис. 4, 30—33). Среди них интересны три изделия, обработанные на брющке пологой, встречной ретушью, распространенной вплоть до смыкания фасеток (рис. 4, 24, 25). Такой прием обработки получил название «сероглазовская ретушь», так как широко применялся на мезо-неолитических памятниках Северо-Западного Прикаспия и Нижней Волги, где А. Н. Меленьтьевым была выделена «сероглазовская» культура (Меленьтьев, 1977. С. 103). Одна из пластин с ретушью изготовлена из обсидиана.

Пластины со скошенным ретушью концом — 11 экз. (рис. 4, 34—39). Обработаны эти изделия крутой ретушью со спинки. Нет уверенности, что они представляют самостоятельный тип орудий, а не являются промежуточной формой в процессе изготовления геометрических микролитов.

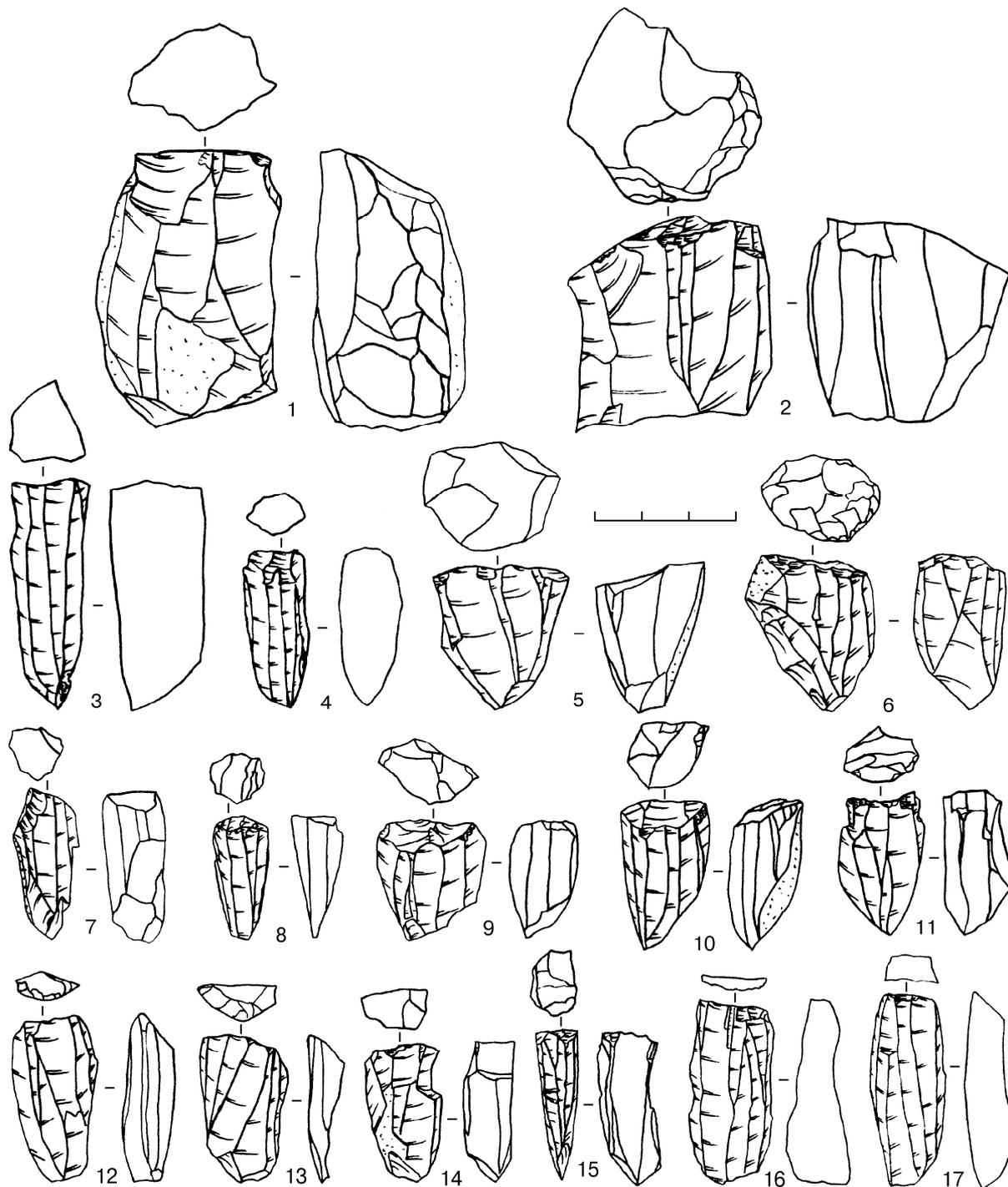


Рис. 1. Стоянка Рассыпная VI, кремневые изделия: 1—17 — нуклеусы.

Резцы — 12 экз. (рис. 4, 40—47). Из них 10 — резцы на углу сломанной пластинки, по одному экземпляру представлен боковой резец на пластине и срединный резец на отщепе.

Острия — 12 экз. (рис. 4, 48—54). Из них 10 изготовлены на пластинах и два — на отщепах. Обработаны крутой лицевой или противоположащей ретушью.

Бифасиальные изделия — 13 экз. (рис. 5, 1—11). Большинство из них (11 экз.) фрагментированы. Представляют собой, по всей видимости, наконечники стрел, копий и, возможно, дротиков. Изготовлены из пластин и отщепов. Как правило, обработка этих изделий сплошная, встречно ориентированными сколами, но в одном случае отмечена сплошная обработка со спинки и частичная — с брюшка (рис. 5, 12). Одно изделие, возможно оставленное на начальном

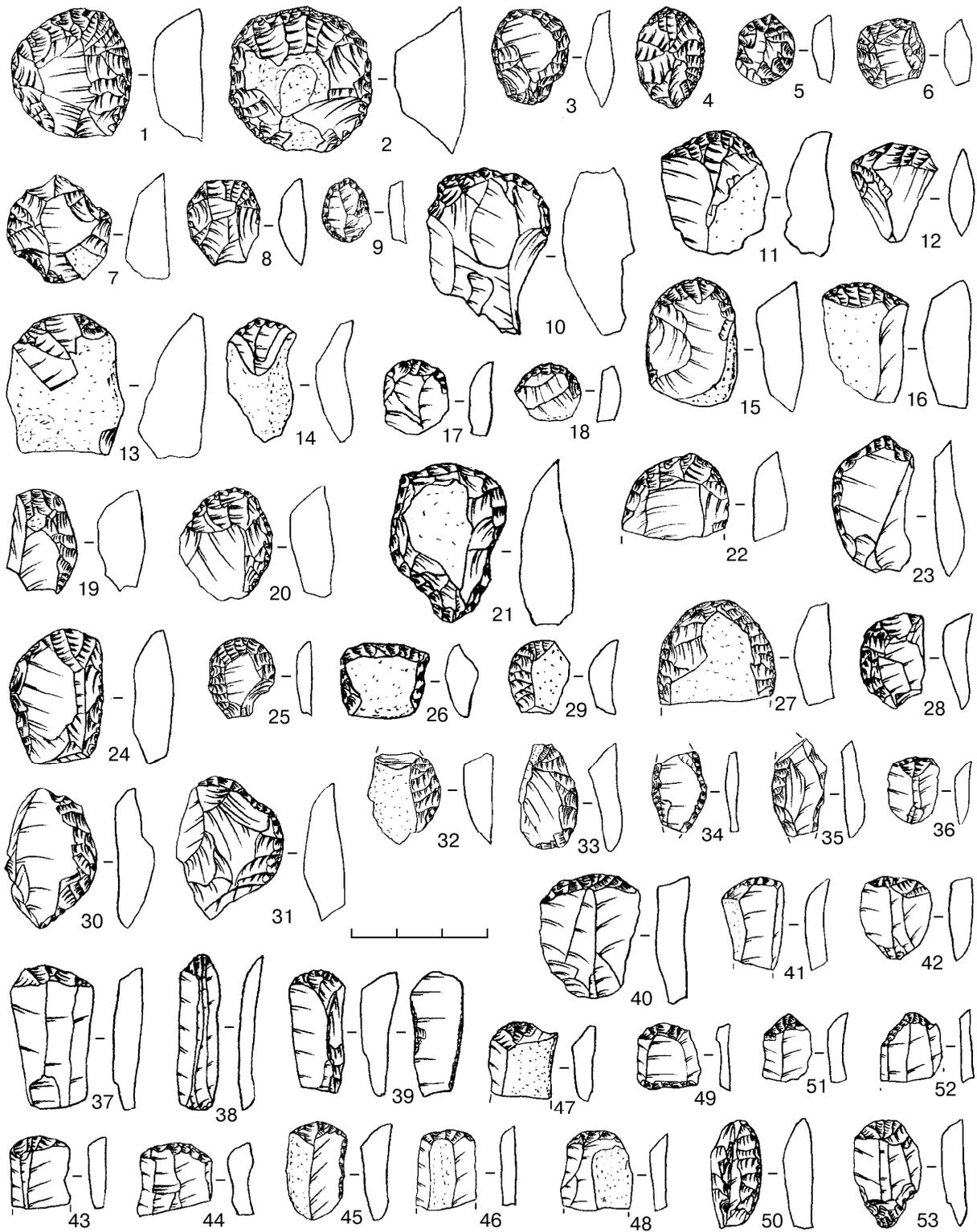


Рис. 2. Стоянка Рассыпная VI, кремневые изделия: 1—53 — скребки.

этапе изготовления, обработано только с одной стороны. Интересно, что большинство целых или представленных выразительными фрагментами изделий асимметричны, причем некоторые очень заметно. Основания наконечников уплощены, имеют прямую или вогнутую форму.

В коллекции также представлено 25 невыразительных отщепов и осколков с ретушью.

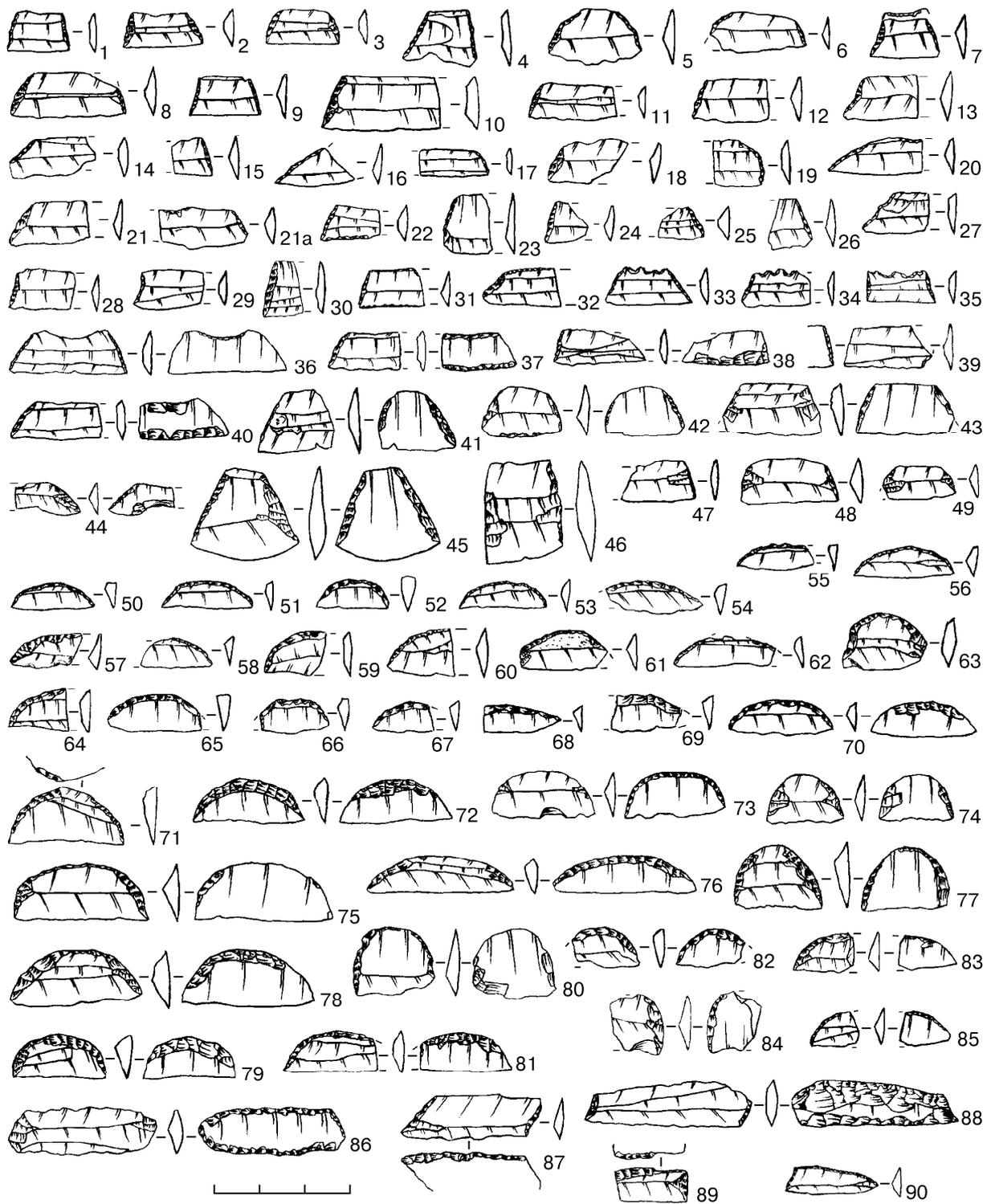


Рис. 3. Стоянка Рассыпная VI, кремневые изделия: 1—90 — геометрические микролиты.

Изделия из мягких пород камня — 5 экз.

Обломок *шлифованного изделия* из камня (рис. 5, 13). Возможно, изделие было овальной формы, однако точно это установить невозможно. На изделии отмечен орнамент в виде пяти параллельных врезанных линий и одной линии им перпендикулярной.

Обломок *песчаниковой плитки*. Поверхность с одной стороны пришлифована, на ней отмечена врезанная бороздка, неясного назначения.

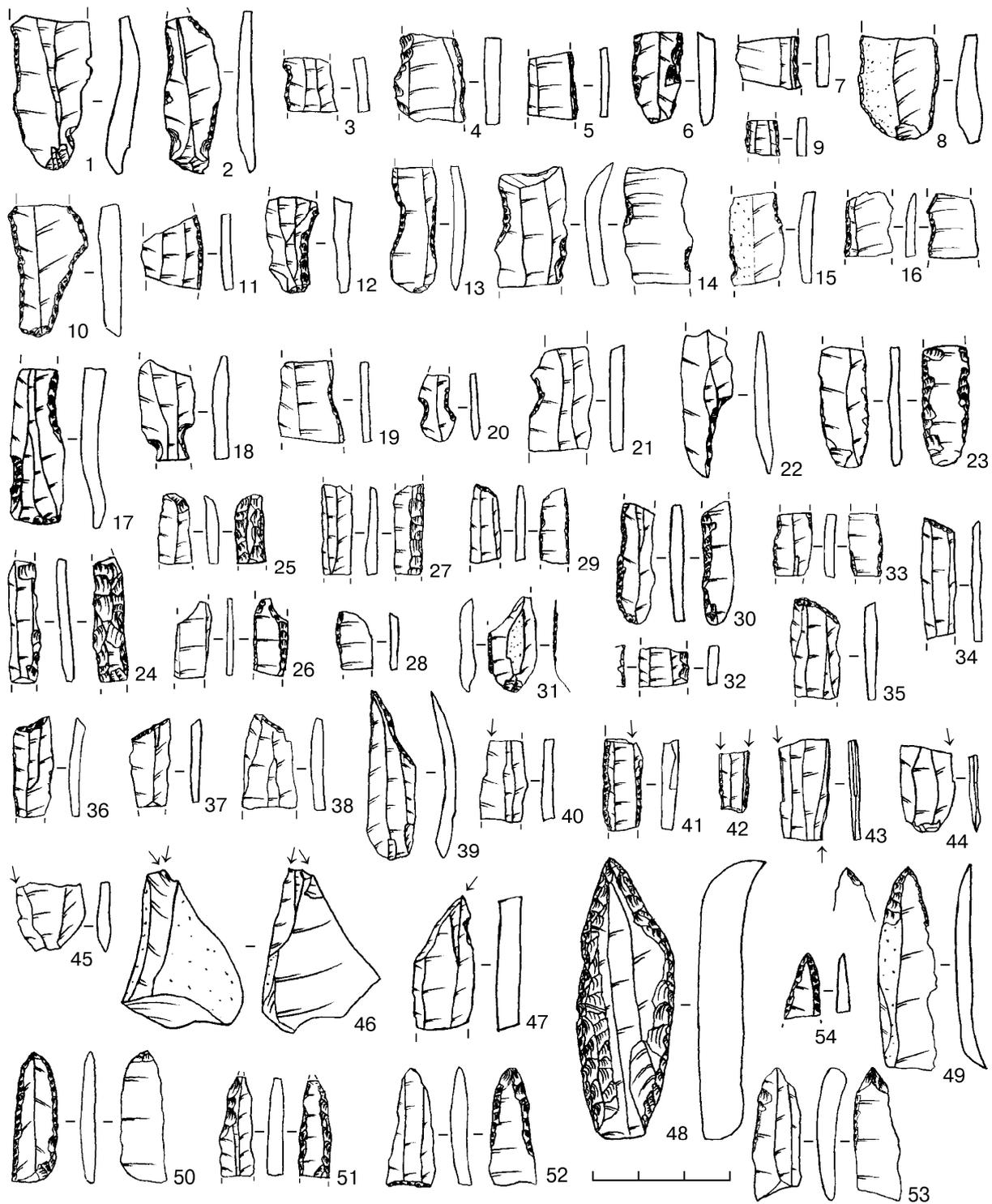


Рис. 4. Стоянка Рассыпная VI, кремневые изделия: 1—33 — пластины с ретушью; 34—39 — пластины со скошенным ретушью концом; 40—47 — резцы; 48—54 — остря.

Терочная плита. В качестве заготовки использована природная плитка из крупнозернистого песчаника. Плита имеет в плане подпрямоугольные очертания, она была разбита в древности или раздавлена давлением грунта. Изделие почти полностью реконструируется, отсутствует только один фрагмент. Рабочая поверхность плиты — гладкая и достаточно сильно вогнута вследствие износа (рис. 5, 16).

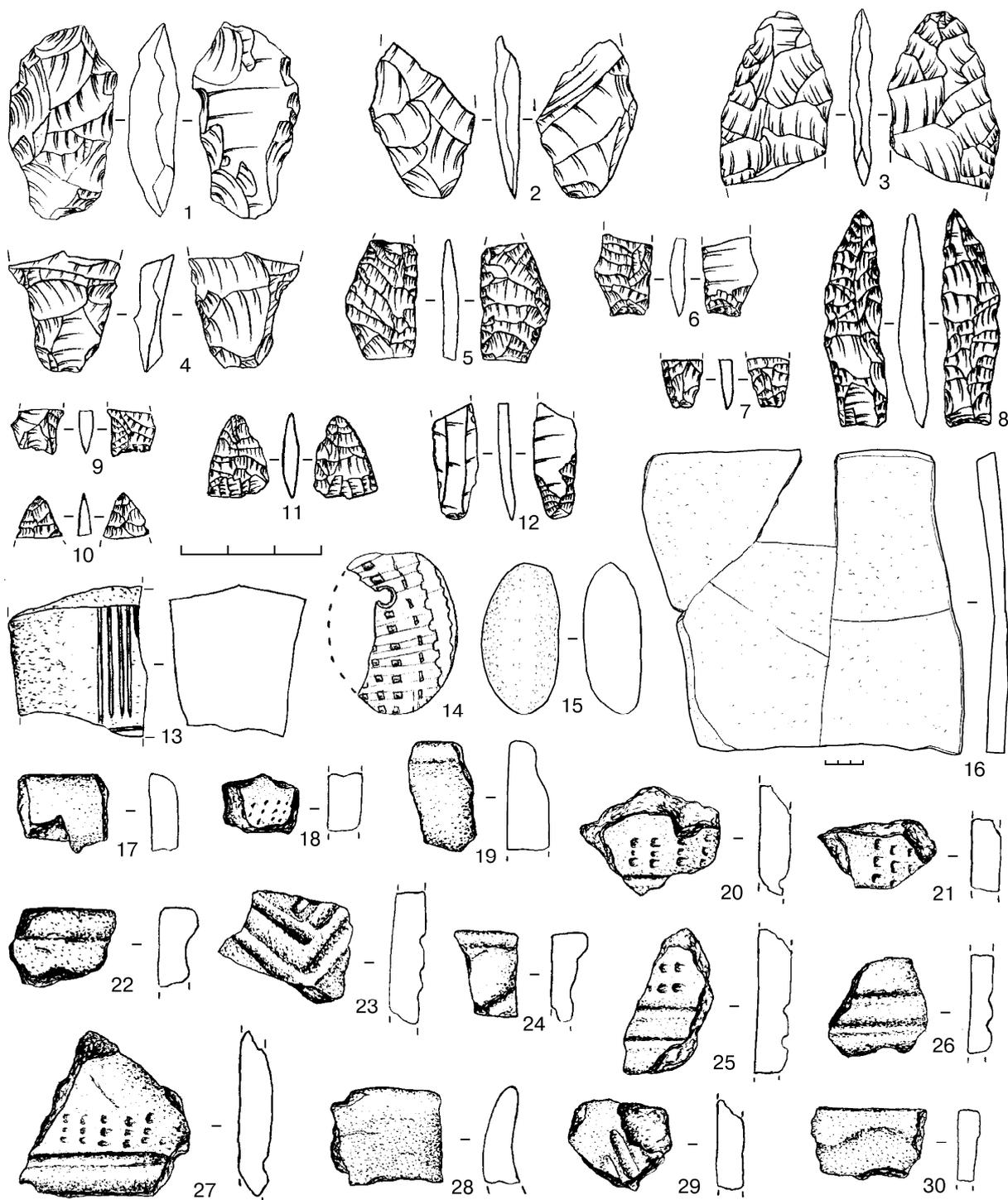


Рис. 5. Стоянка Рассыпная VI: 1—12 — наконечники; 13 — орнаментированное изделие; 14 — подвеска; 15 — терочник; 16 — терочная плита; 17—30 — фрагменты лепной керамики.
1—12 — кремь, 13, 15, 16 — мягкие породы камня, 14 — раковина.

Терочный камень найден в совместном залегании вместе с обломками терочной плиты. Представляет собой овальную речную гальку размером 6,0 x 11,5 x 4,6 см (рис. 5, 15).

Отбойник изготовлен из расколотой вдоль гальки удлинненно-овальной формы. На более узком краю изделия — следы интенсивного использования.

Кроме описанных изделий выявлена *подвеска* из створки морской раковины. Подвеска повреждена, в верхней ее части просверлено отверстие диаметром 4 мм (рис. 5, 14).

Керамика в коллекции стоянки представлена относительно небольшим количеством — 270 фрагментов лепных сосудов. Размеры фрагментов невелики, по примесям в керамической массе они подразделяются на четыре группы — с примесью толченой раковины, с примесью крупного песка, с примесью растительности и без видимых примесей.

Среди орнаментированных фрагментов доминируют черепки, украшенные оттисками короткого зубчатого штампа и проглаженными горизонтальными линиями, образующими несложную композицию (рис. 5, 18, 20, 21, 25, 27). По всей видимости, это обломки одного сосуда. Отмечен также фрагмент, на котором проглаженные линии образуют композицию из вложенных треугольников (рис. 5, 23).

Среди обломков венчиков присутствуют прямые, со скошенным наружу верхом (рис. 5, 17, 19), а также слегка отогнутые наружу экземпляры с наплывом и без него (рис. 5, 22, 28).

На раскопе 2 в основании культурного слоя выявлено погребение подростка, пол которого не определен. Могильная яма не прослежена. Умерший был положен на спине, с сильно подогнутыми ногами, ориентирован головой на ЮЗ. Отмечена подсыпка дна могилы охрой, несколько выше погребенного выявлен астрагал в совместном залегании с двумя фрагментами пластин.

Ввиду того, что в непосредственной близости находится курганный могильник? нельзя исключить, что погребение может и не иметь отношения к стоянке.

На памятнике найдено также довольно значительное количество **фаунистических остатков**, среди которых определены бык домашний (преобладает — 88 фрагментов костей), лошадь домашняя (51), овца или коза — 5, кулан (?) — 3, свинья домашняя (?) — 1, олень благородный — 2². Таким образом, домашние виды, безусловно, преобладают.

Материалы стоянки Рассыпная VI хорошо сопоставляются с материалами ранее изученных в бассейне р. Рассыпной памятников. Это стоянки Рассыпная 1 и Жуковская 2, а также ряд местонахождений, известных по подъемному материалу (Цыбрий, 2000. С. 86—87; Цыбрий, Цыбрий, 2000. С. 31—44). Наиболее представительная коллекция получена при раскопках стоянки Жуковская 2.

Памятник исследован автором в 2000 г. на площади 80 м². Культурный слой относительно хорошей сохранности залегал в гумусированном суглинке на глубине около полуметра от современной поверхности. В составе находок преимущественно кремневые изделия (более 1200 экз.), редкие фрагменты лепной керамики, кости животных, костный уголь. Выявлена слабо углубленная в материк хозяйственная ямка, заполненная костями животных. Продукты первичного расщепления представлены коническими и уплощенными нуклеусами — 4 экз. (рис. 6, 1, 2), отщепами — 250 экз., фрагментами пластин — 153 экз. и отходами производства — 122 экз.. В составе изделий со вторичной обработкой (123 экз.): скребки на отщепах — 21 экз. (рис. 6, 3—8) и пластинах — 8 экз. (рис. 6, 9—11); пластины с ретушью — 32 экз. (рис. 6, 12—16); трапеции — 10 экз. (рис. 6, 21—22); сегменты — 7 экз. (рис. 6, 17—20), в том числе, три изделия с двусторонней обработкой дуги; два параллелограмма (рис. 6, 23, 24); остря на пластинах — 7 экз. (рис. 6, 25—28). Встречен резец на углу сломанной пластины (рис. 6, 29). Керамика представлена немногочисленными (38 экз.) обломками стенок лепных сосудов. Один черепок орнаментирован параллельными прочерченными прерывистыми линиями (рис. 6, 30). По примесям в тесте керамика делится на две примерно равные группы: с примесью толченой раковины в сочетании с растительностью и с примесью только растительности. В составе фаунистического комплекса стоянки определены овца, бык домашний, лошадь.

Материалы стоянок Рассыпная VI и Жуковская 2 обнаруживают черты принципиального сходства в стратиграфических условиях залегания культурного слоя, структуре кремневого комплекса, наличии аналогичных типов изделий со вторичной обработкой. Есть общее и в керамических комплексах стоянок.

Стоянка Рассыпная 1 расположена в 5 км к СЗ от одноименного села на первой террасе правого берега р. Рассыпной. Памятник исследован в 1998 г. на площади 200 м². (раскопки В. В. Цыбрия). Разновременные культурные остатки выявлены в современном почвенном слое и в подстилающем его слое коричневатого-серого суглинка. Относительно немногочисленные находки, видимо, большей частью переотложены в результате склоновой эрозии, но коллекция

² Здесь и далее определения доцента кафедры общей биологии РГПУ Ю. Я. Мягковой. Выражаю искреннюю признательность Ю. Я. Мягковой за проделанную работу.

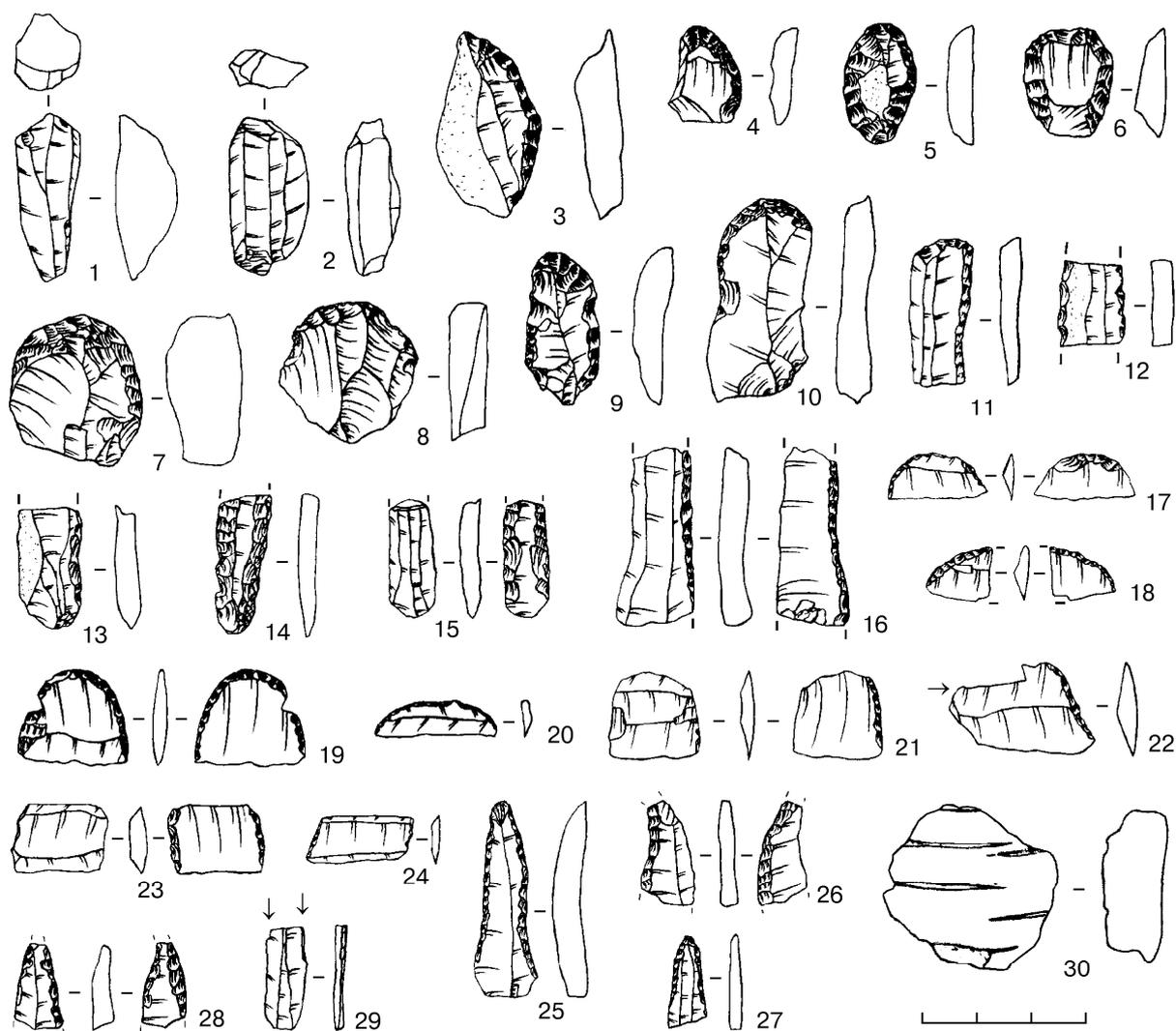


Рис. 6. Стоянка Жуковская II, инвентарь: 1—2 — нуклеусы; 3—11 — скребки; 12—16 — пластины с ретушью; 17—24 — геометрические микролиты; 25—28 — остря; 29 — резец; 30 — фрагмент лепной керамики.

кремневых изделий выглядит достаточно однородной в культурно-хронологическом отношении. Среди находок — призматический и конический нуклеусы от пластин (рис. 7, 1, 2), отщепы (23 экз.), неширокие пластинчатые сколы (17 экз.), изделия со вторичной обработкой (11 экз.) и отходы производства (25 экз.). Изделия со вторичной обработкой представлены скребками на отщепах (рис. 7, 4, 5), концевым скребком на пластине (рис. 7, 3), пластинами с ретушью (8 экз.) (рис. 7, 7, 8), резцами (рис. 7, 9), сегментом (рис. 7, 10), невыразительным обломком двусторонне обработанного изделия (рис. 7, 11). Найден один фрагмент пластинки из обсидиана.

Стоянка Жуковская 1 находится в 0,4 км к западу от стоянки Жуковская 2 (Цыбрий, Цыбрий, 2000. С. 36, 37). На поверхности собраны 116 кремневых изделий. Отщепов и пластин в коллекции 39 и 36 экз. соответственно, изделий со вторичной обработкой — 24 экз., один конический нуклеус (рис. 7, 29). В составе изделий со вторичной обработкой семь скребков на отщепах (рис. 7, 20), шесть скребков на пластинах (рис. 7, 21—23), пластины с ретушью, в том числе с ретушированной выемкой (рис. 7, 24—26), трапеция со струганой спинкой (рис. 7, 27), невыразительное двустороннеобработанное изделие (рис. 7, 28).

Стоянка Жуковская 5, расположенная на западной окраине с. Жуковское, обнаружена А. В. Цыбрием в 1998 г. (Цыбрий, Цыбрий, 2000. С. 41, 42). Всего выявлено 88 кремневых изделий и семь фрагментов стенок лепной посуды. В кремневой коллекции доминируют отщепы

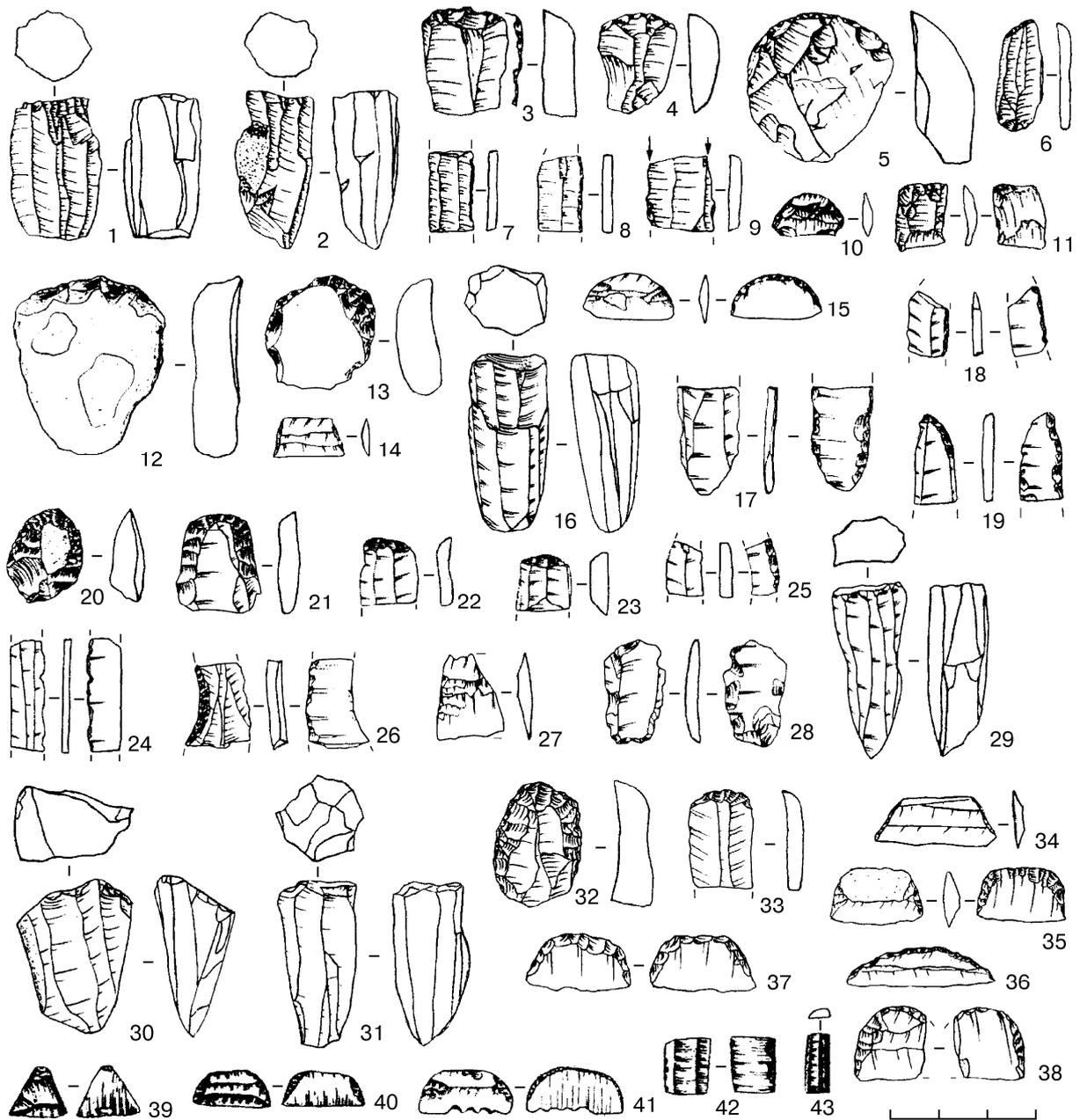


Рис. 7. Кремневый инвентарь: 1—11 — стоянка Рассыпная I; 12—19 — стоянка Жуковская 5 (сборы);
 20—29 — стоянка Жуковская 1 (сборы); 30—36 — поселение Кирпичное II (сборы);
 37—38 — местонахождение у хут. Юловский (сборы);
 39—43 — местонахождение у хут. Курганный (сборы; по Н. Д. Праслову).

(35 экз.), фрагментов пластин — 26 экз. (большинство из них шириной 0,7—1,2 см), отходов производства — 12 экз., изделий со вторичной обработкой — 14 экз., представлен конический нуклеус (рис. 7, 16). Среди изделий со вторичной обработкой шесть пластин с ретушью (рис. 7, 17, 18), две симметричные трапеции (рис. 7, 14), один двусторонне обработанный сегмент (рис. 7, 15), два скребка на отщепах (рис. 7, 12, 13), острие на пластине (рис. 7, 19). Малочисленные фрагменты керамики — без орнамента, в тесте отмечена примесь песка и шамота.

Вполне сопоставимые материалы известны также на местонахождениях в долине Западного Маныча (Горецкий, 1952. С. 313—316; Глебов, Цыбрий, 2000. С. 62—84; Парусимов, 1997. С. 26; Симоненко, 1997. С. 182—185), но почти все они представлены незначительным количеством находок. Исключение составляют памятники у хут. Курганный и местонахожде-

ние Цыганица, где собрано достаточно большое количество материала, в том числе, изделий со вторичной обработкой (Праслов, 1971. С. 102—107). Практически на всех памятниках собраны коллекции кремневых изделий микролитического облика, в составе которых присутствуют уплощенные и конические нуклеусы, скребки, сегменты, трапеции, пластины с ретушью, в том числе, с брюшка. Обращает на себя внимание, что многие геометрические микролиты имеют двустороннюю обработку (рис. 7, 30—43). Интересно, что в коллекции кремневых изделий, собранной местным жителем В. Н. Чебиным на ранее известном (Глебов, Цыбрий, 2000. С. 62—84) местонахождении у с. Красный Октябрь, присутствуют двусторонне обработанные асимметричные наконечники, аналогичные выявленным на р. Рассыпной³.

Близок к материалам Рассыпной VI комплекс находок стоянки Кременная II, исследованной автором в Милютинском р-не Ростовской обл. (Цыбрий А. В., 2001. С. 119—120). На памятнике вскрыта площадь около 700 м². Кремневые изделия (около 4000 экз.) представляют собой, по всей видимости, единый культурно-хронологический комплекс, характерными чертами которого являются микролитовидность и пластинчатость, широкое применение приема фрагментации пластинчатых сколов, разнообразие форм геометрических микролитов. Большинство пластинчатых сколов шириной 0,7—1,2 см. Встречены нуклеусы двух типов — конические и уплощенные. Изделий со вторичной обработкой около 8 %. Больше всего в коллекции геометрических микролитов. Выявлены трапеции, в том числе со струганой спинкой, сегменты, многие из которых с двусторонней обработкой дуги, параллелограммы. Вторая по количеству группа изделий со вторичной обработкой — скребки, которые изготавливали на отщепках (преимущественно) и пластинах. В небольшом количестве отмечены пластины с краевой ретушью, встречаются пластины с плоской ретушью на брюшко, резцы на углу сломанной пластинки. Выявлены также два фрагмента двусторонне обработанных наконечников стрел. Найдено несколько десятков мелких фрагментов керамики. Черепки не орнаментированы, красно-коричневого цвета без видимых примесей или с примесью дресвы в тесте. Формы сосудов не реконструируются. Фаунистическая коллекция очень бедна, тем не менее, на памятнике определены лошади и крупного рогатого скота. Полученная серия радиоуглеродных калиброванных дат (табл. 3), несмотря на значительный разброс значений, указывает на конец VII — первую половину VI тыс. до н. э. как время наиболее вероятного существования памятника.

Таблица 3.

Радиоуглеродные даты образцов почв из очагов стоянки Кременная II (Милютинский р-н Ростовской обл.)

Индекс	Очаг №	ВР	Интервалы калиброванного календарного возраста (BC)	% вероятности
Ле-6220	27	7600 ± 110	6590—6265; 6645—6225	68,5; 95
Ле-6221	28	7150 ± 85	6157—5897; 6213—5813	68,5; 95
Ле-6222	44	6600 ± 170	5705—5370; 5840—5150	68,5; 95
Ле-6223	29	6030 ± 120	5190—4735; 5285—4620	68,5; 95
Ле-6224	45	6770 ± 170	5835—5490; 5990—5375	68,5; 95
Ле-6227	40	7130 ± 170	6205—5805; 6375—5670	68,5; 95
Ле-6228	47	6450 ± 160	5610—5260; 5705—5005	68,5; 95

Опираясь на даты, полученные для стоянки Кременная II можно более уверенно определять хронологическую позицию стоянки Рассыпная VI. Учитывая, что комплекс Кременной II выглядит в целом более архаично (большая степень пластинчатости и микролитовидности,

³ Материалы готовятся к публикации.

меньше двустороннеобработанных форм), материалы Рассыпной VI можно датировать, видимо, серединой — второй половиной VI тыс. до н. э.

Обращаясь к более южным районам нельзя обойти вниманием недавно получившие известность материалы стоянки Гофицкое 1, расположенной в Ставропольском крае близ с. Гофицкое. Памятник прошурфован А. П. Захариковым, на нем собрана значительная коллекция кремневых изделий, отмечены редкие находки изделий из обсидиана и кварцита. В коллекции памятника — скребки, большей частью концевые на пластинах, пластины с ретушью, резцы, в большинстве представленные типом «на углу сломанной пластины», трапеции, сегменты, причем отмечена двусторонняя обработка дуги, прямоугольные ретушированные вкладыши⁴. В целом, материалы этого памятника выглядят более архаичными (А. П. Захариков склоняется к позднемезолитической датировке комплекса) по сравнению с выявленными на стоянках бассейна р. Рассыпная и на Кременной II, тем не менее, значительная степень сходства очевидна. В этом отношении интересно наличие в материалах стоянки Гофицкое 1 трапеций с частичным уплощением спинки встречной состругивающей ретушью.

Материалы Рассыпной VI, как и других вышеупомянутых памятников, имеют несомненные черты сходства (выраженные, в первую очередь, в кремневом инвентаре) с кругом памятников Северного Прикаспия и Нижней Волги. Если сопоставление керамических комплексов позволяет в настоящее время осуществлять определенную культурную группировку памятников этой зоны (Иванов, Васильев, 1995. С. 120), то в развитии кремневых индустрий больше общего, чем различий, что обусловлено, главным образом, длительным переживанием, вплоть до поздних этапов неолита, черт предшествующего мезолитического периода. Об этом свидетельствует микролитоидность и пластинчатый характер кремневого инвентаря, наличие в геометрическом комплексе практически всех типов микролитов известных и в мезолите, длительное время существуют характерные приемы обработки некоторых изделий — «сероглазковская» ретушь, двусторонняя обработка сегментов. Очевидные черты сходства расположенных на этой обширной территории памятников, преемственность между различными хронологическими этапами неолита позволили специалистам прийти к выводу об объединении двух выделяемых здесь культур в нижневолжскую неолитическую культурную область (Васильев, Выборнов, 1988. С. 18). Западная граница этой области маркировалась преимущественно памятниками Северо-Западного Прикаспия, среди которых наиболее изучено неолитическое поселение Джангар (Республика Калмыкия) (Кольцов, 1988. С. 52—92). Автор раскопок выделяет два хронологических этапа функционирования памятника, ранний из которых соответствует среднему, а следующий — позднему периодам неолита (Кольцов, 1990. С. 38, 40). Ранний этап неолита представлен на этой территории стоянкой Ту-Бузгу-Худук I и материалами нескольких местонахождений (Кольцов, 1990. С. 30). На всех этапах сохраняются черты преемственности в материальной культуре, что в кремневом инвентаре выражается в пластинчатом характере индустрии, микролитоидности, бытованием на всех этапах характерного комплекса изделий со вторичной обработкой — трапеций, сегментов, в том числе, и двустороннеобработанных, прямоугольников, резцов на углу сломанной пластины, пластинчатых наконечников стрел (Кольцов, 1988. С. 81—84, рис. 2—5, 9—10, 13—14; 1989. С. 89—103, рис. 1). Параллелограммы практически отсутствуют, что некоторые исследователи считают отличительной чертой неолитических комплексов Северо-Западного Прикаспия (Козин, Комаров, 1989. С. 17).

Очевидны черты не только сходства, но и отличия стоянок на р. Рассыпной, а также Кременной II и памятников Северо-Западного Прикаспия. В коллекциях Рассыпной VI, Жуковской II и Кременной II параллелограммы представлены пусть небольшими, но устойчивыми сериями, двустороннеобработанные наконечники, в большой серии выявленные на Рассыпной VI и встреченные также на Кременной II, в Северо-Западном Прикаспии редки и отмечены только на финальном этапе неолита (верхний слой Джангара). Но на памятниках Северо-Западного Прикаспия есть прямоугольники, практически неизвестные в коллекциях стоянок на Рассыпной и в комплексе Кременной II. К сожалению, в настоящее время невозможно полноценно сопоставить керамические комплексы, керамика на исследованных нами стоянках представлена относительно небольшим количеством маловыразительных фрагментов.

⁴ Доклад А. П. Захарикова «Разведки каменного века в Центральном Предкавказье в 2001 г.» на секции каменного века VIII Донской Международной археологической конференции (готовится к печати).

Таким образом, очевидно, что стоянки Восточного Приазовья в культурном отношении близки к кругу памятников Нижневолжской историко-культурной области эпохи неолита, что не отрицает черт определенного своеобразия материальной культуры. Круг аналогий можно расширить, обратившись к материалам неолитических памятников Кавказа. Так, сегменты с двусторонней обработкой дуги известны на Нижне-Шиловской стоянке (Формозов, 1962. С. 134, рис. 19). Параллелограммы, двусторонне обработанный наконечник стрелы и сегментовидное изделие, также с двусторонней обработкой, выявлены в неолитическом слое Каменноостской пещеры. Здесь же отмечены и трапеции со струганой спинкой (Формозов, 1965. С. 56). На Нижне-Шиловской стоянке в небольших объемах использовался обсидиан. Изделия из этого сырья встречены и на многих памятниках Восточного Приазовья, что, наряду с типологическими параллелями, свидетельствует, возможно, о различных направлениях связей его населения.

Вопросы генезиса неолита Восточного Приазовья можно рассматривать сугубо предварительно, что обусловлено слабостью источниковой базы. Для более восточных районов установлено, что неолитические культуры развиваются на основе предшествующих им мезолитических (Васильев, Выборнов, 1988. С. 37—45). Видимо, эту модель можно предполагать и для неолитических памятников Восточного Приазовья и долины Маныча, учитывая, что наиболее архаичные материалы стоянок у хут. Курганный (Праслов, 1971. С. 102—107) и стоянки Гофицкое 1 близки как между собой, так и по отношению к более поздним памятникам раскопанным на р. Рассыпной. Более обстоятельное решение этого вопроса возможно после выявления и стационарного изучения достоверных мезолитических памятников на этой территории, что является перспективной задачей дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1988.
- Глебов В. П., Цыбрий А. В. Сборы на левобережье Маныча // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов, 2000.
- Горецкий Г. И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // СА. № 16. 1952.
- Иванов И. В., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.
- Козин Е. В., Комаров А. М. Памятники раннеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
- Кольцов П. М. Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
- Кольцов П. М. Раннеолитическая стоянка Ту-Бузгу-Худук I в Северо-Западном Прикаспии // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
- Кольцов П. М. Хронология неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.
- Мелентьев А. Н. Мезолит Северного Прикаспия // КСИА. № 149. 1977.
- Парусимов И. Н. Археологические раскопки в Ремонтненском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1. Новочеркасск, 1997.
- Праслов Н. Д. Памятники каменного века Южных Ергеней // КСИА. Вып. 126. 1971.
- Симоненко В. А. К археологической карте Сальского района Ростовской области. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.
- Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа // МИА. № 102. 1962.
- Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Цыбрий А. В. Новые неолитические памятники на юге Ростовской области // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Цыбрий А. В. Исследования археологических памятников в Милютинском и Тарасовском районах Ростовской области в 2001 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2001.
- Цыбрий А. В. Новые материалы каменного века в долинах рек Рассыпная и Большой Егорлык // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-на-Дону. 2002.
- Цыбрий А. В., Цыбрий В. В. Памятники каменного века в бассейне р. Рассыпной // Археологические записки. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЗОВЬЕВ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА (проблемы культурно-хронологического определения)

Исследования неолитических памятников в бассейне Северского Донца связаны, в основном, со средним и верхним Подонцовьем. Украинскими коллегами накоплен огромный материал, позволяющий сделать важные (хотя и не всегда бесспорные) выводы культурно-хронологического порядка. В отличие от сопредельной территории, низовья Северского Донца на территории Ростовской обл. изучены недостаточно, а известные местонахождения немногочисленны и освещены крайне скупо (Горецкий, 1952. С. 318—319; Белановская, 1972. С. 157—158). В свете вышеизложенного безусловный интерес представляют как ранее известные, но неопубликованные, так и новые неолитические материалы.

В 1950 г. открыта стоянка Усть-Быстрая у эпонимного населенного пункта на левом берегу р. Северский Донец (Горецкий, 1952. С. 319). В 1972 г. сильно разрушенный памятник доследован В. Я. Кияшко на площади 300 м². Остановимся на общей характеристике материалов стоянки¹. Она занимает покатое песчанистое всхолмление 1-й надпойменной террасы, высотой 5,0—7,0 м над летним урезом воды в реке. Здесь выявлены разновременные археологические остатки, залегающие в супеси и вследствие этого в разной степени переотложенные. Наиболее многочисленная категория инвентаря — изделия из кремня, имеющие неолитический облик. В раскопе они концентрировались на глубине 0,40—0,60 м от дневной поверхности, ниже фрагментов керамики эпохи бронзы и средневековья. Наряду с кремнями, в супесчаном горизонте выявлены легкие зольные потемнения и вкрапления, мелко фрагментированные неопределимые кости животных, охра. Дополняет коллекцию кремней раскопа (1043 экз.) значительное количество подъемного материала (3718 экз.). Кроме того, выявлены несколько изделий из мягких пород камня, кварцита и обсидиана. Сохранность памятника не позволяет судить о единовременности неолитического комплекса, но его анализ дает основания предположить культурно-хронологическую близость находок. Очевидные признаки сырьевого, типологического и определенного стратиграфического единства коллекции каменных изделий раскопа, ее идентичность коллекции сборов позволяют рассматривать материалы суммарно.

В основном использовался желвачный однородный непрозрачный серый кремень. Ближайшие выходы подобного сырья находятся в 25 км к югу от хут. Кременской (Матюхин, 1994. С. 134—141). Небольшую часть сырья составляет галечный коричневый качественный кремень. Судя по количеству первичных отщепов и наличию преформ, начальное расщепление проводилось на территории стоянки. В составе нуклеусов (37 экз.) есть четыре «пренуклеуса» (рис. 1, 1), оставленные на разных стадиях подготовки ядрища. Из других форм представлены 9 клиновидных уплощенных (рис. 1, б), шесть конических (рис. 1, 7), 8 призматических двуплощадочных (рис. 1, 2, 3) и три одноплощадочных, два карандашевидных (рис. 1, 5) и торцовый (рис. 1, 4) нуклеусы. Четыре нуклеуса фрагментированы. Одноплощадочные нуклеусы, как правило, имеют прямую площадку. Двуплощадочные сочетают основную прямую площадку со вспомогательной скошенной. Все ядрища имеют негативы от пластин и были ориентированы на получение в качестве заготовки пластинчатого скола. Общими чертами являются тщательная обработка поверхности, намеренное формирование боковых ребер и использование, как правило, одностороннего расщепления с одной основной и прямой площадки, что приводило к уплощению нуклеусов. На использование техники отжима указывают негативы исключительно ровных и правильных пластин и микропластин, и наличие таких сколов в коллекции. К отходам производства относятся разнообразные технологические сколы (44 экз.), резцовые отщепки (3 экз.), нуклеовидные обломки (19 экз.), обломки (111 экз.), осколки и чешуйки (1380 экз.). В составе отщепов (2394 экз.) много первичных сколов, в основном, невыразительных. Среди пластинчатых сколов (586 экз.) есть целые и фрагментированные пластины, пластинки и микропластинки (табл. 1).

¹ Совместная с В. Я. Кияшко и А. В. Цыбрием развернутая публикация неолитических материалов стоянки Усть-Быстрая находится в печати.

Таблица 1.

Состав пластинчатых сколов

Наименование	Итого:	%
Пластинчатые сколы, в т. ч.:	586	12,3
а) пластины	39	0,8
б) фрагменты пластин :	145	3,0
— проксимальные	50	1,1
— медиальные	87	1,8
— дистальные	8	5,5
в) пластинки	54	1,1
г) фрагменты пластинок:	221	4,6
— проксимальные	70	1,5
— медиальные	138	2,9
— дистальные	13	0,3
д) микропластинки	36	0,8
е) фрагменты микропластинок:	91	1,9
— проксимальные	29	0,6
— медиальные	58	1,2
— дистальные	4	0,1

Более всего пластинок длиной 0,7—1,2 см, из них правильных, хорошо ограненных сколов — около трети. Среди фрагментов резко преобладают медиальные части пластинок, но значителен и удельный вес фрагментов пластин. Среди этих изделий много качественных, с определенными признаками стандартизации.

Таблица 2.

Состав изделий со вторичной обработкой

Наименование	Итого:	%	% в группе
Изделия со вторичной обработкой в т. ч.:	177	3,7	100
1. Скребки	57	1,2	32,2
2. Резцы	48	1,0	27,1
3. Пластины с ретушью края	19	0,4	10,7
4. Усеченные пластины	7	0,1	4,0
5. Трапеции	4	0,1	2,3
6. Рубящие орудия	2	0,0	1,1
7. Скобели	7	0,1	4,0
8. Провертки	6	0,1	3,4
9. Острия	7	0,1	4,0
10 Отщепы с ретушью	15	0,3	8,5
11. Сколы рубящих орудий	2	0,04	1,1
12. Осколки орудий	3	0,1	1,7

В составе изделий со вторичной обработкой преобладают *скребки* (рис. 1, 8—17), изготовленные как на пластинчатых сколах (22 экз.), так и на отщепах (35 экз.). Есть изделия на целых и укороченных пластинах с концевой и концево-боковой обработкой. У некоторых изделий ретушью или резцовым сколом обработан противоположный конец. Скребки на отщепах разнотипны: концевые, концево-боковые, округлые, веерообразные, боковые. Изготовлены они как на первичных, так и на вторичных отщепах. Характерным для набора скребок стоянки является типологическое разнообразие, использование и пластинчатых, и отщеповых заготовок, преобладание концевых типов орудий.

Второй по численности группой являются *резцы* — 48 экз. (рис. 1, 18—23; 2, 1—3). В их составе: резцы-струги — 17 экз. (рис. 1, 19, 20), разнообразные боковые и угловые резцы, резцы на углу сломанной пластины. Таким образом, для изготовления изделий с резцовым сколом употреблялись различные виды заготовок, но преимущественно отщепы с предварительной ретушью и без нее.

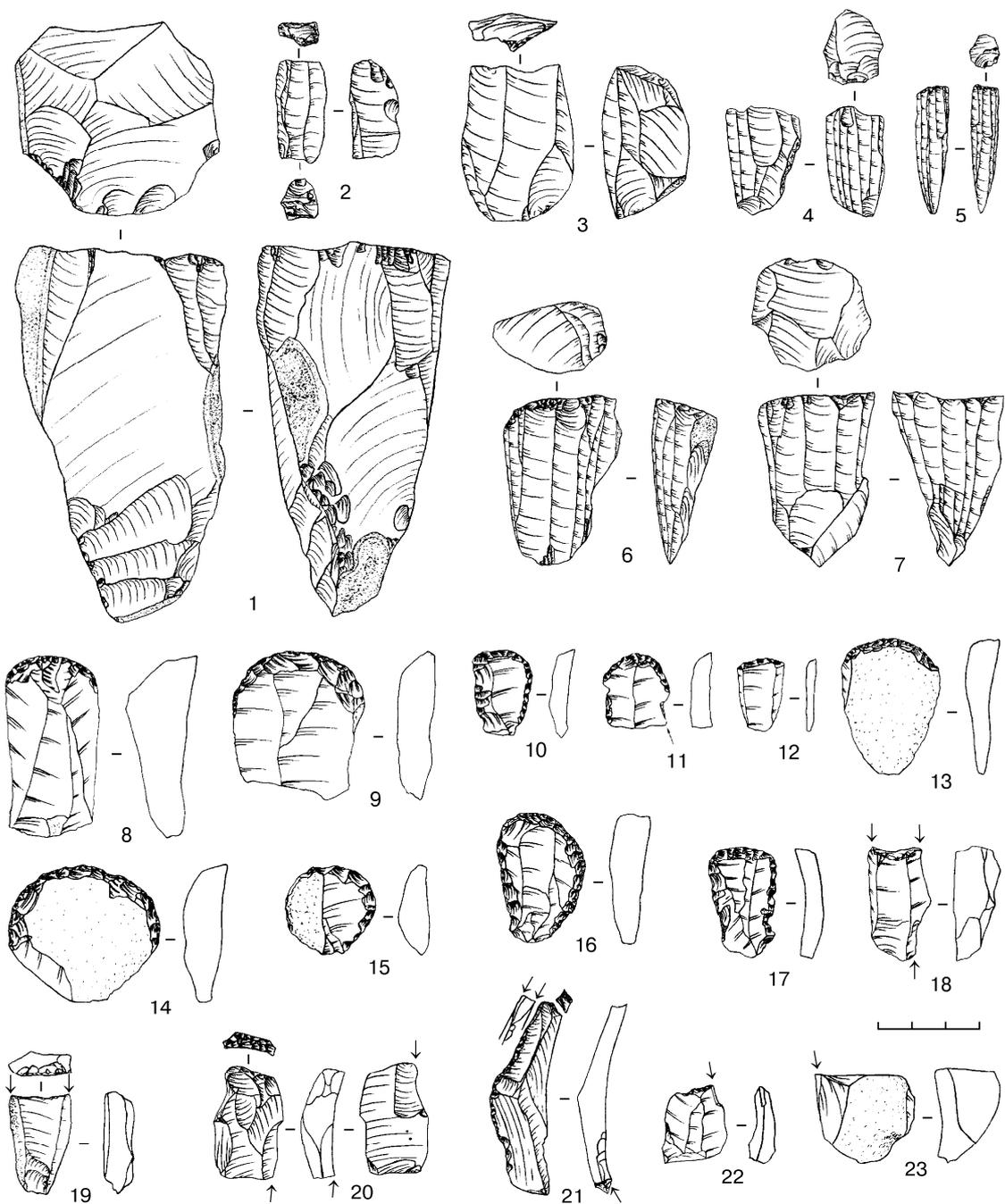


Рис. 1. Изделия из кремня стоянки Усть-Быстрая.

Пластинчатые сколы с краевой ретушью (рис. 2, 6—10) немногочисленны, большая часть — это фрагменты. Ретушь, преимущественно лицевая, крутая и полукрутая, хотя в единичных случаях отмечено пологое ретуширование, обработка пологой ретушью с бруска и двухсторонняя обработка. Усеченные пластинчатые сколы (рис. 2, 11—13) индивидуальны и не составляют серий.

Геометрические микролиты (рис. 2, 17—19) представлены исключительно трапециями, три из которых со струганой спинкой. В составе рубящих орудий: топор и тесло, изготовленные путем полной двусторонней оббивки (рис. 2, 20). Связаны с этой категорией орудий два боковых скола подправки лезвий. Аналогичные формы рубящих изделий и сколов с них характерны для днепро-донецких древностей (топоры-резаки, овальные топоры) (Телегин, 1968. С. 132, 134; Телегин, 1978. С. 44, 45, 54, 55).

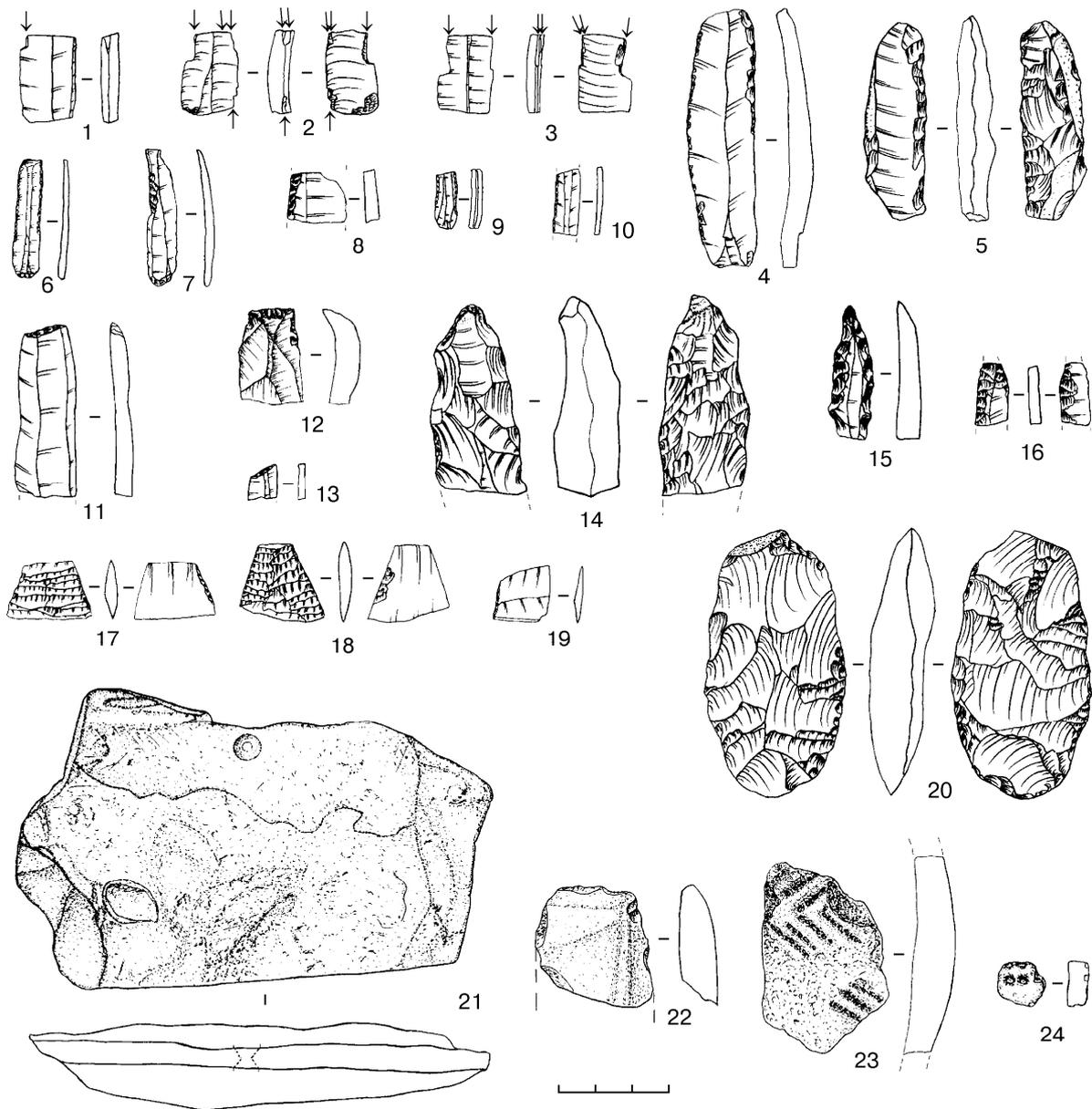


Рис. 2. Инвентарь стоянки Усть-Быстрая.

Разнообразны, но типологически невыразительны, *провертки, остря, скобели, отщепы с ретушью*. Среди проверток интересны фрагменты довольно массивных двусторонне обработанных изделий (рис. 2, 14). Предметы из других пород камня немногочисленны. Обнаружены вещи из обсидиана — пластинка и фрагмент пластинки. В числе находок из сланца есть обломки шлифованных предметов, один из которых очень похож на обушковую часть рубящего орудия (рис. 2, 22). Подобные изделия широко известны в неолите Нижнего Подонья и Приазовья.

Несколько фрагментов лепной *керамики* отличаются от посуды эпохи бронзы и средневековья. Черепки плохой сохранности, тонкие, хрупкие. Глиняное тесто плотное с мелким песком. На одном обломке сохранился орнамент в виде горизонтальной елочной композиции, нанесенной мелкозубчатым гребенчатым штампом (рис. 2, 23). На двух других фрагментах сохранились парные наколы (рис. 2, 24). Нельзя исключить неолитический возраст этой керамики, но малочисленность находок не позволяет решить этот вопрос однозначно. Тем не менее, прослеженные элементы орнамента и технологии имеют широкие неолитические аналогии, в частности, в архаической керамике поселения Ольховая 5 на Луганщине. (Горелик, Выборный, 1995. С. 106, 107, 117).

Рассмотренный комплекс внутренне непротиворечив. Техника производства, основные категории инвентаря вполне отвечают сложившимся представлениям о неолитической индустрии и не дают оснований для культурно-хронологического расчленения рассмотренных материалов.

В 1987 г. А. Е. Матюхиным открыто местонахождение Нижнесеребряковское-1 в устьевой части р. Быстрой, левого притока Северского Донца. Памятник расположен в 5 км к востоку от стоянки Усть-Быстрая и занимает мыс первой надпойменной террасы высотой около 5 м над урезом воды в реке. В 1997—2000 гг. памятник исследовался автором на площади 50 м². Выявлены пять непереотложенных культурных слоев, три из которых относятся к неолитическому времени². Слои залегают в делювиальных суглинках мощностью более двух метров. Верхний хронологический рубеж для неолитических слоев ограничен слоем 2, в котором представлена керамика характерная для нижнедонской культуры позднего неолита — раннего энеолита. Нижележащие неолитические слои имеют четкую стратиграфическую позицию, но пока ограниченную информативность из-за малочисленности орудий и керамики. В слое 3 обнаружены кремни (48 экз.), охра, фрагмент керамики, мелкие кости, раковины. Кремень, преимущественно, желвачный серый разнотонный и, реже, галечный темно-коричневый качественный. Выявлен фрагмент призматического нуклеуса (рис. 3, 1). В инвентаре показательны четыре геометрических микролита — трапеции, три из которых со струганой спинкой (рис. 3, 6—8). Выявлена и обычная низкая трапеция с обработкой на брушко, придающей изделию сегментовидные очертания (рис. 3, 5). Другие орудия представлены тремя пластинами с усеченными ретушью концами и двумя — с краевой ретушью (рис. 3, 2—4, 9, 10).

Фрагмент керамики от стенки толстостенного сосуда. Глиняное тесто плотное, прочное, с примесью мелкого песка. Излом черный, а поверхность оранжево-коричневая, орнаментирована вертикальными и диагональным рядами слабо прочерченных линий (рис. 3, 11). Отметим, что желтовато-коричневая толстостенная керамика с прочертами есть в архаических неолитических слоях территориально близкого Ракушечнойярского поселения.

Слой 4 четко отделен от слоя 3 стерильной прослойкой и представлен многочисленными кремнями без вторичной обработки (более 2000 экз.), редкими орудиями и керамикой. Кроме того, он включает отдельные угольки, комочки охры, мелкие фрагменты костей животных. Сохранность слоя очень хорошая. Выявлены четкие скопления кремня, маркирующие места первичного расщепления. Два найденных нуклеуса — уплощенный односторонний и конический — имеют негативы пластинчатых сколов (рис. 3, 12, 13). По сравнению с отходами производства качественных пластин, пластинок и микропластинок немного, но они ясно отражают ориентацию первичного расщепления. Использовался светло- и темно-серый желвачный кремень, редко — желтовато-коричневый галечный. В составе изделий со вторичной обработкой — пластинка с крутой лицевой ретушью (рис. 3, 21), боковой резец (рис. 3, 19) и угловой резец-скребок (рис. 3, 20), скребки на отщепках и пластинах (рис. 3, 14—18), трапеции (рис. 3, 23—24), фрагмент двухсторонне обработанного изделия (рис. 3, 22), отщепы с ретушью. Одна из трапеций средневысокая, со струганой спинкой, вторая — низкая, вытянутая, со встречной ретушью по верхнему основанию. Боковой резец типологически близок резцам-стругам. Также в скоплении кремней выявлено сланцевое шлифованное орудие с зауженным концом, возможно, отжимник или ретушер (рис. 3, 25). В слое обнаружено три небольших фрагмента лепных сосудов. Черепки плохой сохранности, внешняя поверхность разрушена, излом черный. На внутренней поверхности следы заглаживания. Тесто пористое вследствие выгоревшей растительной примеси.

Пятый слой отделен от вышележащего стерильной аллювиальной прослойкой и наименее информативен, т. к. представлен исключительно продуктами первичного расщепления. Сырье и типология находок аналогичны изделиям вышележащего слоя. Их разделяет очень четкий и, видимо, кратковременный аллювиальный намыв, т. е. хронологически слои близки.

² Поскольку памятник находится в процессе исследования, настоящая публикация является предварительной.

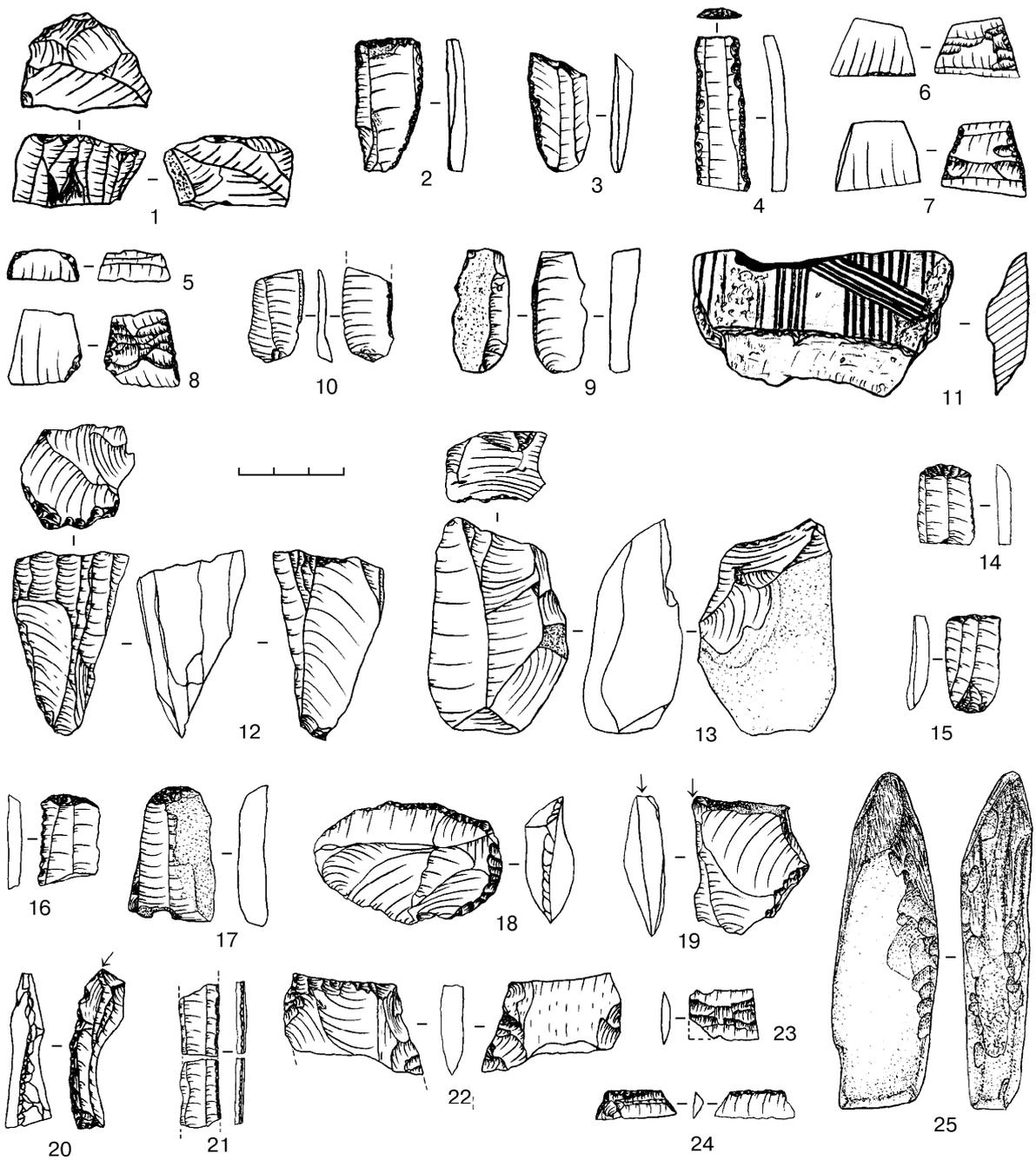


Рис. 3. Стоянка Нижнесеребряковская-1:
 1—11 — находки из культурного слоя 3; 12—25 — находки из культурного слоя 4.

Аналогии орудиям нижнесеребряковских слоев есть в коллекции Усть-Быстрой. Сходны трапеции со струганой спинкой, усеченные пластины, скребки, резцы. Трапеции со струганой спинкой найдены в сочетании с обычными. Присутствуют шлифованные орудия из сланца. Техника расщепления обоих памятников ориентирована на производство пластинчатых сколов, а вот краевая обработка последних представлена слабо. Присутствует, но не очень развита (кроме рубящих орудий) двухсторонняя обработка. Единичны фрагменты керамики. Можно предполагать культурно-хронологическую близость рассмотренных материалов, но для окончательного вывода нижнесеребряковская коллекция недостаточно репрезентативна. Пока открытым остается и вопрос о временном интервале между 3 и 4 слоями. Керамика их резко от-

лична, и в верхнем слое, как будто, отражает более совершенную стадию керамического производства. Но, вместе с тем, нет принципиальных различий в кремневом инвентаре.

В целом, для инвентаря обоих рассмотренных памятников наиболее продуктивен поиск параллелей в ареале сопредельной донецкой культуры. По ее проблематике существует обширная библиография. Исследователи отмечают слабую трансформацию кремневого инвентаря, долгое время сохраняющего черты предшествующей мезолитической эпохи (Горелик, 1997. С. 34). Близкими чертами являются выраженная пластинчатость, сходство типов нуклеусов, преимущественное использование среднешироких пластинчатых заготовок и фрагментация последних. Орудийный комплекс сочетает как микролитические (орудия на пластинках и микропластинках, геометрические и негеометрические микролиты), так и макролитические черты (двусторонне обработанные рубящие орудия). Рубящие орудия в усть-быстринской коллекции представлены типичными для донецких памятников формами. Кроме общего сходства скребков и резцов, идентичны специфические формы резцов-стругов. В то же время есть и отличия. Прежде всего, в нижнедонецких коллекциях отсутствуют такие специфические донецкие орудия как яниславицкие острия и пластинки с притупленным краем, а также крайне мало пластинчатых сколов с ретушью, количество которых в донецких орудийных комплексах достигает 40 %. Пока трудно сказать, чем обусловлены отмеченные черты сходства и различия.

Сложившиеся представления о неолите Нижнего Дона и Донетчины позволяют поместить рассмотренные материалы в пределах первой половины неолита. На фоне общей микролитности и пластинчатости комплексов появляется керамика, немногочисленные двухсторонние формы, трапеции со струганой спинкой, шлифованные и сверленные изделия. Свидетельства сетевого рыболовства более характерны для нижнедонских памятников и редко встречаются в Подонцовье, но везде не ранее неолита (Неприна, 1991. С. 109). Общей чертой раннеолитических памятников Северо-Восточного Приазовья является немногочисленность или отсутствие керамики (Горелик, 1997. С. 34). Для ранней донецкой посуды характерны примесь растительности и песка в тесте, плохая сохранность. Несколько фрагментов керамики нижнедонецких памятников имеют эти же признаки. Обращают на себя внимание развитые формы рубящих орудий Усть-Быстрой. По Д. Я. Телегину такие изделия соответствуют второму периоду развития днепро-донецкого неолита (Телегин, 1968. С. 132—133). Достаточно совершенны и выявленные трапеции. Микролиты с ретушированной спинкой донецких стоянок Ольховая-2 и Ольховая-5 на Луганщине не так тщательно обработаны, но их сближает с усть-быстринскими использование крупных заготовок, высокие формы, спорадическая ретушь боковых краев (Горелик, Выборный, 1995. С. 105, 110, 115, 120). Очень похожие трапеции есть и в коллекции стоянки Зеленая Горница-1 (Манько, Телиженко, 1999б. С. 27—31). Наличие некоторых развитых черт в инвентаре Усть-Быстрой позволяет предположить относительную датировку стоянки в пределах середины или финала раннего неолита. Вероятно, этот комплекс несколько более поздний, чем материалы стоянки Ольховая-5, датируемые по косвенным данным рубежом 6—5 тыс. до н. э. (Горелик, Выборный, 1995. С. 113). В целом же проблема относительной и абсолютной хронологии донецких памятников продолжает оставаться острой. Это объясняется малочисленностью гомогенных комплексов и, соответственно, отсутствием возможности датирования естественнонаучными методами. Определение возраста Ольховой-5 основано на привлечении материалов матвеево-курганской культуры, радиоуглеродные даты которой определяют нижнюю границу неолита серединой 6 тыс. до н. э. Нижнюю границу развитого неолита дают абсолютные даты Ракушечного яра — конец 5 тыс. до н. э.³ Видимо, тысячелетний период с середины 6 тыс. до н. э. до середины 5 тыс. до н. э. и определяет хронологические границы первой половины неолита в Приазовье и Нижнем Подонье. Таким образом, рубеж 6 и 5 тыс. до н. э. является наиболее вероятной датой для рассмотренных комплексов.

Интересен для сравнительного анализа бескерамический гомогенный комплекс стоянки Раздорская 2, на правом берегу Дона, недалеко от устья Северского Донца (Кияшко, Ромащенко, 1994. С. 58—69). Микролитичность и некоторые архаичные черты инвентаря сочетаются с развитой сланцевой и костяной индустриями, наличием домашних животных⁴. Здесь также

³ Использованы некалиброванные даты. Календарный возраст удревняется на тысячелетие.

⁴ Остеологические определения не опубликованы. Использовано устное сообщение Н. И. Ромащенко.

прослеживается ряд аналогий. Идентичность основного вида сырья заставляет предполагать один, уже названный выше источник его получения. Сходны основные формы нуклеусов, хотя в Раздорской 2 их немного. Близки состав и соотношение пластинчатых сколов, при ведущем типе среднеширокой заготовки. Идентичен и видовой состав каменных находок: кремьень, песчаник, сланец, кварцит, кремнеокременное дерево. В орудийном кремневом комплексе черт сходства меньше. Идентичны типы скребков при их различном соотношении. Общей чертой является прием аккомодации скребков под оправу или зажим. Резцы Раздорской 2 не содержат массивных боковых форм (резцов-стругов) и отличаются резким преобладанием типа на углу сломанной пластинки. Но нельзя не отметить сходство небольших серий боковых косоретушных одинарных резцов. В Раздорской 2 нет трапеций со струганой спинкой, много усеченных и ретушированных пластин; рубящие кремневые орудия более разнообразны и специфичны. Интересны аналогии в использовании мягких пород камня, хотя количество изделий несопоставимо. Это касается сверленных, обработанных пикетажем, шлифованных изделий. К сожалению, других ранних памятников для сравнения в Нижнем Подонье нет.

Поиск других параллелей, например в приазовских (Крижевская, 1991; Даниленко, 1986), поволжских и прикаспийских (Васильев, Выборнов, 1988, Иванов, Васильев, 1995) древностях мало плодотворен. Техничко-морфологические различия, обусловленные существенным хронологическим разрывом, определяют принципиальную несопоставимость материалов Усть-Быстрой с известными позднелеолитическими памятниками Подонья (Кияшко, 1987. С. 73—80; 1994; Белановская, 1995; Гей, 1983. С. 7—34), исключая некоторые общие или отдельные черты сходства, присущие кремневому инвентарю широкого круга памятников Северо-Восточного Приазовья.

Пока невозможно окончательное культурное определение материалов стоянок Усть-Быстрая и Нижнесеребряковская-1. Это связано с характером самих комплексов и с общей неполнотой источников по мезолиту и неолиту Ростовской области. Черты, показательные для донецкой культуры, возможно, позволят включить наши памятники в ее ареал. Интересны и следующие наблюдения. Нижнедонецкие памятники, стоянка Раздорская 2 имеют аналогии в сопредельных культурах (для Раздорской 2 отмечены параллели в матвеево-курганской культуре (Кияшко, Ромашенко, 1994. С. 69)), но это не отменяет их своеобразия и некоторых черт взаимного сходства. Не исключено, что на обширных территориях Нижнего Подонья следует ожидать пласт «пограничных» памятников, сочетающих пока мало известные местные компоненты и черты соседних культур. Решение этого вопроса зависит от дальнейших всесторонних исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановская Т. Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995.
- Белановская Т. Д. Неолитические местонахождения на Нижнем Дону и Северском Донце // XXV Герценовские чтения: Исторические науки. Л., 1972.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья: Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.
- Гей А. Н. Самсоновское поселение // Древности Дона. М., 1983.
- Горецкий Г. И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // СА. № 16. 1952.
- Горелик А. Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья: (Вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. Киев, 1984.
- Горелик А. Ф., Выборный В. Ю. Итоговые исследования неолитических памятников в Устье р. Ольховой // Археологический альманах. № 4. Донецк, 1995.
- Горелик А. Ф. Сложение донецкой культуры и некоторые методологические проблемы «неолитизации» мезолитических культур // Древности Подонцовья. Луганск, 1997.
- Даниленко В. М. Кам'яна могила. Київ, 1986.
- Иванов И. В., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.
- Кияшко В. Я. Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону // КСИА. № 192. 1987.
- Кияшко В. Я. Между камнем и бронзой: (Нижнее Подонье в V—III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов, 1994.

- Кияшко В. Я., Ромащенко Н. И.* Раздорское-2 — новое поселение каменного века на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 13. Азов, 1994.
- Крижевская Л. Я.* Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб, 1991.
- Матюхин А. Е.* Новые палеолитические памятники в бассейне Северского Донца // РА. № 1. 1994.
- Манько В. А., Телиженко С. А.* Об острях яниславицкого типа в комплексах донецкой культуры // Древности Северского Донца: Сборник научных статей. Вып. 3. Луганск, 1999а.
- Манько В. А., Телиженко С. А.* Раннеолитический комплекс стоянки Зеленая Горница-1 в среднем течении Северского Донца // Древности Северского Донца: Сборник научных статей. Вып. 3. Луганск, 1999б.
- Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А.* Памятники каменного века Левобережной Украины: Хронология и периодизация. Киев, 1986.
- Неприна В. И.* Рыболовство в мезолите — энеолите Украины // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла. Л., 1991.
- Телегин Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
- Телегин Д. Я.* К методике составления типолого-статистической таблицы кремневых изделий мезолитической эпохи // Орудия каменного века. Киев, 1978.

ПОСЛЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ (МАСТЕРСКИЕ) В УСТЬЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Долина Северского Донца — одна из немногих территорий Русской равнины, где отмечены археологические памятники разных эпох первобытности — от ашеля до ранней бронзы. Особый интерес представляют домустьерские памятники Хрящи и Михайловский (Праслов, 1968. С. 22—56; 2001. С. 13—22), многослойные (мустьерские и позднепалеолитические) мастерские и стоянки-мастерские в балке Бирючьей в окрестностях хутора Кременского (Матюхин, 1994а. С. 4—36; 1994б. С. 25—37; 2001. С. 135—146; Matioukhine, 1998. Р. 466—487). В Белокалитвенском р-не исследована стоянка раннего неолита Усть-Быстрая, связанная с первой надпойменной террасой Северского Донца (Кияшко и др., 2000. С. 45—63). На поселении Нижнесеребряковское 1 выделены слои неолита, энеолита и бронзы (Цыбрий, 2002. С. 68—83).

В данной статье мы намерены остановиться на послепалеолитических памятниках-мастерских, расположенных в окрестностях хут. Кременского и Базки Константиновского р-на Ростовской обл.

Впервые о поздних мастерских в этих местах стало известно после разведочных работ Т. Д. Белановской (1972. С. 156—159). Позднейшие работы по исследованию многослойных памятников в балке Бирючьей и разведки в соседних балках увеличили число таких памятников. На всех восьми памятниках в балке Бирючьей в современной почве были встречены кремневые изделия. В частности, относительно многочисленные предметы отмечены на памятниках Бирючья Балка 2 и 2б. Довольно много находок (нуклеусы, отщепы, осколки) собрано на пашне к югу от памятника Бирючья Балка 2. Несколько пунктов находок открыто на вершине правого, коренного склона балки Бирючьей. Причем, кремневые изделия здесь представлены в виде небольших (3—5 м в поперечнике) и довольно крупных скоплений. Пункты подобного рода локализируются напротив памятников Бирючья Балка 2, 1а, 1б и 1в. В этих скоплениях, наряду с огромным количеством отщепов, осколков и грубых нуклеусов, найдены выразительные призматические нуклеусы небольших размеров. Орудия всюду единичны. То же относится к пластинам и пластинкам. Кроме того, кремневые изделия собраны на пахотных участках правого склона балки Бирючьей выше указанных пунктов на расстоянии 2 км. Так, на памятнике Лесная 1¹ предметы обнаружены не только на поверхности, но и непосредственно в почвенном слое.

Инвентарь содержит нуклеусы разной степени сработанности, редкие пластины, отходы производства и грубые двусторонние орудия. Вероятно, что во всех случаях речь идет о мастерских по получению заготовок нуклеусов и сколов, а также частичному изготовлению двусторонних орудий. Показательно, что мастерские, так или иначе, тяготеют к выходам кремня в окрестностях хутора Кременского.

Более подробно остановимся на ряде послепалеолитических памятников, расположенных в балках Бирючья и Нагольная.

Бирючья балка 2

На всех трех участках, где проводились раскопки, в почвенном слое встречены кремневые изделия. Всюду они малочисленны. На южном участке на площади 20 м² собрано 236 изделий. Преобладают отщепы (84 экз.), пластины и пластинки (31 экз.), осколки и чешуйки (121 экз.). Кроме того, выделены нуклевидные обломки (2 экз.), обломки нуклеусов (4 экз.) и орудия (4 экз.). Наряду с грубыми отщепами отмечены отдельные выразительные сколы. Особый интерес представляет отщеп со сложно подготовленной ударной площадкой (рис. 1, 4).

Практически все пластинчатые сколы, кроме двух грубых, представлены в виде различного рода фрагментов (рис. 1, 3, 5, 7). Следует обратить внимание на присутствие фрагментов крупных пластин (рис. 1, 7).

Остановимся на орудиях. Это два скола с уплощенным корпусом (рис. 1, 1), обломок орудия с ретушью на обоих боковых краях (рис. 1, 2) и резец на углу сломанной пластины (рис. 1, 6).

¹ См. об этом памятнике статью А. В. Орленко в настоящем сборнике.

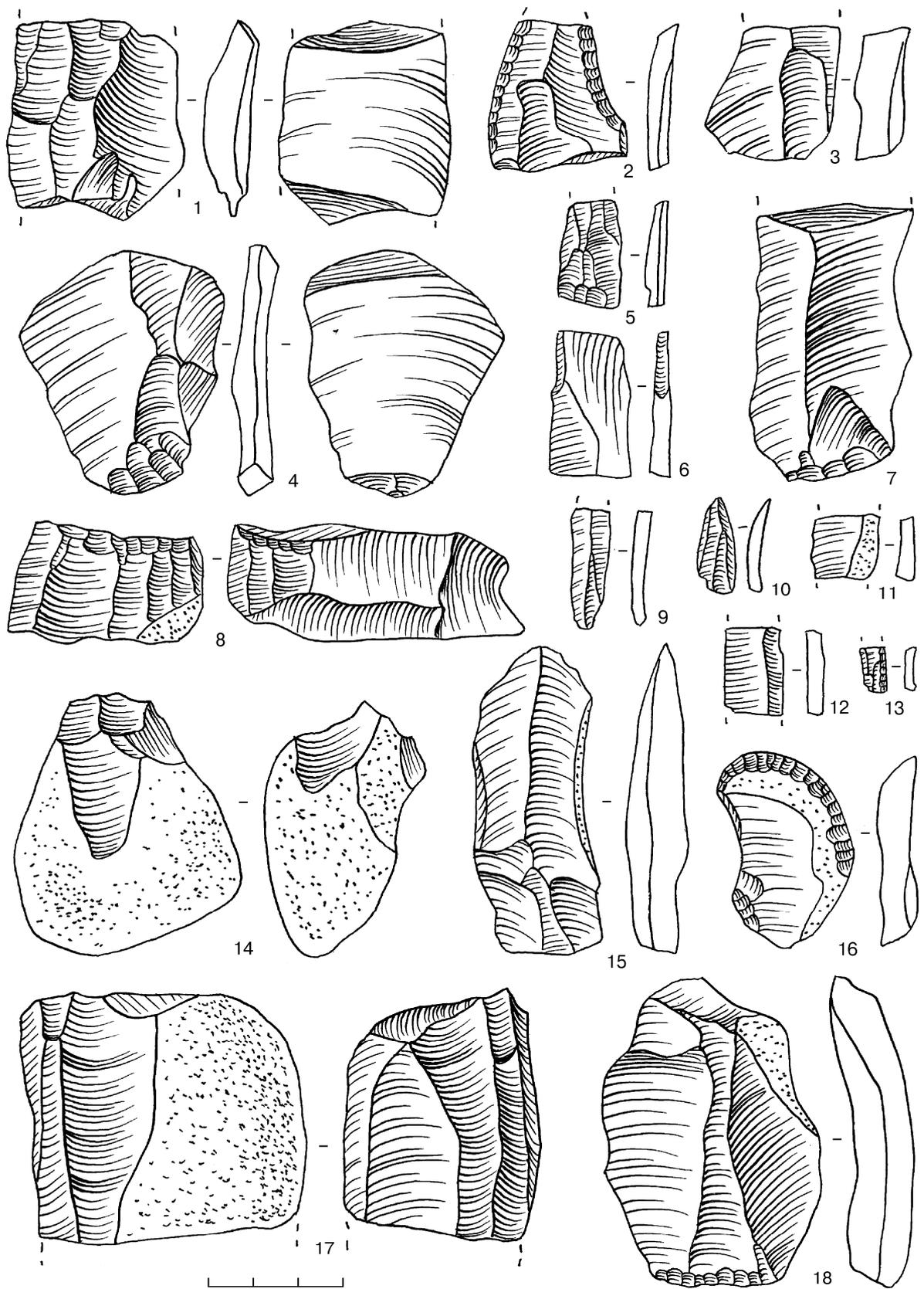


Рис. 1. Кремневые изделия, собранные в 1-м слое Бирючьей Балки 2 (1—7) и Нагольной балке (8—18):
 1 — отщеп с уплощенным корпусом; 2 — обломок орудия с ретушью по обоим краям;
 3, 5, 7 — фрагменты пластин; 6 — резец; 8, 14, 17 — нуклеусы; 9, 11 — 12, 15 — пластины и пластинки;
 10 — микроострие; 13 — пластинка с притупленным краем; 16 — скребок; 18 — отщеп.

Интересны первые два орудия. Заготовкой для одного из них послужил фрагмент крупной пластины или пластинчатого отщепа (рис. 1, 1). Не исключено, что фрагментация исходного скола проведена с помощью отбойника. Отщепы скалывались со скошенных торцов, расположенных на обоих концах фрагмента. Скорее всего, уплощение проведено с целью подготовки удобной заготовки какого-то орудия. Поэтому оправданно называть данное изделие орудием, а не нуклеусом. У орудия с ретушированными боковыми краями обломан верхний конец. Вероятно, это было остроконечное орудие.

Таким образом, инвентарь горизонта 1 на южном участке Бирючьей Балки 2 содержит, главным образом, отходы производства. Нет ни одного законченного орудия. Исходя из типолого-технологических характеристик индустрии этого, а также северного и восточного участков, уместно ставить вопрос о мастерской, производственный профиль которой остается до конца неясным. Возможно, здесь происходило получение пластин, пластинок и частичное изготовление орудий, точнее, их заготовок.

Приуроченность кремневых изделий к современной почве, несомненно, указывает на их принадлежность к голоцену. Определить их археологический возраст (неолит — энеолит) пока не удастся, т. к. отсутствуют какие-либо диагностические формы каменных орудий и керамика. Заметим, что пластины (в первую очередь, их огранка), а также отдельные орудия напоминают палеолитические образцы. В последнем случае речь идет о близких технических приемах, в частности, ядрищном уплощении корпуса изделий.

Бирючья Балка 3

Этот памятник исследовался автором в 1990—1991 гг. Он располагается у подошвы правого склона балки Бирючьей напротив памятника Бирючья Балка 2. Высота участка склона с находками над дном балки — около 5 м. На правом борту балки, в отличие от левого, к которому приурочены многослойные палеолитические памятники, суглинки отмечены лишь у основания. На большей его части выходят меловые мергели, покрытые тонкой прослойкой современной почвы. У подошвы склона балки недалеко от раскопов 1 и 2 имеются выходы кремня, представленного в виде желваков и обломков. Несколько ниже раскопов 1 и 2, о которых пойдет речь, у самого основания склона в 1992—1993 гг. заложены три шурфа. Целью этих работ было обнаружение выходов кремня, которыми могли пользоваться позднепалеолитические обитатели этих мест. Мощность рыхлых отложений составляет здесь 3—5 м. Верхняя пачка представляет собой смытую с вышележащих участков склона балки почву. Находок в ней обнаружено мало. Затем залегают различного рода суглинки с изделиями позднего палеолита. Самые нижние отложения следует рассматривать как балочный аллювий, хорошо представленный в разрезе на Бирючьей Балке 2 и содержащий мустьерские находки.

Участок с находками, который будет рассмотрен, располагается выше упомянутых шурфов на 2—3 м. Раскопки проводились в двух местах, отстоящих друг от друга на 20 м по линии запад — восток. Размеры раскопа 1 1990 г. 2 x 2 м, а раскопа 2 1991 г. — 2 x 3 м. Стратиграфия отложений данного участка склона проста: 1) современная почва (5—10 см); 2) желтоватая, гумусированная сверху, мергелевая масса, переходящая местами в суглинок (10—15 см); 3) меловой мергель. Отметим, что в настоящее время мергель в отдельных местах склона балки находится в рыхлом (иногда порошкообразном) состоянии и легко копается. Находки располагаются во всей толще отложений. Самые нижние находки в раскопе 1 1990 г. располагались непосредственно в рыхлом мергеле. Существенно, что в почвенном слое, а также в рыхлой суглинисто-мергелевой массе находки распространяются не равномерно (т. е. они не рассеяны), а образуют небольшие скопления, что указывает на их, в целом, инситуальный характер. Показательно и то, что очертания скоплений в обоих литологических горизонтах примерно совпадают. Мощность толщи с находками в раскопе 1 составляет 10—15 см, в раскопе 2 — 15—20 см.

Сложным и пока до конца неясным остается вопрос о времени образования суглинисто-мергелевой массы. По мнению некоторых геологов, этот процесс мог произойти в относительно короткий промежуток времени, т. е. несколько тысячелетий тому назад. Такое допущение с учетом современных полевых наблюдений представляется вполне реальным.

Изделия, собранные в обоих раскопах, изготовлены из серого с розоватыми разводами кремня. Заметим, что кремень, обнаруженный в шурфах, имеет другие оттенки. Кремень зале-

гает в кровле мергелей. Он содержит пустоты, инородные включения и обладает заметной упругостью (жесткостью). Сохранность изделий удовлетворительная.

Таблица 1.

Бирючья Балка 3, раскоп 1, находки из горизонтов 1—2

Наименование находок	Количество (%)	
	горизонт 1	горизонт 2
Желваки и обломки кремня без обработки	8 (1,38)	27 (9,41)
Желваки и обломки кремня с единичными сколами	7 (1,21)	14 (4,88)
Нуклевидные обломки	37 (6,39)	16 (5,57)
Нуклеусы	5 (0,86)	2 (0,70)
Отщепы	246 (42,49)	100 (3,48)
Пластины и пластинки	—	—
Осколки и чешуйки	284 (49,05)	126 (5,57)
Орудия	—	2 (0,70)
Всего:	579	287

Как видно из таблицы 1, желваков и обломков кремня без обработки, а также с единичными сколами и нуклевидных обломков в обоих горизонтах довольно много. В горизонте 2 они залегают в непо потревоженном положении. Отщепов и осколков рядом с ними найдено мало. Судя по тому, что многие желваки покрыты слоем мергеля, можно допустить, что они извлекались из коренных пород преднамеренно с помощью специальных орудий (мотыг). Заметим при этом, что кремни, находящиеся на глубине, обладают более высокими технологическими свойствами, чем те, которые располагаются на поверхности и испытывают воздействие окружающей среды.

Оценивая расколотые поверхности у желваков с единичными сколами и нуклевидных обломков, можно сделать вывод об использовании элементарных способов разбивания желваков на земле или наковальне с помощью других, более крупных предметов (см. об этом Матюхин, 2003. С. 13—22). Длина нуклеусов в пределах 8—18 см. Они отражают параллельный плоскостной способ расщепления. Несколько нуклеусов следует относить к числу пробных. Остальные нуклеусы оставлены на начальной стадии расщепления.

Большая часть отщепов имеет грубые очертания. Первичные и полупервичные сколы заметно преобладают над отщепами с частичной коркой и без корки. Пластины полностью отсутствуют.

Орудия (2 экз.) обнаружены в горизонте 2. Заслуживает внимания обломок крупного массивного орудия с частичной двусторонней обработкой (рис. 2, 5). Стоит обратить внимание на умеренную забитость верхнего конца и боковых краев. Вероятно, это следы использования. Такие следы обычно возникают при контакте орудия с твердыми предметами, например, при копании грунта, насыщенного обломками камня. Для уверенного заключения на этот счет нужны дополнительные сведения.

Перейдем к описанию находок, собранных в раскопе 2. Основная часть изделий приурочена к желтоватой суглинисто-мергелевой массе, которая до конца не разобрана. Поэтому число всех находок здесь неполное. Так, явно занижено количество желваков без обработки и с единичными сколами.

В обоих горизонтах в большом количестве представлены нуклевидные обломки. Основная часть нуклеусов имеет длину в пределах 7—10 см. Все они демонстрируют параллельный плоскостной способ расщепления (рис. 2, 2, 6; 3, 5, 7). На рабочих поверхностях фиксируются негативы отщепов и крупных пластин. Нуклеусы объемные, полуобъемные или со слегка выпуклым фронтом практически не обнаружены. Основная часть нуклеусов оставлена на начальной стадии расщепления. Выделено несколько пробных нуклеусов. Ударные площадки у всех нуклеусов подготовлены крупными сколами (рис. 2, 2, 4, 6). Скалывание отщепов осуществлялось с одной или двух площадок. Одноплощадочные нуклеусы заметно преобладают над двухплощадочными.

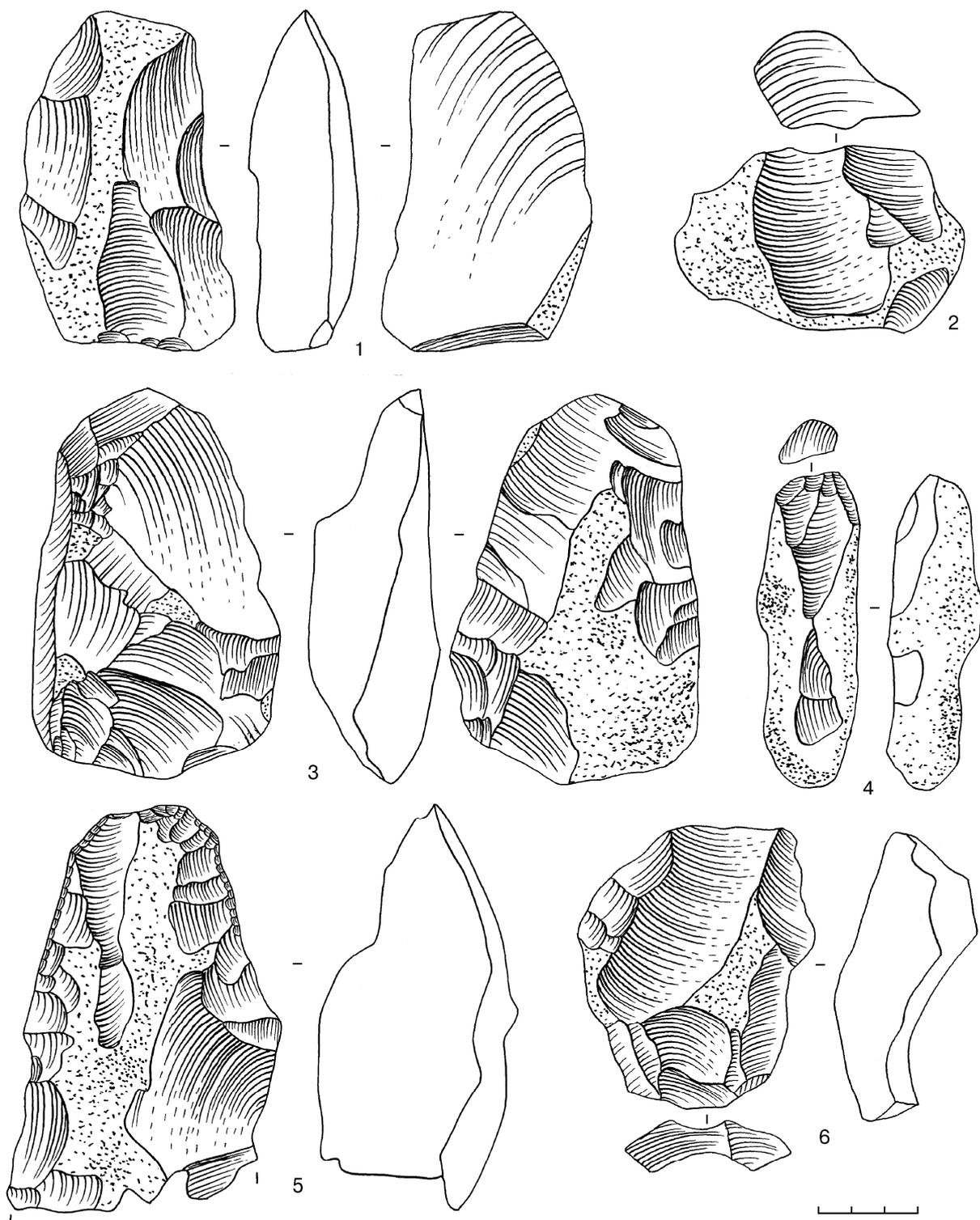


Рис. 2. Бирючья Балка 3, кремневые изделия:

1 — колуноподобное орудие; 2, 4, 6 — нуклеусы; 3 — бифас; 5 — обломок крупного орудия.

В подавляющем большинстве случаев отщепы имеют грубый облик (рис. 3, 1; 4, 4, 11, 15—16). Выделены сколы оформления и переоформления рабочей поверхности и ударных площадок нуклеусов (рис. 4, 6—7, 18—19). Удлиненные сколы нередко имеют трехгранное сечение. Совершенно очевидно, что подобного рода сколы указывают на направленное снятие заготовок, прежде всего, отщепов. Кроме грубых, выделено несколько отщепов правильных

очертаний (рис. 4, 5, 14, 20). Интересно, что эти сколы практически неотличимы от палеолитических образцов. Первичные и полупервичные отщепы заметно преобладают над отщепами с частичной коркой и без корки. Пластины и пластинки малочисленны (рис. 4, 1—3, 8—10, 12—13, 17). Целые экземпляры не характерны (рис. 4, 3, 8, 17). В основном, это средние и нижние части пластин (рис. 4, 1—2, 9—10, 13). Пластинки единичны и невыразительны. Пластины имеют параллельную двускатную и конвергентную огранку. Пластинчатые сколы в инвентаре обоих горизонтов не случайны, и их нельзя рассматривать как побочные продукты первичного расщепления.

Таблица 2.

Бирючья Балка 3, раскоп 2, находки из горизонтов 1—2

Наименование находок	Количество (%)	
	горизонт 1	горизонт 2
Желваки и обломки кремня без обработки	2 (0,34)	6 (0,42)
Желваки и обломки кремня с единичными сколами	11 (1,87)	10 (0,71)
Нуклевидные обломки	92 (15,65)	169 (11,95)
Нуклеусы	11 (1,87)	19 (1,31)
Отщепы	325 (55,27)	827 (58,49)
Пластины и пластинки	3 (0,51)	22 (1,56)
Сколы оформления	4 (0,68)	26 (1,84)
Осколки и чешуйки	138 (23,35)	325 (22,98)
Орудия	2 (0,34)	10 (0,71)
Всего:	588	1414

Отметим довольно высокий процент мелких и очень мелких осколков и чешуек, особенно для горизонта 2. Как свидетельствуют многие коллекции кремневых изделий палеолита и неолита, а также данные экспериментов, такие сколы возникают, прежде всего, при изготовлении крупных двусторонних орудий.

Орудий в обоих горизонтах мало. Это колуноподобное орудие (рис. 2, 1), крупный бифас с обушком (рис. 2, 3), отщепы с базальным утончением (рис. 3, 1—2), орудие с частичной двусторонней обработкой (рис. 3, 3), двусторонний бифас (рис. 3, 4) и обломок бифаса зауженных пропорций (рис. 3, 6). Орудие типа колуна изготовлено из укороченного отщепа. С подготовленной на одном боковом крае ударной площадки снят крупный отщеп с целью уплощения исходной заготовки. Крупные сколы локализуются и по обоим краям орудия. Дистальный конец не обработан. У крупного бифаса основная часть сколов с одной стороны снята с боковой грани, которая выступала в роли ударной площадки (рис. 2, 3). Противоположная сторона орудия оформлена крупными сколами и нерегулярной ретушью. Мелкая систематическая ретушь оформления отсутствует. У бифаса не выделены рабочие лезвия. Другими словами, он явно незакончен. У отщепов с базальным утончением мелкие сколы локализуются со стороны брюшка (рис. 3, 1—2). Они снимались с подготовленных ударных площадок. Орудие с частичной двусторонней обработкой в определенной мере напоминает крупный скребок (рис. 3, 3). Оно оформлено с двух сторон по полупериметру преимущественной крупной регулярной ретушью. Листовидный бифас имеет слегка асимметричные очертания и искривленный профиль. Он обработан с двух сторон сколами и крупной ретушью. Изделие, судя по морфологии, следует относить к числу незаконченных, а вернее, неполучившихся орудий. Правильнее называть этот предмет листовидным острием. Незаконченным орудием следует считать также обломок бифаса (рис. 3, 6). Таким образом, почти все орудия являются неготовыми. Это могут быть, на деле, неполучившиеся экземпляры или заготовки. Судя по имеющимся находкам, законченными орудиями могли быть листовидные острия и другие двусторонние формы, например, топоры, тесла и т. п.

Теперь о функциональном типе памятника. На основе изложенных выше данных оправданно считать его мастерской, основной производственный профиль которой — добыча сырья, его обработка с целью опробования и подготовки заготовок нуклеусов, а также скалывания отщепов и пластин в качестве заготовок. Однако нельзя не принимать в расчет присутствие ору-

дий. Вероятно, что другой технологической стратегией было изготовление двусторонних орудий, точнее, их заготовок. Следовательно, более оправданно в данный момент говорить о мастерской смешанного профиля.

Самым сложным остается вопрос о возрасте памятника. Прежде всего, неясно время формирования элювиальных суглинков, вернее, суглинисто-мергелевой массы, в которых залегают находки. Определение археологического облика памятника затрудняется по причине отсутствия законченных и диагностических типов орудий. Никаких сведений касательно возраста не дает и техника расщепления. Практически все типы сколов, а также орудия могут быть обнаружены в коллекции позднепалеолитических мастерских. Яркий пример — соответствующие слои Бирючьей Балки 2. Важно подчеркнуть, что материалы мастерских вообще затруднительны для решения вопросов возраста и культурной принадлежности памятников. Всякого рода сложные орудия (тесла, топоры, двусторонние наконечники, крупные бифасы и др.) разных эпох, т. е. палеолита, неолита и бронзы на начальной стадии обработки могут не обнаруживать заметных отличий друг от друга (Матюхин, 1995. С. 17—19). Типологически они могут рассматриваться как нуклевидные орудия. Незнание или игнорирование этого обстоятельства может привести к неверной оценке незаконченных, т. е. грубых орудий из позднепалеолитических коллекций (Матюхин, 1990. С. 92—98). И действительно, в инвентаре всех поздних мастерских, где происходило изготовление сложных орудий, отдельные грубые формы могут иметь мустьерский и ашельский облик.

Поскольку прямые аналогии невозможны, попытаемся сделать несколько предварительных и осторожных сопоставлений. Так, отметим присутствие отщепов с уплощенным корпусом в инвентаре Бирючьей Балки 3 и слоя 1 Бирючьей Балки 2. Обратимся теперь к незаконченным орудиям с двусторонней обработкой (рис. 2, 3; 3, 3—4, 6). Сходные по форме и размерам листовидные острия можно найти в слоях 3, 6 и 7 Раздорского, а также Константиновского поселений, датируемых энеолитом (Кияшко, 1994. Рис. 27, 1, 4; 28, 2—4, 6; 29, 7—9). Правда, наконечники, происходящие из двух последних памятников, являются законченными. Заметим, что в индустрии позднего палеолита Бирючьей Балки 2 листовидные острия отсутствуют. С другой стороны, колуноподобное орудие (рис. 2, 1) можно рассматривать как заготовку топора или тесла. Говоря о неожиданности некоторых сопоставлений, укажем на морфологическое сходство треугольных наконечников слоя 3 (поздний палеолит) Бирючьей Балки 2, с одной стороны, и 5-го слоя Раздорского поселения, с другой (Кияшко, 1994. Рис. 11, 1, 3, 7—12; 1987. Рис. IV, 3, 5; V, 16; VI, 22). Обратим внимание на сходство петрографических характеристик кремня Константиновского поселения и мастерских в балке Бирючьей. Нельзя согласиться с мнением В. Я. Кияшко (1994. С. 47—48), что сырьем на Константиновском поселении служили гальки из русловых отложений Дона. На деле, речь идет преимущественно о желвачном кремне.

Таким образом, мы склоняемся в пользу того, что индустрию мастерской Бирючьей Балка 3 следует связывать с неолитом или энеолитом, а не палеолитом. В пользу этого говорит и тот факт, что в современной почве участка склона, непосредственно прилегающего к раскопам, был найден фрагмент керамики. Многие вопросы, затронутые здесь, будут, несомненно, прояснены в ходе дальнейших полевых исследований.

Нагольная балка

Балка Нагольная расположена к югу от балки Бирючьей на расстоянии 1 км. Правый борт балки сложен мергелями, а левый — суглинками. В отдельных местах левый склон образует обнажения высотой от 2 до 8 м. У подошвы левого склона балки на расстоянии 500—600 м от реки Северский Донец в промоинах собраны кремневые изделия. Данное место дополнительно разрушено тракторами во время сельскохозяйственных работ. Высота участка над дном балки около 2 м. Находки происходят с поверхности, а также из зачистки шириной 1 м и длиной 2 м. Мощность почвенного слоя — в пределах 25—40 см. Изделия связаны с ним и, отчасти, с подпочвой. В суглинке, вскрытом в зачистке, они полностью отсутствуют. Горизонт находок не является насыщенным и компактным. Выявлены лишь небольшие скопления, состоящие из 3—5 предметов. В других местах участка склона балки, в промоинах находки не встречались. Вполне вероятно, что зона распространения изделий довольно ограничена — примерно 300 м². Судя по всему, значительная часть памятника была разрушена в силу отмеченных выше причин.

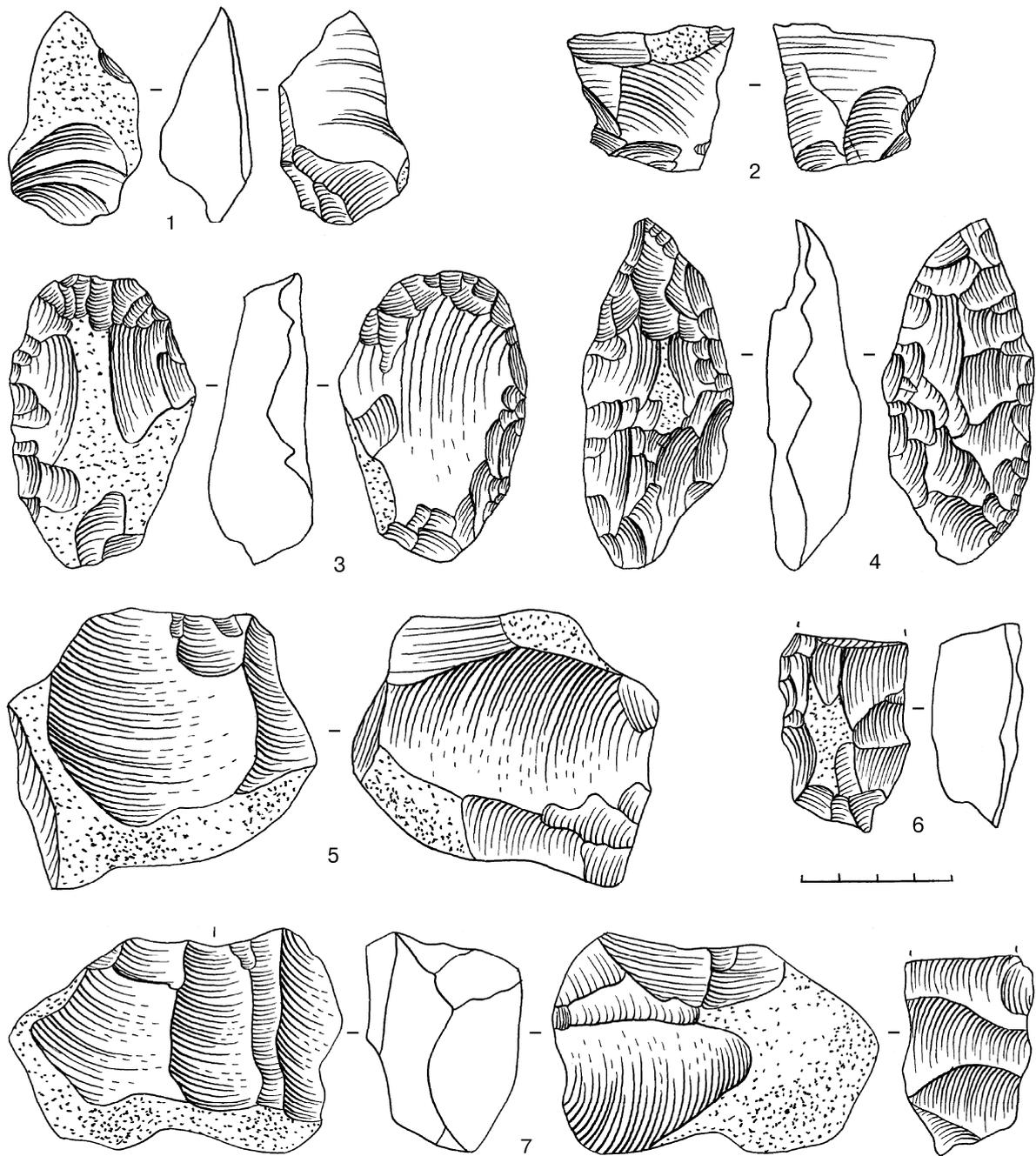


Рис. 3. Бирючья Балка 3, кремневые изделия:

1 — 2 — отщепы с базальным утончением; 3 — орудие с частичной двусторонней обработкой;
4 — листовидное острие; 5, 7 — нуклеусы; 6 — обломок бифаса.

Нуклеусы показывают параллельный плоскостной (1 экз.) и объемный (2 экз.) способы расщепления (рис. 1, 8, 14, 17). Первый нуклеус, скорее, является пробным (рис. 1, 14), а два других предназначены для скалывания пластин и пластинок (рис. 1, 8, 17). Отщепы первичные и полупервичные в количественном отношении уступают отщепам с частичной коркой и без корки. Отщепов правильных очертаний мало (рис. 1, 18). Пластины и пластинки представлены, главным образом, фрагментами (рис. 1, 9, 11—12). Целые предметы единичны (рис. 1, 15). Обнаружено одно микроострие (рис. 1, 10). Пластинчатые сколы с правильной огранкой преобладают. Орудия представлены скребком на отщепе (рис. 1, 16) и микропластинкой с притупленным краем (рис. 1, 13). Упомянем также, что в зачистке обнаружены кусочек обгорелой кости и мелкий фрагмент керамики.

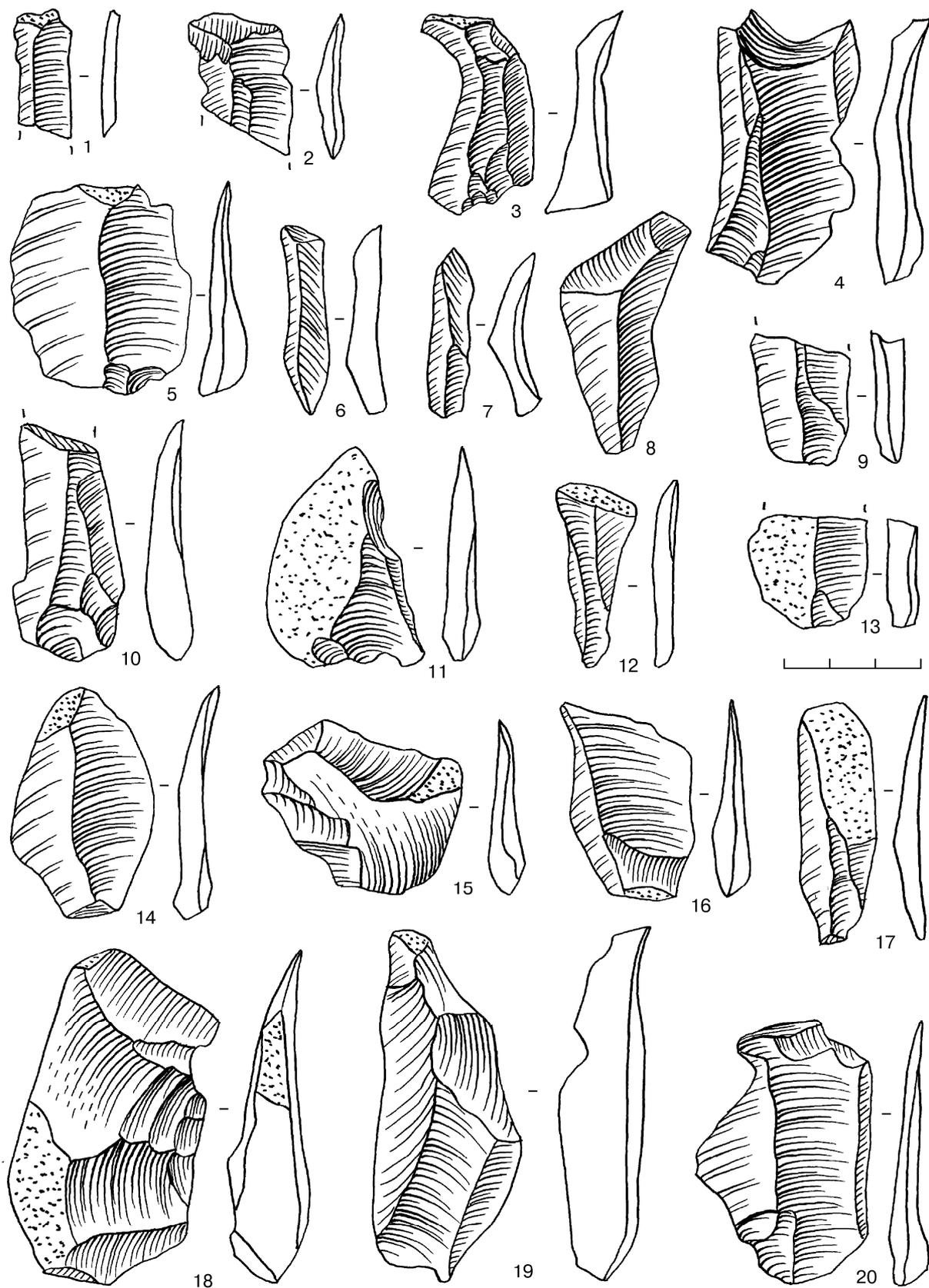


Рис. 4. Бирючья Балка 3, кремневые изделия:
 1 — 3, 8 — 10, 12 — 13, 17 — пластины и пластинки; 4 — 5, 11, 14 — 16, 20 — отщепы;
 6 — 7, 18 — 19 — сколы оформления и переоформления нуклеусов.

Нагольная балка, находки из сборов и расчистки

Наименование находок	Количество (%)
Нуклеусы	3 (2,97)
Отщепы	49 (48,51)
Пластины	6 (5,94)
Пластинки и микропластинки	5 (4,95)
Осколки и чешуйки	36 (35,64)
Орудия	2 (1,98)
Всего:	101

Имеющиеся в настоящее время сведения по памятнику Нагольная Балка явно недостаточны для решения таких вопросов как его функциональный тип, археологическая датировка и культурная принадлежность. Говоря о типе памятника, нужно принять в расчет ряд обстоятельств. Во-первых, в инвентаре мало пластинчатых сколов, тем более, целых. Орудия единичны. Исходя из количественного состава, можно связывать его с мастерской. Однако, мы понимаем, что этот вывод преждевременный. Столь же правомерно, особенно учитывая присутствие фрагментов кости и керамики, считать Нагольную балку кратковременным поселением. Вопрос этот остается открытым.

Сравнивать изделия данного памятника с другими материалами затруднительно, прежде всего, по причине небольшой коллекции и отсутствия в ней четких типов. Поскольку изделия залегают в почвенном слое, то уверенно можно говорить о принадлежности их к неолиту или энеолиту. Для более точной датировки пока нет оснований. Тем не менее, обратимся для сравнения к поселениям, расположенным в долине Северского Донца. Материалы раннеолитической стоянки Усть-Быстрая содержат многочисленные пластинчатые сколы, а также резцы, скребки, пластины и пластинки с ретушью (Кияшко и др., 2000. С. 45—63). Характерно, что в инвентаре отмечены пластинки с крутой ретушью. Более интересен для наших целей инвентарь 5-го слоя поселения Нижнесеребряковское 1, датированный развитым неолитом (Цыбрий, 2002. С. 82). Здесь выделены выразительные пластинки и микропластинки с притупленной спинкой (Цыбрий, 2002. Рис. 9, 7, 8, 11—12). Однако речь идет о неполном и общем сопоставлении. Другими словами, вопрос о культурной принадлежности Нагольной балки пока ставить рано.

Таким образом, в устье Северского Донца в последние годы выявлены многочисленные пункты находок кремневых изделий, которые можно связывать с мастерскими по первичному расщеплению и изготовлению двусторонних орудий. Эти мастерские сосредоточены вокруг выходов кремня в балке Бирючьей. Нельзя исключить того, что кремень из этой балки, а также балки у хутора Базки транспортировался древними людьми в различные районы бассейна Нижнего Дона. Зону распространения этого кремня в неолите — энеолите еще предстоит выяснить. Что касается балки Нагольной, то речь идет или о своеобразной мастерской или, более вероятно, о кратковременном поселении неолита — энеолита. Многие вопросы, касающиеся возраста всех памятников, их культурного статуса, остаются неясными. Их решению будут способствовать дальнейшие работы в этом районе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановская Т. Д. Неолитические мастерские на Нижнем Дону // XXV Герценовские чтения: Исторические науки. Л., 1972.
- Кияшко В. Я. Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону // КСИА. Вып. 192. 1987.
- Кияшко В. Я. Между камнем и бронзой: Нижнее Подонье в V—VI тысячелетиях до н. э. Азов, 1994.
- Кияшко В. Я., Цыбрий В. В., Цыбрий А. В. Раннеолитические материалы стоянки Усть-Быстрая на Северском Донце // Археологические записки. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000.
- Матюхин А. Е. О спорных вопросах датировки палеолитического (?) местонахождения Гора До во Вьетнаме // СА. № 2. 1990.
- Матюхин А. Е. Многослойный палеолитический памятник Бирючья Балка 2 // Донские древности. Вып. 4. Азов, 1994а.

- Матюхин А. Е.* Палеолитические мастерские в бассейне Нижнего Дона // АВ. № 3. 1994б.
- Матюхин А. Е.* Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века // РА. № 3. 1995.
- Матюхин А. Е.* Полевые исследования Северо-Донецкого палеолитического отряда в 1999—2000 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999—2000 гг. Вып. 17. Азов, 2001.
- Матюхин А. Е.* Об элементарных способах раскалывания камня в палеолите // АВ. № 10. 2003.
- Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.
- Праслов Н. Д.* Палеолит бассейна Дона (проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры). Дисс. докт. ист. наук. СПб, 2001.
- Цыбрий В. В.* Материалы неолита, энеолита и поздней бронзы поселения Нижнесеребряковское 1 в низовьях Северского Донца // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2002.
- Matioukhine A. E.* Les ateliers paléolithique supérieur de la vallée du Donets Severski (région de Rostov, Russie) // L'Anthropologie. No. 102/4. 1998.

МАСТЕРСКАЯ КАМЕННОГО ВЕКА ЛЕСНАЯ 1 В БАССЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА (предварительное сообщение)

Памятник Лесная 1 расположен в 5 км к ЮВ от хут. Кременской, Константиновского р-на Ростовской обл. на 1-й террасе правого борта балки Бирючья. В 2002 г. в рамках работ Северо-Донецкого палеолитического отряда ИИМК РАН под руководством д. и. н. А. Е. Матюхина было проведено обследование верховьев балки Бирючья, в результате которого и был открыт новый памятник с материалами неолитического облика. Мастерские эпохи мустье и верхнего палеолита в Бирючьей балке в течение 15 лет изучаются А. Е. Матюхиным, работами которого в верхней части отложений зафиксированы и поздние, нео-энеолитические слои, содержащие небольшое количество находок (Матюхин, 1994. С. 134—141; 2001. С. 25). Ранее в низовьях Северского Донца несколько мастерских, датированных неолитическим возрастом, были открыты Т. Д. Белановской, в том числе и ряд пунктов вблизи хут. Кременской (Белановская, 1972. С. 155). Мастерские в районе хут. Кременской приурочены к выходам кремневого сырья, ряд мастерских, также связанных с выходами сырья, известен в Северо-Восточном Приазовье (Борисковский, 1957. С. 141; Крижевская, 1992. С. 67—79). Введение в научный оборот материалов нового памятника дополняет наши представления о производственной деятельности людей эпохи неолита¹.

Мастерская находится на мысу правого борта балки, образованном впадением в нее балки Лесная. Основная часть находок выявлена на пахотном поле, отграниченного от борта балки лесополосой. Выявленные на поверхности находки, представленные исключительно кремневыми изделиями, располагались в виде локального скопления на площади 150 x 80 м.

В коллекции подъемного материала — 115 кремневых изделий.

Сырье — серый, различных оттенков кремнь с включениями мергелевых частиц. Открытые выходы такого кремня расположены в устьевой части Бирючьей Балки.

Нуклеусы — 44 экз. Большинство выявленных нуклеусов — от пластин, представлены ядрищами оставленными на начальной стадии расщепления (рис. 1, 1—4). У этих нуклеусов, как правило, сформированы ударные площадки и проведены операции по формированию поверхности расщепления. Ее оформление осуществлялось посредством скалывания крупных пластинчатых сколов, ориентированных вдоль предполагаемой поверхности расщепления. Наряду с этим, отмечены случаи, когда формирование поверхности расщепления производилось как продольными так и поперечными сколами с боковых сторон нуклеуса (рис. 1, 3).

В коллекции также представлены 10 достаточно сильно утилизированных нуклеусов от пластин с негативами регулярных пластинчатых снятий (рис. 1, 5, 6). Из них семь нуклеусов — односторонние, тыльная часть, как правило, обработана несколькими сколами и сохраняет участки желвачной корки (рис. 1, 5). Пять нуклеусов — одноплощадочные, два — двухплощадочные. Ширина негативов пластинчатых сколов на сработанных нуклеусах колеблется от 0,7 до 1,4 см. Так как расщепление осуществлялось с одной стороны, пять нуклеусов этой группы имеют тенденцию к уплощению (рис. 1, 5), а два можно охарактеризовать как уплощенные (рис. 1, 6). Ударные площадки, как правило, оформлены серией сколов. Одностороннее расщепление характерно и для большинства нуклеусов, оставленных на начальной стадии эксплуатации, что по видимому предполагало уплощение ядрища в процессе дальнейшего использования. В этом отношении любопытна находка уплощенного нуклеуса, оставленного на начальной стадии расщепления, в качестве которого был использован массивный отщеп, боковые стороны которого использовались в качестве ударной площадки для формирования рабочей поверхности, тыльная же сторона практически не обработана (рис. 1, 3).

¹ Выражаю искреннюю признательность А. Е. Матюхину за предоставленную возможность обработки и публикации материалов.

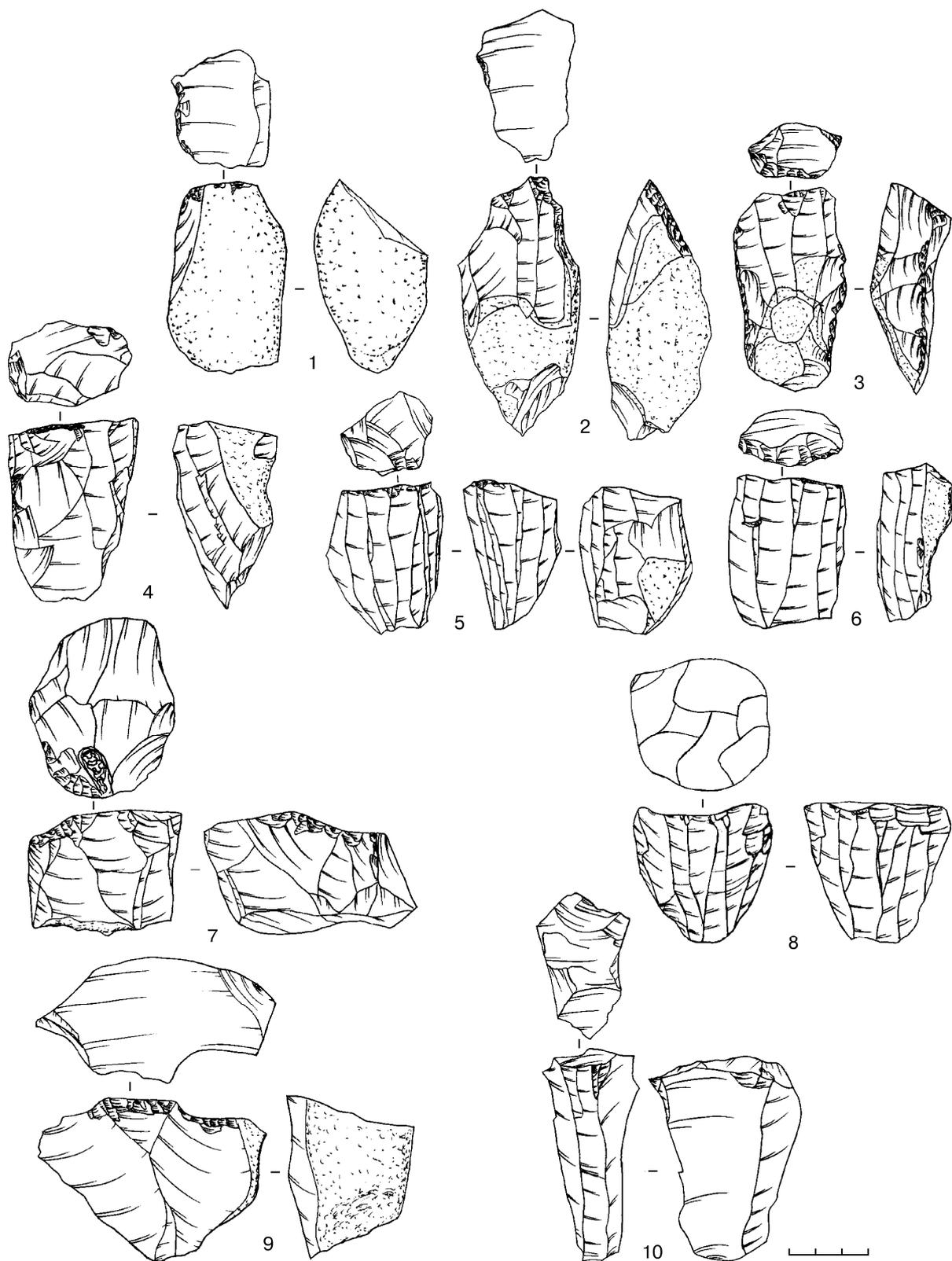


Рис. 1. Лесная 1, кремневые нуклеусы: 1—8 — сборы; 9, 10 — раскоп 1.

Два нуклеуса — конические, одноплощадочные, от пластин, расщепление осуществлялось по всему периметру ядрища, ударные площадки сформированы серией сколов (рис. 1, 8).

Кроме нуклеусов от пластин, выявлены нуклеусы от отщепов (4 экз.). Для них характерны укороченные пропорции, расщепление осуществлялось с одной или двух ударных площадок, практически по всему периметру ядрища (рис. 1, 7). Как правило, сырьем служили гальки или куски кремня удлиненной формы, высотой 5—9 см, соотношение высоты к ширине, судя по нуклеусам, оставленным на начальной стадии расщепления, — 1,5 : 1 — 2 : 1. Для сработанных нуклеусов это соотношение несколько иное — 1,5 : 1 — 1,3 : 1.

Кроме нуклеусов, выявлены нуклевидные обломки (4 экз.) и желваки кремня (2 экз.) с негативами единичных бессистемных сколов.

Отщепы — 43 экз. (табл. 1). В коллекции присутствуют отщепы, которые можно определить как сколы оформления или подправки рабочей поверхности и ударных площадок нуклеусов. На спинке большинства этих отщепов (7 экз.) отмечены негативы параллельных пластинчатых снятий, один отщеп имеет продольно поперечную огранку спинки, и, видимо, является боковым сколом подправки нуклеуса. Еще один отщеп является поперечным сколом подправки рабочей поверхности нуклеуса.

Таблица 1.

Размеры (в см) отщепов из подъемного материала

Наименование	2,0—3,0	3,0—4,0	4,0—5,0	5,0—6,0	6,0—7,0	7,0—8,0	8,0—9,0	9,0—10,0	Итого:
Первичные			2		1		1	1	5
Полупервичные		1		6	2	6	2	2	19
Без корки	3	5	4	5		2			19
Итого:	3	6	6	11	3	8	3	3	43

Отбойники — 8 экз., из них четыре представлены фрагментами, а остальные — повреждены. Размеры наиболее сохранившихся изделий — 7—9 см. На поверхности отбойников отмечены многочисленные следы эксплуатации в виде точечных или обширных зон выкрошенности.

Скребки — 8 экз. Все изготовлены на крупных отщепах. На спинке большинства изделий сохранились участки желвачной корки. Среди них два концевых скребка. Размеры этих изделий — 5,5 x 4,5 x 2,0 см и 6,5 x 4,0 x 2,5 см. Лезвия скребков в одном случае дугообразное, в другом — прямое, сформированы крупной крутой ретушью (рис. 2, 3). На боковой стороне одного из скребков отмечены следы уплощения на брюшке, в виде фасеток регулярной плоской ретуши (рис. 2, 1). Пять скребков можно определить как конце-боковые. Их размеры от 4,5 до 8,0 см. Лезвия скребков сформированы регулярной крутой и полукрутой ретушью. У трех скребков на брюшке отмечены негативы сколов уплощающих основания изделий (рис. 2, 2). Один скребок — удлиненно-овальной формы. Он обработан почти по всему периметру заготовки крупными сколами, кромка лезвия обработана крутой занозистой ретушью. На брюшке изделия отмечены крупные фасетки уплощающих сколов (рис. 2, 6).

В коллекции выявлен проксимальный фрагмент массивной широкой пластины, на которой отмечена регулярная крупнофасеточная ретушь обоих краев изделия. На одном крае отмечена сформированная ретушью выемка (рис. 2, 4).

Отщеп с ретушью — 1 экз. На кромке массивного полупервичного отщепа отвесной крупнофасеточной ретушью сформирована выемка (рис. 2, 5).

Необходимо отметить, что некоторые изделия типологически определяемые как скребки, возможно, ими не являются, а представляют собой промежуточный этап в изготовлении бифасиальных изделий а, в некоторых случаях, возможно, и нуклеусов.

Бифасиальные изделия — 4 экз. В качестве заготовок использовались массивные отщепы, все изделия не закончены, на поверхности отмечены остатки желвачной корки. Два изделия — удлиненно-овальной формы, обработаны плоскими крупными, зачастую, встречно направленными сколами (рис. 2, 7). Еще два изделия представлены фрагментами, один из которых невыразителен, второе изделие со стороны брюшка уплощено крупными, встречно направленными сколами, со стороны спинки сохранился значительный участок желвачной корки (рис. 2, 8).

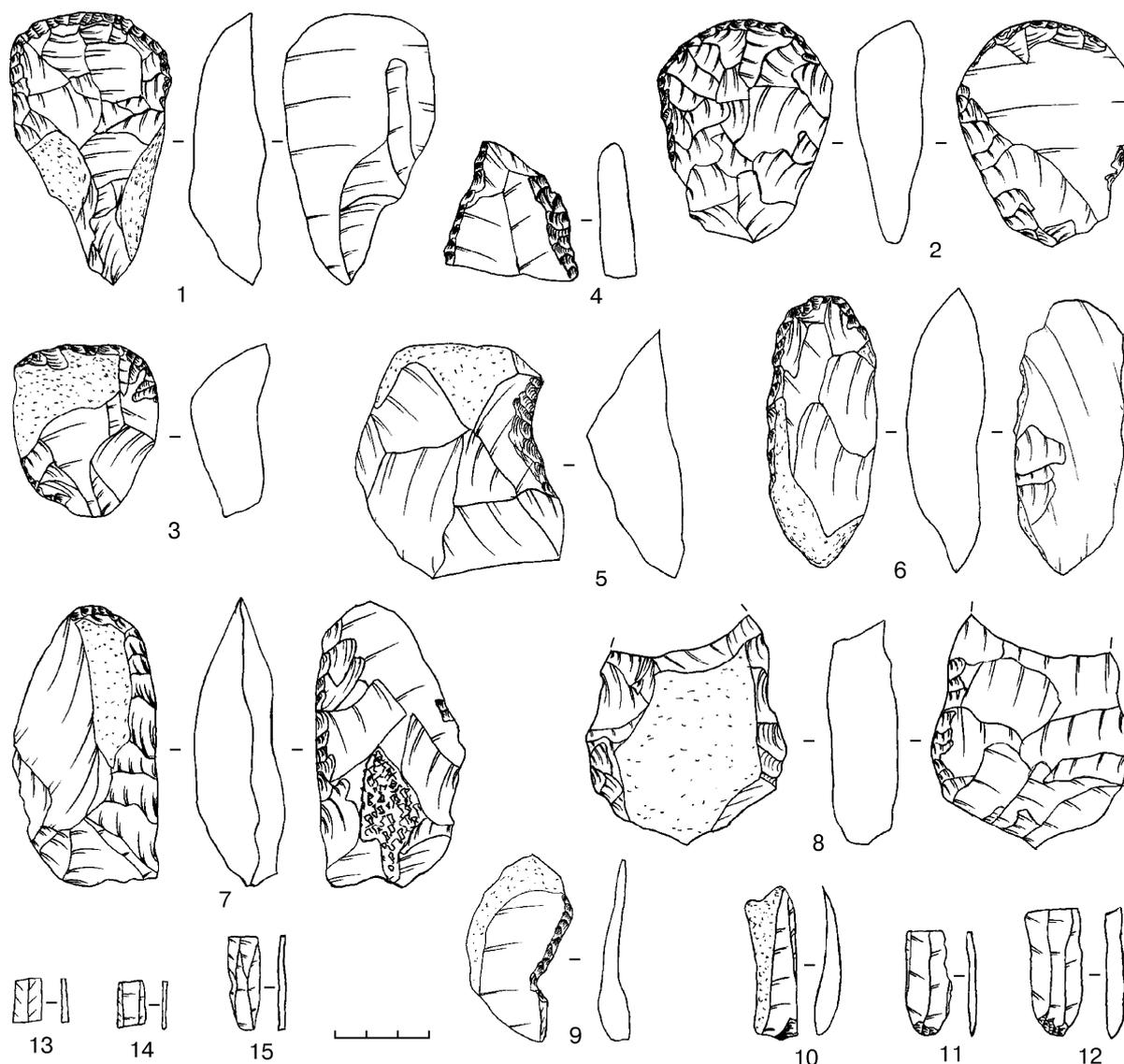


Рис. 2. Лесная 1. Кремневые изделия: 1—8 — сборки; 9—15 — раскоп 1.

Для выяснения вопроса о наличии культурного слоя, в 10 м от бровки террасы был заложен раскоп 2 x 2 м, ориентированный по сторонам света. Стратиграфия раскопа:

- 1) современный чернозем — до 0,25 м;
- 2) коричневатый гумусированный суглинок — 0,25—0,5 м;
- 3) палево-бурый, стерильный суглинок, прослеженная мощность — 0,2 м.

Находки залежали в нижней части современного почвенного слоя и в толще коричневатого гумусированного суглинка, на глубине 0,2—0,45 м от современной дневной поверхности. Находки на площади раскопа распространены равномерно, всего в раскопе выявлено 525 кремневых изделий и два фрагмента керамики.

Нуклеусы — 2 экз. Один нуклеус, видимо, оставлен на начальной стадии расщепления — на нем подготовлена ударная площадка, с которой были отколоты несколько массивных отщепов. Значительная часть поверхности нуклеуса сохраняет желвачную корку (рис. 1, 9).

Один нуклеус можно отнести к типу торцовых. В качестве ядрища использован массивный отщеп, боковые стороны которого служили поверхностями расщепления. На обеих боковых сторонах отмечены негативы пластинчатых сколов. Ударной площадкой была массивная дистальная часть отщепа, имеющая следы подправки (рис. 1, 10).

Интересен фрагмент рабочей поверхности нуклеуса, образовавшийся в результате сильного температурного воздействия. На нем отмечены встречно направленные негативы стандартных, ровных пластинчатых сколов.

Аморфные нуклевидные обломки — 2 экз.

Отщепы — 446 экз. (табл. 2).

Таблица 2.

Размеры (в см) отщепов из раскопа

Наименование	1,0—2,0	2,0—3,0	3,0—4,0	4,0—5,0	5,0—6,0	6,0—7,0	7,0—8,0	8,0—9,0	Итого:
Первичные	1	14	6	4	5	1			31
Полупервичные	2	25	25	15	9	3	3	2	84
Без корки	165	94	57	15					331
Итого:	168	133	88	34	14	4	3	2	446

Пластинчатых сколов выявлено 63 экз. Среди них доминируют фрагментированные сколы шириной от 1,0 до 1,6 см, длина фрагментов — 1,0—3,0 см. Большинство сколов — грубые, с неровными краями, в сечении искривлены (рис. 2, 10). Тем не менее, выделяется группа из 12 фрагментов пластин, которые имеют параллельную, четкую огранку спинки, ровные края, прямое сечение (рис. 2, 11—15).

Чешуйки обломки и осколки представлены 10 экземплярами.

В раскопе выявлено одно изделие со вторичной обработкой — отщеп с ретушированной выемкой (рис. 2, 9), аналогичный отщепу с ретушированной выемкой из сборов.

Керамика — 2 экз. Представлена двумя невыразительными фрагментами стенок лепных сосудов. Внешняя поверхность черепков — темно-серая, в изломе цвет пепельно-серый, керамическое тесто имеет слоистую структуру, без видимых примесей.

Таким образом, материалы этого памятника представлены преимущественно продуктами первичного расщепления. Изделия со вторичной обработкой редки и не дают достаточных оснований для определения культурно-хронологической позиции памятника.

Однако то обстоятельство, что в коллекции памятника представлены преимущественно нуклеусы от пластин, многие из которых уплощены, метрические параметры пластинчатых заготовок позволяют предполагать неолитический возраст мастерской. Уплощенные нуклеусы характерны для многих мезо-неолитических памятников Юго-Восточной Европы (Гиря, Нехорошев, 1993. С. 16, 17). Метрические параметры пластинчатых сколов вполне соответствуют параметрам сколов неолитических памятников региона (Крижевская, 1992. Табл. 4; Белановская, 1995. С. 65); Цыбрий, 2002. Табл. 2). Уточнение этих вопросов, а также более полная характеристика кремневого комплекса стоянки возможно после проведения дополнительных раскопочных работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановская Т. Д. Неолитические местонахождения на Нижнем Дону и Северском Донце // XXV Герценовские чтения: Исторические науки. Л., 1972.
- Белановская Т. Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья: Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995.
- Борисковский П. И. Некоторые местонахождения каменного века в Приазовье // Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. Вып. 1. Таганрог, 1957.
- Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. № 4. 1993.
- Крижевская Л. Я. Начало неолита в степях Северо-Восточного Причерноморья. СПб, 1992.
- Матюхин А. Е. Новые палеолитические памятники в бассейне Северского Донца // РА. № 1. 1994.
- Матюхин А. Е. Полевые исследования Северско-Донецкого палеолитического отряда в 2001 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2002.
- Цыбрий В. В. Материалы неолита, энеолита и поздней бронзы поселения Нижнесеребряковское 1 в низовьях Северского Донца // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2002.

ЭНЕОЛИТ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Г. Н. Поплевко (Санкт-Петербург)

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ХОЗЯЙСТВА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КОНСТАНТИНОВСКОЕ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Константиновское поселение было открыто В. Я. Кияшко в 1966 г. За 12 полевых сезонов, с 1967 по 1977 гг. и в 1979 г. им было исследовано примерно 90 % всей площади поселения, которая составляет более 5000 м².

Поселение расположено на западной окраине г. Константиновска, на правом коренном берегу Дона и занимает плоскую вершину отдельного холма в цепи возвышенностей правобережья. Это продолжение древнейшей третьей террасы Дона. Она отстоит на 0,5 км от современного берега, но в древности становилась им, поскольку русло реки изменялось. С трех сторон поселение ограничено крутыми балками, а с севера — заплывшим оврагом, возможно, искусственного происхождения. Оно однослойное, мощность культурного слоя — от 15—20 до 30 см. Насыщенность слоя находками неодинакова и тяготеет к краям поселения. На основе анализа материалов всей коллекции В. Я. Кияшко была выделена самостоятельная культура — константиновская (Кияшко, 1994).

Современный анализ хозяйственной деятельности первобытных обществ обязательно должен включать типологическую, технологическую и трасологическую характеристику всего комплекса орудий труда. Это позволяет дать более полную информацию для характеристики всех видов деятельности на поселении и выйти на новый уровень социально-исторических реконструкций (Поплевко, 1993; 2000). Для комплексного исследования были взяты все имеющиеся и хранящиеся на кафедре археологии Ростовского государственного университета кремневые и каменные изделия за исключением материалов, находящихся в экспозиции музеев г. Константиновска, г. Азова и г. Ростова-на-Дону.

Рассматриваемая коллекция кремневых орудий и продуктов расщепления насчитывает почти 33 тыс. единиц. Трасологическое исследование материалов проводилось с помощью микроскопов: МБС-9, металлографического микроскопа ММУ-ЗУ42 с увеличением в 300 раз и металлографического микроскопа «Olympus» с увеличением до 500. Участки с микроследами дополнительно обрабатывались ацетоном с целью удаления отпечатков пальцев с поверхности орудий. Рабочее увеличение — 56—100 раз — для орудий с хорошими признаками следов утилизации и 100—200 раз — с менее выраженными микроследами. В исследовании использовалась методика С. А. Семенова — определение функции орудия и обрабатываемого им материала по линейным следам (Семенов, 1957; 1968), а также методика Л. Кили (Keeley, 1980), основанная на определении обрабатываемого материала по микростаполюскам, образующимся на рабочих поверхностях изделий.

Это первое энеолитическое поселение, на котором весь комплекс кремневых и каменных орудий полностью изучен трасологическим методом. После трасологического изучения было выявлено 4665 кремневых предметов, имеющих микроследы употребления в различных хозяйственных операциях, остальные 28363 экз. составляют изделия, не имеющие признаков использования. Здесь будут рассмотрены только продукты расщепления кремня и каменные изделия с микроследами использования. Коллекция каменных изделий насчитывает 574 экз., из которых 303 экз. составляют орудия, а 271 экз. — гальки и плитки и их обломки без следов употребления.

В виду того, что В. Я. Кияшко уже дал типологическую характеристику кремневым материалам (Кияшко, 1994), здесь она не будет излагаться подробно, а будет представлено общее количество изделий, выделенных типологически, при трасологическом анализе материала по категориям.

Характеристика сырья

В качестве сырья жители поселения использовали кремневые гальки, вероятно, из древних русловых и известняковых отложений. Кремень низкого качества, вязкий, мелкозернистый с посторонними включениями и пустотами. Редки изделия из полупрозрачного халцедонового кремня, желто-коричневого и кварцита. Основную массу предметов расщепления составляют изделия, имеющие различные оттенки серого цвета.

Использовались гальки небольших размеров, реже — крупные. Речные гальки и продукты расщепления из них имеют хорошо сглаженную, заполированную или блестящую желвачную корку, а остальные — известковую. Рассматриваемые орудия были проанализированы на предмет наличия на их поверхности желвачной корки. Отдельно учитывались орудия, изготовленные на первичных отщепах — 291 экз. (6,24 %). Всего орудий с участками желвачной корки — 1565 экз. (33,5 %), а без нее — 3100 экз. (66,5 %). Желвачная корка часто встречается только на одном боковом ребре или на ударной площадке, на спинке или на дистальном конце. Расщепление желваков нередко производилось без специальной подготовки ударной площадки, поскольку большое количество изделий имеет желвачную корку на всей поверхности ударной площадки, иногда она плавно переходит на боковое ребро. Полученные данные позволяют утверждать, что для расщепления на поселении использовали в основном небольшие гальки, так как даже орудия на мелких отщепах и чешуйки имеют на спинке участки желвачной корки. Помимо этого, при изготовлении крупных двусторонних форм широко использовали плитчатые конкреции, подтверждением чему являются изделия с участками желвачной корки с обеих сторон и не до конца обработанные двусторонние формы на них (Поплевко, 1998а; 2000, табл.1).

Вязкий кремень менее пластичен, поэтому получать из него длинные пластины, характерные для энеолита, было практически невозможно. Источники сырья с полупрозрачным халцедоновым кремнем, вероятно, им были неизвестны, а балканский, волинский и донецкий кремень хорошего качества, скорее всего, недоступен.

Технологическая характеристика

Для поселения в целом характерна отщеповая техника расщепления кремня. Основные типы орудий изготовлены на отщепах и бифасах. Технологически значимыми заготовками для орудий были отщепы крупных, средних, реже мелких размеров. Основным сколом-заготовкой на памятнике является отщеп средних размеров. Большая часть орудий изготовлена именно на них (Поплевко, 1998а; 2000, табл. 1). Заготовки для орудий учитывались по их длине следующим образом: более 5 см — крупные (толщиной более 1,0 см — массивные); средние — 3—5 см; мелкие — до 3 см. По этим же параметрам учитывались и немногочисленные пластинчатые отщепы и пластинки. Чешуйки — очень тонкие отщепы толщиной 1—2 мм и длиной до 3 см с негативами снятий на спинке. Чешуйки на поселении насчитывают тысячи экземпляров. Это объясняется тем, что наряду с отщепом, как основным сколом-заготовкой, существует и второй тип заготовки — бифас разных форм и размеров (от заготовок наконечников стрел, ножей до ножей-кинжалов, копий). Многочисленные чешуйки являются репликами ретушированных крупных и мелких заготовок-бифасов. Применяя метод технологического анализа (Гиря, 1997; Нехорошев, 1999) каменных индустрий к материалам всей коллекции, можно реконструировать два вида последовательности расщепления: стадияльное и не стадияльное (перманентное) (Поплевко, 2000; 2001). Чем больше представлены количественно заготовки рассматриваемых групп, тем меньше они были использованы фактически как орудия. Только две группы отщепов — крупные и средние, почти наполовину были использованы для орудий, а бифасиальные формы — более 80 %. Эти данные как нельзя лучше иллюстрируют цели расщепления кремня на поселении.

Стадиальное расщепление характерно для получения бифасиальных форм. Данный вид расщепления включает подбор первичной формы мастером для получения заготовок определенного вида. Далее, используя технику скола № 1, производили оббивку заготовки по ее периметру, чтобы придать первичной форме определенный вид (стадиальную форму № 1) — грубо оббитую с двух сторон заготовку. После оббивки применяли такой технологический прием, как пришлифовка бокового ребра (либо отдельных межфасеточных ребер) по всему периметру, что, собственно, является подготовкой зоны расщепления для дальнейшей работы. Используя вторую технику скола — отжим-ретуширование оббитой заготовки с двух сторон по ее периметру, получали конечную форму определенного вида «+» (наконечник, нож, и т. д.) и продукты расщепления «-» (чешуйки с негативами предыдущих снятий на спинке).

Для *перманентного (не стадиального) расщепления* характерно конкретно-ситуационное изменение формы предмета расщепления от скола к сколу для получения скола-заготовки определенного вида — отщепа. Последовательность расщепления включает подбор мастером гальки определенного вида, не требующей особых усилий для ее подготовки к расщеплению. Далее, используя ударную технику скола, получали вторичные формы «+» определенного вида (отщепы вытянуто-овальной формы) и технологические отходы «-» (отщепы различных форм и размеров, не использовавшиеся в качестве заготовок для орудий). Расщепление производили с помощью каменных и роговых отбойников. Угол схождения площадки нуклеуса и поверхности скалывания составляет 90—95°.

Использование «мягкого» (рогового) отбойника подтверждается тем, что в коллекции в целом прослеживаются довольно плоские и слабо выпуклые ударные бугорки, а отщепы с сильно выпуклым ударным бугорком встречаются довольно редко, также как и отщепы с сильно изогнутым профилем, «ныряющим» окончанием и подтеской. Подтеска — уплощение сильно выпуклого ударного бугорка плоской ретушью для удобства крепления орудия в рукоятке. Она встречается на 114 экз. (2,4 %). Очень редко она занимает всю поверхность брюшка — 10 экз. Помимо приема подтески пользовались такими техническими приемами: 1) пикетаж (оббивка) — для подправки ударной площадки; 2) отжим — для снятия пластинок и оформления бифасов; 3) пришлифовка — для подготовки ударных площадок при ретушировании бифасов, снятии пластин и отдельных отщепов определенного вида; 4) абразивная обработка — для подготовки зоны расщепления и снятия отщепов-заготовок либо пластинчатых отщепов, пластинок.

При затуплении рабочего лезвия в процессе длительного использования проводили его подправку-обновление и при неудачном его осуществлении постепенно или сразу формировался «нависающий» карниз с многочисленными (или без) микрозаломами по всей длине рабочего лезвия. Иногда подправку ударной площадки нуклеуса — зоны расщепления — проводили поперечным снятием вдоль ширины поверхности скалывания. Спинка такого снятия представляет собой край схождения площадки и поверхности скалывания нуклеуса.

В качестве заготовок для орудий были использованы:

- а) изделия, оформленные двухсторонней оббивкой или ретушью — 1595 экз. (34,2 %);
- б) отщепы: крупные — 719 экз. (15,4 %), средние — 1613 экз. (34,5 %), мелкие — 153 экз. (3 %), чешуйки — 15 экз. (0,3 %);
- в) пластинчатые отщепы: крупные — 130 экз. (3 %), средние — 240 экз. (5 %), мелкие — 20 экз. (0,4 %);
- г) пластинки — крупные — 35 экз. (1 %), средние — 81 экз. (2 %), мелкие — 10 экз. (0,2 %);
- д) сланцевые топоры и долота вместе с кремневыми топорами составляют 48 экз. (1 %).

Ретушь. Практически все орудия имеют ретушь. Рабочие лезвия, как правило, оформлялись со стороны спинки. Для удобства крепления их в рукояти они подправлялись ретушью по боковым краям. Со стороны брюшка подправка производилась редко, чаще с целью утоньшения ударного бугорка (подтеской). Прослеживается стандартизация форм орудий, но чаще отдельных ее элементов: а) параметры и форма рабочего лезвия; б) определенный угол его заострения. Для оформления орудий использовали плоскую, пологую и крутую ретушь. *Плоская ретушь* — негатив ее не имеет глубокой выемки от бугорка у кромки лезвия. *Пологая ретушь* — негативы ее фасеток выполнены под углом до 45°. *Крутая ретушь* — негативы фасеток расположены под углом более 45°. Смешанная ретушь — включает все виды ретуши и фасетки утилизации. Следует отметить, что при технологическом оформлении рабочего лезвия, либо при

его подправке в процессе использования, часто получались микрозаломы. Это негативы фасеток с занозистым, ступенчатым и петлеобразным окончанием, когда скол не достигал свободного конца (не получалось перообразное окончание фасетки), а обламывался, образуя залом-ступеньку. Видимо это было вызвано слишком сильной нагрузкой «на отрыв» в момент скалывания-ретуширования (коротким резким импульсом) или же плохой подготовкой зоны расщепления-ретуширования (Гирия, 1997; Crabtree, 1972). В процессе расщепления старались получить отщеп вытянуто-овальной формы, чтобы без подработки его можно было бы использовать в работе. Целью расщепления было не только получение заготовок определенного вида, но и отдельных элементов формы, например округлую форму рабочего лезвия для скребков при получении отщепов, либо определенную ширину рабочего лезвия и угол его заострения на отдельных участках боковых ребер-граней для стругов, острый конец сколов для заготовок сверл.

Расщепление первичных форм производилось непосредственно на поселении. Это можно проследить по распространению продуктов расщепления на площади поселения. Наблюдаются участки их наибольшего скопления.

1). Раскоп I 1967 г. — скопление кремня сконцентрировано в кв.: А-5—7; Б-3—7; В-3—4, 7; Г-4—7; Д-3—7; Е-5, 7.

2). Раскоп I 1969 г. — кв.: А-7—9; В-12—13; Г-9—11; Д-10—11.

3). Раскоп I 1970 г. — кв.: В-13.

4). Раскоп I 1971—1973 г.г. — кв.: А-16; Б-16; Г-20; Д-17.

5). Раскоп I 1974 г. — кв.: 3-7.

6). Раскоп I 1976 г. — кв.: 13/1; 3/1.

7). Раскоп II 1968 г. — кв.: Ф-21, 23; Ш-22.

8). Раскоп II 1970 г. — кв.: К-22—23; Л-22—23.

9). Раскоп II 1974 г. — кв.: Ж-5—7; И-1—2; 4—6; К-3—5; Л-0, 2.

10). Раскоп III 1970 г. — кв.: 1—7, 11—12.

11). Раскоп IV 1971—1973 г.г. — кв.: II/5; III/5; IV/4.

12). Раскоп VII 1979 г. — кв.: 2—3, 7.

13). Раскоп VIII 1979 г. — кв.: 2—9; 14—15; 19; 22; 36.

Эти скопления связаны с местами изготовления кремневых орудий и их заготовок. К сожалению, часть полевых описей утрачена и данные по распространению продуктов расщепления на отдельных раскопах не сохранились.

Трасологическая характеристика материалов и данные типологии (по В. Я. Кияшко, 1994)

Соотношение данных типологического и трасологического анализов представлены в таблице 1. Частичная выборка трасологического исследования орудий была опубликована автором в 1994 г. (Поплевко, 1994).

Весь материал рассматривается по устоявшимся в археологической литературе категориям. Внутри каждой категории выполнено описание по: 1) заготовкам; 2) форме и расположению рабочего лезвия; 3) ретуши оформления; 4) микроследам. Необходимо сразу оговорить, что количество орудий, выделенных трасологическим методом, существенно возрастет, так как этот метод позволяет зафиксировать на одной фактической заготовке два или более рабочих лезвий, либо две или более различных функций (например: сверло с двумя рабочими лезвиями (концами); проколка-скребок; скобель-сверло; наконечник-сверло и т. д.).

Орудий с двумя рабочими лезвиями в данной коллекции — 402 экз. (табл. 1), комбинированных (полифункциональных) орудий, у которых второе рабочее лезвие выполняло другую функцию — 634 экз. (табл. 1). Сосчитав каждое рабочее лезвие, в результате получаем значительно большее число орудий, чем фактических заготовок, использовавшихся для них. Благодаря трасологическим исследованиям на Константиновском поселении было выявлено 6031 (18,2 %) орудие на 4695 фактических заготовках, а типологически — 2220 (6,7 %) (табл. 1). Анализируя данные таблицы 1 нужно отметить, что трасологический анализ позволяет определить в два раза больше орудий по фактическим заготовкам и почти в три раза больше с учетом комбинированных (полифункциональных) орудий. В целом же следует отметить, что чаще всего в комбинированных функциях использовались наконечники стрел, дротиков, копий, сверла, ножи и проколки.

Таблица 1.

Соотношение данных типологического (по В. Я. Кияшко) и трасологического анализов

Данные типологического анализа			Данные трасологического анализа				
Орудия	экз.	%	Орудия	с двумя раб. лезвиями	полифункциональные	Итого:	%
скребки, скребла	790	35,6	1608	136	35	1779	29,5
развертки	—	—	—	—	4	4	0,07
проколки	—	—	144	2	68	214	3,5
ножи для шкур	—	—	4	—	9	13	0,2
ножи для мяса	122	5,5	181	7	77	265	4,4
наконечники стрел	696	31,5	696	—	75	771	12,8
наконечники дротиков	156	7,0	142	—	21	163	2,7
наконечники копий	320	14,4	199	—	134	333	5,5
сверла	72	3,2	729	107	119	955	15,8
скобели	—	—	293	59	41	393	6,5
строгальные ножи	—	—	68	19	12	99	1,6
вкладыши стругов	—	—	148	25	1	174	3,0
стамески	—	—	63	—	5	68	1,1
долота	16	0,7	53	—	2	55	1,0
вкладыши долот	—	—	197	—	4	201	3,3
топоры, тесла	27	1,2	27	—	—	27	0,4
топоры, тесла сланцевые	16	0,7	21	—	—	21	0,3
пилки	—	—	9	—	1	10	0,2
резчики	—	—	2	—	—	2	0,03
ретушеры	несколько		122	47	16	185	3,1
гарпуны	—	—	11	—	3	14	0,23
отбойники	несколько		11	—	—	11	0,2
абразивы	—	—	111	—	—	111	1,8
оселки	—	—	12	—	—	12	0,2
выпрямители древков стрел	—	—	41	—	—	41	0,7
подставки-наковаленки-абразивы	—	—	7	—	7	14	0,23
подставки-наковаленки	—	—	35	—	—	35	0,6
подставки-гладилки	—	—	10	—	—	10	0,2
гладилки-выпрямители	—	—	11	—	—	11	0,2
молотки	—	—	24	—	—	24	0,4
молоточки	—	—	3	—	—	3	0,05
молоточки-оселки	—	—	8	—	—	8	0,1
лощило для кожи	3	0,1	3	—	—	3	0,05
грузило для сети	1	0,05	1	—	—	1	0,02
каменная ступка	1	0,05	1	—	—	1	0,02
Всего:	2220	100	4995	402	634	6031	100

Скребки, скребла

Типологически было выделено 790 экз., трасологически — 1608 экз. (табл. 1; рис. 1, 1, 6, 8; 2, 3, 1—4, 6—7).

Заготовки. Основными заготовками для скребков (табл. 2) были отщепы средних размеров (3—5 см), преимущественно вытянуто-овальной формы — 1008 экз. (62,8 % от общего количества скребков); средние пластинчатые отщепы — 138 экз. (8,6 %); средние пластины — 18 экз. (1,1 %). На втором месте по использованию в качестве заготовок находятся крупные отщепы — 266 экз. (16,5 %); крупные пластинчатые отщепы — 55 экз. (3,4 %); крупные пластины — 6 экз. (0,4 %). Меньшим количеством представлены мелкие отщепы — 86 экз. (5,3 %), а пластинки, пластинчатые отщепы и чешуйки использовались для скребков в незначительном количестве — 20 экз. (1,2 %). На поселении встречаются и двусторонне оформленные скребки — 11 экз. (0,7 %). Только в 115 случаях были использованы массивные заготовки, а 274 экз. обломаны в процессе использования орудий или подправки их рабочего лезвия. Орудия на отщепах

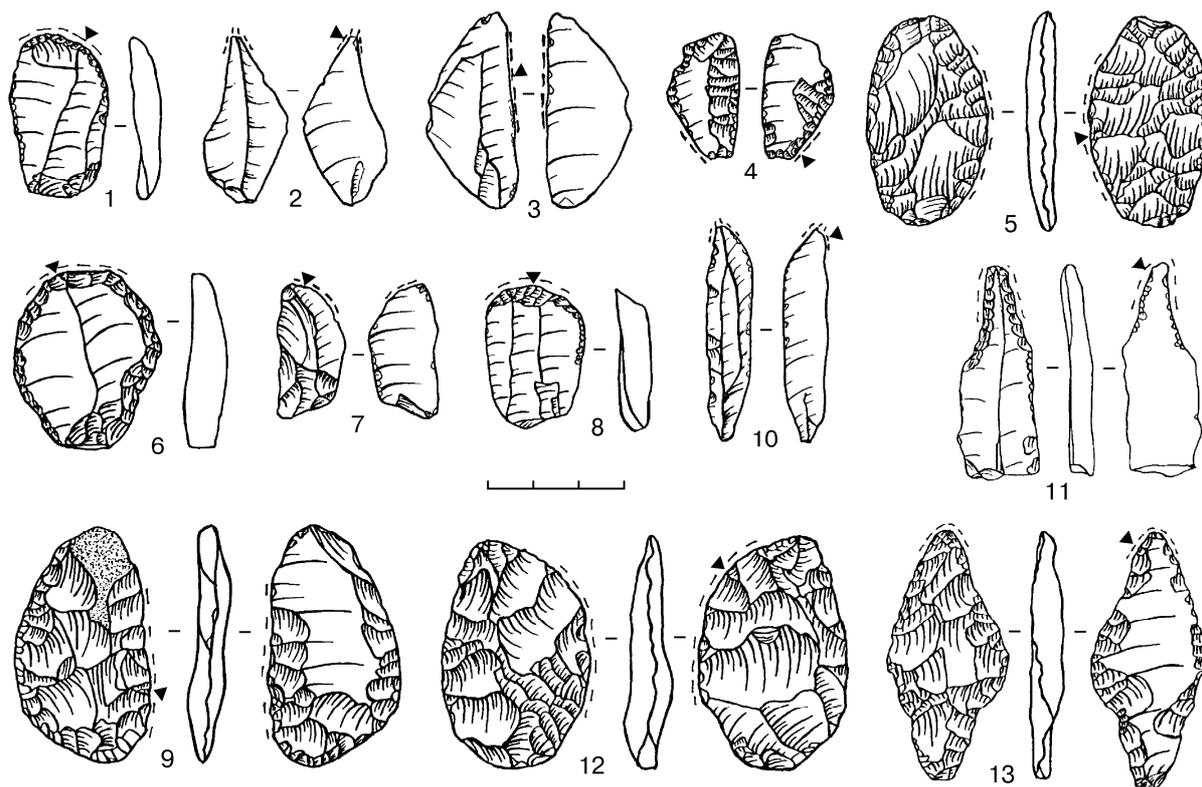


Рис. 1. Константиновское поселение, кремневые орудия: 1, 8 — скребки для шкур; 2, 10 — проколки для шкур; 3, 4, 7 — вкладыши гарпуна; 5, 9, 12 — вкладыши мясных ножей; 6 — скребок для дерева; 11, 13 — сверла для дерева. Тоновый треугольник указывает на участок с микроследами, представленный на фотографиях; пунктиром показано рабочее лезвие.

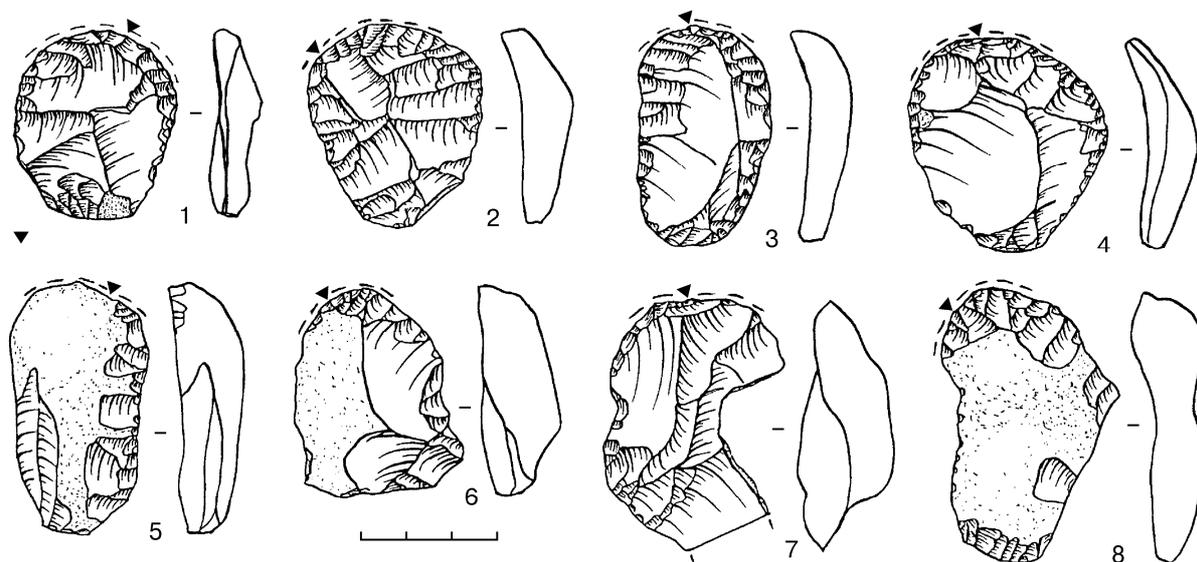


Рис. 2. Константиновское поселение, кремневые орудия: 1, 3—4, 8 — скребки для дерева; 2, 5 — скребки для кости, рога; 6 — скребок для шкур; 7 — скребок для камня. Тоновый треугольник указывает на участок с микроследами, представленный на фотографиях; пунктиром показано рабочее лезвие.

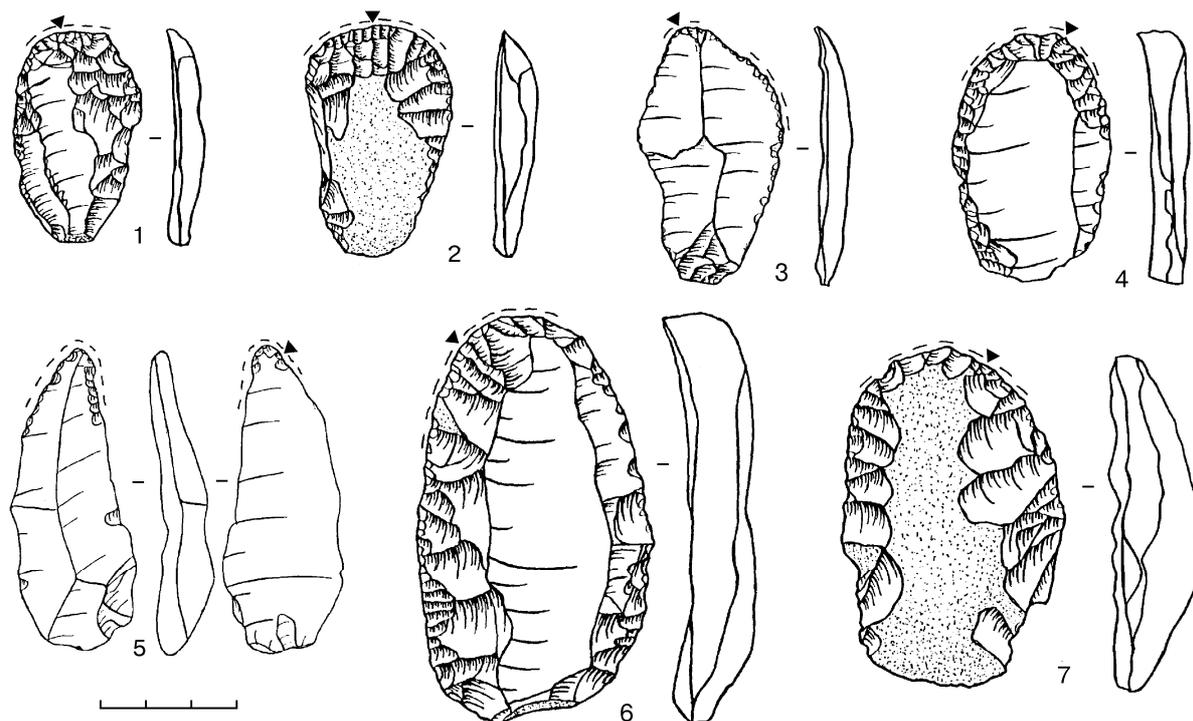


Рис. 3. Константиновское поселение, кремневые орудия: 1—4 — скребки для шкур; 5 — сверло для дерева; 6—7 — скребла для шкур. Тоновый треугольник указывает на участок с микроследами, представленный на фотографии; пунктиром показано рабочее лезвие.

с участками желвачной корки несколько преобладают — их 817 экз. (50,8 %), а без нее — 791 экз. (49,2 %). На первичных отщепах зафиксировано 182 экз. (11,3 %). Все эти данные подтверждают тезис о том, что на поселении использовали, в основном, кремневые гальки небольших размеров.

Таблица 2.

Распределение трасологически выделенных скребков по технологическим заготовкам

Обрабатываемое сырье/ заготовки	шкура		дерево		камень		кость, рог		краска		Итого:	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
двусторонние	6	0,6	—	—	4	8,7	—	—	1	33,3	11	0,7
Отщепы:												
крупные	142	15	99	20,6	6	13	19	18	—	—	266	16,5
средние	632	65	284	59,1	28	60,8	63	61	1	33,3	1008	62,8
мелкие	61	6	19	4	4	8,7	2	2	—	—	86	5,3
чешуйки	7	0,7	—	—	1	2,2	—	—	—	—	8	0,5
Пластинчатые отщепы:												
крупные	22	2	30	6,3	—	—	2	2	1	33,3	55	3,4
средние	72	7,4	47	9,8	1	2,2	18	17	—	—	138	8,6
мелкие	7	0,7	—	—	1	2,2	—	—	—	—	8	0,5
Пластины:												
крупные	5	0,5	1	0,2	—	—	—	—	—	—	6	0,4
средние	18	1,8	—	—	—	—	—	—	—	—	18	1,1
мелкие	3	0,3	—	—	1	2,2	—	—	—	—	4	0,2
Итого:	975	100	480	100	46	100	104	100	3	100	1608	100%
Из них:												
с желвачной коркой	452	46,4	272	56,7	23	50	68	65,4	2	66,7	817	51
без желвачной корки	523	53,6	208	43,3	23	50	36	34,6	1	33,3	791	49
Всего:	975	100	480	100	46	100	104	100	3	100	1608	100

Таблица 3.

Форма и расположение рабочего лезвия у скребков

Обрабатываемое сырье	шкура	дерево	камень	кость, рог	краска	Всего:	%
Формы:							
концевые	674	266	14	77	—	1031	64,1
боковые	58	19	2	1	1	81	5
концевые-боковые	35	30	1	6	—	72	4,5
каплевидные	21	8	—	—	—	29	1,8
подпрямоугольные	14	—	—	—	—	14	0,9
овальные	8	13	1	—	—	22	1,4
округлые	52	22	—	2	—	76	4,7
аморфные	113	122	28	18	2	283	17,6
Итого:	975	480	46	104	3	1608	100

Форма и расположение рабочего лезвия. Наиболее распространенным типом являются концевые скребки с округлым лезвием 1031 экз. (64,1 %), затем можно выделить боковые — 81 экз. (5 %), концевые-боковые — 72 экз. (4,5 %). Вариантами концевых скребков являются тщательно изготовленные орудия с устойчивой каплевидной формой — 29 экз. (1,8 %), подпрямоугольной — 14 экз. (0,9 %), овальной — 22 экз. (1,4 %), округлой — 76 экз. (4,7 %). Скребки на различных отщепах представлены 283 экз. (17,6 %) (табл. 3). В данной выборке скребла составляют 45 экз. (2,8 %). Рабочее лезвие, как правило, расположено на дистальном конце заготовки и обычно имеет округлую форму, только у скребков прямоугольной формы оно прямое. Практически все скребки использовали в рукояти. Параметры рабочего лезвия — отношение ширины рабочей части лезвия к высоте (длине) его выступающей округлой части — достаточно стандартны — 2 : 1. Высокая спинка наблюдается на 246 экз. (15,3 %), технологическую пришлифовку на отдельных участках имеют 36 экз. (2,2 %), «нависающий» карниз над рабочей кромкой, образовавшийся в результате неоднократной подправки рабочего лезвия — 43 экз. (2,7 %). Всего 100 экз. (6,2 %) обожжено, а 7 скребков изготовлено из кварцита. В двух случаях для скребков были использованы поперечные сколы с площадки нуклеуса.

Ретушь. Как правило скребки оформлены со спинки крутой — 389 экз. (24,2 %), пологой — 47 экз. (2,9 %), плоской — 51 экз. (3,2 %) ретушью, либо сочетанием плоской и пологой ретуши — 325 экз. (20,2 %). Наибольшее количество орудий оформлено сочетанием крутой и других видов ретуши в 1—2, реже более ярусов — 673 экз. (41,8 %). Ретушь утилизации отмечена на 107 экз. (6,6 %). На 68 экз. (4,2 %) спинка оформлена ретушью по всей поверхности. Без ретуши — 16 экз. (1 %) (табл. 4).

Таблица 4.

Виды ретуши

Ретушь/ орудия	плоская	пологая	плоская + пологая	крутая	крутая в сочетании	утилизации	без ретуши	Итого:
скребки	51	47	325	389	673	107	16	1608
в %	32	2,9	20,2	24,2	41,9	6,6	1	100
проколки	5	—	63	—	5	34	37	144
в %	3,5	—	43,7	—	3,5%	23,6	25,7	100
сверла	—	—	161	72	—	496	—	729
в %	—	—	22%	10	—	68	—	100
скобели	14	—	62	75	78	61	3	293
в %	4,8	—	21,2 %	25,6	26,6	20,8	1%	100
строгальные ножи	—	—	36	—	15	15	2	68
в %	—	—	53	—	22	22	3	100
вкладыши стругов	—	—	60	—	42	40	6	148
в %	—	—	40,5	—	28,5	27	4 %	100
ретушеры	—	—	30	—	19	73	—	122
в %	—	—	24,6	—	15,6	59,8	—	100
стамески, долота, вкладыши долот	—	—	124	—	155	29	5	313
в %	—	—	39,6	—	49,5%	9,3	1,6	100

Абсолютное большинство скребков оформлены ретушью со спинки по одному боковому ребру — 1451 экз. (до 24 %) и только 14 экз. (1 %) — с брюшка по одному боковому ребру; по двум боковым ребрам со спинки только 7 экз. (0,4 %) и 1 экз. (0,06 %) — с брюшка. Оформление с двух сторон имеют 20 экз. (1,2 %). Подтеску 100 % поверхности имеют 45 экз. (3 %), частично — 66 экз. (4,1 %) (табл. 5).

Таблица 5.

Расположение ретуши у скребков

Ретушь / обрабатываемое сырье	по одному боковому ребру		по двум боковым ребрам		с двух сторон	подтеска	
	со спинки	с брюшка	со спинки	с брюшка		100 %	с брюшка
шкура	860	4	—	1	8	32	66
дерево	460	2	7	—	—	11	—
камень	37	—	—	—	7	2	—
кость, рог	92	8	—	—	4	—	—
краска	2	—	—	—	1	—	—
Итого:	1451	14	7	1	20	45	66
итога в %	90,24	1	0,4	0,06	1,2	3	4,1

Микроследы. Впервые распределение концевых скребков по видам обрабатываемого сырья было изложено автором в 1991г. (Поплевко, 1991). По использованию в работе они разделяются на скребки: для обработки дерева — 480 экз. (30 %) (рис. 1, 6; 2, 1, 3—4, 8; 8, 1); шкур — 975 экз. (61 %) (рис. 1, 1, 8; 2, 6; 3, 1—4, 6—7; 7, 1—4); кости и рога — 104 экз. (6 %) (рис. 2, 2, 5; 9, 1); камня — 46 экз. (2,8 %) (рис. 2, 7; 9, 3); краски — 3 экз. (0,2 %) (табл. 2 и 6).

Таблица 6.

Скребки

Обрабатываемое сырье	Общее количество	%	Второе рабочее лезвие	Полифункциональные	Итого:
шкура	975	60,6 %	83	20	1078
дерево	480	30 %	41	13	534
камень	46	2,8 %	3	2	51
кость, рог	104	6,4 %	9	5	118
краска	3	0,2 %	-	-	3
Всего:	1608	100 %	136	40	1784

Проколки

В. Я. Кияшко отмечены только костяные и медные шилья. Кремневые проколки выделены после трасологического анализа, они не имеют устойчивой формы. Всего обнаружено 144 экз. (табл.1; рис. 1, 2, 10).

Заготовки. Почти половина изделий — 60 экз. (42 %) выполнены на двусторонне обработанных заготовках; 13 экз. (9 %) — на крупных отщепах и их обломках; 24 экз. (17 %) — на средних отщепах; 13 экз. (9 %) — на мелких отщепах; 6 экз. (4 %) — на чешуйках; 9 экз. (6 %) — на пластинчатых отщепах и 19 экз. (13 %) — на пластинках. Абсолютное большинство изделий не имеет на своей поверхности участков с желвачной коркой — 119 экз. (83 %), только 25 экз. (17 %) содержат ее (табл. 7).

Форма и расположение рабочего лезвия. Орудия не имеют устойчивой формы и рабочий конец у них располагается на наиболее остром конце используемой заготовки.

Ретушь. Плоской ретушью оформлено 5 экз. (3,5 %); различным сочетанием плоской и пологой ретуши с другими ее видами — 63 экз. (43,7 %); ретушь утилизации отмечена на 34 экз. (23,6 %); крутая ретушь в сочетании с другими — на 5 экз. (3,5 %); без ретуши — 37 экз. (25,7 %) (табл. 4). Следует отметить, что на 84 экз. (58,3 %) фасетки располагаются с двух сторон рабочего лезвия (табл. 8).

Микроследы. Зафиксированы микроследы от работы по шкуре (рис. 11, 1).

Таблица 7.

Распределение трасологически выделенных некоторых групп орудий по технологическим заготовкам

Орудия/ заготовки	Ножи		Проколки		Скобели		Строгаль- ные ножи		Вкладыши стругов		Ретушеры		Стамески		Долога		Вкладыши долот	
	147	79,5	60	42	23	8	3	4,4	22	15	22	18	48	76	24	45,3	51	26
Отщепы:																		
крупные	2	1	13	9	100	34	11	16	54	36,5	42	34,5	7	12	16	30,2	53	27
средние	13	7	24	17	112	38	17	25	63	42,6	25	20,5	5	8	8	15	67	34
мелкие	1	0,5	13	9	14	4,8	3	4,4	—	—	2	1,6	—	—	—	—	16	8
чешуйки	—	—	6	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пластинчатые отщепы:																		
крупные	9	5	4	2,7	7	2,4	8	1,7	4	2,7	7	5,7	1	1	3	5,7	3	1,5
средние	3	1,6	4	2,7	20	6,8	5	7	1	0,6	8	6,6	2	3	2	3,8	7	3,5
мелкие	—	—	1	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пластины:																		
крупные	3	1,6	3	2	4	1,4	10	15	1	0,6	6	5	—	—	—	—	—	—
средние	7	3,8	16	11	12	4,3	10	15	3	2	10	8,1	—	—	—	—	—	—
мелкие	—	—	—	—	1	0,3	1	1,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:	185	100	144	100	293	100	68	100	148	100	122	100	63	100	53	100	197	100
Из них:																		
с желвачной коркой	1	0,5	25	17	147	50,2	31	45	77	52	49	40,2	13	21	15	28	96	49
без желвачной корки	184	99,5	119	83	146	49,2	37	55	71	48	73	59,8	50	79	38	72	101	51
Всего:	185	100	144	100	293	100	68	100	148	100	122	100	63	100	53	100	197	100

Ножи

В. Я. Кияшко выделено 122 экз., после микроанализа — 185 экз. (табл. 1; рис. 1, 5, 9, 12).

Заготовки. Почти все они оформлены в виде бифаса с уплощенным сечением 147 экз. (79,5 %), только 16 экз. (8,6 %) выполнены на крупных, средних и мелких отщепах, на пластинчатых отщепах — 12 экз. (6,5 %) и 10 экз. (5,4 %) на пластинах (табл. 7). Всего 6 экз. изготовлены из кварцита. Желвачная корка прослежена на 1 экз.

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочее лезвие располагается на одном, реже двух боковых ребрах бифасиальных форм. Оно, как правило, прямое или округлое. Можно выделить несколько форм ножей: листовидные, ножи с обушком и «бритвы» (Кияшко, 1994. С. 51) (табл. 10). Следует отметить, что выделяемый В. Я. Кияшко тип орудия ножи-«бритвы» после трасологического исследования был отнесен к группе скребел для шкур.

Ретушь. Бифасиальные формы изготовлены с помощью плоской и пологой ретуши. Ножи на отщепах и пластинах оформлены плоской ретушью, единичные экземпляры — без ретуши.

Микроследы. Зафиксированы следы от резания мяса — 181 экз. (рис. 11, 2) и шкуры — 4 экз.

Ножи для рыбы — вкладыши гарпуна

Выделены трасологически — 11 экз. (табл. 1; рис. 1, 3—4, 7).

Заготовки. 1 экз. изготовлен на бифасиальной форме, 1 экз. — на среднем отщепе, 9 экз. — на мелких отщепах. Желвачная корка прослежена на 2 экз. (табл. 10).

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочее лезвие почти прямое, расположено на боковом ребре заготовки.

Ретушь. Все изделия оформлены плоской и пологой ретушью по рабочему лезвию.

Микроследы от работы по мясу (рис. 11, 3), автором получены экспериментальные подтверждения.

Наконечники стрел

В. Я. Кияшко отмечено 696 экз., наши наблюдения совпали. Стоит только добавить, что еще 75 экз. наконечников и их фрагментов были зафиксированы на полифункциональных орудиях (табл. 1).

Заготовки. Все орудия выполнены на бифасиальных формах, за исключением 4 экз., которые изготовлены на отщепах: 1 экз. — на крупном, 2 экз. — на среднем, 1 экз. — на мелком. Из них целых — 223, фрагментов верхушек — 117, обломков наконечников с целым основанием различной длины — 208, фрагментов с обломанными верхушками и основаниями — 95 (табл. 9). Причем 164 экз. флажковидного типа, 587 экз. — треугольные с выемкой в основании, 2 экз. — черешковые и 4 черешковых со слабо намеченным основанием, 1 экз. иволистный. Только пять изделий изготовлены из кварцита, 17 — из белого кремня, 36 — из темно-серого, 5 — из желтовато-коричневого, 4 — из красного, 10 — из прозрачного халцедонового — остальные из различных оттенков серого. Технологическую шлифовку имеют 86 экз., 50 экз. обожжены, 6 экз. изготовлены из кварцита. Желвачная корка прослежена на 16 экз. по одной боковой грани ударной площадки.

Форма и расположение рабочего лезвия. Подробное описание их изложено в отдельной работе (Кияшко, Поплевко, 2000). В целом же можно выделить несколько форм: флажковидные с выделенным черешком (150 экз.) и асимметричные; треугольные: с прямым и вогнутым основанием; черешковые; иволистные. Количественное их распределение представлено в таблицах 9 и 10, здесь же содержатся сведения об их обломках.

Ретушь. Все изделия оформлены плоской и пологой ретушью с двух сторон. Рассматриваемые орудия изготовлены отжимной встречной плоской или приостряющей струйчатой ретушью с обеих сторон, некоторая их часть оформлена крупной ретушью, это незаконченные изделия либо заготовки. Толщина наконечников стрел колеблется от 0,21 см до 0,5 см, реже — от 0,5 см до 0,7 см.

Микроследы. Для трасологического анализа была взята вся коллекция в количестве 771 экз. На основе анализа микроследов и микрозаполировок было определено три вида обрабатываемого материала — шкура, камень, дерево (Поплевко, 1990). Детальный трасологический и типологический анализы данной категории орудий опубликован в отдельном издании (Кияшко,

Поплевко, 2000), там же изложена культурно-хронологическая ситуация и приведены подробные аргументы для датировки памятника.

Наконечники дротиков

В. Я. Кияшко было выделено 156 экз., мною — 142 экз. и 21 экз. на полифункциональных орудиях (табл. 1).

Заготовки. Все орудия выполнены на бифасиальных формах, за исключением 4 экз., которые изготовлены на отщепах: 3 экз. на крупных и 1 экз. на среднем. Распределение дротиков представлено в табл. 10.

Форма и расположение рабочего лезвия. Выделены флажковидные формы (17 экз.); листовидные, имеющие подтип — листовидные наконечники с прямым основанием; подромбовидные и асимметричные овальной формы.

Ретушь. Все изделия оформлены плоской и пологой ретушью с двух сторон.

Микроследы. Зафиксированы следы от прокалывания и использования их в качестве метательного оружия и ножей.

Наконечники копий

В. Я. Кияшко было выделено 320 экз., мною — 333 экз. вместе с полифункциональными орудиями (табл. 1).

Заготовки. Все орудия выполнены на бифасиальных формах, за исключением одного экз., изготовленного на пластине. Только 6 экз. выполнены на кварцитовых заготовках. Желвачную корку имеют 3 экз. Распределение целых форм и их фрагментов представлено в табл. 10.

Форма и расположение рабочего лезвия. Можно выделить листовидные наконечники, включающие три подтипа: 1) узкие лавролистные; 2) подромбовидные; 3) сегментовидные вытянутых пропорций.

Ретушь. Все изделия оформлены плоской и пологой ретушью с двух сторон.

Микроследы. Зафиксированы следы от использования их в функции прокалывания и резания.

Каждая категория наконечников включает обломки. Основные типы наконечников выделены В. Я. Кияшко (1994. Рис. 26, 29).

Сверла

В. Я. Кияшко было выделено 72 экз., трасологически — 729 экз. (табл. 1). Из них 108 экз. — лучковые, 25 экз. — станковые.

Заготовки. Использовали оформленные с двух сторон заготовки — 194 экз. (26,6 %); крупные отщепы — 156 экз. (21,4 %); средние отщепы — 265 экз. (36,4 %); мелкие и чешуйки — 23 экз. (3 %); пластинчатые отщепы: крупные — 29 экз. (4 %), средние — 43 экз. (6 %), мелкие — 1 экз. (0,1 %); пластинки — 18 экз. (2,5 %). По наличию на своей поверхности желвачной корки заготовки распределяются следующим образом: имеют желвачную корку — 274 экз. (37,6 %), без нее — 455 экз. (62,4 %) (табл. 11). Технологическую пришлифовку имеют 87 экз., обожжено — 21 экз., а 11 экз. изготовлены из кварцита.

Форма и расположение рабочего лезвия. Анализ рабочих концов сверл показал, что сверлили различные отверстия диаметром до 1,5 см, глубиной до 1,0 см, реже — 1,5—2,0 см.

Ретушь. Оформление рабочей поверхности орудия плоской и пологой ретушью прослежено в 161 случае (22 %), крутой — на 72 экз. (10 %), ретушью утилизации — 496 экз. (68 %) (табл. 4). Всего 66 экз. оформлены по 1 боковому ребру со спинки, только 5 экз. имеют ретушь по одному боковому ребру с брюшка; 8 экз. — по двум боковым ребрам со спинки. Подтеску 100 % поверхности имеют 4 экз. и 1 экз. — частичную. 648 экз. оформлены с 2-х сторон рабочего лезвия (табл. 8).

Микроследы. По следам использования они разделяются на сверла для работы по дереву — 580 экз. (80 %) (рис. 1, 11, 13; 3, 5; 4, 4; 8, 4), для камня — 117 экз. (16 %) (рис. 9, 4), для кости и рога — 32 экз. (4 %) (табл. 11; рис. 9, 2).

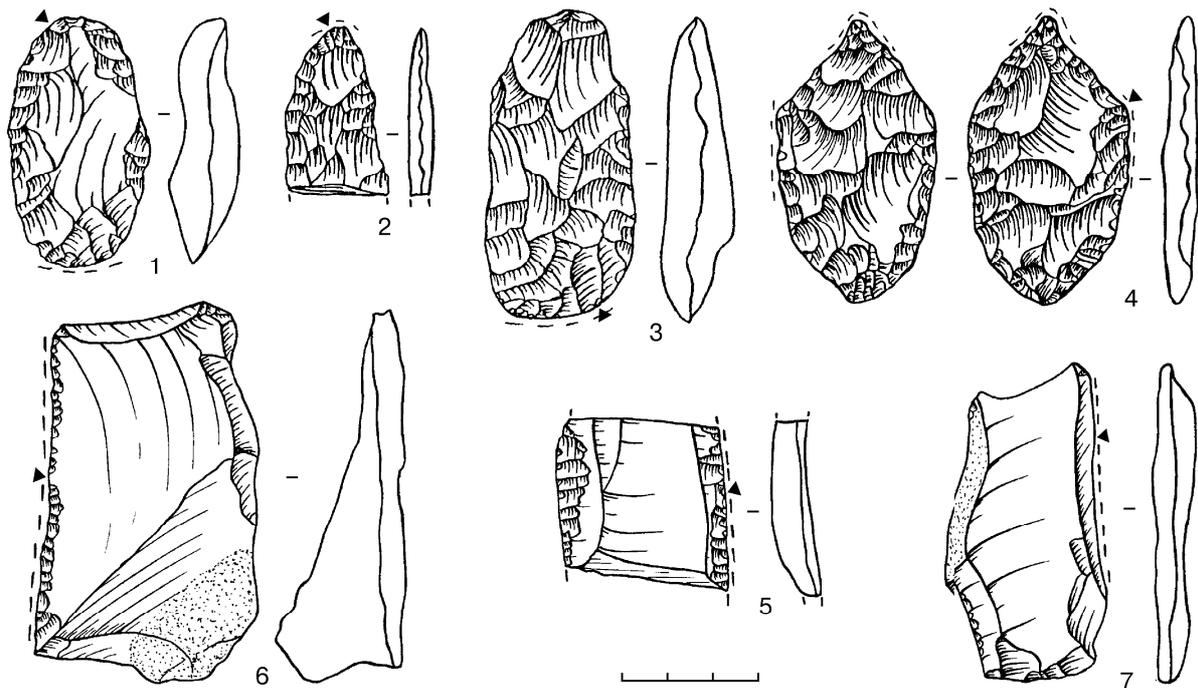


Рис. 4. Константиновское поселение, кремневые орудия: 1, 3 — долота для дерева; 2 — стамеска для дерева; 4 — сверло для дерева на обломке пилки; 5, 7 — пилки для камня; 6 — пилка для дерева. Тоновый треугольник указывает на участок с микроследами, представленный на фотографиях; пунктиром показано рабочее лезвие.

Скобели

Все выделены трасологически — 293 экз. (табл. 1; рис. 5, 1).

Заготовки. Двусторонне оформленные изделия — 24 экз. (8,25 %), крупные отщепы — 100 экз. (34 %), средние — 112 экз. (38 %), мелкие — 14 экз. (5 %), пластинчатые отщепы и пластинки — 27 экз. (8,5 %) и 17 экз. (5,25 %). По наличию желвачной корки заготовки распределяются на две равные части: 147 экз. (50 %) имеют желвачную корку, а 146 экз. (50 %) — без нее (табл. 7). Технологическую шлифовку имеют 8 экз., высокую спинку — 20 экз., «нависающий карниз» — 5 экз. Обожжено 6 экз. и 15 экз. изготовлено из кварцита.

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочее лезвие не имеет жесткого стандарта, оно может быть прямым, округлым, слегка изогнутым. Чаще всего это боковое ребро отщепа, которое может быть без специальной подработки ретушью.

Ретушь. Оформление плоской ретушью встречено на 14 экз. (4,8 %), сочетанием плоской и пологой ретуши — 62 экз. (21,2 %), крутой ретушью — 75 экз. (25,6 %), сочетанием крутой и других видов ретуши — 78 экз. (26,6), ретушью утилизации — 61 экз. (20,8 %), без ретуши — 3 экз. (1 %) (табл. 4). Абсолютное большинство орудий оформлено по 1 боковому ребру со спинки — 249 экз. и только 4 экз. — с брюшка. По двум боковым ребрам со спинки оформлено 12 экз., а 24 экз. — с двух сторон. Подтеска прослежена на 3 экз. (табл. 8).

Микроследы. Все орудия были использованы для обработки дерева (рис. 8, 2).

Строгальные ножи и вкладыши стругов

Выделены трасологически, их соответственно 68 и 148 экз. (табл. 1; рис. 5, 2, 3).

Заготовки. Использовали двусторонне оформленные изделия — 25 экз. (11,6 %), крупные отщепы — 65 экз. (30 %), средние — 80 экз. (37 %), мелкие — 3 экз. (1,5 %), пластинчатые — 18 экз. (8,3 %), пластинки — 25 экз. (11,6 %). По наличию желвачной корки заготовки распределяются на две равные части — 108 экз. (50 %) имеют ее на своей поверхности и столько же без нее — 108 экз. (50 %) (табл. 7). Технологическая шлифовка есть только на 1 экз., высокая спинка — также на 1 экз. Среди вкладышей стругов высокую спинку имеют 18 экз., обожжено — 6 экз., а 4 экз. изготовлены на кварцитовых заготовках.

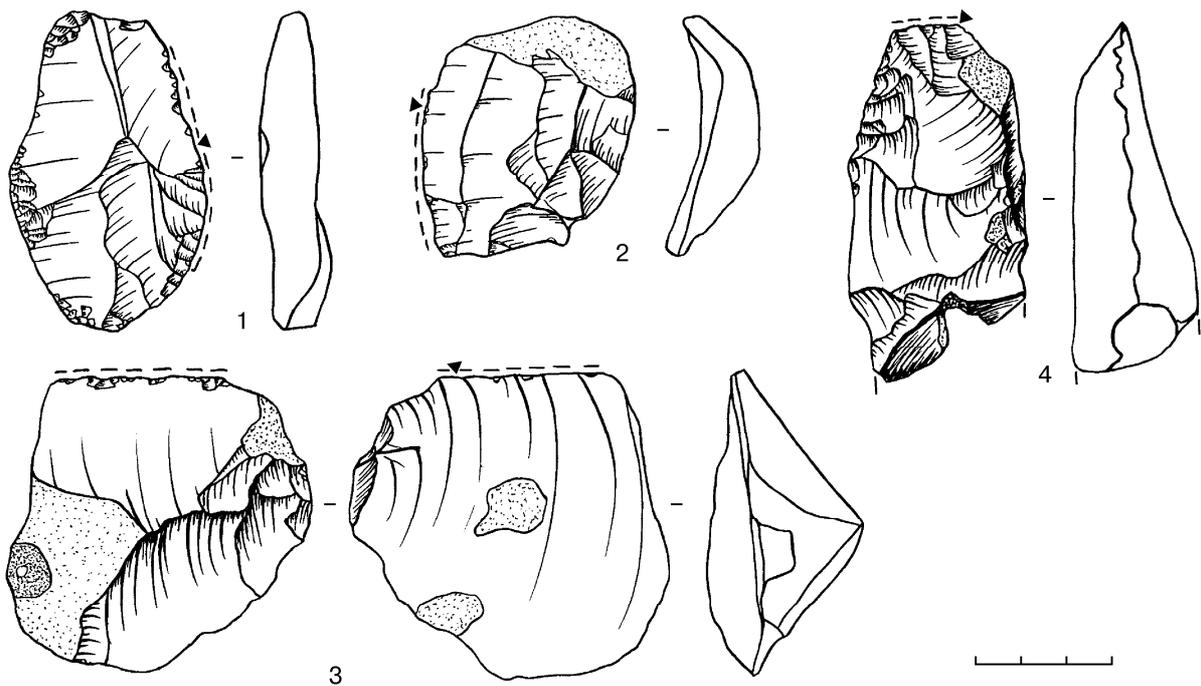


Рис. 5. Константиновское поселение, кремневые орудия: 1 — скобель для дерева; 2—3 — вкладыши стругов для дерева; 4 — долото для дерева. Тоновый треугольник указывает на участок с микроследами, представленный на фотографиях; пунктиром показано рабочее лезвие.

Форма и расположение рабочего лезвия. Впервые были выделены вкладыши стругов для дерева на отщепях различных форм (Поплевко, 1995). Их использовали как вкладыши, которые вставляли в деревянную основу типа современного рубанка-медведки для строгания дерева. Вероятно процесс работы был следующий: вначале один работающий двигает орудие на себя держась за две выступающие с боков рубанка рукояти спереди, а затем второй работающий за две аналогичные рукояти сзади с боков деревянной основы возвращает орудие на прежнее место. По принципу работы двуручной пилой. Проведенные замеры ширины рабочего лезвия и его угла заострения позволяют выделить три группы орудий такого типа с шириной рабочего лезвия — 3,0 см — 26 экз. (21 %), 3,6 см — 17 экз. (14 %), 4,0 см — 32 экз. (26 %). Эти замеры сделаны на произвольной выборке из 124 экз. Часть орудий имеет близкие размеры, остальные, вероятно, являются «издержками» технологии изготовления орудий, когда стремление изготовить орудие определенного вида не всегда удавалось осуществить с максимально точными параметрами. Произвольная выборка из 80 экз. была исследована по замерам величины угла заострения. Выяснилось, что все они распределились на две основные группы: 1) — угол заострения рабочего лезвия равен 35—40° (35,6 %), еще 6 % имеет угол 30°; 2) — угол рабочего лезвия равен 55—60° (46 %). Зависимость между шириной рабочего лезвия и углом его заострения не выявлена, при различной ширине лезвия встречается одинаковое значение угла заострения. Здесь в качестве заготовок для орудий использовали отщепы различной формы, а не стандартные фрагменты пластин, которые можно хорошо закрепить в деревянной рукоятке традиционного двуручного струга (Скакун, 1987). Стандартными для рассматриваемых вкладышей остаются параметры ширины рабочего лезвия и его угла заострения при различной форме исходных заготовок.

Ретушь. Строгальные ножи были оформлены следующим образом: сочетанием плоской и пологой ретуши — 36 экз. (53 %); сочетанием крутой ретуши с другими ее видами — 15 экз. (22 %); ретушью утилизации — 15 экз. (22 %); без ретуши — 2 экз. (3 %) (табл. 4). 52 экз. оформлены по одному боковому ребру со спинки, 11 экз. — с брюшка. Только 5 экз. оформлены ретушью с двух сторон, а 1 экз. имеет подтеску (табл. 8).

Вкладыши стругов были оформлены примерно так же: сочетанием плоской и пологой ретуши — 60 экз. (40,5 %); сочетанием крутой ретуши с другими ее видами — 42 экз. (28,5 %); ретушью утилизации — 40 экз. (27 %); без ретуши — 6 экз. (4 %) (табл. 4). 104 экз. оформлены ретушью по 1 боковому ребру со спинки, 3 экз. — с брюшка, 6 экз. — по двум боковым ребрам со спинки, а 28 экз. — с двух сторон, только 1 экз. имеет подтеску всей поверхности (табл. 8).

Микроследы. Зафиксированы микроследы от работы по дереву (рис. 8, 3).

Таблица 8.

Расположение ретуши у некоторых категорий орудий, выделенных трасологически

Ретушь/ орудия	по одному боковому ребру		по двум боковым ребрам		с двух сторон	подтеска	
	со спинки	с брюшка	со спинки	с брюшка		100 %	с брюшка
сверло для кости, рога	2	—	—	—	29	—	1
сверло для камня	4	5	—	—	108	—	—
сверло для дерева	60	—	8	—	511	4	—
долота/стамески	149	4	4	—	137	12	—
проколки	5	1	1	3	84	—	—
скобели	249	4	12	1	24	3	—
строгальные ножи	52	11	—	—	5	1	—
вкладыши стругов	104	3	6	—	28	1	—
ретушеры	31	2	5	—	46	—	—

Таблица 9.

Наконечники стрел

Наконечники	треуголь- ные	асиммет- ричные	флажко- видные	черешко- вые	Итого:	%
обломки верхушек	103	1	13	—	117	15,2
обломки средней части	66	3	26	—	95	12,3
обломки оснований	149	2	57	—	208	27
крупные обломки оснований	110	2	8	—	120	15,5
целые	159	2	60	2	223	29
фрагменты боковых ребер					8	1
Всего:	587	10	164	2	771	100

Таблица 10.

Распределение бифасиальных форм орудий

Орудия	наконечни- ки стрел	наконечни- ки дротиков	наконечни- ки копий	ножи	вкладыши гарпуна	Всего:
обломки верхушек	117	24	40	12	—	193
обломки средней части	95	17	24	6	—	142
обломки оснований	208	58	51	22	—	339
крупные обломки оснований	120	11	53	30	7	221
целые	223	32	31	110	4	400
фрагменты боковых ребер	8	—	1	1	—	10
Всего:	771	142	200	181	11	1305
в %	59	11	15,2	14	0,8	100

Сверла

Обрабатываемое сырье/ заготовки	Дерево		Камень		Кость, рог	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
двусторонние	145	25	42	36	7	22
Отщепы:						
крупные	136	23,4	20	17	—	—
средние	219	37,8	34	29	12	38
мелкие	18	3,1	3	2,6	1	3
чешуйки	1	0,2	—	—	—	—
Пластинчатые отщепы:						
крупные	18	3,1	9	7,7	2	6
средние	31	5,3	4	3,4	8	25
мелкие	1	0,2	—	—	—	—
Пластины:						
крупные	3	0,5	—	—	—	—
средние	7	1,2	4	3,4	1	3
мелкие	1	0,2	1	0,9	1	3
Итого:	580	100	117	100	32	100
итога в %	80		16		4	
Из них:						
с желвачной коркой	234	40,5	31	26,5	9	28
без желвачной корки	346	59,6	86	73,5	23	72
Всего:	580	100	117	100	32	100

Стамески, долота, вкладыши долот

В. Я. Кияшко выделено 16 долот, мною — 53 экз. Стамески и вкладыши долот выделены трасологически, их соответственно 63 экз., вкладышей долот — 197 экз. Вся группа включает 313 экз. (табл. 1; рис. 4, 1—3; 5, 4).

Заготовки. Двусторонне оформленные изделия — 123 экз. (39,3 %); крупные отщепы — 76 экз. (24,3 %); средние отщепы — 80 экз. (25,6 %); мелкие отщепы — 16 экз. (5 %); пластинчатые отщепы — 18 экз. (5,8 %). Изделия с желвачной коркой насчитывают — 124 экз. (40 %), без нее — 189 экз. (60 %) (табл. 7). На сланцевых заготовках изготовлено 5 экз. долот. Технологическую шлифовку имеют 20 экз., высокую спинку — 40 экз., «нависающий карниз» — 1 экз. Обожжено — 5 экз., изготовлено из кварцита — 16 экз. Только 1 экз. выполнен из кремня желто-коричневого цвета.

Форма и расположение рабочего лезвия. Для них, как и для вкладышей стругов, на произвольной выборке из 189 экз. был проведен анализ параметров ширины рабочего лезвия и его угла заострения (на 77 экз.). Ширина рабочего лезвия стамесок до 1,1 см, долот: 1,5—1,6 см; 1,8—2,0 см; 2,2—2,3 см; 2,5—2,6 см. По величине угла заострения они все распределились на две группы: 1) — 35°; 2) — 55—60°. Здесь также угол не зависит от ширины рабочего лезвия. Вероятно это связано с выполнением различных операций по дереву. Любопытно, что одна группа стругов и долот имеет одинаковое значение угла — 55—60°, у второй группы есть небольшая разница в 5—10°.

Ретушь. В целом, во всей группе рабочие участки оформлены с помощью плоской и полой ретуши — 124 экз. (39,6 %); сочетанием крутой и других видов ретуши — 155 экз. (49,5 %); ретушью утилизации — 29 экз. (9,3 %); без ретуши — 5 экз. (1,6 %) (табл. 4). Почти половина орудий (149 экз.) оформлены ретушью по одному боковому ребру со спинки, 4 экз. — с бруска. Только 4 экз. оформлены по двум боковым ребрам со спинки, а 137 экз. — с двух сторон. Подтеску 100 % поверхности имеют 12 экз. (табл. 8).

Микроследы. Зафиксированы следы от работы по дереву (рис. 10, 2).

Топоры и тесла

Всего 27 кремневых с обломками и 16 сланцевых (табл. 1; рис. 4, 6).

Заготовки. Все изделия выполнены на бифасиальных формах.

Форма и расположение рабочего лезвия. Они хорошо выражены и «читаются» типологически.

Ретушь. Поверхность кремневых изделий, также как и сланцевых оформлена с помощью оббивки. В некоторых случаях она дополнительно подретуширована. Сланцевые орудия — пришлифованы.

Микроследы от работы по дереву (рис. 11, 4).

Пилки

Представлены 9 экз., выделены трасологически (табл. 1; рис. 4, 4—7).

Заготовки. Для пилок были использованы: крупные отщепы — 3 экз.; крупные пластинчатые отщепы — 5 экз.; бифасиальные формы — 1 экз.

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочее лезвие прямое и располагается на одном боковом ребре заготовки.

Ретушь. Рабочее лезвие специально не готовилось и ретушь формировалась в процессе работы орудием.

Микроследы. Зафиксированы следы: от работы по камню — 4 экз. (рис. 4, 5, 7; 10, 3) от работы по дереву — 5 экз. (рис. 4, 4, 6; 10, 1).

Резчики

Резчики (2 экз.) выделены трасологически (табл. 1).

Заготовки. Орудия изготовлены на обломках пластин (табл. 2).

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочее лезвие прямое, находится на углу сложенной пластины.

Ретушь. Изделия были использованы в работе без специального оформления рабочего лезвия.

Микроследы. Зафиксированы следы от работы по дереву.

Ретушеры

Выделено трасологически 122 экз. (табл. 1; рис. 6, 1—5).

Заготовки. Использовали оформленные с двух сторон заготовки — 22 экз. (18 %), крупные отщепы — 23 экз. (19 %), средние — 25 экз. (20,5 %), мелкие — 2 экз. (1,6 %), пластинчатые отщепы — 15 экз. (12,3 %), пластинки — 16 экз. (13 %), нуклеусы — 3 экз. (2,5 %), отрезки желваков — 2 экз. (1,6 %), 14 сколов (11,5 %). По наличию на поверхности орудия желвачной корки заготовки распределяются следующим образом: с желвачной коркой — 49 экз. (40,2 %), а без нее — 73 экз. (59,8 %) (табл. 7). Технологическую пришлифовку имеют 12 экз., высокую спинку — 1 экз. Обожжено — 12 экз., изготовлено из кварцита — 2 экз. Всего 2 экз. выполнены из желто-коричневого кремня.

Форма и расположение рабочего лезвия. Чаще всего оно расположено на одном или двух концах заготовки, реже на боковых ребрах, в нескольких случаях — по всему периметру орудия.

Ретушь. Заготовки были оформлены плоской и полой ретушью в 30 случаях (24,6 %); сочетанием крутой и других видов ретуши — 19 экз. (15,6 %); ретушью утилизации — 73 экз. (59,8 %) (табл. 4). По одному боковому ребру со спинки оформлен 31 экз. и 2 экз. с брюшка; по 2 боковым ребрам со спинки — 5 экз. Менее половины орудий оформлены ретушью с 2-х сторон — 46 экз. (табл. 8), а 38 экз. — без ретуши оформления.

Микроследы. Зафиксированы следы от работы по камню (рис. 10, 4).

Каменные предметы (714 экз.)

Трасологическое исследование каменных орудий предоставляет дополнительную информацию о видах хозяйственной деятельности на поселении и расширяет возможности в проведении более полной реконструкции хозяйства в целом (Поплевко, 1988).

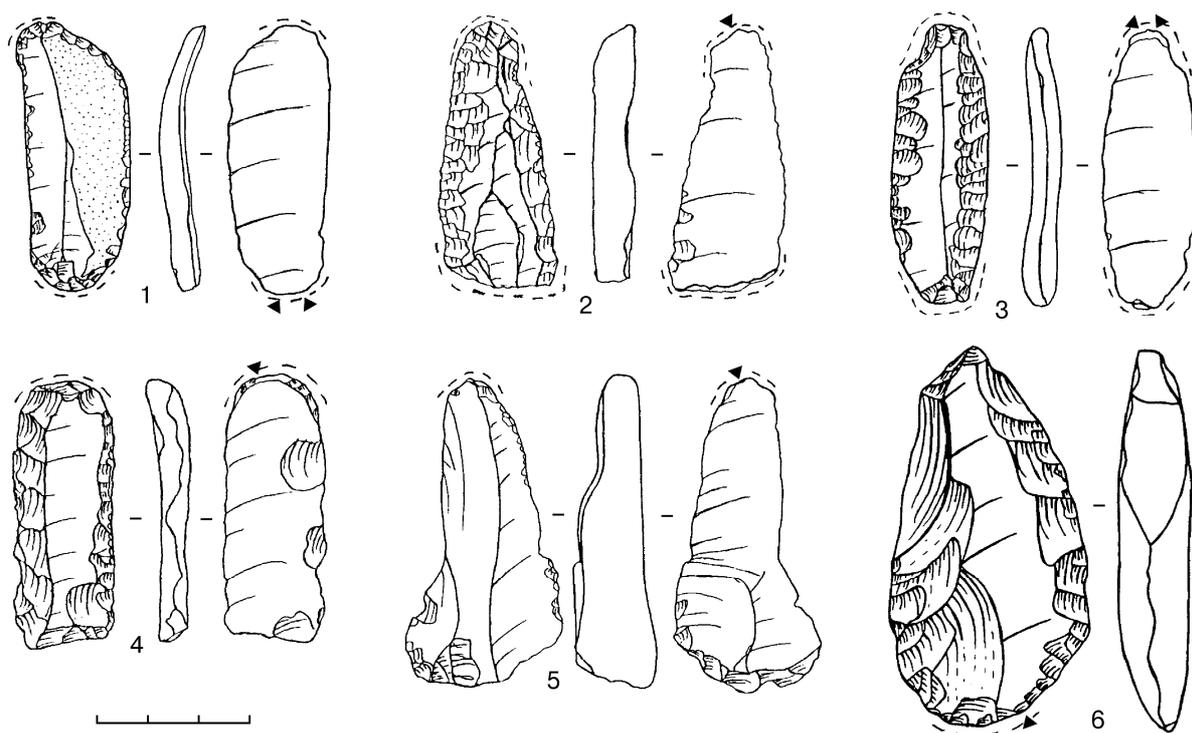


Рис. 6. Константиновское поселение, кремневые орудия: 1—5 — ретушеры; 6 — топор для дерева. Тоновый треугольник указывает на участок с микроследами, представленный на фотографиях; пунктиром показано рабочее лезвие.

Отбойники — 11 экз., из них три — кварцитовые (табл. 1).

Абразивы — 111 экз., из них для камня — 11 экз., для кости — 24 экз., для металлических изделий — 76 экз. (табл. 1).

Выпрямители древков стрел — 41 экз. (табл. 1).

Оселки для металлических изделий — 12 экз. (табл. 1).

Лоцило для кожи — 3 экз. (утожки) (табл. 1).

По одному экземпляру представлены *грузило* для сетей и *каменная ступка* (табл. 1).

Металлообрабатывающие орудия включают: подставки-наковаленки-абразивы — 7 экз.; подставки-наковаленки — 35 экз.; подставки-гладилки — 10 экз.; гладилки-выпрямители — 11 экз.; молотки — 24 экз.; молоточки — 3 экз. (табл. 1).

Гальки, плитки и их обломки составляют 441 экз., они без следов использования.

Рассмотренные выше группы орудий подтверждают предположение о том, что основными заготовками для орудий были: бифасиальные формы — 33,5 % (1662 экз.), затем средние отщепы — 32,4 % (1611 экз.), крупные отщепы — 14,2 % (707 экз.), 5,5 % (273 экз.) — составляют каменные изделия. Остальные группы заготовок играли вспомогательную роль и они в сумме составляют 14,4 %, причем из них 4,7 % (или 234 экз.) составляют средние пластинчатые отщепы и 2,7 % (136 экз.) — крупные пластинчатые отщепы. Следовательно оставшиеся 7 % составляют орудия на пластинах, мелких отщепах, чешуйках и др. По итогам трасологического анализа на поселении можно выделить несколько хозяйственных комплексов.

Скотоводческий комплекс включает орудия, связанные с переработкой его продуктов: скребки, скребла, ножи для мяса, лоцила для кожи, проколки. Составляет 26 % (табл. 12).

Оружейно-охотничий комплекс (включает и орудия рыболовства) — сюда входят все виды наконечников, выпрямители древков стрел, гарпуны и грузило для сетей. Он составляет 22 % от всех орудий (табл. 12).

Деревообрабатывающий комплекс охватывает все виды работ по дереву. Набор орудий достаточно разнообразный: скребки, скребла, скобели, строгальные ножи, вкладыши стругов-рубанков, сверла, стамески, долота, тесла, топоры, пилки и резчики, всего — 38,7 % (табл. 12).

Камнеобрабатывающий комплекс объединяет абразивы, отбойники, ретушеры, скребки, сверла, пилки и составляет 7 % (табл. 12).

Комплекс по обработке кости, рога включает скребки, скобели, сверла, абразивы; он составляет 3,1 % (табл. 12).

Металлообрабатывающий комплекс включает абразивы, оселки, молотки, молоточки, подставки-наковаленки, гладилки-выпрямители. Он составляет 3,2 % (табл. 12).

Результаты комплексного исследования, включающего технологический, типологический и трасологический анализы показали, что на поселении совершенно отсутствуют орудия, связанные с земледельческим комплексом. В. Я. Кияшко указывает на наличие вкладышей с зеркальной заполировкой (Кияшко, 1994), однако их в коллекции нет. Зеркальный блеск присутствует на некоторых предметах, изготовленных из окатанных речных галек, но это блеск не от работы. На раскопанной площади около 5000 м² не найдено ни одной зернотерки и ни одного песта для растирания зерна. На памятнике отсутствуют все виды орудий, входящие в земледельческий комплекс: серпы, зернотерки, песты, мотыги.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что для выделяемой В. Я. Кияшко Константиновской культуры характерно скотоводческо-охотничье хозяйство с подсобной ролью рыболовства (Поплевко, 1995). Это подтверждает и высокий процент костей диких животных (40 %), и преобладание мелкого рогатого скота над другими видами домашних животных (около 42 %). Разнообразный набор деревообрабатывающих инструментов, их выдержанные формы или стремление к устойчивому сохранению отдельных элементов формы, а также крепление орудий в деревянных рукоятках, использование лучковых и станковых сверл — все это лишь подтверждает высказанное выше предположение о специализации в различных видах деятельности и возможном появлении слоя ремесленников. О становлении специализированных ремесел (?) свидетельствуют и орудия для металлообрабатывающего производства. Наличие медных изделий, шлаков, льячки и плавильной чашки, обломка молота также подтверждают это положение. На поселении жили кузнецы-литейщики.

Состав фауны, данные споро-пыльцевого анализа, а также разнообразный набор орудий для дерева, показывают, что поселок был расположен вблизи леса. Жилища имели деревянный каркас, домашняя утварь и средства передвижения по реке были из дерева. Анализ рабочих концов сверл показал, что сверлили различные отверстия диаметром до 1,5 см, глубиной до 1,0 см, реже — 1,5—2,0 см. Скорее всего толстые бруски дерева просверливали встречным сверлением с последующим использованием бронзового пробойника (Кияшко, 1994. Рис. 35, 10) для удаления сохранившейся перемычки между встречными углублениями. Отверстия делали не только для подвешивания деревянных изделий, но и для соединения отдельных элементов деревянных конструкций штифтами диаметром 1,0—2,0 см.

Впервые для планиграфического анализа были использованы полученные данные трасологического исследования всего комплекса кремневой индустрии Константиновского поселения. На план поселения по отдельным раскопам были нанесены выделенные трасологическим методом орудия и общее количество отходов, согласно полевым описям материалов. Цель планиграфического анализа — выявление местонахождения жилищ и производственных мест на поселении. На план было нанесено 3469 экз. орудий — все, имеющие шифр-привязку к месту их нахождения. Общая площадь раскопов — 3400 м². Всего 850 квадратов (2 x 2). Подробный планиграфический анализ по данным трасологии уже опубликован (Поплевко, 1998б; 1999; 2000).

В местах предполагаемых жилищ, скопление орудий в 3,2 раза больше, чем в среднем по площади поселения. Насыщенность одного квадрата по скоплениям превышает в 3,3 раза по деревообрабатывающим орудиям, в 4,2 раза по скотоводческому комплексу, в 3 раза по орудийно-охотничьему, в 4 раза по обработке камня, кости, рога и в 2,9 раза по металлообработке.

Следовательно, можно с уверенностью говорить, что выделенные скопления соответствуют местам наземных жилищ, что подтверждается и концентрацией кремневых отходов в этих местах и в непосредственной близости к ним. Жилища сконцентрированы в трех районах поселения: Ю-ЮЗ, центр (восточная сторона) и на СВ. В Ю-ЮЗ части — 10 жилищ, в восточной — 5 (центр), на СВ — 3. Хозяйственный комплекс внутри каждого жилища примерно одинаков, но в южной части поселения насыщенность жилищ материалом существенно выше.

Особо следует отметить СВ район, в котором представлены орудия по металлообработке. Вероятно, это была кузнечная мастерская. Интересно отметить, что она стоит отдельно от остальных жилищ. Это первая планиграфически зафиксированная кузнечная мастерская для эпохи энеолита — ранней бронзы юга Восточной Европы и Северного Кавказа (Поплевко, 1998б; 1999; 2000). Контуры жилищ по районам скоплений точно определить нельзя, но можно предположить их размеры. Площадь их была не 40 м², как полагает В. Я. Кияшко (1994. С. 35), а в два раза меньше — 20—25 м². Вероятнее всего, они были подпрямоугольной формы, как считает и В. Я. Кияшко. На поселении их было не менее 15 и 3 скопления, относящиеся к комплексу кузнечной мастерской. Среднее количество орудий в жилищах составляет примерно от 30 до 111 экз., такой же показатель выявлен и на других поселениях этого времени (Нехаев, 1992; Скакун, 1994).

На всех известных нам поселениях эпохи энеолита — ранней бронзы юга Восточной Европы наконечники стрел встречаются довольно редко, за исключением пос. Александрия среднестоговской культуры, где обнаружено 88 экз. и в Петрово-Свистуново (более 60 экз.) (Телегин, 1973. С. 65). Поэтому такое большое количество наконечников стрел и их обломков, обнаруженных на Константиновском поселении, с характерными следами использования их в качестве оружия (фрагментирование с заломами и царапинами) свидетельствует о том, что поселение погибло от нападения противника и стрелы в основной своей массе на площади последнего были использованы как оружие. Данные планиграфического анализа всего оружейно-охотничьего комплекса показали, что стрелы были разбросаны по всей площади поселения, но концентрация их тяготеет к местам выделяемых скоплений-жилищ. В основном это Р. I — 1967, 1969, 1971—74 гг.; Р. II — 1974 г.; Р. III — 1970 г.; Р. IV — 1971—73 гг. Такое обилие фрагментированных наконечников стрел, копий и дротиков, зафиксированное на самом поселении, позволяет предполагать, что поселение погибло от набега противника (вероятно, среднестоговских племен) (Кияшко, Поплевко, 2000. Табл. 5). Большое количество обломков стрел, представленных на поселении (540 экз.), показывает, что они использовались в качестве оружия непосредственно на поселении. На план нанесено 315 экз. наконечников стрел, 109 экз. дротиков, 153 экз. копий — все, имеющие точную шифр-привязку.

По данным Д. Я. Телегина на поселениях среднестоговской культуры обнаружено всего примерно 200 экз. наконечников, которые представлены треугольными типами с выемкой или почти прямым основанием (Братченко, Константиnescу, 1987. Рис. 9, 2, с. 26; Телегин, 1973. Рис. 22, 11; 34, 12, 16—18; 39, 1, 3—5, 7). Более того, в материалах поселений среднестоговской культуры не обнаружено ни флажковидных, ни асимметричных экземпляров, которые есть в материалах Константиновского поселения. К тому же треугольные наконечники с выемкой и без нее преобладают количественно над всеми остальными типами наконечников на Константиновском поселении. Следует отметить также совершенно разный характер кремневой индустрии: на поселениях среднестоговской культуры преобладает пластинчатая техника с применением усиленного отжима при расщеплении. Для Константиновского поселения характерна бифасиальная техника и техника изготовления орудий на отщепках (Поплевко, 1998а; 2001).

Время гибели поселения вероятнее всего датирует скипетр схематического типа. По балканской хронологии датировка скипетров укладывается в довольно узкий хронологический диапазон Кукутени А3-А4 или конец Триполья В1 (Дергачев, Сорокин, 1986. С. 62). В. А. Сафронов (1989. С. 193—194) датирует Константиновское поселение по обломку скипетра временем Триполье В2-С1. Южные связи Константиновского поселения показывают несколько иную картину. На последнем было обнаружено 8,2 % майкопской керамики, среди которой встречено несколько фрагментов с пролощенным орнаментом (Кияшко, 1994. Рис. 24, 1, 2). Наличие такого орнамента характерно для второго этапа майкопской культуры (Резепкин, 1989. С. 11—12), который А. Д. Резепкин (1996. С. 53) датирует не позднее периода Триполье С1. В. А. Трифонов (1996. С. 47) относит константиновскую культуру к этапам Триполье С1-2. Поселение Ясенова Поляна А. А. Нехаев по обломку скипетра и булавы относит по В. Н. Даниленко к этапу Триполье В1 (Даниленко, 1974. С. 92—94) и датирует серединой — третьей четвертью IV тыс. до н. э. (Нехаев, 1990. С. 18). Датировка хвалынской культуры определяется и ее синхронизацией с памятниками новоданиловского типа и ранним периодом среднестоговской культуры, а через них — с Трипольем В (середина — вторая половина IV тыс. до н. э.) (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990. С. 85).

Распространение флажковидных наконечников стрел на памятниках майкопской культуры предполагает их одновременное существование с константиновской культурой. Интересно отметить, что в Нижнем Подонье все флажковидные наконечники стрел встречены на поселениях, а за пределами его — только в погребениях (Кияшко, Поплевко, 2000). А поскольку погребения являются закрытым комплексом, то, следовательно, они более четко отражают хронологическое положение содержащихся в них материалов. Таким образом, из вышеизложенного видно, что диапазон существования флажковидных наконечников стрел Константиновского поселения довольно узкий и по южным связям укладывается в хронологические рамки Триполье С1. Только одно погребение из Александровского энеолитического могильника с флажковидными наконечниками и костяным «псалием» (Братченко, Константинеску, 1987; Резепкин, 1989. С. 15) относится, как и скипетры схематического типа, к этапу Триполье В1.

Датировка же Константиновского поселения по западным связям (скипетр и обломок крестовидной булавы) соответствует Триполью В1 (Кияшко, Поплевко, 2000; Поплевко, 2000).

В заключение можно сказать, что такой комплексный анализ каменных и кремневых орудий позволяет делать достаточно полные реконструкции хозяйства: а) определять производственные комплексы орудий; б) определять технологию их изготовления; в) выявлять новые функциональные типы орудий, которые типологически не определимы.

Удалось показать, что на поселении совершенно отсутствуют орудия, связанные с земледельческим комплексом, а хозяйство носило скотоводческо-охотничий характер, что для эпохи энеолита юга Восточной Европы представляется фактом чрезвычайно интересным и пока единственным. На поселении выявлено два основных типа заготовок, продиктованных нуждами хозяйства, специализировавшегося на скотоводстве. Отщеповая техника изготовления орудий является здесь не результатом упадка кремнеобработки, так как здесь же изготавливают и прекрасные бифасиальные формы орудий, а она обусловлена производственной необходимостью в получении заготовок определенного вида. Для пластинчатой техники расщепления кремня характерно получение заготовки с длинным ровным режущим лезвием — универсальной заготовки для любого типа орудий от серпа-ножа до вкладышей. На данном поселении потребности хозяйства диктовали необходимость получения других типов заготовок для орудий (не пластин). Существующая точка зрения на прямую связь между «упадком» в кремнеобработке с появлением металла-конкурента на материалах поселения не подтверждается, поскольку роль металлических орудий здесь была явно невелика (всего 6 экз.). Напротив, в балканском энеолите удельный вес металлических орудий был безусловно велик (Черных, 1978), но, наряду с этим, там продолжала существовать и достигла своего совершенства пластинчатая техника расщепления кремня. Отсюда, вероятно, следует, что в эпоху энеолита — ранней бронзы технология расщепления кремня зависела от типа хозяйства и его нужд, а не от появления металла. Значит, появление отщеповой техники в памятниках энеолита — ранней бронзы является диагностирующим признаком, свидетельствующим о смене типа хозяйства с земледельческого на скотоводческий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И.* Хвалынский энеолитический могильник. Куйбышев, 1990.
- Братченко С. Н., Константинеску Л. Ф.* Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.
- Данilenко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974.
- Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. СПб, 1997.
- Дергачев В. А., Сорокин В. Я.* О зооморфном скипетре из Молдавии и проникновении степных энеолитических племен в карпато-дунайские земли // Известия АН МолдССР. № 1. 1986. Кишинев.
- Кияшко В. Я.* Между камнем и бронзой // Донские древности. Вып. 3. Азов, 1994.
- Кияшко В. Я., Поплевко Г. Н.* Кремневые наконечники стрел Константиновского поселения // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. № 16. 2000.
- Нехаев А. А.* Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Нехаев А. А.* Домайкопская культура Северного Кавказа // АВ. Вып. № 1. 1992.
- Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб, 1999.

- Поплевко Г. Н.* Возможности экспериментально-трасологических исследований для изучения орудий эпохи бронзы // Теоретические проблемы современной археологии. Кишинев, 1988.
- Поплевко Г. Н.* Наконечники стрел Константиновского поселения: (Данные трасологического анализа) // Проблемы исследования памятников археологии Ссверского Донца. Луганск, 1990.
- Поплевко Г. Н.* Результаты трасологического анализа скобящих орудий из поселения Константиновка на Дону // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Кишинев, 1991.
- Поплевко Г. Н.* Орудия труда энеолитического поселения Араташен в Армении // Вторая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993.
- Поплевко Г. Н.* Кремневые орудия труда поселения Константиновка: (По данным трасологического анализа) // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб, 1994.
- Поплевко Г. Н.* Хозяйство поселения эпохи ранней бронзы Константиновка: (По данным трасологии) // Конвергенция и дивергенция. СПб, 1995.
- Поплевко Г. Н.* Кремневая индустрия хозяйственного комплекса пос. Константиновское на Нижнем Дону // Поселения, социум, культура. СПб, 1998а.
- Поплевко Г. Н.* Методика планиграфического анализа по данным трасологии (по материалам Константиновского поселения на Нижнем Дону) // VII Донская археологическая конференция. Ростов-на-Дону, 1998б.
- Поплевко Г. Н.* Восстановление внутренней структуры поселения Константиновское: (По данным трасолого-планиграфического анализа) // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. СПб, 1999.
- Поплевко Г. Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий и реконструкция древнего хозяйства поселений: (На материалах энеолитического поселения Константиновское) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2000.
- Поплевко Г. Н.* Методика технологического анализа отщеповой и бифасиальной техник расщепления кремня: (На материалах Константиновского поселения) // Археологический альманах. № 10. Донецк, 2001.
- Резепкин А. Д.* Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: (По материалам погребальных памятников новосвободненского типа) / Автореф. дисс. ... канд. нет. наук. Л., 1989.
- Резепкин А. Д.* К проблеме соотношения хронологии культур эпохи энеолита — ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья 1 // Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э.: ТД. СПб, 1996.
- Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
- Скакун Н. Н.* Опыт реконструкции хозяйства древнеземледельческих обществ эпохи энеолита Причерноморского района Болгарии / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Скакун Н. Н.* Результаты исследования производственного инвентаря неолитического поселения Усое 1 (Болгария) // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб, 1994.
- Семенов С. А.* Первобытная техника. МИА. № 54. 1957.
- Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Телегин Д. Я.* Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
- Трифонов В. А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой: Кавказ IV—I тыс. до н. э.: ТД. СПб, 1996.
- Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
- Crabtree D. E.* An introduction to flintworking // Occasional Papers of Idaho State University Museum. No. 28. 1972.
- Keeley L. H.* Experimental Determination of Stone Tool Uses. London, 1980.

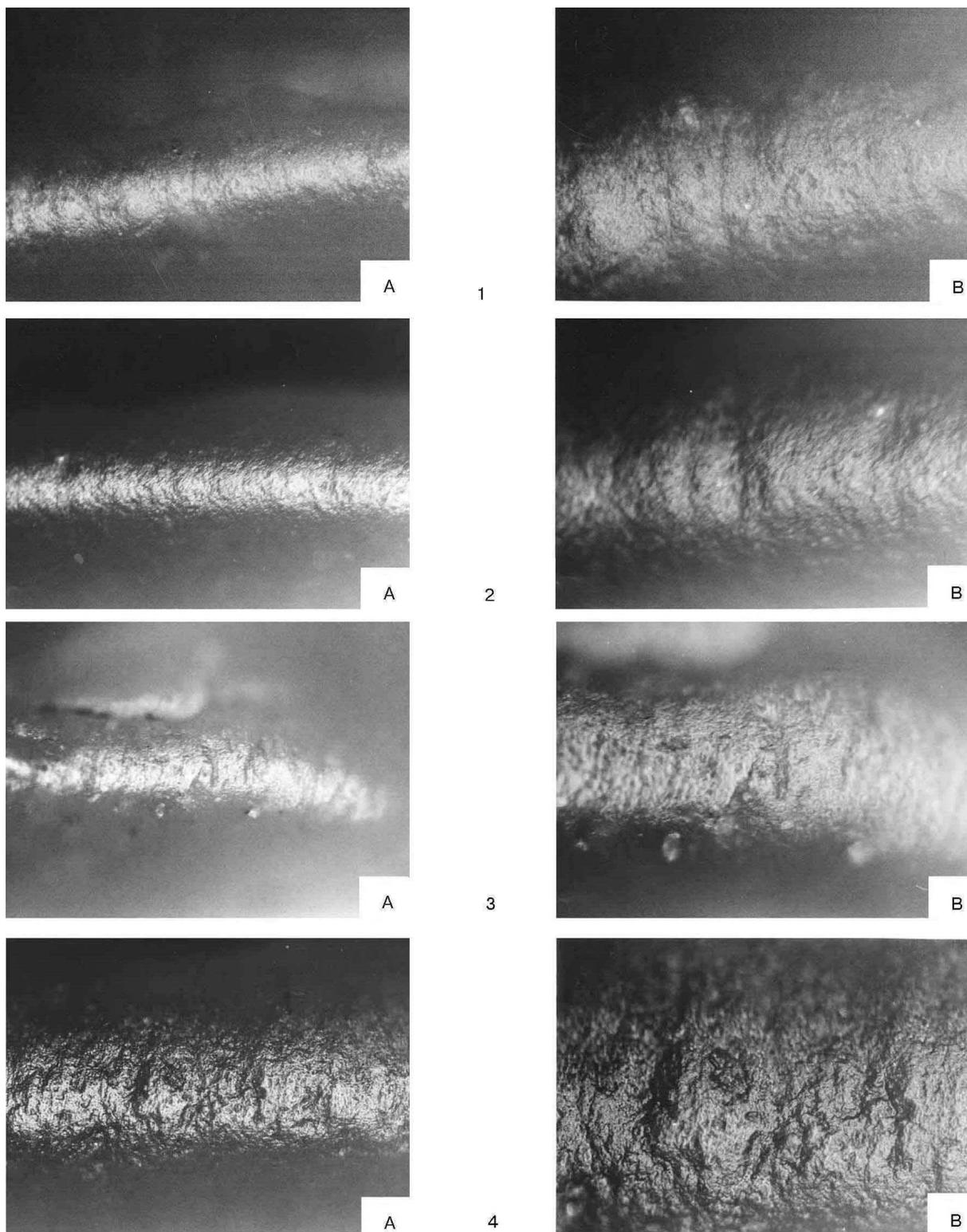


Рис. 7. Константиновское поселение, кремль: 1—2 — скребла для шкур; 3—4 — скребки для шкур.
Кромки рабочих лезвий, вид в плане. Увеличение: А x 100; В x 200.

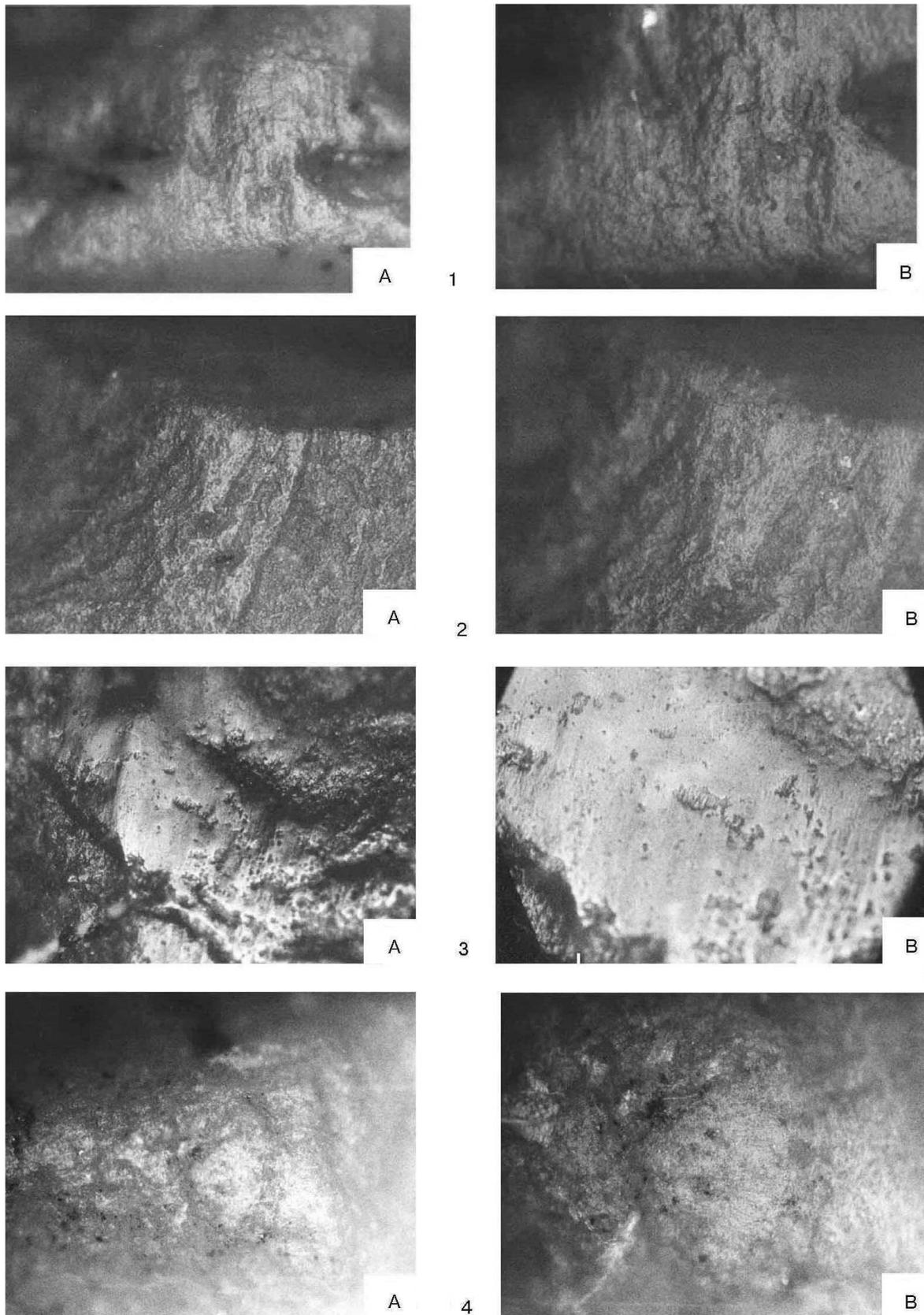


Рис. 8. Константиновское поселение, кремневые орудия для обработки дерева: 1 — скребок, кромка рабочего лезвия, вид в плане; 2 — скобель, кромка рабочего лезвия — вид с бруска; 3 — вкладыш строгального ножа, кромка рабочего лезвия — вид со спинки; 4 — сверло для дерева, кромка левого бокового ребра — вид с бруска. Увеличение: А x 100; В x 200.

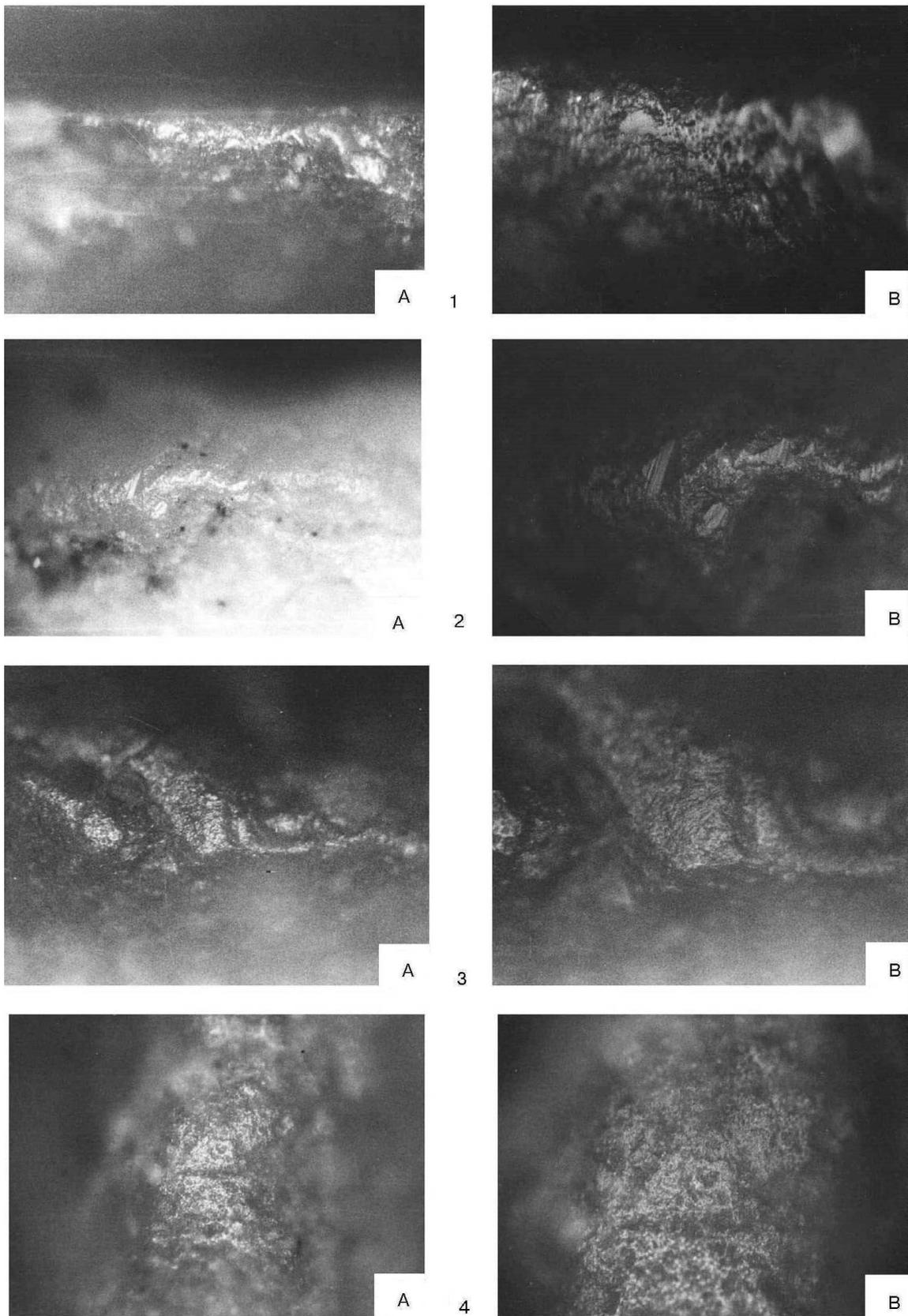


Рис. 9. Константиновское поселение, кремневые орудия для обработки кости, рога (1, 2) и камня, ракушки (3, 4): 1 — скребок, кромка рабочего лезвия — вид в плане; 2 — сверло, кромка рабочего лезвия — вид с брюшка; 3 — скребок, кромка рабочего лезвия — вид в плане; 4 — сверло, кромка рабочего лезвия — вид в плане. Увеличение: А х 100; В х 200.

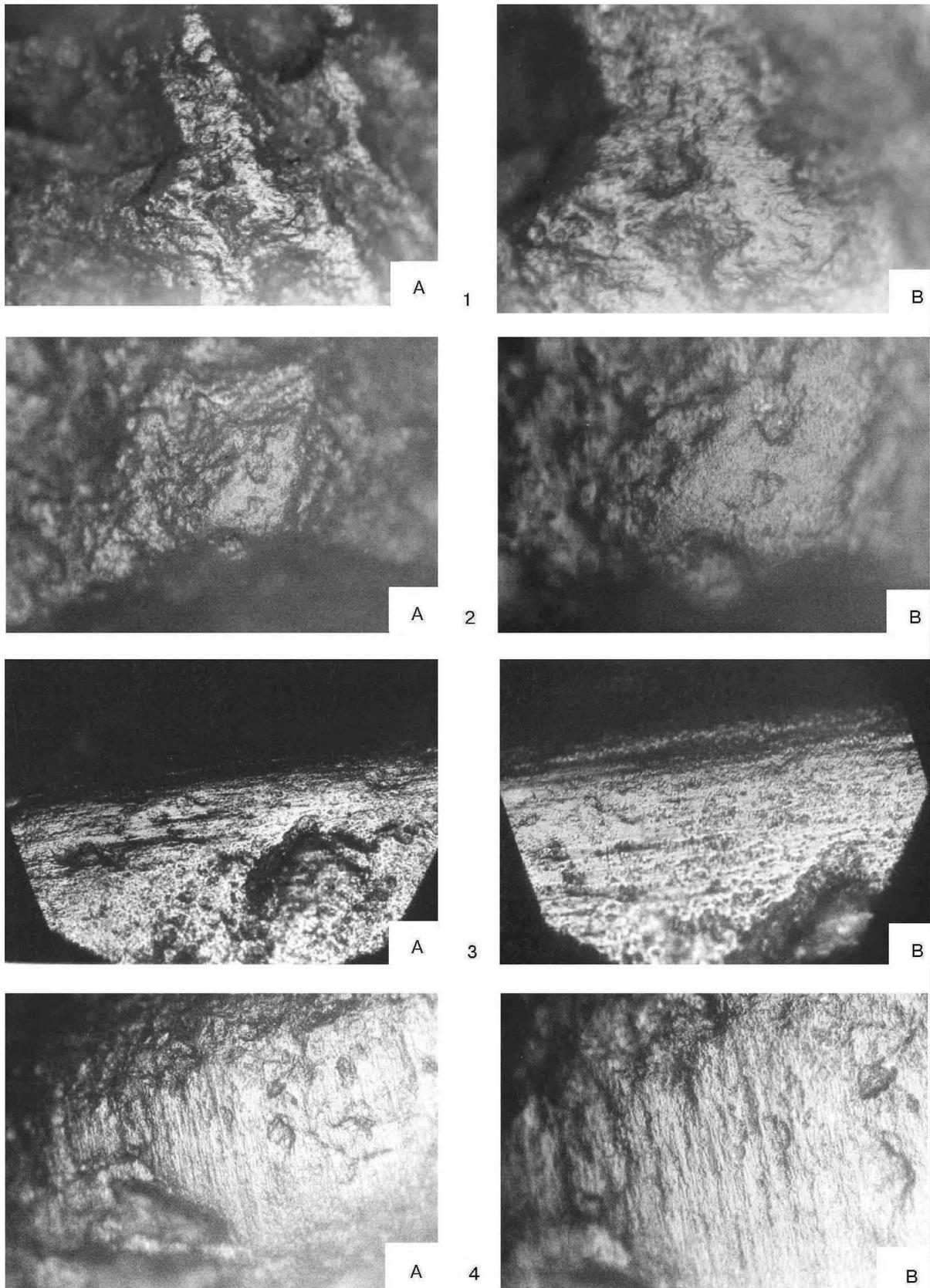


Рис. 10. Константиновское поселение, кремневые орудия для дерева (1, 2) и камня (3, 4):
 1 — пила, кромка рабочего лезвия — вид с брюшка; 2 — стамеска, кромка рабочего лезвия —
 вид со спинки; 3 — пила, кромка рабочего лезвия — вид с брюшка;
 4 — ретушер, кромка рабочего лезвия — вид в плане. Увеличение: А x 100; В x 200.

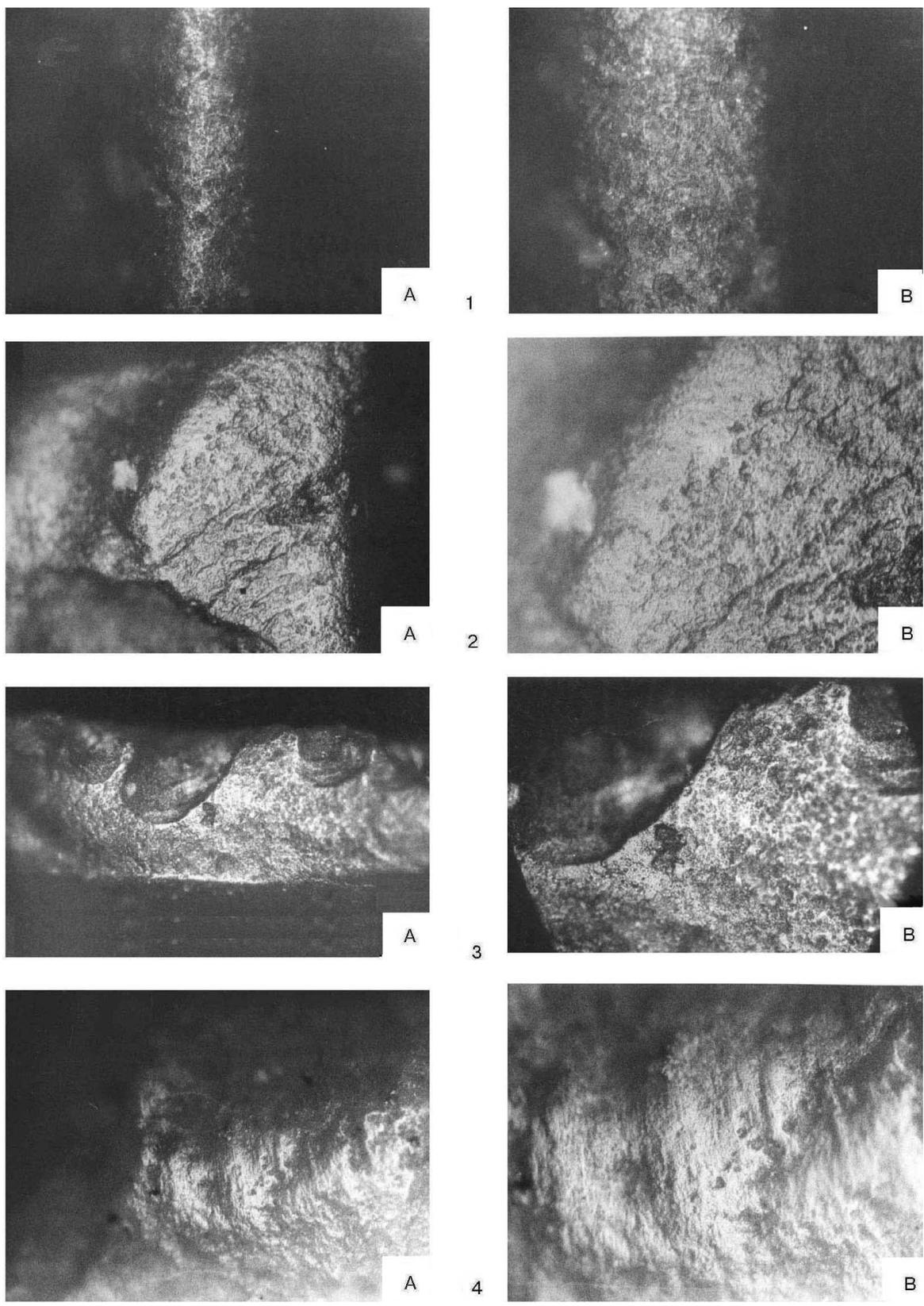


Рис. 11. Константиновское поселение, кремневые орудия: 1 — проколка для шкур, кромка рабочего лезвия на левом боковом ребре — вид в плане; 2 — нож для мяса, заполировка на межфасеточном ребре на кромке рабочего лезвия — вид со спинки; 3 — вкладыш гарпуна, кромка рабочего лезвия на верхушке правого бокового ребра — вид со спинки; 4 — топор для дерева, кромка рабочего лезвия — вид в плане. Увеличение: А x 100; В x 200.

ВОСТОЧНОТРИПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА И КОНТАКТЫ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ ПОПРУТЬЯ И ПОДНЕСТРОВЬЯ

В последнее время в Украине повысился интерес к трипольской культуре, являющейся составной частью Кукутено-Трипольской мегаобщности. Последняя имеет большой диапазон и огромный ареал распространения от Прута до Днестра. Остро дискуссионным является и вопрос о структуре общности. По мнению исследователей (Т. Г. Мовша, Е. В. Цвек, В. Я. Сорокин) в ее систему входили ряд родственных энеолитических культур.

Понятие «трипольская культура» было введено В. В. Хвойко в конце XIX века, когда им были открыты и осмыслены памятники Поднепровья в районе с. Триполья. В это же время изучались энеолитические поселения в бассейне Прута, Прикарпатской Молдове. За памятниками этой зоны закрепляется название «культура Кукутени» по широко известному эпонимному поселению.

Проблемы археологической культуры (АК) и определения ее исторического, социологического и этнического содержания долгие годы находятся в центре внимания многих исследователей (М. И. Артамонов, М. Ю. Брайчевский, А. Я. Брюсов, В. Ф. Генинг, Ю. Н. Захарук, Л. С. Клейн, А. А. Формозов и многие другие). Некоторые аспекты АК по сей день остаются дискуссионными. Разнобой в определении существующих в литературе понятий АК, как правило, был обусловлен нарушением соответствующих логических правил определения научных понятий АК (Захарук, 1983. С. 72—81). Применение АК не только для периодов энеолита, бронзы, но и для более ранних и поздних, по-видимому, свидетельствует об универсальности этого понятия, как специфического исторического источника археологической науки. Проблему историко-социологической атрибуции АК, можно решить по мнению Ю. Н. Захарука только при условии обоснованного соотношения АК с такими социологическими и этнографическими понятиями, как «социальный организм» и «этнос» рассматриваемых в органическом единстве, как содержание и форма конкретных общественных образований прошлого. Основываясь на определении АК, предложенном Ю. Н. Захаруком и В. Ф. Генингом (Захарук, 1989. С. 207—214; Генинг, 1982), попытаемся рассмотреть один из регионов занимаемых трипольскими племенами.

Продвижение кукутено-трипольского населения в новые районы и установление контактов с инокультурным населением способствовало формированию в развитом Триполье новых территориальных групп, перерастающих по мере усиления их этнографической специфики в локальные образования. Исследователи (Т. С. Пассек, С. Н. Бибиков, В. Думитреску, В. Н. Даниленко, Е. К. Черныш, Т. Г. Мовша, Е. В. Цвек) неоднократно и справедливо подчеркивали близость, но в то же время и различие западной и восточной зон Трипольско-Кукутенской культурно-исторической мегаобщности. Однако до сих пор проблема единства и локальных различий разных районов этой области остается актуальной, поскольку процесс углубления дифференциации и развития связей между районами практически не раскрыт.

На своеобразии памятников восточного ареала мегаобщности впервые обратил внимание ее первооткрыватель Викентий Хвойко. Позднее об этом писали и другие исследователи (Vl. Dumitrescu, E. Comsa, В. Н. Даниленко, Т. Г. Мовша, Е. В. Цвек). Археологические работы, проведенные в Веремье, позволили В. Козловской отметить особенность трипольских поселений Поднепровья и подчеркнуть их связь с памятниками Буго-Днепровского междуречья. Исследуя поселения трипольской культуры Поднепровья С. Н. Бибиков называл их классическими (Бібіков, Шмаглій, 1964. С. 131—137). Но изучение происхождения и своеобразия трипольских памятников Поднепровья было затруднено неравномерностью исследования территории между Южным Бугом и Днестром. Исторически сложилось так, что исследовались в основном Днепровская и Побужская части восточного ареала. Территория междуречья Днестра и Южного Буга практически была неизученной. Отдельные памятники, известные в этом районе, оставались изолированными хронологически. Более или менее значительный материал содержали коллекции лишь двух поселений, частично раскопанных в первой половине прошлого века — Пенежково

(Himner, 1933. P. 26—163) и Красноставка. В раскопках последнего принимала участие Т. Д. Белановская, позднее материалы Красноставки были введены ею в научный оборот (Белановская, 1957. С. 31—39)

Лесостепное Буго-Днепровского междуречье, охватывающее бассейны рр. Роси, Горного и Гнилого Тикича с их многочисленными притоками, было той территорией, где проходило становление племен восточного региона, продвинувшихся несколько позднее в Поднепровье. Значение указанной территории для разработки ряда наиболее существенных проблем как «внутренней» истории трипольской культуры, так и ее внешних связей, бесспорно. Возможность ответить на многие вопросы, связанные с развитием Триполья этой важной территории и ее роли в сложении восточного ареала появилась лишь после начала планомерных археологических исследований в Буго-Днепровском междуречье. Полученные материалы в ходе многолетних работ автора в указанном регионе позволили по новому подойти к решению проблемы формирования восточного Триполья.

В эпоху энеолита миграционные процессы, происходившие в Юго-Восточной Европе, привели к сложению нескольких крупных историко-культурных общностей. По мнению ряда исследователей неолитическая культура Боян является одним из генетических компонентов двух крупных энеолитических культур — Гумельницы и Прекукутени. На поздней фазе развития в некогда монолитной культуре Прекукутени — раннее Триполье ощущается тенденция к дифференциации (Збеневич, 1989).

На западе за Днестром, приток новых этнических элементов вызывает формирование новой кукутенской культуры, в которой очень быстро исчезают признаки прекукутенской (Сорокин, 1991. С. 83—85). Одна из основных черт культуры Кукутень — наличие в керамическом комплексе 60—80 % сосудов, украшенных полихромной или монохромной росписью и большое количество антропоморфной пластики.

Эволюция от раннего к среднему Триполью на территории восточного ареала проходила более спокойно. Здесь долго сохраняются раннетрипольские традиции, постепенно уступавшие место инновациям, связанным с появлением импортной керамики и с изменениями в домостроительстве, идеологии и хозяйстве. На востоке зарождается новое культурное явление, отличное от западной синхронной кукутенской культуры. Исходя из общепризнанных в российской и украинской археологии критериев определения термина «археологическая культура», можно констатировать зарождение внутри трипольско-кукутенской мегаобщности отдельной восточнотрипольской культуры.

Термин «трипольская культура» — более широкое понятие, часто применяемый исследователями как аналог кукутенской культуры к памятникам последней, расположенным на территории Украины и Молдовы. Введение нового термина «восточнотрипольская культура» позволяет более четко выделить круг самобытных поселений восточного ареала мегаобщности, объединенных в систему и отличных по характеристике от поселений кукутенской культуры.

Широкомасштабные работы, проведенные автором на территории восточного региона (систематизация и обобщение материалов вновь открытых и ранее известных памятников) позволяют показать становление и развитие качественно нового явления в трипольско-кукутенской мегаобщности — восточнотрипольской культуры (далее ВТК). Она формируется на прекукутенской основе в результате миграций и интеграционных процессов.

Ее памятники занимают территорию между Южным Бугом и Днестром (рис. 1, 1). Население, оставившее эти поселения, объединяет общность происхождения и идеологических представлений, традиций в хозяйстве и производстве (особенно керамическом). На протяжении

К рис. 1. 1 — карта памятников восточнотрипольской культуры (1 — памятники днепровского локального варианта, 2 — памятники буго-днепровского локального варианта, 3 — памятники северо-бугского локального варианта, 4 — памятники южно-бугского локального варианта, 5 — памятники типа Владимировки); 2 — план поселения Веселый Кут; 3 — Шкаровское святилище, реконструкция; 4 — гончарный комплекс поселения Веселый Кут, реконструкция; 5 — планы построек с подвалами; 6 — модель жилища из Россоватки; 7 — сравнительная гистограмма керамических комплексов восточнотрипольской и кукутенской культур (по материалам Мирополья, Веселого Кута, Красноставки, верхнего и нижнего слоев Незвиско, Поливанова Яра II и Яблони XIII).

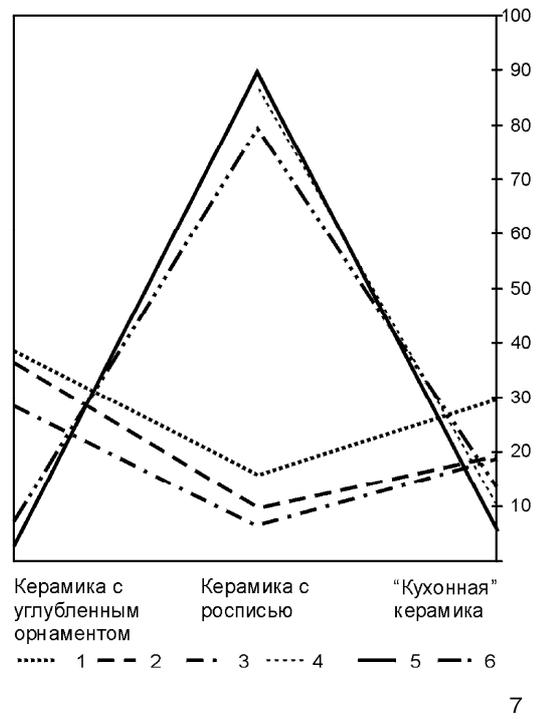
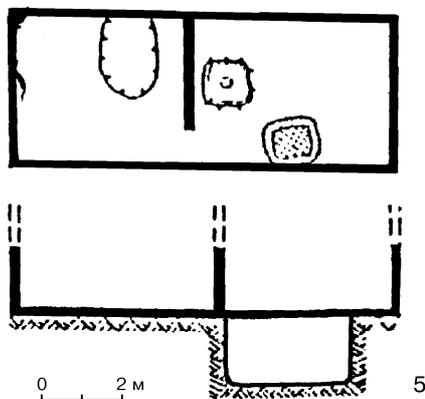
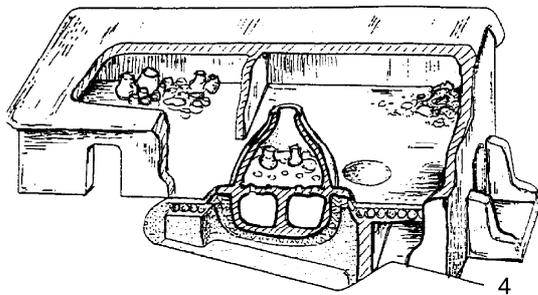
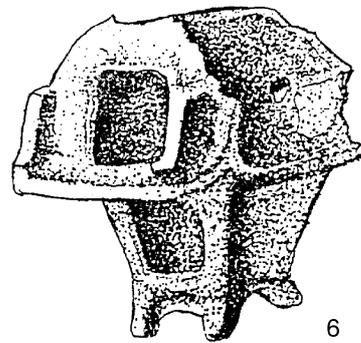
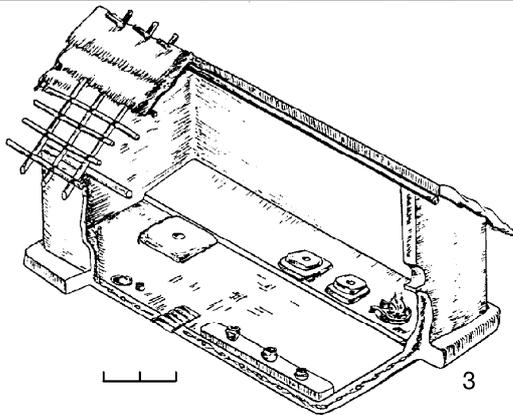
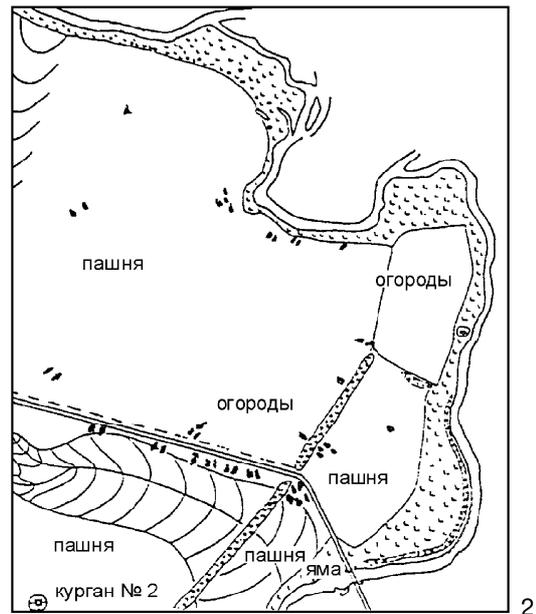
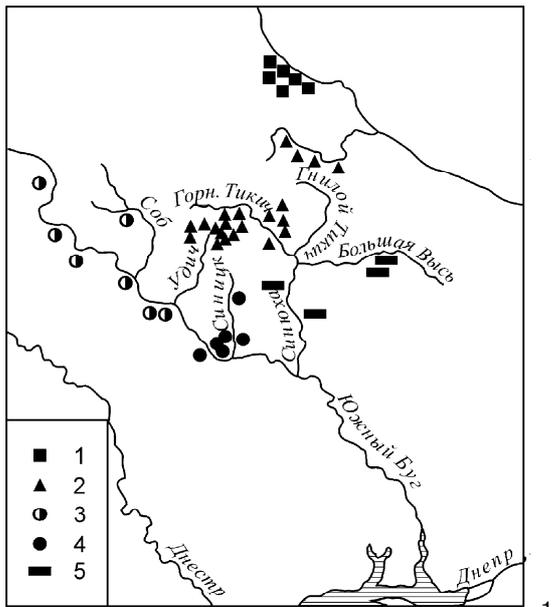


Рис. 1.

многовекового существования (около 1000 лет) ее население стойко сохраняло традицию оформления керамики углублённым орнаментом, что и явилось ярким ее этнографическим своеобразием. При отправлении культов почти не употреблялась антропоморфная пластика. Имеются отличия в домостроительстве и планировке поселений.

В пору своего наивысшего расцвета племена восточнотрипольской культуры достигают значительного уровня экономического развития, усложняется их мировоззрение. Ритуалы, связанные с культом плодородия и другие отправляются в поселенческих святилищах (рис. 1, 3) или на домашних алтарях (Цвек, 1993. С. 74—76). В этот период получают распространение крупные по размерам поселения со сложной планировкой, уличной системой застройки и большим количеством жителей. Они играли роль экономических и культурных центров трипольского общества восточного региона. Одно из них — Веселый Кут, имело площадь около 150 га (Цвек, 1995. С. 33—44; рис. 1, 2). Поселения застраиваются усадьбами с жилыми и хозяйственными постройками. Дома — преимущественно одноэтажные двух, трехкамерные наземные, глинобитные постройки. В их интерьере — лежанки, купольные печи, алтари. Особенно знаменательно большое количество специализированных кожевенных, костерезных, камнеобрабатывающих мастерских. Среди них выделяется керамический производственный комплекс с совершенными по своей конструкции гончарными двухъярусными горнами (рис. 1, 4). О высоком уровне гончарного ремесла свидетельствует также и керамика памятников ВТК. Особого совершенства достигает посуда с углублённо — желобчатой и каннелированной орнаментацией. Типичными формами первой являются грушевидные сосуды с крышками, кратеры, биноклевидные сосуды. Их углублённый орнамент с белым пастовым заполнением эффектно выглядит на подшошенной палевой или темно-серой поверхности. В системе орнамента спиральные ленты, антропоморфные элементы, лунарные и солярные знаки (рис. 2, 1—19, 23).

В восточнотрипольской культуре не выявлены могильники, но тщательное сопоставление орудий труда, классификация керамики и ее статистическая обработка, изучение эволюции орнамента и форм сосудов, остатков фауны и флоры, украшений, предметов культов и искусства, форм жилищ, планировки поселений, отдельных микрорайонов культуры позволяют выделить группы памятников с однотипными археологическими комплексами. В пределах своих территорий восточнотрипольская культура не была монолитной. Расселение и дальнейшее развитие родственных этнокультурных групп обуславливает некоторые отличия в их материальной и духовной культуре. В период развитого Триполья в ВТК выделяются четыре локальных варианта: буго-днепровский, южно-бугский, северо-бугский и днепровский (рис. 1, 1). Каждый из них имел свою территорию, различными были их исторические судьбы. Локальные варианты ВТК имеют единые генетические корни, но наряду с общими чертами в археологическом комплексе каждому из них присущи характерные этнографические черты, которые отличают их друг от друга. Расселение племен ВТК на значительную территорию, контакт с иноэтничными племенами, откуда были заимствованы инновации в идеологии, быте, ремесле, особенно керамическом придали своеобразную окраску локальным группам восточного Триполья (Цвек, 1999).

Структурная схема АК позволяет с большим основанием подойти к решению вопроса об историко-социологическом понятии АК, а следовательно и незаменимым значением ее, как исторического источника для реконструкции древнейшей истории племен и народов (Захарук, 1989. С. 207—214). В. Ф. Генинг (1989. С. 215—228) развил идею А. Я. Брюсова о соответствии АК этническим общностям и обратил внимание на важное качество этноса как социального организма, подчеркнув при этом, что этнические общности представляют собой объективную форму существования конкретного общества — социального организма.

Структура восточнотрипольской культуры, которая представляет систему типов памятников, отражающая территориальное распространение и этапы исторического развития группы родственных по происхождению племен, является важным источником для изучения этнических общностей энеолита, рассматриваемых как социальные организмы. Совокупность населения, оставившего памятники, которые входили в локальные варианты и обладали как различными так и общими признаками, составляла этническую общность — родственной союз племен, соответствующий ВТК.

Признание АК отражением этнической общности констатирует постоянное, тесное и длительное общение ее носителей, что неизбежно приводит к признанию единства их языка

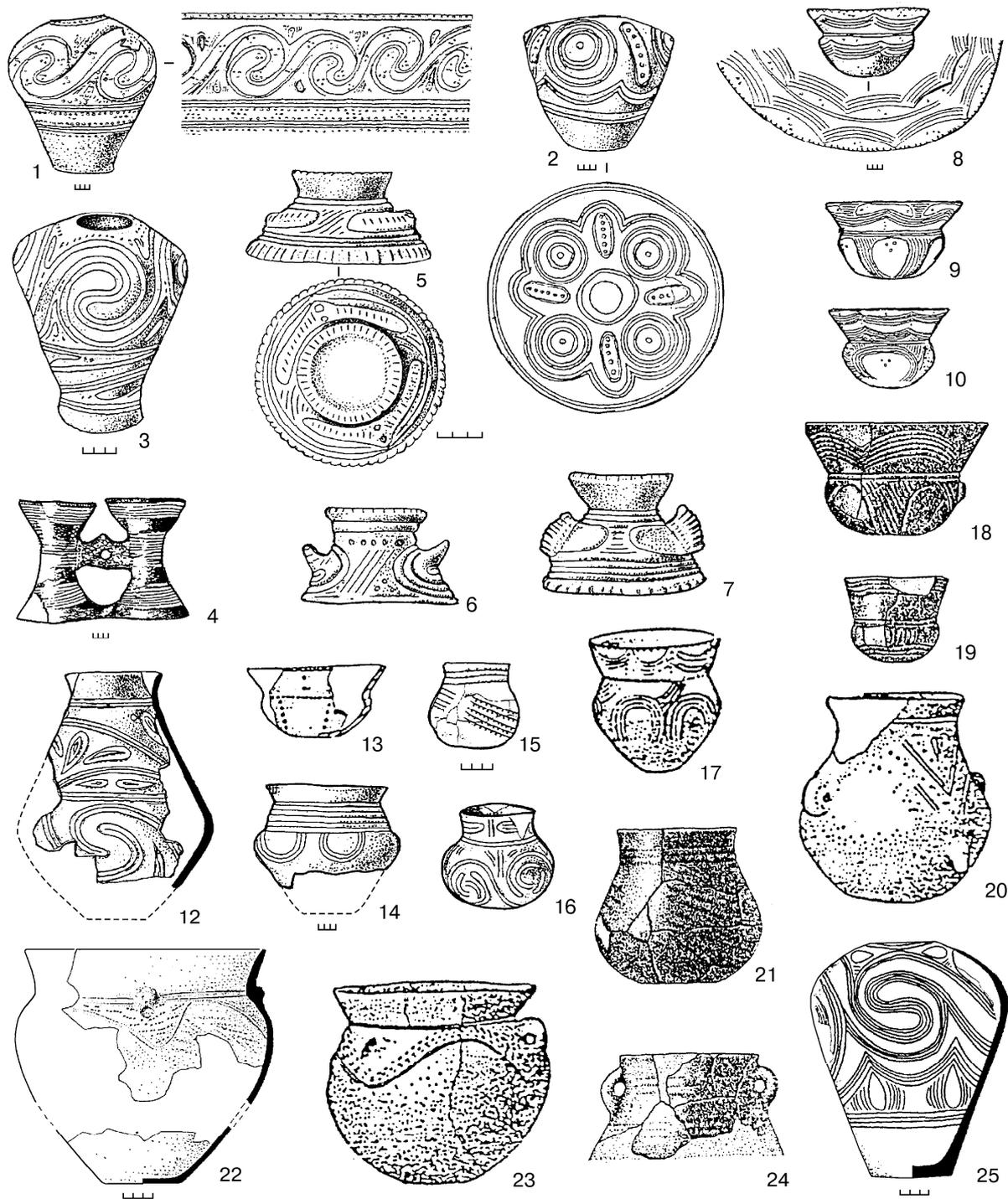


Рис. 2. Керамика восточнотрипольской культуры: 1—19, 25 — сосуды с углубленно-желобчатым орнаментом; 12, 14—16, 20, 21, 24 — сосуды с каннелированным орнаментом; 13 — кратер с ямочным орнаментом; 22—23 — кухонные сосуды. 1—3, 5, 10, 12 — 16, 24 — Веселый Кут; 4, 18, 19, 21, 22 — Шкаровка; 20, 23 — Веремье; 25 — Мирополье; 17 — Гребени.

(Генинг, 1982). Язык, служивший для общения и передачи информации, не оставил материальных следов. Но археологические комплексы обладают предметами, передающими информацию из поколения в поколение. Ими являются орнаментальные схемы с семантическими знаками на сосудах и культовых предметах, в которых закодированы мифологические сюжеты. Такой своеобразный источник для познания традиций и мировоззрения прошлого дают археологические комплексы ВТК (рис. 2. 1, 2, 23; 3, 1—8) (Цвек, 1993. С. 74—90).



Рис. 3. Керамика восточнотрипольской культуры этапа VI:
1—6 — Березовка; 7—12 — Красновка.

Определяя самобытность и самостоятельность восточнотрипольской культуры вряд ли можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают главной причиной преобладания углубленного орнамента на керамике (одного из наиболее типичных признаков культуры), отдаленность этого района от коренной территории трипольско-кукутенской общности. По-видимому, это явление имеет другое содержание. Племена восточнотрипольской культуры рано узнали расписную керамику, о чем свидетельствуют импорты с кукутенских и гумельницких памятников. Однако чуждая культурным местным традициям она не получила в их среде

распространения. Углубленный орнамент был способом передачи будущим поколениям древних традиций и идеологических представлений, что способствовало сохранению их культурного единства.

Племена культуры Кукутень занимали соседнюю территорию от Прута до Днестра. Сравнительный анализ признаков, характеризующих кукутенскую и восточнотрипольскую культуры, показывает значительные отличия в их материальной и духовной жизни (рис. 1, 7).

Взаимосвязи носителей ВТК с населением Попутья и Поднепровья фиксируются с начала её возникновения. Основным свидетельством этих контактов является высококачественная орнаментированная росписью посуда. Был ли это экспорт керамики или же она являлась сопутствующим продуктом обмена изделиями из камня и металла пока не ясно.

Важную роль в формировании ВТК сыграло население, оставившее многослойный памятник на Южном Буге — Березовку. Все его слои относятся к этапу VI (по периодизации Т. С. Пассек).

Площадь вышеуказанного поселения — около 10 га. Раскопками выявлены двух- и одноэтажные наземные глинобитные дома, углубленные жилища, хозяйственные ямы.

Керамический комплекс представляют сосуды, украшенные углубленным орнаментом, рустовидным орнаментом и росписью после обжига. Последние являются импортом с поселений кукутенской культуры. В орнаментальных композициях керамики с углубленным орнаментом, преобладающей на поселении, сочетаются каннелюры, зубчатый штамп и углубленные линии, последние часто инкрустировались белой пастой. Иногда углубленный орнамент дополнялся прокраской после обжига красной и белой краской (рис. 3, 1—6). На Березовском поселении собрана большая коллекция орудий труда и оружия из кремня, камня, рога, кости и металла. Изделия из меди — рыболовные крючки, проколки, проушные топоры-молоты. Большой интерес представляют каменные боевые сверленные топоры, тесла, мотыги. Определение функционального назначения орудий проведено Г. Ф. Коробковой. Особо следует выделить среди них булавы и зооморфный скипетр в виде головы коня. Петрографический анализ, проведенный В. Ф. Петрунем, показал, что каменные изделия выполнены из привозного (днестровского) и местного сырья.

В материалах поселения Березовка отмечены самые ранние следы связей населения ВТК с кукутенскими племенами. В нижнем слое этого поселения встречены фрагменты импортных сосудов с кукутенских памятников. Они расписаны темно-коричневыми треугольниками на беловатом иногда палевом фоне. В следующем (II) слое роспись уже носит иной характер. Сосуды украшены фестонами и завитками и декорированы в три краски: красная, белая, черная. Последняя используется для окаймления основного рисунка. По мнению В. П. Цыбескова (1971. С. 187—192) эти фрагменты можно синхронизировать с Извоаром II-Аб. Фрагменты керамики из III слоя расписаны S-видной спиралью. Основной рисунок, выполненный белой краской, окаймлен черной, которая в свою очередь подчеркнута темно-красной. В IV слое выявлен почти целый горшок расписанный S-видными спиралями. Позитивный рисунок выполнен белой краской, окаймленной черной линией, которая в свою очередь подведена темно-красной. Красной же краской заштрихованы остатки поверхности, незаполненные основным рисунком. Фрагменты тонкостенного кубка были выявлены в яме 1 площадки 2 (рис. 4, 1), его поверхность покрыта росписью аналогичной вышеописанной. В этом же жилище встречено несколько фрагментов с росписью стиля «меандр» (рис. 4, 2, 3, 10). По аналогиям эти фрагменты можно сопоставить с памятниками типа Извоар II. В это время бытуют поселения Хэбэшешть, которые В. Думитреску датирует Сис АЗ (Dumitrescu, 1974). Свидетельством контактов с населением памятников типа Хэбэшешть являются фрагменты чаш на антропоморфном поддоне («кариатиды»), обнаруженные нами в многих жилищах Березовки. Следует подчеркнуть, что на этапе VI Триполья устанавливаются тесные контакты носителей ВТК с яской группой кукутенских племен, в этом регионе расположено поселение Извоар, Скантия и др. (Vulpe, 1957. S. 156; Mantu, 1995. S. 115—132).

В жилище № 7 Березовского поселения найден небольшой округлотелый кубок с чуть вдавленным плоским дном (рис. 4, 5—7). Кубок полностью расписан как с внешней, так и с внутренней стороны. По темно-красному подлощенному фону нанесены белые ленты с тонкой черной окантовкой. S-видные тонкие ленты, от которых отходят завитки, обвивают все тулово

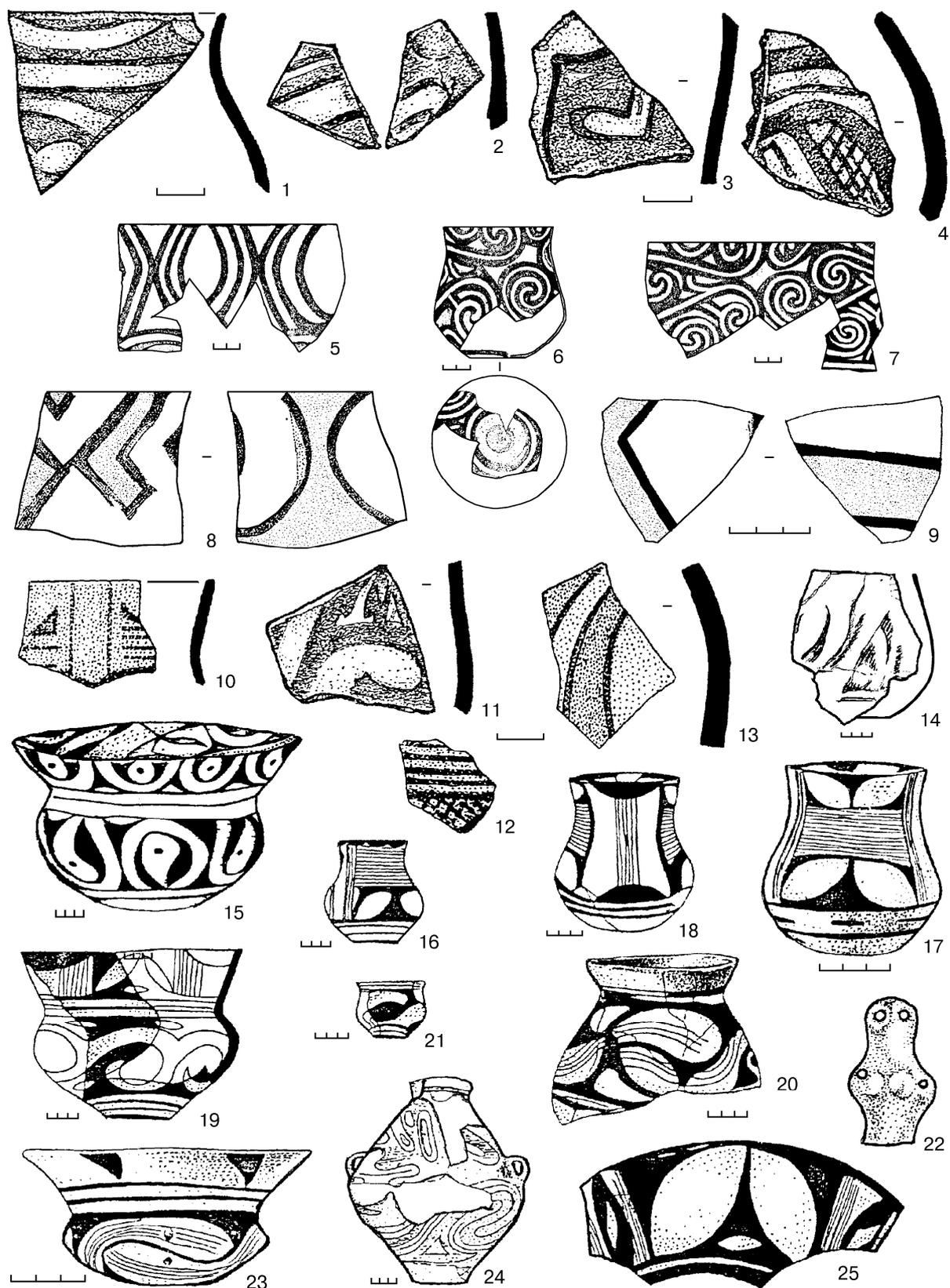


Рис. 4. Импорты и подражания керамике кукутенской культуры:
 1—10 — Березовка; 11—13 — Шкаровка; 14, 15, 24 — Веселый Кут; 16—23, 25 — Гарбузин.

сосуда. Аналогичной горизонтальной лентой выделена придонная часть. С внутренней стороны кубка роспись несколько иная и состоит из овалов и отдельных отрезков ленты. Аналогию мы находим в Извоаре II (Vulpe 1957. S. 190, fig. 190, 5; 191, 1; 192, 1). Наиболее близок по форме и росписи кубок из Извоара II (Vulpe 1957. S. 160, fig. 139, 1). С аналогичной росписью выявлены сосуды в Фрумушике (Dumitrescu, 1974. S. 113, fig. 116) и Скантие (Scanteia, 1999. S. 47, fig. 146; S. 48, fig. 149). Особенно близки кубки из этого памятника (Scanteia, 1999. S. 43, fig. 139; S. 44, fig. 140; S. 98, fig. 162), но большинство кубков из Скантии имеют более широкую и приземистую форму, чем сосуд из Березовки.

Роспись из Извоара II и Фрумушики аналогична Березовской исполнена на вазах имеющих антропоморфную часть, напоминающую скульптурные подставки «кариатиды» из Березовки, но последние не имели расписного орнамента.

Еще одной отличительной чертой является то, что большинство расписных сосудов из Извоара II, Фрумушики и Скантии имеют красный фон, выполненный из тонких красных линий, а на Березовском кубке фон сплошной.

Интересен и керамический комплекс из прямоугольного, двухкамерного жилища № 13 Березовки, площадь которого составляла 70 м². Его камеры носили различное назначение. В северной камере, вероятно культового характера, выявлена своеобразная конструкция, условно названная «алтарь». Она имела округлую форму (диаметр — 70 см) и была исполнена в виде глиняной чаши, из которой подымался вмазанный в нее сосуд (в форме конической расширяющейся кверху трубы). Рядом с «алтарем» найдены фрагменты вазы на поддоне со скульптурным изображением женщин, так называемых «кариатид» — близких по форме антропоморфным элементам на указанных выше вазах из Извоара II и Фрумушики (Vulpe, 1957. S. 205, Pl. VII; Dumitrescu, 1974. S. 113, fig. 116).

Южная камера с очагом, возможно имела другое назначение. В этом помещении наряду с традиционной для Березовки керамикой, выявлены расписные импорты и сосуды лесостепных и степных культур с ракушкой в тесте. Импортная керамика в жилище № 13 составляет 9 %, 5 % — сосуды с ракушкой и 4 % — кукутенские. Один сосуд из кукутенских является широко открытым кубком (рис. 4, 8, 9). По белому ангобу нанесена темно-красная роспись с тонкой черной обводкой. В системе росписи геометрические фигуры, овалы. Ближайшие аналогии форме и росписи сосуда мы находим в Фрумушике (Dumitrescu, 1974. S. 107, fig. 107, 108) и Поливановом Яру III (Попова, 1985. С. 22—33).

В предпоследнем слое Березовки мы также встречаем импортную керамику с росписью и фрагменты сосудов с углубленным желобчатым орнаментом. Оба вида керамики выполнены из мелкоструктурной массы («отмученной» глины). Ближайшие аналогии им мы находим на поселении Поливанов Яр III из Поднепровья (Попова, 1985. С. 22—23). В самом верхнем слое Березовки выявлена импортная расписная керамика. По беловатому залощенному ангобу темно-коричневой краской нанесен рисунок, его элементы заполнены кривой сеткой из тонких коричневых линий (рис. 4, 4). Подобный орнамент встречен на поселении Молдавии Жоры, который исследовал В. Я. Сорокин (Soroĭin, 1996b). В верхних слоях Березовки присутствуют отдельные фрагменты, которые близки Васильевке, но нам кажется, что Васильевка стоит несколько позже, чем финальные слои Березовки. В Васильевке имеется керамика с каннелюрами и покраской (Шумова, 1994. С. 83), которую мы не наблюдаем в Березовке. Следует подчеркнуть, что керамика, украшенная росписью, во всех слоях Березовского поселения является импортом с памятников кукутенской культуры и составляет 2—4 % от керамического комплекса, характерного для этого памятника. Керамические импорты, найденные в разных слоях Березовского поселения, помогут синхронизировать кукутенские и степные памятники с ВТК и уточнят их хронологические позиции в энеолите.

На поселениях Среднего Побужья этапа VI появляются сосуды, покрытые оранжевым ангобом и украшенные углубленным широкожелобчатым орнаментом. По форме и стилю декора указанная керамика близка посуде некоторых памятников этого времени среднего Поднепровья (этап VI). Обитатели последних, возможно, приняли участие в сложении среднебугского локального варианта восточнотрипольской культуры. Следы контактов с днепровскими племенами можно проследить и в материалах поселений типа Красноставки и типа Оноприевки в Буго-Днепровском междуречье. В Красноставке выявлен фрагмент сосуда с ракушкой в тесте,

его поверхность украшена волнистой лентой из тонких углубленных линий, окаймленных мелким зубчатым штампом (Цвек, 1985. С. 36, рис. 1, 1). Аналогичную керамику мы находим в материалах поселения Журы на Днестре. Вероятно, жители обоих вышеуказанных поселений поддерживали связь как между собой, так и со скелянским населением степи, откуда и пришла керамика со столь своеобразной орнаментацией и ракушкой в тесте.

На кукутенских поселениях Хэбэшести и Трушести найдены сосуды, характерные для ВТК этого времени (Dumitrescu, 1974. S. 129, fig. 135; Petrescu-Dumbovita, 1953. P. 18, fig. 8), что еще раз подтверждает взаимодействия указанных культур.

В дальнейшем взаимосвязь Побужья с кукутенскими племенами документируется керамикой из Клищева. Многие расписные сосуды из этого поселения аналогичны керамике поселений типа Жур. Особенно близки амфоры, украшенные белыми спиральными лентами с черной обводкой. Эти сосуды не являются подражанием. По всей вероятности, они выполнены в Клищеве выходцами из Поднепровья. Вышесказанное позволяет сделать предположение о втором импульсе со Среднего Днестра на Южный Буг в последней половине этапа VI и в начале периода VI-VII (Кукутень А4 — начало Кукутень А-VI). Среди керамики с углубленным орнаментом, найденной в Клищеве, встречаются сосуды, форма и орнаментальная композиция которых вполне обычны для поселений Днестра конца этапа VI (Заец, Рыжов, 1992).

О контактах носителей солоченской группы кукутенской культуры с населением Буго-Днепровского локального варианта ВТК говорят находки как расписной, так и другой керамики импортируемых с указанных памятников.

По мнению В. А. Шумовой (1994. С. 86), которая исследовала материалы Васильевки, в формировании памятника сильно ощущается кукутенский импульс из бассейна Прута.

На этапе VI-VII (Кукутень АВ) Среднее Поднепровье попадает в зону расселения племен Солоченской локальной группы. В Васильевке и в памятниках этой группы присутствуют сосуды, украшенные каннелюрами с последующей прокраской белой и красной краской. Керамика с подобной орнаментацией выявлена на поселениях Буго-Днепровского междуречья, правда, более поздних, чем Васильевка (Зюбриха, Шкаровка, Веселый Кут (Цвек, 1985. С. 37). Описанный тип орнаментации присущ керамическому комплексу памятников типа Дрэгушень (Sorokin, 1996a. P. 201—231), откуда подобные сосуды были импортированы через Васильевку, позднее Солонченскую группу в Буго-Днепровское междуречье (рис. 4, 24). В. А. Шумова пишет (2001. С. 67), что Васильевский керамический комплекс наиболее близок с посудой солонченских памятников и не имеет общих морфологических и стилистических черт с традиционным оформлением керамики поселений типа Залещики. Но на поселениях ВТК, таких как Шкаровка и др., встречена керамика как из памятников типа Солончен, так и из Залещиков.

Большой интерес вызывают и фрагменты импортных сосудов, найденные в Шкаровке, указывающие на связи местного восточнотрипольского населения с залещицкой общиной Поднепровья. Среди них сосуды, по белому фону которых нанесена красная роспись с черной обводкой (рис. 4, 13). Аналогии этой керамике находим среди поселений Среднего Днестра (Глыбочек, урочище Стинка). В Глыбочке встречена и керамика из отмученной глины, с углубленным орнаментом, характерная для памятников Поднепровья. Это — грушевидный сосуд с зауженной нижней частью — своеобразным поддоном. Аналогичные по форме сосуды бытуют в Шкаровке (Цвек, 1980. С. 174, рис. 3, 3). На поселениях шкаровского типа выявлены тонкостенные кубки с красной росписью. В системе орнамента тонкие линии, треугольники, сетка (рис. 4, 11, 12). Близкие по форме и орнаменту сосуды имеются в Залещицкой группе памятников Поднепровья (Виноградова, 1983). Из вышесказанного можно сделать вывод, что в среднем Поднепровье памятники типа Солончен и типа Залещики какой-то период существовали параллельно, а население их оставившее поддерживало тесные контакты с общинами ВТК.

Во второй половине этапа VI-VII связи населения двух ареалов не прекращаются, о чем свидетельствуют материалы поселений Буго-Днепровского междуречья типа Веселого Кута. Здесь встречены образцы (рис. 4, 15), импортируемые с поселений Поднепровья типа Поливанова Яра II (Пассек, 1961. С. 111; Попова, 1985). В этот же период появляется местная керамика с росписью, которая отличается от импортных как по составу массы, так и стилем росписи. Сосуды выполнены из массы с примесью песка, их поверхность покрыта плохо сохранившейся красной росписью (рис. 4, 14), подражающей росписи залещицкой группы. На поздних пло-

щадках Веселого Кута встречены импортные расписные кратеры. По естественному фону сосуда нанесена темно-коричневая роспись. В системе орнамента — фестоны, листовидные фигуры, круги. Отдельные части фриза разделены вертикальными лентами из тонких темно-красных линий. Аналогии этим сосудам мы находим среди материалов поселения Бучач и памятников из его окружения.

Через территорию Буго-Днепровского локального варианта ВТК расписная керамика из центров Днестра проникает на Днепр (Веремье).

В конце этапа VI-VII в Поднестровье происходят какие-то сложные демографические процессы, вызвавшие переселение общин поздних фаз залещецкой группы в Верхнее Поднестровье.

Здесь складывается выделенный В. А. Круцом и С. Н. Рыжовым особый локальный вариант культуры. Переселившиеся общины занимают территорию бассейна Днестра от реки Большой Луки в районе Незвиско и выше по течению. Они образуют небольшие поселки с гнездообразным размещением жилищ. Район Верхнего Поднестровья привлекал население большими залежами высококачественного туронского кремня, многочисленными выходами минеральных соляных источников (Круц, Рыжов, 1997. С. 23—32). Залещицкие общины, как мы уже писали, еще на этапе VI-VII вступили в контакт с населением ВТК. Их потомки, переселившиеся на Верхний Днестр, продолжают эти связи, о чем свидетельствуют материалы из Веселого Кута.

Контакты фиксируются и на этапе VII. Керамика с монохромной темно-коричневой росписью и элементами, характерными для некоторых сосудов поселения Раковец и памятников Верхнего Днестра, в небольшом количестве найдена на более поздних поселениях типа Мирополье буго-днепровского локального варианта ВТК. Сравнительный анализ керамических комплексов памятников Раковец и Мирополье показал их различие. Не однотипна и расписная керамика, выявленная на этих памятниках. В Раковце она обильна и роспись выполнена на красном фоне. В Мирополье — это отдельные фрагменты с монохромной росписью на сосудах из серой глины. Поселение Раковец и синхронные ему памятники Поднестровья Е. К. Черныш датирует этапом VII, по периодизации Т. С. Пассек и 7-ой ступенью своей периодизации (Черныш, 1982. С. 210—211), но Мирополье существовало раньше, чем Владимировка и другие поселения, отнесенные к этой ступени. Т. А. Попова считает более приемлемой датой бытования этих памятников середину этапа VII, что согласуется и с нашей датировкой Мирополя.

На заключительном этапе развитого Триполья (вторая половина этапа VII) в Побужье и Буго-Днепровском междуречье появляется ряд поселений: Гарбузин на Роси, Гордашевка на Горном Тикиче, Андреевка и Лекарево на Большой Выси, Тростянчик на Южном Буге и др. Сопоставление керамических комплексов этих памятников выявило их сходство и различие. На всех поселениях присутствует довольно большое количество сосудов (40—60 %), украшенных росписью. Для этой группы керамики характерно сочетание темно-коричневого монохромного орнамента с ярко-оранжевым или красным ангобом, нанесенным на тщательно залощенную поверхность. В композициях присутствуют круги, овалы, растительные элементы, реже антропоморфные изображения (рис. 4, 16—21, 23, 25). Если эта керамика на всех перечисленных поселениях почти идентична, то сопровождающие ее сосуды с углубленным орнаментом и керамика с примесью ракушки имеет яркие местные локальные черты. Это позволяет сделать предположение о каком-то практически одновременном импульсе с Верхнего Днестра.

В связи с этим особый интерес представляет ранее неизвестный в ВТК тип наземного глинобитного дома с подвальными помещениями (рис. 1, 5). Вероятно, существование двух типов сооружений, представленных наземными и углубленными постройками, в дальнейшем привело к их объединению в одно здание. Впервые подобные дома зафиксированы в Веселом Куте. На памятниках типа Гарбузина это явление становится более распространенным (Гарбузин, Христиновка). Лучше других исследована площадка № 4 гарбузинского поселения. Это двухъярусное, удлиненно-прямоугольной формы здание (площадью 126 м²), имело два помещения. В интерьере камер зафиксированы купольные печи, возведенные на настиле-фундаменте из глины. К печам примыкали возвышения, на которых размещались сосуды. Под камерой № 1 выявлено подвальное помещение (площадью 8,7 м², глубиной 1,9 м). В камере № 2 также обнаружен подвал, но несколько меньший по размерам (площадью 2,6 м², глубиной 1,6 м). Следует отметить, что жилища с подвальными помещениями были выявлены на верхне-

днестровском поселении Бодаки синхронном Гарбузину (Скакун, 2001. С. 54). Известны они и на более поздних памятниках как восточного региона: Рубаный мост, Россоховатка, Майданецкое (Шмаглий, Відейко, 1993. С. 52—63), Косеновка (Бузян, Якубенко, 1990. С. 61—64), так и на западе — Костешты IV (Маркевич, 1981. С. 75, 76, 80).

В одном из подвальных помещений дома из Россоховатки была найдена модель жилища (рис. 1, б). Последняя, как нам кажется, отражает конструктивные особенности именно постройки с подвалом. Верхняя часть модели передает наземное прямоугольное здание, нижняя — подвал. Ножки модели, также как и оформление фронтона придают ей зооморфные черты. Зооморфизм жилищ и их моделей, вероятно, был связан со сложными обрядами, которые сопровождали строительство дома (Цвек, 2001). Постройки с подвальными помещениями, по всей вероятности, передают модели жилищ и из западного региона Коновка (Шмаглий, Рыжов, Шумова, 1979. С. 425), Джелаешти (Монах, 1997. Р. 12, 14).

Появление керамики, украшенной росписью, и пластики (рис. 4, 22), характерных для памятников Верхнего Днестра, на поселениях ВТК, где присутствовал вышеописанный тип дома, позволяет сделать предположение о каком-то продвижении населения из указанного района Днестра (Бучач, Незвиско, Бодаки), принесшего эти инновации в восточное Триполье (Цвек, 2001. С. 63).

Суммируя вышесказанное, можно констатировать контакты между населением западного и восточного ареала Кукутено-Трипольской мегаобщности на протяжении всего развитого Триполья. Характер этих связей был неоднозначен. Если на ранних этапах существования ВТК контакты с населением Поднестровья и Попрутья носили характер обмена, результатом чего и была импортная расписная керамика, то в конце этапа VII фиксируется какой-то импульс населения с Верхнего Днестра на территорию ВТК.

В поисках новых земель кукутенские племена не могли двигаться на запад. За Прутом лежали густонаселенные районы с избыточным населением. В этих условиях в поисках новых земельных угодий и сырьевых ресурсов кукутенские общины предпочитали двигаться к востоку. Следы движения раньше всего проявляются на Южном Буге (Клищев). В Буго-Днепровском междуречье этот процесс нашел отражение в материалах заключительной фазы Веселокутского поселения, в Мирополье, Гарбузине и др. Очевидно в это время становятся более напряженными отношения племен восточнотрипольской культуры с кукутенским населением. Возможно, это подтверждает находка на поселении Мирополье метательного оружия — глиняных шаров-боласов. В конце развитого Триполья на территории Буго-Днепровского междуречья происходит сложный процесс, который закончился ассимиляцией части местного населения ВТК пришельцами с Днестра.

ВТК, возникнув в первой половине IV тыс. до н. э. (по традиционной хронологии), существовала более тысячелетия. Различие топографии и планировки поселений, разнообразные типы построек, совершенствование домостроительных приемов и главным образом изменения в керамических комплексах (появление новых и исчезновение старых категорий, групп керамики, форм сосудов, орнаментальных схем и их разное процентное соотношение) позволило выделить в развитии культуры четыре этапа (Цвек, 1994. С. 64—66).

Первый этап (VI) — формирование культуры, второй и третий (VI-VII; VII) — ее расцвет. В этот период общины ВТК занимают наибольшую территорию — от Южного Буга до Днестра. На четвертом этапе она резко сокращается. Только на небольшом участке Поднепровья племена восточнотрипольской культуры продолжают свое существование до финальных фаз Триполья, где и завершают свой исторический путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановская Т. Д. Трипольское поселение Красноставка // КСИИМК. Вып. 69. 1957.
Бібіков С. М., Шмаглий М. М. Трипільське поселення біля с. Гребені // Археологія. № XVI. 1964.
Бузян Г. Н., Якубенко Е. А. Характерные черты домостроительства Косеновской локальной группы // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Гальянки, 1990.
Виноградова Н. М. Племена днестровско-прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев, 1983.

- Генинг В. Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии, Ижевск, 1976.
- Генинг В. Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1982.
- Генинг В. Ф. Археология — целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания» // СА. № 3. 1989.
- Заец И. И., Рыжов С. Н. Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге. Киев, 1992.
- Захарук Ю. Н. Об одной концепции археологического источниковедения // СА. № 3. 1983.
- Захарук Ю. Н. Археология наука историческая или источниковедческая? // СА. № 3. 1989.
- Збенович В. Г. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев, 1989.
- Круц В. О., Рыжов С. М. Верхньодністровська група пам'яток трипільської культури та нові дані про зв'язки трипільців з населенням полгарської і лендельської культур // Археологія. № 2. 1997.
- Маркевич В. И. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев. 1981.
- Пассек Т. С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА. № 84. 1961.
- Попова Т. А. Початок розвинутого Трипілля на Середньому Дністрі (за матеріалами Поливанового Яру) // Археологія. № 52. 1985.
- Скакун Н. Н., Старкова Е. Г., Самзун А., Матвева Б. Бодаки — поселение мастерская на северо-западе Трипольской культуры // Трипільський світ і його сусіди: Тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції. Збараж, 2001.
- Сорокин В. Я. О связях культуры Прекукутень-Триполье А // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Киев, 1991.
- Черныш Е. К. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. Ч. 3. Археология СССР. М., 1982.
- Цвек Е. В. Трипольские поселения Бугоднепровского междуречья: (К вопросу о восточном ареале культуры Кукутени-Триполье) // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев, 1980.
- Цвек О. В. Особливості формування східного регіону трипільсько-кукутенської спільності // Археологія. № 51. 1985.
- Цвек Е. В. Буго-Днепровский вариант восточнотрипольской культуры: (К проблеме выделения культур и локальных вариантов // Первобытная археология. Киев, 1989.
- Цвек О. В. Религійні уявлення населення Трипілля // Археологія. № 3. 1993.
- Цвек О. В. Періодизація східнотрипільської культури // Проблемы хронологии культур энеолита — бронзового века Украины и юга Восточной Европы. Днепропетровск, 1994.
- Цвек Е. В. Веселый Кут — новый центр восточнотрипольской культуры. // АВ. № 4. 1995.
- Цвек О. В. Структура східнотрипільської культури // Археологія. № 4. 1999.
- Цвек Е. В. Восточнотрипольская культура и контакты ее носителей с энеолитическими племенами Европы // АВ. № 7. 2000.
- Цвек Е. В. Связи носителей восточнотрипольской культуры с населением Поднестровья // Трипільський світ і його сусіди: Тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції. Збараж, 2001.
- Цыбесков В. П. Некоторые итоги исследования Березовского поселения // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1971.
- Шмаглій Н. М., Рыжов С. Н., Шумова В. А. Раскопки припольского поселения у села Коновка // АО 1978 года. 1979.
- Шмаглій М. М., Відейко М. Ю. Трипільські протоміста // Археологія. № 3. 1993.
- Шумова В. А. Трипільське поселення Василівка на Середньому Дністрі // Археологія. № 1. 1994.
- Шумова В. А. К проблеме этноисторических процессов Триполья VI (Кукутени А4) Среднего Поднестровья // Трипільський світ і його сусіди: Тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції. Збараж, 2001.
- Dumitrescu Vl. Habasesti. Bukuresti, 1954.
- Dumitrescu Vl. Arta preistorika in Romania. Bukuresti, 1974.
- Himner M. Étude sur la civilization prémycénienne dans la bassin de la Mer Noire, d'après les fouilles personnelles // Switowit. T. XIV. Warszawa, 1933.
- Mantu M., Stirby M., Burgar N. Considerații privind obiectele din piatră, os și corn de cerb din asezare Cucuteniană de la Scanteia (1985—1990) // Arheologia Moldovei. T. XVIII. Bucuresti, 1995.
- Monah D. Plastica antropomorfa a culturii Cucuteni-Tripolie. Iasi, 1997.
- Petresky-Dumbovita M. Santierul Trusesti // SCIV. No. 4/1—2. Bucuresti, 1953.
- Scanteia. Cercetare arheologica si restaurare. 1999.
- Sorokin V. Locuntele asezarilor aspectului regional Draguseni-Jura // Cucuteni. Piatro Neamt, 1996a.
- Sorokin V. Asezarea de tip Cucuteni de la Jora de sus // Arheologia Moldovei. T. XIX. Bucuresti, 1996b.
- Vulpe R. Izvoare. Bukuresti, 1957.

О СВЯЗЯХ ТРИПОЛЬСКО-КУКУТЕНСКИХ ОБЩИН ПОДНЕСТРОВЬЯ С НАСЕЛЕНИЕМ ПОСЕЛЕНИЙ-ГИГАНТОВ БУГО-ДНЕПРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Исследование одной из значительных культурно-этнических общностей Юго-Восточной Европы эпохи производящего хозяйства — Триполье-Кукутень — приобретает за последние годы все более поступательный характер. В этом плане особенно показательны работы, связанные с изучением древнеземледельческих общин Буго-Днепровского междуречья в сложный отрезок их истории — в период финала среднего — начала позднего этапов (ВП-СІ, по периодизации Т. С. Пассек).

Рассматриваемый район буквально насыщен поселками трипольцев и известен еще с конца 19 в. по находкам Н. Ф. Беляшевского и А. А. Спицына в Колодистом (Беляшевский, 1900. С. 148—155; Спицын, 1904. С. 87—118), М. Гимнера в Пенежково (Himner, 1933. Р. 26—163). В 20-х — 30-х годах XX в. здесь, на Уманщине, проводятся и раскопки трипольских поселений: Сушковки, Томашовки (Долинский, 1926. С. 54—60). В 40-е годы XX в. Трипольской экспедицией под руководством Т. С. Пассек исследовались Майданецкое, Косеновка и другие местонахождения. Наиболее полноценные материалы для характеристики трипольского общества были получены в довоенный период в результате работ на Южном Буге, во Владимировке (Пассек, 1949. С. 79—102), и на Днепре, в Коломийщине I и II (Пассек, 1949. С. 54—79).

Эти исследования явились тем фундаментом, на базе которого были продолжены изыскания в области трипольской культуры после войны. Правда, в послевоенные годы главное внимание уделялось изучению бассейна Днестра, где были открыты самые древние поселки трипольцев на юго-западе Восточной Европы (Бибииков, 1953). В это же время последовало открытие и интереснейшей серии стратифицированных памятников Триполья, локализованных также на Днестре (Пассек, 1961). Только с конца 60-х годов XX в. вновь начинается интенсивное изучение памятников Буго-Днепровского междуречья, давшее в настоящее время богатейший материал. Мы имеем в виду, прежде всего, материалы, полученные Е. В. Цвек, в результате работ которой открыт и изучен ряд важных местонахождений Триполья (Шкаровка, Веселый Кут, Мирополье, Гарбузин). В совокупности с достижениями прежних лет комплексы этих поселений позволили исследователям поставить и решать многие вопросы, касающиеся судеб населения восточного ареала трипольско-кукутенской общности (Цвек, 1980. С. 163—185).

Качественно новый этап в изучении данного региона связан с работами Трипольской экспедиции Института археологии АН УССР (руководитель И. И. Артеменко). Работы, начатые с 1981 г. были подчинены разработке проблемы крупных трипольских поселений площадью от 150 до 400 га каждое, обнаруженных ранее между Южным Бугом и Днепром, главным образом в районе Умани, в бассейне р. Синюхи, с помощью аэрофотосъемки (Даниленко, Дудкин, Круц, 1967; Шишкін, 1973. С. 31—41) и подтвержденными данными геомагнитной разведки (Шмаглій, Дудкін, Зіньковський, 1973. С. 23—31).

Для решения сложных вопросов этого уникального явления стационарно исследовались четыре поселения — Веселый Кут и Доброводы (по 150 га), Майданецкое (300 га) и Тальянки (400 га)¹, из которых последние три были по ряду черт материальной культуры выделены в томашовско-сушковскую локальную группу памятников данного региона начала позднего этапа Триполья-Кукутень, связанную своим происхождением с владимировской группой поселений среднего периода развития культуры на Южном Буге (Мовша, 1980. С. 40—41). Существенно, что параллельно со стационарным изучением крупных поселений была проведена археологическая разведка в Черкасской и Кировоградской областях, выявившая новые ценные

¹ В составе Трипольской экспедиции работали четыре отряда, изучавшие соответственно Веселый Кут (Е. В. Цвек), Доброводы (Т. Г. Мовша), Майданецкое (Н. М. Шмаглій) и Тальянки (В. А. Круц).

трипольские пункты ². По данным разведки Тальянковского отряда памятники типа Перегоновка, Небелевка и Глыбочек дали материал, в котором удалось установить черты более раннего времени, предшествующего томашовско-сушковской группе, т. е. переходного от среднего этапа (VI-Кукутень А-В) к началу позднего периода Триполья-Кукутень (СI-Кукутень В). Таким образом, эти материалы служат промежуточным звеном между памятниками владимировской группы и поселениями томашовско-сушковской (далее — томашовской) группы.

Анализ столовой и кухонной посуды трипольско-кукутенских поселений этапа VI-СI данной территории позволил В. А. Круцу и С. Н. Рыжову наметить четыре фазы развития томашовской локальной группы (Круц, Рыжов, 1985. С. 45—56).

Оба эти направления — результаты работ Е. В. Цвек и изучение суперцентров — предоставляют дополнительные возможности для создания более детальной периодизации и хронологии памятников восточного ареала, для дальнейшего выявления специфики его развития, а главное — уточнения содержания локальных вариантов этой зоны. Более того, новые материалы дали основание поставить вопрос о выделении ряда родственных самостоятельных культур в рамках трипольско-кукутенской общности, в частности — восточнотрипольской культуры в пределах между Южным Бугом и Днестром, что представляется вполне правомерным (Мовша, 1984. С. 60—83; Цвек, 1985. С. 31—45; 1987).

Одним из ключевых вопросов, связанных с изучением поселений-гигантов томашовской локальной группы, является дальнейшее выяснение проблемы ее генезиса, истоков. В этом плане принципиальное значение приобретают данные трипольско-кукутенских поселений бассейна Днестра, свидетельствующие об этнокультурных контактах, а также о взаимодействии общин Пруто-Днестровского междуречья (западный ареал) и Буго-Днепровского междуречья (восточный ареал) в рассматриваемый период.

Говоря о связях трипольско-кукутенских общин, надо отметить, что само их развитие и миграция древних групп населения типа Прекукутень II в восточном направлении, т. е. расселение, шедшее с территории Прикарпатской Молдовы в Пруто-Днестровское междуречье, на Средний Днестр, уже содержало исторические предпосылки для оттока населения, отпочкования общин в дальнейшем именно в этом направлении. В самом деле заселение Южного Буга произошло уже в конце фазы Прекукутень II-Триполья AI (Сабатиновка II, Гайворон) (Збенович, 1980а. С. 66—67; 1980. С. 3—25; 1989). Для территории Буго-Днепровского междуречья поселения этого периода долгое время не были известны. Лишь одна находка подставки от сосуда из поселения Вишнополь позволила говорить о раннем Триполье (Пассек, 1949, рис. 7, 3). Сейчас имеются материалы из Гребенюкова Яра близ с. Майданецкого с большим количеством кремневых и костяных орудий типа Сабатиновки II и Гайворона. Как видно, уже на первых этапах своего развития общины Поднестровья — коренных земель трипольцев, Южного Буга и, как показывают новые артефакты, Буго-Днепровского междуречья, были связаны между собой и поддерживали тесные контакты, а при отрыве родственных общин эти контакты все более усиливались. Связи между общинами поддерживались и в результате новых притоков населения с запада. Как показывают материалы поселений, эти процессы прослеживаются в течение всего периода развития Триполья-Кукутень, хотя они происходили в разное время, по разным причинам, которые еще нуждаются в специальном изучении, и были неодинаковыми по своей интенсивности.

Расположение трипольско-кукутенских племен в западном и восточном ареалах определило и своеобразие развития каждого из них, что нашло отражение в установленных двух линиях развития — кукутенской и трипольской (Мовша, 1975. С. 70). В западном районе культуры в средний период наблюдается определенная стабильность и общность многих элементов культуры, проявлением которых служит петренская региональная группа памятников (Мовша, 1984а. С. 10—23). Возрастание различий между западными и восточными областями усиливается к концу среднего и началу позднего периодов (кстати, ко времени формирования памятников томашовской группы). Не случайно поэтому в исследованиях последних лет на первый план выдвигается вопрос о локальных образованиях населения Триполья-Кукутень.

² В течение трех полевых сезонов (1981, 1982 и 1984 гг.) в раскопках поселения Тальянки, а также в разведках экспедиции принимала участие автор.

В контексте данной темы для нас особенно показательны взаимоотношения между общинами Днестра и Буго-Днепровского междуречья генетического характера (Попова, 1989. С. 142—148).

Прежде чем привести данные о контактах населения Днестра с носителями томашовской группы, еще раз подчеркнем, что вопрос об истоках суперцентров Буго-Днепровского междуречья (Доброводы, Тальянки, Майданецкое и др.), т. е. их генезис, имеет, как известно, прямое отношение к памятникам владимировской группы. В настоящее время не вызывает сомнений, что общины владимировской группы участвовали в сложении памятников томашовской (Мовша, 1971. С. 173). Т. Г. Мовша наметила ряд ступеней, начиная с XXXII в. до н. э., приводя следующую их хронологическую последовательность — Конецполь, Гарбузин, Андреевка, Владимировка, Глыбочек, Попудня, Сушковка, Доброводы, Тальянки, Майданецкое, Кочержинцы, Томашовка. Таким образом, генезис томашовской локальной группы удревняется и ее истоки связываются с памятниками более ранними, чем Владимировка (Мовша, 1984. С. 65). В этом ряду сомнение вызывает место Андреевки, которая несколько древнее Гарбузина.

Что же касается этнических компонентов, участвующих в сложении томашовской локальной группы, то этот вопрос не решен и остается спорным.

Существует несколько точек зрения относительно происхождения этой группы памятников Буго-Днепровского междуречья.

Т. Г. Мовша считала, что памятники томашовской группы возникли в результате миграции позднепетренских племен из Поднестровья и части населения памятников типа Владимировки.

По мнению В. А. Круца и С. Н. Рыжова, часть населения Поднестровья еще до формирования памятников петренской группы продвинулась на Южный Буг. В контактной зоне возникает новое локальное образование, представленное владимировской группой памятников. В процессе их развития возникают памятники томашовской группы (Круц, Рыжов, 1985. С. 53—54).

Согласно данным Е. В. Цвек (1985), владимировская группа возникает в результате слияния ранневладимировских памятников (Андреевка и близкие ей) с поселениями типа Гарбузина. Синтез местной трипольской линии Буго-Днепровского междуречья, поселений типа Владимировка и дальнейший приток населения с запада приводит к образованию томашовской группы.

Как видно, главная роль в возникновении памятников томашовской группы отводится владимировской группе и общинам Поднестровья. Однако, целый комплекс вопросов еще остается при решении проблемы об истоках самой Владимировки и синхронной, однотипной ей группы поселков.

Остановимся на отдельных моментах контактов и взаимоотношений трипольско-кукутенских групп населения Среднего Днестра и Буго-Днепровского региона рассматриваемого периода в этногенетическом аспекте, истоки которых уходят в более раннее время.

В этой связи принципиальное значение приобретают материалы двух значительных памятников культуры Триполье-Кукутень — поселков древних земледельцев в Поднестровье — Поливанова Яра на Украине и Раковца — в Молдове. Основу изучения материалов, свидетельствующих о характере и степени контактов населения западной и восточной частей трипольско-кукутенской общности, составил метод сравнительно-типологического анализа и непосредственный импорт расписной керамики на буго-днепровских поселениях. В первом случае главным критерием является также керамический материал (посуда, глиняные культовые предметы).

Большое значение имеют материалы одного из важнейших стратифицированных объектов культуры Триполье-Кукутень — Поливанова Яра, расположенного в северной части Среднего Днестра, его среднего слоя — Поливанов Яр II/1, Поливанов Яр II/2 (Пассек, 1961. С. 105—139; Попова, 1972). Как мы отмечали ранее, Поливанов Яр II/1 и Поливанов Яр II/2 — поселения с ярко выраженными чертами кукутенского облика Румынской Молдовы, испытавшие сильный импульс со стороны населения типа Траян-Дялул Фынтинилор, но отражающие свой локальный вариант развития (Попова, 1972. С. 11—12).

Приведем отдельные данные, свидетельствующие о связях жителей Поливанова Яра II с населением Буго-Днепровского междуречья (Триполье ВП — Кукутень А-В1 — А-В1а). Посуда землянок №№ 2, 4—5, 15 Поливанова Яра II по формам сосудов и орнаментальным мотивам

близка керамике из Шкаровка и Веселого Кута. Форма сосудов открытого типа — солонки на четырех ножках — аналогична изделиям такого рода в Шкаровке, где они имеют несколько большие размеры и вообще характерны для восточного района. Идентичны орнаментальные построения в виде спирали (мотив «змея»), выполненные как в Шкаровке, черной краской. Группа мисок Поливанова Яра II, украшенная черной монохромной росписью по оранжевому ангобу в стиле т. н. парусов, аналогична посуде, также известной на этих поселениях. Правда, в Шкаровке и Веселом Куте рисунок выполнен, в отличие от Поливанова Яра II, красной краской. Расписная керамика составляет в Шкаровке лишь 1%, в Веселом Куте — 5—10 %, а в Поливановом Яре II — 85 % (Попова, 1972. С. 9). Е. В. Цвек, исходя из характера росписи, не без оснований считает, что эта керамика импортирована из Поднестровья (Поливанов Яра II и др.) (Цвек, 1985. С. 37). Что касается красной краски, которая появляется в росписи под влиянием культуры Петрешть, ее роль исключительно велика. Поэтому в шкаровском и веселокутском поселениях она вполне может быть импортом из Поливанова Яра II, или, что не исключено, население группы Петрешть, оказав либо влияние, либо присутствуя как этнический компонент в Поливановом Яре II, прошло из Трансильвании и в Буго-Днепровское междуречье, ибо на Южном Буге, в Клищеве, который синхронен Веселому Куту (Заец, Рыжов, 1992), керамика такого типа также известна и хорошо представлена. Между прочим, связь побужских поселений Клищева и Пенезково с днестровскими проявляется в формах сосудов (грушевидные, шлемовидные крышки, кубки, амфоры, биноклевидные изделия) и стиля их росписи (Виноградова, 1973. С. 20, 27). Кухонная посуда с примесью в тесте толченых раковин, украшенная гребенчатым штампом, треугольным штампом, жемчужным орнаментом и расчесами, Поливанова Яра II идентична посуде такого типа в Шкаровке, а также в Клищеве.

Интерес представляет параллели Поливанова Яра II/1, 2 и Владимировки, отмеченные еще Т. С. Пассек (1951. С. 41—63). Речь идет о таком устойчивом этнографическом признаке как жилище. Полуземлянки Поливанова Яра II по плану сходны с полуземлянками Владимировки. Этот тип постройки в обоих поселках имеет вид двух овалов, соединенных перемышкой — восьмеркообразных. Совпадают и размеры жилищ Поливанова Яра (длина — 5—6,5 м, ширина — 2—3 м, глубина — 1—1,6 м) и Владимировки (6 x 3,25 м, глубина — 1,4—1,5 м) (Пассек, 1949. С. 91). Любопытно и сходство отдельных печей одинаковой конструкции. Так, в западной части жилища № 2 Поливанова Яра располагалась печь оригинальной конструкции — с нишами (Пассек, 1961. С. 125). В завале, на месте ниш находилось большое количество разбитой посуды с ангобированной поверхностью, подготовленной для орнаментации. Этот факт позволил считать ниши при печи своего рода сушильными камерами. Аналогичные по устройству печи с нишами были открыты Т. С. Пассек во Владимировке (Пассек, 1947).

Материалы другого поселения, расположенного в южной зоне Среднего Днестра, в северной Молдове, — Раковца — также представляют многие свидетельства контактов общин Поднестровья, Южного Буга и Буго-Днепровского междуречья (Григорьева и др., 1969. С. 387—388; Попова, 1971. С. 119).

В керамическом комплексе Раковца доминирующее положение занимает посуда из чистой глины с черной монохромной росписью. Единичными экземплярами представлены сосуды с бихромией (черная и красная краска). Орнаментальный узор нанесен либо на красный ангобированный фон, либо на естественную поверхность гончарных изделий. Наиболее распространенный стилистический прием орнаментации — сочетание кругов или эллипсов и дуговидно изогнутых лент (змей), дополненных одним из пяти элементов — небольшими кружками, сегментами, лентами, состоящими из тонких полос, узорами миндалевидной формы, «ресничками». Второе место принадлежит кухонной посуде с примесью в тесте измельченных раковин. Незначительный процент составляет керамика с углубленным орнаментом. Среди типов посуды следует назвать сосуды грушевидной формы, шлемовидные крышки, миски различных размеров двух видов, горшки, биноклевидные изделия (Черныш, 1973; Попова, 1975. С. 56—57).

Материалы Раковца обнаруживают сходство с комплексами памятников Буго-Днепровского района времени Веселого Кута, Мирополья и Гарбузина. В первую очередь это относится к глиняной посуде, а также к глиняным изделиям, связанным с культурами и обрядами местных жителей поселков.

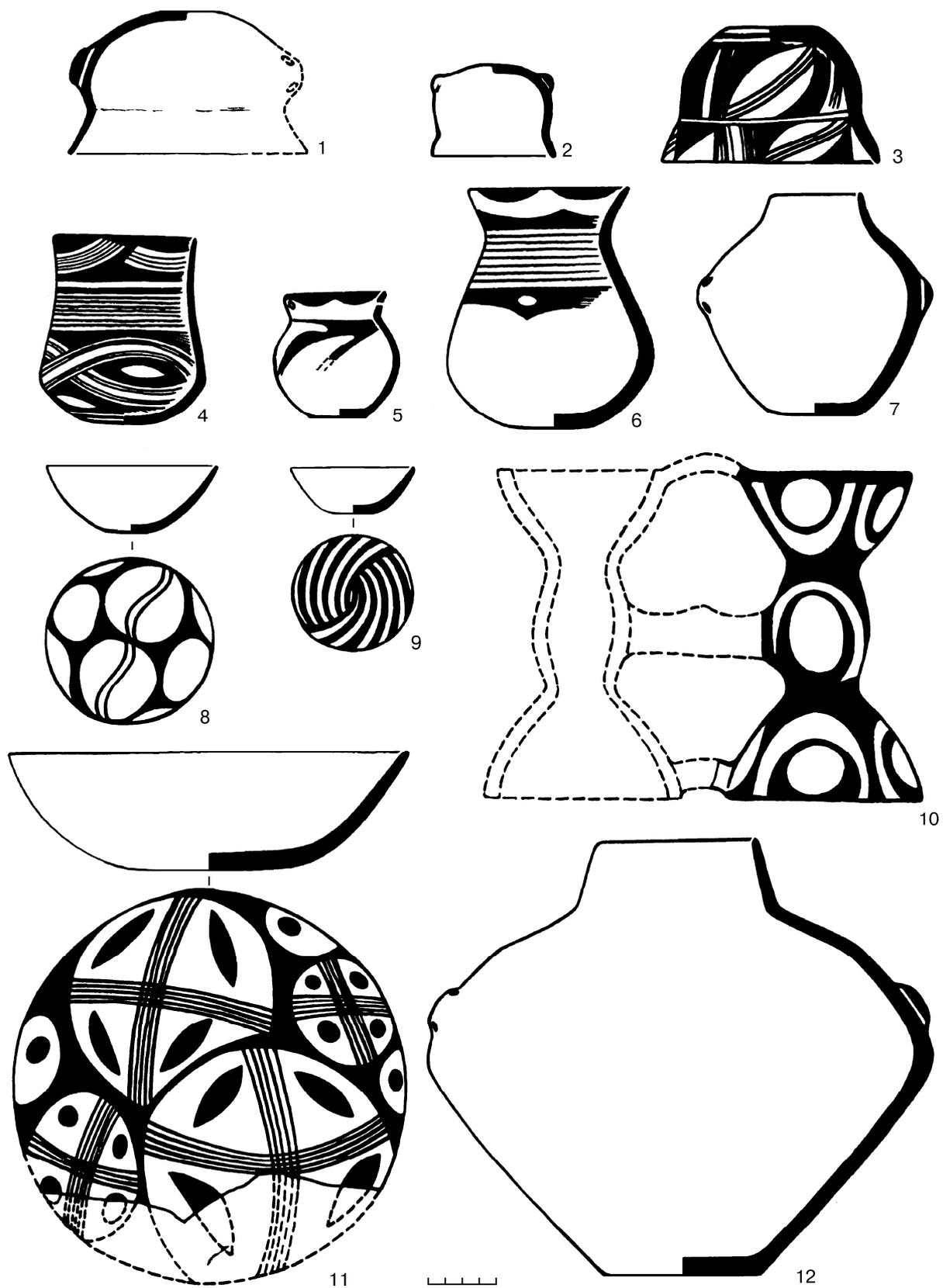


Рис. 1. Керамика поселения Раковец.

Мисочка с зооморфным выступом, небольшая шлемовидная крышка высотой 6 см (рис. 1, 8; 2, 8), украшенная бихромной росписью, а также фишки-конусы аналогичны изделиям такого

рода в Веселом Куте. Большую близость обнаруживают представленные внушительной серией в Раковце биноклевидные изделия (жилища 3). Среди форм расписной посуды выделим кубки различных размеров с бомбовидным туловом, встречающиеся не только в Веселом Куте, но и в других Буго-Днепровских поселениях (рис. 2, 4—6).

Прослежены материалы Раковца, сходные с керамикой из другого пункта — миропольского поселения. Интерес представляют два глиняных амулета — подвески ромбовидной формы с небольшими отверстиями посередине (жилища 1 и 3), близкие аналогичным предметам в Мирополье и характерные для памятников культуры Гумельница. Отдельные кухонные сосуды обоих памятников обнаруживают близость по форме и стилю декорировки. К ним относится горшок с полосчатым сглаживанием венчика, орнаментированный зубчатым штампом. Орнамент в виде шеврона расположен верхней части тулова. Помимо Раковца, такой мотив имеется на посуде кухонного типа в других днепровских поселениях (Поливанов Яр II, Яблоня I).

По форме и сюжетам узора перекликаются между собой расписные сосуды и кухонные с керамикой этих групп из Гарбузина. Назовем две небольшие шлемовидные крышки высотой 7 см с плоским верхом (жилища 1 и 3). Сходство наблюдается в орнаментальной композиции в виде обратнобегущей спирали, выполненной черной краской по естественной поверхности в Раковце и по лощеному фону в Гарбузине (рис. 1, 3). Идентичны перемычки биноклевидных изделий овальной формы с двусторонней росписью черной краской, по сюжету схожие с рисунком на керамике Гарбузина. Кстати, очень похожий мотив известен также на перемычке бинокля из полуземлянки № 10—11 поселения Поливанов Яр II/2, а форма — в Незвиско III (Черныш, 1962. Рис. 27, 25). Часто встречающийся, преимущественно на мисках крупных размеров, в Раковце мотив креста имеется и в Гарбузине, но не на мисках, а на кратерах. Среди кухонной посуды выделим горшки, орнаментированные шнуром, имеющиеся и в Гарбузине (рис. 2, 10).

В Раковце выделяется определенная группа посуды серого цвета, имеющая аналогии в памятниках буго-днепровского междуречья этого времени. Помимо сходства глиняной массы, похож и рисунок, выполненный черной краской.

Говоря о сходстве отдельных элементов культуры Раковца и синхронных ему буго-днепровских поселений, следует отметить одну интересную деталь. Как известно, в Шкаровке, Веселом Куте и Мирополье были открыты наземные постройки с Г-образной планировкой (Цвек, 1976. С. 46—57), характерные лишь для данного региона. Между тем, отдельные жилища, выявленные в Раковце, также дают Г-образные очертания.

Среди материалов Раковца удалось выделить признаки, свойственные владимировской группе памятников, которые получают дальнейшее развитие в томашовской группе. Особенно проявляются эти черты в расписной посуде и более всего в орнаментике: линейные построения, солярные знаки, ряды точек, восьмерочные фигуры (рис. 1, 1, 2; 2, 11).

В результате анализа материалов раковецкого поселка Е. К. Черныш датировала этот комплекс этапом VII периодизации Т. С. Пассек и отнесла его к сорокско-петренскому варианту (Черныш, 1973. С. 56), синхронизировав с Миропольем (Черныш, 1982. С. 205). Рассматривая домостроительную технику построек Раковца, К. В. Зиньковский датирует памятник переходом от этапа Триопля VI к этапу Триопля VII (Зиньковский, 1973. С. 137). Исследование стилистических особенностей орнамента керамического комплекса из Раковца дало нам основание отнести его к финалу этапа VII (Кукутень VI) (Попова, 1975. С. 56—57). Отсутствие единой датировки объясняется своеобразием керамического материала, обладающим рядом специфических черт. Действительно, формы сосудов содержат признаки более ранних типов посуды: округлотелые очертания без резкой профилировки (рис. 1, 4, 6, 7, 12). Не характерны для данного комплекса и биконические сосуды.

Кухонная керамика с примесью в тесте раковин сочетает в себе как ранние (тулово обычно украшено древним орнаментом), так и поздние признаки (прием украшать основание венчика углублениями округлой формы). Существенно, что среди антропоморфных изображений Раковца присутствует еще группа женских статуэток, имеющих на животе углубленный орнамент, передающий фартук с бахромой. Такой тип пластики, впервые выделенный нами в Поливановом Яре II, известен в памятниках этапа VII-Кукутень А-В: Мындрешть-озеро, Кукутень-Дымбул Морий (Попова, 1980. С. 7—19, рис. 2).

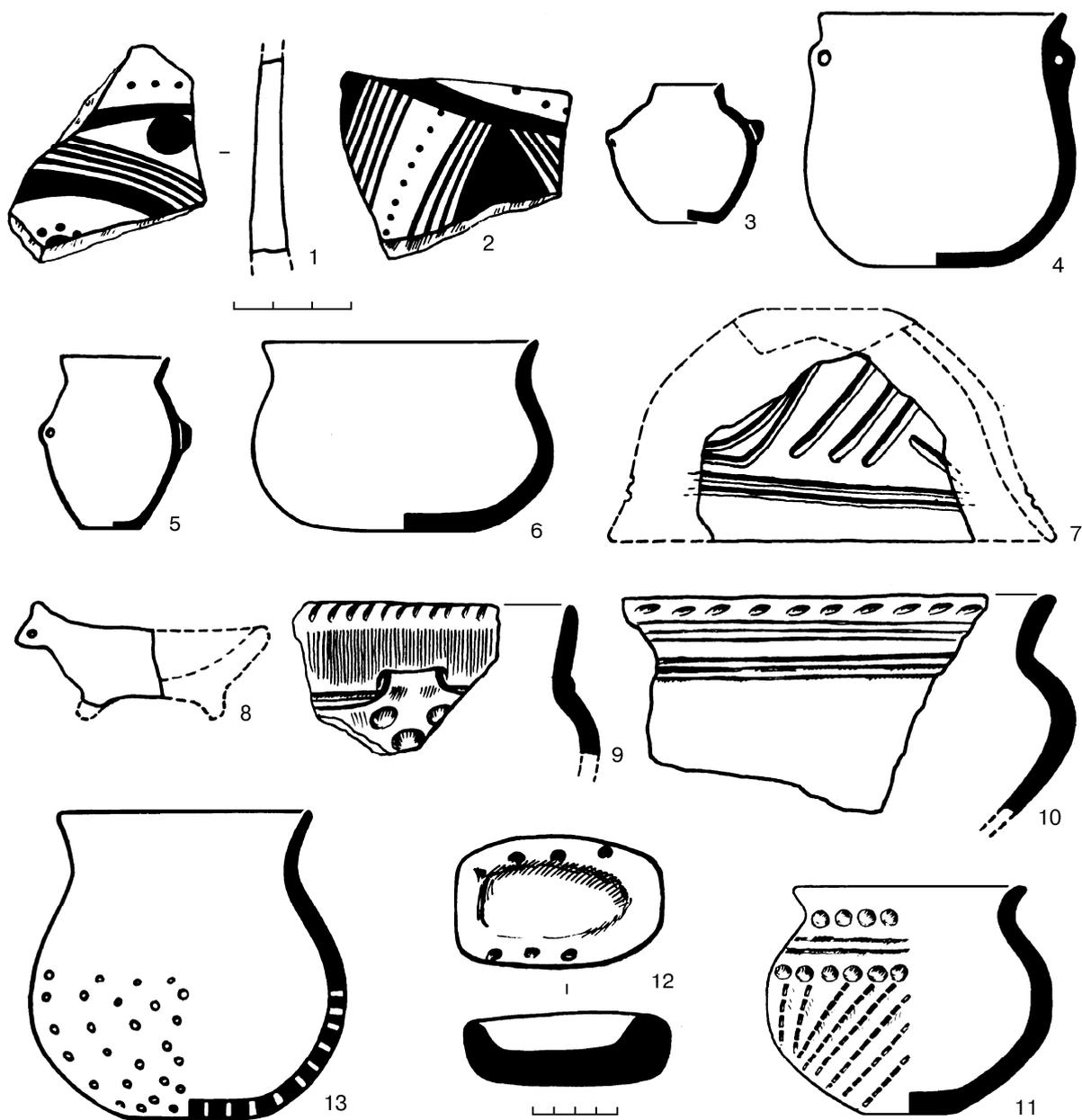


Рис. 2. Керамика поселения Раковец.

В Раковце помимо расписной и кухонной посуды имеется группа сосудов, орнаментированных в углубленной технике (рис. 2, 7). Последняя, как известно, является характерной посудой этого времени в памятниках буго-днепровского региона. В поселениях Поднепровья, близких Раковцу, такая посуда вообще отсутствует. Однако, данный тип керамики не является импортом с поселений Буго-Днепровского междуречья, а по типу теста и орнаментации передает местную днепровскую посуду солонченского типа, выполненную в традициях этапа Триполье VI.

Любопытно, что подобная посуда, представленная в большом количестве во Владимировке, где она наряду с углубленным узором окрашена темно-красной краской (колл. МАЭ, № 5347/245), также имеет истоки в солонченской группе памятников (Журы, Попенки, Верхние Жоры) и относится к архаике этапа Триполье VI. Если обратиться к преобладающей категории сосудов — расписным, среди которых превалирующее положение занимает монохромия, то можно убедиться в том, что в схемах орнамента раковецкой керамики еще нет распада спиралей, хотя и представлены орнаментальные стили времени Кукутень В (рис. 1, 8—9; 2, 1—2).

Южнобугское поселение Владимировка датируется началом этапа СІ (Кукутень VIa) (Черныш, 1982. С. 208). По формам сосудов и стилю росписи Т. С. Пассек сближала Владимировку с Петренами (1949. С. 102, 107), а Е. К. Черныш — с Незвиско III (1962. С. 72). Однако, в отличие от Раковца, во Владимировке и Незвиско III основная масса посуды относится к более поздней керамике («бегущая» спираль, волюты с лабрисами), уже очень мало представлено сосудов стилистической группы б. Орнаментальные построения расписной керамики передают систему распада спиралей. Именно эта группа посуды в своем дальнейшем развитии получает полное господство, как в петренской группе памятников, так и томашовской.

Более серьезные изменения наблюдаются и в формах сосудов Владимировки и Незвиско III по сравнению с Раковцем — исчезает мягкий S-образный профиль, появляются кубки с угловатыми плечиками, а также биконические формы и кувшины с ленточными ручками. Эти данные совпадают с наблюдениями Е. В. Цвек относительно того, что в Гарбузине, который относится к более позднему времени, чем Раковец, уже известны кубки, аналогичные владимировским, и импортированная керамика с Днестра типа Незвиско III (Цвек, 1985. С. 40—41).

Поэтому более приемлема датировка Владимировки концом этапа Триполье ВІІ, как определяют ее В. А. Круц и С. Н. Рыжов, а также Е. В. Цвек, что согласуется с нашей датой Раковца финалом этапа ВІІ, который предшествует Владимировке.

Для нашей темы большое значение имеют находки импорта расписной керамики на буго-днепровских поселениях. Один сосуд происходит из Веселого Кута и передает кратер с расписным орнаментом, по технике и стилю росписи аналогичный керамике Поливанова Яра II/2 (Цвек, 1980, рис. 6, 7), где она является характерной группой посуды (Попова, 1972. С. 10). Второй сосуд с росписью найден в Мирополье и импортирован, скорее всего, из Раковца (Цвек, 1980, рис. 7, 3). Кстати, Е. В. Цвек отмечает, что на памятниках типа Мирополя исчезает керамика Поливанова Яра II. Это совпадает с данными Поливанова Яра II, где аналогии с Мирополем отсутствуют.

Приведенные свидетельства историко-культурных связей древнеземледельческих общин Днестра и Буго-Днепровского междуречья на основании многих аналогий позволяют сказать следующее. Не исключено, что население Поливанова Яра II/1, 2 (и близкие ему родственные общины), а также общины типа Раковца, равно как и другие отдельные группы племен Поднепровья — Незвиско III, Бодаки), т. е. представители петренской группы памятников на этапе Триполье ВІІ продвинулись на Южный Буг и участвовали в качестве этнического компонента в сложении поселений типа Владимировки и ее группы (Михайловка и др.). Что касается Клищева, расположенного в северной части Южного Буга, то его общины, видимо, в генезисе владимировской группы не участвовали (Заец, 1975. С. 5).

Вторая часть проблемы происхождения томашовско-сушковской группы связана уже непосредственно с памятниками этого типа.

Прежде всего, известна преемственность в развитии расписных сосудов петренской, владимировской и томашовской групп, связанных генетически. Материалы Раковца также достаточно убедительно фиксируют этот момент.

Орнаментация мисок небольших размеров в Раковце продолжает свое развитие в памятниках первых трех фаз развития томашовской группы (рис. 1, 8, 9). Много черт преемственности раковецкой керамики наблюдается в Тальянках (орнамент в виде солярных знаков). Обращает на себя внимание орнаментальная композиция, выполненная черной краской по ангобированному лощеному фону, включающая элемент в виде миндалевидных фигур, имитирующих зерна (рис. 1, 11). Такой мотив встречается не только в Раковце, Гарбузине, но применяется при оформлении росписи в более позднее время на поселениях Поднепровья (Поливанов Яр I₁), Буго-Днепровского междуречья в начале позднего этапа (Тальянки). Среди расписной посуды Раковца присутствуют сосуды, монохромная роспись на которых выполнена своеобразными мазками в виде нешироких, разорванных полос. Аналогичный прием типичен и постоянно наблюдается во владимировской группе памятников и наибольшее распространение получает в томашовской группе (Тальянки, Майданецкое). Идентичны многие орнаментальные мотивы сосудов Майданецкого и Раковца, отличаются лишь формы посуды, которые стали более угло-

ватыми (колл. МАЭ, № 5347/151). В Майданецком открыта яма с пластическими изображениями из глины (фигурки людей и животных). Подобный прием имел место раньше, в Раковце, где около края жилища 1а находилась яма с большим количеством антропоморфной пластики (Черныш, 1973. С. 54—55; Попова, 1985. С. 48—49). Очевидны параллели, которые должны быть отмечены между Поливановым Яром I₁ и крупными поселениями, особенно по материалам Майданецкого. Много общих черт проявляется в стиле росписи (метопный орнамент, мотивы распавшейся спирали, солярные фигуры, сетка) (Попова, 1979. С. 69—72).

Заканчивая, следует отметить, что процесс образования ряда типов памятников, локальных групп в рамках двух больших регионов трипольско-кукутенской общности — западном и восточном — был сложным. Анализ материалов, раскрывший контакты днестровских общин с буго-днепровским населением показал, что Поливанов Яр II и Раковец, располагаясь в своеобразном эпицентре расселения трипольско-кукутенских общин Среднего Поднестровья, являются важными поселками западной области.

Имеющиеся данные позволяют нам поддержать концепцию В. А. Круца и С. Н. Рыжова о генезисе памятников томашовской локальной группы и отчасти Е. В. Цвек, но с некоторой корректировкой. Очевидно, в период расцвета культуры Триполье-Кукутень часть населения общин типа Поливанова Яра II, а несколько позже и ранней петренской группы типа Раковца ушла из Поднестровья в Буго-Днепровское междуречье и, переселяясь на эту территорию, не миновала, таким образом, Южный Буг. Наряду с населением этого региона, поднестровские общины приняли участие в сложении владимировской группы памятников, являющейся генетической подосновой томашовской. Тем самым общины Днестра внесли свою долю и вклад в формирование крупного и яркого локального образования — томашовско-сушковской группы памятников восточного района, т. е. суперцентров Буго-Днепровского междуречья. Не исключено, что этот процесс связан с несколькими волнами нового притока трипольско-кукутенских племен в восточные области.

Итак, памятники томашовской локальной группы выглядят своеобразным синтезом нескольких этнических групп культуры Триполье-Кукутень. В образовании этой группы принимали участие восточный субстрат, население владимировской группы и общины Днестра. По всей вероятности, нельзя не учитывать степной компонент, ибо инфильтрация степного населения, представителей среднестоговской культуры, в трипольскую среду была отмечена Т. Г. Мовшей, кстати, по материалам Владимировки (Мовша, 1961. С. 186—199). Представляется, что именно междуречье Днестра и Сирета является той территорией, где находилось, скорее всего, ядро трипольско-кукутенских общин и откуда периодически происходило их расселение в восточном направлении. Последнее связано с причинами, видимо, демографического характера. С другой стороны, хотя в этом районе и существовали большие родовые поселки, они не трансформировались и не переросли в крупные поселения. Поэтому, одним из факторов образования поселений-гигантов, видимо, следует признать, наряду с другими данными, экологический фактор. Формирование же поселений-гигантов совпадает с этапом расцвета культуры Триполье-Кукутень, с периодом ее апогея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляшевский Н. Ф.* Раскопки на месте неолитического поселения с керамикой домикенского типа у с. Колдистого, Звенигор // Археологическая летопись Южной России, 1900.
- Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. № 38. 1953.
- Виноградова Н. М.* Памятники переходного этапа Триполья VI — VII в Побужье и Поднестровье // КСИА. Вып. 134. 1973.
- Григорьева Г. В., Маркевич В. И., Попова Т. А., Черныш Е. К.* Работы Молдавской экспедиции // АО 1968 года. 1969.
- Даниленко В. Н., Дудкин В. П., Круц В. А.* Археолого-магнитная разведка в Киевской области // Археологические исследования на Украине. 1965—1966 гг. Киев, 1967.
- Долинський А. Л.* Розкопки біля с. Томашівка // Короткі звітлення ВУАК за 1925 р. Киев, 1926.

- Заец И. И.* Древние земледельцы Среднего течения Южного Буга во 2-й половине IV тыс. до н. э.: (По материалам трипольского поселения Клищев Тывровского района Винницкой области) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- Заец И. И., Рыжов С. Н.* Поселение Клищев на Южном Буге. Киев, 1992.
- Збенович В. Г.* Хронология раннетрипольских поселений // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980.
- Збенович В. Г.* Періодизація і хронологія раннього Трипілья // Археологія. Вып. 35. 1980а.
- Збенович В. Г.* Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. К., 1989.
- Зиньковский К. В.* Новые данные к реконструкции трипольских жилищ // СА. № 1. 1973.
- Круц В. О., Рыжов С. М.* Фази розвитку пам'яток томахівсько-сушківської групи // Археологія. Вып. 5. 1985.
- Мовша Т. Г.* О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. № 2. 1962.
- Мовша Т. Г.* Середній етап Трипільської культури // Археологія Української РСР. Т. 1. К., 1971.
- Мовша Т. Г.* Две параллельные линии в развитии трипольской этнокультурной области // Новейшие открытия советских археологов: ТД. Ч. 1. К., 1975.
- Мовша Т. Г.* О расселении племен культуры Триполье-Кукутень в среднем и в начале позднего периода // ТД XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980.
- Мовша Т. Г.* Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1984.
- Мовша Т. Г.* Петренська регіональна група трипільської культури // Археологія. Вып. 45. 1984.
- Пассек Т. С.* Трипольское поселение у Владимировки в свете новых исследований // КСИИМК. Вып. 21. 1947.
- Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений. МИА. № 10. 1949.
- Пассек Т. С.* Трипольское поселение Поливанов Яр // КСИИМК. Вып. 37. 1951.
- Пассек Т. С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА. № 84. 1961.
- Попова Т. А.* Культура трипольских племен Северной Молдавии // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1970 г. Л., 1971.
- Попова Т. А.* Древние земледельцы Среднего Поднестровья в IV—III тыс. до н. э.: (По материалам многослойного поселения Поливанов Яр) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1972.
- Попова Т. А.* Стилистические особенности расписной керамики трипольского поселения Раковец // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев, 1975.
- Попова Т. А.* Хронология Поливанова Яра и ее значение для периодизации трипольской культуры // КСИА. Вып. 157. 1979.
- Попова Т. А.* Антропоморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр на Днестре // АСГЭ. Вып. 21. 1980.
- Попова Т. А.* Культурный комплекс трипольского поселения Раковец в Молдавии // Краткое содержание докл. годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1983 г. Л., 1985.
- Попова Т. А.* О роли населения Поднестровья в формировании трипольской культуры Буго-Днепровского междуречья // Первобытная археология. Киев, 1989.
- Спицын А. А.* Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого Киевской губернии // ИАК, 1904, вып. 12.
- Цвек Е. В.* Домостроительство и планировка трипольских поселений: (По материалам раскопок в с. Шкаровка) // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- Цвек Е. В.* Трипольские поселения Буго-Днепровского междуречья: (К вопросу о восточном ареале культуры Кукутень-Триполье) // Первобытная археология. Киев, 1980.
- Цвек О. В.* Особливості формування східного регіону трипільсько-кукутенської спільності // Археологія. Вып. 51. 1985.
- Цвек Е. В.* Трипольская культура междуречья Южного Буга и Днепра (средний этап) / Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Киев, 1987.
- Черныш Е. К.* К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье // Неолит и энеолит юга европейской части СССР. МИА. № 102. 1962.
- Черныш Е. К.* Трипольское поселение Раковец // КСИА. Вып. 134. 1973.
- Черныш Е. К.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. Ч. 3. Археология СССР. М., 1982.
- Шишкін К. В.* З практики дешифрування аерофотознімків у археологічних цілях // Археологія. Вып. 10. 1973.
- Шмаглій М. М., Дудкін В. П., Зиньковський К. В.* Про комплексне вивчення трипільських поселень // Археологія. Вып. 10. 1973.
- Himmer M.* Étude sur la civilisation prémycénienne dans la bassin de la Mer Noire, d'après les fouilles personnelles // Switowit. T. XIV. Warszawa, 1933.

К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ В ЭПОХУ РАЗВИТОГО ТРИПОЛЬЯ VI (по керамическим материалам поселения Бодаки)

Поселение Бодаки находится на крайнем северо-западе Триполья, в юго-западной части Волынской возвышенности, в одном из самых мало изученных районов культуры (Сункаловски, 1961; 1969. S. 221—227; Попова, Черныш, 1967. С. 173—179; Виноградова, 1983; Черныш, 1982; Пелещин, 1974; 1990. С. 26—27; 1998. С. 178). Местоположение в контактной зоне с культурами восточной и средней Европы, хозяйственная специализация на обработке высококачественного волынского кремня и экспорт кремневых орудий труда наложили своеобразный отпечаток на его материальную культуру (Скакун, 1996; 1998. С. 66; Skakun, 1996. S. 223—235; Скакун и др., 2001) (рис. 1). В этой связи большой интерес вызывает анализ керамики, собранной в 13 жилых и 17 хозяйственных сооружениях поселения (Старкова, 1998. С. 68—73).

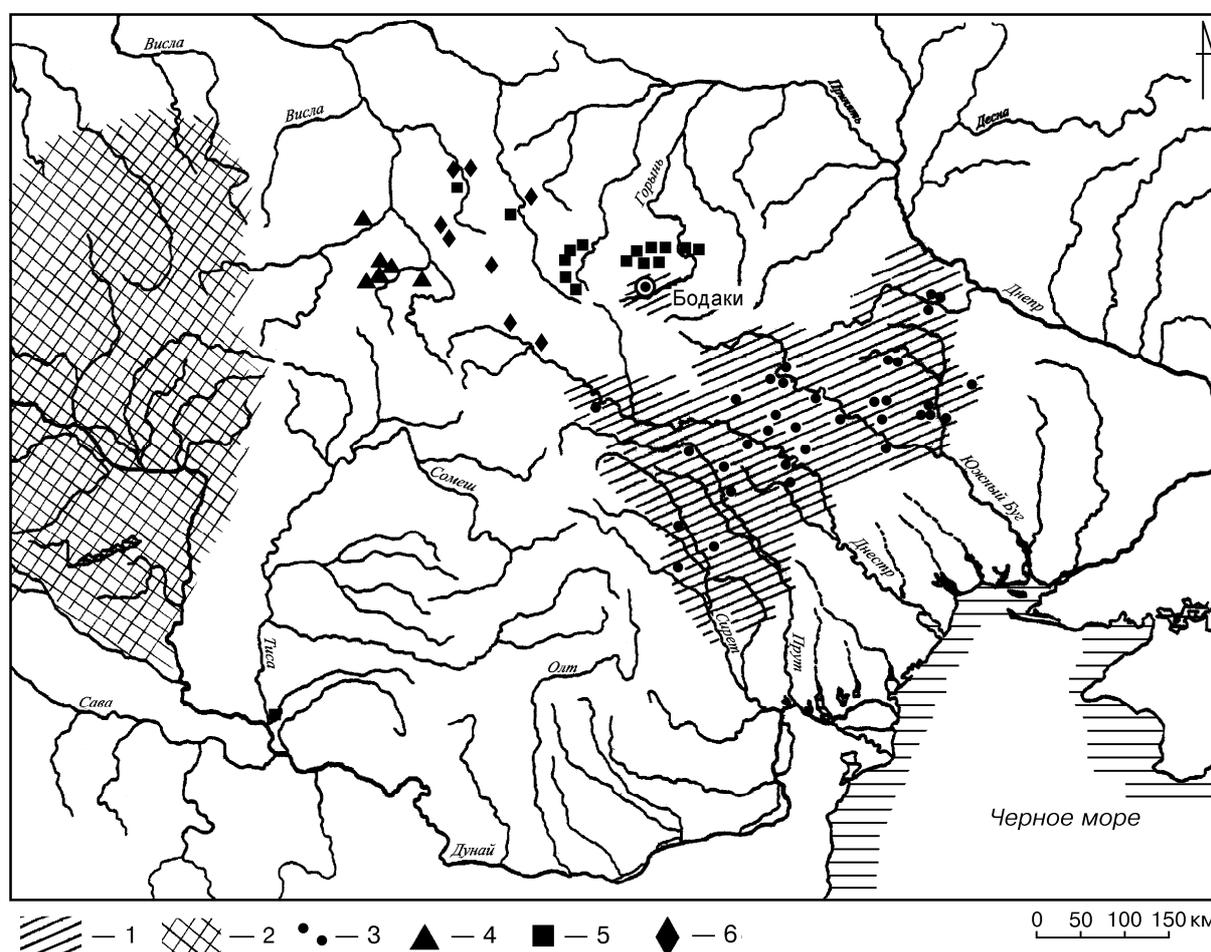


Рис. 1. Ареалы культур: 1 — Триполье VI; 2 — Лендель.
3 — памятники Триполья VI; 4 — памятники малицкой группы;
5 — памятники типа Гоцца-Вербковица; 6 — памятники типа Зимно-Злота.

Бодакский керамический комплекс разделяется, как принято для трипольской культуры, на две группы: столовая керамика с расписным и рельефным орнаментом.

Расписная керамика в большинстве случаев изготовлена из плотной, хорошо отмученной глины с примесью измельченных растений, песка, мелкого шамота. Следует отметить, что

растительная примесь и шамот присутствуют в тесте обеих групп посуды, и поэтому не могут быть определяющими признаками при их анализе. Что касается песка, то часто сложно определить являлся ли он искусственной примесью или естественной составляющей глины. Исключение составляет толченая ракушка (или известняк), которая встречается только в тесте керамики второй группы.

По предварительным подсчетам расписная керамика составляет 70—75 % от общего объема керамического комплекса. Она вылеплена ленточным способом. На внутренней и внешней поверхностях сосудов заметны горизонтальные параллельные следы обрезки лишнего материала. Основными формами являются кубки, миски, амфоровидные и грушевидные сосуды, шлемовидные крышки, бинокли (рис. 2)

Кубки (рис. 2, 1, 2) — тонкостенные сосуды (толщина стенок около 0,3—0,4 см) с высоким ровным горлом, слегка расширяющимся кверху, бомбовидным туловом, иногда выделены острые, низко опущенные плечики. Высота — 13—15 см, диаметр венчика — 8—9 см. Основной элемент монохромного орнамента на тулове сосудов — «сегменты», заключенные в пояс горизонтальных лент.

Миски, среди которых выделяется три типа.

1. Усеченно-конические миски с прямым или отогнутым наружу венчиком (рис. 2, 9, 10). Высота — 4—7 см, диаметр венчика — 10—38 см. Монохромный и бихромный орнамент покрывает, чаще всего, внутреннюю и внешнюю поверхности. Иногда в качестве фона использовалась красная краска, а рисунок наносился поверх нее темно-коричневой. Наиболее распространенный негативный орнамент состоит из кругов и овалов. В овалы заключены змеевидные волнистые линии — «змеи» (от одной до пяти).

2. Полусферические миски имеют прямой или слегка загнутый внутрь венчик (рис. 2, 8). Они более глубокие и меньшего размера (чаши). Их высота — 6—15 см, диаметр венчика — 15—17 см. Орнамент располагается, как правило, только на внешней поверхности.

3. Зооморфные миски представляют собой четырехугольные корытца на четырех столбикообразных ножках. Они небольших размеров: высота — 5—7 см, длина — 11—12 см, ширина — 6—7 см. На противоположных сторонах их горизонтально срезанных венчиков расположены налесты в виде головы и хвостика барана. Встречается роспись на внутренней поверхности широкими параллельными полосами.

«*Амфоры*» (или амфоровидные сосуды) имеют S-видный профиль, относительно узкое горло и округлое тулово (рис. 2, 4). Их венчики сильно отогнуты, часто под ними с двух сторон расположены ушки-валики с горизонтальным отверстием. Высота этих сосудов — 20—35 см, диаметр венчика — 17—21 см. Обычно монохромной или бихромной росписью занято 2/3 верхней части сосуда. Узор, чаще всего — негативный рисунок S-видной спирали, наносился на подгрунтованную оранжевую поверхность темно-коричневой и красной красками.

Грушевидные сосуды (или «зерновики») имеют узкое цилиндрическое горло, высокие округлые или слегка ломающиеся плечики, раздутое сфероконическое тулово, резко сужающееся ко дну, на боках иногда имеются две массивные ручки с вертикальным отверстием (рис. 2, 5). Высота — 40—45 см, диаметр венчика — 10—13 см, диаметр самой широкой части тулова — 40—45 см. Орнаментальная композиция состоит из негативных кругов, S-овидных спиралей, реже изображался «лицевой мотив».

Шлемовидные *крышки*, вероятно, использовались в комплекте с грушевидными сосудами (рис. 2, 6). Высота — 6—18 см, диаметр устья — 23—25 см. Крышки украшает монохромная роспись в виде тонких параллельных линий и широких полос.

«*Кратеры*» — сосуды с широким горлом, отогнутым венчиком, острыми плечиками и усеченно-коническим туловом (рис. 2, 3). Высота — 14—18 см, диаметр венчика — 18—25 см. Монохромная роспись в виде крестообразных лепестков покрывает поверхность сосудов от венчика до плечиков.

Бинокли с крупными чашами яйцевидной формы соединены двумя перемычками сверху и посередине (рис. 2, 7). Высота — 17—20 см, диаметр чаш — 10—12 см. Орнамент — «лицевой мотив» — сохранился лишь на одном фрагменте.

Обнаружен единственный фрагмент *венчика горшка с налестом в виде головы быка*. Подобные сосуды характерны для трипольских памятников Буго-Днестровского междуречья.

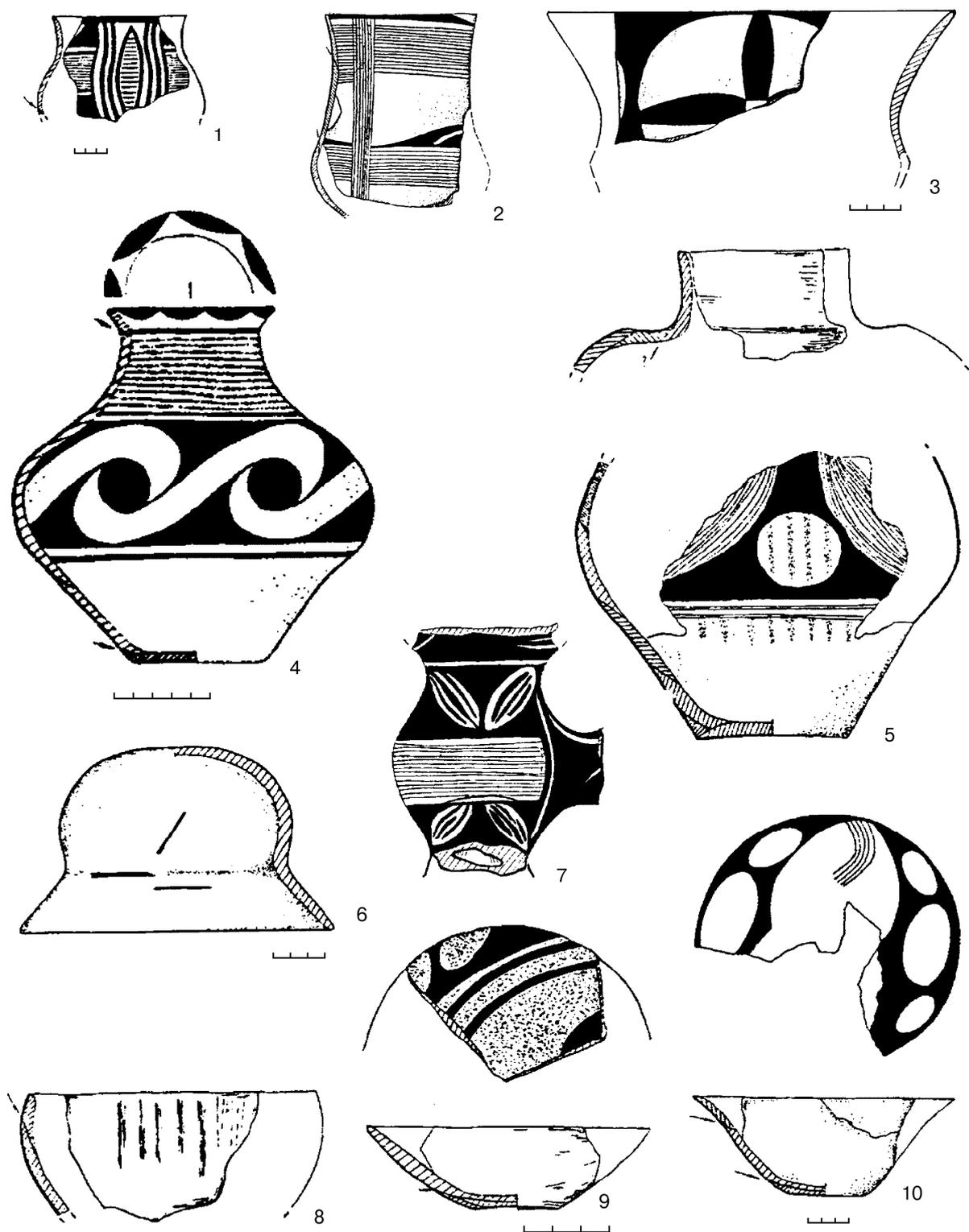


Рис. 2. Расписная керамика: 1, 2 — кубки; 3 — кратер; 4 — амфора;
5 — грушевидный сосуд; 6 — шлемовидная крышка; 7 — бинокль, 8, 9, 10 — миски.

В отдельную группу следует выделить *миниатюрные сосуды*, видимо, это уменьшенные копии обычных форм. Технология изготовления таких сосудов совпадает с технологией лепки посуды традиционных размеров, но обжиг значительно слабее. В большинстве случаев они сделаны из грубого, плохо промешанного теста с растительной примесью и песком.

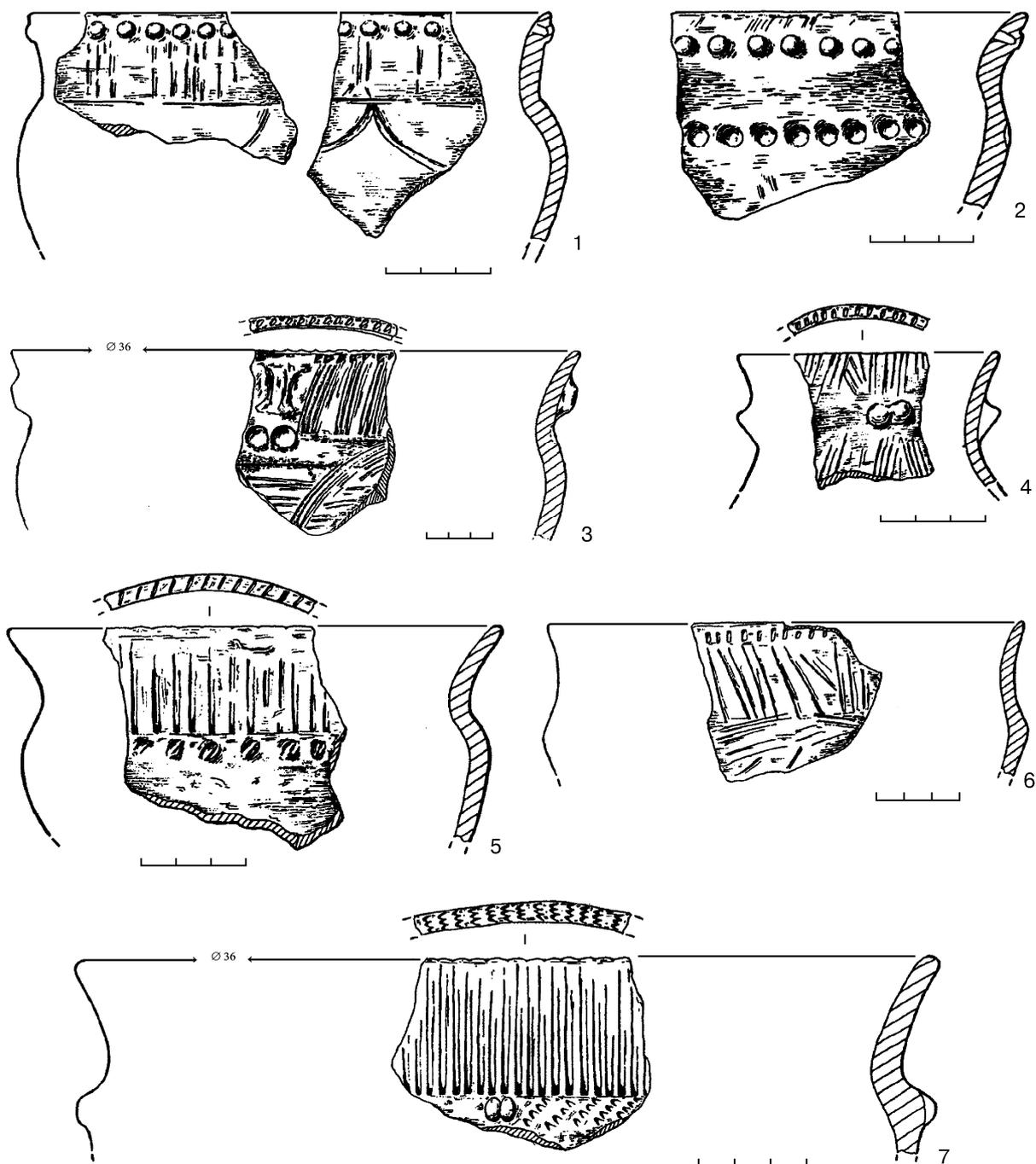


Рис. 3. Керамика с примесью толченой ракушки в тесте.

Представленная часть комплекса является типичной для последних этапов развитого Триполья. Аналогии этой керамике имеются среди материалов поселений на Украине — Незвиско, Владимировка, Немиров, в Молдове — Раковец, Кудринцы, Флорешты V, Брынзены VIII и в Румынии — Миоркань. Параллели прослеживаются в формах и орнаментах сосудов. Главным критерием выделения их в финальную 7-ю ступень среднего периода Триполья Е. К. Черныш считает переход к монохромной керамике, которая «практически вытеснила остальные группы посуды» (1982). В этот период, согласно классификации Г. Шмидта (Schmidt, 1932) и В. Думитреску (Dumitresku, 1941—1945), полихромные стили α и γ сменяются монохромными δ и ϵ .

Вторая группа керамики, так называемая кухонная, с рельефно-штампованным орнаментом, неоднородна по своему составу, среди нее можно выделить несколько составляющих.

Одна из них — типичная трипольская кухонная посуда — горшки и глубокие чаши (котлы), изготовленные ленточным способом, с грубой поверхностью и следами полосчатого сглаживания (высота — 18—25 см, диаметр венчика — 16—32 см). В тесте хорошо прослеживается обильная растительная примесь и крупные зерна шамота. Эта керамика имеет сравнительно бедный декор: горшки — расчески или фестоны по горлу, чаши (котлы) — сосцевидные налпы у венчика или в нижней части тулова.

Следующая категория — керамика с примесью толченой ракушки (рис. 3). Она представлена горшками с прямым или слегка отогнутым венчиком. Высота — 20—30 см, диаметр венчика — 15—36 см. Эти сосуды украшены вертикальными расчесами по горлу, рядами жемчужин по венчику и плечикам. На плечиках встречаются также оттиски гребенчатого штампа или парные налпы. Данная керамика по форме, орнаментации и изготовлению с помощью наковаляни и лопаточки отличается от традиционной трипольской. Ее происхождение является предметом длительной дискуссии, причем разные авторы предлагают взаимоисключающие решения. Среди них: влияние степных культур, северной неолитической керамики, автохтонное происхождение (Schmidt, 1932. P. 42—45; Даниленко, 1974. С. 30—86; Мовша, 1961. С. 186; 1985. С. 205; 1998. С. 111—153; Dodd-Opritescu, 1982. S. 70—80; Палагута, 1998. С. 5—14). Из перечисленных точек зрения предположение о степном влиянии нам представляется наиболее аргументированным и мы рассматриваем наличие ракушечной посуды в Бодаках (около 15 %) как указатель связей трипольских поселений Волыни со степными культурами, что подтверждается также и экспортом волынского кремня на левобережье Днестра.

Третья категория выделена в группе кухонной керамики Бодаков впервые, поэтому мы приводим здесь ее подробную характеристику. Посуда этой категории изготовлена ленточным способом, из плотной, хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка. Ее серовато-коричневая поверхность тщательно залощена. Среди сосудов выделяются две основные формы — горшки и миски. *Горшки* разделяются на несколько типов:

1. Горшки с вертикальным или слегка отогнутым наружу венчиком и сфероконическим туловом. Поверхность лощеная, орнамент отсутствует. Высота — 12—15 см, диаметр венчика — 10—13 см.

2. Горшки со слегка отогнутым наружу венчиком, четко выделенными плечиками (рис. 4, 9). Высота — 18—22 см, диаметр венчика — 15—17 см. На горле прочерченный орнамент, в одном случае заметны следы красной краски.

3. Слабопрофилированные горшки с лощеной поверхностью. Орнамент в виде вертикальных рядов точечных наколов на тулове, двух рядов ногтевых оттисков по венчику и плечикам, оттисков по плечикам и по верху венчика (рис. 4, 6). Высота — 15—25 см, диаметр венчика — 16—32 см.

4. Горшки с отогнутыми венчиками и яйцевидным туловом. Поверхность лощеная. На плечиках расположены по четыре коленчато изогнутых ушка с горизонтальными отверстиями. Орнамент на плечиках в виде ряда насечек. Высота — 12—14 см, диаметр венчика — 11 см.

5. Низкие *горшки* с отогнутыми венчиками, выделенными плечиками и усеченно-коническим туловом. Орнамент в виде рядов насечек или округлых вдавлений по плечикам и верху венчика (рис. 4, 7). Высота — 7—9 см, диаметр венчика — 17—19 см.

6. Тонкостенный *кубок* с бомбовидным туловом представлен небольшим фрагментом стенки с трубчатой ручкой (две?), имеющей горизонтальное отверстие. Предполагаемый диаметр самой широкой части тулова — 14—15 см. Орнамент в виде сетки, нанесенной белой краской (рис. 4, 3).

Миски разделяются на четыре типа (рис. 4).

1. Полусферические миски с налпами у венчика (рис. 4, 2). На поселении найдены лишь фрагменты нескольких венчиков, размеры которых не позволяют определить их диаметр.

2. Полусферические миски со слабо выраженными ребрами, высотой 9—11 см, диаметром 12—16 см и орнаментом в виде округлых оттисков штампа сверху по венчику (рис. 4, 4).

3. Усеченно-конические миски с прямо срезанным венчиком. Высота — 7—10 см, диаметр венчика — 11—15 см. Орнамент в виде рядов округлых оттисков сверху по венчику (рис. 4, 5).

4. Миски на усеченно-конических поддонах. Обнаружены только их поддоны диаметром 7—8 см (рис. 4, 1).

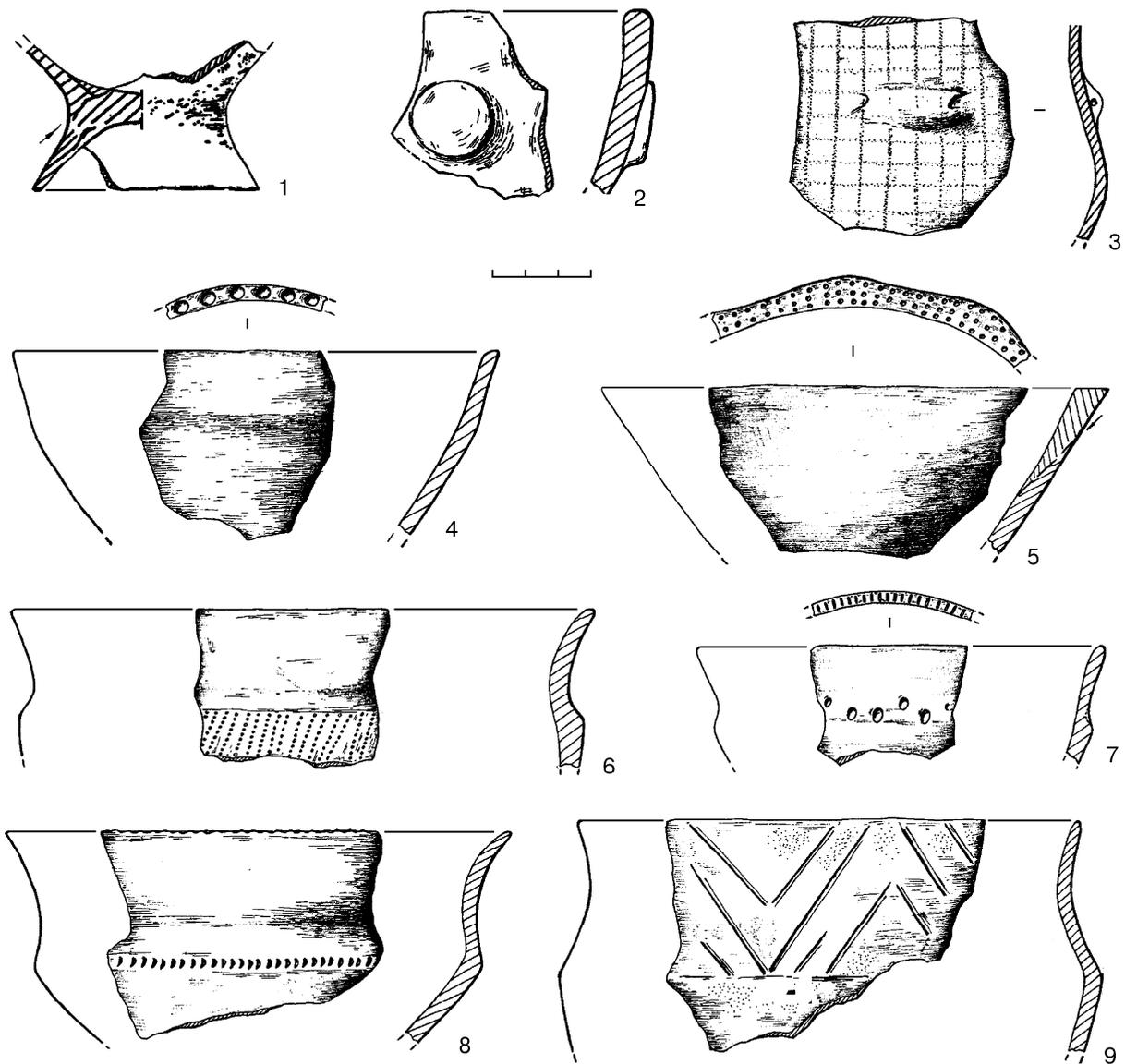


Рис. 4. Серолошенная керамика: 1 — поддон от миски; 2 — полусферическая миска с округлым налетом; 3 — кубок с росписью белой краской; 4, 5 — миски; 6, 7 — горшки; 8 — S-видная глубокая миска; 9 — горшок с прочерченным орнаментом.

Подчеркнем еще раз, что основными определяющими признаками этой посуды (5—10 % от всего объема нерасписной керамики) являются: плотное, хорошо промешанное тесто с примесью мелкого песка, тщательно обработанная поверхность (лощение) и углубленный или штампованный орнамент. Анализ керамических материалов из памятников одновременных соседних культур позволяет предположить, что появление данной керамики в Бодаках вызвано контактами с периферийными группами культур лендельского круга. Они были широко распространены с начала IV тыс. до н. э. на территории от современной Венгрии до Польши и Западной Украины. (Захарук, 1971. С. 206, 219; Пелешишин, 1974. С. 107—116; 1985. С. 269; Титов, 1980; Черныш, 1982. С. 256—258; Конопля, 1990; 1995).

Непосредственный интерес для наших исследований представляют памятники типа Гоца-Вербковица (или Вербковица-Костянец) и Зимно-Злота на Западной Волыни, а также люблинско-волинская и малицкая группы в юго-восточной Польше (рис. 1) (Kamieńska., Kozłowski, 1970; Gurba, 1973; Kruk, Milisauskas, 1985; Zacoscielna, Gurba, 1995; Видейко, 2002. С. 60—62). Сложность сравнительного анализа заключается в том, что в определении культурной и хронологической принадлежности вышеназванных групп существует множество разночтений.

Так, например, памятники типа Гоща-Вербковица (или Вербковица-Костянец) и Зимно-Злота на Западной Волыни в свое время были выделены в отдельные культуры (Пелещишин, 1974. С. 107—116; Черныш, 1982. С. 256—258). Позднее они стали считаться локальным вариантом лендельской культуры (Пелещишин, 1985. С. 269). Несогласованность существует и в вопросах хронологии. Одни исследователи считали более ранними памятники Гоща-Вербковица и синхронизировали их с Трипольем А-VI, а поздние, типа Зимно-Злота относили к Триполью ВП-СІ (Захарук, 1971. С. 206, 219). Другие, напротив, считали более ранними памятники Зимно-Злота (Пелещишин, 1974. С. 115—116).

В. М. Конопля, оспаривая периодизацию Н. А. Пелещишина (он называет вышеназванные типы памятников Костянец и Зимно), полагает, что именно с костянецкой группы, синхронной Триполью ВП, начинается проникновение Ленделя на территорию Западной Волыни, а население группы Зимно появилось позднее в период Триполья ВП-СІ. Он же связывает происхождение памятников типа Гоща-Вербковица с малицкой группой, а Зимно-Злота с любельско-волынской (Конопля, 1990. С. 17).

Отмеченные разночтения связаны, в первую очередь, с обширностью территории, занимаемой лендельской культурной общностью, множеством межкультурных контактов на протяжении длительного времени ее существования, а также недостатком информации о ее периферийных областях. В выделенной в Бодаках группе кухонной лощеной керамики имеются признаки типичные, как для группы Гоще-Вербковицы, так и для Зимно-Злота. В первом случае это горшки с S-видным профилем, полусферические миски, а также некоторые элементы орнамента — точечные наколы, насечки по венчику и плечикам (рис. 4, 4—6, 8). Во втором — орнамент, нанесенный белой краской (Захарук, 1971. С. 218) (рис. 4, 3). Встречающиеся украшения в виде округлых налепов более характерны для центральных районов лендельской культуры.

Перечисленные факты показывают, что в Бодаках мы сталкиваемся со смешанными импортами, которые не образуют целого комплекса, идентичного какой-либо одной группе западных энеолитических памятников. Возможно, население Гоща-Вербковицы и Зимно-Злота, представляющие различные локальные варианты Ленделя, появилось на Западной Волыни приблизительно одновременно и некоторое время сосуществовало на этой территории, сохраняя локальные различия.

Археологический материал из Бодаков позволяет отнести данный памятник к верхнеднепровской группе Триполья, для которой характерны поселки площадью до 5 га с небольшими жилыми постройками и остатками кремнеобрабатывающего производства в них, а также наличие в керамике полгарских и лендельских черт (Круц, Рыжов, 1997. С. 26, 31).

Таким образом, результаты анализа керамического комплекса поселения Бодаки свидетельствуют, с одной стороны, о тесных внутри культурных связях периферии и центров в эпоху развитого Триполья, а с другой — о широких межкультурных контактах с западными и восточными соседями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Видейко М. Ю.* Локальные группы трипольской культуры на Среднем Днепре // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Тирасполь, 2002.
- Виноградова Н. М.* Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев, 1983.
- Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974.
- Захарук Ю. М.* Памятники типу Гоща-Вербковица // Археологія Української РСР. Київ, 1971.
- Конопля В. М.* Лендельская культура // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Киев, 1990.
- Конопля В. М.* Периодизация пам'яток лендельської культури заходу України і їхнє хронологічне співвідношення зі спорідненими пам'ятками Центральної Європи // Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вып. 6. Львів, 1995.
- Круц В. А., Рыжов О. Н.* Верхьодніпровська локальна група пам'яток трипільської культури та нові дані про зв'язки трипільців з населенням полгарської і лендельської культур // Археологія. № 2. Київ, 1997.
- Мовша Т. Г.* О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА. № 2. 1961.
- Мовша Т. Г.* Средний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР. Т. I. Киев, 1985.

- Мовша Т. Г.* Зв'язки Трипілья-Кукутені зі степовими енеолітичними культурами: (До проблеми індоєвропейзації Європи) // Записки Наукового Товариства імені Шевченка. Праці Археологічної комісії. Вып. ССХХХV. Львів, 1998.
- Палагута И. В.* К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // РА. № 1. 1998.
- Пелецишин М. А.* Стародавні племена Прикарпаття і Західної Волині за доби неоліту та енеоліту // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ, 1974.
- Пелецишин Н. А.* Трипольская культура Западной Волины // Археология Прикарпатья, Волины и Закарпатья. Киев, 1990.
- Пелецишин М. А.* Проблеми історії трипільських племен Західної Волині, межириччя Західного Бугу та Дністра // Записки Наукового Товариства імені Шевченка. Праці Археологічної комісії. Вып. ССХХХV. Львів, 1998.
- Попова Т. А., Черныш Е. К.* Трипольское поселение у с. Бодаки // Записки Одесского археологического общества. Т. II (34). Одесса, 1967.
- Скакун Н. Н.* Раскопки поселения-мастерской у села Бодаки // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Донецк, 1996.
- Скакун Н. Н.* Некоторые итоги изучения трипольского поселения Бодаки // Поселения: среда, культура, социум. СПб, 1998.
- Скакун Н. Н., Старкова Е. Г., Самзун А., Матвева Б.* Бодаки — поселение мастерская на северо-западе трипольской культуры // Трипільський світ і його сусіди: Тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції. Збараж, 2001.
- Старкова Е. Г.* Статистика и планиграфия керамического комплекса трипольского поселения Бодаки: по материалам построек // Поселения: среда, культура, социум. СПб, 1998.
- Титов В. С.* Поздний неолит. Культура Лендьел // Археология Венгрии. М., 1980.
- Черныш Е. К.* Памятники синхронных Триполью культур Юго-Запада СССР // Энеолит СССР. Ч. 3. Археология СССР. М., 1982.
- Cynkałowski A.* Materiały do pradziejów Wołynia I Polesi Wołyńskiego. Warszawa. 1961.
- Cynkałowski A.* Osiedle kultury trypolskiej w Bodakach nad Horyniem // Wiadomości Archeologiczne. No. 34. Warszawa, 1969.
- Dodd-Opritescu A.* La céramique Cucuteni C. Son origine. Sa signification historico-culturelle // Thracia Praehistorica. No. 3. Sofia, 1982.
- Dumitrescu Vl.* La Station Préhistorique de Traian // Dacia. T. IX—X. 1941—1945.
- Gurba J.* Kultura wołyńsko-lubelskiej ceramiki malowanej // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. S. F. 28. Lublin, 1973.
- Kamińska I., Kozłowski I. K.* The Lendyel and Tisza Cultures // The Neolithic in Poland. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1970.
- Kruk J., Milisauskas S.* Bronocice osiedle obronne ludności kulturu lubelsko-wołyńskiej (2800—2700 lat p. n. e.). Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1985.
- Schmidt H.* Cucuteni in der Oberen Moldau, Rumänien. Berlin, Leipzig, 1932.
- Skakun N. N.* La role et l'importance du silex dans le chalcolithique de sud-est de l'Europe (sur la base du material provenant de fouilles du campement de Badaki) // La Préhistoire au Quotidien. Grenoble, 1996.
- Zacoscielna A., Gurba J.* Badania cmentarzysk kultury wołyńsko-lubelskiej ceramiki malowanej na Grzedzie Horodelskiej // Sprawozdania Archeologiczne Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Kraków, 1995.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО НЕОЛИТУ СЕВЕРА

И. В. Верещагина (Санкт-Петербург)

ПОСЕЛЕНИЕ ХЕПО-ЯРВИ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА ¹

Поселение было открыто в 1978 г. учащимися 94-й школы Выборгского р-на г. Ленинграда во время одного из тематических турпоходов под руководством преподавателя В. М. Соколова, руководителя археологического кружка. О находках каменных орудий и керамики было сообщено в отдел палеолита ИИМК РАН (тогда ЛОИА АН СССР). Территория поселения находится в зоне отдыха жителей города, часто посещается туристами и рыбаками, вследствие чего подвергается разрушению. Поэтому раскопки памятника были предприняты в том же году под руководством автора. Поселение расположено между пос. Токсово и Кавголово, примерно в 2,5 км от последнего (по шоссе), на северо-западном берегу озера Хепо-ярви (рис. 1). Коренной берег озера на этом участке довольно высокий, сильно холмистый. Удобные площадки для обитания отсутствуют, поэтому для поселения был выбран сравнительно узкий мыс, выдающийся в озеро примерно на 200—250 м. Ширина его — 7—40 м, а высота колеблется от 2 до 5 м над уровнем озера. В северной части терраса почти круто обрывается к воде, а с южной и восточной стороны, постепенно понижаясь, переходит в заболоченную низину. Поселение располагалось на самом ровном участке террасы примерно в 100 м от оконечности мыса у северного его края.

Площадь раскопа составила 124 м². Выявленная стратиграфия в целом обычна для бортовых террас. В ходе раскопок она была уточнена, и, как выяснилось, на различных участках раскопа имела свои особенности, которые являлись результатом различной степени насыщенности слоев культурными остатками. Растительно-почвенный слой слабый — от 2 до 7 см, местами был уничтожен современными кострами и тропами. Сразу под ним залегал гумусированный песок серого цвета, более темный в северной части, в котором содержалось множество мелких угольков (следствие современных костров и пожаров). Ниже залегал песок, который за пределами или по краю поселения имел желтый цвет, а на основной части раскопа он имел бурую окраску и даже темно-бурую (вокруг очагов). Мощность его была различной на разных участках и колебалась в пределах 2—40 см, а в очагах и около них достигала 50—60 см. Подстилающим (материковым) был светло-желтый, местами крупнозернистый, песок. Следует отметить также наличие красноватой окраски песка, которая наблюдалась иногда сразу под растительным слоем, но не на всей площади раскопа, а только в восточной его части. Наличие красноватого оттенка, возможно, объясняется прокаленностью, а, возможно, — естественными причинами, например, наличием железистых соединений.

После снятия почвенного слоя разборка производилась горизонтами с учетом особенностей слоев. Первый горизонт мощностью 10—15 см соответствовал серому подпочвенному слою. В процессе разборки второго горизонта выявились два больших пятна с заполнением из бурого и темно-бурого песка (рис. 3). В верхней части горизонта пятна имели расплывчатые очертания и с трудом фиксировались в рыхлом песчаном грунте даже при увлажнении, по мере разборки горизонта границы становились яснее, особенно в западной части раскопа, где заполнение было более мощным и интенсивно окрашенным (рис. 3, 5 — разрезы ЕЗ—МЗ, Е5—Л5).

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 02-06-80469а).

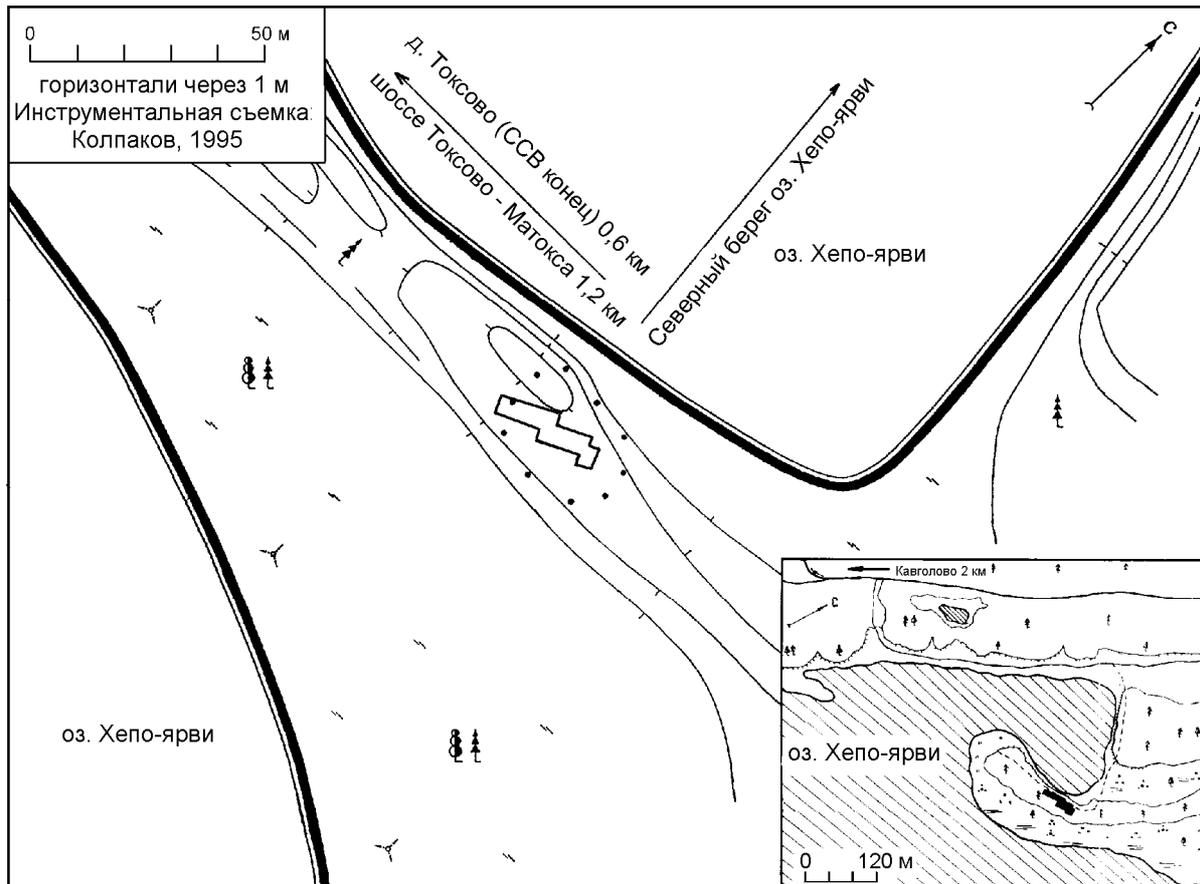


Рис. 1. Поселение Хепо-ярви, топографический план с расположением раскопа.

В восточной части раскопа характер заполнения был аналогичным предыдущему, но отличался меньшей мощностью и равномерностью. Границы фиксировались неточно, так как в некоторой степени мешала красноватая окрасненность, придавая слою несколько иную окраску — красновато-коричневую. Границы красноватого песка не совпадали полностью с границами бурого песка как планиграфически, так и стратиграфически (рис. 3 и 5).

В границах этих пятен находились почти все очаги, подавляющая часть каменного и керамического инвентаря, мелкие кальцинированные косточки и угольки. С определенной долей вероятности можно предположить наличие на поселении, как минимум, двух жилищ, скорее всего, наземного характера, хотя четких контуров их выявить не удалось (отчасти, из-за недоследованности поселения).

На площади раскопа выявлены три очага, сложенные из камней. Два из них вскрыты полностью (рис. 3 и 4, кв. 5, 22, 23, 27, 28). Третий очаг у юго-восточной стенки раскопа, вскрыт лишь частично (рис. 3 и 4, кв. 25; 5, разрез С8—П8). На уровне низа первого горизонта в местах очагов отмечались небольшие скопления разрозненно лежащих обломков обожженных камней (рис. 2). При разборке второго горизонта скопления приобрели округлые очертания, камни были крупнее и уложены компактнее, особенно по краям. На уровне третьего горизонта выявились четкие кольцевые кладки из плотно лежащих камней (рис. 4), а в одном случае (кв. 28) отмечен разрыв в кладке — устье. Кладка этого очага продолжалась и на уровне четвертого горизонта, очаг из квадрата 5 выявился только на уровне третьего горизонта сразу в виде четкой кольцевой выкладки, не содержавшей выше и внутри мелких разрозненных камней, но в соседнем квадрате 6 на уровне второго горизонта расчищено скопление таких камней (рис. 3). Создается впечатление, что эти камни были использованы позднее для других целей. Заполнение внутри очагов представляло собой почти черный сажистый песок с угольками. Находок внутри очагов не было. Скопления керамики встречались вокруг очагов или поверх, между

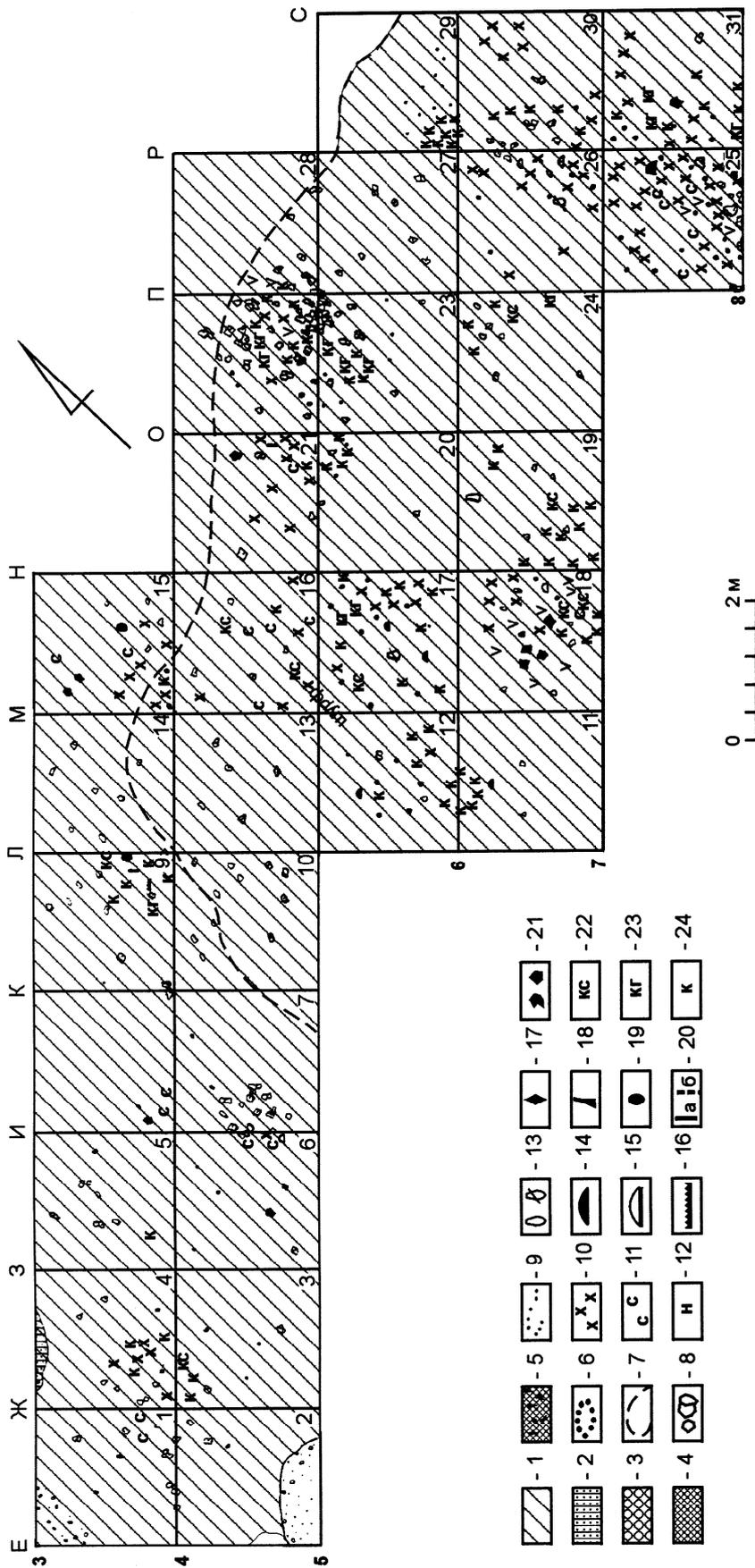


Рис. 2. Хело-ярви, I горизонт, план.

Условные обозначения для рис. 2—4: 1 — песок желтого цвета; 2 — темное заполнение поздних ям; 3 — гумусированный песок бурого цвета; 4 — темно-бурый гумусированный песок; 5 — почти черный песок с угольками; 6 — светло-желтый крупнозернистый песок — материк;

7 — границы красноватого песка; 8 — скопление камней; 9 — отщепы и обломки кремня; 10 — отщепы и обломки кварца; 11 — сланцевые изделия; 12 — нуклеусы и нуклеидные обломки; 13 — рубящие орудия; 14 — скребки кремневые; 15 — скребки кварцевые; 16 — пилки; 17 — наконечники стрел; 18 — острия; 19 — отбойники, ретушеры; 20 — пластины (а — кремневые, б — кварцевые); 21 — шлифовальные плитки; 22 — КС — керамика сперрингс; 23 — КГ — керамика гребенчато-ямочная; 24 — К — прочая керамика, в том числе, неопределимая.

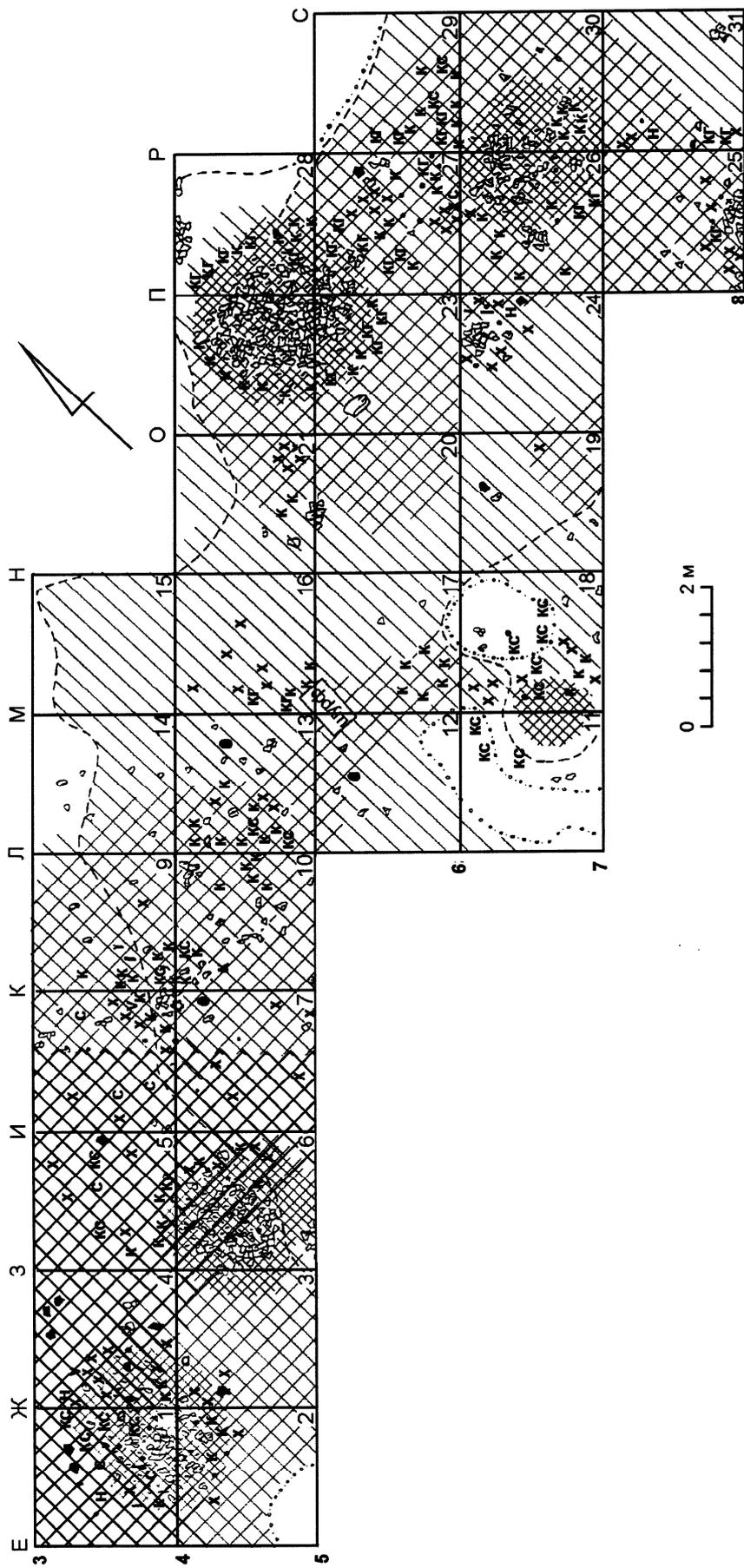


Рис. 3. Хело-ярви, II горизонт, план.

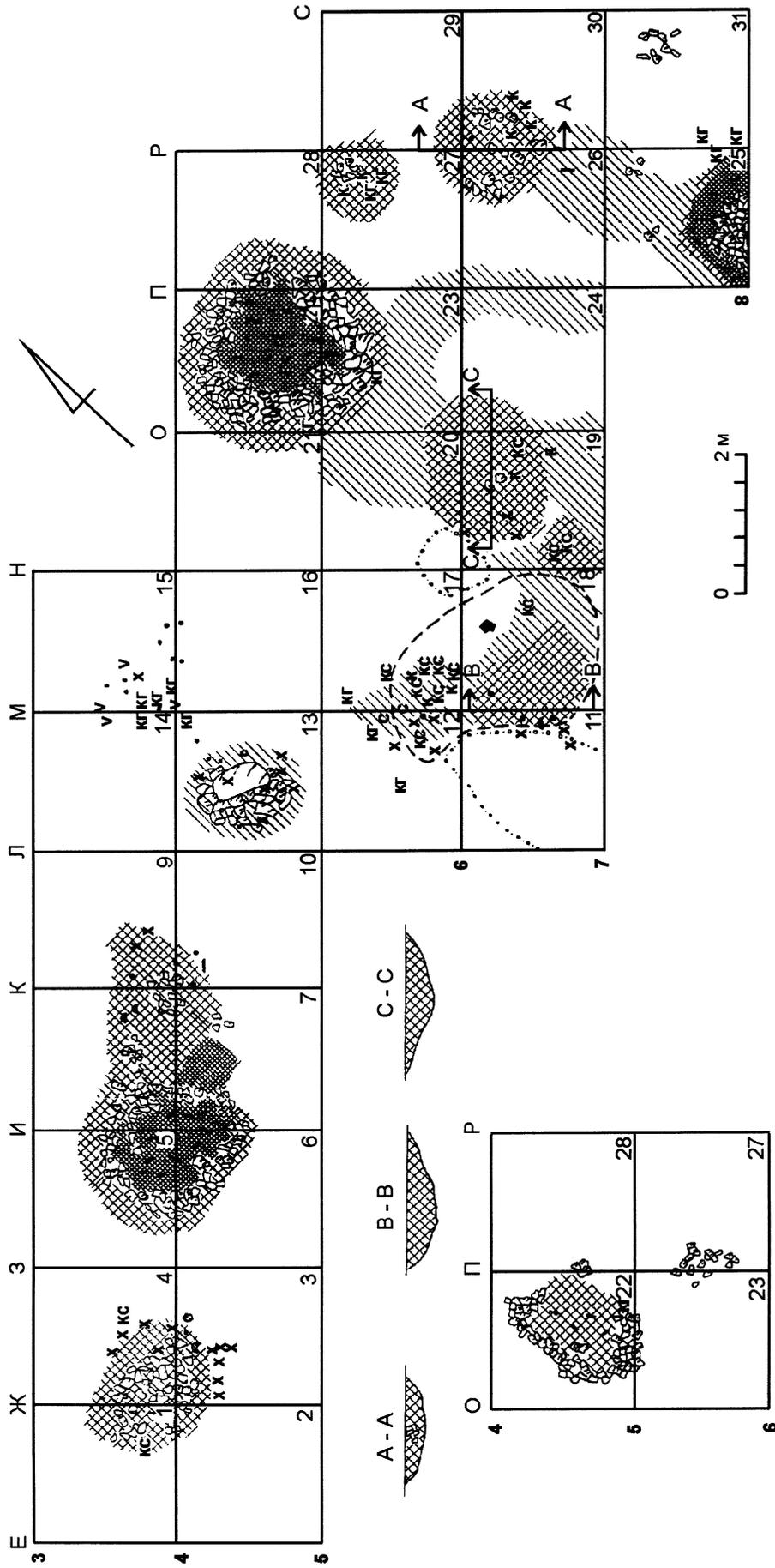


Рис. 4. Хело-ярви, III и IV горизонты, планы, разрезы ям.

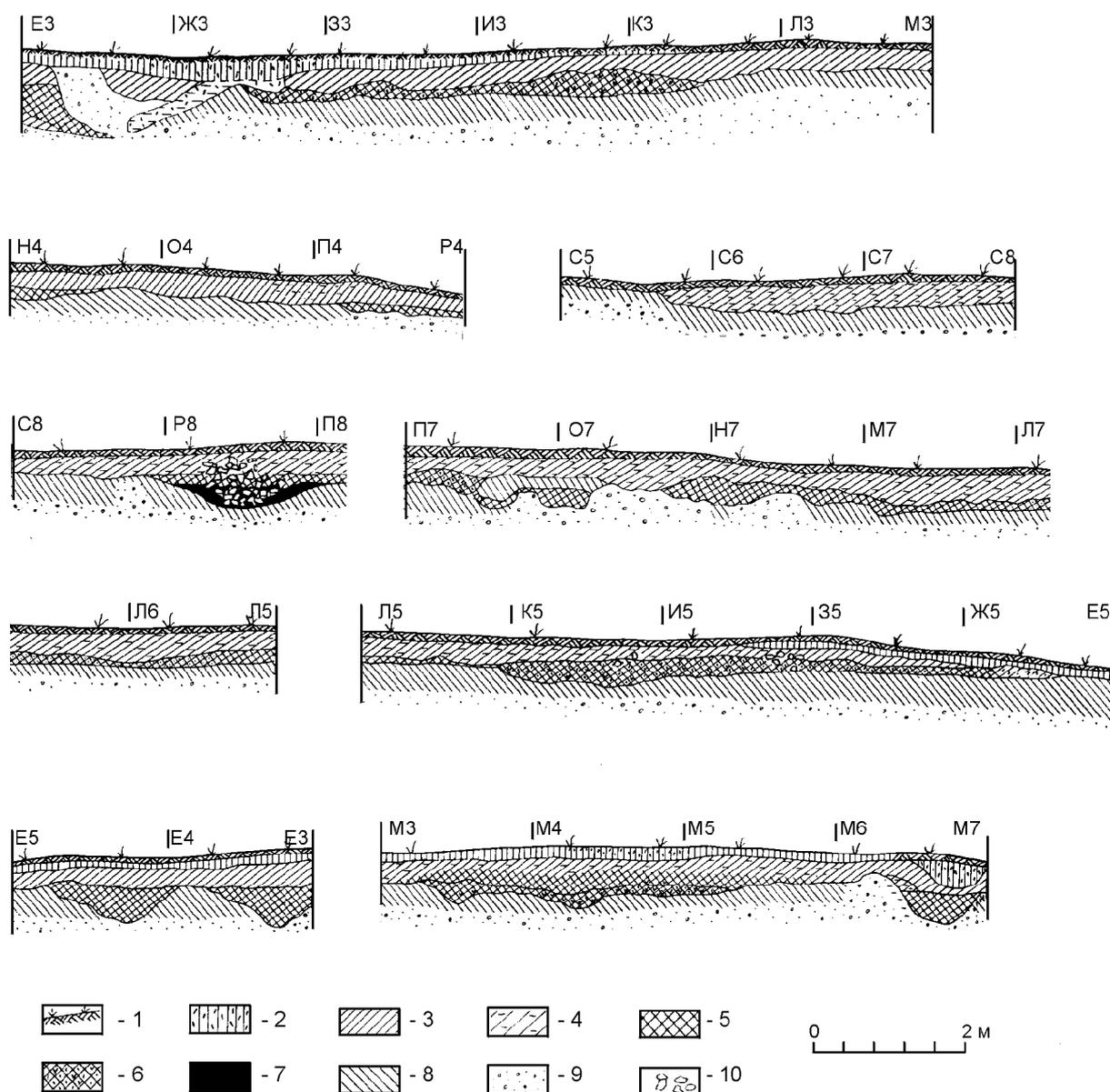


Рис. 5. Хепо-ярви, разрезы:

1 — почвенный слой; 2 — темно-серый песок с угольками; 3 — серовато-желтый, слабо гумусированный песок с отдельными находками; 4 — тот же песок, но с красноватым оттенком, охристый; 5 — бурый песок с находками; 6 — темно-бурый песок с мелкими угольками, косточками и находками; 7 — почти черный песок с крупными угольками; 8 — желтый песок с редкими находками; 9 — светло-желтый песок, местами крупнозернистый, с мелкой галькой, материковый; 10 — очажные камни.

свободно лежащими камнями. Очаги такого рода были заметно углублены в материк и имели, скорее всего, полуприкрытую форму, напоминая печки-каменки, хотя следов глиняной обмазки найдено не было.

Помимо выразительных очагов предыдущего типа, были выявлены скопления обожженных камней, лежавших не очень плотно (рис. 3, кв. 1, 2, 3, 4, 26, 30). Заполнение между камнями носило кострищный характер: зольный песок темно-бурого цвета с находками, обожженными косточками и угольками. Очаги этого типа фиксировались во втором и третьем горизонте, а в нижней части первого горизонта на этих участках встречались лишь отдельные, сильно растащенные камни. Мощность очагов — около 40 см.

В восточной и юго-восточной части раскопа в третьем горизонте выявлены еще две линзы с интенсивным кострищным характером заполнения мощностью 30 и 50 см (рис. 4, кв. 19,

20, 23, 24, 27). Вторая из линз овальных очертаний была перекрыта прослойкой светло-желтого песка, напомиавшего материковый, без находок. Скорее всего, эта прослойка представляет собой выброс из поздней ямы, в придонной части которой были найдены обломки стекла, впоследствии заплывшей или засыпанной слоем, содержащим древние культурные артефакты.

При разборке третьего горизонта было выявлено еще одно небольшое скопление камней без следов обжига с крупным (40 x 70 см) плоским камнем в центре (рис. 4, кв. 13). Скорее всего, этот объект представляет собой «рабочее место мастера» по производству орудий, или керамики, поскольку вокруг в равной степени встречались отходы кварца, сланца и обломки керамики. Похожий камень меньшего размера был отмечен в кв. 23 (рис. 3). Вокруг него наблюдалось скопление отщепов и обломков кварца, сланца и кремня.

Инвентарь включает изделия из камня и керамику. Находки залежали по площади раскопа в виде скоплений или разрозненно. Планиграфически большая их часть была сосредоточена в пределах бурых пятен около очагов, а стратиграфически в нижней части первого, во втором и верхней части третьего горизонтов (рис. 5).

Керамика представлена 940 фрагментами, из которых более половины составляют очень мелкие (до 1 см) обломки плохой сохранности, и примерно 490 более крупных фрагментов не менее 30 сосудов.

Керамика разновременна. Первую группу составляет керамика сперрингс (обломки не менее 9 сосудов). Преобладают крупные сосуды диаметром не менее 30 см с прямыми или слегка выпуклыми стенками толщиной 0,8—1,2 см. Венчики имеют прямой, иногда слабо скругленный срез. В тесте примесь дресвы, в ряде случаев крупной и обильной. Поверхность светло-коричневого цвета, хорошо заглажена. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов, но иногда отмечаются неорнаментированные зоны по краю венчика (рис. 6, 1). Срез венчика почти во всех случаях также орнаментирован. Орнамент имеет в основном горизонтальную зональность. В качестве элементов почти на всех фрагментах встречаются ямки, округлых, овальных или неправильных очертаний, в основном неглубокие, иногда нанесенные под углом. Горизонтальные ряды ямок служили в основном разделителями орнаментальных зон, выполненными другими орнаментами, реже использовались для выделения венчика (рис. 6, 1; 7, 11), иногда вносились поверх другого узора. Пожалуй, чаще всего встречался прочерченный орнамент, иногда он состоит из широких зон, включающих длинные прочерченные элементы, выполненные с различным наклоном (рис. 6, 1). Иногда орнамент более разрежен и состоит из коротких наклонных прочерченных элементов, в ряде случаев чередующихся с горизонтальными прочерченными поясками (рис. 6, 3, 4). Несколько сосудов украшены узорами, выполненными отступающей лопаточкой, мотивы горизонтальные, наклонные, перекрещивающиеся (рис. 6, 7—10). На фрагментах одного или двух сосудов отмечен позвонковый орнамент (рис. 6, 11—12). Керамика сперрингс встречалась на всей площади раскопа в виде отдельных фрагментов, но, пожалуй, чаще — в юго-западной его части. Более компактное ее скопление в кв. 11, 18, хотя обломки тех же сосудов встречались и на значительном удалении от скопления.

Самую большую группу составляет керамика с гребенчато-ямочным орнаментом. Преобладают крупные толстостенные (0,8—12 см) сосуды с округлым дном. Стенки прямые или слабывыпуклые. Торец венчика в большинстве случаев горизонтально срезан, реже — скошен внутрь и слегка утолщен. В глиняном тесте примесь довольно крупной дресвы, лишь в единичных случаях встречается очень мелкая дресва с большим количеством слюды. Поверхность как внешняя, так и внутренняя, большинства сосудов хорошо заглажена, но на нескольких фрагментах отмечались расчесы с внутренней стороны.

Орнамент покрывает всю поверхность сосудов, а в большинстве случаев и срез венчика. В орнаменте заметно преобладают гребенчатые элементы. Использовались очень разнообразные гребенчатые штампы: длинные и короткие, узкие и сравнительно широкие, прямые и изогнутые, прямозубые и косозубые (рис. 6, 13—28; 7, 1—3, 5—9). В ряде случаев в узорах вместо гребенчатого использовался веревочный (рис. 6, 18, 24, 25, 27, 28), а на одном фрагменте встречены овальные оттиски с мелкими зубчиками на дне (рис. 6, 26). Столь же разнообразны ямочные элементы: крупные и небольшого диаметра: округлые, овальные, подчетыреугольные и прочих неправильных очертаний, нанесенные под углом или вертикально. В большинстве

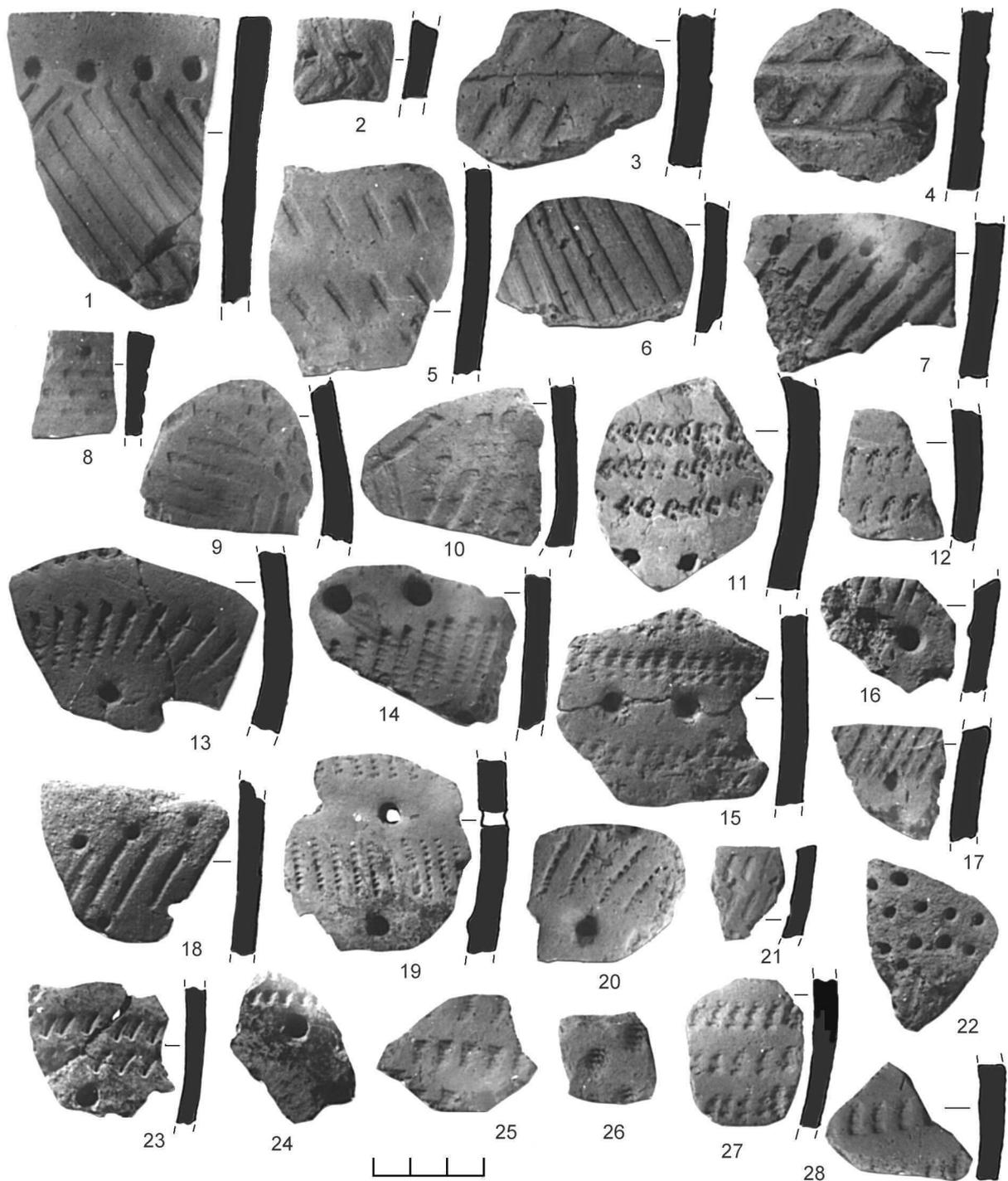


Рис. 6. Хепо-ярви, керамика: 1—12 — типа сперрингс; 13—28 — гребенчато-ямочная.

случаев ямки сравнительно неглубокие и имеют округлое или неровное дно. Лишь на нескольких фрагментах отмечаются глубокие круглоконические ямки с соответствующими бугорками на внутренней стороне (рис. 6, 13—24; 7, 1, 3, 5).

Преобладающими являются простые узоры с горизонтально чередующимися поясами из наклонных оттисков гребенчатого или веревочного штампов и ямок, которые носили разделяющий характер (рис. 6, 13—28; 7). Характерными являются и более сложные мотивы: треугольники и ромбы, заполненные гребенчатыми оттисками, флажковый орнамент, диагональные мотивы из тех же оттисков, горизонтальный зигзаг (рис. 7, 1—3, 5—8). Реже встречаются узоры,

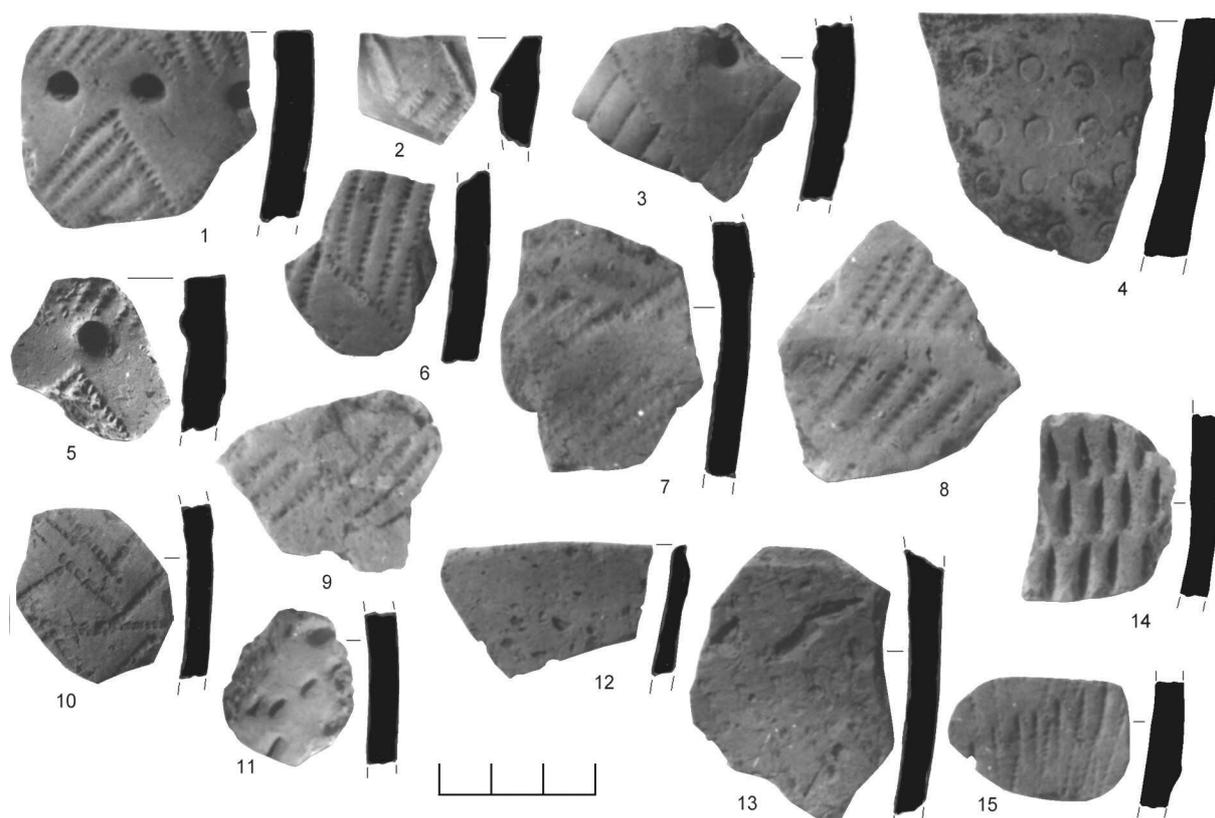


Рис. 7. Хепо-ярви, керамика: 1—9 — гребенчато-ямочная; 10—15 — с органической и комбинированной примесью.

выполненные другими элементами: горизонтальные пояса из глубоких насечек; зигзаги или елочка из мелких ямчатых вдавлений или наколов в сочетании с гребенчатыми и ямочными мотивами. В кв. 18 и 19 был расчищен развал крупного сосуда, украшенного по всей поверхности кружковым орнаментом (рис. 7, 4). В отличие от керамики сперрингс, гребенчато-ямочная керамика чаще встречалась скоплениями, особенно около очагов.

Небольшую группу составляют фрагменты с пористой структурой теста или с комбинированной примесью: органики и небольшого количества дресвы (рис. 7, 10—15). Большая часть обломков не имеют орнамента и очень плохого качества. Сосуды, в отличие от предыдущих, имеют значительно меньшие размеры, прикрытую форму, сужающийся скругленный венчик, толщина стенок — 4—7 мм. Поверхность сосудов серого или желтовато-серого цвета хорошо заглажена. Орнамент на двух фрагментах выполнен в манере «шагающей гребенки». Оттиски очень узкие, поверхностно нанесенные (рис. 7, 15). К этой же группе, возможно, относится фрагмент венчика серого цвета, но с более плотной структурой теста, орнамент из двух рядов ямчатых вдавлений по венчику. Ниже располагаются зоны из диагональных и горизонтальных рядов насечек. Керамика третьей группы близка посуде нарвского типа. Возможно, на поселении ее было значительно больше, чем представляется, но она сильно подвержена разрушению.

Таблица 1.

Распределение инвентаря стоянки Хепо-ярви по горизонтам

Горизонт	Кварц	Кремень	Сланец	Песчаник	Кварцит	Прочее	Всего	Керамика
1	150	138	36	27	8	—	276	150
2	265	147	13	20	11	12	243	265
3	75	75	15	9	2	2	126	75
Всего:	360	130	64	56	21	21	645	490
Орудий:	37	20	14	53	4	4	130	

Каменный инвентарь представлен предметами из кварца, кремня, сланца, кварцита, песчаника, гранита. Всего собрано свыше 2,5 тыс. предметов. Из них подавляющее большинство составляют чешуйки и мелкие осколки (1855 экз.), которые в дальнейших подсчетах не учитывались. Распределение различного каменного инвентаря по горизонтам представлено в табл. 1.

Из таблицы видно, что существенно преобладают кварцевые предметы, на втором месте артефакты из кремня. Наибольшее количество предметов было получено при разборке второго горизонта, за исключением сланца и песчаника, которое преобладали в нижней части первого горизонта. Во всех случаях преобладали отходы производства — отщепы и обломки. Лишь предметы из песчаника представлены в основном орудиями — обломками шлифовальных и точильных плиток, число орудий не превышает 130 экз., включая обломки (37 кварцевых, 20 кремневых, 14 сланцевых, 4 кварцитовых, 53 плитки песчаника, 2 изделия из гранита). Преобладает отщеповая техника производства орудий, хотя найдено небольшое количество кварцевых (4 экз.) и кремневых (12 экз.) пластинок и их обломков. На некоторых пластинках фиксируется мелкая краевая ретушь или следы сработанности, а также один резцовый скол на углу пластинки.

Набор орудий не выразителен и представлен преимущественно скребками (27 экз.) на небольших кварцевых и кремневых отщепах с округлым или прямым рабочим краем, обработанным полукрутой ретушью (рис. 8, 11—23). Рабочий край некоторых кварцевых скребков оформлен посредством единого поперечного скола, что характерно для кварцевых индустрии. Среди кварцевых орудий найдены две пилки на пластинчатых отщепах с ретушью по краю (рис. 8, 24) сверло с треугольным сечением рабочего конца (рис. 8, 10) несколько острий, возможно резчиков, на слегка изогнутых ребристых сколах, из сланца изготовлены два резца на углу сравнительно крупных пластин (рис. 8, 25). Оригинальное сланцевое шлифованное орудие с рабочим углом в виде крючка первоначально было интерпретировано как резец, но сейчас я склонна считать его своеобразным орнаментиром для нанесения прочерченных узоров, а возможно, и некоторых мотивов в технике отступления (рис. 8, 23). Из сланца изготовлен небольшой наконечник стрелы приближенно листовидной формы с уплощенным сужающимся насадом.

Остальные орудия из сланца представлены тщательно отшлифованным теслом почти прямоугольной формы с треугольным поперечным сечением (рис. 8, 26), топором треугольных очертаний с сильно сработанным лезвием (рис. 8, 29) и тремя обломками небольших топориков прямоугольной или трапециевидной формы, полностью или частично отшлифованных. Еще один топор прямоугольной формы изготовлен из гранита с тщательной пришлифовкой лезвия и боков (рис. 8, 28). Одно из орудий на половине удлиненной плоской сланцевой гальке с частичной шлифовкой использовалось, очевидно, для выравнивания и заглаживания поверхности сосудов, о чем свидетельствовали линейные микроследы с остатками частиц глины (рис. 8, 30). К числу орудий относятся также семь кварцитовых и кварцевых галек овальной формы со следами забитости на концах, которые служили в качестве отбойников и ретушеров.

Остальное количество представлено отходами производства орудий — отщепами и обломками, при этом экземпляры крупных размеров малочисленны. Нуклеусы и нуклевидные обломки также редки и невыразительны. Они сильно сработаны, в основном аморфные многоплощадочные.

К сожалению, при анализе распределения каменного инвентаря, в том числе орудий, по площади раскопа нам не удалось увязать его с тем или иным типом керамики.

Таким образом, Хепо-ярви представляет собой памятник неоднократного заселения с нерасчлененным культурным слоем. Территория его была обитаема в раннем неолите, о чем свидетельствует керамика сперрингс и небольшое количество керамики нарвского типа, а также в эпоху развитого и позднего неолита — комплекс гребенчато-ямочной керамики. Этот факт в определенной мере подтверждают полученные радиоуглеродные даты: 1) 6480 ± 80 л. н. (Je-1412) — уголь взят со дна очага в кв. 22 с глубины 45 см; 2) 6380 ± 60 л. н. (Je-1411) — уголь взят из очага в кв. 1 с глубины 40 см; 3) 4100 ± 60 л. н. (Je-1410) — уголь отобран из углистой прослойки, прилегающей к очагу в кв. 5; 4) 4020 ± 70 л. н. (Je-1408) — уголь из очага в кв. 28 с глубины 40 см от поверхности. Первые две даты вполне могут быть соотнесены с комплексом керамики сперрингс. Памятники этой культуры пока известны на Карельском перешейке в основном на территории Финляндии, а в Ленинградской обл. материалы пока малочисленны.

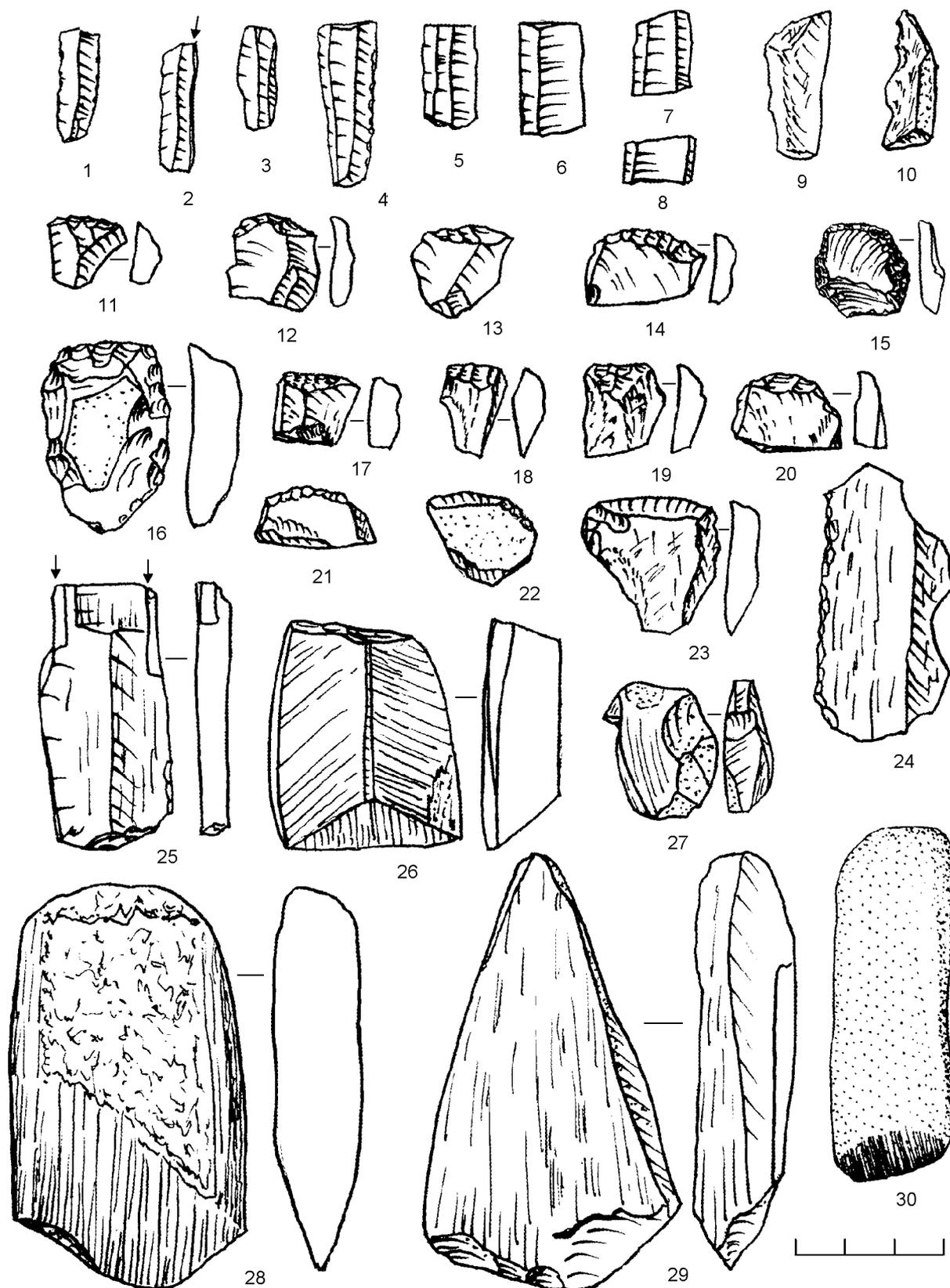


Рис. 8. Хепо-ярви, каменный инвентарь: 1—9 — пластинки; 10 — сверло; 11—23 — скребки; 24 — пила; 25 — резец; 26, 28, 29 — рубящие орудия; 27 — орнамент; 30 — ложило. 1—8, 11—16 — кремь; 9, 10, 17—24 — кварц; 25—27, 29, 30 — сланец; 28 — гранит.

Чистые комплексы отсутствуют. Небольшое количество керамики сперрингс найдено на поселении Усть-Рыбежна (Гурина, 1961. Рис. 131, 10; 141, 2; 143, 5, 6). Выразительные комплексы получены при раскопках стоянки Падань Т. М. Гусенцовой (1996. Рис. 2) и В. И. Тимофеевым при исследовании стоянки Березье в Волховском р-не Ленинградской обл. (Тимофеев, 1985. С. 14). Подавляющее большинство памятников с керамикой сперрингс известно на территории Карелии (Титов, 1972. С. 34—51; Панкрушев, 1978; Песонен, 1991; Герман, 1996. С. 190—196; Витенкова, 1996. С. 65—80).

Две другие радиоуглеродные даты вполне соотносятся с преобладающим комплексом гребенчато-ямочной керамики, которая находит значительно больший круг аналогий, так как памятники с такой керамикой известны на очень большой территории (Тимофеев, 1993. Рис. 3).

Ближайшими аналогиями являются памятники побережья Сестрорецкого разлива и южной части Карельского перешейка (Гурина, 1961. С. 415—438). Большие коллекции гребенчато-ямочной керамики были получены при раскопках крупного поселения Усть-Рыбежна в Южном Приладожье (Гурина, 1961. С. 330—338), а также при исследованиях поселений на левом берегу р. Нарва — Нарва 1 и Нарва Рейгикюля 2 (Гурина, 1967. С. 47—56, 82—97). На поселениях Усть-Рыбежна и Нарва 2 расчищены похожие каменные очаги-печки (Гурина, 1967. Рис. 8), а в керамике прослеживаются практически все мотивы и узоры, отмеченные нами на пос. Хепо-ярви. Серия радиоуглеродных дат была получена с поселения Сяберская 3, исследованного В. И. Тимофеевым в Лужском р-не Ленинградской обл. (Тимофеев, 1993. С. 28, 29; Тимофеев, Зайцева, 1961. С. 125). Они хотя и выглядят более молодыми по сравнению, с датами Хепо-ярви, но вполне могут быть с ними соотнесены, так как, по мнению большинства исследователей, период существования памятников с гребенчато-ямочной керамикой был длительным — с конца IV до начала II тыс. до н. э.

Таким образом, с определенной долей вероятности мы можем констатировать заселение территории памятника в эпоху раннего и развитого неолита. Относительно малочисленного комплекса керамики с органической и комбинированной примесью в настоящее время трудно ответить на вопрос, отражает ли этот комплекс самостоятельный этап заселения или входит в состав других комплексов как следствие культурных контактов. На мой взгляд, нельзя исключать наличие на памятнике небольшого количества материалов эпохи мезолита. Памятник Хепо-ярви представляет большой интерес, хотя на многие вопросы пока нет ответов, в частности, о взаимосвязи различных объектов с разнокультурными комплексами. Возможно, некоторые моменты удастся уточнить в процесс его исследования, что было бы весьма желательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Витенкова И. Ф.* Культура сперрингс. // Археология Карелии. Петрозаводск. 1996.
- Герман К. Э.* Культура сперрингс на территории Карелии // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. МИА. № 87. 1961.
- Гурина Н. Н.* Из истории древних племен западных областей: (По материалам нарвской экспедиции). МИА. № 144. 1967.
- Гусенцова Т. М., Андреева Н. А.* Некоторые особенности изготовления ранненеолитической керамики в Межозерья (Юго-Восточное Приладожье и Прионежье) // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Л., 1978.
- Песонен П. Э.* Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Тимофеев В. И. Новые находки мезолита и раннего неолита в Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
- Тимофеев В. И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб, 1993.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников эпох неолита и раннего металла Ленинградской и Калининградской областей // Геохронологические и изотопно-геохимические исследования в четвертичной геологии и археологии. Вильнюс, 1991.
- Титов Ю. В.* О культуре сперрингс // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.

СТОЯНКА ТОКАРЕВО 1 НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА ¹

Северо-западная часть Карельского перешейка, начиная с включения этой территории в состав Советской России и вплоть до недавнего времени, оказывалась вне постоянного интереса отечественной археологии каменного века, тогда как для финской археологии она была и остается фактически эталонным регионом. Исследование каменного века в этой части перешейка началось в начале XX века, когда Ю. Айлио и К. Сойккели исследовали стоянку *Naurynmaki* в черте города Выбога. В 1912 г. К. Сойккели раскапывал стоянку *Karstila Selankangas*, также в окрестностях города. Следующий всплеск научного интереса финских исследователей наблюдался в 20—30-е гг. (работы А. Европеуса. С. Пельси, Е. Сарасмо), в течение этого времени здесь были открыты несколько неолитических памятников: *Somme*, *Maattaanjärvi*, *Kaijala Vantsi*, *Kaijala Myllykangas*, *Rokkala Ketola*, *Rokkala Mutala* (Uino, 2003. S. 134—135; Huurre, 2003. S. 154—155).

В послевоенные годы район северо-запада перешейка лишь изредка становился объектом внимания археологов-каменщиков (Гурина 1961). Почти все известные ранее стоянки потеряли привязку к местности, материалы из старых финских раскопок отечественным специалистам оказались недоступны. Лишь после большого перерыва в 1961 г. небольшие разведочные работы здесь провела Р. В. Козырева, обнаружив неолитический пункт у дер. Черничное в среднем течении р. Гороховки (не опубликован). Разведочные маршруты на смежных территориях, не включающих данный микрорайон, осуществил в 1984 г. В. И. Тимофеев (1993). Начиная с 2001 г. исследования каменного века в регионе получили новый импульс, обусловленный активными новостроечными работами в районе пп. Советский и Высоцк по прокладке трубопроводов, линий электропередач и дорожному строительству, а также в связи с обоюдным интересом финских и российских археологов к совместным работам на Карельском перешейке.

В октябре — ноябре 2001 г. Выборгская группа Ленинградской областной археологической экспедиции Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН проводила под руководством автора спасательные раскопки на трассе газопровода-отвода ОАО «Лентрансгаз», на участке пос. Советский — дер. Токарево в Выборгском р-не Ленинградской обл. По предварительным данным на просеке, входившей в зону прокладки газопровода, в 2000 г. преподавателем кафедры археологии СПбГУ А. И. Мурашкиным был найден кварцевый отщеп. В течение 2001 г. в ходе строительных работ по прокладке газопровода (эскарп поверхности, рытье траншей и укладка труб) участок подвергся сильному разрушению, в результате чего обнажился культурный слой неолитической стоянки, которая и стала объектом спасательных исследований (Лисицын, Мурашкин, 2002). Аварийные работы имели целью зафиксировать степень разрушения нового памятника, оценить масштаб нанесенного ущерба в результате прокладки газопровода и произвести раскопки на наиболее поврежденных участках.

Новая стоянка Токарево 1 расположена на краю борта ледниковой песчаной возвышенности в 2,6 км к СЗ от дер. Токарево и в 1 км к ЮЗ от пересечения трассой газопровода р. Гороховки (рис. 1), впадающей в Финский залив у пос. Советский. Памятник, с высотной отметкой ~15 м над уровнем моря, локализован на участке размерами приблизительно 70 м по линии СЗ-ЮВ и 50 м по линии ЮЗ-СВ и приурочен к кромке пойменного луга, представляющего собой дно древнего залива Балтийского моря, ныне унаследованный течением р. Гороховки, при S-образном изгибе ручья, левого притока р. Гороховки (рис. 2). Белый придонный песок залива отчетливо фиксируется в отвалах траншеи газопровода на территории луга и на протяжении ~30 м вверх по склону от границы луга. Древняя береговая линия, таким образом, соответствует

¹ Работа подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», РФФИ (проект № 02-06-80469а) и ЛНЦ (проект «Древнейшее постледниковое заселение Северо-Запада России по данным археологии»).

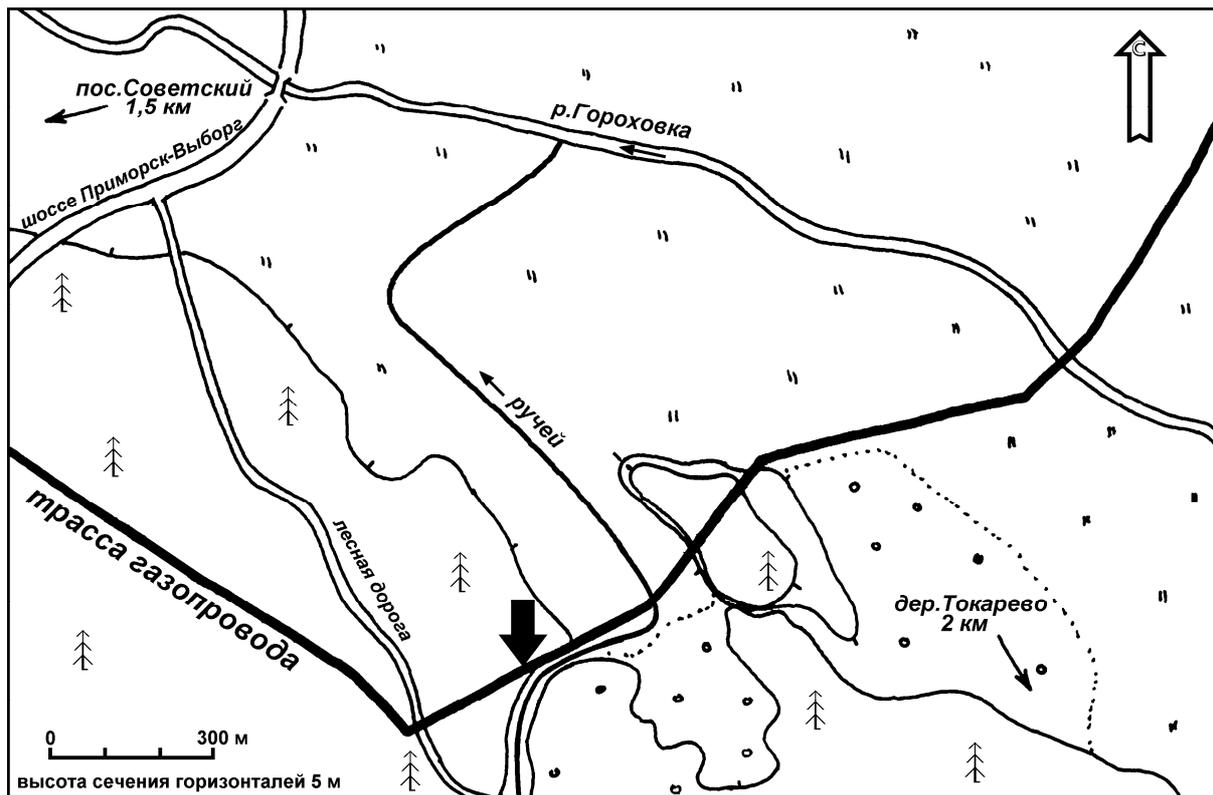


Рис. 1. План-схема расположения стоянки на трассе газопровода у дер. Токарево Выборгского р-на Ленинградской обл.

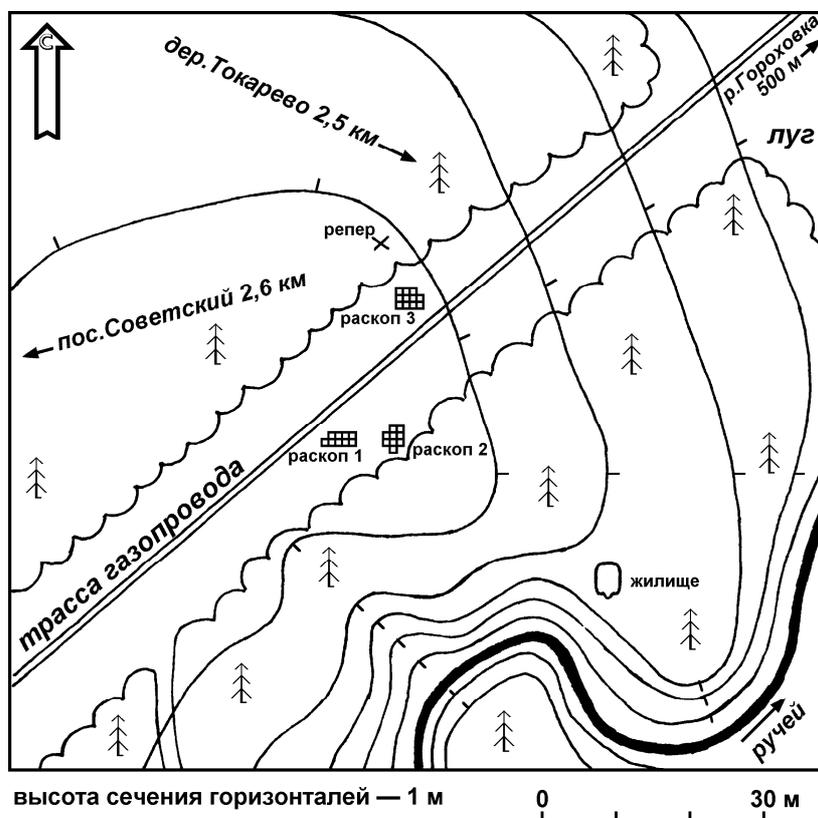


Рис. 2. Топографический план стоянки Токарево 1 с нанесенными раскопами.

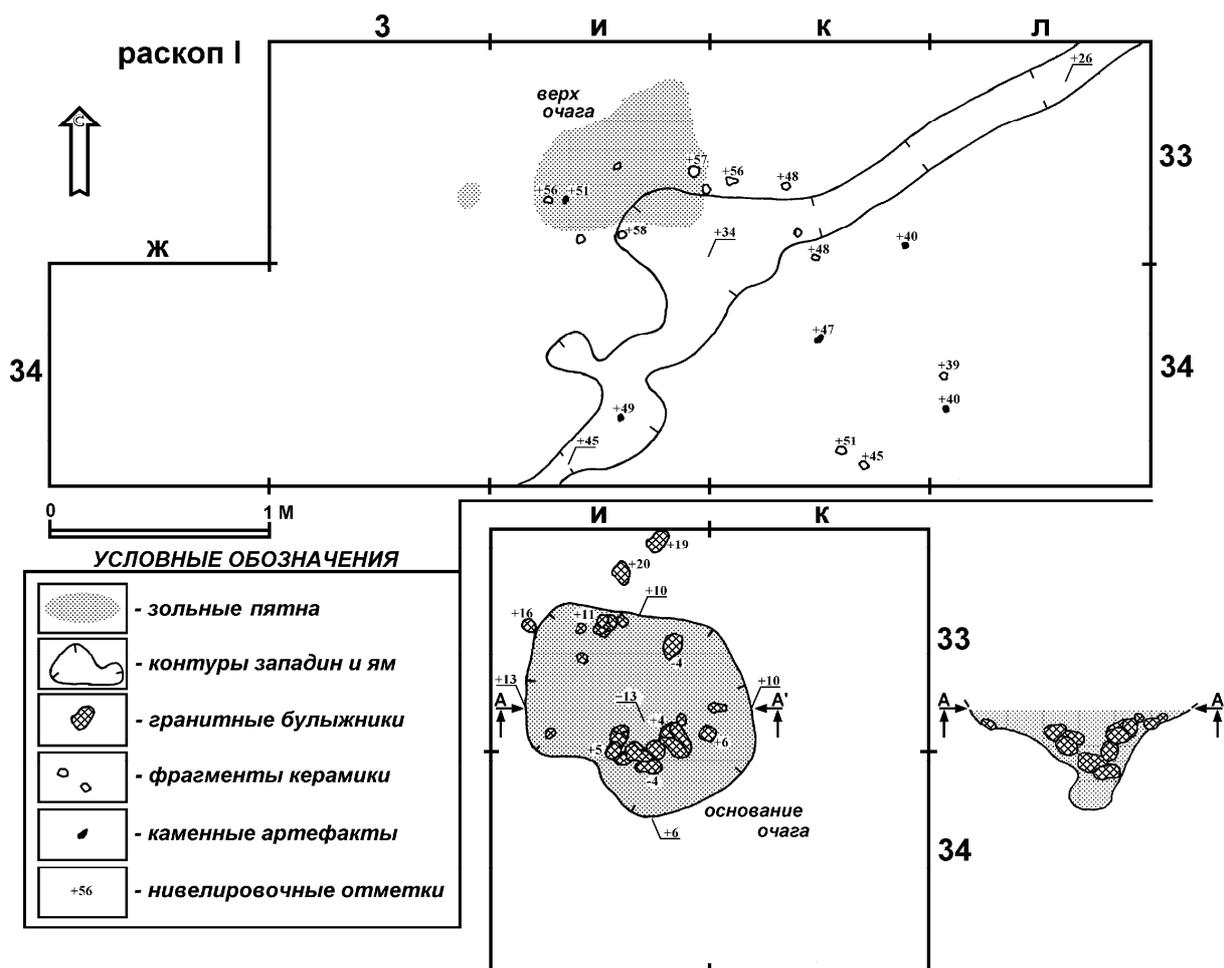


Рис. 3. План находок в раскопе I.

отметке ~15 м выше современного уровня моря. Поселение в древности занимало большую часть приустьевых мыса на левом берегу ручья и часть прибрежной полосы водоема. Газопровод разрезал поселение с ЮЗ на СВ на две части, существенно повредив около 1000 м² северной окраины памятника, из которых не менее 150 м² полностью уничтожено. В настоящее время на эскарпированной строительными работами площади стоянки начался процесс размыва, образовались стоки дождевой воды и овражки, угрожающие продолжить разрушение стоянки первобытного человека.

Предварительный осмотр эскарпированной территории и зачистка промоин и рытвин показал наличие культурного слоя мощностью 10—25 см, насыщенным археологическим материалом, залегающего под современной почвой в рыжем сортированном песке на глубине 15—40 см от поверхности. Культурный слой локально окрашен серо-бурым зольным и прокаленным розовато-красным песком. Сбор подъемного материала на нарушенной площади стоянки позволил выделить три участка концентрированного скопления артефактов: два с южной и один с северной стороны от траншеи газопровода. На них были заложены раскопы, пронумерованные соответственно: I, II и III (рис. 2). Все раскопы были вписаны в общую метровую квадратную сетку, с таким расчетом, чтобы она покрывала поврежденную территорию стоянки. Общая вскрытая площадь трех раскопов составила 29 м². В снятии балластного слоя лопатами не было необходимости, т. к. он целиком уничтожен бульдозерами, поэтому раскопы разбирались ножами и мастерками, следуя микрорельефу культурного слоя с дневной поверхности и до уровня, необходимого для установления прекращения находок; песок просеивался через частое металлическое сито с целью обнаружения мелких фрагментов и осколков.

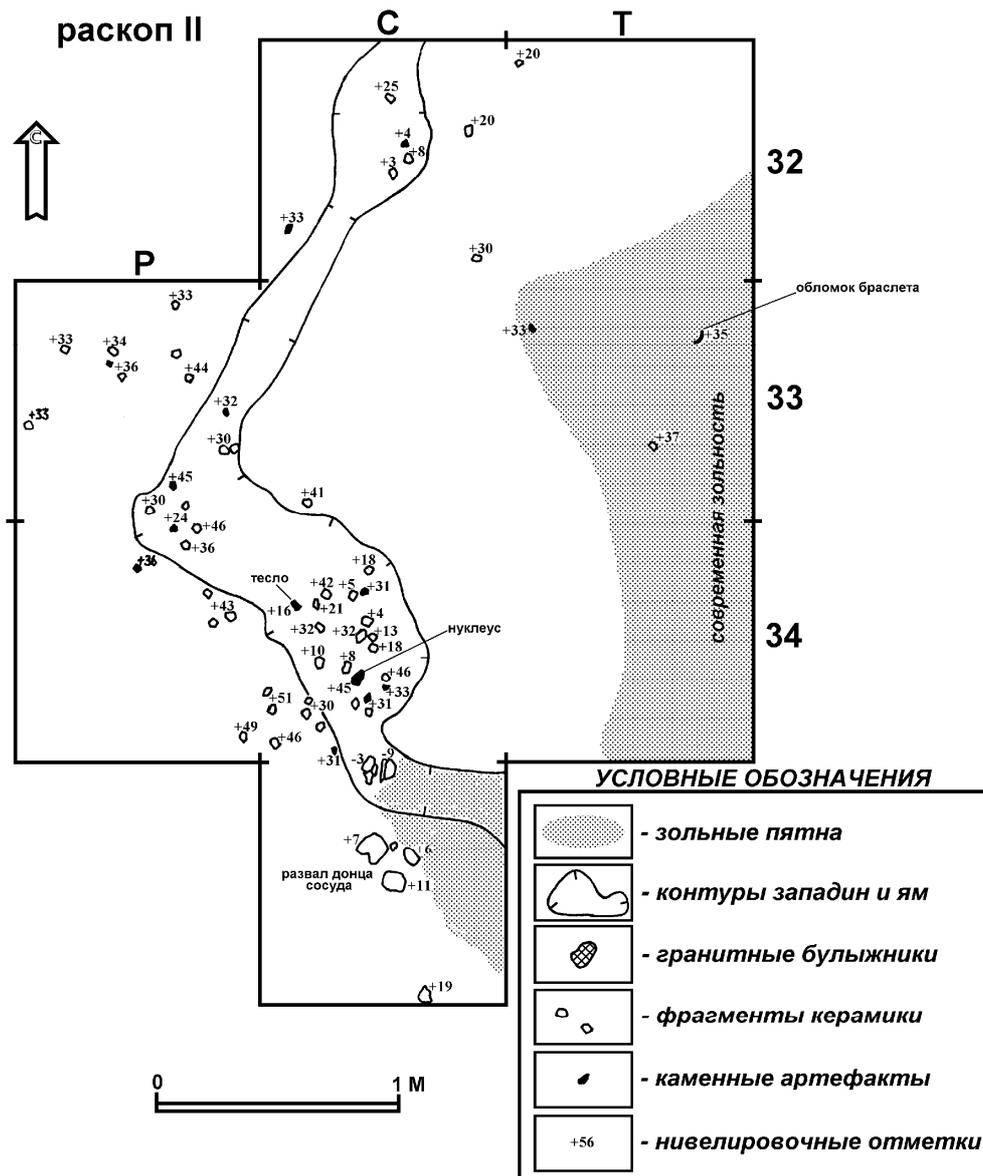


Рис. 4. План находок в раскопе II.

Раскоп I был заложен на самом высоком участке древнего поселения. На перепаханной строительной техникой песчаной поверхности было видно растащенное по склону зольное пятно и отмечено большое количество подъемных находок, в особенности керамических фрагментов. В результате локализации зоны распространения артефактов площадь раскопа составила 9 м^2 по линиям квадратов З—И—К—Л-33, Ж—З—И—К—Л-34 (рис. 3). Крайние западные квадраты З-33—34 и Ж-34, примыкавшие непосредственно к отвалам траншеи газопровода и потому наиболее пострадавшие не содержали находок *in situ*. С них происходит несколько мелких фрагментов керамики. Центральная часть раскопа I сохранилась лучше. Здесь была расчищена узкая ложбина неправильной формы, вытянутая по линии ЮЗ-СВ, глубиной 0,2 м. Заполнение ложбины составлял зольный серо-бурый песок. То обстоятельство, что на дне ложбины находки отсутствовали и то, что она ориентирована по склону, позволяет считать ее промоиной природного происхождения. Заполнение промоины происходит из разрушенного очага, остатки которого были расчищены на кв. И-33—34. Максимальная прослеженная мощность очага составляла 0,3 м. Сверху он очерчивался в виде бурого пятна размерами 0,6 x 0,7 м, на поверхности которого лежало несколько фрагментов керамики и кварцевый отщеп. В основании

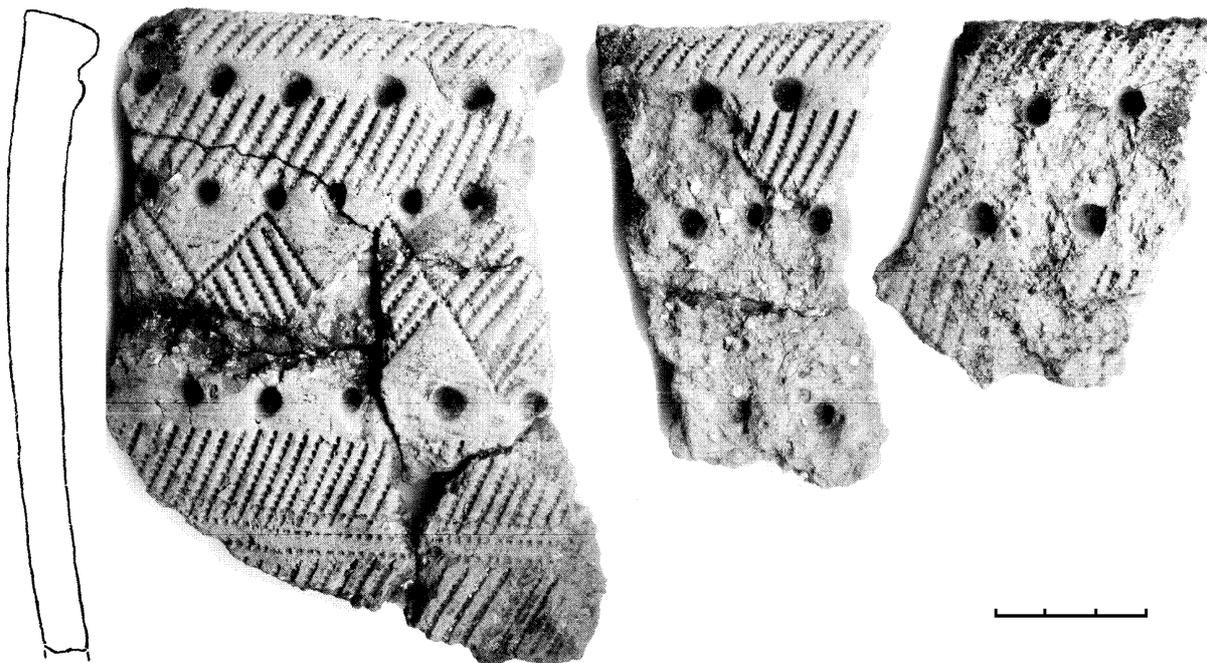


Рис. 5. Раскоп II. Реставрированные фрагменты стенок сосудов с кв. С-34.

очага было обнаружено углубление неправильной формы размерами 1 x 0,8 м, в зольно-углистом заполнении которого остатки полукольцевой выкладки из 16 выкрошившихся от огня гранитных валунчиков (рис. 3). К востоку от очага на кв. К-33—34 находки залегали разреженно и почти на одном уровне. Крайние квадраты Л-33—34 оказались абсолютно пустыми, т.к. разрушены гусеничной колеей. Из раскопа I происходит 100 фрагментов керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией и 16 каменных артефактов (три обломка, три осколка, один отщеп, пять чешуек, одна микропластинка с ретушью, один ретушированный отщеп, два скребка), из которых три кварцевых, 12 кремневых и один сланцевый.

Раскоп II был разбит в 4 м к востоку от раскопа I, через проселочную дорогу, проложенную бульдозерами (рис. 4). Его общая площадь составила тоже 9 м². Западная часть раскопа повреждена второй колеей, но на кв. Р-33 частично сохранились находки в горизонтальном залегании. В центральной части раскопа расчищена западина неправильной серповидной формы. Ориентация ложбины в целом аналогична промоине в раскопе I, однако заполнение и характер залегания сильно отличается. Так, заполнение ложбины в раскопе II преимущественно составлял гумусированный рыжевато-бурый песок. На кв. С-32 и С-34 в пределах ложбины прослежены аморфные ямы глубиной до 0,35 м. Размеры ям можно определить лишь приблизительно: на кв. С-32 яма имела размеры 0,2 x 0,35 м, на кв. С-34 — 0,55 x 1 м. В последней яме отмечена плотная концентрация находок, среди которых выделяются крупные фрагменты стенок сосудов (рис. 5). Из этой ямы на кв. С-34 происходит обломок песчаникового абразива и миниатюрное сланцевое шлифованное тесло (рис. 6, 1—2). В восточных стенках обеих ям прослежены ходы норных животных с зольным заполнением. Характер ям, которые вероятно были прорезаны промоиной, не позволяет определенно судить об их происхождении. Они в равной мере могут быть вырыты человеком или норными животными. Следует отметить, что сохранность находок в заполнении ям значительно лучше, чем на остальной площади раскопа. Из ямы на кв. С-34 происходит скопление мелких кальцинированных обломков костей. В восточной части раскопа II находки единичны. Большая часть восточной стенки раскопа оказалась в зоне строительного отвала и заполнена остатками мощного современного кострища с большим количеством обугленного дерева и битого стекла (рис. 4). С этого участка происходит несколько разреженных находок, в том числе обломок сланцевого шлифованного кольца-браслета (рис. 6, 3).

Самым незначительно потревоженным строительными работами участком оказался кв. С-35, на котором был расчищен развал донца круглодонного сосуда (рис. 7).

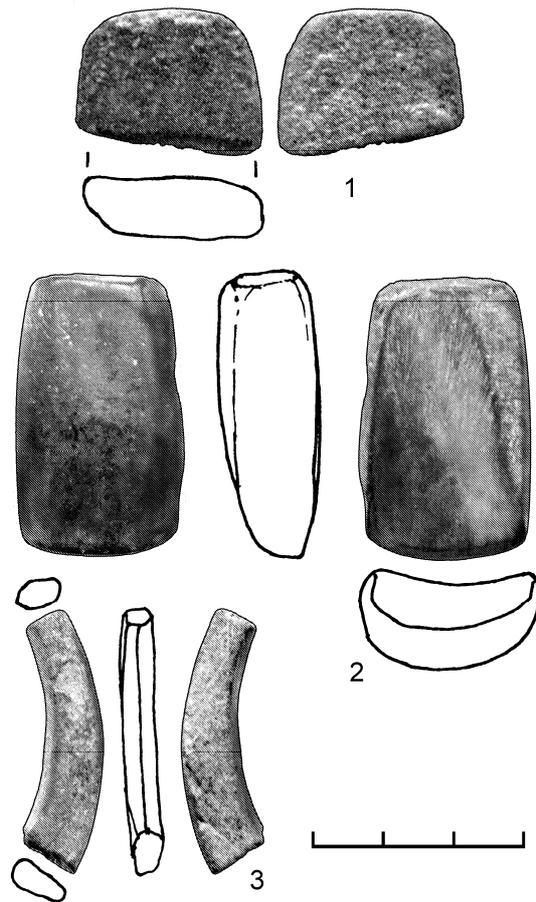


Рис. 6. Шлифованные изделия из раскопа II:
 1 — абразив (кв. С-34), песчаник; 2 — тесло (кв. С-34); 3 — обломок браслета (кв. Т-32), сланец.

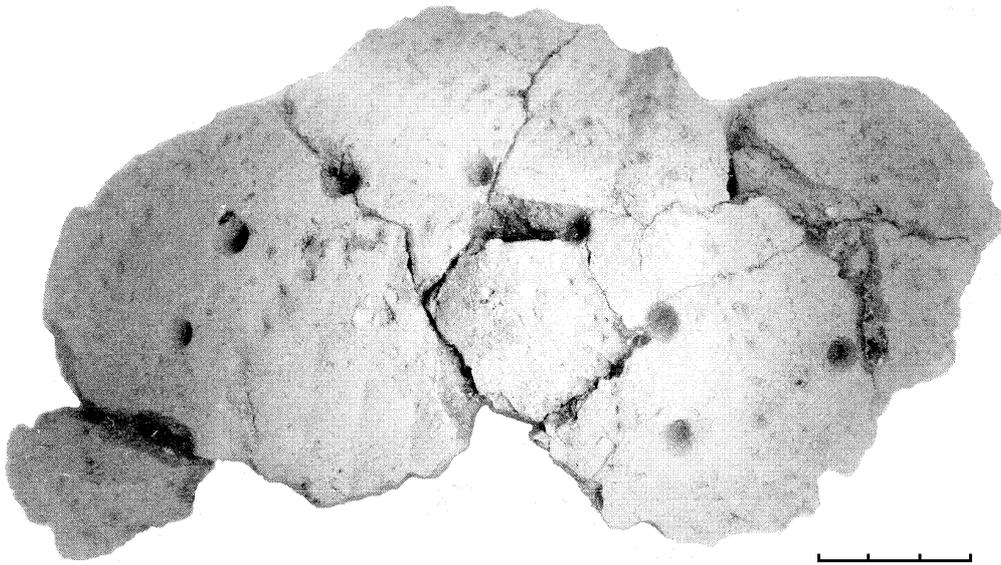


Рис. 7. Раскоп II. Донце сосуда, реставрированное из фрагментов с кв. С-34—35.

Квадрат, прирезанный в сторону опушки леса, был углублен после окончания зачистки и дал единственную относительно полную стратиграфическую колонку из всех трех раскопов. Стратиграфическое строение отложений прослежено по наиболее полной восточной стенке кв. С-35. Номера соответствуют рис. 8:

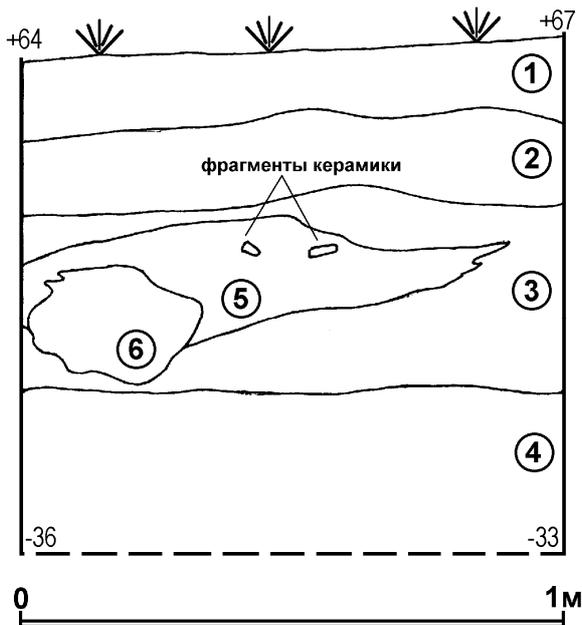


Рис. 8. Раскоп II. Стратиграфический разрез восточной стенки кв. С-35 (описание в тексте).

- 1) 0,0—0,15 м — слой строительного отвала и остатков современной подзолистой почвы, насыщенный золой и углями, битым стеклом;
- 2) 0,15—0,27 м — рыже-бурый однородный мелкозернистый оподзоленный песок, содержит мелкие угольки и артефакты;
- 3) 0,27—0,62 м — ярко-рыжий однородный крупнозернистый песок, насыщенный зернами гранитного гравия и железистыми стяжениями, по верхнему контакту содержит немногочисленный археологический материал;
- 4) 0,62—1,0 м и ниже — песок серо-бурый неоднородный крупнозернистый, слоистый, осложненный ортзандами и железистыми стяжениями;
- 5) 0,30—0,50 м — прослойка пепельно-серого мелкозернистого неоднородного песка с включениями угольков и артефактов, выклинивается по простиранию;
- 6) 0,42—0,65 м — линза гумусированного черно-бурого мелкозернистого неоднородного по составу песка (заполнение впадины), содержит золу, угли и археологический материал.

Судя по полученному разрезу, культурный слой залегает в слое 2 и в верхах слоя 3. Последний является материком.

Всего из раскопа II всего происходит 625 фрагментов керамики, все с гребенчато-ямочной орнаментацией, и 53 каменных артефакта (один скребок, один нуклеус, один абразив, один обломок браслета, одна микропластина с ретушью, один обломок, 15 осколков, два ретушированных отщепа, 9 отщепов, одно тесло, один фрагмент с ретушью, 19 чешуек). Из них 12 изготовлены из кварца, 21 — из кремня, один — из песчаника, 19 — из сланца.

Раскоп III был заложен с северной стороны от траншеи газопровода, вблизи опушки леса (рис. 9), где на месте образования молодого овражка отмечалась концентрация подъемного материала. На поверхности читался размыв зольного пятна, в пределах которого находилось скопление фрагментов керамики и несколько гранитных валунчиков. После расчистки на кв. С—Т-14—15 были вскрыты остатки наполовину разрушенного овражком и эскарпом очага (рис. 9). Очажная лунка размерами примерно 1 x 1,2 м имела, вероятно, первоначально подовальные очертания, но в результате размыва по склону приобрела грушевидную форму. Заполнение очажной лунки, мощность которой достигала 35—40 см, состояло из углисто-зольной массы и прокаленного песка. Из очага происходят крупные фрагменты одного сосуда (рис. 10). На дне очага найден покрытый нагаром развал придонной части другого сосуда (рис. 11). Кроме очага в площади раскопа III зафиксированы еще два пятна окрашенного золой песка и следы прокала (рис. 9). Небольшое пятно размерами 0,8 x 1 м было расчищено на границе кв. П-15 и Р-15. Оно почти не содержало находок. Мощность прокаленного и зольного песка составляла 3—4 см. Более крупное пятно, занимавшее весь СЗ угол раскопа и уходившее за его пределы было вскрыто на кв. П-13—14. Здесь прокаленный песок достигал мощности 7—10 см и имел цвет от черно-серого до кирпично-красного. В его пределах зафиксировано концентрированное скопление находок, в том числе развал 1—2 горшков керамики очень плохого качества (большая часть которого была просто керамическим крошевом), а также крупный кусок сланца со следами снятий. На остальной площади раскопа, сильно пострадавшей от строительных работ, находки залегали в рыжем песке мелкими разреженными скоплениями (рис. 9), не образующими какой-либо структуры. Всего в раскопе III найдено 464 фрагмента гребенчато-ямочной керамики и 13 каменных артефактов (один нуклеидный скол, один обломок, один осколок, пять отщепов, пять чешуек), из которых 9 изготовлены из кварца, три — из кремня и один — из сланца.

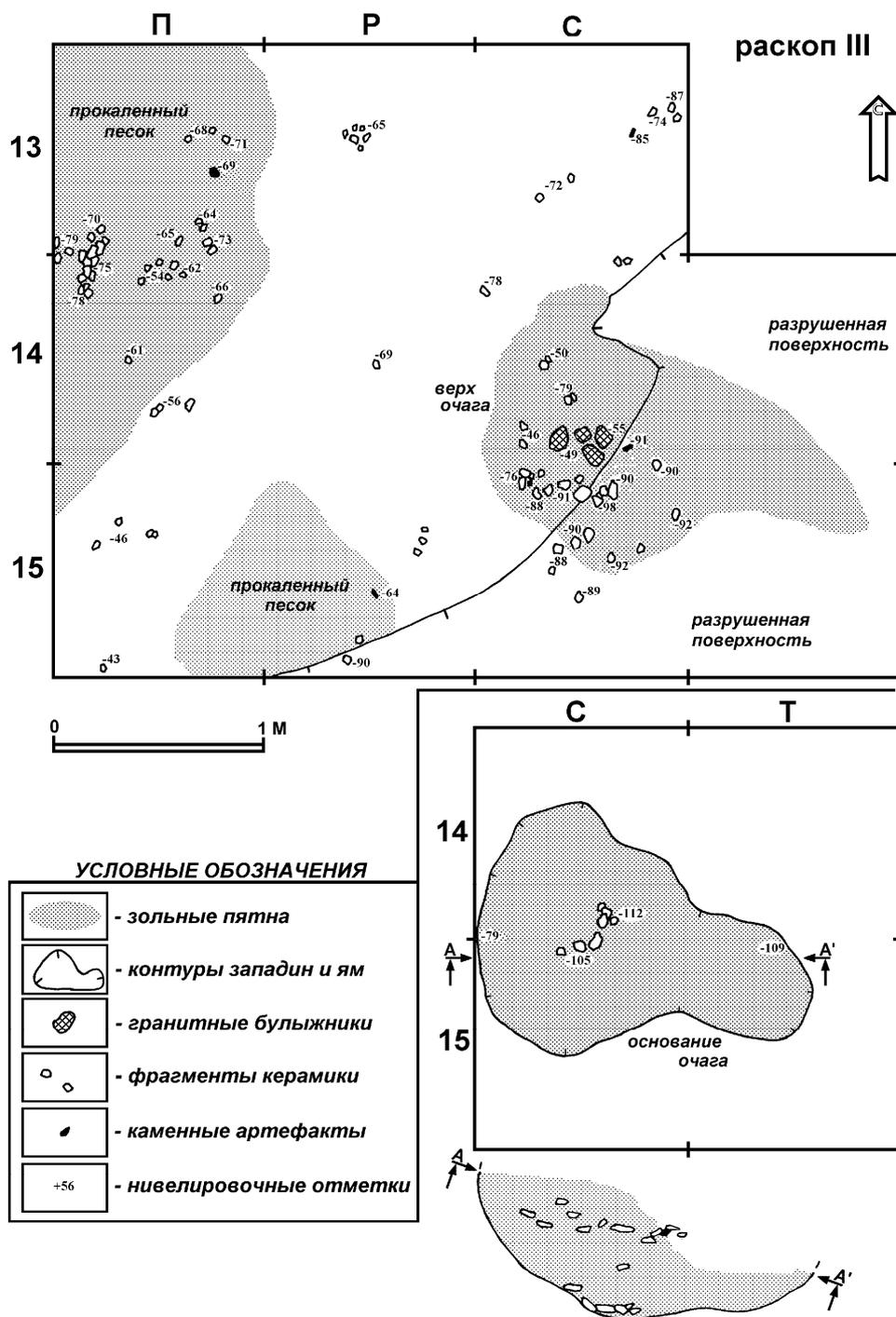


Рис. 9. План находок в раскопе III.

Таким образом, в результате раскопочных работ вскрыто, по крайней мере, две хозяйственных площадки, организующими центрами которых являлись очаги в раскопах I и III. Отсутствие сплошной вскрытой площади и, как следствие, горизонтальной стратиграфии не позволяет судить об одновременности или разновременности объектов, однако единство вещевого комплекса из раскопов, а также из подъемного материала, позволяет говорить об однослойности и культурном единстве памятника. Всего в результате полевых работ 2001 г. на стоянке получена коллекция из 1507 каменных и керамических артефактов. Каменный инвентарь (154 экз., из них 72 — подъемный материал, 84 — из раскопок) представлен изделиями из кварца, кремня и сланца. Среди предметов с вторичной обработкой выделяются три скребка на

отщепах (рис. 12, 7—8, 11), шлифованное тесло, обломок кольца и обломок абразива (рис. 6). Остальные определяемые изделия представлены аморфными сколами и обломками с ретушью. Керамика (1353 фр., из них 148 — подъемный материал, 1205 из раскопок) представлена толстостенными, отощенными песком и дресвой, слабопрофилированными фрагментами, орнаментированными гребенчатым штампом и ямками. Орнаментальные мотивы достаточно характерные — горизонтально-зональные композиции, «елочка» и свисающие треугольники и ромбы. Представлены гофрированные венчики. В редких случаях отмечены разреженные гребенчатые штампы на внутренней поверхности керамики.

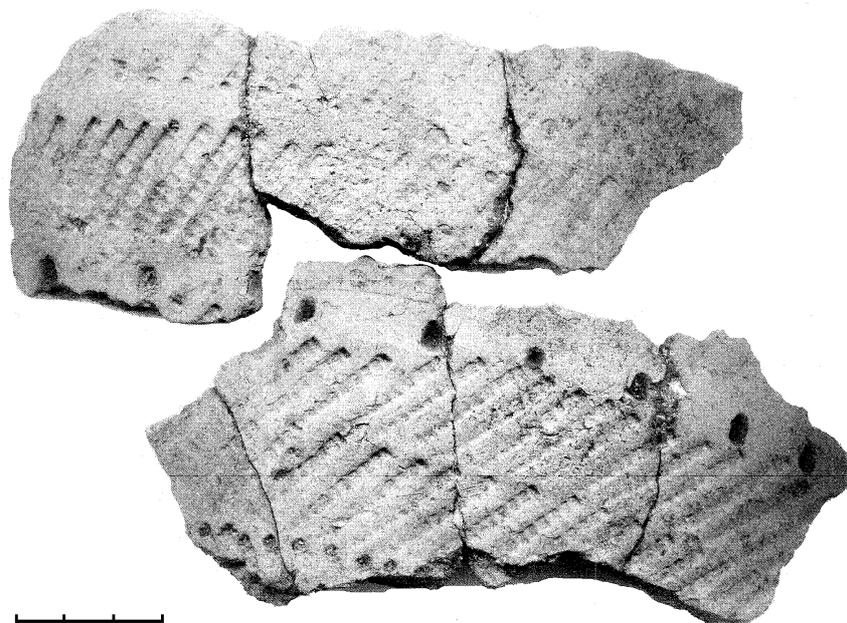


Рис. 10. Раскоп III. Реставрированные фрагменты стенок сосуда из заполнения очага на кв. С—Т-14—15.

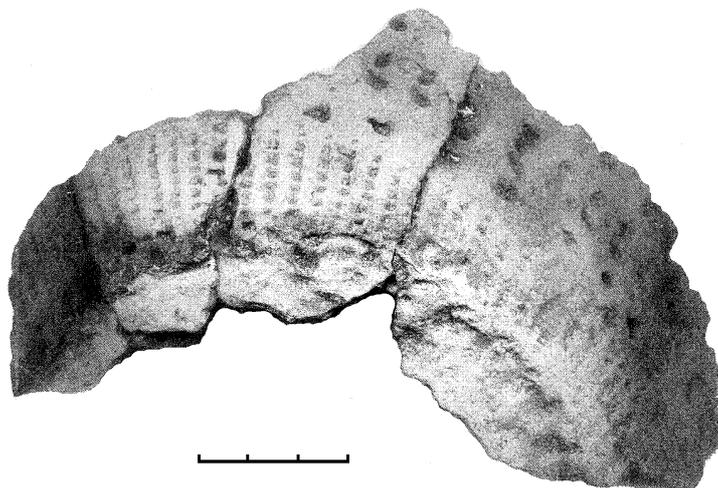


Рис. 11. Раскоп III. Реставрированная придонная часть сосуда из основания очага на кв. С—Т-14—15.

Среди фрагментов кальцинированных костей зоолог А. К. Каспаров (ИИМК РАН) определил дистальную часть задней метаподии не крупного бобра. По нагару на фрагментах керамики в радиоуглеродной лаборатории Института Радиогеохимии окружающей среды АН Украины в Киеве получена дата 4790 ± 210 (Ki-10298). Высотная отметка 15 м над уровнем моря на данном участке соответствует береговой линии на тот период (Miettinen, 2002. P. 82). Весь комплекс находок относится к культуре гребенчато-ямочной керамики. Устойчивая примесь круп-

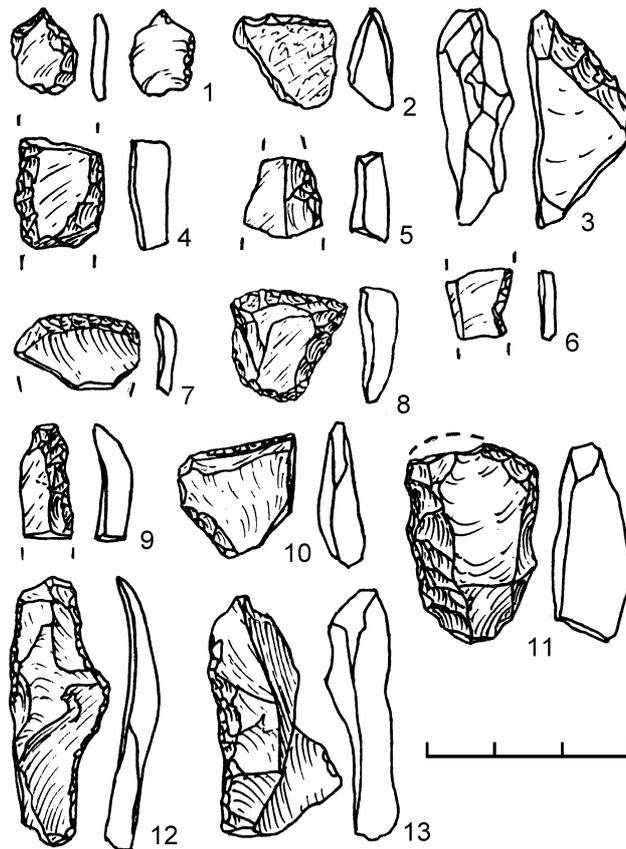


Рис. 12. Каменный инвентарь стоянки:

1—4 — подъемный материал; 5 — кв. С-32; 6 — кв. З-34; 7 — кв. Р-34; 8 — кв. Л-34; 9 — кв. Т-33; 10 — кв. Р-33; 11 — кв. И-33; 12 — кв. К-34; 13 — кв. С-34 (1, 3—13 — кремль, 2 — кварц).

ной дресвы в глиняном тесте, превосходящее господство гребенчатой орнаментации над ямочной, округлые донца и утолщенные гофрированные венчики сосудов позволяют отнести стоянку к развитому этапу культуры (Витенкова, 2002. С. 151—152).

При снятии топоплана в охранной зоне газопровода, на ненарушенном повышенном участке мыса в 30 м к ЮЗ от раскопа II, обнаружена читающаяся с поверхности западина жилища подпрямоугольной формы размерами 3 x 5 м и глубиной в центре до 35—40 см. Западина ориентирована по длинной оси с севера на юг и входом к ручью, на современный обрыв (рис. 2). При осмотре обнажения обрыва непосредственно на осыпающейся предвходовой площадке были найдены фрагменты гребенчато-ямочной керамики. Скорее всего, жилище относится к тому же культурному комплексу, что и остальные находки. Не исключено, что на окружающей территории, сильно пострадавшей при строительных работах, могут быть выявлены и другие жилые западины. Новый памятник, несомненно, представляет интерес и нуждается в дальнейших археологических исследованиях.

В 2002 г. в рамках задач грантов РФФИ, ЛНЦ и практики студентов Хельсинского университета проводилось сплошное археологическое разведочное обследование в бассейне р. Гороховка. В этом районе сконцентрировано большинство известных ранее памятников. В составе разведочной группы работали: С. Н. Астахов и С. Н. Лисицын (ИИМК РАН), Д. В. Герасимов (Кунсткамера), а также финские археологи М. Лавенто, П. Уино, К. Карпеллан и студенты-практиканты Хельсинского университета. Были осмотрены оба берега р. Гороховки от дер. Черничное на участке 11 км до устья и побережье Финского залива в пределах пос. Советский. В зону обследования вошли террасовые уровни древних водоемов в абсолютных отметках 5—25 м над уровнем моря. В результате проведенных работ, дополнительно к пяти уже известным в этом микрорайоне неолитическим стоянкам, обнаружены 9 новых памятников, относя-

щихся к эпохе каменного века — раннего металла (Лисицын, Герасимов, Карпелан и др., 2003). Таким образом, археологический ресурс данного региона относительно обнаружения памятников каменного века еще далеко не исчерпан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Витенкова И. Ф.* Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
- Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87. 1961.
- Лисицын С. Н., Мурашкин А. И.* Спасательные раскопки новой неолитической стоянки под Выборгом // АО 2001 г. М., 2002.
- Лисицын С. Н., Герасимов Д. В., Карпелан К., Лавенто М., Уино П.* Открытие новых памятников каменного века в Выборгском районе Ленинградской области. // АО 2002 г. М., 2003. В печати.
- Тимофеев В. И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб, 1993.
- Miettinen A.* Relative Sea level changes in the Eastern part of the Gulf of Finland during the last 8000 years // *Annales academiae scientiarum fennicae geologica-geographica*. Vol. 162. Helsinki, 2002.
- Huurre M.* Viipurin läänin kivikausi // *Karjalan Synty*. Jyväskylä. 2003.
- Uino P.* Viipurin läänin kivikausi // *Karjalan Synty*. Jyväskylä. 2003.

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ КАМЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ СТОЯНКИ ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА БОЛЬШОЕ ЗАВЕТНОЕ 4 НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛ.)¹

Исследования стоянки Большое Заветное 4 проводились совместными усилиями российских (Карельский неолитический отряд ИИМК РАН) и финских (Департамент Археологии Университета Хельсинки) археологов в 2002 г. (Тимофеев, Герасимов, Лисицын, Халинен, Лавенто, в печати)². Стоянка Большое Заветное 4 была обнаружена в 1999 г. в ходе Российско-Финляндского семинара. Раскопки были проведены на юго-западном берегу оз. Большое Заветное, близ пос. Заветное. В процессе раскопок разборку отложений вели по тонким условным горизонтам с учетом литологических особенностей. В ходе работ на стоянке была собрана большая коллекция материалов из разного сырья.

Для трасологического исследования была предоставлена выборка кремневых изделий — 49 экз. и четыре крупные изделия из других пород камня. Комплексная характеристика четырех крупных изделий проводилась под МБС-9, с использованием увеличений от 28 до 96 раз:

1. Крупный обломок гальки светло-розового крупнозернистого песчаника с крупными зернами кварца (№ 6594, слой 7). Длина его 11 см, ширина одного конца — 4,0 см, а противоположного — 7,5 см, толщина сечения — 4,0 см. Вся поверхность изделия грубозернистая. На одной его стороне (условно сверху) просверлено углубление диаметром 2,5 см по верхнему его краю, грань между поверхностью изделия и стенкой углубления нерезкая. Дно углубления округлое, диаметр его — 0,8 см, глубина сверления — 1,6 см. Исследование поверхности стенок углубления показало, что сверление осуществлялось каменным сверлом с добавлением песка и, вероятно, воды. В качестве сверла использовался каменный стержень или стержневидный обломок. На некоторых участках просверленного углубления прослеживается слабая сглаженность и нивелировка поверхности зерен кварца. При сравнении с общей поверхностью предмета стенки углубления имеют притертую более ровную поверхность, естественные выступы зерен снивелированы, в целом поверхность более ровная.

Рядом с углублением есть узкое углубление от удара каменным предметом. На нижней поверхности изделия можно проследить макроуглубления от ударов камня, возможно намечалось место для встречного сверления, перед которым вначале пикетажем или через каменный посредник из кварца с острым концом осуществлялось выдалбливание углубления. Это углубление в последующем рассверливалось каменным сверлом с добавлением песка, что нивелировало зерна на поверхности его стенок. Сверление углубления сверху осуществлялось на твердом предмете, так как нижняя поверхность изделия на выступающих участках имеет плотную однородную снивелированную поверхность зерен, что возможно только после длительного контакта (трения) с твердым предметом с использованием песка и воды. На боковой поверхности изделия имеется несколько углублений-выбоин, образовавшихся при пикетажной оббивке (камень о камень). Вероятно, в данном случае использовался каменный отбойник и посредник из кварца, поскольку на поверхности встречаются глубокие узкие выбоины, которые не формируются при простой оббивке каменным отбойником, так как зона контактируемых поверхностей отбойника и изделия гораздо больше по площади их касания, чем наблюдаемые углубления. При простой оббивке отбойником на поверхности каменных предметов формируются углубления — выбоинки, имеющие округлую в плане форму и скругленный профиль, а на дне этих выбоинок не бывает точечных углублений. Точечные углубления могут сформироваться только при контакте каменного предмета с острым концом и обрабатываемого изделия. С по-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 02-06-80469а).

² Выражаю благодарность В. И. Тимофееву за предоставленную возможность работы с материалами.

мощью ударной техники каменным отбойником наносится удар по предмету с острым концом в конкретной точке обрабатываемого предмета, в результате чего и формируются узкие глубокие выбоины.

2. Галька серо-розового цвета из крупнозернистого песчаника округло-овальной формы (№ 2128, слой 5). Размеры ее: длина — 9,8 см, ширина — 9,0 см, максимальная толщина сечения — 4,8 см. По всему периметру по боковой поверхности по всей толщине она оформлена пикетажем, образуя округло-овальную форму в плане и овальную форму по боковой поверхности толщины сечения. Визуально и под МБС-9 прослеживаются микроуглубления и выбоины от ударов твердого каменного предмета. На одном участке с трещиной прослеживается грубое выкрашивание микроструктуры камня от удара. Верхняя поверхность более гладкая, отчасти это естественная поверхность песчаниковой заготовки, а отчасти она образовалась от трения при сверлении гальки с добавлением песка-абразива. В таких случаях микроуглубления на самой высокой части верхней поверхности изделия снивелированы в результате длительного контакта с абразивными материалами также, как и стенки просверленного углубления, сходящиеся на конус на его дне. Возможно эта поверхность была специально шлифована абразивом из песчаника уже после сверления (?), поскольку грань поверхности изделия — стенка углубления довольно резкая. Дно углубления точечное и в сечении представляет собой верхушку конуса. Такой острый конец конуса-дна углубления может быть при сверлении прочным камнем с довольно острым концом, твердость которого должна превышать твердость обрабатываемой породы. Диаметр углубления — 3,1 x 3,2 см, глубина его — 2,4 см.

Нижняя поверхность менее гладкая, имеет микроуглубления и выбоинки на всей поверхности. Навстречу конусовидному углублению с верхней стороны начали пробивать пикетажем встречное углубление с нижней стороны. Здесь фиксируется только начало этого процесса. Глубина выбоины округлой формы — 0,5 см, диаметр ее — 2,0 x 1,8 см. Намеченное углубление слегка асимметрично верхнему.

3. Тщательно оформленная пикетажем галька с последующей шлифовкой поверхности (либо хорошо окатанная речная галька?) из светло-серого крупнозернистого кварцевого песчаника (№ 7732, слой 7). Длина ее — 15,5 см, ширина — 12,5 см, толщина сечения — 5,7 см. Поверхность ровная, гладкая, с единичными выбоинками на одном торце. Типологически это булава плоско-вытянуто-овальной формы со сквозным отверстием, выполненным встречным сверлением. Стенки отверстия гладкие, тщательно шлифованы абразивом, зерна кварца уплотнены, раздроблены, снивелированы насколько позволяет микроструктура природного минерала. Перемычка от встречного сверления хорошо рассверлена, снивелирована, шлифована абразивом. Визуально поверхность тщательно обработана, гладкая. Диаметры отверстий разные: с одной стороны — 4,0 x 3,8 см, а с другой — 3,2 x 3,2 см. Вероятно это связано с глубиной первоначального сверления с одной стороны, так как оно было просверлено на большую глубину — 3,8 см, что фиксируется по сохранившемуся небольшому выступу на сглаженной поверхности перемычки. Поскольку сама перемычка снивелирована, то глубина сверления в ту или иную сторону может колебаться до значения в 0,5 см.

4. Оббитая с одной стороны по периметру заготовка орудия со сглаженными боковыми ребрами (№ 4062, слой 6). Изготовлена на крупном отщепе мелкозернистого плотного песчаника с глинистыми (?) включениями. Боковые ребра после оббивки острые, сглажены на наиболее выступающих участках кромки (возможно от нахождения в слое?). Однако не исключено и использование данного изделия в работе по мягкому материалу (мясо, рыба, шкура). Поскольку трасологический анализ изделий из данного региона проводится впервые и пока автору не известен «фон сохранности микропризнаков» на данном материале в песчаниковых почвах, постольку сложно однозначно утверждать, что это нож для мяса. Если условия залегания в культурном слое хорошие, т.е. не было перемещения грунта, доступа грунтовых вод или перетложения материала, то данный предмет можно рассматривать как нож для обработки мяса (рыбы?). Кромки двух рабочих лезвий сильно сглажены, скруглены, но заполировка, как важный микропризнак, отсутствует. Наиболее выступающие участки кромки имеют микронеровности даже на сглаженных участках, в виду невысокой прочности данного минерала.

Характеристика сырья

На рассматриваемой стоянке Большое Заветное 4 наиболее распространенным минералом в материалах коллекции является кварц, но в данной работе он не рассматривается. Материалы исследуемой выборки включают изделия из кремня и его разновидностей (табл. 1):

1. *Кремень с гладкой однородной поверхностью*. Кремень имеет гладкую однородную структуру и различные цветовые оттенки. Всего в изученной выборке 23 экз. кремневых изделий из такого сырья, среди которых 10 экз. — серо-розового оттенка, 10 экз. — серого и три — малинового цветов.

2. *Кремень с микрозернистой поверхностью* — 5 экз., из которых один — серо-розового оттенка и четыре — серого цвета.

3. *Мелкозернистый окремненный песчаник* представлен 8 экз., из которых один — желто-розового оттенка, два — серо-розового и пять — серого цветов.

4. *Окремненный сланцевый песчаник* серо-зеленых тонов представлен 7 экз. и 1 экз. — серо-черного цвета.

5. *Грубозернистый песчаник* серо-зеленого цвета — 3 экз. и 1 экз. — темно-серо-зеленого оттенка.

6. *Крупнозернистый кварцевый песчаник* — 1 экз. темно-серого цвета.

Все изделия по их цветовой гамме, вне зависимости от качества сырья, можно объединить в группы: 1) серо-розового и малинового цветов (15 экз.); 2) серого цвета (17 экз.); 3) серо-зеленого, темно-серого и серо-черного цветов (12 экз.).

Анализируя цветовую гамму изделий, можно с уверенностью говорить о том, что данное сырье формировалось в кислой среде и содержит примесь железа — 1 группа; карбонатные или органические включения содержат изделия 2 группы, которые скорее всего были сформированы в восстановительной среде; третью группу образуют осадочные породы — песчаники и сланцы.

Технологическая характеристика материала

Все кремневые изделия рассматриваемой выборки небольших и очень мелких размеров, что, вероятно, с одной стороны связано со скудной сырьевой базой, а с другой стороны — с техникой расщепления имеющихся небольших по своим размерам кремневых или окремненных конкреций. Технологические заготовки для орудий и различные сколы на стоянке Большое Заветное 4 представлены в табл. 2. Практически все изделия данной выборки миниатюрные (38 экз.), что зависело, в первую очередь, от размеров исходного сырья, используемого при расщеплении. Размеры желваков «диктовали» стратегию расщепления, которую можно назвать техникой скола с использованием контрударных приемов расщепления на твердой основе (каменной наковальне?). Отсюда наличие в коллекции биполярных нуклеусов и негативов сколов на них чрезвычайно мелких размеров, которые можно соотносить с теми фрагментами отщепов и сколов, которые есть в коллекции. В результате использования приемов контрудара на твердой основе часто получались сколы с микрозаломами, либо происходило их фрагментирование при скалывании более или менее «крупного» скола (от 2 см и более). Короткий «жесткий» удар каменного отбойника и такой же контрудар от наковальни-основы на которой производили расщепление приводили к тому, что в процессе самого расщепления происходило фрагментирование практически всех сколов, разве что за исключением микросколов.

Однако использование мелких желваков предполагает наличие в коллекции большого количества технологических отходов и изделий с желвачной коркой. Обращает на себя внимание тот факт, что все изделия микролитовидных размеров, также как и их фрагменты и сколы, практически не содержат желвачную корку, за исключением нескольких экземпляров. Возможно это связано с тем, что собственно процесс расщепления производили за пределами стоянки или вне раскапываемой площади.

Наибольшим количеством в исследованной выборке представлен кремень — 28 экз. и 21 экз. составляют другие окремненные породы (табл. 1).

Таблица 1.

Распределение заготовок из камня по цвету, различным видам сырья и стратиграфическим слоям

Сырье /слои	Кремень однородный	Кремень микрозернистый	Окременный песок-микромелкозернистый	Окременный сланцевый песчаник	Крупнозернистый песчаник	Крупнозернистый кварцевый песчаник
А11	1 светло-серый					
2	1 серо-розовый	1 темно-серый				
3	4 серо-розового		1 желто-розовый	1 серо-зеленый	1 серо-зеленый	
	3 серого					
	1 малиновый					
4	1 серо-розовый	1 серо-розово-малиновый	1 серый	2 серо-зеленого	2 серо-зеленого	1 темно-серого
5	2 серо-розового		1 серо-розовый	2 серо-зеленого		
	3 серого		2 серый			
	2 малинового					
6		1 серый				
7	3 серого	2 грязно-серого	2 серого	2 серо-зеленого	1 темно-серо-зеленый	
			1 серо-розового	1 серо-черного		
Всего:	23 экз.	5 экз.	8 экз.	8 экз.	4 экз.	1 экз.

Таблица 2.

Распределение материалов из кремня стоянки Большое Заветное 4 по технологическим заготовкам

Технологические заготовки	Нуклеусы	Обломок нуклеуса	Скол-подправка раб-чегу лезвия	Крупные отщепы	Средние отщепы	Средние отщепы (фрагменты)	Средние отщепы (фрагменты)	Мелкие отщепы	Мелкие отщепы (фрагменты)	Мелкий пластинчатый отщеп	Мелкий пластинчатый отщеп (фрагмент)	Чешуйки	Чешуйки (фрагменты)	Микрочешуйки	Микропластинки (фрагменты)	Фрагмент плитчатого микрокола	Осколок песчаника	Сланцево-песчанниковая галька-подвеска	Всего:	
																				2
общее количество	2	1	2	1	1	5	14	6	14	1	1	3	2	3	1	3	1	1	1	49
трансологически оп-ределенные орудия			2	1	1		1	2	1						1	3		1	1	12

Таблица 3.

Распределение технологических заготовок и трасологически выделенных орудий по различным видам сырья и стратиграфическим слоям

Слой	Кремень однородный	Кремень микрозернистый	Окремненный песчаник мелкозернистый	Окремненный песчаник сланцевый песчаник	Крупнозернистый песчаник (серо-зеленый)	Крупнозернистый кварцевый песчаник
A11	обломок микропластинки — сверло для дерева					
2	мелкий отщеп, обломок	мелкий отщеп, обломок				
3	средний отщеп, обломок		мелкий отщеп — двойной скребок для шкур	окатанная галька — подвеска с нарезками	мелкий отщеп — <i>скол-подправка</i>	
	мелкий отщеп					
	мелкий отщеп с <i>пришлифовкой</i>					
	мелкий отщеп, обломок					
	мелкий отщеп, обломок дистального конца					
	чешуйка					
	чешуйка, обломок					
	микрочешуйка с <i>пришлифовкой</i>					
4	средний отщеп, обломок дистального конца		осколок мелкого отщепла	средний отщеп, обломок	средний отщеп, обломок	мелкий отщеп
				обломок плитчатого микроскопа	обломок	
5	<i>скол-подправка</i> раб. лезвия — конц. скребок для шкур	<i>скол-подправка</i> раб. лезвия — скобель для дерева	мелкий отщеп, обл. проксимального конца	мелкий отщеп, обломок		
	осколок мелкого отщепла		пластинчатый отщеп трехгранной формы	крупный сланцевый отщеп — нож для мяса		
	мелкий отщеп, обломок		осколок			
	микропластинка — нож для мяса с двумя раб. лезвиями					
	2 микропластинки, обломки — ножи для мяса					
	микрочешуйка					
	<i>битоярый нуклеус</i>					
	фрагмент <i>битоярого нуклеуса</i>					
6		мелкий отщеп — конц. скребок для дерева				
7	мелкий отщеп	мелкий отщеп, обломок — сверло для камня	подлинновидный нуклеус для контрудар.	средний отщеп — нож для мяса	мелкий отщеп	мелкий отщеп
	мелкий пластинчатый отщеп	микрочешуйка	мелкий отщеп, обломок дистального конца	мелкий отщеп, осколок		
	чешуйка		средний отщеп, обл.	чешуйка		
Всего	23 экз.	5 экз.	8 экз.	8 экз.	4 экз.	1 экз.

Трасологический анализ коллекции

Все кремневые изделия были изучены под микроскопом МБС-9 и «Olympus» с использованием увеличений от 50 до 500 раз. В результате проведенного исследования было выявлено 12 орудий, два из них имеют по два рабочих лезвия. В таблице 3 показаны данные по распределению всех изделий изученной выборки по различным видам сырья и по слоям, по которым велась фиксация материалов стоянки в процессе раскопок. Так, шесть орудий зафиксировано на гладком однородном кремне, три — на микрозернистом кремне, одно — на окремненном мелкозернистом песчанике и еще три — на окремненном сланцевом песчанике.

Распределение орудий по функциям и обрабатываемому сырью приведено в таблице 4, где учтено общее количество рабочих лезвий. Поскольку один скребок и один нож для мяса имеют по два рабочих лезвия, то общее количество орудий здесь увеличивается на две единицы — 14 экз. (с учетом второго рабочего лезвия).

Скребки. Типологически выделено 2 экз., трасологически — 3 экз., на которых зафиксировано 4 рабочих лезвия. Типологически выделенные скребки подтверждены в использовании их в функции скобления и добавлен 1 экз. на фрагменте скола-подправки рабочего лезвия микроскребка (табл. 3—5; рис. 1, 1, 4).

Заготовки. В качестве заготовок для орудий данной функции были использованы мелкие отщепы и фрагмент скола-подправки.

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочие лезвия расположены на дистальных концах заготовок. Одно орудие имеет два рабочих лезвия, на дистальном и проксимальном концах. Рабочие лезвия представляют собой слабо овальную, равномерно скругленную с двух боковых граней форму. Орудия на отщепах имеют высокую спинку. Ширина рабочего лезвия составляет 1,4—1,5 см. Высота скругленного сегмента формы рабочего лезвия не превышает 0,3 см.

Ретушь. Рабочие лезвия орудий данной категории оформлены со стороны спинки крутой плоской ретушью под углом 75—85°. Длина отдельных фасеток достигает 0,5—0,7 см. Часть рабочего лезвия одного орудия после неоднократных подправок имеет многоярусную плоскую ретушь. Фасетки наносились оббивкой дистального конца отщепов отбойником из «мягких» пород камня (песчаник, сланец), либо роговым отбойником со стороны брюшка, а в одном случае — со стороны спинки.

Микроследы. На рабочем лезвии *скребка для работы по дереву* — прослеживается яркая заполировка, которая при большом увеличении «рассеивается» и выглядит в виде тонких поперечных линий (рис. 3, 2). Кромка на сработанном участке имеет плоско-арочный профиль. Именно плоскость кромки в профиль (при наблюдении под микроскопом) позволяет предполагать, что орудие использовалось длительное время в работе по твердой поверхности. Есть хорошо выраженная линейная направленность заполировки и линейные микроследы, расположенные поперечно линии кромки.

Скребки для работы по шкуре имеют заполировку по всей линии кромки рабочего лезвия, включая выемки от фасеток и прослеживается на всех выступающих участках сглаженной кромки. При увеличении в 200 раз можно проследить линейную направленность заполировки, выраженную в виде тонких полосок заполировки на микрорельефе кромки, направленных поперечно линии кромки. Чем больше увеличение, тем выразительнее микроструктура и зернистость окремненного песчаника у двойного скребка и, наоборот, при небольшом увеличении в 56 при исследовании под МБС-9, заполировка выглядит в виде сплошной яркой поверхности по всей кромке (рис. 8, 1, 2).

Таблица 4.

Распределение трасологически выделенных орудий по функциям и обрабатываемому сырью (с учетом всех рабочих лезвий орудий)

Скребок		Скобель	Сверло		Нож	Изделия	Всего:
шкура	дерево	дерево	дерево	камень	мясо	камень	
3	1	1	1	1	6	1	14

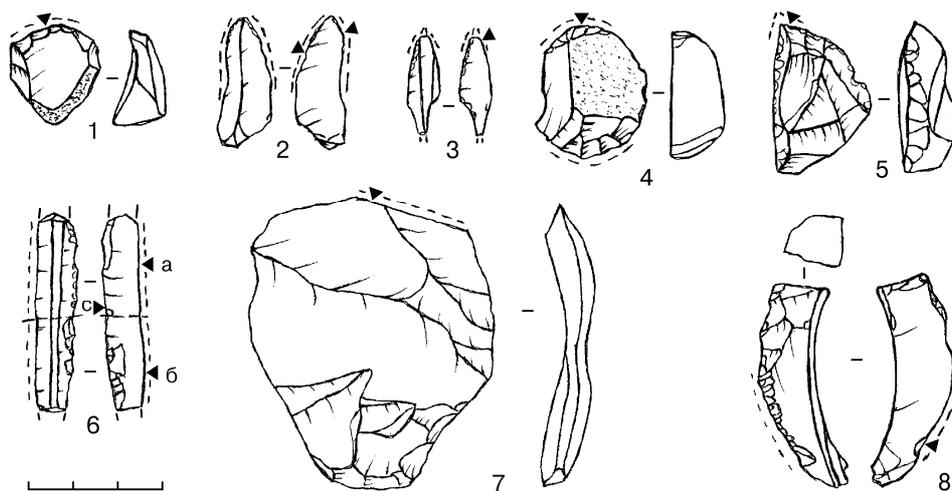


Рис. 1. Большое Заветное 4, кремневые орудия (1 — слой 6; 2, 6—8 — слой 5; 3 — слой A11; 4 — слой 3; 5 — слой 7): 1 — концевой скребок для дерева № 4090); 2 — нож для мяса с двумя рабочими лезвиями (№ 8568); 3 — сверло для дерева (№ 5769); 4 — концевой скребок для шкур с двумя рабочими лезвиями (№ 315); 5 — сверло для камня (№ 5443); 6а, 6б, 7 — ножи для мяса (№№ 3296а, 3297а, 5849); 8 — скобель для дерева (№ 8739). Тоновый треугольник указывает на участок с микроследами, представленный на фотографиях; пунктиром показано рабочее лезвие.

Скобель. Трасологически выделен 1 экз. (табл. 3; 4; рис. 1, 8).

Заготовки. В качестве заготовки использовался средний отщеп из мелкозернистого кремня, который был получен при подправке рабочего лезвия более крупного орудия. Длина данной заготовки по ее продольной оси — 3,8 см, ширина — до 1,0 см.

Форма и расположение рабочего лезвия. Данный скол имеет трехгранное сечение. Рабочее лезвие расположено на слабо скругленном в плане боковом ребре с углом схождения боковых граней в 60° .

Ретушь. Рабочее лезвие оформлено крутой плоской многоярусной ретушью со стороны спинки по всей длине.

Микроследы. В процессе использования орудия на кромке рабочего лезвия сформировались многочисленные микрозаломы и микровыщербинки на наиболее выступающих участках. Заполировка яркая, не сплошная по всей длине кромки рабочего лезвия. Наибольшая площадь ее распространения наблюдается на выступающих межфасеточных ребрах. Микроструктура сырья орудия зернистая, что не позволяет фиксировать заполировку как сплошной слой (рис. 6, 1, 2). Она как бы «рассеивается» при большом увеличении и фиксируется на отдельных выступающих микроучастках сглаженной кромки при исследовании ее под металлографическим микроскопом в отраженном свете. При изучении орудия под МБС-9 (при «косом» освещении) заполировка фиксируется по всей кромке на сглаженных выступающих участках рабочего лезвия.

Сверла. Трасологически выделено 2 экз. (табл. 3—5; рис. 1, 3, 5), причем один из них типологически может быть определен как двойной микрорезец.

Заготовки. В качестве заготовок для орудий были использованы 1 обломок дистального конца микропластинки и 1 обломок мелкого отщепа. Обломок микропластинки имеет длину 1,7 см, ширину — 0,5 см, толщину сечения — 0,15 см. Величина углов схождения боковых граней ее равна 30° и 35° соответственно. Длина обломка мелкого отщепа по его продольной оси составляет 2,5 см, ширина — 1,5—1,8 см.

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочий конец сверла для камня расположен на остром трехгранном конце обломка мелкого отщепа. Диаметр рабочего конца составляет 1,2 см, глубина просверливаемого отверстия не превышала 1,0 см.

Рабочий конец сверла для дерева расположен на дистальном конце фрагмента микропластинки. Диаметр рабочего острия составляет 0,15 см, глубина просверливаемого отверстия не превышала 0,8 см.

Ретушь. Рабочий конец сверла для камня оформлен с брющка мелкой плоской нерегулярной ретушью в плоскости брющка. Ребро на спинке отщепа сильно сглажено и заполировано. Боковые ребра со стороны спинки имеют плоскую ретушь в плоскости боковых граней, а с вентральной стороны в плоскости брющка. Кромка рабочего лезвия слабоволнистая с микрорезцами, верхушки которых сглажены и заполированы.

Рабочий конец сверла для дерева имеет характерный поперечный облом кончика остря и крутую противоположащую ретушь. Она расположена по левому боковому ребру со спинки и такая же ретушь (или немного пологая) по правому боковому ребру со стороны брющка. Микроретушь сформировалась на рабочем конце орудия по его боковым ребрам в процессе использования. Противоположный конец фрагмента микропластинки оформлен двумя микрорезцовыми сколами. Возможно так оформляли конец орудия для его крепления в рукояти. Этот конец оформлен в виде острого «черешка» для вправления орудия в углубление рукояти. Длина выделенного «черешка» составляет 0,6 см, а ширина — 0,15 см.

Микроследы. На боковых гранях рабочего конца сверла для камня можно проследить сильную «затертость» и слабую шлифовку выступающих зубчиков кромки, многочисленные микрорезы и выкрошенность. Наиболее сработанные выступающие участки кромки имеют микрорезы, плоскую заполировку и микроцарапки на ее микрорельефе (рис. 7, 1).

Рабочий конец сверла для дерева имеет многочисленные микрорезы и сглаженность межфасеточных ребер кромки. Наиболее сработанные участки кромки скруглены, слабо заполированы (рис. 7, 2).

Ножи для мяса. Типологически выделено 2 экз., трасологически — 6 экз. (табл. 3—5; рис. 1, 2, *ба, бб, 7*). Типологически выделенные ножи были подтверждены при их трасологическом исследовании. Однако следует отметить, что рабочими лезвиями служили боковые ребра без визуальной наблюдаемой ретуши. Типологически выделенная проковка после трасологического исследования была определена как нож для мяса.

Заготовки. В качестве заготовок для орудий были использованы: 1) целая микропластинка с треугольным поперечным сечением. Длина ее — 1,8 см, максимальная ширина — 0,8 см, толщина сечения составляет 0,15 см, а величина углов схождения боковых граней — 25° и 15° соответственно. На ее проксимальном конце прослеживается ярко выраженная «губа» и отсутствует изъяснец на поверхности ударного бугорка, следовательно данная заготовка была получена при помощи рогового отбойника. 2) Два фрагмента микропластинок, которые можно реконструировать в одну длинную медиальную часть микропластинки с трапециевидным сечением и общей длиной обоих фрагментов 3,4 см (1,6 см и 1,8 см). Ширина их составляет 0,7 см, толщина сечения — 0,25 см, величина углов схождения боковых граней — 40° и 30°. 3) Крупный сланцевый отщеп длиной 5,0 см и шириной 4,2 см. 4) Средний сланцевый отщеп длиной 4,3 см и шириной 3,4 см.

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочие лезвия на микропластинке расположены на двух боковых ребрах. На двух фрагментах микропластинки рабочее лезвие расположено по одному правому боковому ребру со стороны спинки с величиной угла 30°. Возможно эта микропластинка была намеренно обломана, но нельзя исключить того, что она первоначально использовалась целиком, а разломалась уже в процессе работы ею. Рабочее лезвие у крупного сланцевого отщепа расположено на его дистальном конце, а у среднего отщепа — по левому боковому ребру.

Ретушь. На микропластинке с треугольным поперечным сечением прослеживается довольно регулярная плоская микроретушь со стороны спинки по правому боковому ребру до верхушки. Кончик обломан и скруглен ретушью. На левом боковом ребре наблюдаются единичные фасетки полукруглой формы.

На двух фрагментах микропластинки с трапециевидным сечением на рабочем лезвии нет визуальной наблюдаемой ретуши, и наоборот, на втором левом боковом ребре (нерабочем) по всей длине микропластинки прослеживается нерегулярная единичная крутая и плоская ретушь со спинки. С брющка на этом же ребре можно отметить микрорезцовый скол в плоскости брющка на нижнем конце вдоль бокового ребра. Длина микрорезцового скола — 0,8 см. Также можно отметить единичные плоские фасетки и две крупные плоские фасетки на верхнем конце

этого бокового ребра (ширина их вдоль ребра — 1,2 см). Возможно оформляя ретушью данное боковое ребро обоих фрагментов микропластинки добивались более «жесткой» фиксации орудия в оправе, в которую его вставляли, т. к. оба конца этого бокового ребра подправлены плоской ретушью (две крупные фасетки вверху и один микрорезцовый скол в плоскости внизу).

Микроследы. На микропластинке на двух рабочих лезвиях имеются микрозубчики по всей длине кромки, наиболее сработанные из них имеют «жирную» заполировку и сильно сглаженную кромку по всей ее длине, иногда на отдельных участках (рис. 2, 1; 3, 1).

Кремневые орудия на фрагментах микропластинок имеют сглаженную заполированную кромку рабочего лезвия по всей ее длине с единичными полулунными выломами и плоскими микрофасетками по всей длине кромки. На верхней половине рабочего лезвия микроретушь почти регулярная на линии кромки со стороны спинки (рис. 4, 1, 2). Помимо микроследов от работы по мясу, на углу одного фрагмента микропластинки прослежены отчетливая затертость в виде микровыкрашивания выступающего участка, который непосредственно соприкасался с рукоятью, и заполировка, сформировавшаяся от трения в роговой или костяной рукояти в процессе работы орудием (рис. 1, бс; 5, 1, 2).

На крупном сланцевом отщепе рабочее лезвие ровное, гладкое, заполировано. Кромка сглажена по всей его длине равномерно, микрозаломов на ней нет (рис. 2, 2).

На среднем сланцевом отщепе рабочее лезвие по всей длине сглажено, имеет микроретушь с двух сторон кромки. Микроретушь нерегулярная, плоская с микрозаломами на проксимальном конце отщепа. Можно отметить слабую тусклую заполировку всех выступающих участков кромки. Кромка по всей ее длине до ретуши ровная, гладкая, слабо заполирована.

Подвеска изготовлена на мелком, хорошо окатанном и заполированном фрагменте из окремненного сланцевого песчаника с двумя полулунными выемками-выломами в нижней ее части на боковых ребрах изделия. На верхних и нижних участках боковых ребер прослеживаются сохранившиеся участки предварительной пришлифовки, с последующей их заполировкой. На верхней половине изделия боковыми надпилами с 2-х сторон по бокам выделена «головка», причем с тыльной стороны встречные боковые надпилы встречаются, образуя неровное углубление. Таким образом подготовлены участки для крепления-привязывания изделия в виде подвески-амулета.

По итогам трасологического анализа предложенной выборки изделий и выделенных орудий можно сделать некоторые наблюдения, которые помогут лучше понять микроструктуру поверхности рабочих лезвий и формирующихся на них микропризнаков. Так, выделенные пять групп сырья имеют свою специфическую микроструктуру поверхности, на которой по разному сохраняется комплекс микропризнаков изнашивания поверхности рабочих лезвий орудий, что наблюдается при их фиксации при увеличении от 50 и более раз.

Однородный кремль дает наиболее выраженный комплекс микропризнаков, традиционно связываемых с обработкой мяса, шкур, дерева. Здесь можно отметить и выраженную сглаженность кромки, и ее заполировку, которую по микрофотографиям можно соотносить с обрабатываемым сырьем. Однако условия неглубокого залегания в песчаной почве обнаруженных орудий, позволяют предполагать, что во время нахождения их в культурном слое они были подвержены длительному воздействию почвенных вод, что в свою очередь отразилось на степени сохранности заполировки, которая не имеет сплошного слоя, а сохраняется только на микроучастках кромки.

Микрозернистый кремль. Такая микроструктура кремня практически исключает формирование на поверхности рабочих лезвий орудий сплошного слоя гелеобразной заполировки. Можно проследить только слабую заполировку, так называемую коллоидного типа (Поплевко, 1999), которая при большом увеличении в отраженном свете «рассеивается», фиксируясь как бы микрозаполированными участками на микрозернистой структуре, не образуя сплошных пятен. Зернистый микрорельеф поверхности не позволяет отчетливо зафиксировать ее при большом увеличении.

Это же характерно и для орудий из *окремненного мелкозернистого* и *окремненного сланцевого песчаников*, с той лишь разницей, что твердость этих пород соответствует примерно 4—4,5 единицам по шкале Мооса и они менее устойчивы к физическим нагрузкам, и, поэтому, кромки рабочих лезвий у них подвержены большему разрушению в процессе работы по твер-

дому материалу и быстрому сглаживанию рабочего лезвия при работе по мясу и шкуре. Малейшее воздействие кислотной среды может полностью уничтожить заполированные участки на их поверхности, так как данный минерал химически довольно активен и быстро вступает в реакцию, оставляя микрорельеф рабочего лезвия без участков заполировки. Эти наблюдения сделаны автором в результате проводимых экспериментов по степени сохранности заполировки на орудиях из разного сырья.

По итогам комплексного технологического и трасологического анализов материалов коллекции можно сделать вывод о том, что на данном памятнике при расщеплении кремня и других окремненных пород использовали каменный отбойник из «мягких» пород камня (песчаник, сланец), в единичных случаях можно проследить наличие микропризнаков, которые можно связать с использованием рогового отбойника. Детальный комплексный подход к исследованию материалов данной стоянки позволяет реконструировать использование приема удар-контрудар при расщеплении кремня. Эта техника скола использовалась как при расщеплении кремня, так и окремненных пород камня, так как небольшие размеры сколов и их фрагментация прослеживаются по всем видам исследованного сырья стоянки. Подтверждением этого положения может служить наличие в коллекции одного целого биполярного нуклеуса и одного обломка такого же нуклеуса, а также большая фрагментация сколов и их микроразмеры. Размеры нуклеусов не превышают в длину — 3 см, в ширину — 1,8 см, толщину — 1,2 см. В двух случаях на проксимальных концах сколов зафиксировано использование технического приема подправки края ударной площадки в виде пришлифовки (табл. 3).

Комплексный анализ орудий должен включать не только результаты исследования каменных изделий с помощью типологического, трасологического и технологического методов, но и обязательно содержать *корреляцию* данных, полученных каждым из этих методов (Поплевко, 2000). Соотношение данных этих методов анализа кремневого материала показывает совпадение или расхождение в определении функции при одновременном анализе двумя методами одного и того же изделия. На исследуемых материалах наблюдается совпадение в определении функции у двух скребков (без определения обрабатываемого материала) и двух вкладышей ножей, а также подвески (табл. 5). В остальных семи случаях есть существенные расхождения. Корреляция данных всех методов делает анализ материала, во-первых, гораздо более объективным и точным, и, во-вторых, помогает более полному и глубокому осмыслению исследуемых источников и построению реконструкций хозяйственной деятельности. Так типологически определяемая проколка была использована в качестве ножа в функции резания по мясу (имеет два рабочих лезвия), а не в функции прокалывания. Двойной микрорезец был определен как сверло для дерева, причем в работе использовался противоположный резцу конец, а оформление резцовыми сколами, вероятно, было сделано для крепления орудия в рукояти (табл. 5). У ножей на микропластинках рабочими лезвиями были боковые ребра без визуальной наблюдаемой ретуши, а боковые ребра с намеренно нанесенной ретушью крепились в оправе орудия (скорее всего рогового). Подтверждением этому предположению служат микроследы в виде пятен заполировки и выкрошенности на углу орудия и на крае одного ребра микрофасетки ретуши, расположенной на углу микропластинки. Такие микроследы формируются в результате трения орудия в роговой оправе (рис. 5, 1, 2).

Дальнейшие комплексные исследования материалов из выше указанного региона помогут выявить некоторые технические приемы и традиции, которые использовали как для оформления орудий так и для крепления их в оправе, не говоря уже об определении полного хозяйственного набора орудий. На основе полученных данных можно будет реконструировать хозяйственную деятельность как на данном памятнике, так и на других.

Таблица 5.

Соотношение данных типологического, трасологического и технологического анализов на материалах мезолитической стоянки Большое Заветное 4 (свод-каталог)

№	типологически выделенные орудия	трасологические орудия: функция/обработ. сырье (два рабочих лезвия)	технологические заготовки	ретушь оформления рабочего лезвия
1.	овальный двойной концевой скребок	скобление/шкура (два рабочих лезвия)	мелкий отщеп с желвачной коркой	крутая плоская ретушь с микрозаломами со спинки
2.	подвеска	нарезки для привязывания	окатанная сланцево-песчаниковая галька	намеренно сделаны надпилы каменными орудиями
3.	вкладыш ножа	резание/мясо	обломок микропластинки	плоские единичные фасетки с брюшка не на рабочем лезвии
4.	вкладыш ножа	резание/мясо	обломок микропластинки	крутая ретушь со спинки и единичные плоские фасетки с брюшка не на рабочем лезвии
5.	проколка	резание/мясо (два рабочих лезвия)	микропластинка	плоская единичная микроретушь на самой кромке
6.	крупный подпрямоугольный отщеп	резание/мясо	крупный сланцевый отщеп	без ретуши оформления, на одном участке рабочего конца есть единичные фасетки
7.	средний отщеп	резание/мясо	средний сланцевый отщеп	без ретуши оформления
8.	фрагмент мелкого отщеп с ретушью	скобление/шкура	скол-подправка рабочего лезвия	крутая микроретушь оформления с микрозаломами
9.	концевой скребок	скобление/дерево	мелкий отщеп	крутая плоская ретушь в 1—2 яруса, микрозалома по кромке
10.	двойной микрорезец	сверление/дерево	обломок микропластинки	микроретушь крутая, противолежащая на одном боковом ребре с двух сторон
11.	фрагмент мелкого отщеп с ретушью	сверление/камень	обломок мелкого отщеп	плоская нерегулярная ретушь с микрозаломами по трем граням
12.	средний отщеп	скобление/дерево (скобель)	скол-подправка рабочего лезвия с ретушью	крупная пологая ретушь со спинки по всей длине кромки

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Поплевко Г. Н. Причины и механизм формирования заполировки на древних орудиях // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии: Первые Семеновские чтения. СПб, 1999.

Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий и реконструкция древнего хозяйства поселений: (На материалах энеолитического поселения Константиновское) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2000.

Тимофеев В. И., Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Халинен П., Лавенто М. Исследование поселений каменного века на оз. Большое Заветное // АО 2002 г. М., 2003. В печати.

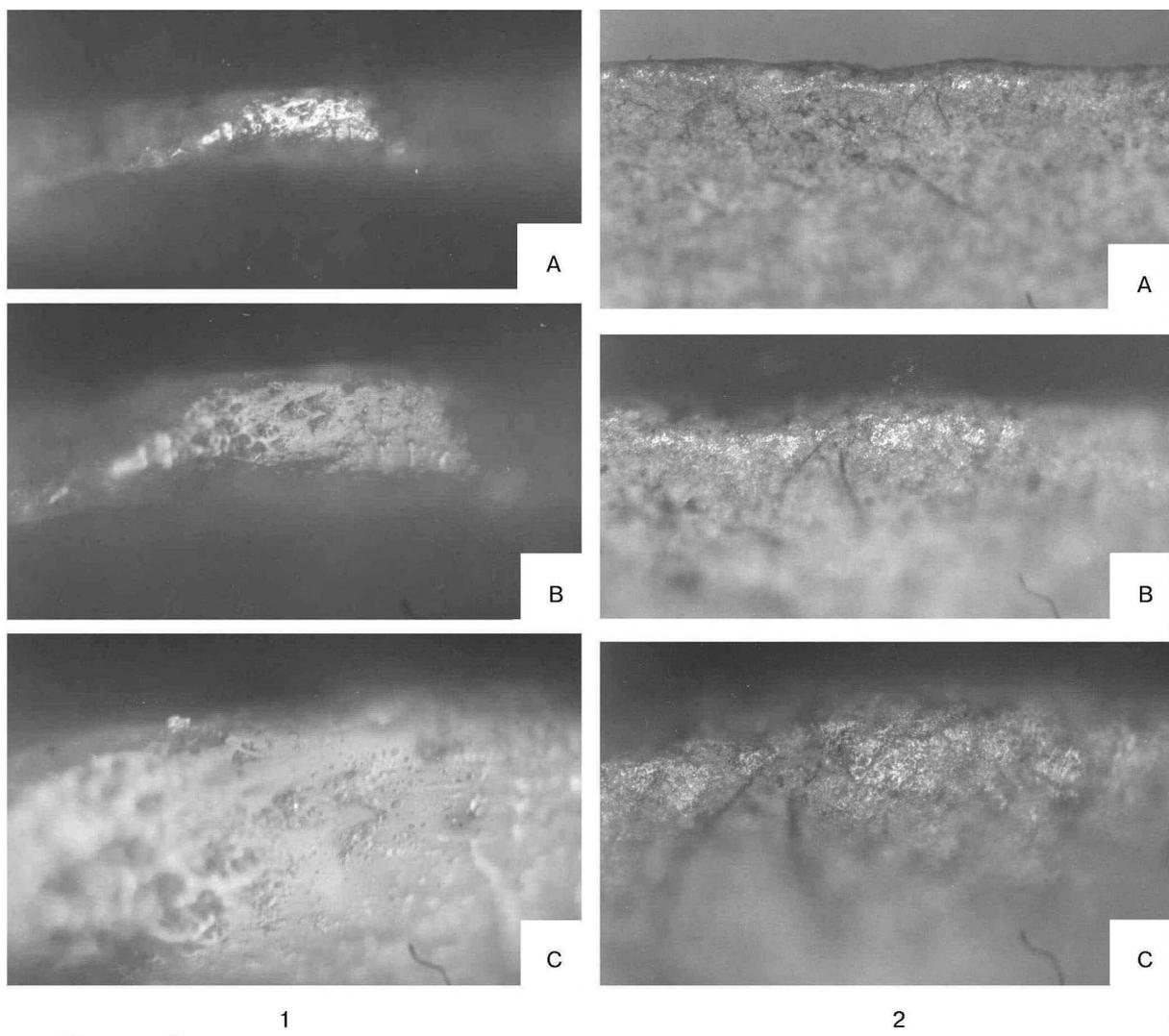


Рис. 2. Стоянка Большое Заветное 4, слой 5, ножи для мяса:
1 — № 8568, кромка рабочего лезвия по левому боковому ребру — вид в плане;
2 — № 5849 — вид с брюшка на кромку рабочего лезвия в центре.

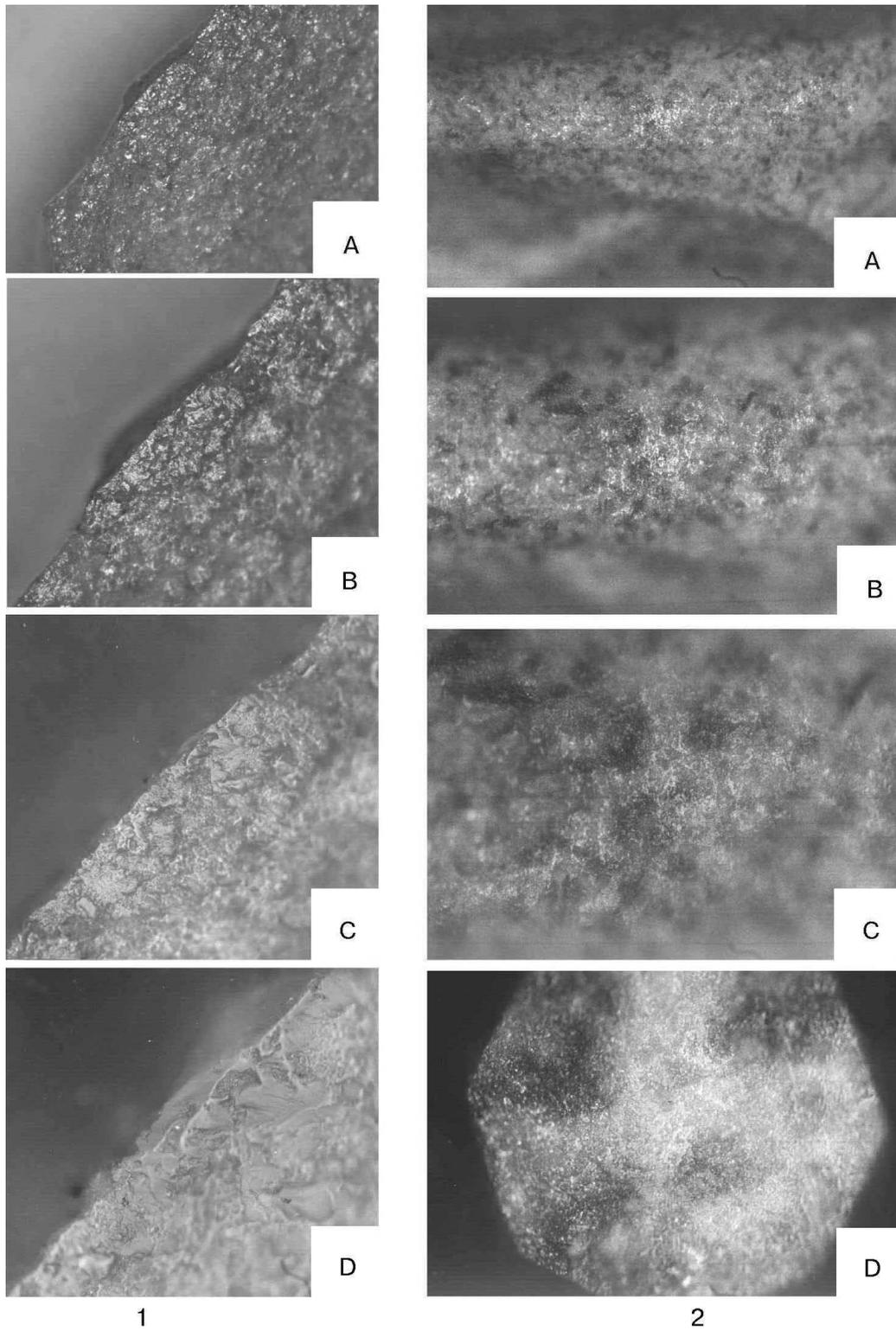


Рис. 3. Стоянка Большое Заветное 4 (1 — слой 5; 2 — слой 6):
 1 — нож для мяса (№ 8568), второе рабочее лезвие по правому боковому ребру — вид с брюшка;
 2 — концевой скребок для дерева (№ 4090), кромка в центре в плане — вид с брюшка.
 Увеличение: А x 50; В x 100; С x 200; D x 500.

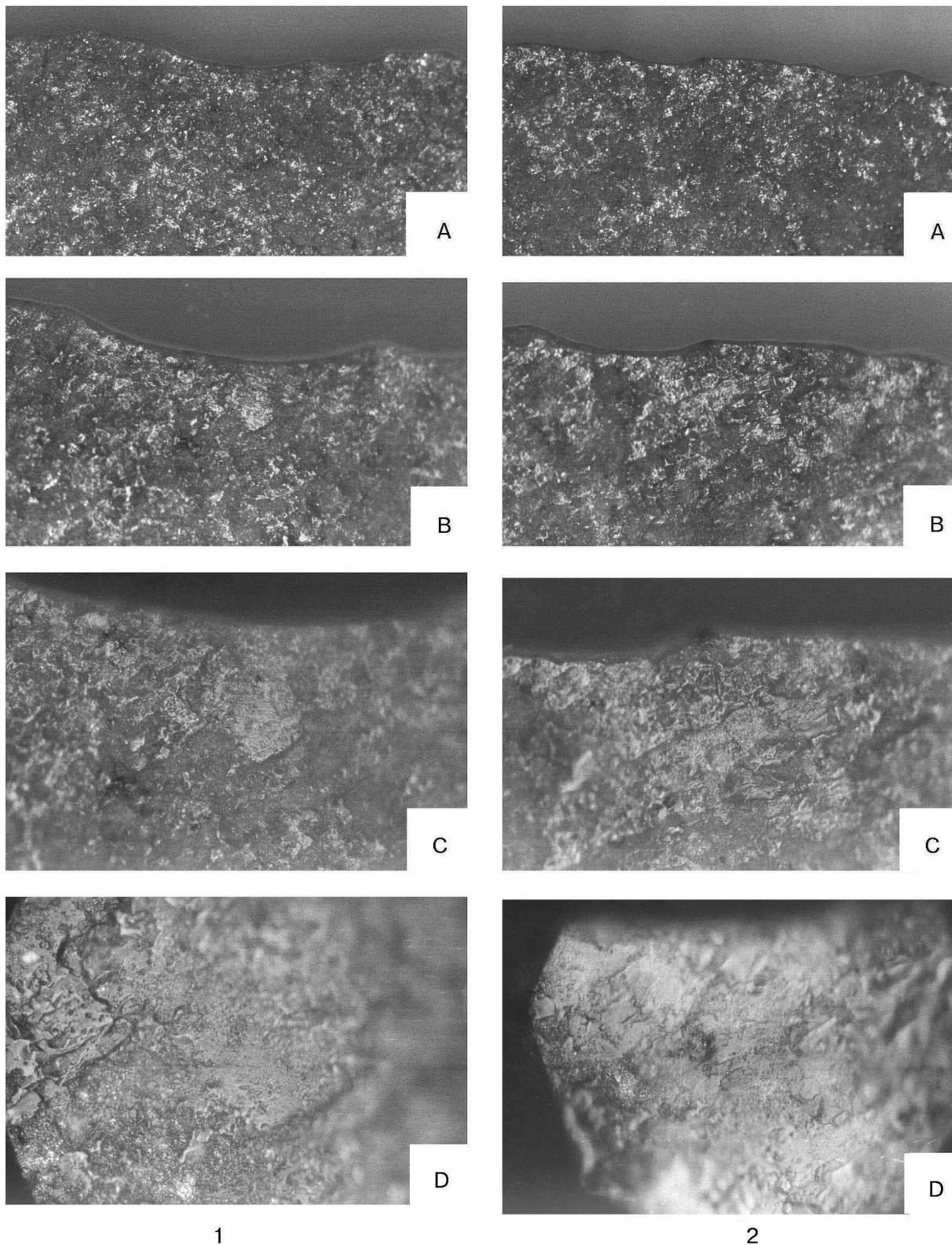


Рис. 4. Стоянка Большое Заветное 4, слой 5, ножи для мяса:
 1 — № 3297а, центр кромки рабочего лезвия, вид с брюшка;
 2 — № 3296а, центр кромки рабочего лезвия, вид с брюшка.
 Увеличение: А х 50; В х 100; С х 200; 0 х 500.

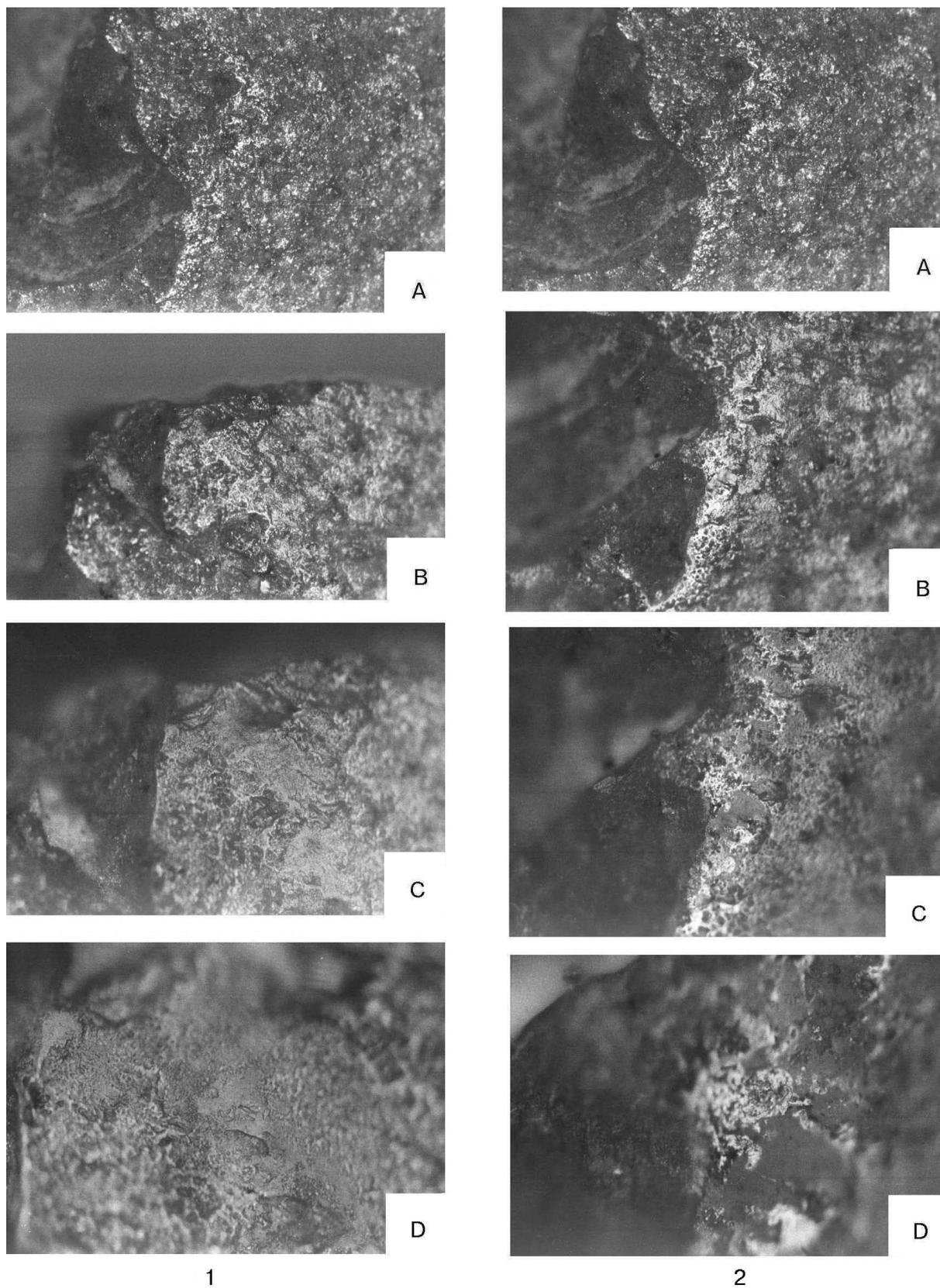


Рис. 5. Стоянка Большое Заветное 4, слой 5 (№ 3296а): 1, 2 — два участка затертости от рукояти из кости или рога на одном конце вкладыша ножа для мяса — вид с брюшка.
Увеличение: А x 50; В x 100; С x 200; D x 500.

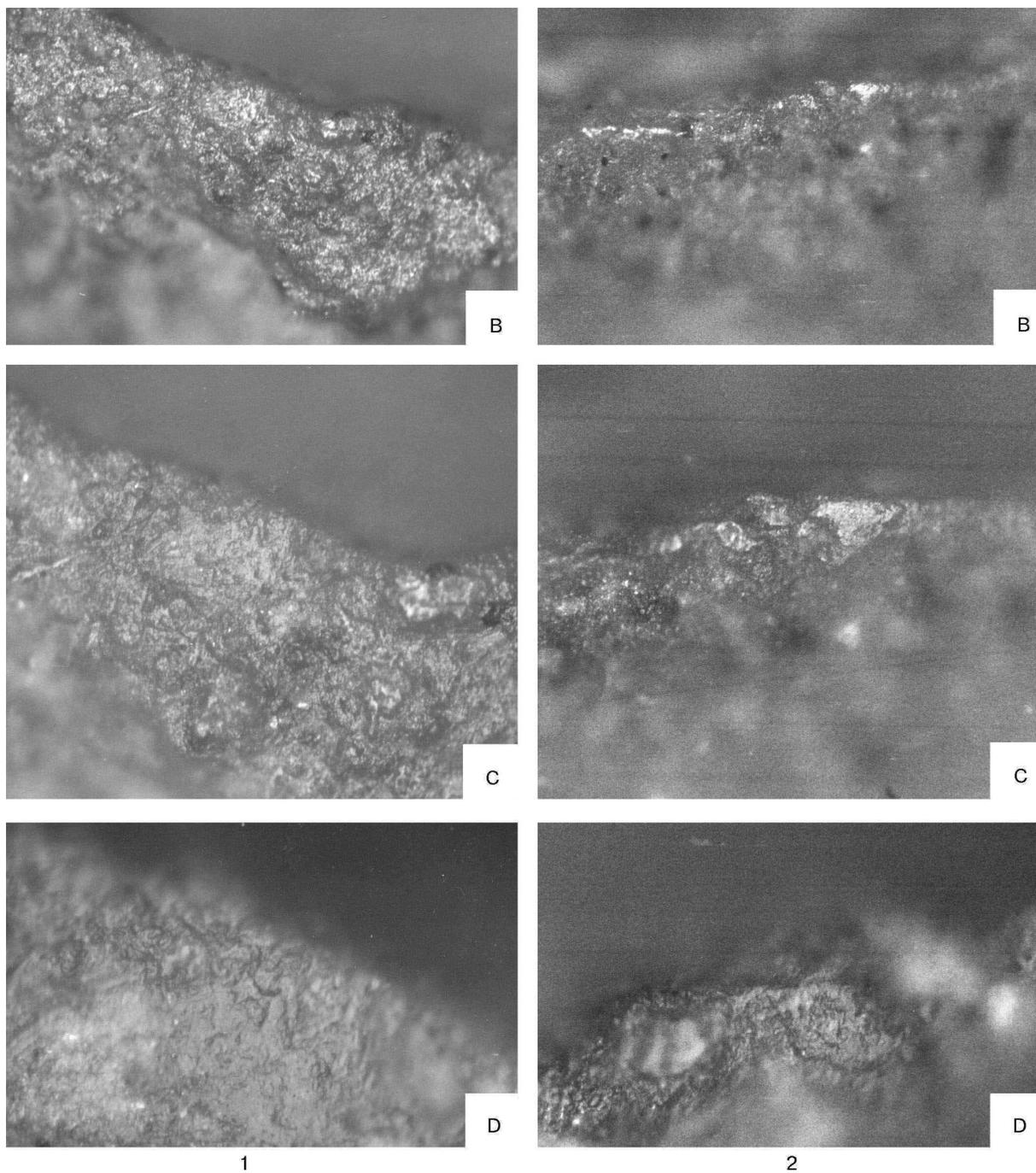


Рис. 6. Стоянка Большое Заветное 4, слой 5 (№ 8739): 1, 2 — два участка рабочего лезвия скобеля для дерева — вид с брюшка на кромку рабочего лезвия. Увеличение: В x 100; С x 200; D x 500.

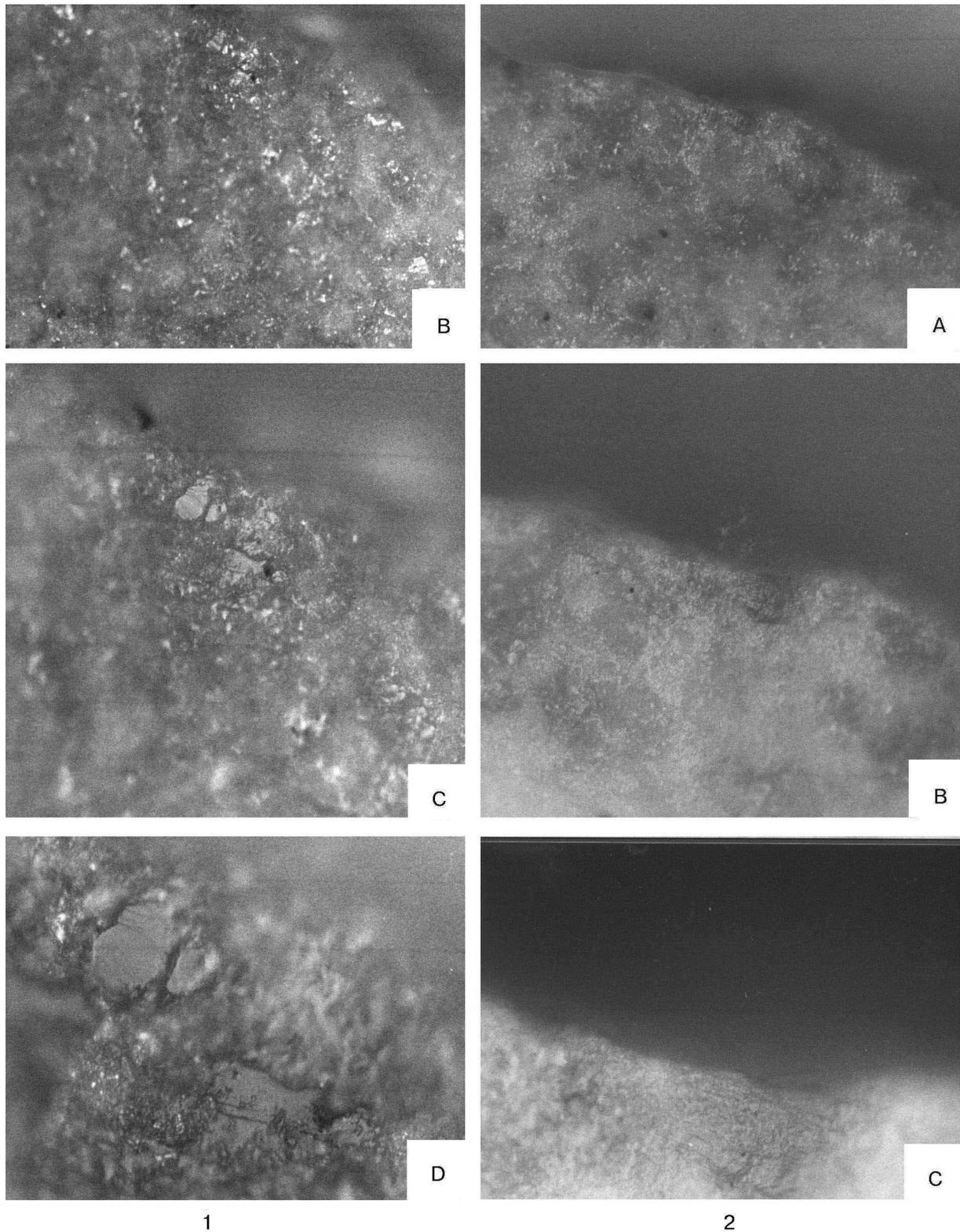


Рис. 7. Стоянка Большое Заветное 4 (1 — слой 7; 2 — слой A11):
 1 — сверло для камня (№ 5443), кромка рабочего конца — вид в плане со спинки;
 2 — сверло для дерева (№ 5769) — вид справа сверху со стороны брюшка.
 Увеличение: А x 50; В x 100; С x 200; D x 500.

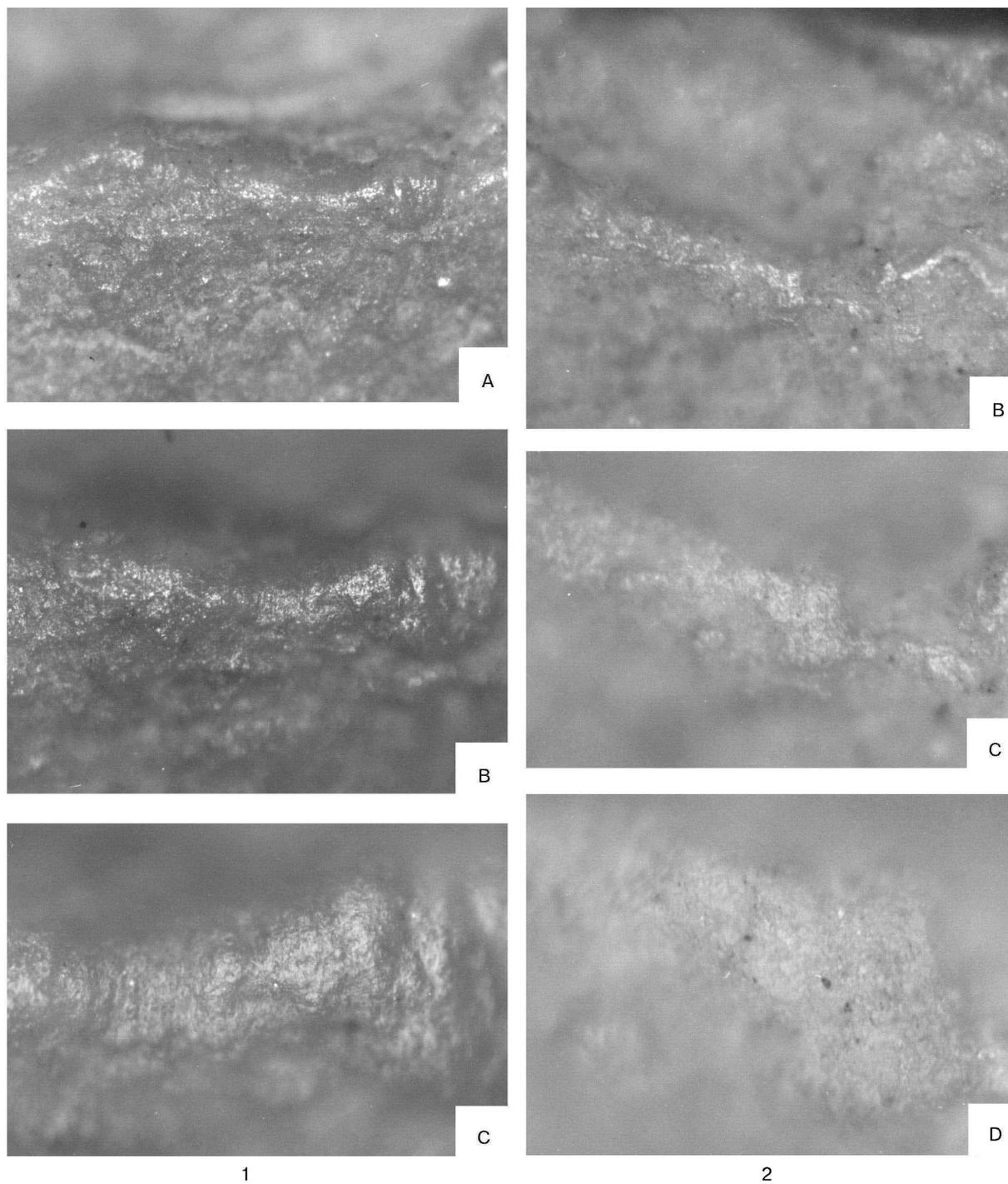


Рис. 8. Стоянка Большое Заветное 4, слой 3 (№ 315): 1, 2 — концевой скребок для шкур с двумя рабочими лезвиями, расположенными на противоположных концах орудия — вид в плане, со стороны брюшка на центральную часть кромки на двух рабочих лезвиях.
Увеличение: А x 50; В x 100; С x 200; D x 500.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ МНОГОСЛОЙНЫХ ПАМЯТНИКОВ СИЛИНО И БОЛЬШОЕ ЗАВЕТНОЕ 4 НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ ПО ГЕОХИМИЧЕСКИМ ДАННЫМ ¹

В раннем и среднем голоцене на территории Карельского перешейка географические условия были очень благоприятны для существования коллективов охотников-собирателей. В эпохи мезолита и, в особенности, неолита, плотность населения на этой территории была весьма высока, в особенности в северной части перешейка. В настоящее время на перешейке известно более 100 археологических памятников каменного века (Герасимов, Лисицын, Тимофеев, 2003).

Значительную трудность в их изучении составляет проблема датирования отдельных комплексов и их сопоставление в рамках единой хронологической шкалы. Материалы памятников приурочены к голоценовым озерным и аллювиальным отложениям, сложенным песками и супесями и залегающим на ледниковых отложениях флювиогляциального генезиса. В песчаных отложениях крайне редко сохраняются пригодные для радиоуглеродного датирования органические остатки и уголь. Пыльца так же плохо сохраняется в культурных слоях рассматриваемых памятников, и возможности использования датирования на основе споро-пыльцевого анализа тоже весьма ограничено.

Традиционным и наиболее используемым методом относительного датирования стоянок древнего человека для всей Фенноскандии, в состав которой входит и Карельский перешеек, является датирование по высотным отметкам. Практически все известные к настоящему времени археологические памятники на Карельском перешейке связаны с древними береговыми линиями Балтийского моря, Ладожского озера и соединяющих их проливов. На протяжении всего голоцена береговая линия значительно менялась под воздействием изостатических (компенсационное поднятие Фенноскандии после исчезновения давления ледника на земную кору) и эвстатических (флюктуации уровня мирового океана) факторов. Этот процесс достаточно хорошо изучен (Долуханов, 1963; 1965; 1969; 1988; Марков, 1931; Саарнисто и др., 1994; Яковлев, 1926; Ailio, 1915; Нуурра, 1937; Ramsey, 1927), и построена обобщенная схема этих изменений. Согласно этой схеме, более ранние памятники расположены на более высоких террасах, а более поздние — на более низких. В целом, эта схема справедлива, и может вполне успешно применяться для построения относительной хронологии памятников в пределах микрорегионов. Но для сопоставления археологических комплексов памятников из разных микрорегионов с применением более детальной хронологической шкалы она малопримодна. В последнее время появляется все больше данных о неравномерности поднятий отдельных участков Фенноскандии, в том числе отдельных микрорегионов Карельского перешейка (Miettinen, 2002).

В значительной степени проблему создания детальной относительной хронологии археологических памятников исследуемой территории решает использование комплекса методов геохимической индикации литологических отложений, разработанного М. А. Кульковой (Кулькова, Савельева, 2000; Кулькова, 2001; Kul'kova, Mazurkevich, Dolukhanov, 2001). Использование отдельных геохимических индикаторов широко применяется многими зарубежными исследователями для реконструкции ландшафтно-палеоклиматических условий (Arbogast, 2000; Worning et al., 2001; Achyuthan, 2003).

Изучение химического и минерального состава, а также текстурных особенностей литологических слоев, имеющих четкую стратиграфическую позицию, позволяет по соотношению групп минеральных компонентов и отдельных химических элементов выявить условия, в которых эти отложения формировались. Динамика ландшафтно-климатических изменений определяется на основании выявленных подобию графиков изменчивости геохимических индикаторов, построенных для разных литотипов. Это позволяет определять хронологическую последо-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 02-06-80469а).

вательность образования культурных слоев на разных памятниках в относительной шкале. Схемы изменчивости ландшафтно-климатических условий формирования отложений на археологических памятниках можно интерпретировать на основании существующих опорных хронологических схем климатических изменений в регионе, полученных с помощью комплекса естественно-научных методов (споро-пыльцевой, диатомовый и др.). Поскольку изменения климатических условий в регионе продатированы на опорных разрезах радиоуглеродным методом, появляется возможность абсолютного датирования изучаемых археологических комплексов в пределах относительно небольших хронологических интервалов. Ряд других факторов, изучаемых в рамках предложенного подхода, позволяет соотнести условия формирования отложений с определенными эпизодами геологической истории региона, так же достаточно точно датированными с помощью комплекса естественнонаучных методов.

Кроме того, анализ химического состава отложений позволяет выявить элементы, появление которых связано с деятельностью человека (антропогенная нагрузка). Высокие корреляционные связи P_2O_5 с Al_2O_3 , LOI (C_{org} , $CaCO_3$) и антагонизм этих элементов по отношению к остальным элементам характеризуют совокупность биологического и антропогенного влияния. Изменение концентраций P_2O_5 по разрезу уточняет изменение антропогенной деятельности во времени. Мильтон Нунез отмечает, что, если большое количество фосфора концентрируется в почве как результат человеческой активности (кальций и фосфор являются главными элементами зубов и костей), значительная часть его входит в нерастворимые соединения, например с железом и алюминием, и может противостоять процессам выветривания (вымывания) и поглощения растительностью тысячелетиями (Nunez, 1977).

Примером использования геохимической индикации отложений для датирования археологических комплексов является сопоставление двух памятников каменного века — Силино и Большое Заветное 4 (рис. 1).

Стоянка каменного века Силино I на Карельском перешейке у дер. Силино Красноозерской волости Приозерского р-на Ленинградской обл. была обнаружена в 1993 г. В. И. Тимофеевым в ходе археологической разведки. В 2000—2001 гг. памятник исследовался стационарными раскопками совместно с музеем Лахти, Финляндия (Тимофеев, 2001; Герасимов, 2002).

Стоянка расположена на берегу оз. Правдинское, на песчаном мысу у северо-западной окраины д. Силино. Уже после вскрытия небольшой площади в 12 м^2 был получен материал, чрезвычайно ценный для изучения каменного века Карельского перешейка и сопредельных территорий — Карелии и Финляндии.

Генезис озерной котловины оз. Правдинского связан с экзарационно-аккумулятивной деятельностью ледника последней ледниковой эпохи. Начало озерного седиментогенеза относится ко времени высвобождения территории от ледникового покрова и затопления ее тальми водами в позднедриасовое время. В послеледниковое время здесь формировались озерные и аллювиальные отложения.

Стратиграфия памятника интерпретирована финскими геологами Матти Саарнисто и Томми Сирвио в соответствии с этапами истории Ладожского озера и Балтийского моря. Выделены отложения максимума трансгрессии Анцилового озера, Сайменской трансгрессии и максимума Ладожской трансгрессии.

Общая мощность культурных отложений достигает 2-х м. Находками представлена целиком последовательность археологических культур от позднего мезолита до раннего железного века (рис. 2).

Образцы из разреза Силино были изучены только в отношении минерального состава под бинокулярным микроскопом при различном увеличении. Изменение минерального состава отложений, размер минеральных зерен и степень их окатанности позволяют судить о характере отложений, их генезисе и источниках поступления вещества.

Отложения на глубине 200—190 см, представленные среднезернистым серовато-розовым песком, имеют озерно-аллювиальный генезис и были образованы, по-видимому, выпадающими в озеро ручьями или реками. На это указывает разнообразная форма зерен кварца, микроклина и граната от хорошо окатанных до не окатанных. Эти отложения, вероятно, сформировались в период Анциловой трансгрессии, завершившейся 8000 л. н.

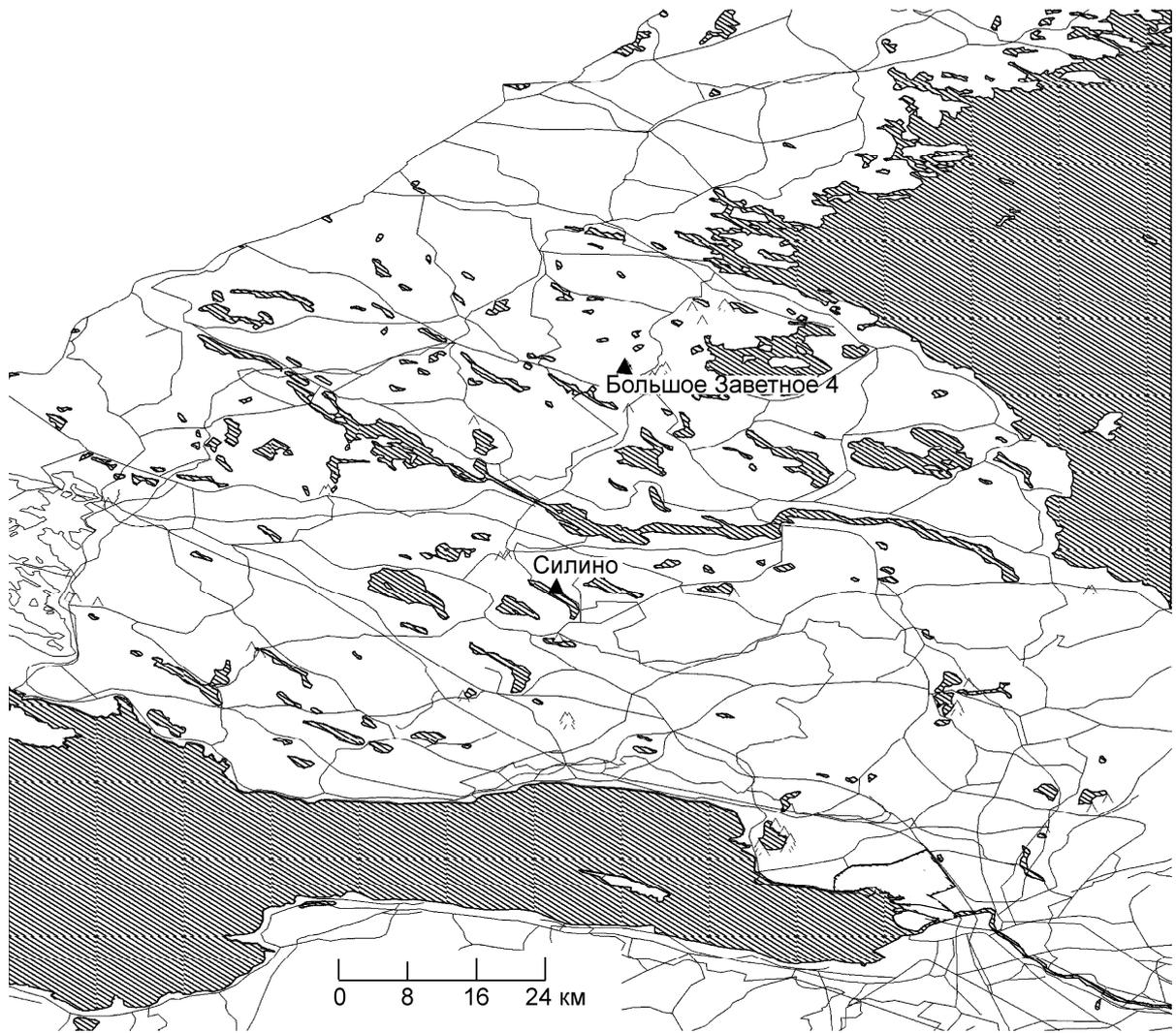


Рис. 1. Местонахождение стоянок Силино и Большое Заветное 4.

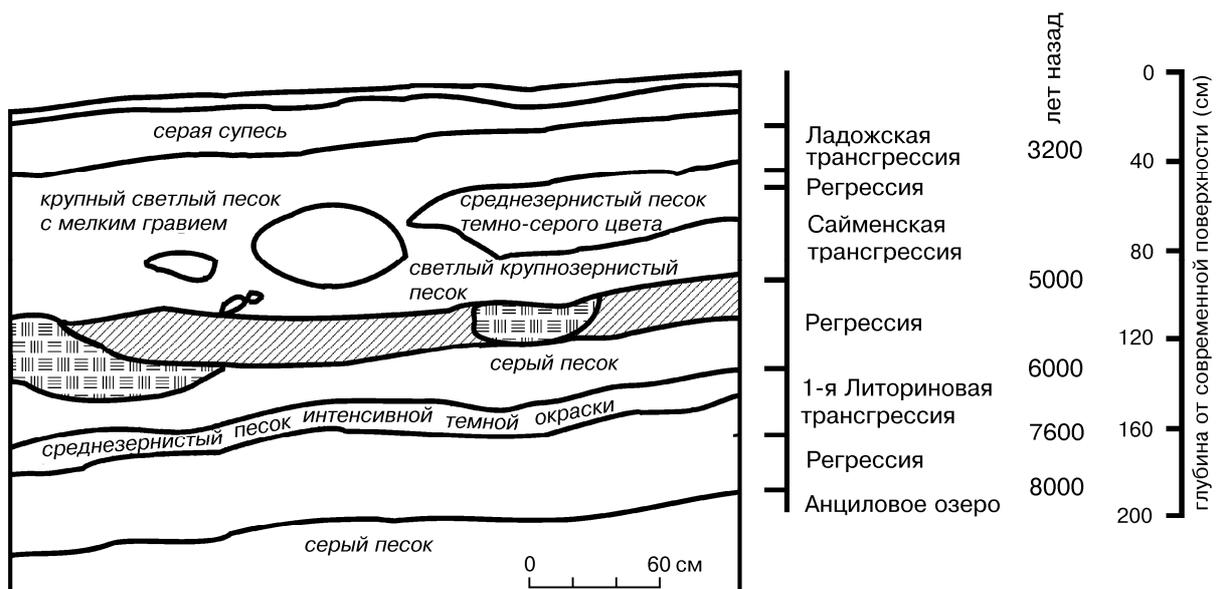


Рис. 2. Силино. Стратиграфия стоянки.

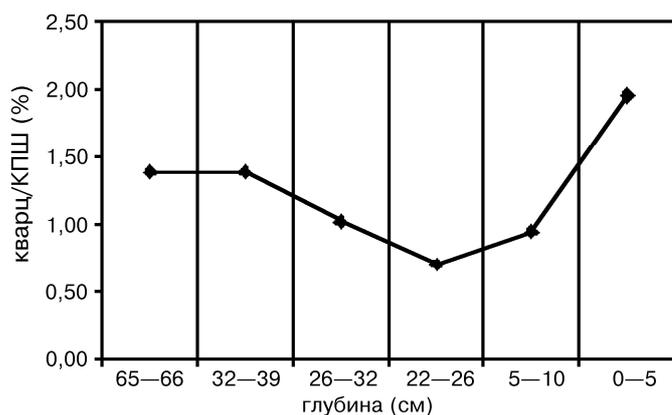


Рис. 3. Соотношение кварца и полевого шпата в отложениях на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 2-й озерной террасе.

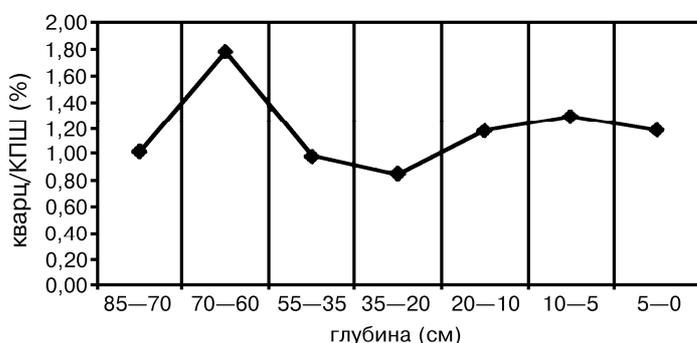


Рис. 4. Соотношение кварца и полевого шпата в отложениях на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 1-й озерной террасе.

Очередное уменьшение уровня воды в водоеме характеризуют отложения на глубине 145—90 см, в которых вновь сокращается доля озерного песка. В этих отложениях содержатся материалы раннего неолита — культуры сперрингс и среднего неолита — культуры прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики.

На глубине 90—65 см резко изменяется состав отложений. Появляются частицы обломков пегматитов, которые нетипичны для этого района, в основании фундамента которого лежат гранито-гнейсовые породы. В то же время пегматиты широко распространены в Карелии. Увеличивается размер частиц и изменяется характер их окатанности (они становятся более угловатыми, обломочными, среди которых попадает очень небольшое количество окатанных зерен). Максимально состав изменяется на глубине 65 см. Эти изменения свидетельствуют о появлении нового источника вещества. Вероятно, эти отложения связаны с Сайменской трансгрессией около 5000 л. н., когда воды оз. Сайма в Южной Финляндии прорвались в Ладожское озеро.

Отложения на глубине 55—45 см образовались в период регрессии и относительной стабильности Ладожского озера. Здесь исчезает примесь пегматитовых частиц, что свидетельствует об исчезновении протоки между оз. Сайма и Ладожским озером. В этих отложениях содержатся материалы периода позднего неолита.

Следующее поднятие уровня водоема характеризуется составом отложений на глубине 45—25 см. Отложения представлены крупнозернистым светлым песком с мелким гравием и относятся, вероятно, ко времени Ладожской трансгрессии непосредственно перед образованием р. Невы около 3000 л. н. Из этого слоя происходят фрагменты керамики с примесью асбеста, относящиеся к эпохе раннего металла.

Стоянка Большое Заветное 4 расположена на юго-западном берегу оз. Большое Заветное, близ пос. Заветное, Приозерского р-на Ленинградской обл. Памятник был обнаружен в 1999 г. в ходе Российско-Финляндского полевого семинара. В мае — июне 2002 г. Карельским неолити-

В слое, сформировавшемся на глубине 180—175 см, уменьшается количество окатанных частиц, характерных для отложений озерного генезиса. Это характеризует уменьшение уровня воды в этот период. Вероятно, именно в это время формируется культурный слой, содержащий материалы поздней фазы мезолитической культуры Суомусьярви.

На глубине 175—145 см вновь увеличивается доля озерных отложений и уменьшается размер частиц, что может указывать на небольшое поднятие уровня водоема. Эти изменения могут быть интерпретированы как следствие Литориновой трансгрессии, приведшей к повышению связанного с морем древнего Ладожского озера. Наносами Литориновой трансгрессии, начавшейся 7600 л. н. и достигшей своего максимума около 6300 л. н., были погребены остатки мезолитического поселения. Таким образом, устанавливается верхняя граница его существования — не позднее 7500 л. н.

ческим отрядом ИИМК РАН, совместно с Департаментом Археологии Университета Хельсинки (Финляндия) были проведены стационарные раскопки.

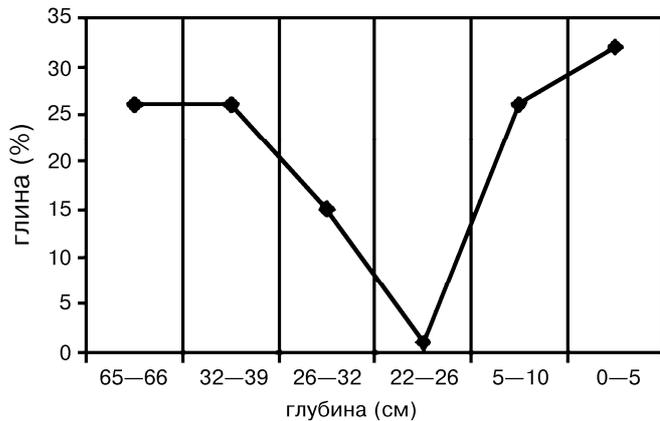


Рис. 5. Содержание глинистой составляющей в отложениях на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 2-й озерной террасе.

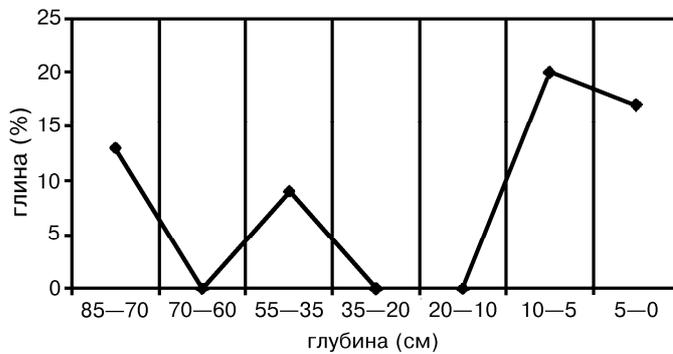


Рис. 6. Содержание глинистой составляющей в отложениях на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 1-й озерной террасе.

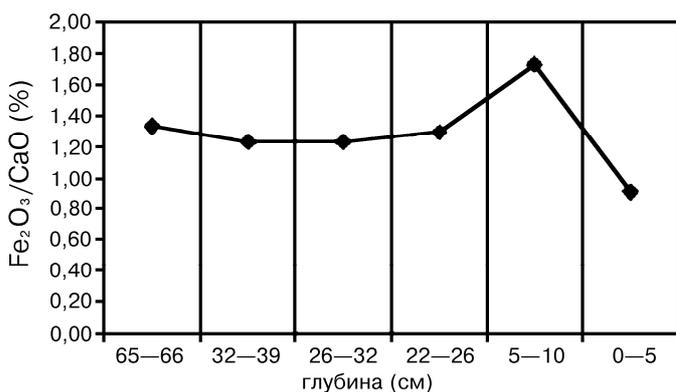


Рис. 7. Относительное изменение влажности, определяемое по показателю Fe₂O₃/CaO, в отложениях на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 2-й озерной террасе.

Озеро Большое Заветное находится в зоне развития флювиогляциальных отложений Валдайского оледенения. Исследуемые разрезы расположены в пределах археологического раскопа на берегу озера и относятся к древней зоне дельтовых осадков голоценового возраста. Отложения представлены толщей аллювиально-озерных отложений. В прибрежной части озера наблюдается две террасы, к которым приурочены места древних поселений. Была исследована стратиграфия в раскопе на 2-й озерной террасе и в шурфе на 1-й озерной террасе.

Минеральный состав отложений определялся методом ИКС (инфра-красной спектроскопии), под бинокляром при увеличении в 16, 32 и 54 раза.

Соотношение содержания кварца и полевого шпата показывает степень выветривания отложений и может быть использован для реконструкции относительных температурных изменений (рис. 3—4). Распределение кварц/КПШ показателя по разрезу совпадает с изменением содержания глинистой составляющей, которое также отражает степень выветривания (рис. 5—6). Содержание полевого шпата находится в зависимости от содержания глинистой составляющей, степень корреляции $R^2 = -0,94$, $n = 6$.

Химический состав отложений был исследован методом рентгеноспектрального флуоресцентного анализа. Данные по химическому составу были обработаны корреляционным и факторным анализами. С помощью корреляционного анализа были определены группы элементов, которые характеризуют минеральный состав отложений.

Полученные результаты были обработаны методом главных компонент факторного анализа. Было

выделено три наиболее значимых фактора с вкладами в суммарную кумулятивную дисперсию — 41,8 %, 19,3 %, 16,6 %.

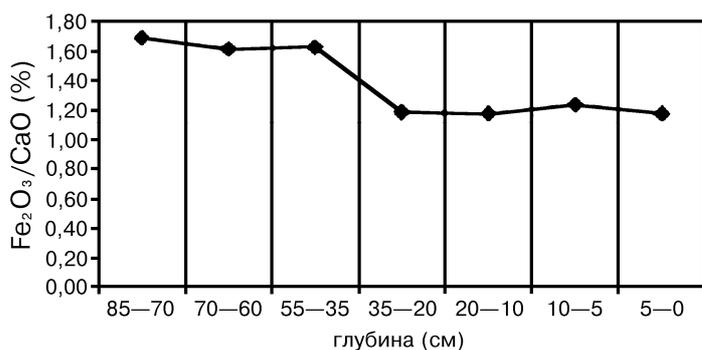


Рис. 8. Относительное изменение влажности, определяемое по показателю Fe_2O_3/CaO , в отложениях на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 1-й озерной террасе.

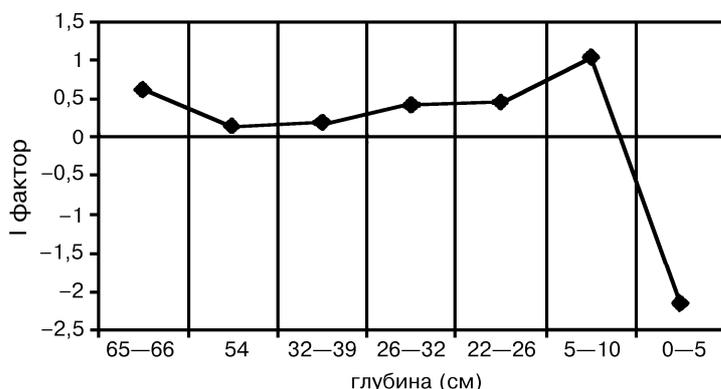


Рис. 9. I-й фактор. Относительное изменение влажности на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 2-й озерной террасе.

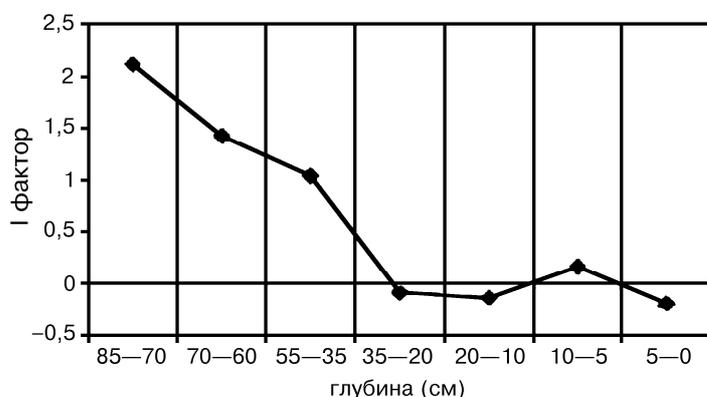


Рис. 10. I-й фактор. Относительное изменение влажности на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 1-й озерной террасе.

Второй фактор характеризует антропогенное влияние, его формула $P_2O_5(0,82), C_{org}(0,86), Al_2O_3(0,65), SiO_2(0,88)$ (рис. 13—14).

Третий фактор отражает изменение уровня воды в водоеме. Его формула — $Na_2O(0,92), Al_2O_3(0,65), CaO(0,39)/FeO(0,49), C_{org}(0,45), MnO(0,43)$ — показывает антагонизм между элементами силикатной группы и элементами, характеризующими гумусовые соединения и характерные для почвенных отложений. Эти результаты, а также данные, полученные по текстурным особенностям образцов и минералогии позволяют охарактеризовать относительную глубину осадкообразования в древнем водоеме на этом участке. (рис. 15—16).

В первой из этих компонент проявляется антагонизм элементов, характеризующих минералы — гидрогетит, роговую обманку, биотит и элементов, характерных для кварц-полевошпатового состава — $Fe_2O_3(0,87), FeO(0,82), MgO(0,83), TiO_2(0,85), Mn(0,73), CaO(0,75), Sr(0,70)/K_2O(0,79), SiO_2(0,44)$. Значения первого фактора отражают степень выветривания минералов, степень их преобразования и может служить индикатором относительной влажности. При увеличении влажности минералы — биотит, роговая обманка больше подвержены разрушению, чем кварц и полевой шпат. Соотношение отдельных элементов индикаторов Fe_2O_3/CaO по данным А. В. Македонова (1985) также определяет гумидность климата (рис. 7—12). Необходимо отметить, что полученные этим методом данные о динамике изменения температуры и влажности до сопоставления с опорными палеоклиматическими схемами для исследуемого региона должны быть скорректированы, т. к. особенности микрорельефа конкретного участка (разная степень нагревания поверхности, микродренаж и т. д.) оказывают большое влияние на влажностно-температурные характеристики, полученные методом геохимической индикации. Поэтому для выяснения реальной динамики влажностно-температурных изменений, реконструируемой по геохимическим индикаторам, желательно использовать совокупность данных по нескольким разрезам, расположенным на небольшом по площади участке.

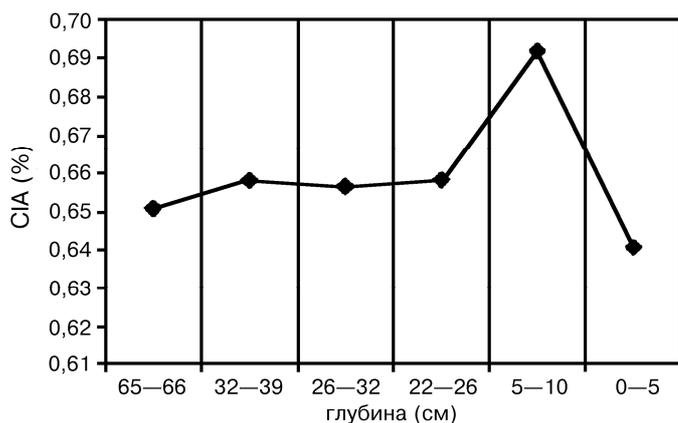


Рис. 11. Степень выветривания образцов, определяемая по показателю Индекс Химического Выветривания — CIA ($\text{Al}_2\text{O}_3/(\text{Al}_2\text{O}_3+\text{CaO}+\text{Na}_2\text{O}+\text{K}_2\text{O})$) в отложениях на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 2-й озерной террасе.

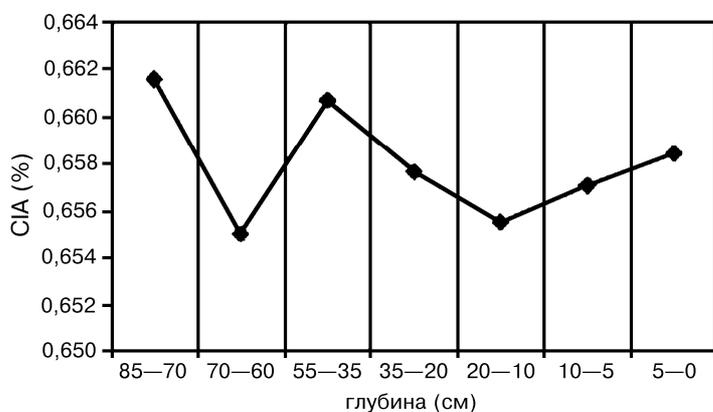


Рис. 12. Степень выветривания образцов, определяемая по показателю Индекс Химического Выветривания — CIA ($\text{Al}_2\text{O}_3/(\text{Al}_2\text{O}_3+\text{CaO}+\text{Na}_2\text{O}+\text{K}_2\text{O})$) в отложениях на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 1-й озерной террасе.

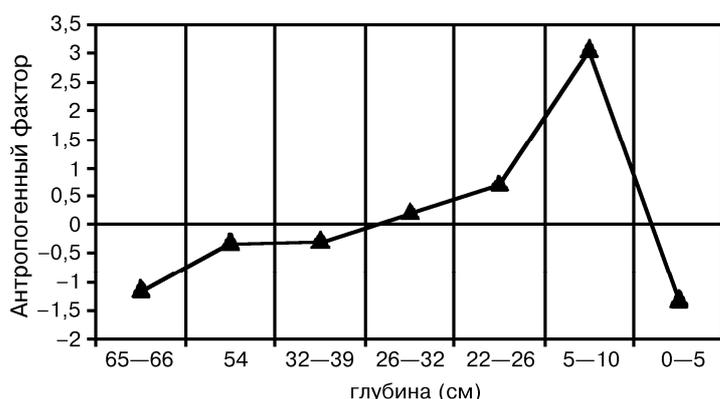


Рис. 13. II-й фактор. Антропогенное влияние на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 2-й озерной террасе.

26 см мелкозернистый темно-желтого цвета, озерного происхождения. Фиксируется увеличение уровня воды, трансгрессия. Площадь, где расположен разрез, в это время покрывают воды озера. Отмечается похолодание климата. В этих отложениях впервые фиксируются следы антропогенного воздействия на экосистему.

Анализ образцов позволил предложить следующую интерпретацию стратиграфии раскопа на 2-й террасе оз. Большое Заветное (рис. 17).

На глубине 63—67 сантиметров от поверхности сформировался слой мелкозернистого розовато-желтого песка, аллювиально-озерного происхождения. Его образование происходило в прибрежных условиях. Высокое содержание глинистой составляющей и высокий показатель кварц/полевошпатовой составляющей указывает на сравнительно теплые климатические условия. Климат влажнее современного. Антропогенное воздействие отсутствует. Этот слой сформировался под водой, вероятно, во время Анциловой трансгрессии. Это время формирования террасы.

Слой на глубине 54 см состоит из среднезернистого розовато-желтого песка, аллювиально-озерного происхождения. Анализ образцов указывает на подъем уровня воды во время максимума Анциловой трансгрессии около 9200 л. н., на снос и перемыв вещества, увеличение речного вклада в озерную систему. По геохимическим данным фиксируется теплый, влажный климат и отсутствие антропогенного воздействия.

На глубине 39—32 см залегает желтый среднезернистый песок, аллювиального генезиса. Геохимические данные указывают на небольшое понижение уровня воды, увеличение интенсивности речного стока в озеро. Климат теплый, влажный. Антропогенное влияние отсутствует.

Песок на глубине 32—

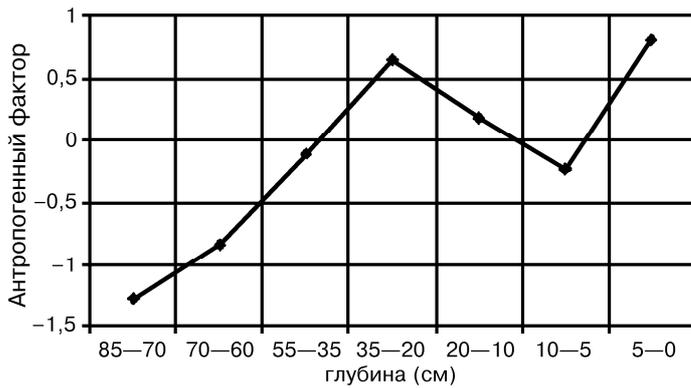


Рис. 14. II-й фактор. Антропогенное влияние на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 1-й озерной террасе.

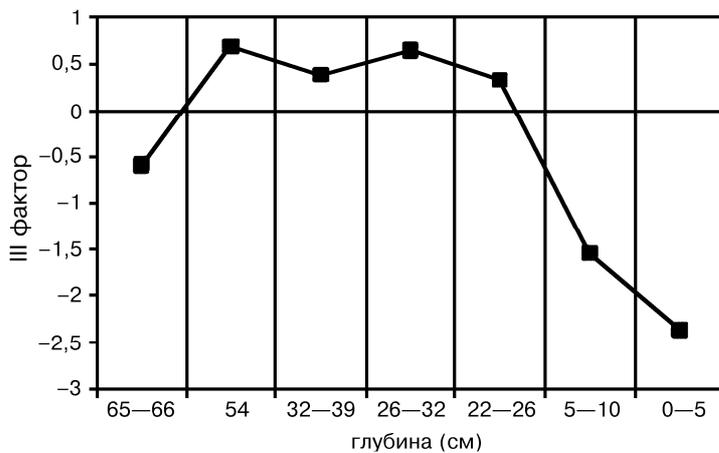


Рис. 15. III-й фактор. Относительное изменение уровня водоема на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 2-й озерной террасе.

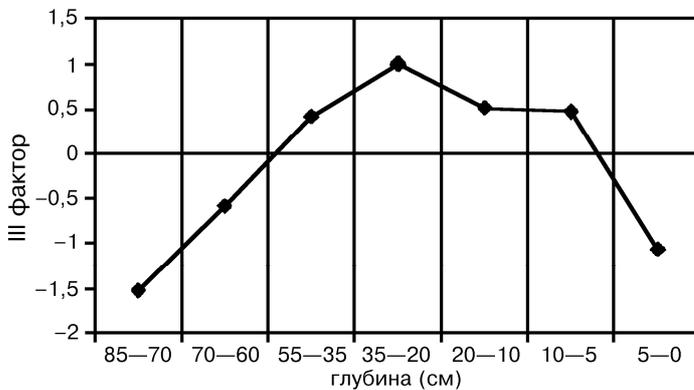


Рис. 16. III-й фактор. Относительное изменение уровня водоема на стоянке Большое Заветное 4 по разрезу на 1-й озерной террасе.

3370 ± 30 (Ле-6600), 3660 ± 30 (Ле-6602), 3700 ± 320 (Ле-6557), 3740 ± 90 (Ле-6601) л. н.

В верхней части разреза (0—5 см) залегает среднезернистый песок серого цвета с включениями растительных остатков. По геохимическим данным фиксируется потепление климата и уменьшение влажности, а так же уменьшение антропогенного влияния.

Анализ образцов из разреза на 1-й озерной террасе оз. Большое Заветное позволил предложить следующую интерпретацию стратиграфии (рис. 18).

На глубине 85—70 см залегает грубозернистый, полимиктовый песок розовато-серого цвета, аллювиального генезиса. Уровень воды в период образования этого слоя в озере был низкий.

Слой 26—22 см состоит из полимиктового, крупнозернистого песка рыжеватого цвета, аллювиального генезиса. Слой образуется в условиях некоторого уменьшения уровня воды и увеличения интенсивности речного стока в озеро. Перемытый горизонт. Климат прохладный, более сухой. Увеличивается антропогенное воздействие на экосистему. Вероятно, появление этого слоя происходит после завершения Анциловой трансгрессии около 8000 л. н. К этому времени относится появление здесь поселения — комплекс с материалами мезолитического времени, для которого имеется радиоуглеродная дата 7750 ± 180 (Ле-6556) л. н.

Далее, на глубине 10—5 см от поверхности залегает полимиктовый, неравномернозернистый песок рыжеватого цвета, аллювиального генезиса. В верхней части начинает образовываться почвенный покров, увеличивается содержание гидроокислов железа, карбонатов. Геохимические индикаторы указывают на падение уровня воды, потепление климата и увеличение влажности. Фиксируется максимальный уровень антропогенного воздействия на экосистему.

В эпоху развитого неолита здесь вновь возникает поселение, фиксируемое по земляным структурам, содержащим материалы периода позднего неолита. Эти структуры были интерпретированы как остатки углубленных жилищ, впущенных в культурный слой мезолитического времени. Для этого комплекса получен ряд радиоуглеродных дат:

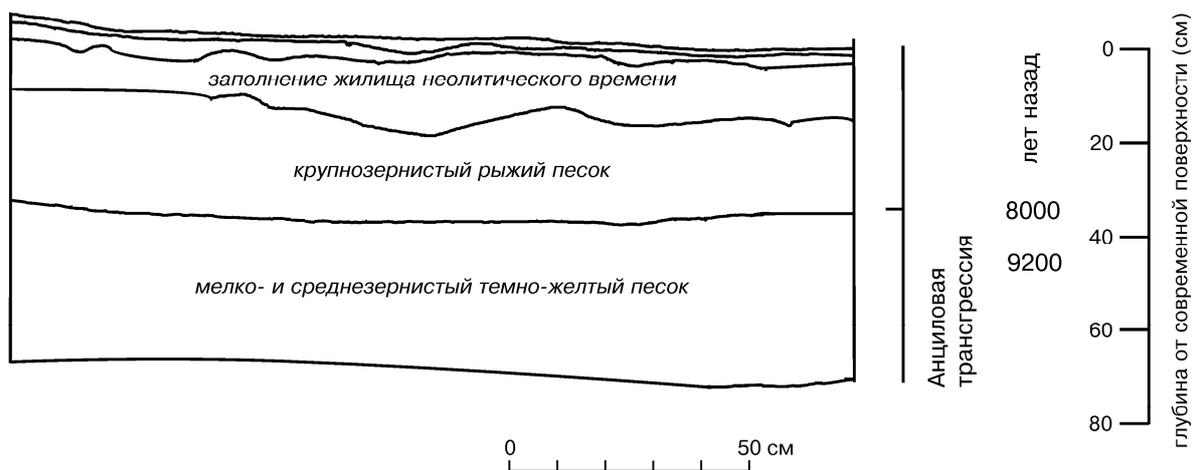


Рис. 17. Стратиграфия стоянки Большое Заветное 4 по разрезу на 2-й озерной террасе.

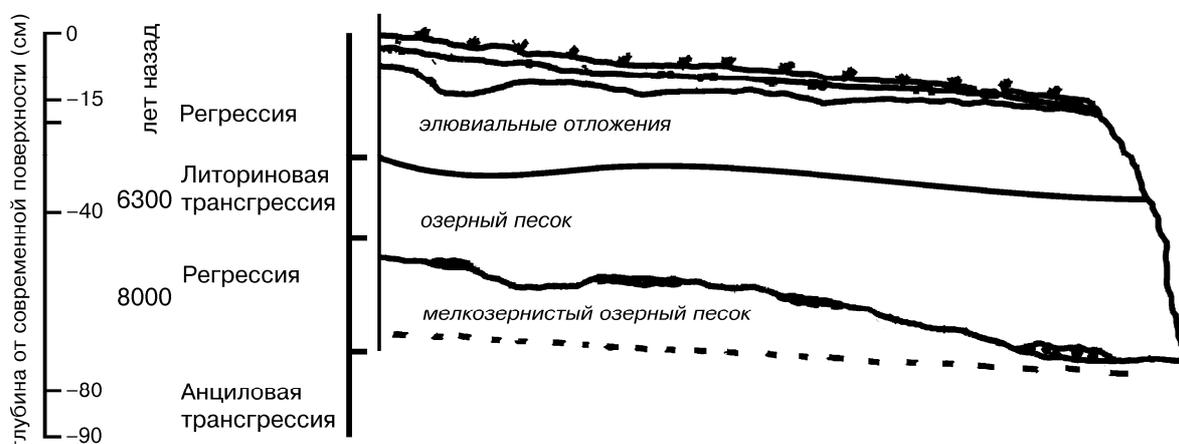


Рис. 18. Стратиграфия стоянки Большое Заветное 4 по разрезу на 1-й озерной террасе.

Отложения образовывались в условиях мелководной речной дельты. Климат прохладный и влажный. Антропогенное воздействие отсутствует.

Вероятно, эти слои образовались во время Анциловой трансгрессии, закончившейся около 8000 л. н. В это время и была сформирована 1-я озерная терраса.

Выше, на глубине 70—60 см, отложения представлены среднезернистым, полимиктовым песком темно-желтого цвета, аллювиального генезиса. Фиксируется увеличение уровня воды в дельте реки, похолодание. Антропогенное воздействие отсутствует.

На глубине 55—35 см залегает крупнозернистый красновато-желтый песок. Фиксируется поднятие уровня воды в озере, перемывание вещества. Небольшое потепление климата. Наблюдаются следы антропогенного влияния на экосистему. Вероятно, этот слой можно связать с началом максимума Литориновой трансгрессии около 6700 л. н. Ее наносами был замыв культурный слой, содержащий остатки мезолитического времени.

На глубине 35—23 см представлен перемытый среднезернистый песок желтого цвета. Фиксируется увеличение уровня воды в озере, трансгрессия, похолодание климата и уменьшение влажности.

Уменьшение уровня воды ведет к формированию слоя плотного среднезернистого песка коричневатого-рыжего цвета, на глубине 22—17 см от поверхности и появлению на этом месте неолитического поселения — в слое был вскрыт очаг с развалом керамического сосуда типа сперрингс. По геохимическим данным в этом горизонте наблюдается максимальная антропогенная нагрузка. Климат прохладный.

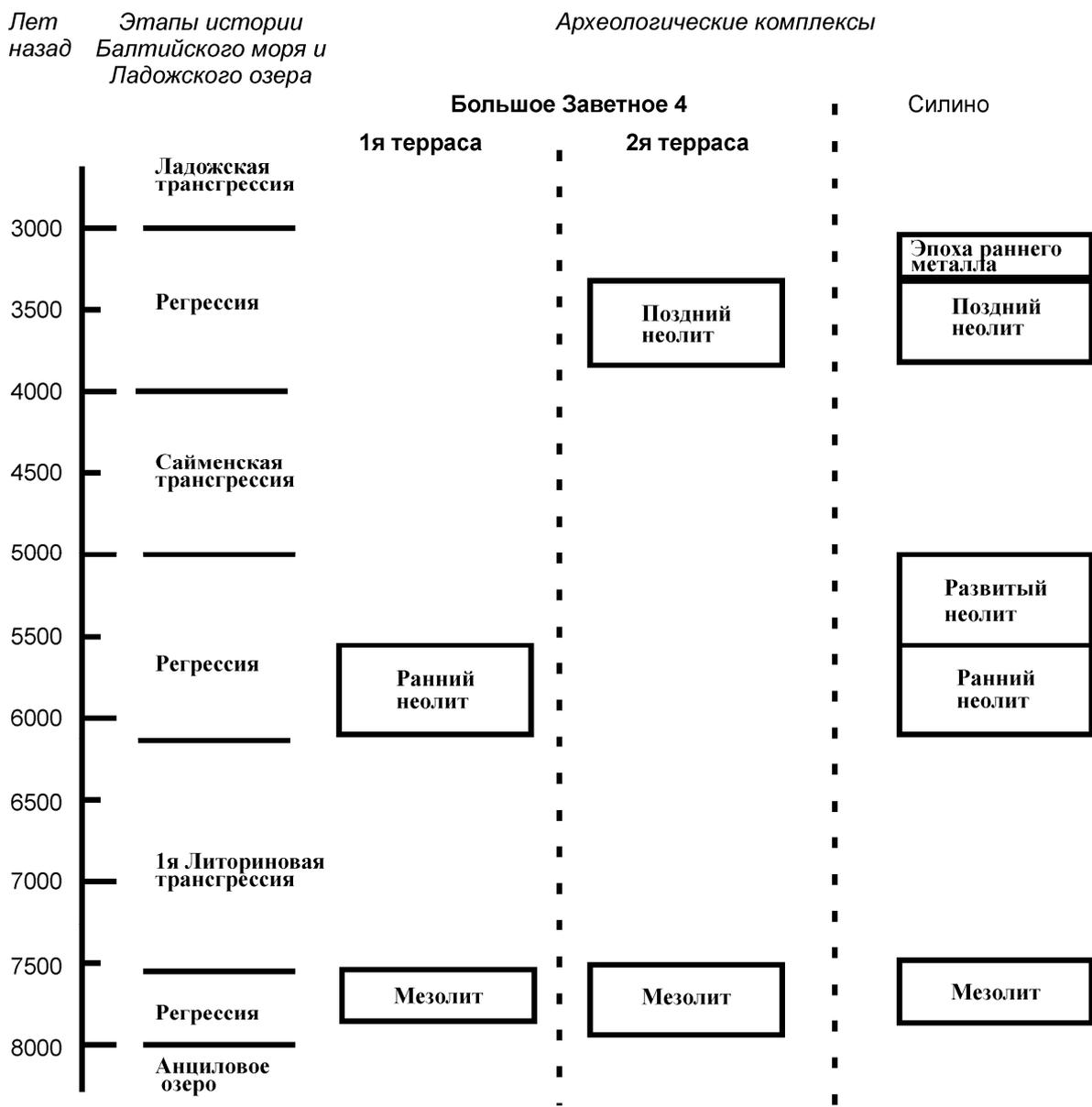


Рис. 19. Сводная хронологическая таблица археологических комплексов стоянок Большое Заветное 4 и Силино.

На глубине 10—5 см представлен темно-серый мелкозернистый песок. Уровень воды в озере во время формирования этого слоя достигает основания 1-й террасы, возможно, в связи с увеличением интенсивности речного потока. Геохимические данные указывают на потепление климата и увеличение влажности. Антропогенное влияние не фиксируется.

Выше, на уровне 5—0 см залегает светло-серый мелкозернистый песок с отдельными включениями угля. По данным геохимии фиксируется уменьшение уровня воды в водоеме, уменьшение влажности, потепление климата. Увеличивается антропогенное воздействие на экосистему. Начало формирования почвенного горизонта.

Интерпретация геохимических данных позволяет получить обобщенную хронологическую схему для комплексов обоих памятников (рис. 19).

Мезолитический комплекс на 2-й озерной террасе оз. Большое Заветное мог сформироваться только после освобождения террасы от воды, после 8000 л. н. Это подтверждается и радиоуглеродной датой 7750 ± 180 (Je-6556) л. н. Мезолитический комплекс на 1-й террасе мог сформироваться несколько позже, после освобождения от террасы от воды. Возможно также,

что комплексы на 1-й и 2-й террасах существовали одновременно. Верхняя хронологическая граница для мезолитического комплекса на 1-й террасе устанавливается временем максимума Литориновой трансгрессии около 6700 л. н., в то время как мезолитическое поселение на 2-й террасе могло просуществовать несколько дольше, так как 2-я терраса после завершения Анциловой трансгрессии больше не затапливалась. Время существования мезолитического комплекса на памятнике Силино ограничивается теми же рамками, что и мезолитический комплекс Большое Заветное 4 на 1-й озерной террасе. Следует отметить, что большинство недатированных мезолитических памятников на Карельском перешейке расположены на абсолютных высотах 25—30 м и, вероятно, относятся к более раннему времени, соответствующему максимуму Анциловой трансгрессии. Так же можно предположить, что значительное количество памятников позднего мезолита на территории Карельского перешейка может располагаться на современных террасах высотой 17—20 м над уровнем моря. Культурный слой в этих случаях может быть перекрыт осадками серии трансгрессивных фаз Балтики и Ладожского озера толщиной до 2-х метров, как это наблюдается на Силино.

Осадками Литориновой трансгрессии были перекрыты и частично перемыты мезолитические комплексы Большого Заветного 4 на 1-й озерной террасе и Силино. После завершения трансгрессивной фазы на этих местах возникли раннеолитические поселения, материалы которых отложились в осадках Литориновой трансгрессии. Тем самым, нижняя хронологическая граница для обоих комплексов соответствует времени освобождения этого участка суши от воды около 6200—6300 л. н. Верхняя граница обоих комплексов может определяться лишь концом времени существования поселений с керамикой сперрингс, т. е. около 5500—5300 л. н. (Герман, 2001). На памятнике Силино непосредственно над слоем с материалами культуры сперрингс залегают материалы периода развитого неолита — культуры Прибалтийской ямочно-гребенчатой керамики. Нижняя хронологическая граница этого комплекса может быть установлена так же, как верхняя граница для комплекса с керамикой сперрингс. Верхняя граница для этого комплекса определяется вполне четко по времени начала Сайменской трансгрессии около 5000 л. н. Подъем воды носил катастрофический характер, верхняя часть нижележащего слоя сохранила следы сильного перемывания.

После отступления вод Сайменской трансгрессии на памятнике Силино возникает поселение позднеолитического времени. Вероятно, оно существует приблизительно в то же время, что и позднеолитический комплекс на стоянке Большое Заветное 4, радиоуглеродные даты которого укладываются в диапазон 3700—3370 л. н.

На памятнике Силино выше слоя с материалами периода позднего неолита залегают слои с материалами эпохи раннего металла. Верхняя хронологическая граница существования этого комплекса определяется временем максимума Ладожской трансгрессии непосредственно перед образованием р. Невы — около 3000 л. н. (Саарнисто и др., 1994).

Представленная хронологическая схема может быть уточнена в дальнейшем при появлении новых радиоуглеродных дат, а так же при сопоставлении откорректированных палеоклиматических данных, полученных на основании геохимических анализов, с опорными палеоклиматическими кривыми для исследуемого региона. Тем не менее, уже сейчас эта схема может служить основой для датировки археологических памятников каменного века Карельского перешейка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Тимофеев В. И. Материалы к археологической карте Карельского перешейка. СПб, 2003. В печати.
- Герасимов Д. В. Отчет о рекогносцировочных работах на стоянке Силино Приозерского района Ленинградской области в 2001 г. / Архив ИИМК РАН. СПб, 2002.
- Герман К. Э. Памятники с керамикой сперрингс в бассейне Онежского озера / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2001.
- Долуханов П. М. Послеледниковая история Балтики и хронология неолита // Новые методы в археологических исследованиях. Л., 1963.
- Долуханов П. М. Поздне- и послеледниковая история Балтийского моря и археологических культур в его бассейне / Автореф. дисс. ... канд. геол. наук. Л., 1965.

- Долуханов П. М.* История Балтики. Л., 1969.
- Клейменова Г. И., Вишневецкая Е. М., Долуханов П. М., Латышева Н. М.* К палеогеографии Северо-Восточного побережья Финского залива в среднем и позднем голоцене // Известия Всероссийского Географического общества. Т. 120. Вып. 4. 1988.
- Кулькова М. А.* Геохимическая индикация ландшафтно-климатических изменений в голоцене. // Историческая геология и эволюционная география. СПб, 2001.
- Кулькова М. А., Савельева Л. А.* Реконструкция палеоклимата голоцена в районе заболоченных озер Рудня-Сертейская по данным комплексного анализа // Материалы конф., посвящ. памяти А. М. Микляева. СПб, 2000.
- Македонов А. В.* Методы литофациального анализа и типизация осадков гумидных зон. Л., 1985.
- Марков К. К.* Развитие рельефа Северо-Западной части Ленинградской обл. Труды главного геолого-разведочного управления. Л., 1931.
- Саарнисто М., Сакса А., Таавитсайнен Ю.-П.* Древние жители Куппалы — свидетели этапов истории Ладого // Вопросы геологии и археологии: ТД междунар. симпоз., посвящ. 150-летию А. А. Иностранцева. СПб, 1994.
- Тимофеев В. И.* Отчет о рекогносцировочных раскопках стоянки Силино (Приозерский р-н Ленинградской области) в 2000 г. / Архив ИИМК РАН. СПб, 2001.
- Яковлев С. А.* Наносы и рельеф города Ленинграда и его окрестностей. М., Л. 1926.
- Ailio J.* Die geographische Entwicklung des Ladogasees in postglazialer zeit und ihre Biziehung zur steinzeitlichen Beziehung // Fennia. No. 38. Helsinki, 1915.
- Arbogast A. F., Muhs D. R.* Geochemical and mineralogical evidence from eolian sediments for northwesterly mid-Holocene paleowinds, central Kansas, USA // Quaternary International. No. 67. 2000.
- Bor-ming Jahn, Gallet S., Jiamao Han.* Geochemistry of the Xining Jixian sections, Loess Plateau of China: eolian dust provenance and paleosol evolution during the last 140 ka // Chemical Geology. No. 178. 2001.
- Hema Achyuthan.* Petrologic analysis and geochemistry of the Late Neogene-Early Quaternary hardpan calcretes of Western Rajasthan India // Quaternary International. 2003. In press.
- Нуурппа Е.* Post-glacial changes of shore-line in South Finland // Bulletin de la commission geologique de Finlande. No. 120. 1937.
- Kul'kova M. A., Mazurkevich A. N., Dolukhanov P. M.* Chronology and Palaeoclimate of prehistoric sites in Western Dvina-Lovat' area of North-Western Russia // Geochronometria. Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology. Vol. 20. 2001.
- Miettinen A.* Relative sea level changes in the eastern part of the Gulf of Finland during the last 8000 years. Helsinki, 2002.
- Nunez M. G.* Archaeology through soil chemical analysis: an evolution. Helsinki, 1977.
- Ramsey W.* Eustatic changes of level and the neolithicum // Suomen Muinaismuistoyndistyksen aikäkauskiija. Bd. XXXVI (2). Helsinki, 1927.

ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ И ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО НЕОЛИТА

П. М. Долуханов (Ньюкасл, Англия)

НЕОЛИТИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ: ХРОНОЛОГИЯ И МОДЕЛИ

Постановка проблемы

Неолитизация Европы, один из узловых моментов первобытной истории человечества, до сих пор остаётся в центре оживлённых дискуссий. Не вызывает сомнений тот факт, что переход от мезолита к неолиту ознаменовался фундаментальными изменениями в хозяйстве и социальной организации первобытных человеческих сообществ. Характер этих изменений, их причины и последствия остаются предметом обсуждений. Во многом, это связано с тем, что в различных странах Европы по-разному понимается само понятие «неолит». Начиная с 1920-х годов, когда Гордон Чайлд (Child, 1925) выдвинул концепцию «неолитической революции», большая часть западных исследователей связывает неолит с ранним земледелием. Чайлд и его последователи до сего времени (Price, 2000) рассматривают распространение неолита в Европе как земледельческую колонизацию. Согласно этим воззрениям, расселившиеся колонисты занесли в Европу злаки и домашний скот, керамическую посуду, навыки домостроительства, погребальные ритуалы, установили систему торговых связей. При этом местное население было частью уничтожено, частью вовлечено в земледелие и скотоводство. Новыми исследованиями был расширен список критериев неолита, в него были включены такие признаки как оседлость, социальное расслоение и символика (Tringham, 2000). Тем не менее, в большинстве исследований переход к хозяйству *агро-пасторального типа* рассматривается как важнейший «сигнал» неолита (Zvelebil, 1996. С. 323).

Иное содержание в понятие «неолит» вкладывают восточноевропейские исследователи. Так, в обобщающем издании «Неолит Северной Евразии» можно прочитать (Ошибкина, 1996. С. 6), что «термин «неолит» т. е. новый каменный век, введён в археологическую науку Д. Леббоком в 1865 г. для обозначения исторического периода, в начале которого люди научились шлифовать и сверлить каменные орудия и делать глиняную посуду...». Г. Д. Кларк (Clark, 1975), основываясь на материалах мезолита Северной Европы, пришёл к выводу, что все способы обработки камня, включая шлифовку и сверление, были освоены человеком ещё в мезолите. Это заключение было подтверждено и позднейшими исследованиями. Таким образом, согласно «восточноевропейской концепции» только появление керамической посуды является критерием «начального неолита».

На Западе подобное определение понятия «неолит» можно встретить лишь в историографических исследованиях. В словаре археологических терминов (Shaw, Jameson, 1999) в статье «неолит» говорится: «хотя этот термин первоначально отождествлялся с появлением шлифованных орудий, он очень скоро был связан с набором фундаментальных культурно-экономиче-

ских изменений, включавших применение керамической посуды, domestикацию растений, скотоводство и оседлость».

Данные, полученные за последние годы, дают основания поставить под сомнение абсолютный характер подобного сочетания признаков. Как следует из недавних археоботанических исследований (Hather, Mason, 2002. С. 4—5), в большинстве случаев оказывается крайне затруднительным провести чёткую грань между хозяйственным укладом охотников-собирателей и ранних земледельцев. Как было установлено, большая часть неолитического населения Великобритании активно осуществляла сбор урожая дикорастущих растений (Robinson, 2000). С другой стороны, появление керамики на приморских памятниках типа раковинных куч (таких как эртебёлле в южной Скандинавии и северной Германии или Альграве в Португалии) не сопровождалось изменением хозяйственного уклада, основанного на сборах съедобных моллюсков, плодов дикорастущих растений, а также охоте на морских и наземных млекопитающих (Stiner et al., 2003; Andersen, Johansen, 1987; Robinson, Harild, 2002).

Наряду с этим, имеются бесспорные свидетельства того, что сообщества «керамических» охотников-собирателей лесной зоны Евразии обнаруживают целый ряд признаков, свойственных неолиту в западном понимании, таких как сравнительно высокая плотность народонаселения, появление долговременных или постоянных поселений, развитие системы торговли и обмена (в том числе и с группами земледельцев и скотоводов), имущественное и социальное расслоение, ритуальные сооружения, а также образование локальных культурных общностей (Ошибкина, 1996. С. 8—9; Zvelebil, 1996. Р. 331). Становится всё более очевидным, что грань между земледельческим и неземледельческим неолитом не является принципиальной и что неолит может принимать различные формы, в зависимости от особенностей природной обстановки, культурно-социального опыта и традиций (Séfériadès, 1993; Tringham, 2000; Thomas, 1996; 2003). Следует отметить, что подобный подход был традиционно свойственен для российской и советской археологии (Брюсов, 1952; Ошибкина, 1996).

Механизм распространения неолитических сообществ является предметом не менее острых дискуссий. В своих работах Чайлд (Childe, 1958) последовательно придерживался миграционной модели; он полагал, что неолит был занесён в Европу земледельцами, переселившимися из Передней Азии. В современных исследованиях обсуждаются различные модели миграционных процессов. Зильон (Zilhão, 1993; 2000) говорит о «скачкообразной» колонизации небольшими группами, передвигающихся на лодках вдоль средиземноморского побережья.

В 1970-х годах генетик Л. Кавалли-Сфорца, в содружестве с математиком А. Аммерманом (Ammerman, Cavalli-Sforza, 1973), предложили демографическую модель неолитической популяционной диффузии, названной исследователями «волновой миграцией (wave of advance)». Согласно этой модели, переход к земледелию сопровождался демографическим взрывом, при котором плотность населения возрастала, следуя кривой логистического типа. При достижении «уровня насыщения», происходил многократно повторяющийся в пространстве отток избыточного населения. На основании компьютерного моделирования, было подсчитано, что скорость миграции составляла 18—25 км на протяжении жизни одного поколения. Согласно этой модели, малочисленное мезолитическое население в ходе неолитической диффузии либо уничтожалось либо поглощалось земледельцами-скотоводами.

В 1980-х и 1990-х годах миграционная парадигма получила поддержку со стороны молекулярной генетики. Используя «классическую» технику расшифровки белкового полиформизма, закодированного в ядрах хромосом, Кавалли-Сфорца и его сотрудники (Cavalli-Sforza et al., 1993), получили данные, относительно частотного распределения аллелей в современных популяциях Европы и Передней Азии. Применив методику многомерного анализа, исследователи построили синтетическую «генную карту Европы» на которой выявились зоны, соответствовавшие однородным комбинациям групп признаков. Проекция на карту показателей первых главных компонент, обнаружила удовлетворительное соответствие с радиоуглеродными датировками ранне-неолитических памятников. На основании этих исследований был сделан вывод, относительно справедливости диффузионной популяционной модели неолитизации. Не менее

важным было заключение о том, что большая часть современного генофонда Европы была сформирована за счёт иммиграции «переднеазиатских земледельцев» при ничтожной роли до-неолитических популяций (Bodmer, Cavalli-Sforza, 1976). В ряде случаев исследователи улавливали связь между вариациями частот генов и распространением современных языков (Barbujani et al., 1990). Эти данные были с энтузиазмом встречены рядом археологов, в частности К. Ренфрю, автором теории, связывающей распространение индоевропейских языков с иммиграцией ранних земледельцев из области Анатолии (Renfrew, 1987; 1992).

Миграционная модель находит некоторое подтверждение в этнографических материалах. В западной литературе широко используются примеры земледельческой колонизации Финляндии в 16 веке и Канады в 18 веке (Alexander, 1978; Green, Perlman, 1985). Для иллюстрации этого процесса могут быть привлечены в равной степени и материалы по земледельческому освоению Русского Севера и Сибири (Александров, 1999).

Вторая парадигма неолитизации, имеющая не менее длительную историю, может быть названа, в противоположность первой, автохтонной. Она включает несколько разновидностей. В наиболее ортодоксальном варианте весь «культурно-социальный пакет» неолита объясняется серией локальных новаций. В связи с этим можно вспомнить многочисленные высказывания, относительно автохтонности восточноевропейского животноводства, существовавшие в отечественной археологической литературе и достаточно убедительно раскритикованные (Цалкин, 1970). После классических трудов Н.И. Вавилова, относительно центров происхождения культурных растений, практически никто из серьёзных исследователей не высказывается в пользу «независимого» возникновения земледелия в Европе. Тем не менее, необходимо отметить, что современные исследования в области генетики культурных злаков, дают основания считать, что процесс доместикации этих растений был значительно шире, чем это предполагалось ещё недавно и охватывал значительные области Европы (Martin Jones, pers. comm.).

Ряд британских исследователей (Whittle, 1996; Tilley, 1994; Thomas, 1996) связывает неолитизацию с восприятием земледелия местными группами охотников-собираателей, в результате культурной диффузии, заимствований, и установления брачных отношений. К. Ренфрю (Renfrew, 1987) высказал предположение, что этот процесс имеет характер «элитарной доминантности», при котором сравнительно небольшая по численности группа мигрантов, стоящая на более высоком уровне развития «навязывает» культурную символику и язык менее развитой автохтонной популяции

М. Звелебил (Zvelebil, 1986; 1996) считает, что переход от мезолита к неолиту в зоне «земледельческого пограничья» осуществлялся в три стадии: «потенции», «замещения» и «консолидации». Д. Гроненборн (Gronenborn, 1999) и соавторы (Price et al., 2001) высказывают предположение о том, что в процессе неолитизации сравнительно немногочисленные группы иммигрантов-земледельцев входили в контакты с автохтонными группами.

Широкое введение радиоуглеродного датирования в практику археологических исследований предоставило новые возможности для верификации различных моделей неолитизации. Обобщение первых серий датировок, произведённое Д. Кларком (Clark, 1965), привело этого исследователя к заключению о справедливости утверждения Чайлда о том, что «неолитический уклад был принесён в (центральную) Европу земледельцами, пришедшими с Балкан и из Греции». В последовавшее время исследователи высказывались более осторожно. Р. Трингхэм (Tringham, 1971. P. 216—217) высказала мнение о том, что технические новации либо воспринимались, либо отвергались местными группами в процессе земледельческой экспансии. П. М. Долуханов и В. И. Тимофеев (1972. С. 29—30), обобщив все известные в то время радиоуглеродные датировки, сделали заключение о том, что процесс неолитизации осуществлялся в результате сочетания «диффузионных и конвергентных процессов».

Что касается керамического производства, то в большинстве случаев, его возникновение связывают с импульсами, исходившими из ареалов культур, характеризовавшихся более развитыми технологиями. Однако, всё более многочисленные находки сосудов в мезолитических и даже верхнепалеолитических контекстах, в принципе, позволяют допустить возможность неза-

висимого изобретения керамики. Несмотря на отмеченные обстоятельства, число сторонников «чистого автохтонизма» ныне крайне невелико.

Более популярный вариант автохтонной парадигмы основывается на представлениях о том, что мезолитическое общество Европы достигло достаточно высоко уровня социального развития, что включало оседлость, определённую степень контроля над ресурсной базой, а также социально-имущественное расслоение. Современные исследования, в частности, в пределах Восточноевропейской равнины, подтверждают существование в мезолитическую эпоху достаточно крупных базовых лагерей стационарного или полустационарного типа. Мезолитическое общество состояло из большого числа неустойчивых культурных объединений, с разной степенью вероятности сопоставляемых с этническим или протэтническим образованиями. К. Джейкобс (Jacobs, 1994), на основании одонтометрических измерений, обнаружил значительные отличия материалов Оленеостровского могильника от синхронных популяций Скандинавии. На этом основании делается заключение о том, что в мезолите существовали эндогамные группы, замкнутого или полужамкнутого типа. Определённое имущественное расслоение мезолитического общества по половым, возрастным и социальным признакам, сопровождавшееся выделением старейшин (шаманов) достаточно отчётливо прослеживается на материалах мезолитических могильников, в частности, Оленеостровского (Гурина, 1956; Zvelebil, O'Shea, 1984).

Автохтонная парадигма находит подтверждение и в данных молекулярной генетики. Эти данные, в отличие от тех, которыми оперирует Кавалли-Сфорца и его сторонники, основываются на исследованиях мутаций митохондриальной ДНК. Используя эту методику, группа британских исследователей (Richards et al., 1996) сделала принципиальный вывод о том, что большая часть гаплотипов, установленных в современных популяциях Европы, была занесена в ходе первоначального расселения анатомически современного человека, более 25 тыс. лет назад. Частоты гаплогрупп, которые могут быть связаны с «неолитической диффузией» варьируют в различных регионах Европы между 12 % и 5 %.

В настоящей статье делается попытка оценить имеющиеся и предложить новые сценарии неолитизации, на основании анализа имеющихся данных радиоуглеродных датировок, относительно четырёх ключевых районов Европы, а именно, в юго-восточной области, лёссовых равнин Центральной Европы, Средиземноморья и, наконец, севера и на востока Европы. При этом, в соответствии с поставленной задачей, рассматриваются данные, относящиеся к начальным фазам неолита. Во всех случаях используется методика статистической обработки радиоуглеродных дат, позволяющая значительно увеличить их точность (Dolukhanov et al., 2001).

Юго-Восточная Европа

Поселения раннего неолита в этой области концентрируются в межгорных котловинах (Фессалия, долины Струма-Вардар, бассейн Марицы), на Нижне- и Средне-Дунайской равнинах, в долинах рек на Молдавской возвышенности. Во всех случаях поселения располагались на плодородных и лёгких для освоения почвах, развитых на аллювиальных, озёрных или делювиальных отложениях, занятых в то время светлыми и сухими широколиственными лесами. На основании археоботанических и фаунистических данных, считается, что хозяйство повсеместно основывалось на земледелии (преимущественно плёнчатых пшениц, в основном, полбы, а также ячменя и зернобобовых) и животноводстве (преимущественно мелкий рогатый скот, в меньшей мере, крупный рогатый скот, свинья), сочетавшийся с собирательством и охотой на диких животных (что было особенно характерно для поселений на Молдавской возвышенности).

Основным типом поселения в южном ареале (Греция, Болгария) были телли — жилые холмы площадь которых достигала в некоторых случаях 1—1,5 га, а число жителей, по оценкам, приближалось к 300 (Караново). В ряде случаев удавалось реконструировать строения: обычно это были однокамерные жилища с очагом.

В противоположность южной зоне, поселения на Средне-Дунайской равнине были «плоскими». Они обычно располагались на низких гипсометрических отметках, на окраинных частях нижних террас рек. Исследования, проведённые в бассейне Тисы, выявили прямую связь

поселений с меандрирующими водотоками, что явилось ещё одним подтверждением сезонного характера этих поселений. Исследования выявляют дисперсный характер поселений, состоявших из небольших землянок («ям» округлой или овальной формы). Вместе с этим, большая мощность культурных напластований позволяет считать, что эти сезонные поселения последовательно существовали на одном и том же месте продолжительное время (Титов, 1996).

Наиболее заметным элементом материальной культуры раннего неолита была керамическая посуда, включавшая как парадные, расписные экземпляры, так и более грубые формы, украшенные барботинным орнаментом. Предполагается (Whittle, 1996. Р. 62—63), что наиболее изящные керамические сосуды применялись для торжественных трапез, объединявших общину (или даже соседские общины). Стилистические особенности керамики служат основанием для выделения хронологических и региональных культурных традиций: пресескля, сескля, Караново 1—2, старчево-кёрош-криш. Наряду с этим, стилистический анализ керамики позволяет выделить в пределах культурной традиции более мелкие варианты, часто ограниченные определённой ландшафтной единицей (например, замкнутой речной долиной). Так, в области Центральных Балкан выделены (Титов, 1996), по крайней мере, три локальные группы (в Овче Поле, верхней Струме и в верховьях р. Тополница), отличающиеся стилистическими особенностями расписной керамики).

Не менее заметным элементом материальной культуры раннего неолита Балкан является художественная пластика: антропоморфные и зооморфные статуэтки. Численное преобладание женских фигурок с ярко выраженными признаками пола, дало основание видеть в них символику связанную с регенерацией жизни. М. Гимбутас проследила здесь пантеон, включавший Великую богиню, Богиню-змею, Богиню-птицу, т. е. различные образы женского архетипа (Gimbutas, 1989). По представлениям исследовательницы, эта символика отражала преобладание природного и творческого начал, свойственного гинекоцентрическому обществу (т. е. обществу, в котором женщина занимает господствующее положение в общественной и хозяйственной жизни), каким был, по её мнению, ранний неолит.

В более поздних работах в ранненеолитических фигурках часто видят символику, связанную с культом предков. Согласно иной интерпретации, антропоморфная или зооморфная пластика рассматривается в качестве метафорического знака конкретных индивидуумов, использовавшегося в процессе межобщинных, межсемейных или межиндивидуальных контактов, при заключении различного рода договоров, союзов или браков (Whittle, 1996).

Наиболее популярные гипотезы относительно возникновения неолита в Юго-Восточной Европе находятся в рамках миграционной парадигмы. Её очень отчётливо сформулировал В. С. Титов (1996. С. 104): «Основываясь на том, что основная зерновая культура материковой Греции конца 7 тыс. — плёчатая пшеница-эммер — не имеет дикорастущих предков в Европе... Учитывая, что она была культивирована за две тысячи лет до её появления в Греции и мелкий рогатый скот появился здесь уже в одомашненном виде, с определённой долей уверенности можно утверждать, что в материковой Греции первые земледельцы-скотоводы появились из Передней Азии, принеся сюда уже сложившуюся там систему экономики, которая уже позже могла быть немного модифицирована, путём использования новых вводимых в культуру растений и пополнения стада местными, пригодными для доместикации животными».

Как отмечались, в свете новых данных, относительно генетики культурных злаков, становится всё более вероятным, что зона одомашнивания растений была значительно шире, чем это ранее предполагалось: она могла включать значительные пространства Европы и, естественно, Балканы. Существенным обстоятельством является то, что в немногочисленных памятниках мезолита (пещера Франтхи на юге Пелопоннеса) установлена фаза сложного собирательства, включавшего использование нескольких видов дикорастущих растений (ячменя, овса, чечевицы и гороха) (Hansen, 1991). При этом исследователи подчёркивают крайне замедленный и неравномерный темп доместикации. Так, в пещере Франтхи появление мелкого рогатого скота фиксирует начало «бескерамического неолита»; свинья появилась в конце этого периода, а корова — уже в керамическом неолите. При этом отмечается, что всё ещё нет бесспорных

доказательств того, что свинья и корова были одомашнены. Культурные злаки (27 зёрен эммера, 5 — ячменя и 8 — чечевицы) появляются в более поздних слоях, по отношению к тем, где встречены кости козы и овцы. И ячмень и чечевица мало отличаются от «диких» зерновок, найденных в мезолитических слоях (Halstead, 1996). Высказывается мнение (Whittle, 1998) о том, что оседлое земледелие и скотоводство были свойственны лишь небольшому числу «элитарных» поселений, тогда как большая часть раннеэолитического населения Балкан оставалась бродячими охотниками-собираателями.

Статистическая обработка массива радиоуглеродных датировок памятников раннего неолита Балкан определённо свидетельствует о том, что неолитизация этого региона была длительным процессом, охватывавшим период 7500—4800 лет до н. э. (калиб.) на протяжении которого заметны несколько кульминаций и спадов.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

Наиболее ранняя стадия неолитизации Центральной Европы связывается со сравнительно быстрым распространением поселений культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК). Согласно широко распространённому мнению, эти поселения были ограничены пространством лёссовых плато, широкой полосой пересекавших Европу — от Парижского бассейна на западе до Балкан и Украины на юго-востоке. Более подробные исследования, проведённые в Чехии (Rulf, 1982) показывают, что в действительности менее 50 % поселений располагается на окраинных частях лёссового плато. Большая их часть находится на речных террасах на удалении не более 500 м от уреза воды. Преобладающий тип почв: чёрнозёмы, деградированные чёрнозёмы и бурозёмы. Поселения обычно образуют скопления, причём расстояние между поселениями внутри скопления составляет обычно 3—5 км. По данным спорово-пыльцевого анализа, в эпоху первоначального распространения земледельческих поселений преобладающим типом растительности на водораздельных плато были смешанные широколиственные леса.

Хозяйство поселений КЛЛК было основано на земледелии и животноводстве (Титов, 1996). Основной сельскохозяйственной культурой повсеместно были два вида плёчатых пшениц: эммер и однозернянка. Кроме господствующих видов, в ряде районов (Быланы в Чехии и некоторые поселения в Венгрии) встречена мягкая гексаплоидная пшеница (*Triticum spelta*). Ячмень был найден в нескольких случаях на поселениях в Венгрии и на западе Германии. Просо имело значительное хозяйственное значение на ряде поселений в Чехии и Моравии. Зернобобовые культуры (чечевица, горох, вика) обнаружены на значительном числе памятников в Словакии, Чехии, Баварии и Рейнской области.

Структура животноводства на всех памятниках КЛЛК ещё более однородна. Повсеместно преобладает крупный рогатый скот; костей коровы в среднем в три раза больше, чем козы/овцы и свиньи, которые представлены обычно в равных количествах.

Кости диких животных на памятниках КЛЛК обычно не превышают 10 % (благородный олень, кабан, тур). Наряду с этим, на отдельных поселениях, в частности, в Австрии и в Карпатском бассейне, отмечается более значительное присутствие и большое разнообразие дикой фауны. На ряде памятников КЛЛК отмечены признаки собирательства; это в первую очередь плоды лесного ореха и жёлуди. Следует отметить, что ряд западных исследователей в настоящее время высказывает сомнение в универсальном господстве производящего хозяйства на памятниках раннего неолита Балкан. По мнению этих исследователей земледелие и скотоводство было ограничено лишь памятниками элитарного типа.

Большинство исследователей подчёркивает удивительное разнообразие материальных проявлений КЛЛК. Это прежде всего относится к керамической посуде. Наиболее характерны для этой культуры сосуды полусферической формы высотой от 7 до 20—25 см, с небольшим дном. На ранней стадии культуры эта посуда покрыта тонким узором «нотного типа». По мнению В. С. Титова (1996. С. 237—238), древнейший ареал КЛЛК локализуется «в южной части Задунавья, к югу от Балатона», в зоне контакта с «балкано-карпатским центром». Западные исследователи (Whittle, 1996. Р. 157) выделяют более широкую зону «древнейшей КЛЛК», включающую северную Венгрию, Словакию, Чехию, восточную и северную Австрию, значитель-

ную часть южной и средней Германии. На более поздних стадиях отмечается значительная стилистическая вариабельность КЛЛК. При этом в Рейнской области Германии установлено, что ареал распространения определённого керамического стиля не превышает по протяжённости нескольких десятков километров (Lüning, 2000).

Другим важным элементом, определяющим однородность КЛЛК, являются жилища. Практически во всех районах распространения этой культуры установлены следы наземных домов столбовой конструкции, длина которых варьирует между 10 и 30 м (в отдельных случаях, превышает 30 м). Эти дома состоят из двух или трёх помещений, имевших различное функциональное назначение. Отмечено, что на ряде поселений прослеживаются группы, состоящие из нескольких близко расположенных и одинаково ориентированных жилищ. Единственная существенная структурная особенность, обнаруженная на ряде поселений, это загородки («палисады») и рвы. Такие сооружения имеются на ряде поселений, преимущественно на северо-западе ареала КЛЛК, а также в Моравии и Нижней Австрии. Первоначально загородки и рвы интерпретировались как фортификационные сооружения, возведённые в зоне контакта с враждебным населением. Предлагаются и более прозаические объяснения, такие как загоны для скота. Уиттл (Whittle, 1996. P. 176) видит в загородках способ «формализации» жилого пространства или обособления общин, путём выделения мест для проведения общинных собраний.

Статистическая обработка массива радиоуглеродных датировок, полученных для памятников КЛЛК во всём ареале их распределения с использованием опубликованных данных (Stäuble, 1995; Lenneis et al., 1996; Furholt et al., 2002) показывает, что распространение этих поселений было практически мгновенным (сравнимым с величиной статистической погрешности). И могут быть охарактеризованы датой 5154 ± 62 лет до н. э. (калиб.) (Рис. 1). Эти данные соответствуют представлениям, восходящим к Гордону Чайлду, связывавшим появление «дунайских культур» с миграцией земледельцев-колонистов из переднеазиатского ареала. Вместе с тем, ряд исследователей (Whittle, 1996; Price, 2001) связывает этот процесс с аккультурацией местных охотников-собираателей, а также контактам между земледельцами и охотниками-собираателями (Gronenborn, 1999). Последняя гипотеза находит подтверждение в результате обнаружения памятников типа Ля-Огетт в северо-западном ареале КЛЛК, что возможно указывает на существование локальных доземледельческих керамических культур (Price et al., 2001).

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

В области центрального и западного Средиземноморья, включающего побережья Адриатического, Ионического и Тирренского морей, а также средиземноморское побережье Франции, Испании и Португалии, процесс неолитизации связывается с распространением культур керамического комплекса «импрессо». Наиболее типичным типом керамическим сосудом этого комплекса является круглодонный горшок, украшенный простым орнаментом, выполненным отпечатками края раковин *Cardium*. Новые исследования показывают, что этот тип сосудов встречается не во всём регионе, а лишь в его небольшой части, преимущественно на побережьях Франции и Испании. Но даже в этих районах отмечается значительное стилистическое разнообразие; исследования в Лангедоке позволяют ограничить область «движения сосудов» территорией 70 км в поперечнике.

Значительно различаются и типы поселений; здесь встречаются как пещерные поселения, так и стоянки открытого типа. Последние сильно разнятся по размерам. На юге Италии встречаются поселения с загородками, причём размеры огороженных участков варьируют от 1 до 7 га.

В большинстве случаев поселения комплекса «импрессо» содержат большое количество костей домашних животных: это мелкий и крупный домашний скот, свинья. Наряду с этим, на стоянках часто обнаруживают в значительных количествах кости диких животных: благородного оленя, тура, кабана, зайца, птиц, черепах, а также рыб и створки съедобных моллюсков. На некоторых стоянках обнаружен широкий спектр культурных злаков и овощей, а также плодов дикорастущих растений. На других стоянках признаков земледелия не обнаружено.

На ряде пещерных памятников южной Франции слои с керамикой «импрессо» перекрывают мезолитические слои культуры кастельново. Правда, новые исследования показывают,

что в отдельных случаях мезолитические и ранненеолитические слои разделены стратиграфическим перерывом.

Анализ радиоуглеродных датировок, полученных для памятников культуры «кардиум» и «импрессо» на побережье западного Средиземноморья и на атлантическом побережье Португалии (Zilhão, 2000; 2001) показал, что эти памятники распространились в этом регионе практически мгновенно около 5400 лет до н. э. (калиб.)

Можно предположить, что быстрое распространение этого культурного комплекса происходило за счёт интенсивного каботажного мореплавания. Существований прибрежной колонизации достаточно определённо фиксируется по распространению обсидиана. Орудия из обсидиана, происходящего из месторождений на островах Сардиния, Пантеллерия, а также малых островов у побережья Кампании, широко распространялись во Франции, Италии и в северной Африке (Pollmann, 1993).

ВОСТОЧНАЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА

В эту категорию отнесены памятники раннего неолита Восточноевропейской равнины и бассейна Балтийского моря. Сюда же включены памятники, характеризующиеся ранними этапами керамического производства на юге и юго-востоке Восточноевропейской равнины, в слоях которых обнаружена керамическая посуда. Все памятники, отнесённые к данной категории, имеют ряд общих особенностей. Все они располагались на залесённых речных поймах, на низких озёрных террасах или в пределах морских лагун, глубоко вдающихся в сушу. В условиях климатического оптимума голоцена, эти биотопы содержали высококалорийные пищевые ресурсы. Во всех случаях хозяйственная деятельность «неолитических» групп основывалась преимущественно на охоте на наземных и морских (в случае поселений прибрежной зоны) млекопитающих и собирательстве. Очень большое значение имело собирание урожая богатых белками озёрных и лесных орехов. Крайне существенной хозяйственной отраслью было использование разнообразных пищевых ресурсов, связанных с водными биотопами (охота на водоплавающую дичь, рыболовство, собирательство съедобных моллюсков). В отношении культуры эртебёлле имеются данные, основанные на анализе соотношения стабильных изотопов кислорода в человеческих костях, указывающих на то, что пища, связанная с морским циклом, составляла не менее 80% потребляемых пищевых продуктов (Price, 1985). Исследование костей из Днепровских могильников с применением той же методики показывает, что в диете ранне-неолитических обитателей этого региона большое место занимала пресноводная рыба.

По крайней мере некоторые ранне-неолитические поселения имели постоянный характер, т. е. обитались круглогодично. Это определялось прежде всего географическим расположением памятников на стыке различного типа ландшафтов, что обеспечивало доступ к пищевым ресурсам на протяжении всего годового цикла. Среди памятников эртебёлле выделяются крупные приморские поселения, обитавшиеся круглогодично, и ряд более мелких поселений, определяемых как зимние или осенне-зимние стойбища (Andersen, 1995. P. 51—52).

За последние годы были получены серийные определения радиоуглеродного возраста для ряда ранне-неолитических культурных общностей, что позволяет по-новому взглянуть на процесс неолитизации Восточноевропейской равнины.

Елшанская культура

Памятники елшанской культуры, расположенных в лесостепном Волго-Уральском междуречье (Мамонов, 2000), содержат архаическую керамику, не имеющую очевидных аналогий в сопредельных областях, в сочетании с архаическими элементами в каменном инвентаре. Для этих стоянок была получена серия радиоуглеродных датировок, пять из которых статистически могут рассматриваться в качестве одновременных, т. е. наиболее вероятных. Среднее значение возраста одновременных памятников: $T_0 = 6910 \pm 58$ лет до н. э. Датировки, не вошедшие в эту совокупность, обнаруживают более глубокий возраст: (8025—7475 лет до н. э.).

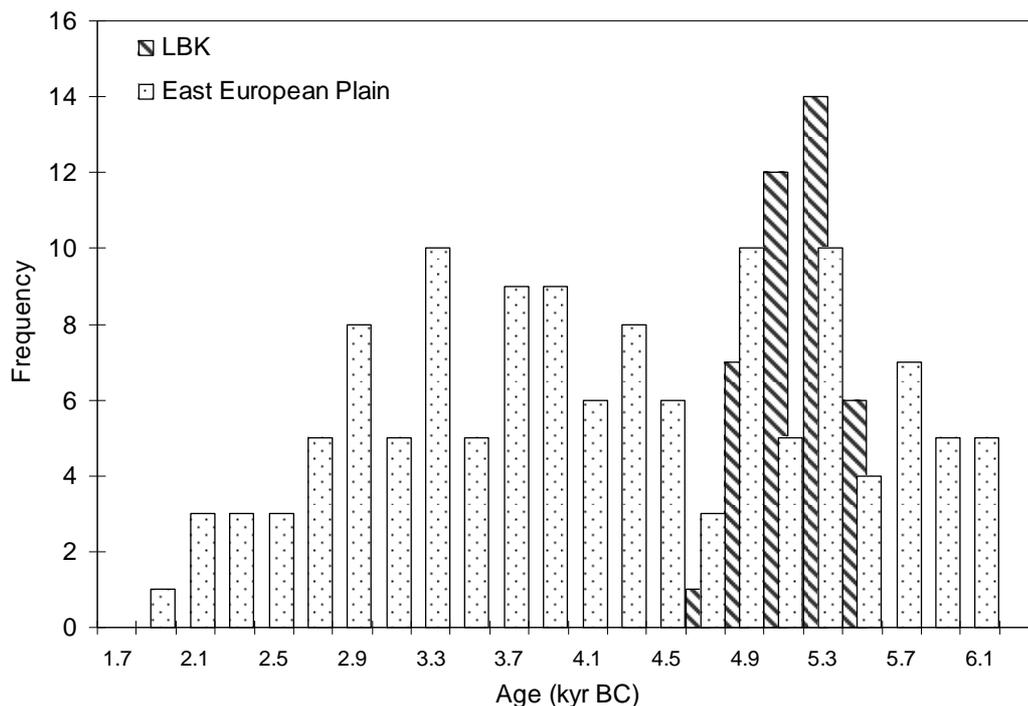


Рис. 1. Частоты радиоуглеродных датировок неолитических памятников: КЛЛК — косая штриховка; неолит Восточноевропейской равнины — точки.

Ракушечный Яр

Большая серия радиоуглеродных дат имеется для многослойного поселения Ракушечный Яр, на острове Поречный в нижнем течении р. Дон. Стационарными раскопками (Белановская, 1995) на этом памятнике было выявлено 23 культурных слоя. Для настоящего анализа были использованы измерения полученными из нижних слоёв, относящихся к ранненеолитической ракушечной культуре. В эту серию были также включены датировки, полученные для поселений 1 и 2 памятника Матвеев Курган в долине р. Миусс в Приазовье (Крижевская, 1992).

Серия содержит 10 датировок, шесть из которых удовлетворяют статистическому критерию одновременности. Среднее значение возраста оказалось равным $T_0 = 5863 \pm 130$ лет до н. э., при $\sigma_c = 247$ годам. Из не вошедших в совокупность датировок, одна обнаружила более молодой возраст (5000 лет до н. э.), а три — более глубокий (6550—6850 лет до н. э.).

Буго-Днестровская культура

Поселения Буго-Днестровской культуры, расположенные на низких поймах Днестра и Южного Буга, длительное время рассматривались в качестве древнейших памятников неолита на юго-западе Украины и в Молдавии (Даниленко, 1969; Маркевич, 1974). Поселения, относящиеся к ранним фазам, содержат преимущественно фауну диких животных, с единичным участием домашних особей (крупного рогатого скота и свиньи). В ряде случаев, на керамике были обнаружены отпечатки культурных пшениц. Поселения Буго-Днестровской культуры рассматриваются либо как соответствующие начальному этапу перехода к земледелию и скотоводству, либо как отражение контактов местных групп охотников-рыболовов с обществами земледельцев. Мы исследовали 7 датировок происходящих из памятников на Днестре (Сороки 2 и 5) и из бассейна Южного Буга (Пугач 2, Гард 3, Саврань, Базьков остров, Печера, Сокольцы 2, Заньковцы). Все исследованные датировки удовлетворяют критерию одновременности (рис. 1), со средним значением возраста: $T_0 = 6121 \pm 143$ лет до н. э., и $\sigma_c = 101$ году.

Ранний неолит лесной зоны

К раннему неолиту лесной зоны Восточноевропейской равнины отнесены несколько культурных образований, для многих из которых получены серийные радиоуглеродные определения. Были статистически обработаны датировки поселений верхневолжской культуры (включая стратифицированные памятники: Ивановское 2, 2а, 3 и 7, Берендеево 1 и 2а и Языково), валдайской культуры, культуры сперрингс на территории Приладожья и Карелии, а также Черноборской культуры на севере европейской России. Общая совокупность датировок памятников лесного неолита включало 55 определений, из которых 32 соответствовали критерию одновременности. Полученный усреднённый возраст оказался равным $T_0 = 5417 \pm 30$ лет до н. э., при $\sigma = 160$ годам. Даты, не вошедшие в одновозрастную совокупность, характеризуются более древним (5800—6200) и более молодыми (4200—5200) значениями возраста.

При обработке всего массива радиоуглеродных датировок памятников раннего неолита Восточноевропейской равнины обнаружилась несколько размытая картина частотного распределения с несколькими максимумами, причём лишь небольшое число определений удовлетворяло критерию одновременности (рис. 1).

Наиболее ранний максимум (6200—5800) образован преимущественно датировками, полученными для памятников степной и лесостепной зон. Основной максимум (5800—5200) сложился за счёт наиболее ранних дат памятников верхневолжской культуры и культуры сперрингс.

Обсуждение

Как отмечалось, распространение памятников КЛЛК в Центральной Европе обычно рассматривалось как миграционный процесс (Childe, 1925). Наряду с этим, ряд исследователей (Whittle, 1996; Price, 2001) связывает этот процесс с аккультурацией местных охотников-собирателей, а также контактам между земледельцами и охотниками-собирателями (Gronenborn, 1999). Последняя гипотеза находит подтверждение в результате обнаружения памятников типа Ля-Огетт в северо-западном ареале КЛЛК, что возможно указывает на существование локальных доземледельческих керамических культур (Price et al., 2001).

На основании анализа радиоуглеродных датировок, Гроненборн и соавторы (Gronenborn, 1999. С. 156; Price et al., 2001) предположили, что наиболее ранние памятники КЛЛК появились в Задунавье около 5700—5660 лет до н. э., и достигли северо-западного ареала около 5500 лет до н. э. Наши данные не позволяют выявить временную структуру распределения КЛЛК. 40 и 47 проанализированных дат удовлетворяют критерию одновременности и образуют кривую гауссова типа в пределах 5600—4800 лет до н. э. (при 2σ). Наиболее вероятный возраст всей совокупности составляет: 5154 ± 62 гг. до н. э. Другими словами, при существующей разрешающей способности радиоуглеродного метода, не оказывается возможным выделить отдельные моменты в процессе распространения КЛЛК. Этот процесс представляется как единое событие, которое можно охарактеризовать одной датой (вероятно соответствующей кульминации) со сравнительно небольшой погрешностью.

Полученные данные позволяют оценить скорость распространения поселений КЛЛК. Учитывая максимальную протяжённость ареала (1500 км) и общую продолжительность процесса (360 лет — двойное стандартное отклонение совокупной серии), скорость распространения КЛЛК оказывается порядка 4 км в год. Эта цифра близка к значению, предложенному Кавалли-Сфорца и Аммерману: 6 км в год (Ammerman, Cavalli-Sforza, 1973), а также Гикяста (Gikasta et al., 2003) для несколько более широкой территории. Следует отметить, что скорость распространения КЛЛК оказывается значительно выше скорости неолитизации Европы в целом, предложенной теми же авторами, в среднем 1 км в год.

Характер распределения частот датировок памятников неолита Восточноевропейской равнины показывает, что в этом случае мы имеем дело с процессом, обладающим иной временной и пространственной структурой и охватывающим больший хронологический интервал. Наши данные выявляют определённый тренд, который включает елшанскую культуру (6910 ± 58 лет до н. э.), и далее следующий через буго-днестровскую (6121 ± 101 гг. до н. э.) и ракушечную (5846 ± 128 лет до н. э.), к «лесному» неолиту (5317 ± 30 лет до н. э.) (рис. 2).

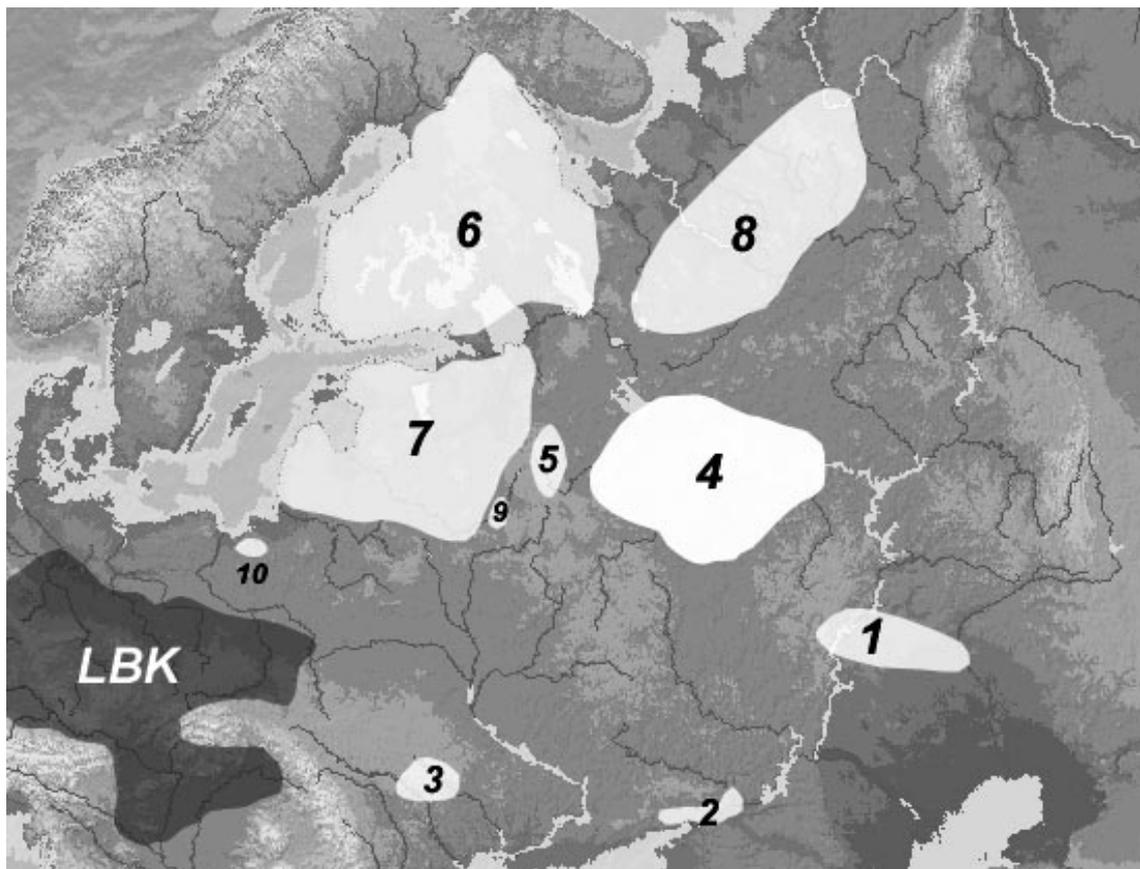


Рис. 2. Культуры раннего неолита Центральной и Восточной Европы:
 LBK — КЛЛК; 1 — елшанская; 2 — ракушечнойская; 3 — Буго-Днестровская; 4 — верхневолжская;
 5 — валдайская; 6 — сперрингс; 7 — нарвская; 8 — черноборская; 9 — сертейская; 10 — цедмар.

Учитывая максимальную протяжённость ареала (около 2500 км) и максимальную продолжительность (около 1600 лет), скорость распространения керамического производства в пределах Восточноевропейской равнины оказывается равной 1,6 км в год. Эта цифра оказывается значительно меньшей, чем скорость распространения КЛЛК, но сравнимой со скоростью неолитизации Европы в целом. На основании этого можно предположить, что керамическое производство на Восточноевропейской равнине возникло под воздействием импульсов, исходящих из степных районов на востоке. Следует отметить, что подобную точку зрения высказал много лет назад В. Н. Даниленко (Даниленко, 1969; Котова, 2002).

Археологические данные, полученные за последние десятилетия, свидетельствуют о раннем появлении керамического производства в восточных регионах Северной Евразии (Van Berg, Sauer, 2000). Это прежде всего Япония, где керамическое производство зафиксировано на начальной стадии культуры Дзёмон, около 11000 лет до н. э. (Aitkens, Higuchi, 1982). Ранний центр керамического производства с радиоуглеродными датами порядка 14500—12400 л. н. установлен в бассейне нижнего течения Амура (Derevyanko, Medvedev, 1997; Kuzmin, Orlova, 2000). Близкие значения возраста были получены для некоторых раннекерамических комплексов Забайкалья: Усть-Каренга, Усть-Кяхта, Студёное (Хлобыстин, 1996; Kuzmin, Orlova, 2000).

Отсутствие определённых стилистических соответствий позволяет считать, что керамическое производство во всех случаях возникало в большей мере независимо, в условиях высокопроизводительного хозяйства присваивающего типа. Вместе с тем, есть основание предполагать существование определённого культурного импульса, распространявшегося в западном направлении в пределах южно-сибирского лесостепного пояса между 15 и 8 тысячелетиями до н. э. В 7 тысячелетии этот импульс достиг степной и лесостепной зон Восточной Европы.

На протяжении 6 тысячелетия, между 5800 и 5200 лет до н. э., керамическое производство охватило большую часть лесной зоны Восточной Европы. Характерно, что этот временной интервал близко совпадает с быстрым распространением поселений КЛЛК в Центральной Европе. Возможным объяснением этому является то обстоятельство, что данный интервал соответствует климатическому оптимуму голоцена: максимальному увеличению температур, осадков, и биомассы (Peterson, 1993).

Таким образом, становится очевидным, что неолитизация была сложным многофакторным процессом, включающим различные варианты миграций и культурных диффузий. При этом можно различить по крайней мере четыре пространственных тренда:

- 1) юго-восток — северо-запад в пределах юго-восточной Европы и лёссовой зоны (земледелие);
- 2) восток — запад вдоль средиземноморского и атлантического побережья (земледелие и прибрежное собирательство);
- 3) восток — запад в пределах лесостепей Евразии (керамическое производство);
- 4) юг — север в пределах лесной зоны (керамическое производство).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров В. А.* Освоение земель и крестьянское землепользование // Русские. М., 1999.
- Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995.
- Брюсов А. Я.* Очерки по истории племён европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник. МИА. № 47. 1956.
- Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев, 1969.
- Долуханов П. М., Тимофеев В. И.* Абсолютная хронология неолит Евразии: (По данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Котова Н. С.* Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Крижевская Л. Я.* Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб, 1992.
- Мамонов Е. А.* Хронологический аспект изучения елшанской культуры // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Маркевич В. И.* Буго-Днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.
- Титов В. С.* Неолит Карпатского бассейна. Исследования и материалы. М., 1996.
- Ошибкина С. В.* Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996.
- Хлобыстин Л. П.* Восточная Сибирь и Дальний Восток // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996.
- Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- Aitkens C. M., Higuchi T.* Prehistory of Japan. 1982.
- Alexander J.* Frontier studies and the earliest farmers in Europe // D. Green, C. Haselgrove, M. Spriggs (eds). Social Organisation and settlements. British Archaeological Records. International Series. No. 47. Oxford, 1978.
- Ammerman A. J., Cavalli-Sforza L. L.* A population model for the diffusion of early farming in Europe // C. Renfrew (ed.). The Explanation of Culture change. London, 1973.
- Andersen S. H., Johansen E.* Ertebølle revisited // Journal of Danish Archaeology. No. 5. 1987.
- Andersen S. H.* Coastal adaptation and marine exploitation in Late Mesolithic Denmark — with special emphasis on the Limfjord region // A. Fischer (ed.). Man and Sea in Mesolithic Coastal settlement Above and Below the Sea-Level. Oxford, Oxbow, 1995.
- Barbujani G.* DNA variation and language affinities // American Journal of Human Genetics. No. 61. 1997.
- Bodmer W. F., Cavalli-Sforza L. L.* Genetics, Evolution and Man. San Francisco, Freeman, 1976.
- Cavalli-Sforza, L. L., Menozzi P., Piazza A.* The History and Geography of Human genes. Princeton, 1994.
- Childe V. G.* The Dawn of European Civilization. London, 1925.
- Childe V. G.* The Dawn of European Civilization. 6th edition. New York, 1958.
- Clark J. G. D.* Radiocarbon dating and the expansion of farming culture from the Near East over Europe // Proceedings of the Prehistoric Society. No. 31/4. 1965.
- Clark J. G. D.* The Mesolithic Settlement of Northern Europe. 2nd edition. Cambridge, 1975.

- Derevyanko A. P., Medvedev V. E.* The Amur River basin as one of the earliest centres of ceramics in the Far East // H. Kajiwarra (ed.). *The Origins of Ceramics in East Asia and the Far East*. Tohoku, 1995.
- Dolukhanov P., Sokoloff D., Shukurov A.* Radiocarbon chronology of Upper Palaeolithic sites in Eastern Europe at improved resolution // *Journal of Archaeological Science*. No. 18, 2001.
- Furholt M., Müller J., Raetzl-Fabian D., Rinne C., Wotzka H.-P.* Radiocarbon online: Datenbank mitteleuropäischer 14C-Daten für das Neolithikum und die frühe Bronzezeit. <http://www.jungsteinzeit.de/radon/radon.htm>. 2002.
- Gimbutas M.* *The Language of the Goddess*. London, 1989.
- Gimbutas M.* *The Civilization of the Goddess: the World of Old Europe*. San Francisco, 1991.
- Green S., Perlman S.* *The Archaeology of Frontiers and Boundaries*. New York, 1985.
- Gikasta M., Russel T., Shennan S., Steele J.* Neolithic transition in Europe: the radiocarbon dates revisited // *Antiquity*. No. 77. 2003.
- Gronenborn D.* A variation on basic theme: the transition to farming in southern central Europe // *Journal of World Prehistory*. No. 13. 1999.
- Gronenborn D.* Migration, Acculturation and Culture Change in Temperate Europe and Eurasia, 6500—5000 cal BC // Budja M. (ed.). *The Neolithization of Eurasia — Reflections in Archaeology and Archaeogenetics*. Documenta Praehistorica. No. 30. Lubljana, 2003 (in press).
- Halstead P.* The development of agriculture and pastoralism in Greece: when, how, who and what? // Harris D. R. (ed.). *The Origin and Spread of Agriculture and Pastoralism in Eurasia*. London, 1966.
- Hansen J. M.* Excavations at Franthchi Cave, Greece, fascicle 7. *The Palaeobotany of Franthchi Cave*. Bloomington, 1991.
- Hather J. G., Mason S. L.* Introduction: some issues in the archaeobotany of hunter-gatherers // Mason S. L. R., Hather J. G. (eds.). *Hunter-Gatherer Archaeobotany*. London, 2002.
- Hodder I.* *The Domestication of Europe*. Blackwell, 1990.
- Jacobs K.* Human population differentiation in the peri-Baltic Mesolithic: the odontometrics of Oleneostrovskii Mogil'nik // *Human Evolution*. No. 7/4. 1994.
- Kuzmin, Y. V., Orlova, L. A.* The Neolithisation of Siberia and Russian Far East // *Antiquity*. No. 74. 2000.
- Lenneis E., Stadler P., Windl H.* Neue 14C-Daten zum Frühneolithikum in Österreich // *Préhistoire Européenne*. No. 8. 1996.
- Lüning J.* Steinzeitliche Bauern in Deutschland. Die Landwirtschaft im Neolithikum. J. W. Goethe Universität. Universitätsforschungen Prähistorisches Archaeologie. No. 58. Frankfurt, 2000.
- Larsson L.* The Mesolithic of southern Scandinavia // *Journal of World Prehistory*. No. 4. 1990.
- Lüning J.* Frühe Bauern in Mitteleuropa in 6—5 Jahrtausend v. Chr. // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. No. 35. 1988.
- Menozzi P., Piasza A., Cavalli-Sforza L. L.* Synthetic map of gene frequencies in Europe // *Science*. No. 210. 1978.
- Meskel L.* Goddesses, Gimbutas and 'New Age' archaeology // *Antiquity*. No. 69, 1995.
- Peterson G. M.* Vegetational and climatic history of the western Former Soviet Union // H. E. Wright, J. E. Kutzbach, T. Webb, W. F. Ruddiman, F. A. Street-Perrott, P. J. Bartlein (eds.) *Global Climates Since the Last Glacial Maximum*. Minneapolis, 1993.
- Pollmann H.-O.* Obsidian im norewesmediterranean Raum: seine Verbreitung und Nutzung im Neolithikum und Äneolithikum. Oxford, 1993.
- Price T.* The reconstruction of Mesolithic diets // Bonsall C. (ed.). *Mesolithic in Europe*. Edinburgh, 1985.
- Price D. T.* Europe's first farmers: an introduction // *Europe's First Farmers*. Cambridge: 2000.
- Price D. T., Bentley R. A., Lüning J., Gronenborn D., Wahl J.* Prehistoric human migration in the Linearbandkeramik of Central Europe. *Antiquity*. No. 75. 2001.
- Renfrew C.* *Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins*. London, 1987.
- Renfrew C.* Archaeology, Genetics and linguistic diversity // *Man*. No. 27. 1992.
- Renfrew C.* Language families and the spread of farming // D. R. Harris (ed.). *The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralis in Eurasia*. London, 1996.
- Richards M., H. Cote-Real, P. Forster, V. Macauley, H. Wilkinson-Herbots, A. Dermaine, S. Papiha, R. Hedges, H.-J. Bandelt, B. Sykes.* Palaeolithic and Neolithic lineages in the European mitochondrial gene pool // *American Journal of Genetics*. No. 59. 1996.
- Robinson D. E., Harild J. A.* Archaeobotany of an early Ertebølle (Late Mesolithic) site at Halsskov, Zealand, Denmark // S. L. R. Mason, J. G. Hather (eds.). *Hunter-Gatherer Archaeobotany*. London, 2002.
- Robinson M. A.* Further consideration of Neolithic charred cereals, fruit and nuts // A. S. Fairbain (ed.). *Plants in Neolithic Britain and Beyond*. Oxford, Oxbow, 2000.

- Rulf J.* Die Linearbankeramik in Böhmen und die geographische Umwelt // Siedungen der Kultur mit Linearkeramik in Europe: Internationales Kolloquium Nové Vozokany. Nitra, 1982.
- Séfériadès M.* The European Neolithisation process // Pročilo o raziskovanju paleolita, neolita in eneolita v Sloveniju. T. XXI. Ljubljana, 1993.
- Shaw I., R. Jameson* (eds.). A Dictionary of Archaeology. London, 1999.
- Stäuble H.* Radiocarbon dates of the earlier Neolithic in Central Europe. Radiocarbon. No. 37/2, 1995.
- Stiner M. C., Bicho N., Lindly J., Ferring R.* Mesolithic to Neolithic transitions: new results from shell-middens in the western Algarve, Portugal. Antiquity. No. 77, 2003.
- Thomas J.* The cultural context of the first use of domesticates in Continental and Northwest Europe // Harris D. R. (ed.). The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Eurasia. London, 1996.
- Thomas J.* Thoughts on the 'repacked' Neolithic revolution. Antiquity. No. 77. 2003.
- Tilley C.* A Phenomenology of Landscape. Oxford, 1994.
- Tringham R.* Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe 6000—3000 BC. London, 1971.
- Tringham R.* Southeastern Europe in the transition to agriculture in Europe: bridge, buffer, or mosaic // Price T. D. (ed.). Europe's First Farmers. Cambridge, 2000.
- Van Berg, P.-L., Cauwe N.* Les plus anciennes céramiques d'Asia et leur relation avec le peninsule européenne // Civilisations. Vol. XLVII. No. 12 (2002). 2000.
- Whittle A.* Europe in the Neolithic. The Creation of New Worlds. Cambridge, 1996.
- Whittle A.* The Mesolithic-Neolithic transition in the Carpathian Basin: models and possibilities // The Neolithisation of Europe and Asia — Regional Approach. 5th Neolithic Seminar. Abstracts. Ljubljana, 1998.
- Zilhão J.* The spread of agro-pastoral economics across Mediterranean Europe: a view from the far west // Journal of Mediterranean Archaeology. No. 6. 1993.
- Zilhão J.* From the Mesolithic to the Neolithic in the Iberian Peninsula // Price T. D. (ed.). Europe's First Farmers. Cambridge, 2000.
- Zilhão J.* Radiocarbon evidence for maritime pioneer colonisation and the origins of farming in west Mediterranean Europe // Proceed. Nat. Acad. Sci. Vol. 98. 2001.
- Zvelebil M.* (ed.). Hunters in Transition: Mesolithic Societies of Temperate Europe and Their Transition to Farming. Cambridge, 1986.
- Zvelebil M.* The agricultural frontier and the transition to farming in the circum-Baltic region // Harris D. R. (ed.). The Origins and Spread of Agriculture and Pastoralism in Eurasia. London, 1996.
- Zvelebil M.* The social context of the agricultural transition in Europe // Renfrew C., Boyle K. (eds.). Archaeogenetics: DNA and the Population Prehistory of Europe. Cambridge, 2000.
- Zvelebil M., O'Shea J.* Oleneostrovski Mogilnik: Reconstruction of Social and Economic Organisation of prehistoric Foragers in Northern Russia // Journal of Anthropological Archaeology. No. 3. 1984.

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ КУЛЬТУР НЕОЛИТА И РАННЕГО ЭНЕОЛИТА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ (история изучения и современное состояние проблемы)

История изучения археологических объектов эпох неолита и энеолита Болгарии насчитывает более ста лет и условно разделяется на несколько этапов. Первый период начался в конце XIX века и продолжался до 40-х годов XX века. В это время производились обследования теллей — многослойных поселений, собирался подъемный материал и на некоторых памятниках были заложены шурфы. Публикации результатов этих работ содержат типологическое описание полученных материалов, но, к сожалению, для их датирования применялись схемы, разработанные для средне- и западноевропейских культур, не учитывавшие местные особенности. Второй период охватывал время от 40-х до конца 70-х годов XX века. На этом этапе было положено начало исследованию теллей большими площадями с привлечением стратиграфического метода, что позволило построить первые хронологические системы (Миков, 1958; Георгиев, 1960). Разработанная в это время Г. Георгиевым карановская хронологическая колонка, основанная на данных стратиграфии неолитических и энеолитических слоев телля Караново во Фракии, стала важным достижением болгарской археологии, которое не утратило своего значения до сих пор (Georgiev, 1961).

Третий период (после 1975 г. и до наших дней) характеризуется началом исследования поселений по всей площади и изучением материала с применением интердисциплинарного подхода. Это привело к некоторым изменениям и дополнениям в карановской хронологической шкале (Тодорова, 1986; Тодорова, Вайсов, 1993; Мерперт, 1995; Николов, 2002). На нынешнем этапе проблемы периодизации и хронологии болгарского неолита и энеолита сфокусированы на выяснении синхронности фаз развития в различных нео-энеолитических культурах и установления границ перехода от одной эпохи к другой.

Особое место в этой проблематике занимают вопросы хронологии и периодизации неолита и энеолита северо-восточной Болгарии. Данный район Болгарии, благодаря своему географическому расположению и природно-климатическим особенностям, отличается своеобразием культурного развития. Сочетание нескольких природных зон: предгорья Старой планины, долины рек между предгорьями и Дунаем, придунайские болота, Причерноморье, почти безводное Добруджанское плато и особенности производящей экономики привели к неравномерному освоению человеком этого территории и к исключительному многообразию проявлений неолитических и раннеэнеолитических культур. Первыми памятниками этого района, привлечшими внимание ученых еще в конце XIX в., были телли. Их регистрация и частичное исследование связано с именами братьев К. и Х. Шкорпил. В 1898 г. ими была опубликована фундаментальная для того времени монография «Могили», в которой исследователи собрали сведения о местоположении нескольких десятков наиболее крупных теллей, курганов и мест добычи кремня. В более поздних публикациях число зарегистрированных памятников — 57 объектов, на трех из них (Русе, Ишиклар, Липник) проводилась шурфовка (Шкорпил, 1914). До конца 40-х годов XX века в северо-восточной Болгарии, как и по всей стране, раскопки ограничивались исследованием памятников небольшими площадями. Необходимо отметить, что здесь, в отличие от фракийских многослойных поселений с непрерывным развитием культуры от неолита до финального энеолита, телли появляются только в энеолитическое время. Данное обстоятельство способствовало возникновению гипотезы о позднем заселении этого района (Попов, 1921; 1928; Явашов, 1927; 1930; Костов, 1925; Миков, 1925; 1926; 1933 и др.). Первую синхронизацию археологических культур северо-восточной Болгарии с фракийскими и румынскими материалами предложил Дж. Гоул (Gaul, 1948). Он же отметил их этнокультурную близость.

Новый этап в изучении северо-восточной Болгарии связан с началом крупномасштабных раскопок телля Русе, предпринятых в 1948 г. (Георгиев, Ангелов, 1952). Результаты этих работ

и, в особенности, ценные стратиграфические наблюдения имели большое значение для всех последующих археологических исследований Дунайского региона (Попов, 1996. С. 10—16). В литературе, посвященной систематизации энеолитических материалов, эта часть страны рассматривалась с одной стороны, как зона непрерывного фракийского влияния, с другой — отмечалась ее связь с соседними румынскими культурами (Миков, 1948; Георгиев, 1957; 1958; 1960; Georgiev, 1961). В этих работах отмечено также, что именно этот район Болгарии и, в особенности бассейн р. Лом, был в энеолите одним из основных мест добычи кремневого сырья для всех Балкан.

В середине 70-х годов XX в. были разработаны еще несколько синхронизационных схем по неолиту и энеолиту Болгарии, включавших и ее северо-восточную часть. В них нашли отражение как вопросы общей хронологии, так и внутренней периодизации известных к тому времени археологических культур (Comsa, 1962; 1963; 1974; Тодорова, 1966; Гарашанин, 1966; Bergiu, 1961; 1968; Радунчева, 1973 и др.). Однако все эти системы страдали неполнотой данных о неолите и энеолите северо-восточной Болгарии. Интенсивные раскопки 70—80-х гг. существенно восполнили эти пробелы. Большое значение имел переход от ограниченных раскопок к раскопкам теллей по всей площади с полным изучением культурного слоя: Винаца (Радунчева, 1976), Голямо Делчево (Тодорова и др., 1975), Овчарово (Тодорова и др., 1983), Радинград (Иванов, 1984), Самоводене (Станев, 1982), Дуранкулак (Тодорова, 1980), Поляница (Тодорова, 1986).

Что касается изучения неолитического периода на территории северо-восточной Болгарии, то до середины XX в. единственным известным было поселение открытого типа Кадъкьой-Мальк Преславец (Георгиева, 1952). Его материалы синхронны позднеэнеолитическим материалам Фракийской долины из Ясътепе и Веселинова (Панайотов и др., 1992).

Принципиально новая информация была получена после обнаружения и археологических исследований открытых неолитических поселений, неизвестных здесь ранее: Усое I, II (Тодорова, 1973), Овчаро-Гората (Ангелова, 1972; 1992), Дуранкулак-Нивата (Димов, 1982), а также неолитических слоев в поселениях Овчарово и Голямо Делчево (Тодорова, 1975; 1992).

Важное место в изучении и периодизации неолита имеют исследования П. Станева (1977; 1982; 1988; 1989). На основании раскопок многослойных объектов Самоводене и Качица он предложил свою систему хронологии неолита — энеолита для Центральной Болгарии, которая в определенной степени относится и к северо-восточной части (Попов, 1996). Комплекс Самоводене-Качица включает конец раннего, средний (Самоводене), поздний неолит и ранней энеолит (Качица) (Станев, 1982). Для северо-восточной Болгарии, при отсутствии объектов с длительной вертикальной стратиграфией, этот комплекс имеет большое значение для синхронизации отдельных памятников.

В 90-х гг. XX в. появились публикации о периодизации внутри нео-энеолитической культуры Хаманджия (Бояджиев, 1992; Димов, 1992). На основании раскопок Ниваты у Дуранкулака и исследований на румынской территории была установлена последовательность фаз этой культуры и ее абсолютная хронология. В те же годы тщательно разрабатывались периодизация раннего неолита и вопросы взаимодействия доисторических культур в бассейне р. Лом (Попов, 1992; 1993; 1996).

В конце XX века, на основании обработки, обобщения и осмысления огромного материала был создан монографический труд Х. Тодоровой и И. Вайсова «Новокаменная эпоха в България» (1993). Построенная ими периодизация и хронология болгарского неолита учитывает не только взаимные хронологические позиции неолитических культур, но и дает схему внутренней структуры культурных групп и культурных блоков нео-энеолитического времени Средиземноморья и Юго-Восточной Европы, при этом болгарские неолитические материалы входят в «балкано-анатолийский блок культур» (Тодорова, Вайсов, 1993. С. 63—94). Придерживаясь неоднократно высказывавшегося мнения об общей малоазийской основе раннего неолита Балкан, авторы предлагают рассматривать неолитизацию на юго-востоке Европы не как однократное явление, а как многократный процесс, распространявшийся волнообразно как из Анатолии на Балканский полуостров, во вторичный центр неолитизации, так и с Балканского полуострова на север и запад Европы (Тодорова, Вайсов, 1993. С. 6—94; Попов, 1996. С. 104—119). В этой схеме находит себе место и культуры, сформировавшиеся на территории северо-восточной Болгарии. Они входят в тот же балкано-анатолийский блок культур и развиваются не в отрыве

от окружающего мира, а в близкой связи с другими сообществами как Нижнего Дуная, так и Фракийской долины.

Ключевое место в раннем неолите северо-восточной Болгарии занимает культура Копривец, имевшая три фазы своего развития (Попов, 1995. С. 1—13). Первая фаза, представленная на поселениях Копривец и Поляница-платото, относится к так называемому монохромному неолиту, который типологически связан с VI горизонтом Хаджилара и является самым северо-восточным проявлением культуры этого типа (Тодорова, Вайсов, 1993. С. 74). В северо-восточной Болгарии известны два поселения этого периода — Копривец и Поляница-платото, являющиеся первыми памятниками керамического неолита с производящей экономикой, имеющего весьма отдаленные параллели в Фессалии и Шумадии (Попов, 1995. С. 3). Во второй фазе культуры Копривец появляются синхронные ей материалы как в северо-восточной Болгарии, так и Олтении, что говорит о распространении ранненеолитического населения. Лишь на третьей фазе культуры Копривец подобное явление фиксируется во Фракийской долине — культурная группа Караново I, что дает основания для предположения об ухудшении климата на севере и переходе носителей культуры к югу от Старой планины (Тодорова, Вайсов, 1993. С. 75—76). Эта гипотеза находит подтверждение и в том, что в конце раннего неолита наблюдается типологический и хронологический разрыв между третьей фазой культуры Копривец и началом культуры Самоводене-Овчарово (Попов, 1996. С. 108), которую исследователи связывают с противоположным перемещением населения уже из Фракийской долины на север в бассейнах

рек Лом, Янтра и Луда Камчия (Станев, 1982. С. 1—17). Культура Самоводене-Овчарово характеризуется хорошо развитым керамическим комплексом, весьма близким к фракийским культурам Караново II/III. Вместе с тем, распадается типологическая связь с культурой Копривец и прекращается последовательная линия развития в стиле орнаментации сосудов (Попов, 1995. С. 3—4). С большой уверенностью можно сказать, что именно с IV, финальной фазы раннего неолита пути развития археологических культур на северо-западе и на северо-востоке Болгарии расходятся. На северо-западе традиция развития крашеной керамики продолжается вплоть до конца энеолита, а на северо-востоке воспринимаются фракийские керамические традиции. На этом же этапе происходит и распад балкано-анатолийского блока ранненеолитических культур, относящихся к началу VII тыс. до н. э. (Тодорова, Вайсов, 1993. С. 77; Квита, 1978).

Переход от раннего к позднему неолиту был явлением, сложным во всех отношениях. Плавное развитие керамических комплексов сопровождается изменениями в традиции расположения поселений — их переносят с заливных террас на склоны плато (Тодорова, Вайсов, 1993. С. 79). Вероятно, причиной послужило изменение климатических условий. Одновременно с этими переменами происходит расширение территории, занимаемой неолитическим населением, и формируются четыре самостоятельные неолитические культуры с выраженными типологическими особенностями.

На большей части территории северо-восточной Болгарии распространяется поздненеолитическая культура Хотница, имеющая две фазы. Первая из них синхронна локальным вариантам культуры Дудешты, вторая — Боян I (Болинтиняну) и обе фазы, судя по ведущим формам керамических комплексов, хронологически связаны с культурной группой Караново IV во Фракии (Попов, 1996. С. 104—111). В Причерноморье в это же время развивается культура Усое I и II, возникающая на основании одного из локальных вариантов культур Овчарово-Самоводене (вторая половина VI тыс. до н. э.) (Квита, 1978), чем и объясняется близость керамического комплекса культуры Усое с культурой Хотница, возникшей на основании другого локального варианта этой же культуры. Серо-черная лощеная керамика с каннелюрами и накольчатой лентой является общей для обеих культур. Параллельно этим двум культурам на самом крайнем северо-востоке формируются две первые фазы культуры Хаманджия — Блатница и Головица (Димов, 1992. С. 20—35), а в болотах по обоим берегам Дуная — культура Боян I и II (Comsa, 1974. S. 93—103).

Принятая сегодня граница между неолитом и энеолитом в большой степени условна, ее археологическое содержание не совсем ясно. Раннеэнеолитические явления зарождаются в недрах поздненеолитических культур Хотница II, Боян II, Усое II, фазы Головица культуры Хаманджия (V тыс. до н. э.). Это выражается, во первых, в перемене топографии поселений,

именно на этом этапе отмечается появление телей в северо-восточной Болгарии. Последние исследования свидетельствуют о том, что некоторое время поселения на склонах плато и на заливных террасах сосуществовали (Попов, 1996. С. 92). Медленно происходит эволюция керамических форм от остро-биконических к овально-биконическим и цилиндрическим, врезной орнамент меняет свой характер. При этом наблюдаются точные параллели находок с болгарской и румынской территории. Причина этого явления, скорее всего, не импорты, а общие для нижнедунайской области тенденции развития, происходившие в самом конце позднего неолита и приведшие к значительной унификации культур в энеолите.

Точная хронология первых фаз культур Боян и Поляница пока остается проблематичной. Изучение керамических комплексов не дает достаточных оснований для бесспорного отнесения начала этих культур к неолиту или энеолиту. Их классические фазы (Поляница II—III и Боян III-Видра) хорошо представлены на многих телях северо-восточной Болгарии — Виница, Овчарово, Голямо Делчево, Търговище, Радинград, Русе и др. (Попов, 1996. С. 107). Культура Боян III-Видра присутствует весьма ограниченно и постепенно, к концу раннего энеолита поглощается культурой Поляница, которая в этом регионе, несомненно, была самым мощным раннеэнеолитическим явлением.

Несколько раньше Х. Тодорова на базе эволюции керамических комплексов и других артефактов предложила общую хронологическую схему энеолита всей Болгарии, с определением места в ней северо-восточных культур (Тодорова, 1986). Повторим еще раз, что особенно важное значение имеет выделение раннеэнеолитической культуры Поляница, уточнившей гипотезу Е. Комши о распространении культуры Боян III-Видра по всей территории северо-восточной Болгарии (Comsa, 1962; 1967; Тодорова, 1986. С. 103). Построение хронологических схем и создание периодизация нео-энеолита северо-восточной Болгарии, основанное на анализе керамических комплексов, осложняется тем, что здесь нет эталонного многослойного объекта с вертикальной стратиграфией как во Фракийской долине. Это требует изучения и сравнения материалов из памятников с точной стратиграфией, хронологически следующих друг за другом (табл. 1).

Подводя итоги, можно сказать, что проблемы, возникающие при попытках уточнить хронологию и периодизацию неолита и раннего энеолита северо-восточной Болгарии, составляют три основные группы:

1. Выделение раннеэнеолитических культур и их связей в самом начале раннего неолита.
2. Выявление причин существенных изменений, произошедших между II и IV фазами раннего неолита.
3. Уточнение хронологической границы неолита и раннего энеолита и позиции раннеэнеолитических культур по отношению к этой границе, выявление первых общих для всего региона тенденций к унификации культур.

Для обсуждения этих вопросов необходимо детальное знание и сопоставление всего комплекса определяющих элементов для археологических культур: типов поселений и оборонительных сооружений, типов жилой архитектуры и погребальных сооружений, типов орудий труда, оружия, керамики, пластики. Необходимо также уточнение абсолютных датировок. Разрешение этих задач требует ввода в научный оборот большой по объему и содержанию информации, отсутствующей на нынешнем этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ангелова И. Разкопки на неолитно селище «Овчарово-гората», Търговишки окръг // Археологические открытия и разкопки за 1979 г. Национална конференция по археология в Хасково. София, 1980.
- Ангелова И. Предварительные результаты раскопок неолитического поселения Овчарово-Гората // *Studia Praehistorica*. No. 11/12. Sofia, 1992.
- Бояджиев Я. Хронология на праисторическите култури на територията на Добруджа // Добруджа. № 9. Варна, 1992.
- Димов Т. Културата Хаманджия в Добруджа // Добруджа. № 9. Варна, 1992.
- Гарашанин М. Хронология и генезис на неолита в централната част на Балкаанския полуостров // Археология. № 1. София, 1966.
- Георгиев Г. Из живота и културата на първите земеделско-скотовъдни племена в България // Археологически открития в България. София, 1957.

- Георгиев Г.* За някои оръдия на производство от неолита и енеолита България // Сборник в чест на П. Детев. София, 1958.
- Георгиев Г.* Главни периоди в развитието на културата на неолита и медната епоха в светлините на най-новите проучвания // *Swiatovit*. Т. XXIII. София, 1960.
- Георгиев Г., Ангелов Н.* Разкопки на селищна могила до Руссе // Известия на Археологическия институт при БАН. Т. XVIII. София, 1952.
- Георгиев С.* Разкопки на обект в «Горно градище» при село Кадъкьой // Известия на Археологическия институт при БАН. Т. XVIII. София, 1952.
- Иванов Т.* Многослойное поселение у с. Радинград, Разградского района // *Studia Praehistorica*. No. 7. Sofia, 1984.
- Квита Х.* Радиоуглеродни дати и три хронологически системи // Интердисциплинарни изследва. № 1. София, 1978.
- Комша Е.* К вопросу о периодизации неолитических культур на северо-востоке НРБ // *Dacia*. No. 7. Bucuresti, 1963.
- Костов Д.* Предисторическата могила до Руссе // Годишник на Народния музей. IV (1922—1925 г.). София, 1925.
- Мерперт Н. Я.* Болгарские земли в VI—V тысячелетии до н. э. и некоторые вопросы древнейшей истории Европы // ПАВ. № 9. 1995.
- Мигов В.* Могила при с. Балбунар // Естествознание и география. № 9. София, 1925.
- Мигов В.* Материали от предисторическата епоха в България. София, 1933.
- Мигов В.* Култура неолита енеолита и бронзы в Болгарии // СА. № 1. 1958.
- Николов В.* Некоторые аспекты новейших исследований неолита во Фракии // Проблемы археологии Евразии: Сборник в честь юбилея Н. Я. Мерперта. М., 2002.
- Панайотов И., Гацов И., Попова Цв.* «Помпена станция» близ с. Малък Преславец-раннеенеолитическое поселение с интралными захоронениями // *Studia Praehistorica*. No. 11/12. Sofia, 1992.
- Попов В.* Култура Боян на юг от Дунава // Археология. № 4. София, 1992.
- Попов В.* Неолитно селище при Копривец // Годишник на музеите в Североизточна България. Т. XX. Варна. 1994.
- Попов В.* Синхронизация и връзки на праисторическите култури от поречието на Русенски Лом с такива от Долния Дунав и Тракия // Алманах Руссе. Руссе, 1995.
- Попов В.* Периодизация и хронология на неолитните и халколитните култури от поречието на Русенски Лом. Руссе, 1996.
- Попов Р.* Материали за предисторията на България // Годишник на Народния музей. № 3. София, 1921.
- Попов Р.* Култура и живот на предисторическия човек в България // Каменна епоха. Т. 1. София, 1928.
- Радунчева А.* Доисторическое искусство в Болгарии (V—II тысячелетие до н. э.). София, 1973.
- Радунчева А.* Винаща. Енеолитно селище и некропол // Разкопки и проучвания на Народния Археологически музей. Т. VI. София, 1976.
- Станев П.* Състояние на проучването на праисторически култури в Централна Северна България // Годишник на музеите в Североизточна България. III. Варна, 1977.
- Станев П.* Стратиграфия и периодизация на неолитните обекти и култури по басейна на река Янтра // Годишник на музеите в Североизточна България. VII. Варна, 1982.
- Станев П.* Археологически данни за духовния живот през неолита в басейна на река Янтра // Годишник на музеите в Североизточна България. Т. XIV. Варна, 1988.
- Тодорова Х.* Каменно-медната епоха в България. София, 1986.
- Тодорова Х. и др.* Селищна могила Голямо Делчево // Разкопки и проучвания на Народния Археологически музей. Т. V. София, 1975.
- Тодорова Х. и др.* Овчарово // Разкопки и проучвания на Народния Археологически музей. Т. IX. София, 1983.
- Тодорова Х., Вайсов И.* Новокаменната епоха в България. София, 1993.
- Шкортил К.* Опис на старините по Русенски Лом. София, 1914.
- Шкортил К., Шкортил Х.* Могили. Пловдив, 1898.
- Явашов А.* Разград и неговото историческо и археологическо минало. София, 1930.
- Berciu D.* Contributii la problemele neoliticului in Romania in lumina noilor cercetari. Bucuresti, 1960.
- Comsa E.* Istoria komunitatilor culturului Boian. Bucuresti, 1974.
- Georgiev G.* Kulturgruppen der Jungstein und der Kupferzeit in der Elbene von Thrazien (Sudbulgarien) // Actes du Symposium consacre aux problemes du Neolithique europeen. Praha, 1961.
- Gaul J.* The Neolithic period in Bulgaria // American school of Prehistoric Research. No. 16. Cambridge, 1948.

Таблица 1.

Синхронизация неолитических и энеолитических комплексов Болгарии и Румынии (по В. Попову, 1996)

Эпохи/ датировки	Северо-восточная Болгария				Румыния		Северо-западная Болгария	Фракция
	центр. часть	бассейн р. Лом	Добруджа	южная Мунтения	Олтения			
Энеолит VI тыс. до н. э.	3 Коджадермен- Гумельница	3 Коджадермен- Гумельница	3 Варна	3 Коджадермен- Гумельница	3 Салкуца	3 Криводол- Телиш	Караново VI	
	2 Поляница-4 а	2 Поляница-4 Боян-4	2 Хаманджия	2 Боян-4	2 Боян	2 Боян-4	Караново V	
	1 Поляница	1 Поляница Боян	1 Хаманджия	1 Боян	1 Видастра	1 Видастра	Караново IV	
Неолит VI тыс. до н. э.	2 Усое-Хотница	2 Копривец- Хотница	2 Хаманджия	2 Дудеши	2 Дудеши	2 Дудеши	Караново III	
	1 Овчарово- Самоведене	1 Копривец- Хотница	1 Хаманджия	1 Дудеши	1 Дудеши	1 Градешница (Луканово- дерево)	Караново II	
	ранний Плагото	ранний Копривец (Орловец)	ранний Копривец	ранний Копривец	ранний Керча (Виадукт)	ранний Керча (Ланзаури)	Караново I	

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ ЦЕНТРА РУССКОЙ РАВНИНЫ (особенности неолитизации лесной зоны)

Начало неолита Центра Русской равнины отмечено появлением верхневолжской культуры (Крайнов и др., 1973; Крайнов, Хотинский, 1977).

Проблема происхождения ее до сих пор остается открытой. Первоначально она связывалась просто с местным мезолитом, без уточнения его культурной принадлежности. Впоследствии, по мере выделения в волго-окском мезолите отдельных археологических культур, происхождение раннего неолита стали связывать с бутовской культурой (Крайнов, Кольцов, 1979. С. 22—26; 1983. С. 267—271; Жилин, 1991. С. 298; 1994. С. 28; 1997. С. 180; Жилин и др., 2002. С. 72). Основным аргументом подобного утверждения было сходство инвентаря этих двух культур. М. Г. Жилин достаточно убедительно показал на материалах исследованных им в 80—90-е годы XX века памятников Дубненского, Озерецкого и Ивановского торфяников (Московская, Тверская и Ярославская обл.) преемственность основных типов раннеолитического инвентаря от поздне- и финальномезолитическим, связанным с бутовской культурой (Жилин, 1993; 1994; 1997; Жилин и др., 2002). При этом М. Г. Жилиным высказывалось мнение, что имела место плавная трансформация бутовской культуры в верхневолжскую без какого-либо внешнего воздействия (Жилин и др., 2002. С. 72). Однако преемственность в развитии индустрии от мезолита к раннему неолиту отмечалась и В. М. Лозовским на материалах стоянки Замостье 2, мезолитические слои которой автор раскопок связывает с иной, нежели бутовская, мезолитической культурой (Лозовский, 2001. С. 270—271). Причем, некоторые технологические особенности изготовления раннеолитических орудий, такие, например, как струйчатая ретушь, рассматриваются как привнесенные извне (Лозовский, 2001. С. 270). А. Н. Сорокин также весьма скептически оценивает возможность генетической связи верхневолжской культуры только с бутовской, отмечая культурное многообразие волго-окского мезолита и указывая на возможность формирования верхневолжской культуры на достаточно широкой базе мезолитических культур Волго-Окского бассейна (Сорокин, 1991). Действительно, мы должны констатировать, что достаточно «чистых», хорошо стратифицированных комплексов начального этапа верхневолжской культуры относительно немного (Ивановское 3, 7, Становое 4, Озерки 5, 17, Окаемово 5, 18, Сахтыш 2а (раскоп 2)). Это не дает возможности провести развернутое сравнение их с финальномезолитическими материалами, тем более, что «чистые» комплексы последних также весьма малочисленны.

При этом необходимо заметить, что на большинстве многослойных, достаточно хорошо стратифицированных памятников раннеолитические слои подстилаются мезолитическими (иногда не самыми поздними). Такое, например, мы наблюдаем на стоянках Ивановское 3, 7, Сахтыш 2а (раскоп 2), Становое 4, Озерки 5, Замостье 2. Видимо, аналогичная ситуация характерна и для многослойных памятников со смешанным культурным слоем, в материалах которых встречаются изделия мезолитического облика (Сахтыш 2, 8, Польцо, Плещеево 1, Малая Ламна I, Шадрино IV и др.) (Костылева, 1984; 1986; Никитин, 1975; 1978; Костылева, Крайнов, Уткин, 1985; Крайнов, Костылева, 1988). Поэтому многие мезолитические изделия с таких памятников раньше интерпретировались как раннеолитические (Крайнов, Хотинский, 1977; Костылева, 1984; 1986; Уткин, Костылева, 1984; Костылева, Крайнов, Уткин, 1985; Крайнов, Костылева, 1988). Фактически, публиковавшийся ранее инвентарь верхневолжской культуры, отмеченный большим количеством пластин в качестве заготовок и орудий, происходит из смешанных комплексов и, вероятно, связан с подстилающими мезолитическими слоями. Видимо, то же наблюдается и в других регионах лесной зоны, где раннеолитическая керамика сопровождается изделиями из пластин (Андрианова, 2000. С. 4; Верещагина, 2000. С. 10; Ошибкина, 2000. С. 61; Мельничук, Пономарева, 1984. С. 56; Гусенцова, 1993. С. 183; 2000; Старков, 1980. С. 85—86; Урбан, 1996). В литературе обращалось внимание на деградацию техники производ-

ства пластин в условиях недостатка качественного кремня уже в позднем мезолите и дальнейшее ее изживание в раннем неолите (Сидоров, 1997. С. 78—79; Жилин и др., 2002. С. 71).

Анализ материалов из «чистых» раннеолитических слоев показывает, что основным типом заготовки в это время становится отщеп (Лозовский, 2001. С. 268—269).

Вместе с тем, мы должны также констатировать, что никто специально не сравнивал инвентарь раннего этапа верхневолжской культуры с синхронными материалами других регионов, откуда могло идти влияние или происходить взаимодействие населения (Среднее Поволжье, Подонье и др.). Это обстоятельство во многом связано с отсутствием надежных данных по хронологии и стратиграфии опубликованных раннеолитических материалов с сопредельных с верхневолжской культурой регионов, а также отсутствием на большинстве памятников изделий из кости, которые определяют многие культурные характеристики раннего неолита.

Таким образом, первоочередными задачами при рассмотрении вопросов культурной подосновы сложения верхневолжской раннеолитической культуры являются:

— выявление основных типов кремневых и каменных изделий, характерных как для финального мезолита, так и начального этапа неолита;

— выявление новых элементов, не характерных для финального мезолита, и определение их происхождения.

Важным является также вопрос о путях появления керамического производства в рассматриваемом регионе. Здесь нам видится три возможных варианта:

- 1) распространение из южных регионов в северные идеи керамического производства;
- 2) появление лишь женской части южного населения в более северных регионах в результате экзогамных связей;
- 3) продвижение отдельных групп населения южных территорий к северу.

Существование первого варианта вряд ли правомерно, т. к. в ту пору распространение идеи было невозможно без материального посредника (человека). Несомненно существование как брачных связей, так и миграций. Последние были обусловлены, прежде всего, природно-климатическими факторами: на финал мезолита — начало неолита (около 7200 л. н.) приходится максимальный уровень аридизации не только лесной зоны, но и степей Европейской России. Эти изменения хорошо выражены в палинологических спектрах достаточно обширных территорий (Спиридонова, Алешинская, 1999. С. 25). Видимо, миграции не были массовыми, а представляли собой постепенное продвижение к северу отдельных групп населения с южных территорий.

Основные типы изделий финального мезолита — раннего неолита

Инвентарь финального мезолита и раннего неолита достаточно хорошо представлен в материалах раскопок ряда торфяниковых стоянок Московской, Ярославской, Ивановской и Тверской областей: Окаево 4, 5, 18, Озерки 5, 17, Ивановское 7, Становое 4, Сахтыш 2а. Часть из них опубликована (Жилин, 1993; 1994; 1995; 1997; Жилин и др., 2002). В отличие от большинства памятников, содержащих раннеолитические и позднеолитические материалы, здесь отмечается четкое стратиграфическое их членение, и присутствуют изделия из органических материалов (кость, рог). Последнее дает возможность проводить сравнение по гораздо более широким параметрам и тем самым увеличивает достоверность результатов. Эти материалы дают возможность характеризовать и сравнивать не просто раннеолитические изделия в целом, как это делалось раньше (Крайнов, Хотинский, 1977; Костылева, 1984; 1986; Лозовский, 1993), а изделия начального этапа развития верхневолжской культуры, связанного с распространением тычково-накольчатой керамики. Только такая «поэтапная» характеристика материалов дает возможность проследить истоки тех или иных культуроопределяющих черт и направление связей.

Кремневые изделия финального мезолита представлены на стоянках Окаево 4, 18а, Озерки 5, Ивановское 7, Сахтыш 2а (раскоп 2). В качестве заготовок для большинства орудий (кроме наконечников стрел и режущих) использовался отщеп. Так, на стоянке Окаево 4 (нижний слой) пластины и орудия из них составляют лишь 17,8 % (Жилин, 1995. С. 27). Этапным памятником для финального этапа бутовской культуры считается нижний слой стоянки Озерки 5, где найдены сотни разнообразных каменных и костяных орудий, имеются палинологические и радиоуглеродные датировки. К сожалению, материалы опубликованы лишь частично (Жилин, 1994; 1994а).

Общая характеристика инвентаря выглядит следующим образом. Среди пластин значительный процент неправильных. Наконечники стрел сделаны преимущественно из пластин. Иволистные формы преобладают над черешковыми. Обработка идет пологой ретушью по насаду и кончику пера. Нередко они ретушированы по периметру, а также по одному и по обоим краям. Встречаются острия из пластин со скошенным крутой ретушью со спинки концом. Скребки резко преобладают над резцами, среди которых доминируют с узкой кромкой на сломе заготовки. Много разнообразных рубящих орудий, среди которых преобладают тесла, обработанные как оббивкой, так и шлифовкой (Жилин, 1994. С. 21—24; 1997. С. 169—172; Жилин и др., 2002. С. 30—31). Из предметов неясного назначения встречаются гальки с гравировками (Сидоров, 1973; Лозовский, 1997. С. 34—36; Сидоров, Энговатова, 1998. С. 127—132; Жилин и др., 2002. С. 31).

Изделия из кости также весьма разнообразны: наконечники стрел, зубчатые острия, струги, ножи, кинжалы, шилья и прочее. Наконечники стрел — одна из наиболее многочисленных категорий вооружения. Среди них преобладают короткие игловидные, а также с неправильной биконической головкой, однокрылые с шипами и тупые. Появляются в это время и наконечники стрел с желобком на конце для кремневого наконечника (Жилин, 1993; 1997. С. 166; Жилин и др., 2002. С. 32—33).

Ранненеолитический инвентарь во многом сходен с финальномезолитическим. Достаточно «чистые» слои раннего этапа верхневолжской культуры представлены на стоянках Окаево 5, 18, Сахтыш 2а (раскоп 2), Озерки 5, 17, Ивановское 3, 7. Наиболее информативный материал дали стоянки Озерки 5 (3 слой) и Окаево 18 (нижний слой). Отмечается дальнейшее сокращение пластин, среди которых большинство имеют неправильную огранку. Формы скребков аналогичны финальномезолитическим. Среди резцов преобладают с узкой кромкой на сломе отщепа. Много наконечников стрел (иволистных и черешковых) на пластинах, есть наконечники на отщепках. Гораздо больше стало наконечников, обработанных по периметру, нередко с двух сторон, а также появляются наконечники со сплошной ретушью со спинки (Жилин, 1994. С. 26). Вместе с тем, появляются новые приемы обработки, такие как струйчатая ретушь (Лозовский, 2001. С. 270). Как и в финальном мезолите, на начальном этапе раннего неолита встречаются каменные гальки с орнаментом — «чуринги» (Лозовский, 1997; Сидоров, Энговатова, 1998).

Среди орудий из кости преобладают наконечники стрел и зубчатые острия. Основные формы наконечников стрел (по меньшей мере — 10) имеют аналогии в финальном мезолите (Жилин, 1993. Табл. 1; 1994. С. 26—28). Новый, неизвестный в мезолите тип, лишь один — фигурный наконечник с уплощенной головкой, выделенным острием и насадом (Жилин, 1993. С. 15; 1994. С. 28).

Сходные формы костяного инвентаря обнаруживаются на памятниках неолита Восточной Прибалтики (Оса, Звейниекы, Звидзе), и, в частности, фигурные наконечники стрел. Однако, в отличие от верхневолжских, у них не выделен стержень.

Вместе с тем, мы практически не знаем, какие типы и формы костяных изделий имелись у населения средневолжского и среднедонского регионов, откуда в раннем неолите в Волго-Окское междуречье могло идти влияние, или откуда могли проникать отдельные группы населения.

Керамика

Ранняя верхневолжская керамика представлена обломками сосудов без орнамента или слабо орнаментированных наколами преимущественно овальной формы, реже — подтреугольной. Преобладали плоскодонные формы с прямыми венчиками с плоским срезом, с примесью мелкой раковины (сапропеля с остатками моллюсков) или шамота (Костылева, 1994).

Наибольшее сходство по основным формальным признакам (формы венчиков, днищ, характер орнаментации, элементы орнамента, отдельные композиции и т. п.) она обнаруживает с некоторыми типами керамики нижневолжской культурной области и ракушечнойярской культурой. Именно в том регионе — Нижнее Поволжье и Нижнее Подонье — формировались в 6 тыс. до н. э. культуры с характерной накольчатой керамикой, которая впоследствии распространилась далеко за пределами первоначального ареала (Юдин, 2003. С. 33). Видимо, именно оттуда шел в Волго-Окское междуречье керамический импульс через «передаточную цепочку», пред-

ставленную памятниками средневожской (волго-уральской), елшанской и волго-камской культур.

На исходной территории формирования этого типа орнаментации преобладали наколы подтреугольной формы; наколы овальной формы встречались намного реже (Хреков, Ставицкий, 2003. С. 33).

В Среднем Поволжье наиболее ранняя керамика, орнаментированная в технике овального и круглого накола относится к позднему этапу елшанской культуры, датируемому второй половиной 6 тыс. до н. э. и фиксируется на Ильинской стоянке. Исследователи елшанской культуры отмечают определенное сходство материалов типа Ильинки с древностями верхневожской культуры, которое прослеживается как в керамике, так и в кремневом инвентаре (Мамонов, 1988; 2000. С. 52).

Несколько позднее, чем в елшанской, этот тип орнаментации широко распространяется и в средневожской культуре (Васильев, Выборнов, 1988). Причем, появление в средневожской неолите посуды, украшенной наколами овальной формы исследователи связывают с влиянием южных степных культур (Выборнов, 2000. С. 182). Сходные материалы, позволяющие продолжить «передаточную цепочку», обнаружены на стоянках Ульяновского и Казанского Поволжья (Габышев, 1976; Халиков, 1969; 1973; Буров, 1980. С. 85—88).

Вместе с тем, необходимо отметить, что, как и для раннего этапа верхневожской культуры, для елшанской культуры чрезвычайно сложно выделить «чистые» комплексы. На основе стратиграфических данных к таковым были отнесены нижние горизонты многослойных стоянок Ильинка, Чекалино 4 и Красный Городок (Мамонов, 1988. С. 92; 1995. С. 4; Кузьмина, Ластовский, 1995. С. 26). Это обстоятельство затрудняет вычленение кремневого инвентаря и выделение устойчивых его форм, характерных для елшанской культуры. Кроме того, в условиях супесчаного слоя и при отсутствии стерильных прослоек между слоями вполне возможно смешение елшанских комплексов с поздне- и финально-мезолитическими, которые могли подстилать слои раннего неолита, как это наблюдалось на памятниках Волго-Окского междуречья. Подобным обстоятельством можно объяснить и столь ранние даты елшанских комплексов, датирующие фактически слои, вмещающие поздне-мезолитические находки, смешанные с ранне-неолитическими в результате «переработки» неолитическим населением нижележащего слоя. Не случайно, полученные (в основном по раковинам) даты елшанской культуры вызывают серьезные сомнения (Выборнов, 2003. С. 36). К сожалению, по той же причине — отсутствию в условиях дюнных стоянок действительно надежной стратиграфии, — нельзя провести и хронологическое членение керамического материала елшанской культуры, выделить его наиболее ранние типы, проследить эволюцию.

С данной проблемой в одном ряду стоит и проблема так называемого «накольчатого неолита». Керамика, орнаментированная наколами, имеет достаточно широкий культурный и хронологический диапазон. Поэтому нам представляется совершенно неправомерной попытка в условиях отсутствия четкого хронологического членения керамики подобного типа проводить сравнение ее по различным параметрам на обширной территории, определяя индекс родственности (Вискалин, 1999. С. 44—54). В этих условиях существует опасность попадания в одну группу разновременного и разнокультурного материала, имеющего лишь внешнее сходство (форма накола, форма сосуда, примеси). В частности, в верхневожской культуре накольчатая керамика присутствует лишь на раннем этапе ее развития (Костылева, 1994), в рамках первой половины 5 тыс. до н. э., в то время как, например, в среднедонской — она развивается на всем протяжении существования культуры, вплоть до эпохи металла (Синюк, 1986. С. 87; Синюк, Клоков, 2000. С. 11—38). Часть памятников с накольчатой керамикой средневожского и прикамского регионов также относятся к эпохе энеолита — бронзы (Никитин, 1985; 1996; Габышев, 1976; 1978; Вискалин, 1999а).

Достаточно глубоко проблему датирования, происхождения и развития комплексов с накольчатой посудой в Среднем Поволжье и Прикамье рассматривали в своих работах В. В. Никитин и Р. С. Габышев (Габышев, 1976; 1978; Никитин, 1985; 1996). И опять мы должны констатировать, что выводы авторов весьма проблематичны в силу отсутствия надежных данных по хронологии, подтвержденных сериями радиоуглеродных дат с четкими стратиграфическими привязками. И, конечно, в рамках столь обширной группы накольчатой керамики, необходимо

выделить посуду начального этапа неолита. На наш взгляд, процесс развития орнаментальных традиций здесь, в Среднем Поволжье и Прикамье, шел аналогично верхневолжскому региону: на раннем этапе процесса неолитизации появляется керамика с овально-накольчатый орнаментом или неорнаментированная, плоскими и приостренными донцами, прямыми венчиками, подобная аналогичным группам керамики средневолжской и елшанской культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрианова Л. С.* Неолитические стоянки бассейна реки Кубены // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Буров Г. М.* Каменный век Ульяновского Поволжья. Куйбышев, 1980.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Неолит Поволжья. Куйбышев, 1988.
- Верещагина И. В.* Периодизация и хронология неолита крайнего европейского Северо-Востока России // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Вискалин А. В.* Культурные связи накольчатого неолита Среднего Поволжья и Прикамья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
- Вискалин А. В.* Памятники накольчатой керамики Волго-Камья / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999а.
- Выборнов А. А.* Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.
- Выборнов А. А.* Неолит лесостепного Поволжья и его окружение // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конф. Ч. 1. М., 2003.
- Габяшев Р. С.* Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой в приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
- Габяшев Р. С.* К вопросу о памятниках с накольчатой керамикой в Нижнем Прикамье // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Научные труды Куйбышевского гос. педагогического института. Т. 220. Куйбышев, 1977.
- Габяшев Р. С.* Неолит Нижнего Прикамья / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1978.
- Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит камско-вятского междуречья. Ижевск, 1993.
- Гусенцова Т. М.* Комплекс с накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правом берегу р. Вятки // ТАС. Вып. 4. 2000.
- Гусенцова Т. М., Андреева Н. А.* Каменный инвентарь неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой в бассейне р. Оять (Ленинградская область) // ТАС. Вып. 3. 1998.
- Жилин М. Г.* Археологические исследования в бассейне реки Дубны в 1987—1990 гг. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
- Жилин М. Г.* Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М., 1993.
- Жилин М. Г.* Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.
- Жилин М. Г.* Исследования на Озерецком торфянике в 1990—1993 гг. // ТАС. Вып. 1. 1994а.
- Жилин М. Г.* Стоянка Окаемово IV на Средней Дубне // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.
- Жилин М. Г.* Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края: Материалы к международной конференции «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад, 1997.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья: По материалам стоянки Ивановское VII. М., 2002.
- Костылева Е. Л.* Остатки раннеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. Вып. 177. 1984.
- Костылева Е. Л.* Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. № 4. 1986.
- Костылева Е. Л.* Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. 1994.
- Костылева Е. Л., Крайнов Д. А., Уткин А. В.* Стоянка Малая Ламна I // КСИА. Вып. 185. 1985.
- Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья: (По результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция: Тезисы пленарных докладов. Л., 1979.

- Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959—1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии Наук СССР // СА. № 4. 1983.
- Крайнов Д. А., Костылева Е. Л.* Ранненеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух // КСИА. Вып. 193. 1988.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. № 3. 1977.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М.* Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР. № 5. 1973.
- Кузьмина О. В., Ластовский А. А.* Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Лозовский В. М.* Костяное охотничье вооружение первобытного населения Волго-Окского междуречья // СА. № 2. 1993.
- Лозовский В. М.* Искусство мезолита — раннего неолита Волго-Окского междуречья: (По материалам стоянки Замостье 2) // Древности Залесского края: Материалы к междунар. конф. «Каменный век европейской равнины: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад, 1997.
- Лозовский В. М.* Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье: (По материалам стоянки Замостье 2) // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Материалы междунар. конф. Сергиев Посад, 2001.
- Мамонов Е. А.* Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
- Мамонов Е. А.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Мамонов Е. А.* Хронологический аспект изучения елшанской культуры // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Мельничук А. Ф., Пономарев Л. В.* Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
- Никитин А. Л.* Многослойное поселение Польцо // СА. № 3. 1975.
- Никитин А. Л.* Стоянка Плещеево 1 // СА. № 4. 1978.
- Никитин В. В.* Накольчатая керамика на севере Средней Волги // Древние этнические процессы Волго-Камья. Археология и этнография Марийского края. Вып. 9. Йошкар-Ола, 1985.
- Никитин В. В.* Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола, 1996.
- Ошибкина С. В.* 2000. Каргопольская культура в системе неолита лесной зоны // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Сидоров В. В.* Давыдовская стоянка на р. Яхроме // СА. № 3. 1973.
- Сидоров В. В.* Кремневые орудия и оружие поселения Воймежное 1 // Древнейшие охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997.
- Сидоров В. В., Энгватова А. В.* Знаки и орнаменты на изделиях со стоянок Заболотского озера // РА. № 1. 1998.
- Синюк А. Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
- Синюк А. Т., Клоков А. Ю.* Древнее поселение Липецкое озеро. Липецк, 2000.
- Сорокин А. Н.* Поздние памятники бутовской культуры и проблеме генезиса раннего неолита Волго-Окского междуречья // Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
- Стиридонова Е. А., Алешинская А. С.* Периодизация неолита — энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. № 1. 1999.
- Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.
- Уткин А. В., Костылева Е. Л.* Раннеолитическая верхневолжская культура на стоянке Польцо // СА. № 3. 1984.
- Урбан Ю. Н.* Стоянка Забелье — памятник раннего неолита северного Валдая // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Халиков А. Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Евразийской части СССР в эпоху неолита. МИА. № 172. 1973.
- Хреков А. Л., Ставицкий В. В.* Ранний неолит лесостепного Прихоперья // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конф. Ч. 1. М., 2003.
- Юдин А. И.* Нижневолжская культурная общность эпохи неолита: проблемы формирования, контактов и эволюции // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конф. Ч. 1. М., 2003.

ПЕРЕХОД ОТ ЛЕСНОГО МЕЗОЛИТА К ЛЕСНОМУ НЕОЛИТУ В ВОЛГО-ОКСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ (по материалам стоянки Замостье 2)

Проблема перехода от мезолита к неолиту уже не первый год вызывает повышенный интерес исследователей как на Западе так и на Востоке Европы. Этому вопросу были посвящены многочисленные работы и исследования, среди которых можно выделить два кардинально отличных по своей сути подхода к данной проблеме. Первый отражен в работах западных коллег и выявляется в том, что в данном случае под термином «неолит» рассматриваются хозяйства с производящей экономикой и/или скотоводством. В этом случае основной проблемой исследования является сам процесс перехода от присваивающей экономике к экономике производящей (Zvelebil, 1986. P. 5—16). Второй подход отражен в большей степени в работах российских исследователей, которые под термином «неолит» лесной зоны Восточной Европы понимают в основном те общества, у которых сохраняется присваивающий тип хозяйства, однако уже появляется керамика. И в этом случае проблемой исследования становится сам факт появления керамики и те изменения, которые происходят в материальной культуре и в структуре присваивающей экономики (Гурина, 1973 и др.).

Отчетливая характеристика такого двойственного понимания среди археологов термина «неолит» и связанных с этим проблем была дана в работах Л. П. Хлобыстина. Им были предложены термины «агронеолит» и «агонеолит» для разделения обществ со сложившимся производящим хозяйством и обществ, где широко распространяются керамика и неолитическая техника обработки орудий труда из камня при сохранившемся присваивающем типе экономики (Хлобыстин, 1972; 1978. С. 94).

В 1996 г. вышел очередной том Археологии СССР, посвященный исключительно неолитическим памятникам Северной Евразии (Неолит Северной Евразии, 1996). В вводной главе «Понятие о неолите» С. В. Ошибкиной — главным редактором тома — четко и определенно дается основная характеристика неолитической эпохи для данных территорий: «показателем для определения памятников эпохи неолита осталась только керамическая посуда, появление которой принято считать началом неолита» (Ошибкина, 1996. С. 6).

Именно такое понимание термина неолит как охотничье-собираетельских сообществ с керамикой применимо ко всей территории центральной России, где первые следы производящего хозяйства появляются только в эпоху бронзы с культурой боевых топоров и шнуровой керамики. Для ясности понимания мы, вслед за другими исследователями, будем называть подобное явление термином «лесной неолит».

Практически до недавнего времени проблематика переходных от мезолита к неолиту комплексов была достаточно плохо изучена. И в первую очередь это было связано с отсутствием достаточно источниковой базы. Однако в последнее время, благодаря многочисленным исследованиям, и, в первую очередь, торфяниковых стоянок, стали известны новые памятники, давшие богатые и интересные коллекции по интересующему нас временному промежутку. Среди последних необходимо, в первую очередь, отметить стоянку Замостье 2, исследованную автором.

Стоянка Замостье 2 находится в Сергиево-Посадском р-не Московской обл. в 110 км к С-В от Москвы, в пойме р. Дубна. Во время работ на памятнике была вскрыта площадь около 140 м² и изучено четыре культурно-стратиграфических горизонта: 1) культурный горизонт периода среднего неолита (ляльовская культура) — 6400—5700 л. н.; 2) культурный горизонт периода раннего неолита (верхневолжская культура) — 7200—6500 л. н.; 3) культурный горизонт финального мезолита — 7400—7300 л. н.; 4) культурный горизонт финального мезолита — 7900—7800 л. н. Именно коллекция кремневых и костяных изделий, полученная в ходе исследования стоянки, послужила базой для настоящего исследования (Lozovskii, 1996).

Природная обстановка

Прежде чем приступить к анализу кремневой и костяной индустрий переходных слоев памятника, необходимо рассмотреть условия природной обстановки на изучаемом отрезке. Полученные в Институте Геологии РАН радиоуглеродные датировки позволили точно привязать культурно-стратиграфические слои к этапам эволюции природной среды в данном регионе и соотнести их с другими изученными памятниками. Всего было получено 14 радиоуглеродных датировок (табл. 1).

Таблица 1.

Радиоуглеродные датировки стоянки Замостье 2

Культурно-стратиграфический горизонт	Лаб. номер	C-14 дата, ВР	Датируемый м-л
развитый неолит — льяловская культура	6154	5700±110	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	6199	6250±100	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	7985	6290±40	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	6198	6680±100	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	6557	6850±60	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	7986	7000±70	дерево
ранний неолит — верхневолжская культура	6564	7050±40	торф
ранний неолит — верхневолжская культура	7988	7200±90	кость
финальный мезолит — верхний мезолитический горизонт	6201	7380±60	дерево
финальный мезолит — верхний мезолитический горизонт	6565	7450±100	торф
поздний мезолит — нижний мезолитический горизонт	6196	7840±90	торф
поздний мезолит — нижний мезолитический горизонт	6197	7900±180	торф
горизонт сапропеля, подстилающий нижний мезолитический горизонт	7984	8640±100	торф

Изученные на стоянке Замостье 2 разрезы и данные радиоуглеродного анализа свидетельствуют, что все три рассматриваемых комплекса стоянки (нижний мезолитический, верхний мезолитический и ранненеолитический горизонты) формировались в конце бореального — начале и первой половине атлантического периодов (рис. 1). По данным Е. А. Спиридоновой, изменение древних палеоландшафтов в данном регионе на границе между бореальным и атлантическим периодами происходило достаточно постепенно (Спиридонова, Алешинская, 1996. С. 69). Как пишут исследователи «на некоторых участках междуречья в начале атлантического периода существовали палеоландшафты, близкие по своему типу к бореальным. Это были сосновые леса с примесью широколиственных лесов» (Спиридонова, Алешинская, 1996. С. 69; Алешинская, Лаврушин, Спиридонова, 2001).

Собственно мезолитические слои стоянки Замостье 2 датируются 7900—7800 л. н. (нижний мезолитический слой) и 7500—7300 л. н. (верхний мезолитический слой). Именно в этот промежуток исследователи отмечают начальную фазу общего понижения уровня озерных водоемов в регионе в целом. По мнению авторов, это явление связано с общей тенденцией изменения климата в сторону большей аридизации, следы которой наиболее отчетливо выявлены по материалам памятников современной лесостепи и степи. Максимальный же уровень аридизации приходится на отрезок 7200 л. н., который в определенной степени можно считать естественным рубежом между неолитом и мезолитом в центральном регионе России (Спиридонова, Алешинская, 1996. С. 69; Алешинская, Лаврушин, Спиридонова, 2001).

Более влажный и теплый этап древнего климата, который фиксируется по материалам верхневолжского слоя стоянки Замостье 2, охватывает интервал неолита от 7000 до 6500 л. н. Этот интервал также соответствует времени существования верхневолжской культуры в пределах всего Волго-Окского междуречья. В это время коренными лесами этой территории являлись хвойно-широколиственные сообщества, образованные дубово-липово-елово-сосновыми и липово-дубово-сосновыми формациями. По понижениям рельефа, особенно вдоль рек и по берегам озер, болот возрастала роль березы и ольхи. Гидрологический режим на реках и озерах характеризовался относительной стабильностью.

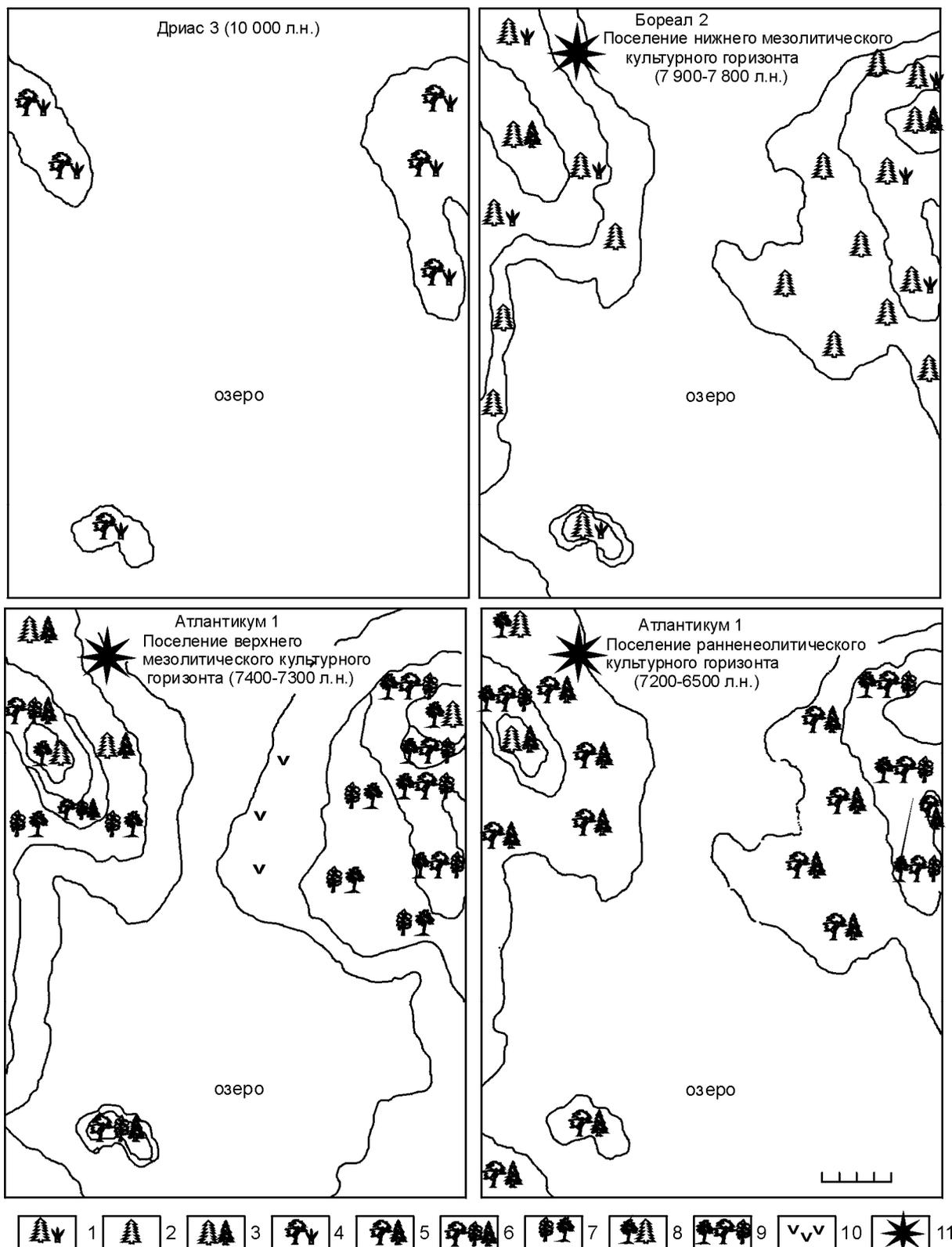


Рис. 1. Схема развития палеоландшафтов в районе стоянки Замостье 2 (по Е. А. Спиридоновой):
 1 — сосна и кустарники; 2 — тайга с сосняком; 3 — тайга с сосняком, иногда с хвойными породами;
 4 — редкие березовые леса с кустарником и травами; 5 — березовые и хвойные леса;
 6 — березовые и ольховые леса, иногда смешанные с хвойно-широколиственными породами;
 7 — ольховые и широколиственные леса; 8 — широколиственные и сосновые леса;
 9 — широколиственные, березовые и ольховые леса; 10 — болота; 11 — стоянка Замостье 2.

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на происходившие климатические изменения, в целом природная обстановка позднего мезолита и раннего неолита практически ничем не отличалась. И первобытным сообществам не было необходимости менять стиль своего поведения и способы адаптации.

Фауна

Фаунистические остатки, полученные в ходе археологических работ, исследовали профессор Луи Шэ (Национальный музей Естественной Истории, Женева, Швейцария) и А. К. Каспаров (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) (Chaix, 1996; Каспаров, 2001; Шэ, Шеналь-Велярд, Велярд, 2001). Анализ показал следующие, пока предварительные результаты:

В материалах всех исследованных слоев (два мезолитических и один раннеолитический горизонт) четко отмечается явное преобладание костей двух видов животных: лось и бобр (рис. 2).

Помимо этого, состав фаунистического материала показывает достаточно большое разнообразие добывавшихся видов, в частности, различные виды куньих, среди которых определены барсук, выдра, куница и хорек. Найдено достаточно большое число остатков птиц (среди которых есть водоплавающие виды).

Отмечается большое количество рыб, что очевидно свидетельствует об успешной рыбной ловле. Присутствуют остатки домашней собаки.

Эти базовые аспекты являются общими для мезолитических и раннеолитического горизонтов стоянки Замостье 2, единственным отличием раннеолитического комплекса от мезолитических является большее, по сравнению с мезолитом, присутствие остатков кабана. То есть, мы можем констатировать, что и состав фаунистических остатков, найденных в обоих горизонтах, существенно не отличается, что говорит об одинаковой экономической базе как мезолитических поселений, так и раннеолитического.

Таким образом, можно сделать вывод, что в сущности ни природная обстановка, ни основные экономические принципы никак серьезно не изменились при переходе от лесного мезолита к лесному неолиту. В чем же тогда проявились новации, помимо появления самой керамики? Для этого нам необходимо напрямую обратиться к анализу каменной и костяной индустрий всех трех слоев памятника.

Костяная индустрия

Костяной и роговой инвентарь, найденный во всех трех слоях стоянки, достаточно многочислен. Всего в нижнем мезолитическом слое найдено 189 изделий, в верхнем мезолитическом слое — 1138, в раннеолитическом горизонте — 733 изделия (рис. 3—4).

При анализе комплекса изделий из кости и рога необходимо отметить те группы орудий, которые известны по материалам как мезолитических слоев, так и раннеолитического слоя и которые говорят о преемственности обоих комплексов.

В числе традиционных типов, в первую очередь, отмечаются крупные наконечники острог, процент которых в комплексе значительно возрастает по сравнению с мезолитическими слоями.

Следующим компонентом являются ножи из ребер, причем, хотя их процент уменьшается по сравнению с верхним мезолитическим горизонтом (от 22,4 % до 15,5 %), характер их обработки и следы использования идентичны. Оформление наконечника в виде «головы птицы» столь же типично и для верхневолжского комплекса, и для мезолитического. Элементы орнамента, встречаемые на ножах, также аналогичны мезолитическим. Крупные ножи из лопаток в верхневолжском слое показывают те же способы их изготовления, что и в мезолитических слоях.

Анализ серии рубящих орудий из рога позволяет сделать выводы, которые одинаково приемлемы как для мезолитических слоев, так и для верхневолжских. Выделено два типа рубящих орудий. Первый тип представлен орудиями с нечетко выраженной симметричностью лезвия и представляет собой отростки и обрубки рога с легкой подшлифовкой рабочего лезвия. Второй тип представляют типологически выраженные топоры и тесла, как правило — с тщательной вторичной обработкой — ярко выраженным в профиле рабочим лезвием и хорошо выделенным обушком.

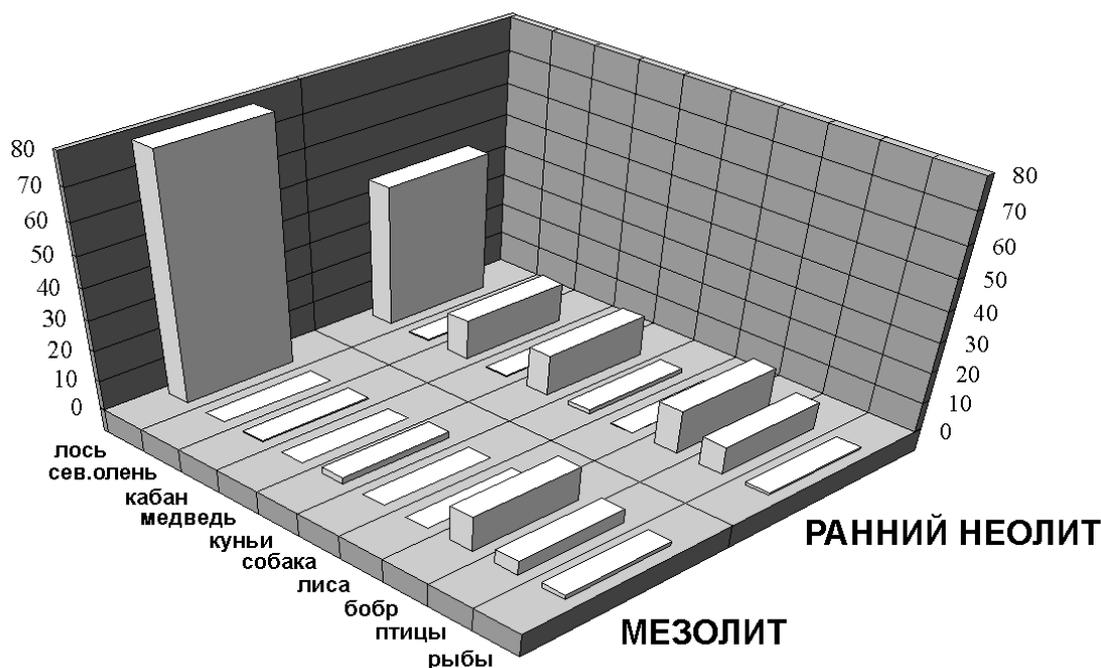


Рис. 2. Состав фауны ранненеолитического и мезолитических слоев стоянки Замостье 2 (по L. Chaix, 1996).

Обе технологии изготовления орудий прослеживаются как в позднемезолитическом, так и в ранненеолитическом слоях и отличий между собой практически не имеют. В обоих слоях отмечается резкое преобладание минимально обработанных орудий с нечетким профилем и наличие небольшой серии четких топоров и тесел. Таким образом, и по этой категории находок мы можем говорить о наличии четкой преемственности между мезолитическими и ранненеолитическим верхневолжским слоем памятника.

В целом же весь основной комплекс орудий из кости и рога, характеризующий мезолитические слои — кинжалы, скошенные орудия (с заточкой рабочего конца под углом 45°), проколки и иглы, ложки, изделия из челюстей бобра, рубящие орудия из рога — остается и в раннем неолите, техника их изготовления и типы орудий практически не меняются. Однако, налицо тенденция уменьшения процентного соотношения этих категорий по сравнению с мезолитическими слоями. За счет чего происходит падение процента традиционных для мезолита типов?

Ответ на этот вопрос дают те же материалы верхневолжского слоя. В основном за счет появления новых категорий изделий, в первую очередь, наконечников метательного вооружения. Если сравнить соотношение наконечников стрел и острий по слоям, то в глаза бросается резкий скачок этой группы в процентном отношении в ранненеолитическом горизонте (в нижнем мезолите — 6,9 %, в верхнем мезолите — 3,6 %, в слое раннего неолита — 19,5 %). И происходит этот скачок не только за счет количественного увеличения уже известных по мезолиту типов, но и за счет появления новых типов наконечников охотничьего вооружения. В группе наконечников стрел добавляются новые формы: 1) игловидные, круглые или эллипсоидные в сечении, с небольшим утолщением на острие, заканчивающимся заостренным конусом; 2) фигурные наконечники, слегка уплощенные в поперечном сечении, с тремя или двумя утолщениями (у всех на утолщении присутствует кольцевая нарезка); 3) типологически неустойчивые биконические формы небольших размеров.

Новым типом орудий в группе наконечников являются зубчатые острия — это мелкозубчатые наконечники трехгранного поперечного сечения, на одной из граней которого через минимальное расстояние вырезались косые зубцы.

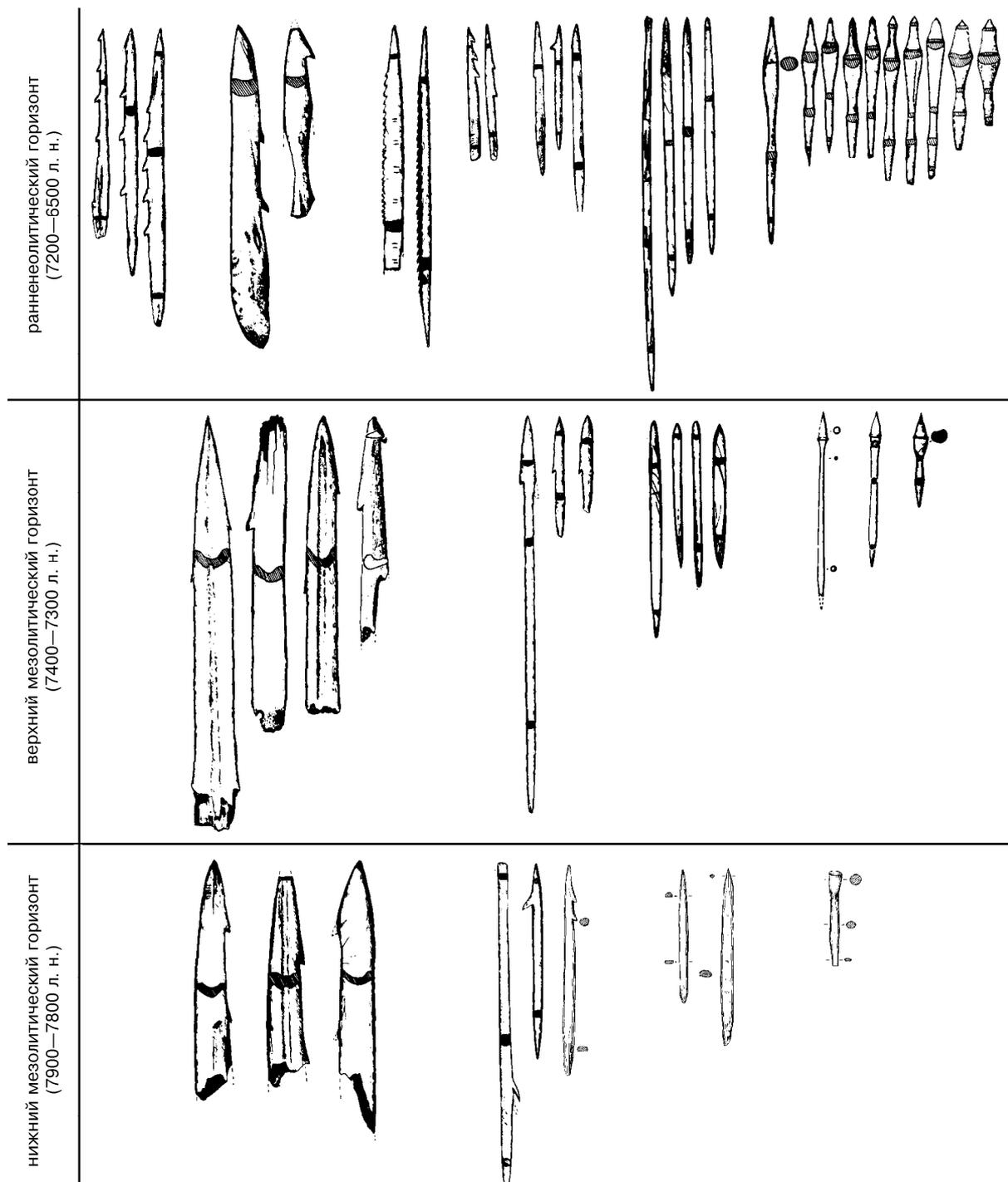


Рис. 3. Схема развития типов наконечников охотничьего вооружения из кости по материалам стоянки Замостье 2.

К новому типу можно отнести наконечники гарпунов с выделенным выступами насадом средних размеров из стержней подовальной формы, на одной из граней которых вырезалось три-четыре мелких клювовидных зубца, расположенных на большом расстоянии друг от друга.

Следующей новой группой орудий являются крючки, изготовленные из одной пластины кости, процент которых достигает 2,5 %. Их относительная многочисленность и, главное, весьма характерный тип, неизвестный в слоях мезолита, заставляют говорить о них, как о новом типе орудий, присущем только раннеолитическому комплексу.

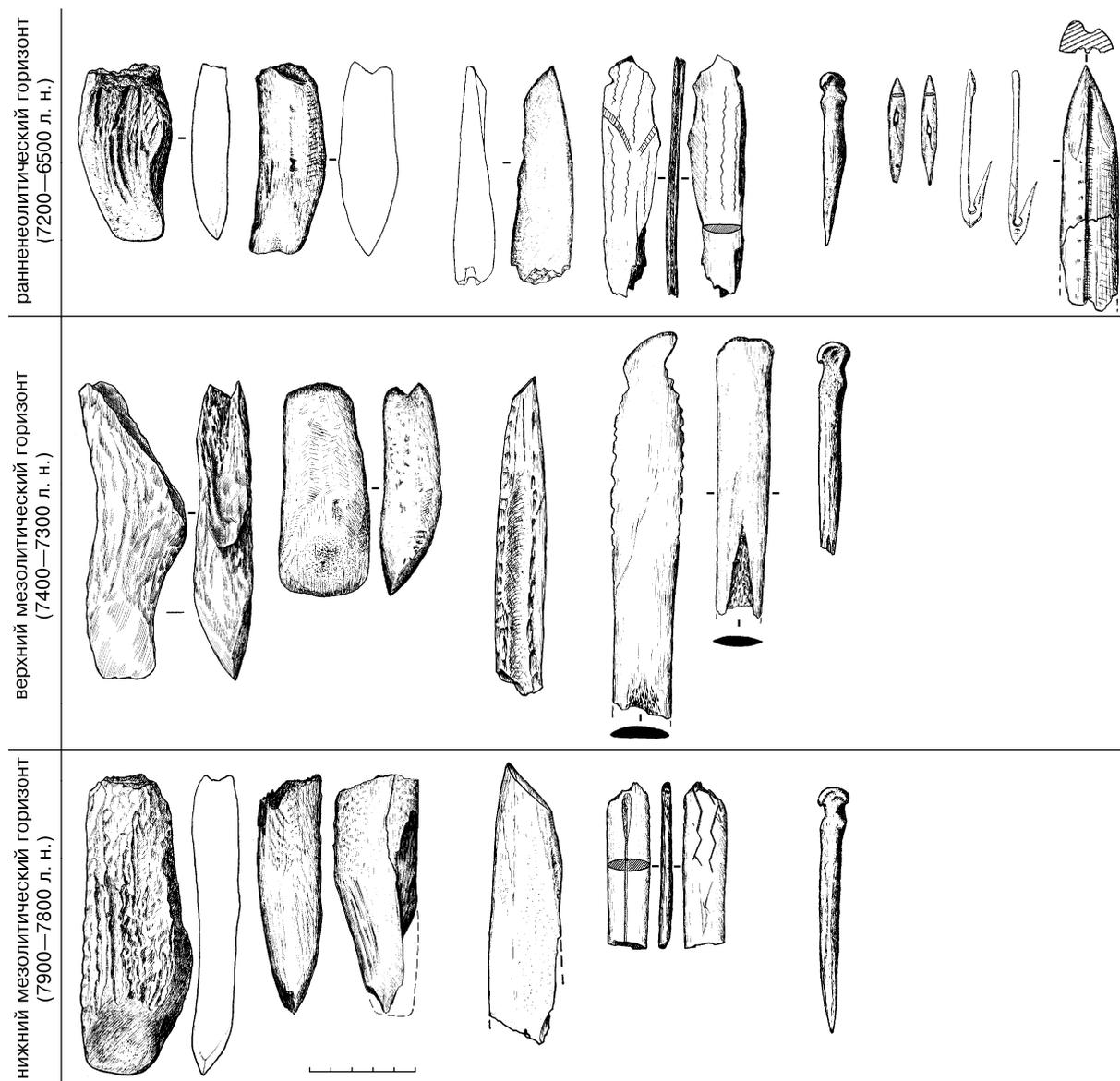


Рис. 4. Схема развития типов орудий из кости и рога по материалам стоянки Замостье 2.

Еще одна группа орудий, на которую необходимо обратить внимание — это острия с углом заострения кончика 45° . Форма этих предметов представляется нам дальнейшим развитием скошенных орудий с углом заострения 45° . Однако, их четырехгранный заостренный конец дает возможность предположить их использование в качестве наконечников охотничьего вооружения.

Таким образом, анализ костяной индустрии раннеолитического комплекса, наряду с уже известными типами, показывает целый ряд новых, которые были совершенно неизвестны в слоях мезолита и которые появляются в регионе только вместе с верхневолжской керамикой.

В целом же анализ комплексов костяной и роговой индустрий двух финально-мезолитических и раннеолитического слоев показывает, с одной стороны, продолжение традиций в типах орудий и способах обработки кости, с другой стороны, налицо появление в раннеолитическом комплексе совершенно новых типов изделий, которые были нехарактерны для местного мезолита.

Выявленные тенденции развития костяной индустрии от нижнего мезолитического горизонта (7900 л. н.), верхнего мезолитического горизонта (7300 л. н.) к комплексу раннего неолита (7200—6500 л. н.) подтверждаются данными исследований других стоянок региона (стоянки

Ивановское 3 и 7, стоянки Окаево 4, 5, 18, 18а, 29, Нушполы 11, Озерки 5, 16, 17 в Тверской обл. и в западной части Дубненского бассейна (Жилин, 1995. С. 24—31; 1996; 1997. С. 165—178; Zhilin, 1999. P. 295—310).

Каменная индустрия

В отличие от костяной индустрии, кремневая индустрия в целом, в силу специфики своего материала, являлась достаточно традиционным и мало подверженным изменениям элементом материальной культуры. В силу этого у нас появляется реальная возможность проследить те изменения, которые появляются в такой специфической сфере материальной культуры, как каменная индустрия при переходе к неолиту.

Распределение изделий из камня по всем трем слоям стоянки выглядит следующим образом: нижний мезолитический слой — 2252 (из них со вторичной обработкой — 239), верхний мезолитический слой — 7164 (из них со вторичной обработкой — 1067), раннеолитический слой — 3429 (из них со вторичной обработкой — 616).

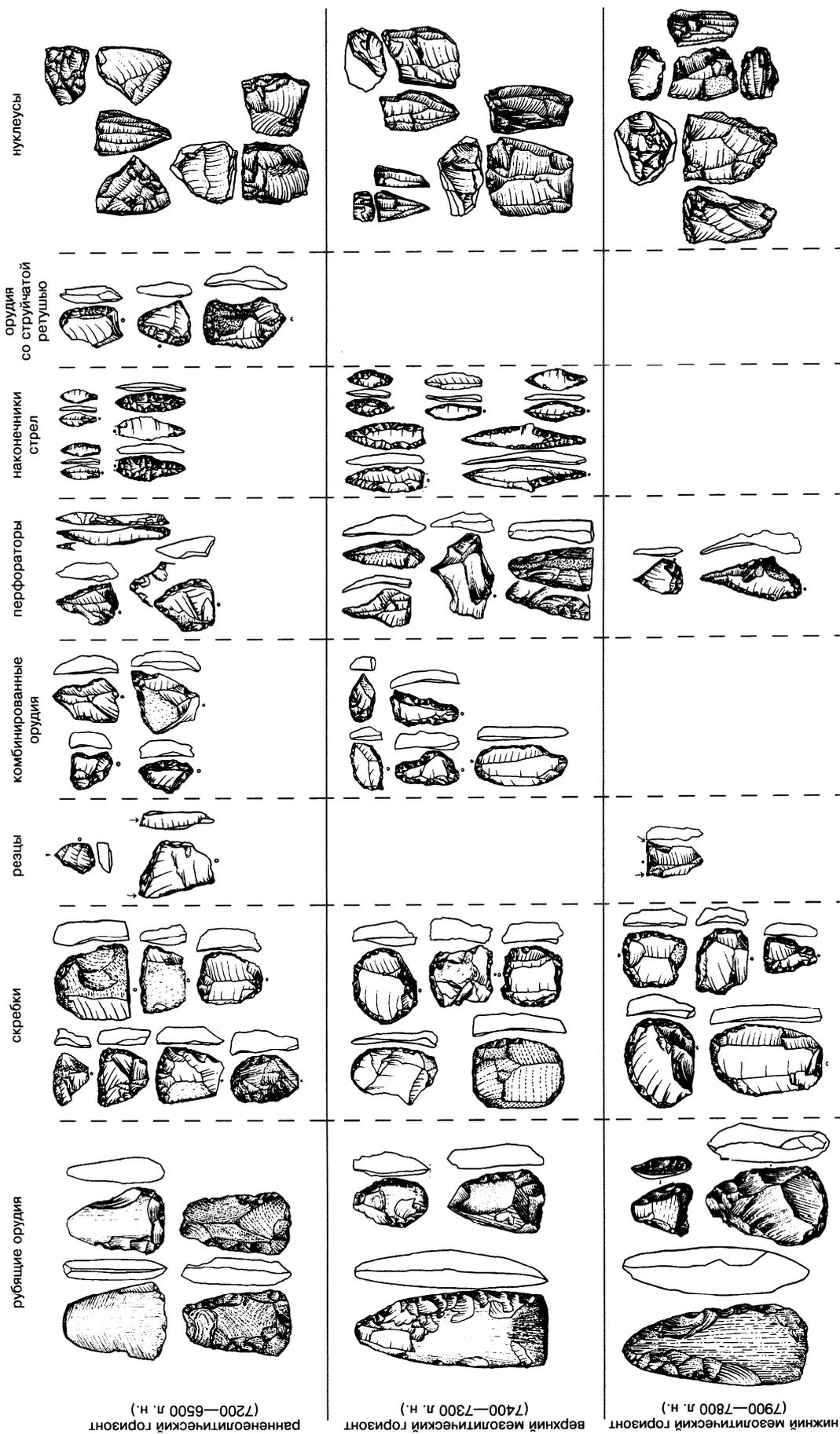
Анализ кремневых индустрий исследуемых нами комплексов позволяет однозначно утверждать наличие тесной преемственности между ними (рис. 5). Это подтверждается следующими тенденциями.

В первую очередь, во всех трех слоях отмечается доминирование отщепа в качестве основной заготовки для изготовления орудий труда. Это выражается не только в преобладании отщепов во всех трех комплексах в процентном соотношении (везде более 50 %), но и в том, что процент изделий на отщепах везде значительно преобладает над процентом орудий на пластинах (НМ — 13,7 % и 2,9 %, ВМ — 20,4 % и 5,4 %, ВВК — 24,2 % и 4,9 %). При анализе динамики изменения орудий на отщепах по слоям заметна тенденция увеличения процента от нижнего мезолита к раннему неолиту почти в два раза, что может быть связано уже с начавшимися изменениями самой структуры раннеолитического комплекса и появлением в нем новых форм из отщепов.

Процент орудий из пластин, хотя и увеличивается от нижнего к верхнему мезолитическому слою, однако остается практически неизменным при переходе к раннему неолиту.

Характеризуя в целом группу изделий из пластин по всем трем слоям, приходится признать, что подавляющее большинство заготовок лишь с натяжкой может быть отнесено к пластинам из-за массивности пропорций и грубости форм, в их числе нередко технологические отходы (реберчатые сколы, сколы подправок или подготовки нуклеусов). Большой процент изделий изготовлен из обломков пластин. Вторичная обработка изделий также в значительной степени носит небрежный характер. Как показал технологический анализ (рис. 6), во всех трех слоях основной целью расщепления не являлось снятие пластинчатых заготовок. Снятие пластин (или скорее микропластин) было второстепенным, узконаправленным производством, которое не стояло на первом месте в кремневой индустрии. Остатки этого производства фиксируются по небольшим сериям нуклеусов для отжима микропластинок, находкам самих микропластин во всех трех слоях памятника, и как бы конечном продукте этого производства — находкам целых вкладышевых орудий с закрепленными в пазах микропластинами (верхний мезолитический комплекс) (Гиря, Лозовский, Лозовская, 1997. С. 86—103; Гиря, 2001. С. 304—310.).

Анализируя орудийный состав группы изделий из пластин, приходится признать, что он достаточно однообразен и не отличается особой вариативностью форм — это скребки, пластины с ретушью, сверла-проколки и наконечники стрел. При этом последние появляются в значительном количестве только в верхнем мезолитическом горизонте и раннеолитическом слое. И если для мезолитического слоя мы можем говорить об определенной монолитности этой группы в целом — листовидные и черешковые наконечники стрел, то для раннего неолита эта группа показывает уже большее разнообразие форм (еще в пределах «постсвидерской» традиции) и появление с технологической точки зрения совершенно нового типа двусторонне обработанных наконечников. По остальным группам изделий из пластин можно только говорить о процентном изменении соотношений внутри группы, а каких-либо серьезных типологических изменений при переходе от мезолита к неолиту не происходит.



ранненеолитический горизонт (7200—6500 л. н.)

верхний мезолитический горизонт (7400—7300 л. н.)

нижний мезолитический горизонт (7900—7800 л. н.)

Рис. 5. Схема развития типов изделий из камня по материалам стоянки Замостье 2.

Технологическая схема производства кремневой индустрии стоянки Замостье 2

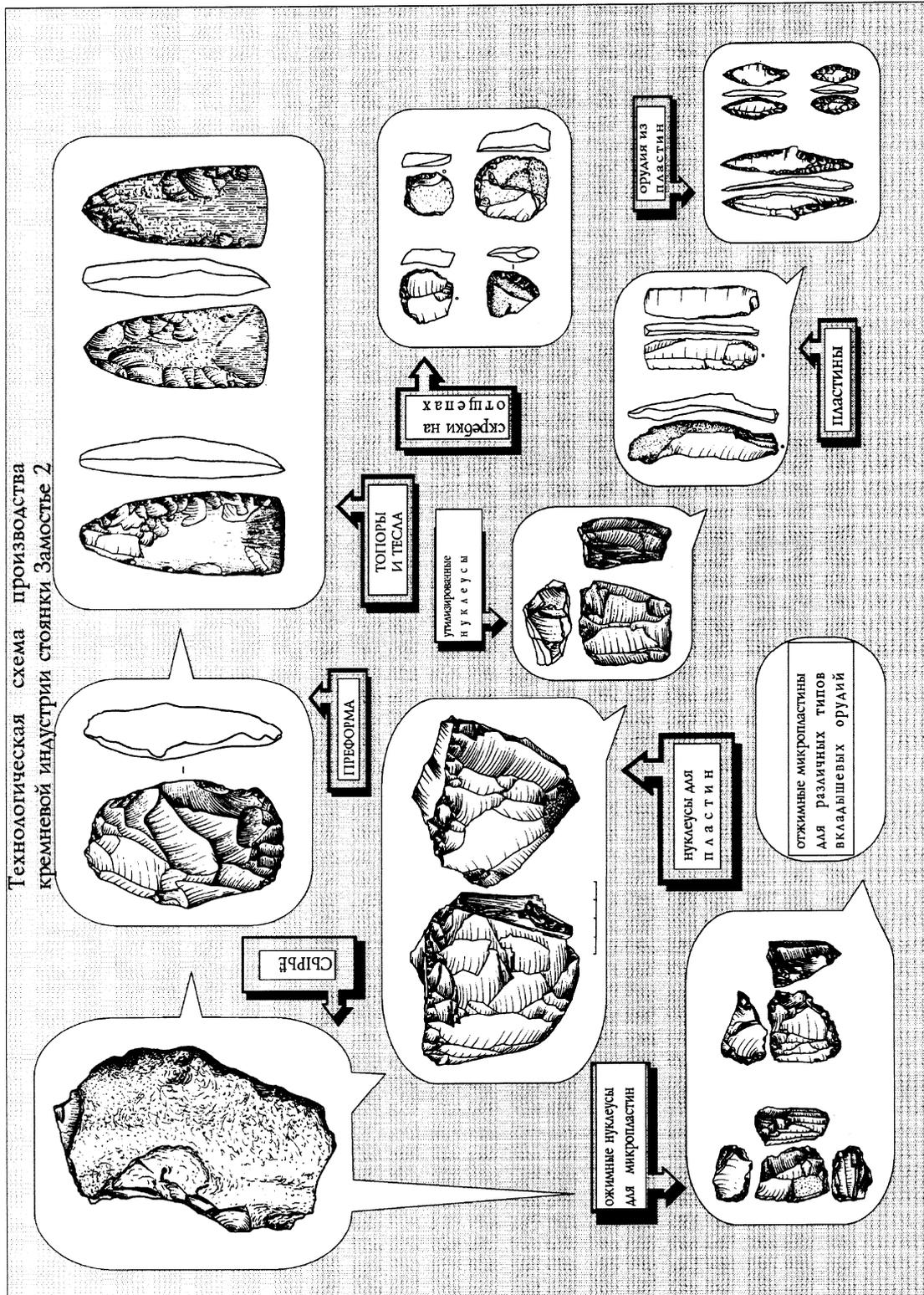


Рис. 6. Технологическая схема производства каменной индустрии стоянки Замостье 2 по материалам раннеолитического и мезолитических слоев (по Е. Гире).

Как показал тот же технологический анализ, ведущей технологией производства орудий из кремня на памятнике во всех трех слоях являлось изготовление шлифованных рубящих орудий. Этим объясняется наличие в коллекции значительного числа нуклеидных форм (облупни, пренуклеусы, заготовки нуклеусов и т. д.), которые зачастую сложно отделить от массивных бифасов. Последние, в свою очередь, уже являлись заготовками рубящих орудий. Процент последних достаточно стабилен в обоих мезолитических слоях и почти вдвое увеличивается в раннеолитическом горизонте. Этой же ориентированностью всех трех индустрий на производство рубящих орудий можно объяснить факт стабильного присутствия во всех комплексах обломков шлифовальных плит.

В связи с этим становится понятным факт определенной небрежности в выборе заготовок, отмеченный для групп орудий на отщепах. Нельзя напрямую говорить, что обитатели стоянок изготавливали орудия из отходов производства рубящих орудий. Однако, для всех слоев можно отметить отсутствие определенного стандарта в выборе заготовок для всех категорий орудий — использовались как отщепы различной конфигурации, так и просто любые удобные обломки кремня. Вторая черта, характерная для орудий всех трех комплексов — это стремление придать орудию определенную степень полифункциональности (что особенно ярко выразилось в значительной серии комбинированных орудий в верхнем мезолитическом горизонте).

Переходя от общих замечаний к конкретному анализу распределения типов орудий по слоям, надо отметить, с одной стороны, общие для всех трех слоев тенденции, с другой стороны — разницу, которая проявляется не только между мезолитическими слоями и раннеолитическим, но и между двумя мезолитическими слоями. Общим для всех комплексов является факт доминирования скребков среди прочих орудий. И если в нижнем мезолитическом горизонте их доля максимальна (61,9 %), то в верхнем мезолитическом горизонте и раннеолитическом их процент практически идентичен (44,4 % и 42,9 % соответственно). Определенное уменьшение доли скребков имеет свои причины. Прежде всего, это появление в верхних слоях новых категорий орудий: в верхнем мезолите — комбинированные орудия (17,3 %), в раннем неолите — комбинированные орудия (5,7 %), резцы (3,5 %) и изделия с обработкой струйчатой ретушью, а также двусторонние наконечники стрел (3,6 %). Появление новых групп орудий послужило причиной уменьшения процента таких традиционных групп орудий как проколки и сверла с 11,1 % (суммарно) для нижнего мезолита до 5,7 % (верхний мезолит) и 6,4 % (ранний неолит).

Как видно из приведенного анализа, при наличии как бы традиционных групп изделий и характера их изготовления, определенная динамика изменений прослеживается. Это происходит как за счет появления новых групп изделий, которые сами по себе вполне вписываются в общую картину характера изготовления орудий на отщепах (комбинированные орудия, резцы) и исчезновения старых (например скребла, которые полностью отсутствуют в раннеолитическом горизонте), так и за счет увеличения или уменьшения процента традиционно многочисленных групп (скребки).

Последний момент — это факт появления новой технологии изготовления орудий с помощью струйчатой ретуши (1,9 %). На наш взгляд, никаких предпосылок для появления этой техники в нижних слоях найти нельзя и можно говорить об этом факте, как о привнесенном извне явлении. Это же относится и к двусторонним наконечникам стрел (1,7 %), т. е. технике изготовления тонких бифасов, которая, как показал технологический анализ, появляется в раннеолитическом комплексе как бы из ниоткуда. И если изменение процентных соотношений внутри комплекса, появление новых типов и исчезновение старых происходит в рамках одной индустрии, одной технологии, то зафиксированные в раннеолитическом комплексе указанные выше находки кардинально отличают его от мезолитических.

Искусство

Отдельной темой данной работы является анализ такой сферы культуры древнего человека, как предметы искусства и/или свидетельства духовной жизни (Лозовский 1997. С. 33—51). С антропологической точки зрения это сфера наиболее сильно подвержена изменениям и влияниям. И в связи с этим, нам представляется крайне интересным проследить каковы же те

изменения, которые мы можем обнаружить при анализе предметов искусства и духовной культуры мезолита и неолита. Эта группа изделий включает в себя собственные предметы искусства, вырезанные из кости, орнамент на орудиях и орнаментированные гальки — чуринги.

В целом среди изделий, которые несут на себе орнамент трудно уловить какие-то определенные приоритеты. Однако, некоторые замечания можно сделать, исходя из сравнительного анализа изделий обоих комплексов.

1. В целом процент орнаментированных изделий среди всей массы орудий из кости достаточно небольшой (около 5 %), хотя среди отдельных категорий находок он может быть значительным (например, ножи и кинжалы).

2. Для отдельных орудий можно отметить характерные приемы декорации и рисунок орнамента: для ножей и заколок — украшение фигурным навершием; для наконечников стрел — орнамент в виде процарапанного зигзага; для гарпунов-острог и части кинжалов — линии с ресничками и прямоугольники из этих линий, при этом большинство наконечников охотничьего вооружения украшались насечками по боковым граням изделий. Орнаментация орудий в технике овальных нарезок присуща только для категории ножей. В целом же процент орнаментированных изделий среди ножей и кинжалов намного выше, чем среди остальных орудий и для этой группы характерен плоскостной геометрический орнамент, выполненный в различных техниках. При этом показательно, что целые группы орудий (топоры и тесла из рога, орудия с заточкой рабочего конца под углом 45°) либо вообще не украшались, либо орнамент встречен в одном-двух случаях.

3. Собственно характер геометрического орнамента на орудиях стоянки Замостье 2 перекликается с геометрическим стилем искусства мезолита Северной Европы, отмеченного для стоянок культуры маглемозе Балтийского региона (Clark, 1975. P. 147—159).

Отдельным вопросом является соотношение орнамента на орудиях из кости и рога и орнамента на чурингах. Если рассматривать вопрос в общем плане, то очевидно, что орнаментация обеих категорий находок примерно одинакова — и здесь, и там присутствует геометрический орнамент. Одни и те же элементы мы находим и на чурингах, и на костяных орудиях — это сеточка, зигзаг, лесенки и параллельные линии. Однако, технические возможности обработки камня и кости диктовали свои специфические приемы декора. Так, большой процент галек украшен орнаментом, который нанесен в шлифованном желобке. Подобный случай просто невозможен на орудиях из кости. В то же время такой стиль орнаментации, как рисунок из глубоко вырезанных овальных нарезок или поверхностного скобления невозможен на чурингах.

Очевидно, однако, что приемы орнаментации костяных изделий намного разнообразнее и богаче, чем те, которые встречаются на чурингах. Так, среди последних совершенно неизвестны сложные геометрические композиции в виде параллельных разветвляющихся линий, обрамленных линиями из каплевидных точек и др. Кроме треугольников, отсутствуют другие геометрические фигуры, встречающиеся на костяных изделиях (ромбы, прямоугольники, вогнутые линии). Столь распространенный на костяных орудиях элемент как зигзаг почти не встречается на чурингах. То есть, орнаментация чуринг более бедна и более стандартизована по сравнению с орнаментацией костяных орудий. На наш взгляд, мы здесь сталкиваемся со случаем определенного орнаментального канона, который определял изготовление чуринги, что также указывает на особое положение чуринг в жизни древних обитателей стоянки.

Завершая анализ предметов искусства из мезолитических и раннеолитического слоев стоянки Замостье 2 остается добавить, что даже в такой специфической сфере материальной культуры древнего населения, какой являются свидетельства духовной жизни и культуры, прослеживаются несомненные связи между мезолитическим и раннеолитическим комплексами: практически идентичные типы чуринг, характер орнамента (преимущественно зигзаг в различных вариациях) на орудиях и сами типы орудий, на которых наносились украшения (ножи и кинжалы, наконечники стрел и гарпунов).

Керамика раннеолитического слоя стоянки Замостье 2

До сих пор во всех работах нами детально анализировался состав каменной и костяной индустрии стоянки Замостье 2 и мы неоднократно отмечали если не тождество, то невероятную близость финальномезолитических и раннеолитического комплексов стоянки (Лозовский, 2001. С. 265—272; Lozovski, 1999. P. 337—345; Lozovski, 1999a. P. 417—424; Lozovski, 1999b. P. 139—145; Lozovski 2000. P. 124—129). В данной работе мы считаем нужным более подробно остановиться на характеристике керамического материала раннеолитического слоя стоянки. Именно эта характеристика кардинально отличает раннеолитический слой от нижележащих.

Весь комплекс раннеолитической керамики, полученный в ходе раскопок, включает 7883 фрагментов. Планиграфический анализ керамического материала не выявил каких-либо специфических скоплений и показал достаточно равномерное распределение керамики по всей раскопанной площади.

Вся керамика по типу орнамента и способу его нанесения, а также по характеру теста распадается на несколько групп: керамика, орнаментированная тычково-накольчатый, короткозубчатый, орнаментом, выполненным в технике отступающей лопаточки, а также прочерченным орнаментом и керамика, украшенная длиннозубчатый орнаментом (рис. 7).

Фрагментов с тычково-накольчатой орнаментацией и в технике отступающей лопаточки найдено 3381 экз. Тесто хорошо отмученное, в качестве примеси использовался шамот. Наружная поверхность фрагментов часто заглажена или подлощена, на внутренней видны следы расчесов. Толщина стенок — 7—10 мм. Венчики с тычково-накольчатый орнаментом (339 экз.) прямо или косо срезаны с последующей орнаментацией в накольчатой или отступающей технике по срезу или с внутренней стороны венчика. Среди венчиков преобладают фрагменты с прямым профилем и прямым срезом и венчики с прямым срезом с легким наклоном вовнутрь сосуда. Достаточно многочисленны также венчики с округлым срезом — прямые или с легким отгибом наружу. Другие формы венчиков — прямые с отгибом наружу и срезом по внутреннему краю; приостренные с аналогичным срезом, хотя и не столь многочисленны, но являются характерной чертой комплекса.

Среди днищ сосудов, орнаментированных тычково-накольчатый орнаментом, распространены плоские днища (41 экз.), с внешней стороны они иногда имеют слабую вогнутость. Тем не менее, количественно преобладают днища приостренной или округлой формы — 63 экз. Орнаментация днищ достаточно разнообразна: так, на плоских днищах можно встретить орнамент в виде сходящихся в одной точке лучей из каплевидных или овальных наколов, круги, параллельные линии, орнамент в виде креста выполненные теми же элементами. Орнаментация приостренных донцев сосудов состоит из рядов параллельных линий наколов.

Среди фрагментов керамики, происходящих от средних частей сосудов, иногда встречаются черепки, которые явственно представляют собой ребро перегиба сосуда. Они немногочисленны — 23 экз., но являются характерной чертой этого керамического комплекса. Таким образом, общую форму сосудов с тычково-накольчатой орнаментацией можно реконструировать как средней величины плоскодонные или остродонные горшки слегка закрытой формы, некоторые изготавливались с перегибом в средней части.

Самым распространенным элементом тычково-накольчатой орнаментации являются разреженные пояски каплевидных, треугольных или овальных наколов (1322 экз.), реже встречаются фрагменты с близко поставленными рядами наколов, идущими во встречном направлении (835 экз.), иногда (544 экз.) пояски наколов заполняют всю поверхность черепка, при этом их направление и нанесение в пределах одного фрагмента неустойчиво. Иногда пояски наколов составляют орнаментальные композиции, из которых наиболее распространен орнамент в виде горизонтальных поясков, пространство между которыми заполнено наклонными, реже — вертикальными, рядами. Реже пояски наколов сочетаются с отдельными наколами или с поясками оттисков косопоставленного короткозубчатого штампа в отступающей технике (124 экз.). В редких случаях встречаются другие орнаментальные мотивы: зигзаг, треугольники, елочка и единично — орнамент в виде сетки. Судя по характеру нанесения орнамента на фрагментах

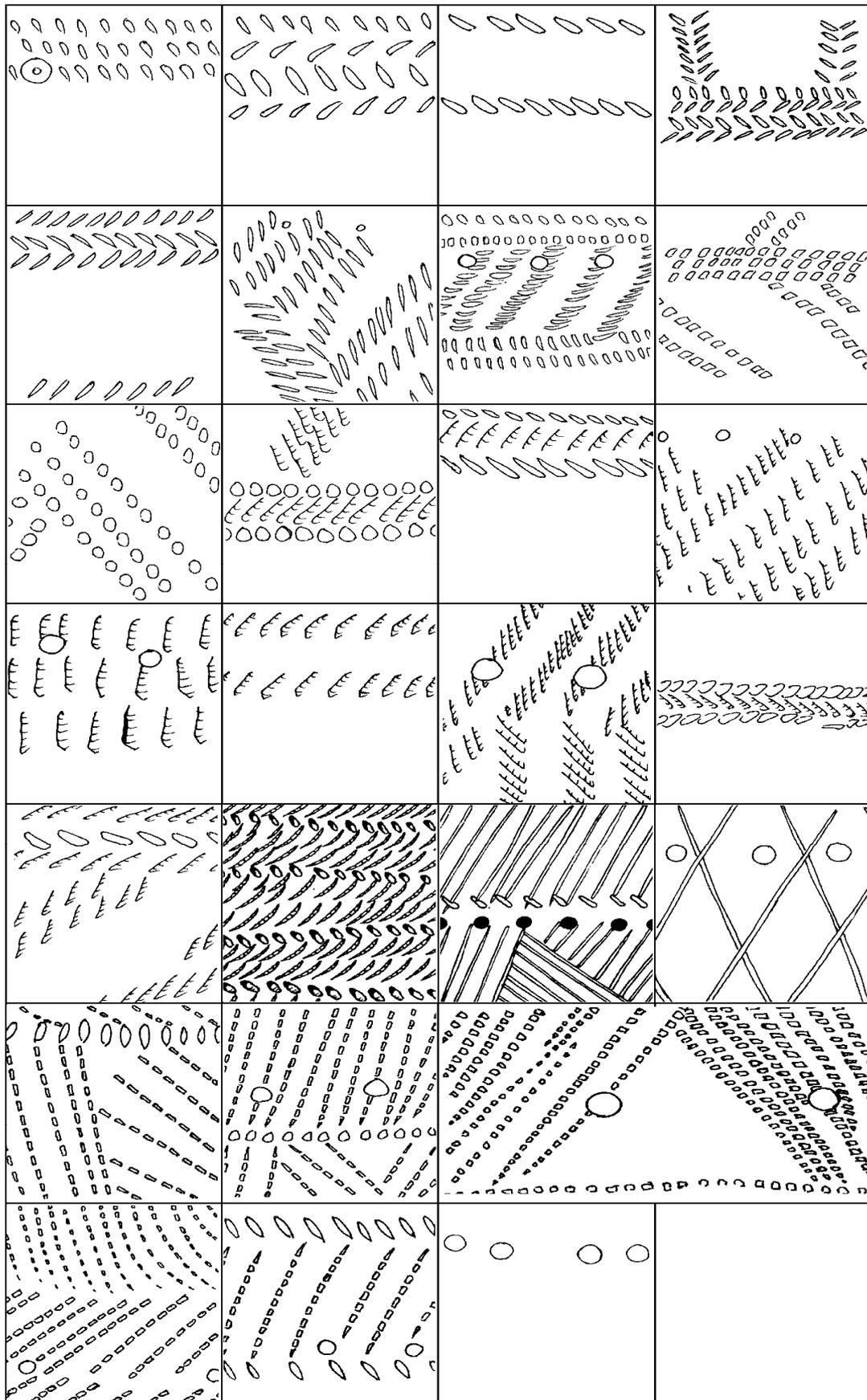


Рис. 7. Таблица мотивов орнамента раннеолитической верхневолжской керамики по материалам стоянки Замостье 2.

сохранившейся керамики можно заключить, что орнамент наносился в основном в верхней и придонной части сосудов, несколько реже можно отметить отдельные пояски накольчатой орнаментации с отходящими под углом к ним рядами наколов в средней части сосудов. В чистом виде треугольные, овальные оттиски в технике отступающей лопаточки отмечены на 105 фрагментах. На днищах орнамент, как правило наносился в двух вариантах: в виде пучков линий из рядов наколов, исходящих из одной точки, или в виде концентрических кругов.

На втором по количеству найденных фрагментов месте стоит неорнаментированная керамика. Всего фрагментов без орнамента найдено 2186 экз., форма венчиков (103 экз.), как правило, округлая с прямым или слегка отогнутым вовнутрь профилем, у большинства экземпляров непосредственно под краем нанесены сквозные отверстия. Имеющиеся в коллекции днища (21 экз.), как правило, приостренные, только три экземпляра из этого числа — плоские с легкой вогнутостью по центру. Характер теста и обжига черепков без орнамента аналогичен черепкам с тычково-накольчатой орнаментацией. Фактически, по характеру теста, примесям, способу изготовления данная группа керамики практически тождественна первой группе. И у нас нет однозначной уверенности, что большая половина фрагментов без орнамента не происходит от неорнаментированных зон тех сосудов, на которые был нанесен тычково-накольчатый орнамент. В связи с этим нам представляется, что при статистических подсчетах мы можем объединять эти две группы керамики в одну большую группу.

Сходная тычково-накольчатая керамика была найдена при раскопках достаточного числа многослойных неолитических памятников — Сахтыш 1, 2 и 8, Ивановское 3, Польцо, Николо-Перевоз 1, Торговище 1, Варос, Языково 1 и др. (Крайнов, Хотинский, 1977; Костылева, 1984; 1986; 1994; Уткин, Костылева, 1984; Сидоров, 1992). На ряде памятников присутствие в комплексах тычково-накольчатой и неорнаментированной керамики достигает значительных показателей, так, по данным Е. Л. Костылевой, «на стоянке Сахтыш 8 (раскопки 1965—1978 гг.) неорнаментированная и накольчатая посуда составляет 48 % от всего количества верхневолжской керамики, найденной на стоянке, на Торговище 1 (раскопки 1980 г.) — 38 %, на Ивановской 5 (раскопки 1974, 1982 гг.) — 69 %, на Ивановской 3 (раскопки 1972, 1974, 1981 гг.) — 16 %, на Ивановской 7 (раскопки 1973—1975 гг.) — 39 %» (Костылева, 1994). На других памятниках комплексы с тычково-накольчатой керамикой найдены в качестве небольшой примеси в мезолитических слоях — стоянки Давыдовская, Жабки 3 и др. (Сидоров, 1973; Кравцов, 1982).

Достаточно часто на одном фрагменте встречается сочетание накольчатой орнаментации с оттисками короткозубчатого штампа, часто выполненного в отступающей технике. Собственно фрагментов с оттисками короткозубчатого штампа, или там где этот элемент орнамента играет доминирующую роль, найдено 1166 экз. На всех фрагментах отмечается характерная изогнутость оттисков, поставленных под наклоном. По сохранившимся венчикам сосудов можно определить, что орнамент наносился как прямо от края сосуда, так и с небольшим отступлением в 1—2 см. Довольно часто присутствует бордюрная зона, выполненная тем же короткозубчатым штампом. Для этого типа орнаментации характерен также прямой или слегка скошенный вовнутрь венчик с прямым или скошенным срезом. Иногда по срезу венчика с внутренней стороны наносился орнамент. Найденные донца сосудов с короткозубчатой орнаментацией, как правило, округлые или слегка приострены. Композиции, составленные из этого типа орнаментации как правило простые — это горизонтальные, вертикальные или наклонные ряды оттисков короткозубчатого штампа. В более сложных композициях пояски из короткозубчатого штампа являются разделителями зон орнамента и, в свою очередь, от этих поясков отходят наклонные (в редких случаях — вертикальные) ряды из отпечатков короткозубчатого штампа. В некоторых случаях встречаются орнаментальные мотивы в виде елочки, одно- и многорядного зигзага или вписанных треугольников. Необходимо также отметить, что зачастую оттиски короткозубчатого штампа, наносившиеся на поверхность сосуда в отступающей манере, в дальнейшем переходили в отпечатки, называемые «отступающая лопаточка». На ряде фрагментов нами непосредственно прослеживался этот феномен, и в связи с этим, те немногочисленные черепки, на которых присутствовал бы элемент орнамента «отступающая лопаточка» в чистом виде, были внимательно проанализированы и практически на всех были отмечены следы зубчатых оттисков.

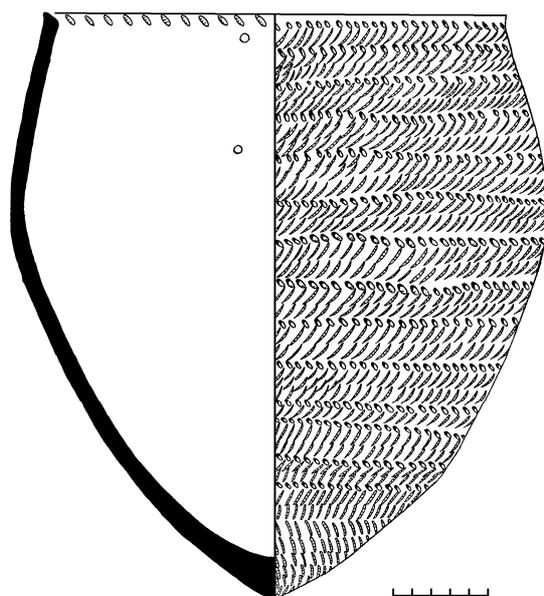


Рис. 8. Сосуд с короткозубчатым орнаментом, нанесенным в отступающей технике (ранненеолитический комплекс).

О форме сосудов этой группы керамики позволяет говорить найденный развал сосуда, полностью покрытый орнаментом из короткозубчатого штампа. Это небольших размеров сосуд (высота — 30,5 см, диаметр по венчику — 24 см) имеет приостренное донце и плавное ребро перегиба в верхней части. Венчик слегка отогнут наружу и скошен изнутри. По всей поверхности сосуд украшен горизонтальными поясками изогнутого короткозубчатого штампа, нанесенного в отступающей технике. Пояски штампа разделены через равные промежутки поясками овальных наколов (два ряда гребенки, один ряд наколов). По внутреннему срезу венчика также нанесен поясок из короткозубчатого штампа. В качестве примеси в тесте использовался шамот. Общая форма сосуда — закрытый остродонный «кубок» с перегибом в верхней части характерна для этой группы керамики и может быть реконструирована по другим найденным фрагментам венчиков и средних частей сосудов (рис. 8).

Аналогии этому типу керамики также можно найти среди памятников Волго-Окского междуречья, где подобная керамика также занимает небольшой процент в верхневолжских комплексах — стоянки Сахтыш 2, 8, Ивановское 3, 7 (Костылева, 1994).

Иной тип керамики представляют фрагменты сосудов с отпечатками длинного зубчатого штампа средней ширины. Всего найдено 1063 обломка с этим типом орнаментации. Керамика этой группы характеризуется различными видами примесей, которые использовались при изготовлении теста сосуда — шамот, песок и дресва, как правило, они встречаются в комбинированном сочетании — шамот + песок или шамот + дресва. Все сосуды отличаются определенной толстостенностью: средняя толщина — 7—10 мм. Обжиг сосудов довольно сильный, при этом можно отметить что орнамент наносился по подсушенному тесту. На большинстве обломков с внутренней стороны явно видны расчесы.

Формы венчиков (191 экз.) в основном округлые с прямым профилем, в редких случаях отмечается нанесение оттисков гребенчатого штампа с внутренней стороны. Собственно орнамент на венчиках наносился в большинстве случаев непосредственно от края сосуда — в основном это наклонные параллельные ряды близко поставленного длиннозубчатого штампа. Изредка длиннозубчатый орнамент вдоль края венчика дополняется другими элементами орнаментации — поясками кольчатых вдавлений, короткозубчатого изогнутого штампа, ямками. В редких случаях отмечается пустое пространство вдоль края венчика шириной 1—2 см.

Найденные фрагменты днищ (48 экз.) этой группы керамики имеют округлую форму. В большинстве своем сохранившаяся на них орнаментация достаточно сильно затерта. В целом

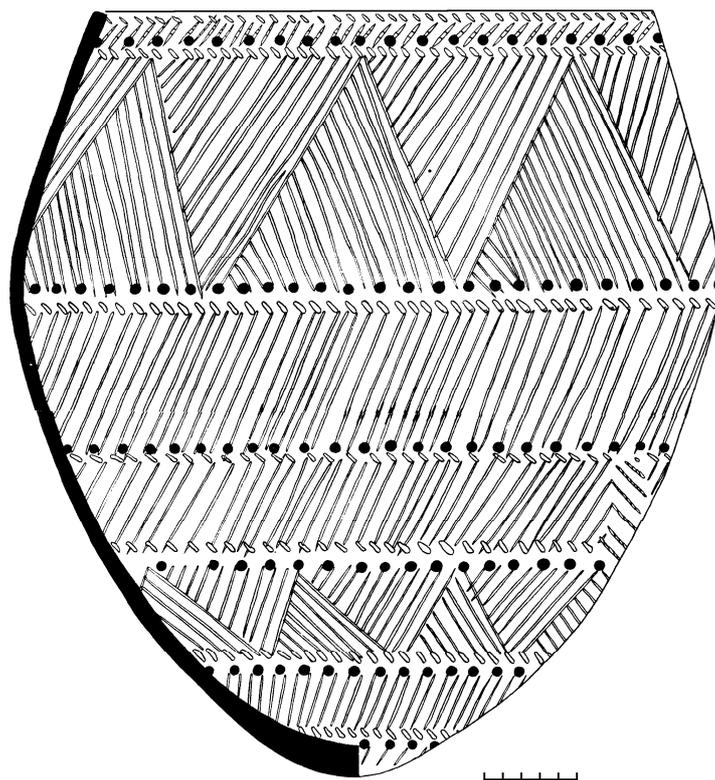


Рис. 9. Сосуд с прочерченным орнаментом (раннеолитический комплекс).

можно отметить, что они также украшены длиннозубчатым орнаментом, при этом как правило, он нанесен таким образом, что все гребенчатые оттиски сходятся в одной точке по центру дна. Реконструировать общую форму сосудов этого типа керамики достаточно затруднительно из-за сильной фрагментации, но по аналогии с другими памятниками можно говорить о том, что сосуды имели открытую яйцевидную форму, возможно, со слегка отогнутыми наружу краями (Костылева, 1986. С. 143).

Орнамент, наносимый на сосуд, носил зональный характер и практически полностью покрывал всю его поверхность. Из орнаментальных композиций наиболее распространенными являются параллельные, наклонно или прямо поставленные оттиски гребенчатого штампа в сочетании с единичными ямочными вдавлениями; менее распространен орнамент в виде елочка. Как правило, горизонтальные ряды гребенчатого орнамента разделяются на зоны с разделителем в виде овальных или округлых тычковых вдавлений, косо поставленного короткозубчатого штампа или горизонтального пояса гребенки. Внутри этих зон само расположение оттисков зубчатого штампа может носить разнообразный характер: вышеупомянутые наклонные или прямо поставленные параллельные оттиски гребенки; наклонные ряды штампа, поставленные под углом друг к другу, елочка, «шагающая гребенка».

В свою очередь, аналогичная керамика с длиннозубчатой орнаментацией также широко распространена на раннеолитических стоянках Волго-Окского региона, где подчас она занимает ведущее положение в верхневолжском керамическом комплексе. Здесь уместно привести данные Е. Л. Костылевой — «на Сахтыше 2 длиннозубчатая керамика составляет 60 % от всей верхневолжской керамики, на Торговище 1 — 42 %, на Ивановском 3 — 60 %, на Ивановском 7 — 59 %» (Костылева, 1994). На других стоянках верхневолжский комплекс почти целиком представлен только этим типом керамики (Жилин, Крайнов, 1982).

Фрагментов керамики с прочерченным орнаментом найдено 87 экз. В формовочном тесте отмечается присутствие шамота и песка. Орнаментальные композиции составлены из параллельных прочерченных линий, сеточного орнамента и вписанных треугольников. Как правило, орнамент носит зональный характер и разделен поясами ямочных вдавлений или овальных

наколов. В единичных случаях отмечено применение ямочного штампа и пунктирного орнамента. О форме сосудов можно судить по одному целому реставрированному развалу (рис. 9).

Этот сосуд отличается достаточно крупными размерами (высота — 41 см, диаметр по венчику — 30 см) и имеет закрытую остродонную форму с плавным ребром перегиба в верхней части. В качестве примеси в тесто также были использованы шамот и песок. Венчик прямой со слегка округленным верхом. Донце скруглено. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда и представлен наклонными рядами параллельных прочерченных линий, разделенных поясками ямок, с пояском из овальных наколов под ними. Под венчиком поясок из ямок и наколов перекрывает поясок из оттисков короткозубчатого штампа. В верхней и придонной части прочерченные параллельные линии составляют сложный узор из вписанных треугольников. Интересно также, что верхняя часть сосуда была покрыта нагаром, под которым явно проступал слой красной краски (охры), который опоясывал весь сосуд до половины его высоты. Подобный прием окраски сосуда красной краской после обжига нередко встречается на памятниках верхневолжской культуры (Крайнов, Хотинский, 1977).

Приведенный выше обзор керамики раннеолитического горизонта памятника показывает явное преобладание в комплексе фрагментов сосудов, украшенных накольчатый орнаментом или без орнамента. Конечно, собственно количество фрагментов керамики не является твердым показателем доминирования в комплексе той или иной традиции технологии изготовления и стиля орнамента. Идеальным вариантом является подсчет количества сосудов по венчикам. Однако, как мы убедились, в ходе работы с керамическим комплексом, в настоящем случае нет твердой уверенности в том, что фрагменты с накольчатой и короткозубчатой орнаментацией, особенно нанесенной в технике отступающей лопаточки, происходят от разных сосудов. Ряд примеров при ремонте керамики убедил нас в обратном, когда на одном сосуде одна и та же линия орнамента на одной стороне сосуда дает чистый накол, а на другой плавно переходит в короткозубчатый штамп.

Тем не менее, чистый статистический подсчет показывает, что среди керамики раннеолитического горизонта стоянки Замостье 2 доминирует комплекс с тычково-накольчатой орнаментацией и без орнамента. Так, процентное соотношение тычково-накольчатой керамики в комплексе составляет 43 %, неорнаментированной керамики — 27,7 %, вместе они дают цифру в 70,7 %. Присутствие в комплексе керамики с короткозубчатой орнаментацией составляет 14,7 %, с длиннозубчатой — 13,5 % и с прочерченным орнаментом — 1,1 %. Стратиграфические полевые наблюдения показали, что последний тип керамики — гребенчатая и прочерченная — залегали в основном в верхней части отложений раннеолитического времени. Нижняя часть верхневолжского слоя почти целиком состояла только из тычково-накольчатой и неорнаментированной керамики.

Хронология и периодизация раннеолитической керамики в настоящее время достаточно подробно разработана Е. Л. Костылевой, которая выделяет три этапа в ее развитии (1987). Впоследствии эта периодизация была признана в качестве основной при характеристике верхневолжской культуры (Крайнов, 1996. С. 169).

Первый этап связан с керамикой без орнамента или украшенной тычково-накольчатой орнаментацией преимущественно в верхней и в нижней частях сосуда. В качестве примеси в тесте использовался шамот. Сосуды имеют как округлые, так и плоские донца. Эта керамика встречена на памятниках с «чистыми» комплексами (Давыдковская стоянка, Шадрино 4, Кухмарь 1) и на многослойных поселениях (Сахтыш 2, 7, Ивановское 3, 7 и др.) (Костылева, 1994. С. 53).

Второй этап исследователь связывает с керамикой, украшенной ложношнуровым, прочерченным и короткозубчатым орнаментом (стоянки Сахтыш 2, 7, Ивановское 3, 5 и др.). Характерной особенностью посуды этого этапа является окраска сосудов красной краской после обжига (аналогичный прием мы наблюдаем и в стоянке Замостье 2, где сосуд с прочерченным орнаментом был после обжига покрыт красной краской в верхней части). Плоские донца у сосудов практически исчезают, широко распространяются остродонные сосуды. Отмечается также связь между керамикой этого периода и как предыдущего, так и последующего этапов (Костылева, 1994. С. 55).

Последний, третий этап развития верхневолжской керамики связан уже с широким распространением длиннозубчатой орнаментации (стоянки Сахтыш 2, Торговище 1, Ивановское 3, 7, Берендеево 2а и др.). В элементах орнамента преобладает мелко- и среднезубчатый длинный штамп, реже, пунктирный и широкозубчатый. Подчиненное положение играют другие элементы орнамента (тычковые вдавления, короткозубчатый штамп и др.). Из орнаментальных мотивов широко распространены горизонтальный зигзаг и горизонтальные ряды отпечатков штампа, отделенные друг от друга разделительными поясками из тычковых вдавлений и короткозубчатого штампа. В качестве примесей значительно чаще используется дресва. Размеры сосудов увеличиваются, вся посуда округло- и остродонная (Костылева, 1994. С. 55).

Хронологические рамки всех трех этапов развития верхневолжской керамики по Е. А. Костылевой укладываются в промежуток от конца первой половины 5 тыс. до н. э. до середины 4 тыс. до н. э. (Костылева, 1987. С. 19—20). Первый этап на основании радиоуглеродных датировок (Жабки 3, Торговище 1) датируется концом первой половины — последней трети 5 тыс. до н. э. Второй этап охватывает промежуток от последней трети 5 тыс. до н. э. до начала 4 тыс. до н. э. Третий этап имеет датировки от начала до середины 4 тыс. до н. э. (радиоуглеродные и палинологические данные по стоянкам Ивановское 3, 7, Языково 1).

Как видно из приведенных выше данных, керамический комплекс стоянки Замостье 2 в основном соответствует первому этапу развития верхневолжской культуры, при этом отмечается присутствие керамики как второго, так и третьего этапов, наиболее яркими проявлениями которых являются реставрированные сосуды. Хотя, на наш взгляд, сосуд, украшенный мелкозубчатой орнаментацией, вполне вписывается в комплекс первого этапа по характеру теста и примесям. Е. А. Костылевой также отмечается появление остродонных сосудов с короткозубчатым орнаментом на первом этапе (1994. С. 55). По нашему мнению, в целом, керамика с короткозубчатой орнаментацией, происходящая из раскопок ранненеолитического горизонта стоянки Замостье 2, по своим характеристикам (состав теста, манера выполнения орнамента) достаточно близка комплексу с тычково-накольчатой орнаментацией. Таким образом мы вообще можем рассматривать весь ранненеолитический комплекс стоянки Замостье 2 как достаточно однородный и укладывающийся почти целиком в рамки первого этапа развития верхневолжской культуры, согласно схеме, предложенной Е. Л. Костылевой. Остается только добавить, что палинологические и радиоуглеродные датировки, полученные в последнее время по стоянке Замостье 2, в целом подтверждают это наблюдение и, вместе с данными по другим стоянкам, удревняют начало первого этапа верхневолжской культуры до 5200 л. до н. э.

Вопрос собственно появления керамики в регионе уже неоднократно рассматривался исследователями и, в первую очередь, связывается с южными и восточными культурами (среднедонская и волго-камская) (Костылева, 1987. С. 19) или балканским импульсом (через буго-днестровскую и днепро-донецкую культуры) (Сидоров, 1995. С. 73). Эти параллели проводятся исключительно на основании анализа керамических комплексов указанных культур. Несомненно идея изготовления керамики проникла в регион с определенными человеческими коллективами, а раз так, то, очевидно, в комплексе материальной культуры должны были проявиться и другие элементы новизны, помимо самой керамики, которые должны были отразиться как в кремневом, так и в костяном инвентаре. Эти новые элементы более подробно будут рассмотрены нами уже в заключении.

Необходимо добавить также, что Е. А. Спиридоновой по палинологическим материалам для бассейна Дона в рассматриваемый период 7200 л. н. отмечается достаточно глубокая аридизация климата, которая отразилась и в северных регионах (в т. ч. в Волго-Окском междуречье, где в это время отмечается общее потепление климата) (Спиридонова, 1991. С. 200). Не исключено, что именно этот момент и явился побудительным для подвижки населения южных регионов, уже обладавших навыками керамического производства, в более северные районы, где такового еще не было. Сходство керамических материалов среднедонской культуры с верхневолжской отмечается и самими исследователями (Синюк, 1986. С. 165). Особо стоит подчеркнуть момент доминирования накольчатой орнаментации на ранних памятниках средне-

донской культуры (Монастырская 1, Дрониха), появление которой в регионе датируется не позднее начала 5 тысячелетия до н. э. (Синюк, 1986. С. 165).

В чистом виде раннеолитические комплексы верхневолжской культуры до сих пор встречались пока достаточно редко. Из опубликованных стоянок необходимо упомянуть стоянку Велетьминская 2 на нижней Оке (Жилин, Энговатова, 1992). Этот памятник вызывает определенный интерес по двум причинам: первая — памятник не содержит никаких других примесей (помимо небольшого их количества, связанного с погребением эпохи бронзы), вторая причина — этот памятник с комплексом раннеолитической накольчатой керамики располагается довольно далеко к югу — в нижнем течении р. Оки.

Керамический материал включает 1009 фрагментов керамики, которые происходят от семи сосудов (Жилин, Энговатова, 1992. С. 97—103). Весь комплекс довольно однороден — все сосуды выполнены в технике накола в манере «отступающей лопаточки», у всех в тесте присутствует примесь крупного шамота и органики, поверхность сосудов тщательно заглажена и подлощена. Почти у всех сосудов венчики округлые, иногда скошены внутрь, часто — со сквозными отверстиями по краю. У всех сосудов плоские днища (Жилин, Энговатова, 1992. С. 106). Различие состоит в характере орнаментации сосудов — орнамент из взаимопроникающих треугольников, широкого зигзага; орнамент из горизонтальных полос, заполненных полосами из сплошного накола и полосками из сплошного накола, разреженного пустыми пространствами; волнистая линия и т. д.

Из-за отсутствия дат естественно-научными методами, датировка памятника затруднена, однако автор раскопок — М. Г. Жилин, по аналогии с другими накольчатыми комплексами, относит памятник к V тыс. до н. э. (Жилин, Энговатова, 1992. С. 108).

С точки зрения возможного проникновения древней керамики в Волго-Окский бассейн было бы соблазнительно рассматривать этот памятник в качестве одного из пунктов на пути продвижения древней керамики на север. Однако, отсутствие твердых датировок пока не позволяет нам включать его в общую схему.

Другой памятник, на котором хотелось бы остановить наше внимание — это стоянка Забелье, исследованная Ю. Н. Урабаном на севере Валдайской возвышенности (1996. С. 235—244). При исследованиях этого памятника автором была собрана небольшая, однако показательная коллекция. Керамический комплекс включает 108 фрагментов керамики, который распадается на две группы — прочерченно-накольчатую и гребенчатую (Урбан, 1996. С. 242). Большинство (78 фрагментов) составляют черепки первой группы. Все приводимые автором характеристики этой керамики — твердые плотные фрагменты с заглаженной поверхностью; расчесы на внутренней стороне; прямые, закругленные или заостренные венчики; орнаментальные композиции в виде наклонных и перекрещивающихся линий, выполненные треугольными и овальными вдавлениями, «отступающей лопаточкой» и прочерченными линиями — находят прямые аналогии в керамическом комплексе верхневолжского слоя стоянки Замостье 2.

Второй тип керамики представлен 30 фрагментами с гребенчатым орнаментом, с примесью в тесте крупного песка или дресвы. Орнамент в виде «елочки» или ромбов выполнен оттисками гребенчатого штампа и круглыми коническими ямками (Урбан, 1996. С. 242). Относительно небольшое количество подобной керамики встречено и в материалах стоянки Замостье 2.

Заключение

Подводя итоги всем рассмотренным и проанализированным данным можно с большой долей уверенности говорить о непосредственной преемственности между финально-мезолитическими слоями стоянки Замостье 2 и раннеолитическим горизонтом во всех проявлениях материальной культуры: в костяном и кремневом инвентаре, в характере произведений искусства и орнаментации орудий из кости. И если бы не наличие керамического комплекса в раннеолитическом горизонте, то можно было бы утверждать, что перед нами еще один мезолитический. Да, конечно в кремневом и в костяном инвентаре присутствуют новые черты (тонкие бифасы, зубчатые наконечники острог и фигурные наконечники стрел), но они не носят «критический» характер и только наличие комплекса керамики кардинально меняет общую картину.

Таким образом на основании тщательного анализа кремневой и костяной индустрии трех слоев, а также керамической коллекции стоянки Замостье 2 и сравнения с синхронными памятниками Волго-Оксколго междуречья, можно сделать определенный вывод о генезисе верхневолжской культуры раннего неолита на базе культуры финального мезолита, представленной поселениями 7800—7900 и 7400—7300 л. н. стоянки Замостье 2. Ряд новых черт в кремневом и костяном инвентаре, не имеющих предпосылок в нижних слоях стоянки, а также спонтанное появление сложившихся приемов керамического производства и устоявшихся форм сосудов, свидетельствуют о приходе в регион определенных групп населения (предположительно, из южных регионов), оказавших влияние на материальную культуру аборигенного населения.

При анализе других памятников периода раннего неолита, известных по литературным источникам — Давыдовская стоянка (Сидоров, 1973), Шадрино 4 (Крайнов, Костылева, 1988), Плещеево 1 (Жилин, 1982), Окаево 18 (Жилин, 1994), приходится отметить, что, с одной стороны, высказывались определенные сомнения в чистоте указанных комплексов (Сорокин, 1991), с другой стороны, отмечается достаточно сильное разнообразие собственно кремневых комплексов этих памятников. Так, верхневолжский горизонт стоянки Окаево 18 дал хороший образец кремневой индустрии бутовского типа при большом проценте орудий из пластин, среди которых присутствует характерный для бутовской культуры набор: постсвидерские наконечники, остря, микролиты с затупленным краем, скребки и резцы на пластинах (Кольцов, Жилин, 1999. Рис. 39).

Очевидно, что стоянка Замостье 2 является не единственной в Волго-Окском регионе, где мы можем проследить процесс перехода от мезолита к неолиту. Возможно, что собственно процесс появления и распространения керамики в регионе происходил по-разному и нововведения в материальной культуре накладывались на разную мезолитическую основу, что мы можем проследить на примере тех памятников Волго-Окского междуречья, где были выявлены раннеолитические слои, содержащие различный кремневый инвентарь (стоянки Замостье 2, Окаево 18, Ивановское 3, 7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешинская А., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А.* Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Каменный век Европейских равнин. Сергиев-Посад, 2001.
- Гиря Е. Ю.* Индустрии пластинчатые, отщеповые и ...? // Каменный век Европейских равнин. Сергиев-Посад, 2001.
- Гиря Е. Ю., Лозовский В. М., Лозовская О. В.* Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края. Сергиев-Посад, 1997.
- Гурина Н. Н.* Неолитические племена валдайской возвышенности // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. МИА. № 172. Л., 1973.
- Жилин М. Г.* О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево 1 // СА. № 3. 1982.
- Жилин М. Г.* Археологические исследования на Озерском торфянике в 1990—1992 гг. // ТАС. Вып. 1. 1994.
- Жилин М. Г.* Стоянка Окаево IV на Средней Дубне // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 2. Иваново, 1995.
- Жилин М. Г.* Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990—1994 гг. // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Жилин М. Г.* Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Сергиев-Посад, 1997.
- Жилин М. Г., Крайнов Д. А.* Стоянка Берендеево II-а // КСИА. Вып. 169. 1982.
- Жилин М. Г., Энговатова А. В.* Стоянка Велетьминская 2 — памятник с накольчатой керамикой на нижней Оке // СА. № 1. 1991.
- Каспаров А. К.* Некоторые данные об особенностях охоты на лося древних обитателей стоянки Замостье 2 // Каменный век Европейских равнин. Сергиев-Посад, 2001.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: (Памятники бутовской культуры). М., 1999.
- Костылева Е. Л.* Остатки верхневолжской раннеолитической культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. Вып. 177. 1984.
- Костылева Е. Л.* Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. № 4. 1986.

- Костылева Е. Л.* Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской культуры / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Костылева Е. Л.* Ранненеолитическая керамика верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. 1994.
- Кравцов А. Е.* Работы Северо-Мещерского отряда Музея истории и реконструкции г. Москвы // АО 1981 года. 1982.
- Крайнов Д. А.* 1996. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. Археология. М.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. № 3. 1977.
- Крайнов Д. А., Костылева Е. Л.* Ранненеолитическая стоянка Шадрино 4 в бассейне р. Лух // КСИА. Вып. 193. 1988.
- Лозовский В. М.* Искусство мезолита — раннего неолита Волго-Окского междуречья: (По материалам стоянки Замостье-2) // Древности Залесского края. Сергиев-Посад, 1997.
- Лозовский В. М.* Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье: (По материалам стоянки Замостье 2) // Каменный век Европейских равнин. Сергиев-Посад, 2001.
- Неолит Северной Евразии.* М., 1996.
- Ошибкина С. В.* Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996.
- Сидоров В. В.* Давыдовская стоянка на реке Яхроме // СА. № 2. 1973.
- Сидоров В. В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
- Сидоров В. В.* Неолит Десны и Волго-Окского бассейна // РА. № 1. 1995.
- Синюк А. Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
- Сорокин А. Н.* Поздние памятники бутовской культуры и проблема генезиса раннего неолита Волго-Окского междуречья // Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
- Спиридонова Е. А.* Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене — голоцене. М., 1991.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А.* Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Урбан Ю. Н.* Стоянка Забелье — памятник раннего неолита Северного Валдая // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Уткин А. В., Костылева Е. Л.* Верхневолжская ранненеолитическая культура на стоянке Польцо // СА. № 3. 1984.
- Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Хлобыстин Л. П.* Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. Вып. 153. 1978.
- Шэ Л., Шеналь-Велярд И., Велярд Л.* Анализ фаунистических остатков из мезолитических слоев стоянки Замостье 2: первые результаты // Каменный век Европейских равнин. Сергиев-Посад, 2001.
- Chaix L.* The fauna of Zamostje 2 // *Lozovski V.* Zamostje 2. The Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Centre des études de documentation archéologique de recherches scientifiques. Treignes, 1996.
- Clark G.* The Earlier Stone Age Settlement of Scandinavia. Cambridge, 1975.
- Lozovski V.* Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Centre des études de documentation archéologique de recherches scientifiques. Treignes, 1996.
- Lozovski V.* Late Mesolithic Bone Industry in Central Russian Plain // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Lozovski V.* The Late Mesolithic Bone Industry in Central Russia // L'Europe des Derniers Chasseurs (Epipaléolithique et Mésolithique). Paris, 1999a.
- Lozovski V.* Archaeological and Ethnographic Data for Fishing Structures from Northeastern Europe to Siberia // Bog Bodies, Sacred Sites and Wetland Archaeology. Exeter, 1999b.
- Lozovski V.* Extrémités d'armes de jet des collectivités tardimésolithiques du territoire compris entre la Volga et l'Oka // La Chasse dans la Préhistoire. Liège, Bruxelles, Treignes, 2000.
- Zhilin M. G.* New Mesolithic peat sites in the Western Part of Eastern Europe // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Zvelebil M.* Mesolithic Prelude and Neolithic Revolution // Hunters in Transition. Cambridge, 1986.

К ВОПРОСУ О РАННЕМ НЕОЛИТЕ НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Проблемы, касающиеся определения начала эпохи неолита или неолитизации населения эпохи мезолита, по-прежнему актуальны. Они привлекают внимание исследователей при описании характерных особенностей неолита, определении хронологии наиболее ранних стоянок, при выяснении возможных контактов или сосуществования сохранившихся групп мезолитического и неолитического населения (Zvelebil, 1986). Прежде всего, обсуждается вопрос о формальных признаках, характеризующих эпоху неолита, в некоторых случаях все еще употребляется термин «бескерамический неолит», вошедший в научную терминологию в 50-е годы (Фосс, 1952). В связи с этим можно вспомнить, что характерными признаками эпохи неолита считали одно время появление шлифованных и сверленных орудий. Со временем выяснилось, что шлифовка и даже полировка камня, рога и кости были освоены человеком очень рано, в начале эпохи мезолита, когда эти способы обработки материалов достигли определенного совершенства. Таким образом, особенности, характеризующие неолит как особую историческую эпоху, следовало видеть в других проявлениях хозяйственной деятельности и образа жизни древних сообществ.

Идея об освоении человеком производящих форм хозяйства на рубеже мезолита и неолита впервые сформулирована Г. Чайлдом, значение этого события в истории человечества определено как «неолитическая революция» (Child, 1941). Дальнейшее развитие и обоснование гипотезы «неолитической революции» получила во многих исследованиях, в основном по результатам раскопок на Ближнем Востоке, в Средней Азии, на Балканском полуострове. В регионах с благоприятными климатическими условиями, пригодными для земледелия почвами, наличием диких животных и растений, поддающихся одомашниванию, производящее хозяйство действительно было освоено в начале неолита и привело к возникновению древних цивилизаций. Со временем у многих исследователей возникли сомнения относительно общего значения новаций неолитической эпохи, сопровождавшихся социальными изменениями в устройстве древних сообществ и известным демографическим взрывом. На примере археологических культур Западной Сибири, Центральных Анд в Америке, других регионов установлено, что освоение новых прогрессивных форм хозяйства могло идти медленно на протяжении тысячелетий, а также могло иметь не только поступательное, но и обратное движение, когда при определенных обстоятельствах население от примитивного земледелия и скотоводства возвращалось к традиционным занятиям в виде охоты и рыболовства (Шнирельман, 1988. С. 286; Косарев, 1984; Башилов, 1999).

В лесной зоне Евразии земледелие и скотоводство не были освоены в раннем неолите, эти прогрессивные формы хозяйственной деятельности не получили распространения до эпохи бронзы. На территориях занятых лесами и лесотундрой с высоким уровнем биомассы, длительное время сохранялись благоприятные условия для существования населения, экономика которого основывалась на занятиях охотой, рыболовством и собирательством. Переход к производящим формам хозяйства здесь не стал актуальной задачей. Только по окраинам лесной зоны и только в среднем неолите отмечены первые признаки освоения земледелия. Например, на стоянках Литвы обнаружены деревянные рала, предназначенные для обработки земли. На приморских стоянках Швянтойи 3В и 23 найдены остатки одомашнированных растений. На стоянках нарвской культуры в Латвии и Литве представлены кости домашних животных. Все перечисленные стоянки относятся к среднему и позднему неолиту (Rimantiene, 1992. S. 109). Освоение скотоводства уже в начале эпохи неолита зафиксировано на многослойных памятниках Южного Урала (Matyushin, 1986), но этот единичный случай остается пока под вопросом. Скотоводство в форме пастушества появилось в лесной зоне в результате распространения культур боевых топоров, в эпоху бронзы или, согласно европейской хронологии, в конце неолита.

¹ Работа выполнена по проекту РГНФ № 03-01-00698а.

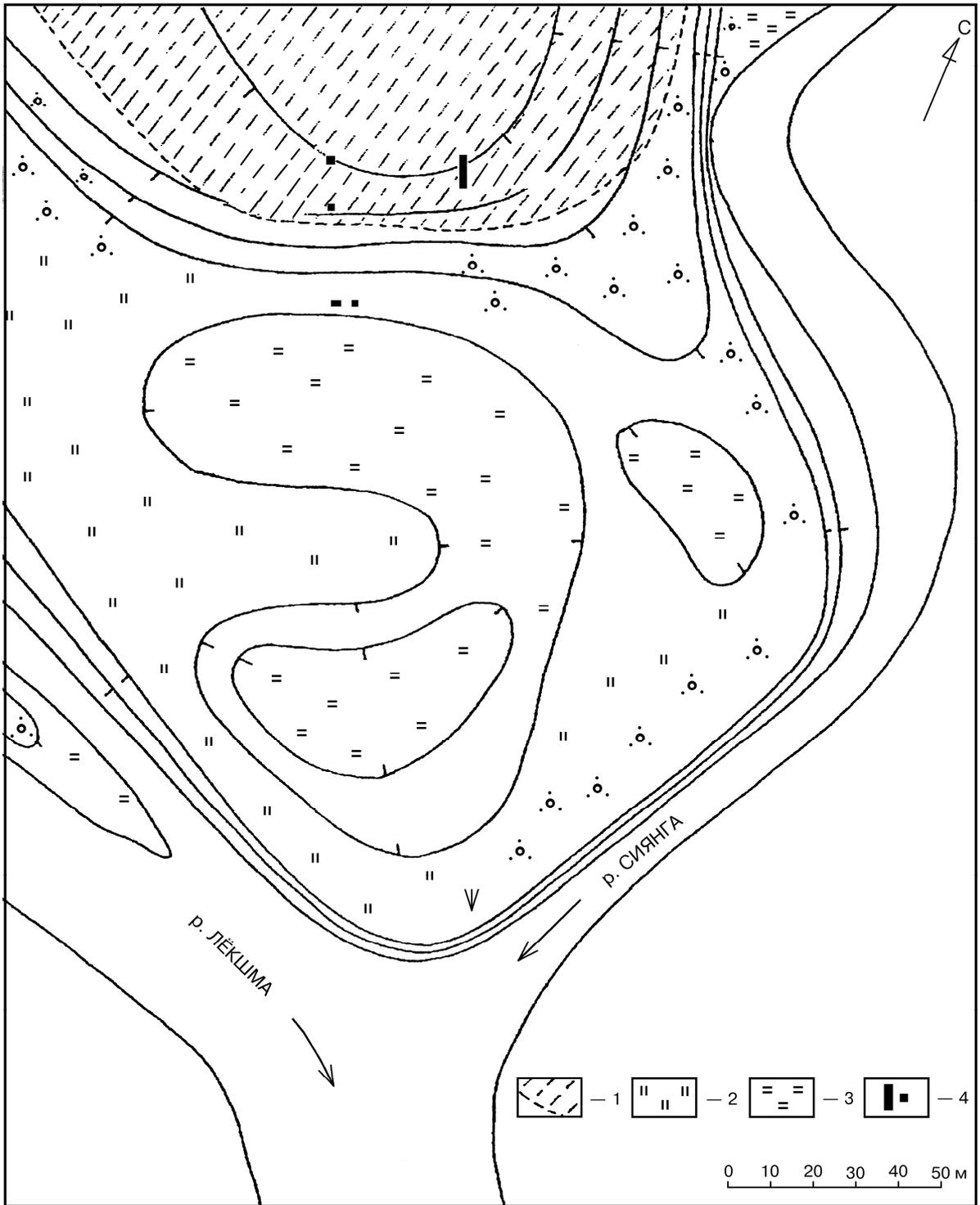


Рис. 1. Стоянка Сиянга, план местности:

1 — пашня; 2 — луг; 3 — болото; 4 — раскоп и шурфы на террасе и у подножия (Лекшма 4).

Единственным и бесспорным признаком наступления эпохи неолита в лесной зоне продолжает оставаться керамика. Формальный по существу этот показатель учитывают все исследователи. Что может означать повсеместное распространение керамической посуды на стоянках лесной зоны? Этот факт можно отнести к формальным признакам, не имеющим существенного значения, особенно в связи с одновременностью ранних стоянок неолита, где обнаружены первые признаки использования керамической посуды. Известно, что впервые изделия из

обожженной глины найдены на верхнепалеолитической стоянке Дольни Вестонице в Чехии, но это мелкая пластика — антропоморфные и зооморфные фигурки, найденные вместе с комками глины, сохранившими отпечатки рук, и фигурками, вырезанными из мергеля (Монгайт, 1973. С. 139). Изготовление и использование собственно глиняной посуды начинается только в неолите и свидетельствует о важных изменениях в образе жизни населения, которое повсеместно переходит к оседлому образу жизни. Возникновение в неолите поселений круглогодичного обитания стало возможным после выработки навыков длительного хранения пищевых запасов. Для этих целей использование посуды из глины, особенно больших емкостей, имело решающее значение. Поэтому появление керамики на стоянках справедливо принимают за основной признак начала неолита. Другие признаки, которые иногда считают характерными особенностями неолита, такие как появление больших и постоянных поселений, увеличение среди каменного инвентаря стоянок количества рубящих орудий, применение в качестве орудий широких пластин и т.п. детали, известны теперь в мезолите Карелии (Филатова, 1972) и Восточного Прионежья (Ошибкина, 1997). Кремневую индустрию неолита отличает от стандартного набора мезолитических изделий использование орудий с двусторонней обработкой, хотя некоторое время в раннем неолите еще сохраняет значение пластинчатая индустрия, например, характерная для верхневолжской культуры (Крайнов, 1996; Костылева, 1986).

Нужно заметить, что на некоторых памятниках среднего мезолита уже встречены образцы своеобразной посуды из древесины и бересты. Деревянные доски прямоугольной и круглой формы, с отверстиями для подвешивания на одном конце или без него встречены на поселениях культуры веретье. В одном случае доска была тщательно обработана и имела продолговатое углубление в середине, что предполагает ее использование в качестве примитивного блюда (Ошибкина, 1997). Берестяные емкости для воды, сыпучих продуктов или для хранения кремневых заготовок найдены на торфяниковых стоянках мезолита Вис I, Фризак в Германии и Веретье 1 (Burow, 1973. S. 133, Abb. 5,12; Gramsch, 1987. S. 89, Taf. 23, 2; Ошибкина, 1997. Рис. 16, 19, 88, 2, 4). Плетеная корзинка найдена в слое среднего мезолита на стоянке Звидзе (Лозе, 1988. С. 43). Эти примеры показывают, что примитивные емкости или корзинки использовали уже в мезолите, но керамическая посуда характерна только для неолита.

К северу от верхнего течения Волги, от Финляндии до Урала обширные территории лесной зоны и лесотундры принято называть Севером европейской части России. В древности в этой зоне происходили сходные процессы формирования и развития исторических общностей или культур. В неолите среднего периода здесь получили широкое распространение культуры и группы памятников с ямочно-гребенчатой керамикой. В свое время М. Е. Фосс на Севере были намечены три основные зоны распространения памятников среднего неолита — стоянки с гребенчато-ямочной керамикой на западе, ямочно-гребенчатой в Центральных районах и гребенчатой на востоке (Фосс, 1952. С. 168, рис. 88). Эта схема в общих чертах сохраняет значение до наших дней, хотя последующие исследования позволили ее уточнить и детализировать. Сложности возникают при использовании терминологии, когда характеристика фрагментированной керамики включает описание только формы штампов, использованных в узор, а не завершенные орнаментальные композиции. В этой связи часто лишены содержания предлагаемые исследователями хронологические схемы или какие-либо исторические обобщения.

Принято считать, что появление в неолите на Севере культур с ямочно-гребенчатой керамикой было связано с постепенным расселением из Центра Русской равнины в разных направлениях населения с ямочно-гребенчатой керамикой. Движение неолитического населения на Север нельзя назвать миграцией, скорее это могло быть постепенное освоение удобных для обитания экологических ниш в период климатического оптимума голоцена. Заметно, что в первую очередь происходило освоение озерных котловин — остатков осушенных или частично заболоченных приледниковых водоемов с сильно разветвленной речной системой. Такие территории со сложной гидросистемой и особенно высокой биомассой, создавали условия для успешных занятий охотой, рыболовством и собирательством, позволяя существовать большим группам неолитического населения. Примерно в таких же озерных котловинах заметна высокая концентрация населения неолита и в Волго-Окском междуречье (Сидоров, 1990).

Продвижение населения с ямочно-гребенчатой керамикой происходило главным образом в узкой полосе, по левым притокам Волги, озерным системам и рекам северного стока, впадающим в Белое море. Наиболее ранние стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой известны на берегах и около лагун Азатского, Лозского, Белого озер (Цветкова, 1961; Ошибкина, 1978). Предположительно они возникли на рубеже 5—4 тыс. до н. э. У юго-восточных берегов Онежского озера исследованы стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой, датированные радиоуглеродным методом рубежом 5—4 тыс. до н. э. (Лобанова, 1988. С. 54; 1996). В бассейне озера Воже культурные слои некоторых стоянок залегают под отложениями торфа, что позволяет датировать их примерно тем же временем (Брюсов, 1961). Стоянки у побережий Белого моря относятся уже к концу неолита. Существует гипотеза о начале формирования культур с ямочно-гребенчатой керамикой у восточных берегов Онежского озера, откуда это население распространилось по всему Волго-Окскому междуречью (Крайнов, 1991), но доказательства подобного развития событий недостаточны.

Если продвижение населения с ямочно-гребенчатой керамикой на север и северо-запад было весьма интенсивным, причем четко очерчиваются пределы этого распространения, то на северо-востоке и востоке (КСВ²) стоянки достаточно редки и сосредоточены все в тех же озерных котловинах. На больших пространствах КСВ известно всего 20 стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой, неоднородной по орнаментации, включающей оригинальные элементы орнамента, например, шнуровые отпечатки. Культурные слои в стратиграфических условиях не обнаружены, каменный инвентарь и другие изделия и украшения неизвестны, хронология стоянок не определена. Как принято считать, стоянки существовали в среднем или позднем неолите, а оставившее их население связано происхождением с культурами Волго-Окского междуречья (Косинская, 1997). При сопоставлении с памятниками среднего неолита на Русской равнине и Севере, с их исключительно яркой материальной культурой, очевиден случайный характер отдельных проникновений населения с ямочно-гребенчатой керамикой на КСВ.

До последнего времени памятники раннего неолита на Севере известны не были. На археологической карте раннего неолита центральные районы Севера выглядели белым пятном, в окружении памятников и культур, известных на соседних территориях — сперрингс в Финляндии и Карелии, нарвская в Эстонии и Латвии, верхневолжская в Поволжье. Отчасти отсутствие сведений о раннем неолите на Севере объяснялось слабой изученностью внутренних районов таежной зоны.

Исключением является Черноборская III, стоянка раннего неолита, открытая и исследованная В. Е. Лузгиным в 1964—1966 гг. На стоянке найдены обломки трех сосудов (40 черепков) содержащих примесь шамота в тесте. Керамика отличается лощеной поверхностью красноватого цвета и толщиной черепков 0,7—1,0 см. Среди кремневого инвентаря представлены 39 кремневых наконечников стрел, единообразных по форме и обработке. Автором были намечены три типа наконечников — обоюдоострые, с усеченным основанием и черешковые. Хотя разделение по типам автор считал условным, выделенные формы оказались вполне устойчивыми и обнаружены впоследствии на других стоянках Севера, в основном мезолитических. При сопоставлении с известными в тот период памятниками раннего неолита В. Е. Лузгин справедливо отметил близкое сходство кремневого инвентаря Черноборской III и Оленеостровского могильника. Оба памятника резко отличались от известных в то время памятников раннего неолита Валдая и Приуралья. Особенно важно замечание о том, население оставившее Черноборскую III и Оленеостровский могильник, сформировалось на европейском северо-востоке (Лузгин, 1972. С. 39). Можно добавить, что согласно современным представлениям, речь может идти только о части населения Оленеостровского могильника, возможно, связанного происхождением с таежной зоной Севера.

По отношению к памятникам раннего неолита возникают следующие основные вопросы. В какое время появились в северных регионах стоянки раннего неолита, откуда появилось это население, продолжало ли оно традиции предшествующих культур эпохи мезолита, существо-

² КСВ — Крайний Европейский Северо-Восток (прим. отв. редактора).

вавшими до этого на Севере, какие традиции имели продолжение в среднем неолите при формировании культур с ямочно-гребенчатой керамикой.

Появление стоянок раннего неолита очевидно связано с улучшением климата и природных условий в период оптимума голоцена в начале атлантического периода, что способствовало продвижению населения в северные широты. Начало атлантического периода датируют 8000 л. н. (Долуханов, Хотинский, 1974. С. 212). Согласно более детальной хронологии, разработанной недавно для памятников Верхнего Поволжья, начало атлантического периода соответствует палинологической зоне 14, датируется радиоуглеродными датами 7860 ± 80 — 7820 ± 240 л. т. н. (Алешинская, Спиридонова, 2002. С. 88). Примерно такую же хронологию показывают стоянки раннего неолита известные по южным окраинам Севера, такие как Тудозеро V и Векса III в Посухонье.

В 1986 г. у юго-восточных побережий Онежского озера был открыт многослойный памятник Тудозеро V, исследованный раскопками на большой площади. Под культурными отложениями разного времени, от средневековья до среднего неолита и стерильным слоем песка мощностью 1,6 м обнаружен слой стоянки раннего неолита и жилище, размещенное в западной части. Стоянка датирована радиоуглеродными датами — 7240 ± 60 л. т. н. (ТА-2354) с пола жилища, 6110 ± 100 л. т. н. (ГИН-7662) и 6230 ± 120 л. т. н. (ГИН-8050) из очагов на территории (Иванищев, Иванищева, 2000. С. 284). Выделяются два культурных слоя раннего неолита. В нижнем слое кремневый инвентарь сохраняет сходство с набором орудий позднемезолитических стоянок, а керамика отличается своеобразием. Выделены четыре типа сосудов, разнообразных по форме. Среди них есть миниатюрные формы, блюдцеобразные, сосуды с прямыми стенками и оттянутым шиповидным дном. Характерна орнаментация, состоящая из горизонтальных рядов наклонного мелкого гребенчатого штампа, других штампов, в том числе фигурного. Особенности керамики и ее орнаментации позволяют авторам выделить особую группу стоянок типа Тудозера. В вышележащем слое раннего неолита отмечены такие особенности керамики, в которых видят сочетание признаков ранней керамики с гребенчатыми орнаментами и узоров характерных для культуры сперрингс. С материалами из верхнего слоя, по мнению исследователей, согласуется стоянка Кемское III, соответствующая позднему периоду развития ранне-неолитических стоянок типа Тудозера. Здесь в орнаментации посуды заметно появление узоров и штампов, характерных для культуры сперрингс, однако, влияние карельской культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, о чем говорят исследователи (Иванищев, Иванищева, 2002. С. 304) остается вопросом. Таким образом, в районах к юго-востоку от Онежского озера намечена группа стоянок раннего неолита, отличная по материальной культуре от памятников этого периода на соседних территориях. В конце раннего неолита она испытывает влияние культуры сперрингс, распространившейся в это время на значительные территории.

До сих пор сохраняется представление о ранне-неолитическом возрасте культуры сперрингс, хотя ее хронология остается довольно поздней. Даты по ^{14}C , полученные для нескольких стоянок сперрингс, определяют возраст культуры концом 5—4 тыс. до н. э. (Песонен, 1988. С. 40; Витенкова, 2002). В Финляндии, где собственно выделена культура сперрингс, распространявшаяся по всей территории, вплоть до Ботнического залива, ее датируют 4 тыс. до н. э., возможно, концом 5 тыс. до н. э. (Мейландер, 1982. С. 19). Особенностью этой культуры можно считать мобильность населения, поскольку обычно стоянки имеют слабо выраженные и окрашенные культурные слои, где представлена характерная керамика, но плохо выделяется прочий инвентарь. Детальное изучение керамики сперрингс поставило перед исследователями вопрос о существенных различиях керамики и ее орнаментации на стоянках разных территорий и позволило выделить локальные варианты культуры. В Карелии выделяли три варианта культуры, потом восемь групп локального значения. В настоящее время намечены два варианта культуры или две основных группировки стоянок. Одна охватывает территории к востоку и юго-востоку от Онежского озера и в материалах стоянок здесь заметно влияние населения культур с ямочно-гребенчатой керамикой. Другая группа распространена у северных и западных побережий. Для этих стоянок характерно сходство керамики и ее орнаментации с финской керамикой типа Ка 1:1 (Герман, 2002).

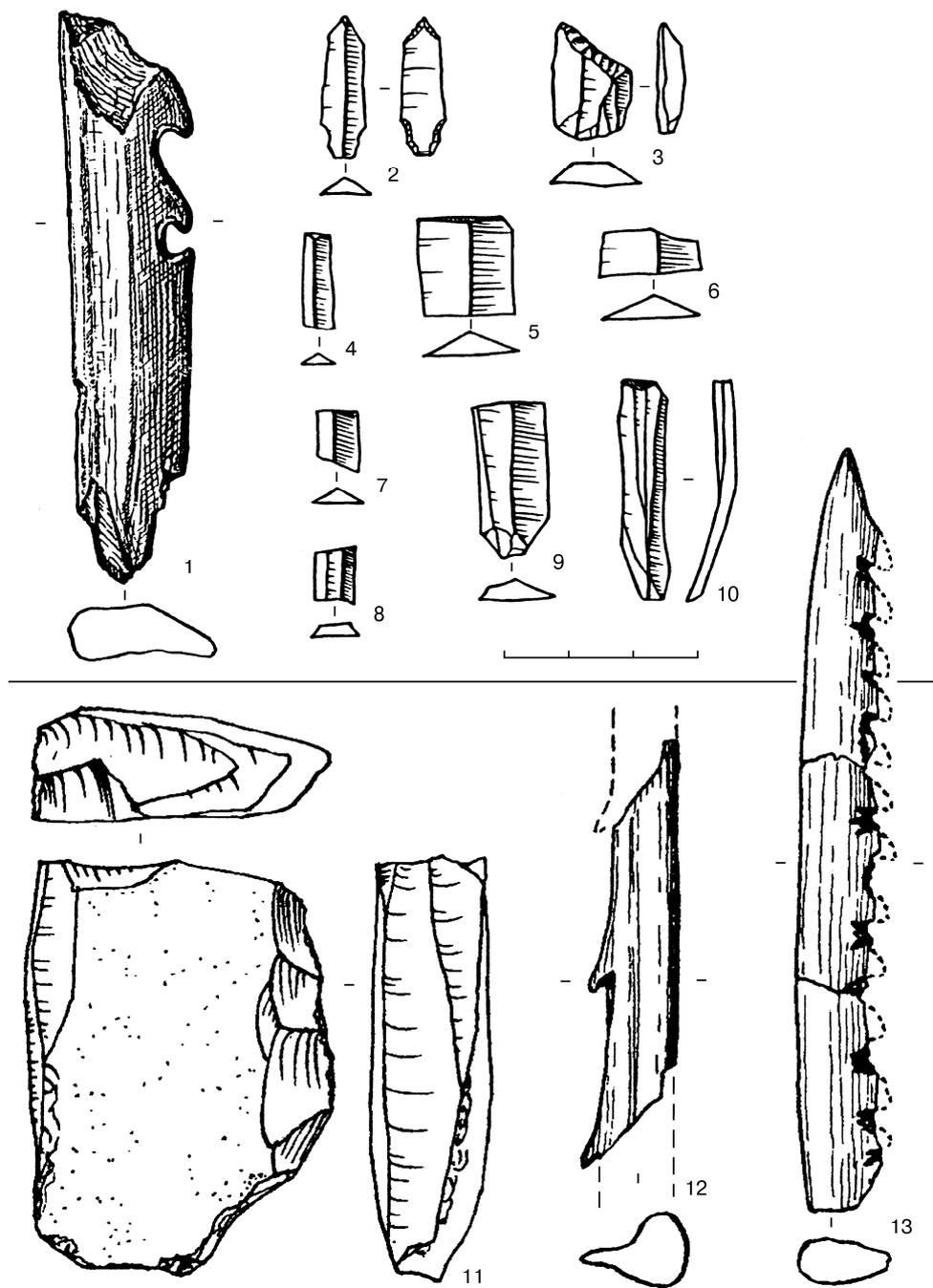


Рис. 2. Находки из слоя Сянги (1—10) и Лекшмы 4 (11—13).

Территория культуры сперрингс по мере открытия новых памятников расширяется в южном направлении до Ленинградской области, и на восток, в озерные котловины Восточного Прионежья. Выше упоминались стоянки типа Тудозера, где влияние культуры сперрингс можно отнести, скорее всего, к среднему периоду неолита. Примерно в это же время на стоянках неолита в Восточном Прионежье появляются признаки контактов с населением культуры сперрингс. Среди характерной для каргопольской культуры керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом почти на всех стоянках встречены отдельные фрагменты сосудов содержащие примесь грубой дресвы в тесте, что характерно для ямочно-гребенчатой керамики, но при этом орнаментация выполнена позвонковым штампом или оттисками в виде римской единицы, что говорит о непосредственных контактах населения этих культур. Во всех случаях это отдельные фрагменты керамики.

Исключение составляет стоянка Усть-Поча 2 на Кенозере, где в 1988 г. мною найдена разрушенная стоянка культуры сперрингс с кремневым инвентарем. Усть-Поча 2 располагалась в основании узкой косы, отделявшей северный берег Свиного озера, части Кенозера, от текущей параллельно берегу озера реки. Вся коса занята строениями поселка, разрушившими несколько стоянок неолита. Усть-Поча 2 была экспонирована на озеро, занимала край террасы высотой 3 м. Культурный слой мощностью 15 см был вмещен в песчаную почву, окрашен в коричневатый цвет и перекрыт дерном (6—7 см). В зачистке берега и промоинах собраны пластинчатые отщепы, один из них с краевой ретушью, скобель на отщепе. Представляет интерес долотовидное орудие сделанное из прозрачного красноватого кремня, с узким рабочим краем, оформленным зубчатой ретушью. Среди находок оказалось несколько фрагментов керамики, сильно разрушенных. Сохранился один фрагмент керамики сперрингс, у которого на светлой поверхности сохранился орнамент из горизонтальных рядов из оттисков наклонного позвонкового штампа. В тесте керамики содержалась примесь песка и дресвы, толщина черепка 0,6 см, в сломе черепок имел темный коричневый цвет. По орнаменту, выполненному позвонковыми элементами, такая керамика может быть отнесена к раннему периоду культуры сперрингс (Титов, 1971). Хотя стоянка Усть-Поча 2 оказалась разрушенной и ее материалы незначительны, важно отметить, что население культуры сперрингс продвигалось на восток уже в раннем периоде ее существования. Позднее присутствие культуры сперрингс в Восточном Прионежье могло иметь характер временных посещений промысловых угодий (Козырева, 1972). При этом нигде не оставались стоянки со сколько-нибудь выраженным культурным слоем, что подтверждает характеристику культуры сперрингс, население которой оставалось подвижным, при ориентации в хозяйственной деятельности на занятия охотой и, возможно, рыболовством. В восточном направлении наиболее удаленные от основной территории следы культуры сперрингс найдены на Мошинском озере (Козырева, 1971). При углублении хронологии среднего неолита до рубежа 5—4 тыс. до н. э. оказалось, что культура сперрингс определенное время сосуществовала с карельской и каргопольской культурами. Контакты населения этих культур и его взаимное проникновение можно иллюстрировать появлением на многих стоянках Восточного Прионежья керамики в технологическом отношении местной, принадлежащей каргопольской культуре. Однако в орнаментации присутствуют элементы орнамента или детали узоров характерных для культуры сперрингс, например, горизонтальные зоны, выполненные позвонковыми элементами или оттисками в виде римской единицы.

В озерной системе Воже — Лача до появления населения с ямочно-гребенчатой керамикой существовали, очевидно, стоянки со своеобразной керамикой и пластинчатым кремневым инвентарем. Одной из них является стоянка Сиянга, открытая в 1987 г. В. В. Шевелевым и И. С. Манюхиным (Шевелев, 1998). Раскопки проводились в 1998 г. В. В. Шевелевым и мною. Стоянка находится в 5 км от северо-западного берега озера Лача, у слияния рек Лекшмы и Сиянги, в 150 м от окончания мыса. Высота террасы, на пологом склоне которой расположен памятник, 1,5 м над широкой поймой и 3—4 м от уровня реки. Пойма местами заболочена (рис. 1). Шурфами исследована площадка у подножия террасы, на возвышении сделаны шурфы и небольшой раскоп (12 м²). У основания террасы прослежена следующая стратиграфия. Под дерном (7—12 см) проходил гумусированный слой (до 12 см) с находками характерными для стоянки каргопольской культуры (обломки костяных орудий, отщепы, фрагмент керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом). В основании этого слоя обнаружен развал очага из камней. Ниже залегал коричневый слой с примесью торфа (15 см) и под ним слой серого песка (3—5 см), на контакте которых найдены фрагменты двух костяных зубчатых острий, расколотый кремень и плоский нуклеус с негативами пластин и обработанной сколами противоположной стороной, характерный для мезолитической культуры веретье. По условиям залегания культурного слоя и составу находок (рис. 2, 11—13), остатки стоянки названной Лекшма 4 соответствуют бореальному времени. Таким образом, у подножия террасы прослежена стратиграфия типичная для многослойных памятников Восточного Прионежья, на которых культурные слои мезолитических стоянок расположены на песках под отложениями торфов или под слоями оторфованной почвы и перекрыты поздними культурными напластованиями.

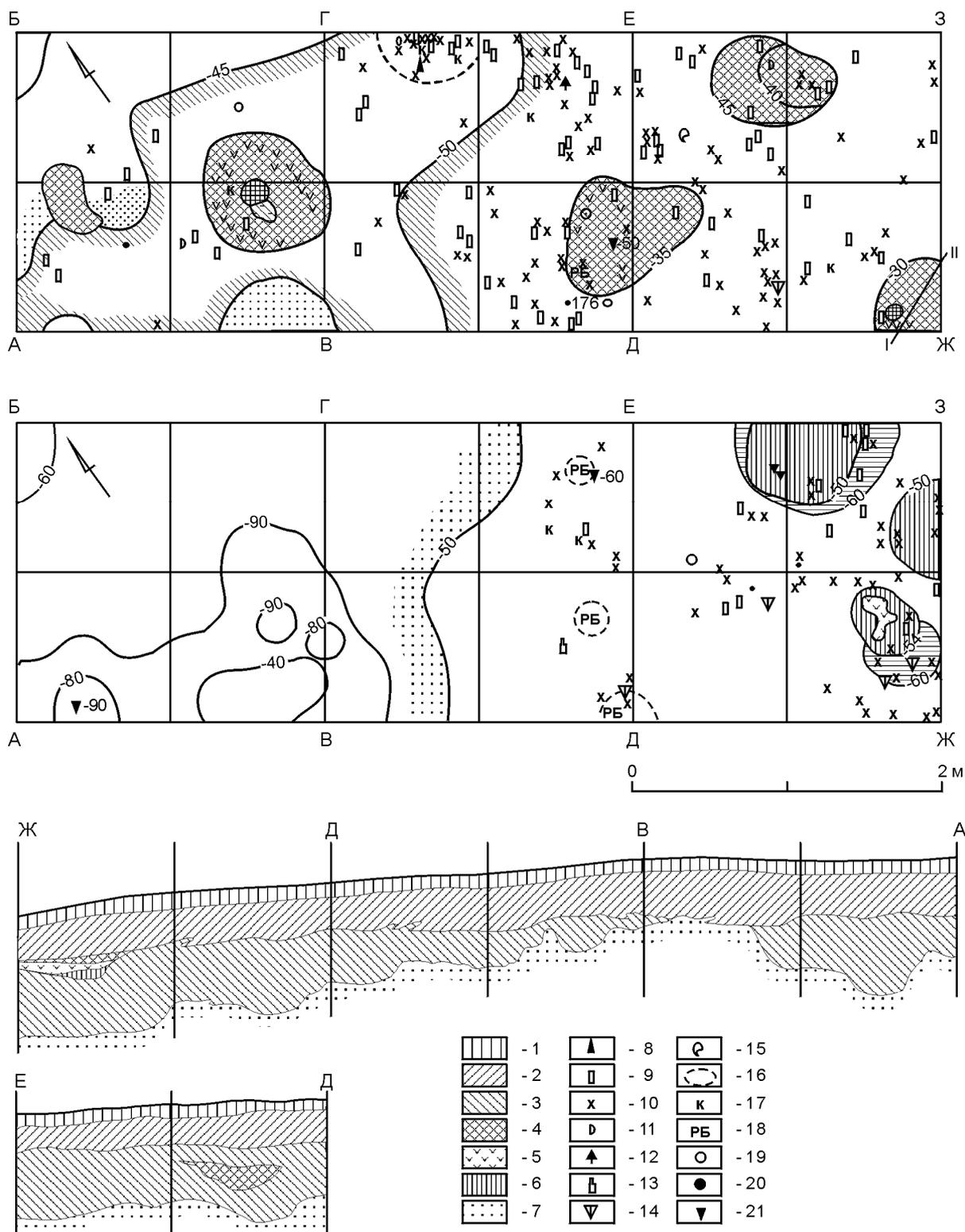


Рис. 3. Сиянга. Культурный слой на глубине 45—50 см и 50—60 см, планы; профили, очаги в разрезе:
 1 — дерн; 2 — пахотный слой; 3 — коричневый песок; 4 — очажное пятно; 5 — углистый слой;
 6 — пеплистый песок; 7 — материк; 8 — костяное острие; 9 — пластина; 10 — отщеп; 11 — скребок;
 12 — наконечник; 13 — резец; 14 — нуклеус; 15 — ретушер; 16 — очертания скопления; 17 — кости животных; 18 — кости рыб; 19 — керамика; 20 — костяное изделие; 21 — глубина от поверхности.

Наиболее интересные результаты получены в раскопе на повышении террасы имеющей склон в сторону реки. Под дерном (до 20 см) и пахотным слоем (20—35 см) обнаружен культурный слой, вмещенный в коричневую супесь, мощностью до 60 см и более в углублениях (рис. 3). Здесь обнаружено жилище с линзами прокаленного песка с пеплом, с глубокими и хорошо выраженными ямами, в некоторых из них сохранились следы подсыпки песка на дне. Яма с прослойками углей, песка и пепла уходила в стенку раскопа (рис. 3, профиль Ж—А). Очертания котлована были выявлены на глубине 50 см от современной поверхности, на этом уровне перед жилищем находилось большое кострище открытого типа. Остальные очажные ямы, пятна прокаленного песка со следами органики были сосредоточены на полу сооружения, глубина которого достигала примерно 40 см от древней поверхности. Основная часть строения уходила в юго-восточном направлении.

В раскопе на стоянке Сиянга собрано большое количество изделий из светлого кремня. В большинстве это мелкие пластинки правильного огранения, многие со следами использования или частично ретушированные, а также многочисленные мелкие отщепы и чешуйки. Представлены концевые скребки на пластинах и пластинчатых отщепах, нуклеусы и сколы подновления площадки, угловые резцы на пластинах. Представляет интерес наконечник на тонкой пластинке, сохранившей ударный бугорок, и ретушированный только у острия (рис. 4, 16). Второй наконечник такого же типа найден в шурфе на склоне террасы, куда распространялся культурный слой стоянки, как это удалось выяснить. Этот второй наконечник тоже сделан из тонкой пластинки, вентральной ретушью оформлено острие и намечен черешок (рис. 2, 2). Из прочих находок в раскопе нужно отметить сланцевое изделие с пропилами похожее на заготовку для подвески (рис. 4, 1). Концентрация обработанного кремня значительно увеличивалась на полу жилища и за его пределами справа от предполагаемого выхода, где в скоплении вместе с пластинами, отщепами и скребком оказались два небольших скопления обработанных костей животных и обломок костяного острия (рис. 3). Состав кремневого инвентаря, как и использованное для его изготовления сырье, совершенно отличны от каменных изделий со стоянок культуры веретье, вплоть до самых поздних из них. Эти отличия очевидны при сравнении инвентаря Сиянга с находками из мезолитического слоя стоянки, открытой у подножия террасы (Лекшма 4) или стоянки Лукинчиха, расположенной относительно недалеко, у северного берега озера Лача, датированной концом бореального периода по ^{14}C .

Наибольший интерес представляет керамика, фрагменты которой были сосредоточены около очажных пятен и внутри них, а также на полу жилища. Керамическое тесто содержало примесь песка и органики, стенки посуды тонкие, поверхность светлая и хорошо заглаженная. В большинстве случаев обломки сосудов не имели орнамента, на одном фрагменте сохранилась часть узора из мелких ямок и продолговатых углублений (рис. 4, 19). Расположение керамики на полу жилища и в очагах позволяет утверждать единство комплекса артефактов, собранных в культурном слое на памятнике, не имеющем поздних культурных напластований. Качество этой посуды и отсутствие орнамента резко отличает ее от распространенной неолитической керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. Стоянка Сиянга с ее кремневым инвентарем микролитического облика и тонкостенной керамикой, в основном без орнамента, находит аналогии, скорее всего, среди памятников среднего Посухонья, бассейна Вычегды или КСВ. Возраст Сиянга предварительно определен ранним неолитом или переходным периодом от мезолита к неолиту.

В бассейне Сухоны и далее на восток, в верхнем течении Северной Двины и на Вычегде открыты стоянки раннего неолита имеющие другой облик материальной культуры. Н. Г. Недомолкиной на многослойном памятнике Векса III, расположенном на левом берегу р. Вологды недалеко от ее впадения в Сухону и ниже устья р. Вексы, открыты два культурных слоя раннего неолита. В нижнем слое (9) найдена керамика темного цвета, с гладкой поверхностью и орнаментом, выполненным гребенчатыми штампами, в том числе встречены орнаментальные композиции сопоставимые с верхневолжской культурой. Этот слой датирован 6500 ± 170 л. т. н. (ГИН-10181). В выше лежащем слое раннего неолита, датированном 5650 ± 150 л. т. н. (ГИН-10182) представлены материалы, которые автор раскопок сопоставляет со стоянками КСВ, такими как Прилукская на Северной Двине и Эньты 1 на Вычегде. Эта керамика содержит в тесте

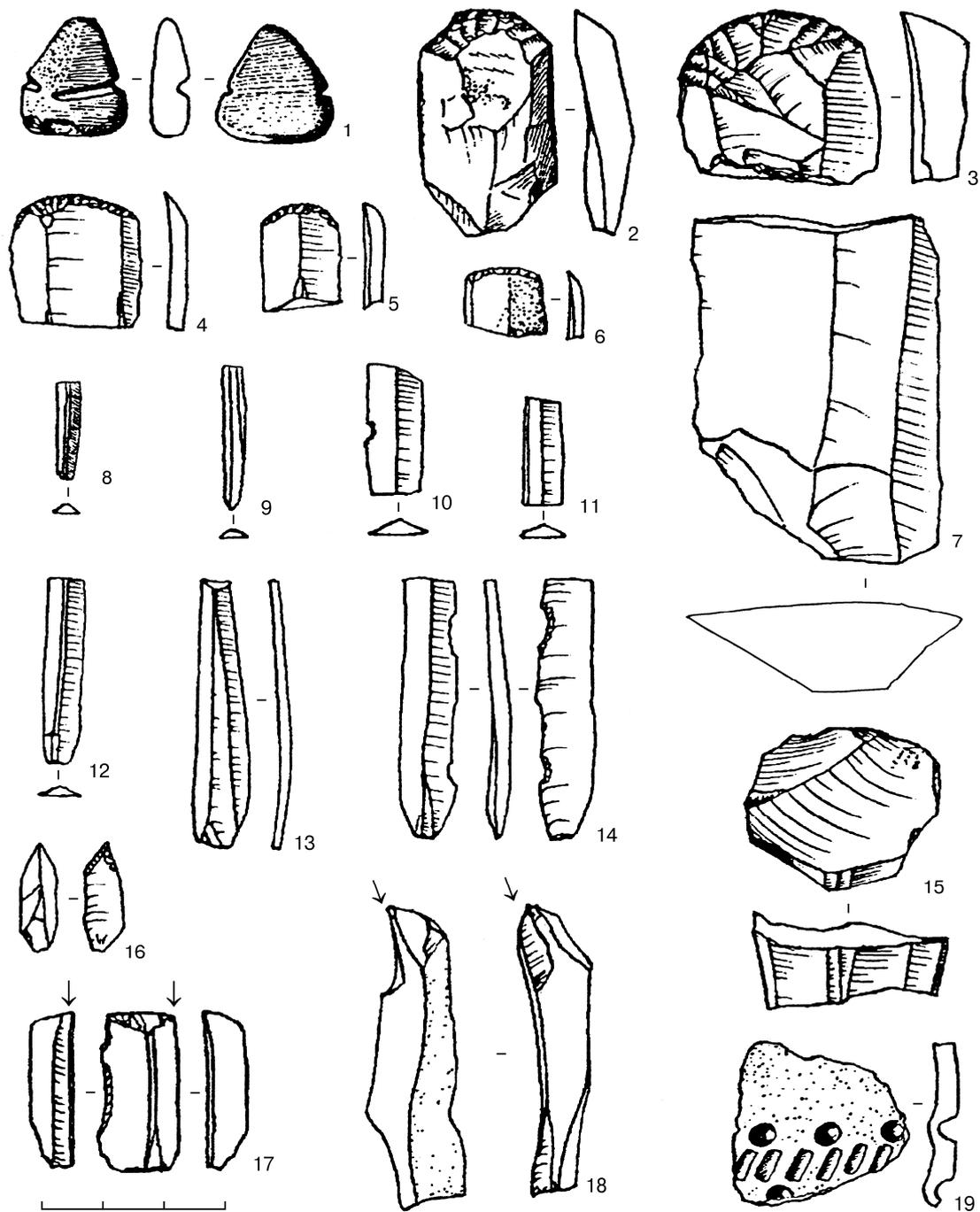


Рис. 4. Сиянга. Находки из раскопа:
1 — заготовка подвески; 2 — 18 — изделия из кремня; 19 — керамика.

примесь дресвы, сосуды средней величины с округлым или уплощенным дном, орнамент состоит из зон гребенчатого орнамента, разделенных ямками (Недомолкина, 2000). Вероятно, оценка культурной принадлежности этих стоянок раннего неолита еще будет уточняться, как и характер аналогий в культурах соседних территорий. Остается фактом, что выявленные в нижних слоях Вексы III стоянки относятся к раннему неолиту (6 и 5 тыс. до н. э., если принять во внимание их калиброванный возраст). Возможно, что в верховья Сухоны проникало население верхневолжской культуры. Особое значение имеют аналогии с ранним неолитом бассейна Вычегды.

По материалам Черноборской стоянки, стоянок Черная Вадья, Кочмас А, Дутово 1, Прилукская выделена черноборская культура, территория которой очерчена от правобережья Се-
250

верной Двины до Печеры и от поречья Вычегды до Тимана и Большеземельской тундры (Косинская, 2002). На этой огромной территории стоянки раннего неолита достаточно далеко разбросаны, но их основная часть сосредоточена в бассейне Вычегды. По материалам Черной Вадьи выделены особенности керамики и кремневой индустрии. Керамика (17 фрагментов сосудов) относительно тонкая, толщина черепка 0,6—0,9 см, примесь шамота и мелкого песка, поверхность подлощена, цвет красноватый. Индустрия основана на применении галечного сырья, технике пластины и отщепы, наличие развитой вкладышевой техники определено по находкам сечений. Датировка стоянки определена по инвентарю мезолитоидного характера, предполагается ранне-неолитический возраст стоянки. Если вернуться к описанию Черноборской III, очевидны значительные отличия кремневого инвентаря этой стоянки от вычегодских стоянок раннего неолита, поскольку в Черноборской III в инвентаре преобладают изделия из пластин, из них примерно 25 % имеют вторичную обработку. Характерные наконечники из пластин на других стоянках черноборской культуры фактически отсутствуют (Косинская, 1997. Рис. 3). Однако керамика всех этих стоянок определенно имеет черты сходства. Обращает на себя внимание прием лощения поверхности, ее красноватый оттенок, примесь шамота в тесте, очень редкие и неопределенные следы орнамента на поверхности. На этом основании объединение памятников в единую культуру, вероятно, соответствует каким-то историческим реалиям.

В отдельную группу выделены стоянки Эньты 1 и Ревью 1, в среднем и нижнем течении Вычегды. Здесь выделяются ранние комплексы, которые сопоставляют с черноборскими (Логинава, 1978) или выделяют в отдельный культурный тип стоянок раннего неолита, в индустрии которых заметную роль играет техника отщепы и использование в качестве наконечников трапеций «эньтского типа» (Косинская, 1997. С. 165). Керамика найдена только в Эньты 1 — 40 фрагментов, причем среди них присутствуют обломки сосудов среднего размера, с примесью шамота и дресвы, поверхность у них лощеная, некоторые сосуды подкрашены охрой. Подобная манера лощения и окраски поверхности посуды красным красителем является особенностью стоянок раннего неолита КСВ и встречена на некоторых стоянках неолита в бассейне Сухоны.

В среднем течении Сухоны, по ее левому берегу и выше поселка Нюксеница, в 1977 г. мною проводились разведки и осмотр памятников, открытых здесь в конце 30-х годов прошлого века М. Я. Рудинским. Примерно в 5 км от поселка, на левом берегу впадающего в реку ручья были обнаружены остатки стоянки. Она занимала террасу высотой 4 м над уровнем воды, край террасы активно разрушался карьером. Коренной берег резко повышался над небольшой площадкой, останком первой террасы, занятой в свое время стоянкой. При зачистке обнажения культурного слоя выяснилось, что стоянка имела два культурных слоя. Верхний слой залегал сразу под дерном, в светлой супеси, имел мощность 20 см, в нем найдены фрагменты керамики, в том числе часть маленького тонкостенного сосуда с примесью шамота в тесте, с хорошо заглаженной поверхностью и без орнамента. Вместе с керамикой оказались отщепы, в том числе ретушированные, и большая шлифовальная плита красного сланца. Ниже, под стерильным слоем глины (до 50 см мощностью), в плотном слое суглинков (10—12 см), выявлен культурный слой, содержащий остатки очага, мелкие угли и пережженные кости, а также отщепы и заготовки. Судя по характеру керамики из верхнего культурного слоя, а также по расположению стоянки относительно уровня реки, она могла относиться к раннему неолиту.

Для датировки памятников археологии в бассейне Сухоны в некоторых случаях могут быть привлечены сведения об эпохальных изменениях гидрорежима реки. В послеледниковое время здесь существовало огромное палеозеро, ограниченное Вологодской возвышенностью на юго-западе, западной частью Северных Увалов на юго-востоке и Сухонским заволочьем на севере. Высота уровня воды в конце позднеледниковья в условиях аридного климата понижалась, в начале голоцена она вновь повысилась до 120 м (абс.). Сток из озера шел в западном направлении через Шексну. Прорыв озера произошел в районе Нюксеницы, резко упал уровень воды, образовалась река Сухона со стоком на восток (Квасов, 1975. С. 75). По берегам палеозера существовали стоянки мезолита, приуроченные сейчас к краям боровых террас высотой 12—14 м. Они известны в среднем течении Сухоны, где древние берега сближаются. Вопрос о времени прорыва палеозера окончательно не решен. По мнению палеогеографов, это могло

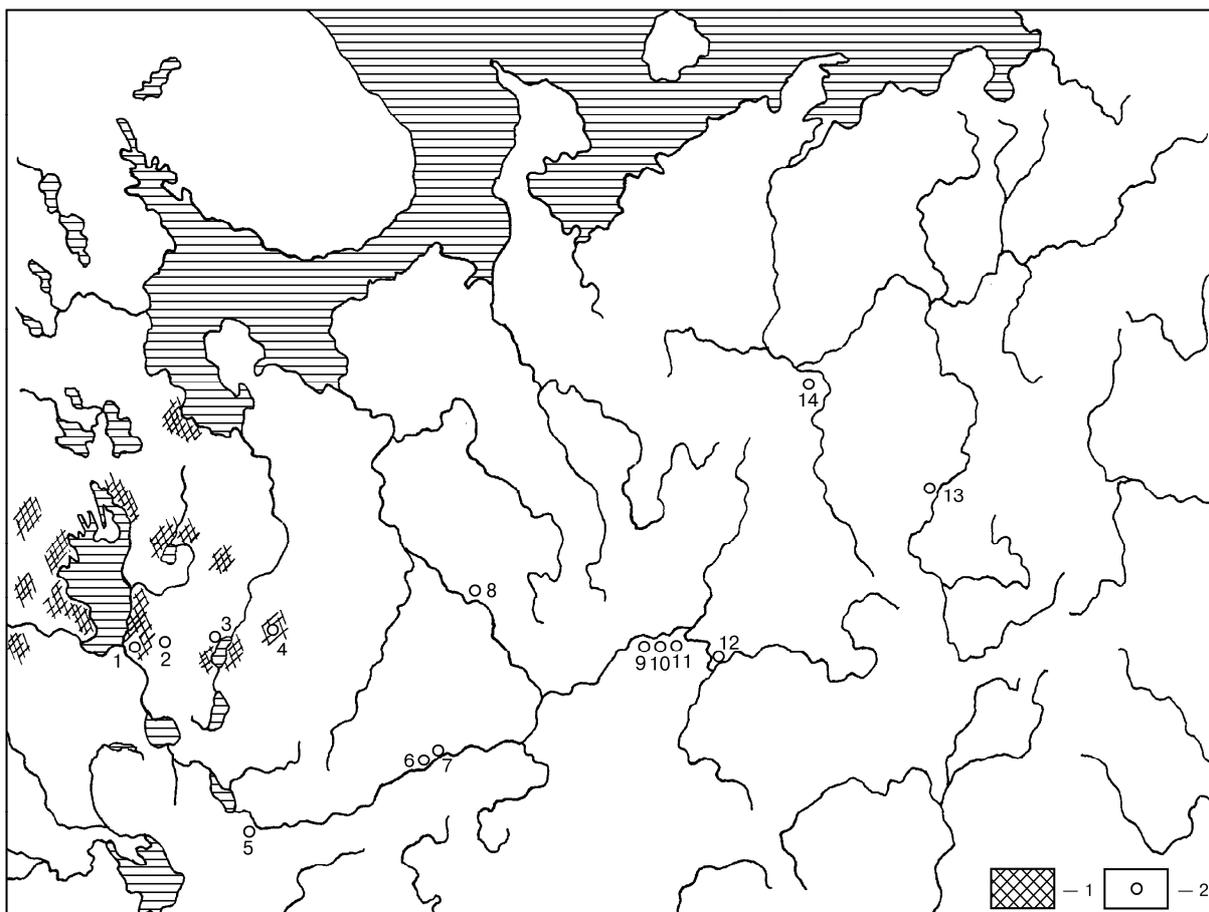


Рис. 5. Карта: 1 — культура сперрингс; 2 — упоминаемые в тексте стоянки раннего неолита (1 — Тудозеро V; 2 — Кемское III; 3 — Сиянга; 4 — Ильинский остров; 5 — Векса III; 6 — Березовая Слободка; 7 — У Горы; 8 — Прилукская; 9 — Черная Вадья; 10 — Ревью I; 11 — Кочмас А; 12 — Эньты I; 13 — Дутово I; 14 — Черноборская III).

произойти в суббореале, по данным археологии — на рубеже раннего и среднего неолита, в середине атлантического периода. Об этом можно судить по низкому расположению стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой, в отдельных местах занимающих берега у самого уреза воды в Сухоне. Стоянки эпохи бронзы поднимаются выше, на отметки 7—8 м, что говорит о стабилизации уровня и небольшом подъеме реки. В раннем железном веке поселения снова спускаются на площадки высотой до 5 м. В этих условиях уровни, занятые стоянкой около Нюксеницы, получившей название «У горы», могли бы соответствовать раннему неолиту.

Как следует из краткого обзора, за последнее время исследованиями в южных регионах, от побережий Онежского озера до бассейна Вычегды, постепенно выявляются памятники раннего неолита, позволяющие датировать этот период заселения Севера примерно в начале 5 тыс. до н. э. В этом случае культура сперрингс не только займет свое место ближе к среднему неолиту, но получит объяснение вопрос о ее формировании и контактах с культурами раннего неолита на сопредельных территориях. В раннем неолите на Севере могут быть намечены две большие зоны. На юго-западе региона, вероятно, будет выделена своеобразная группировка стоянок или культура с индустрией основанной на использовании отщепов и пластин, с керамикой типа Тудозеро V. Вычегодские стоянки и аналогичные памятники КСВ с пластинчатой кремневой индустрией и небольшим количеством тонкостенной керамики без орнамента уже выделены в черноборскую культуру. В центральные районы Севера в раннем неолите заметно проникновение населения с материальной культурой подобной вычегодским стоянкам.

Если обратиться к вопросу о связи ранненеолитических памятников и культур с мезолитическими культурами Севера, то для его решения сведения о раннем неолите достаточно от-

рывочны. В эпоху мезолита на рассматриваемых территориях существовали такие культуры как онежская в Карелии, веретье в Восточном Прионежье, сухонская, парчевская на Вычегде. Эти культуры с ярко выраженными особенностями материальной культуры, структурированные в виде групп поселений круглогодичного обитания и временных стоянок, прямого продолжения в раннем неолите не имеют. Если принять во внимание, что изменения всех сторон жизни древнего населения и его материальной культуры, возможно антропологического состава, не всегда позволяют проследить его дальнейшую судьбу, вопрос о продолжении археологических культур от одной эпохи к другой не всегда корректен. Возможно, также чересполосное существование групп мезолитического и неолитического населения в течение определенного времени, что могло иметь место и что трудно проследить по археологическим материалам. В отношении населения известного как культуры ямочно-гребенчатой керамики, то две северные культуры — карельская и каргопольская — имеют мало общего с предшествующими культурами мезолита, хотя на стоянках среднего неолита еще встречаются изделия из кремневых пластин. Такие находки могут быть результатом механического или природного смешения культурных слоев (Сорокин, 2002), возможно использование населением случайных предметов. Остается признать, что с появлением на Севере культур с ямочно-гребенчатой керамикой произошло существенное изменение в составе населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешинская А. С., Спиридонова Е. А.* Природная среда и периодизация голоцена по стоянке Ивановское VII // Жилин М. и др. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М., 2002.
- Башилов В. А.* «Неолитическая революция» в Центральных Андах. Две модели палеоэкономического процесса. М., 1999.
- Брюсов А. Я.* Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.
- Витенкова И. Ф.* Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
- Герман К. Е.* Локальные варианты культуры сперрингс (по данным керамики) // ТАС. Вып. 5. 2002.
- Долуханов П. М., Хотинский Н. А.* Палеогеографические рубежи голоцена и мезонеолитическая история Европы // Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
- Иванищев А. М., Иванищев М. В.* Поселение раннего неолита на Кемском озере // ТАС. Вып. 4. Т. 1. 2000.
- Иванищев А. М., Иванищев М. В.* Тудозеро V — поселение позднего мезолита — раннего неолита в Южном Прионежье // ТАС. Вып. 4. Т. 1. 2000а.
- Квасов Д. Д.* Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
- Козырева Р. В.* Стоянка Ильинский остров в Архангельской области // КСИА. Вып. 126. 1972.
- Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984.
- Косинская Л. Л.* Неолит // Археология республики КОМИ. М., 1997.
- Косинская Л. Л.* К проблеме генезиса черноторской археологической культуры (по материалам поселения Черная Вадь на Нижней Вычегде) // ТАС. Вып. 5. 2002.
- Костылева Е. Л.* Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. № 4. 1986.
- Крайнов Д. А.* К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
- Крайнов Д. А.* Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. Археология СССР. М., 1996.
- Логина Э. С.* Поселение Эньты 1 // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 7. Сыктывкар, 1978.
- Лозе И.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
- Лобанова Н. В.* Поселения с ямочно-гребенчатой керамикой // Поселения древней Карелии: (От мезолита до эпохи средневековья). Петрозаводск, 1988.
- Лобанова Н. В.* Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита: (Некоторые итоги изучения) // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М., 1972.
- Мейнандер К.* Финны — часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982.
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Недомолкина Н. Г.* Поселение Векса III (Устье-Вологодское III) // Criterion. «Традиции в контексте русской культуры». Череповец. 2000.
- Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- Ошибкина С. В.* Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.

- Песонен П. Э.* Поселения культуры сперрингс // Поселения древней Карелии: (От мезолита до эпохи средневековья). Петрозаводск, 1988.
- Сидоров В. В.* 1990. Многослойные стоянки верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.
- Сорокин А. Н.* Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.
- Титов Ю. В.* Неолитическая культура сперрингс в Карелии и Финляндии // КСИА. Вып. 126. 1972.
- Филатова И. Ф.* К вопросу о связи памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и позднемезолитических // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
- Фосс М. Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА № 29. 1952.
- Цветкова И. К.* Неолитические поселения в районе Белого озера // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.
- Шевелев В. В.* Новые памятники культуры веретье на оз. Лача // РА. № 4. 1998.
- Шнирельман В. А.* Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
- Burow G. M.* Die mesolitischen Kulturen im aussersten europaischen Nordosten // The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.
- Child G.* Man makes himself. London, 1941.
- Gramsch B.* Ausgrabungen auf dem mesolithischen Moorfundplatz bei Friesack. Bezirk Potsdam // Veroffentlichungen des Museums fur Ur- und Fruhgeschichte Potsdam. Bd. 21. Berlin, 1987.
- Matyushin G.* The Mesolithic and Neolithic in the southern Urals and Central Asia // Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming. Cambridge, 1986.
- Rimantiene R.* The Neolithic of the Eastern Baltic // Journal of World Prehistory. Vol. 6. No. 1. New York, London, 1992.
- Zwelebil M.* Mesolithic societies and the transition to farming: problems of the time, scale and organisation // Hunters in Transition. Cambridge, 1986.

К ВОПРОСУ О РАННЕМ НЕОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ¹

В настоящее время благодаря широкому внедрению в археологию естественных наук стало возможным построение хронологии культур позднего каменного века и получена возможность корреляции с абсолютной шкалой астрономического времени, что является необходимым условием для построения археологической периодизации. На основании анализа радиоуглеродных дат (более 1000 дат), концентрации радиоуглерода и космогенного бериллия в гренландских льдах стало возможным установить крупномасштабные изменения солнечной активности и климата в прошлом на шкале последних 10000 лет и увязать их с основными этапами развития неолитических культур (Зайцева, Дергачев, 2000. С. 27—28; Тимофеев, 2000. С. 81—82).

По данным палинологии временной рубеж культур мезолита и неолита приходится на период, когда происходили кризисные изменения климата и растительного покрова территории. Изучение мощных отложений многослойных стоянок Волго-Окского междуречья, датированных по ¹⁴C интервалом 8000—7000 лет назад, дали возможность проследить характер изменения природной среды. «Отчетливо вырисовывается картина постепенных смен таежных условий среды, к которым привык и с которыми связан мезолитический человек, на неморальный флористический комплекс, требующий от людей, по-видимому, иной адаптации и новой хозяйственной ориентации» (Алешинская, Спиридонова, Лаврушин, 2001. С. 254). То есть, данный период можно рассматривать в качестве естественного рубежа между мезолитом и неолитом.

Первые неолитические культуры в южных регионах датируются на уровне 8200 ВР, а в лесной зоне Восточной Европы на 1000 лет позднее. Вплоть до недавнего времени считалось, что генезис неолита Восточной Европы основывается на неолитических культурах с производящим хозяйством юга Европы и Средней Азии. Серия радиоуглеродных дат показала, что возраст неолитических культур юга Восточной Европы вполне сопоставим с возрастом раннекерамических комплексов ближневосточных культур.

До сих пор основным признаком выделения неолитических культур лесной зоны Восточной Европы является наличие керамики.

Первое появление керамики на территории Восточной Европы связано с распространением обширной восточно-европейской общности с накольчатой керамикой и наличием восточно-европейского центра керамического производства. На севере появление керамики в Двинско-Ловатском междуречье фиксируется с 7300 ± 180 ВР (ЛЕ-5260), 7300 ± 400 ВР (ЛЕ-5261) в материалах сертейской культуры (Мазуркевич, 2000. С. 49). Примерно в этот же хронологический отрезок времени фиксируется распространение керамики на стоянках валдайской (Сеницына, Зайцева, 1995. С. 36) и верхневолжской культур (Лозовский, Лозовская, 2000. С. 48; Жилин, Костылева и др., 2002. С. 83). Третий, ранне-неолитический горизонт стоянки Замостье 2 верхневолжской культуры, имеет датировки: 7050 ± 100 ВР (ГИН-6554 и 6850 ± 100 ВР (ГИН-6557)). На восточной территории наиболее древними оказываются памятники елшанского типа, обнаруженные в Примокшанье (Выборнов, 2000).

На основании новых радиоуглеродных дат В. И. Тимофеевым (2000) предложена модель неолитизации Восточной Европы в направлении с юго-востока на северо-запад. А. В. Вискалиным (2000) построена модель распространения керамического производства с юго-запада на северо-восток.

Учитывая климатические изменения природной среды, которые могли вызвать передвижение древнего населения можно предположить наличие миграционных процессов, которые вызвали освоение новых территорий и, как следствие, передачу навыков нового производства, каким явилась керамика.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и РГНФ (проект № 01-01-00-269а).

Инвентарь поселений многих раннеолитических культур лесной зоны дает возможность предполагать, что проникновение керамического производства с южных территорий, в основном, носило диффузный характер, на что указывает В. И. Тимофеев (2000. С. 82), учитывая датировки раннеолитических памятников северных территорий, по которым четко прослежено постепенное проникновение на север керамического производства. В пользу диффузного характера появления керамики свидетельствует и каменный инвентарь, типологический состав которого с появлением керамики мало изменяется по сравнению с предшествующей позднеолитической эпохой.

Зависимость исторического развития от изменения природной среды носит глобальный характер: сопоставление процессов неолитизации Восточной Европы и Восточной Сибири, как наиболее изученных территориях, показывает их принципиальное сходство.

Раннеолитическая керамика огромного по протяженности Восточно-Сибирского региона традиционно характеризовалась технологическим признаком — отпечатками «сетки-плетенки» (исаковская, серовская, сылахская культуры).

Изучение неолита Прибайкалья связано, прежде всего, с именем А. П. Окладникова (1950; 1966; 1974). В основу хронологических построений им была положена стратиграфическая позиция культурных слоев многослойной стоянки Улан-Хада, исследованной Б. Э. Петри. Работы иркутских археологов на других многослойных стоянках подтвердили выводы Б. Э. Петри, что наиболее древней керамикой Прибайкалья является, сетчатая.

Возникнув однажды, керамика с отпечатками «сетки-плетенки» распространяется на широкий круг финальноолитических культур с юга на север. Керамика с отпечатками «сетки-плетенки» в неолите существует на значительном отрезке времени (китой-исаково-серово) и охватывает очень широкие территории (в Якутии — сылахская раннеолитическая культура, IV тыс. до н. э.). Распространение сетчатой керамики на север носит такой же диффузный характер, как и распространение первой керамики в Восточной Европе.

А. П. Окладников как и его предшественники, был сторонником автохтонной концепции развития неолита, но суть перехода видел в раннем проявлении высокоразвитого охотничьего хозяйства. Появление лука, стрел и шлифованных орудий являлось для него показателем новых качественных сдвигов в обществе и способствовало своеобразному «диалектическому скачку» на новую стадию развития — неолит.

Хронологическая последовательность этапов выглядела так: хиньский (V тыс. до н. э. — переход от палеолита к неолиту), исаковский (IV тыс. до н. э.), серовский (III тыс. до н. э.) китойский (вторая половина III тыс. до н. э.), глазковский (1700—1300 гг. до н. э.), шиверский (1300—900 гг. до н. э.). Концепция А. П. Окладникова вызвала, наряду с многочисленными положительными оценками, критические замечания по ряду вопросов (Герасимов, 1955), но все они не касались принципиальной основы концепции. Затрагивались вопросы хозяйственной сущности выделенных стадий неолита, говорилось о преимуществе одних типов источников над другими для социологического анализа, о точности абсолютных датировок, о месте отдельных групп погребений в периодизации, высказывались сомнения в методах анализа источников. Основным объектом разногласий явился вопрос о месте китойской группы погребений в общей периодизации неолита Прибайкалья. По-существу, ни одна из попыток оппонентов А. П. Окладникова поколебать положения его концепции не увенчалась успехом, так как эта критика не опиралась на точные методы анализа источников.

Острая дискуссия вокруг китойской культуры, начатая М. М. Герасимовым, продолженная Н. Н. Мамоновой (1973), затем Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицким (1989) продолжается и в настоящее время. Радиоуглеродное датирование материала во многом корректирует прежние представления о хронологии культур. Наиболее древние даты (27 дат) для китойских погребений укладываются в пределах VI тыс. до н. э.: это 11 дат Фофановского могильника (Забайкалье) — от 6460 до 5220 гг. до н. э., 7 дат могильника «Локомотив» — от 5720 до 5550 гг. до н. э. и др. Хронологические рамки существования исаковской культуры, для которой также характерна керамика с отпечатками «сетки-плетенки» определяются в пределах конца V — начала IV тыс. до н. э. по двум датировкам погребений могильника Братский Камень (Приангарье) — 4190 и 3840 гг. до н. э. На основании этого устанавливается хронологический разрыв порядка 800 лет между китойской и исаковской культурами. Материалы же поселений, напро-

тив, свидетельствуют о существовании китойский комплексов в развитом неолите (Горюнова, 1984). Время существования серовской культуры (IV тыс. до н. э.) определено по 8 датам, лежащим в пределах от 4110 до 3580 гг. до н. э. — по погребениям могильников Серово и Семеново.

Иркутскими археологами созданы региональные схемы по многослойным стоянкам Байкала, Верхней Ангары и Среднего Енисея. На основании изучения их материалов разработаны хронологические схемы развития неолитической культуры: для 1) Канско-Рыбинской котловины и 2) Иркутско-Черемховской равнины, Приольхонья. В основу первой была положена стратиграфия ст. Казачка (Воробьева, Савельев, 1984); в основу второй — корреляция геологических и культурных отложений многослойных памятников Иркутско-Черемховской равнины и Приольхонья (Савельев, 1982; Воробьева, Горюнова, 1984). Каждый культурный слой ст. Казачка был рассмотрен как отдельный культурно-хронологический этап. Ранненеолитический, VII слой Казачки (вторая половина V — начало IV тыс. до н. э.), характеризуется круглодонными сосудами с оттисками «сетки-плетенки» и витого шнура. Для Иркутско-Черемховской равнины ранний неолит был characterized (по инвентарю VI слоя стоянки Горелый Лес с датой 6695 ± 150 л. т. н. (Ri-50) сосуществованием исаково-серовской керамики с оттисками «сетки-плетенки» и керамики хайтинского типа с оттисками шнура. О. И. Горюновой (1984) по материалам многослойных памятников Приольхонья ранний неолит отделяется от развитого, датируется концом V — началом IV тыс. до н. э. и характеризуется только керамикой с оттисками «сетки-плетенки». Шнуровая керамика характеризует здесь период развитого неолита.

В настоящее время наиболее удачной представляется схема развития культур, предложенная И. В. Асеевым (2003. С. 55—60): «Периодизации развития археологических культур, разработанная А. П. Окладниковым, с учетом поправок на результаты радиоуглеродного анализа памятников в разработках исследователей будет выглядеть так:

- 1) Поздний палеолит (мезолит) — VIII тыс. до н. э.
- 2) Ранний неолит (Хиньский этап) — VII тыс. до н. э.
- 3) Китойская культура — 2-я половина VII тыс. до н. э. — начало II тыс. до н. э.
- 4) Исаковская культура — начало VI тыс. до н. э. — конец V тыс. до н. э.
- 5) Серовская культура — 2-я половина V тыс. до н. э. — II тыс. до н. э.»

Такие широкие хронологические рамки существования отдельных культур выглядят убедительно, поскольку основаны они на корреляции материалов погребений и многослойных поселений.

Если проблема сетчатой керамики лежит в области нахождения центра ее зарождения, то вопрос о характере появления керамики с оттисками шнура в ранненеолитических памятниках Восточной Сибири не имеет однозначного решения, допуская как миграционную, так и диффузную модель ее распространения.

Л. П. Хлобыстин (1996. С. 286—290) полагал сосуществование двух культурных традиций (сетчатой и шнуровой) в изготовлении керамики на территории Прибайкалья, отмечая что «...Байкал был зоной контакта двух областей ранненеолитических культур с разными типами керамики», не объясняя характера этих контактов. Наиболее древние керамические центры в этом макрорегионе связаны с бассейном Амура. «Уникальность этого центра в том, что здесь существовал особый способ изготовления керамики с использованием плетеных шаблонов (набивки на плетеный шаблон)...» и наличием «... в формовочной массе травы» (Жущиховская, 2003, С. 125). Радиоуглеродное датирование керамики с органическим отощителем показало, что наиболее ранний возраст приходится на 10400—13300 лет назад (Джалл и др., 1998).

Можно предположить диффузное распространение технологической традиции изготовления шнуровой керамики от Амура до Байкала, учитывая хронологический разрыв более 3000 лет между первым появлением керамики на Амуре и в Забайкалье. Промежуточную территориальную позицию в этом процессе занимают комплексы ранненеолитической шнуровой керамики Забайкалья (Студеное-I; Усть-Менза I; Мухино) (Константинов, 1994. С. 153—155), возраст которых определен 6,5—5,5 тыс. л. н.

Для эпохи развитого неолита прослежена миграция китойской и серовской культур на запад вплоть до Алтая по материалам могильника Усть-Иша (Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000; Асеев, 2003). Ответ на вопрос, чем было вызвано столь широкое территориальное распространение культурных образований, скорее всего, лежит в плоскости палеоэкологического исследования.

Миграционную модель в раннем неолите — с востока на запад — можно предположить на основании материалов ранненеолитического слоя Казачки, где, как уже было отмечено, также установлено сосуществование шнуровой и сетчатой керамики.

Наличие шнуровой керамики в ранненеолитических слоях поселений Прибайкалья может быть рассмотрено как свидетельство миграционного характера ее проникновения, и начало этого процесса могло быть связано с изменениями природных условий: аридизацией климата. Иссущение лесостепей на больших пространствах, обезлесевание территорий и замещение луговых степей опустыненными ландшафтами (Банк данных палеоклиматических реконструкций: <http://www.gml.spb.ru /BARPP-C/>) вызвало необходимость поиска новых источников питания и стимулировало миграционные процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешинская А. С., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А.* Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Каменный век европейских равнин: Материалы междунар. конф. Сергиев Посад, 2001.
- Асеев И. В.* Адаптация населения разной этнокультурной принадлежности в эпоху камня в Прибайкалье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН, Владивосток, 11—25 сентября 2003 г. Новосибирск, 2003.
- Вискалин А. В.* К вопросу о культурной принадлежности памятников с накольчатой керамикой Волго-Камья: проблемы и перспективы (по данным керамики) // ТАС. Вып. 4. Том I. 2000.
- Воробьева Г. А., Горюнова О. И.* Корреляция голоценовых отложений на многослойных памятниках Приольхонья // ТД Краевой конф. «Проблемы исследования каменного века Евразии». Красноярск, 1984.
- Воробьева Г. А., Савельев Н. А.* Строение и возраст культуровмещающих отложений многослойного местонахождения Казачка I // ТД Краевой конф. «Проблемы исследования каменного века Евразии». Красноярск, 1984.
- Выборнов А. А.* Хронологические аспекты изучения неолита Поволжья // Хронология неолита Восточной Европы. ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек). Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXVIII. М., 1955.
- Горюнова О. И.* Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984.
- Джэлл Э. Дж. Т., О'Малли Ж. М., Биддольф Д. Л., Деревянко А. П., Кузьмин Я. В., Медведев В. Е., Табарев А. В., Зенин, В. Н., Ветров В. М., Лашина З. С., Гарковик А. В., Жуциховская И. С.* Радиоуглеродная хронология древнейших неолитических культур юга Дальнего Востока России и Забайкалья по результатам прямого датирования керамики методом ускорительной масс-спектрометрии // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы междунар. симпозиума. В 2 т. Новосибирск, 1998.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энгватова А. В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М., 2002.
- Жуциховская И. С.* Археологическая керамика как индикатор миграций на юге Дальнего Востока // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы международной конференции «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН Владивосток, 11—25 сентября 2003 г. Новосибирск, 2003.
- Зайцева Г. И., Дергачев В. А.* Изотопные исследования по хронологии неолита лесной зоны Восточной Европы и изменению окружающей среды // Хронология неолита Восточной Европы. ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х.* Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000.
- Константинов М. В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ, Чита, 1994.
- Лозовский В. М., Лозовская О. В.* Хронология перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье // ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Мазуркевич А. Н.* Памятники раннего и среднего неолита Двинско-Ловатского междуречья и их хронология // ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.

- Мамонова Н. Н.* К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д.* Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. № 1. 1989.
- Окладников А. П.* Неолит и Бронзовый век Прибайкалья. МИА. № 18. 1950.
- Окладников А. П.* Неолит и Бронзовый век Прибайкалья. МИА. № 43. 1955.
- Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары: (От Шукино до Бурети). Новосибирск, 1974.
- Савельев Н. А.* Проблемы исследования неолитических поселений на юге средней Сибири // Проблемы археологии и этнографии Сибири // ТД к регион. конф. Иркутск, 1982.
- Синицына Г. В., Зайцева Г. И.* К вопросу о датировке валдайской культуры // Древности Северо-Западной России. СПб, 1995.
- Тимофеев В. И.* Радиоуглеродные даты и проблема неолитизации Восточной Европы // ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Хлобыстин Л. П.* Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. Вып. 153. 1978.
- Банк данных*, где сконцентрированы различные палеоклиматические кривые и палеогеографические карты (<http://www.gml.spb.ru/BARPP-C/>).

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛОВАТСКО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

Постепенный переход к оседлому образу жизни охотников и собирателей на Ближнем Востоке, в Южной и Средней Европе, как следствие перехода к производящему хозяйству, получил название «неолитизация». В этом процессе не пространство удерживало человека, а человек решил по каким-то соображениям быть менее подвижным и обосновался в экологических нишах, где годовая совокупность ресурсов позволяла ему быть менее подвижным. Следующий шаг — это заготовка продуктов питания впрок, вызванная страхом не иметь пищи в ближайшее время. Переход к хозяйственной стратегии по «заготовке пищи», даже при сохранении присваивающего типа хозяйства, означает начало процесса накопления богатства, что ведет к значительной перестройке общества и идеологии. Важно отметить, что в традиционном архаическом обществе накопление богатства было невозможным, т. к. понятие собственности им чуждо, а заготовленная пища сразу же делилась между членами группы (см. Салинз, 1999).

Начало неолитической эпохи на большей части Восточноевропейской равнины традиционно связывают с рядом технологических новаций, в первую очередь, с керамическим производством, при сохранении хозяйственного уклада присваивающего типа. Материалы сертейской раннеолитической культуры, выделенной в начале 90-х годов в Ловатско-Двинском междуречье (Микляев и др., 1991), позволяют предпринять попытку реконструкции процесса распространения навыков керамического производства среди местного мезолитического населения. Анализ материалов позволяет сформулировать следующие идеи для обсуждения, отражающие специфику начала неолитической эпохи в лесной зоне Северо-Запада России: 1) навыки керамического производства распространяются в мезолитической среде не только в результате культурных контактов, но и как следствие проникновения небольших групп населения на данную территорию из более южных регионов; 2) распространение маломерных глиняных сосудов не изменяет хозяйственного уклада и, вероятно, данный тип посуды не может быть свидетельством оседлого образа жизни, подразумевающего заготовку пищевых ресурсов впрок.

Накопленный массив данных позволяет на сегодняшний день представить материалы сертейской культуры следующим образом. Выделяются несколько хронологических этапов, которым соответствуют несколько различных типов керамики, сопровождающиеся находками костяных, кремневых предметов и остатками различных построек.

Керамическая фаза «а»

Горшки с цилиндрическим туловом и коническим дном, орнаментированные в накольчато-прочерченной манере. Геометрические композиции целиком покрывают поверхность сосуда. В качестве сырья использованы глинистые отложения серого цвета, насыщенные органикой, раковинами, мускавитом, кварцем и окатанным песком. Способ лепки ленточный спиральный для донной и придонной части и кольцевой для тулова и горла. Толщина стенок — 6—9 мм. Пластинки мускавита свидетельствуют о некотором вращении сосуда при изготовлении, но это не следы от вращения на гончарном круге. Пластинчатые зерна ориентированы под некоторым углом к поверхности, что могло получиться при обработке внешней и внутренней поверхностей зубчатым штампом после изготовления сосуда. После просушки внешняя, иногда и внутренняя, поверхность сосуда покрывалась тонким слоем сметанообразной глиняной массы. Далее по не совсем высохшей поверхности сосуда наносился орнамент. Данная посуда, как было установлено в результате специальных анализов, не подвергалась обжигу. Часть сосудов подвергалась низкотемпературной сушке, а другая часть вообще не подвергалась термической обработке. Прямые с приостренным краем венчики сосудов соответствуют форме верхнего

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и РФФИ (проект № 02-06-80318).

края ленты. Днища острые. Сосуды имеют митровидную форму высотой 30—40 см и диаметр горла 16—22 см (Мазуркевич, Микляев, 1998; Мазуркевич, 1995).

Фаза развития керамики «b»

Технологически посуда выполнена по той же схеме, что и тип 1. Толщина стенок — 6—9 мм, по стыкам лент прослеживаются следы применения техники «лопатки и наковальни», а поверхность сосудов украшена графическими знаками в виде треугольников, насечек или оттисков сложной формы, выполненных в накольчатой манере. Орнамент покрывает верхнюю половину сосуда. Венчики сосудов прямые с приостренным или плоским краем — форма края соответствует верхнему краю ленты, но иногда с внутренней стороны подлеплена дополнительная лента с целью утолщения слишком тонкого края, что дает округлую форму. Сосуды остродонные, митровидной формы.

Керамическая фаза «b-1»

Сосуды изготовлены спиральным и кольцевым ленточным способом из естественных глинистых отложений серого, светло-желтого или розового цвета, насыщенных органикой, раковинами и песком. По стыкам лент прослеживаются следы применения техники «лопатки и наковальни», на внутренней поверхности и на внешне видны следы обработки зубчатым штампом, внешняя поверхность покрыта тонким слоем глины, но в отличие от 1 типа посуды он более толстый. Толщина стенок — 7—9 мм. Сосуды орнаментированы каплевидными наколами, оттисками полого и зубчатого штампа выполненного в накольчатой манере. Геометрические орнаментальные композиции (горизонтальные или вертикальные ряды оттисков штампа) покрывают, как правило, всю поверхность сосуда. Надо заметить, что отдельные оттиски зубчатого штампа встречались и на других типах посуды, но там это оттиски зубчатого штампа оставленные при обработке этим инструментом внешней поверхности сосуда. Венчики прямые с приостренным или уплощенным краем, соответствующие по форме верхнему краю ленты. Сосуды остродонные, митровидной формы.

Керамическая фаза «с»

Фрагменты толстостенных сосудов (7—9 мм), сделанных из лент кольцевым налепом из естественных глинистых отложений серого цвета и насыщенных мелкими раковинами, органикой, крупным песком. По стыкам лент и лоскутов прослеживаются следы применения техники «лопатки и наковальни», на внутренней поверхности и на внешне видны следы обработки зубчатым штампом, причем на внешней стороне расчески имеют упорядоченный характер и имели определенную эстетическую нагрузку. На внешней поверхности сосудов фиксируется тонкий слой «полив». Посуда не орнаментирована. Венчики сосудов прямые с приостренным или округлым краем. Сосуды либо остродонные, либо с уплощенным дном и имеют котлообразную форму.

Керамическая фаза «с-1»

Сосуды сделанные из естественных глинистых рыхлых отложений желтого цвета, насыщенных органикой, раковинами и небольшой примесью мелкозернистого песка. Толщина стенок — 6—8 мм. Котлообразные горшки с округлым или уплощенным дном, выполнены ленточным способом кольцевым или спиральным налепом, а по их стыкам прослежены следы применения техники «лопатки и наковальни». Венчики прямые с острым или округлым краем. Большинство фрагментов не орнаментированы. На внешней поверхности фиксируется тонкий слой «полив», следы расчесов зубчатым штампом и оттисков различных штампов оставляющих графические знаки в виде ямок, насечек, треугольных наколов, оттисков зубчатого штампа. Орнаментация разряженная, покрывает верхнюю часть сосуда и состоит из горизонтальных и очень редко из диагональных рядов указанных графических знаков.

Основной массив фрагментов глиняной посуды фазы «а» был найден в культурных слоях А стоянки Рудня Сертейская и слоях А-1, 2, 3 памятника Сертея Х. Культурные слои А приурочены к слоям синеватого опесчаненного сапропеля, насыщенного раковинами, причем на памятнике Сертея Х культурные остатки залежали в трех горизонтах (1—3), разделенных сте-

рильными прослойками голубовато-серого песчаного сапропеля. Из горизонта А-2 происходят радиоуглеродные датировки 7300 ± 180 (Je-5260), 7300 ± 400 (Je-5261) лет ВР для фрагментов деревянных плах. Кремневые предметы немногочисленны: ножевидные пластины с ретушью по краям, скребки на отщепах и пластинах, вкладыши, наконечник стрелы с двусторонней обработкой струйчатой ретушью, с треугольным пером и удлиненным треугольным насадом. Костяные предметы представлены лавролистными черешковыми наконечниками, проколками, подвесками из резцов лося. На стоянке Рудня Сертейская на материке были зафиксированы остатки сильно размытой подпрямоугольной постройки с углубленным полом. По краям котлована постройки были зафиксированы ясеневые доски. Единичные фрагменты керамики этого типа встречены в культурных слоях памятников, расположенных по бортам флювиогляциальных озерных котловин на дюнах, либо на озерных террасах: Усвятский микрорегион — селище Узмень, Сертейской — Сертея XIV, XX и Сенницкий — Фролы 1, Дубокрай I. На памятнике Сертея XIV были зафиксированы остатки жилых сооружений, сопровождающихся кремневыми изделиями позднемезолитического облика и фрагментами сосудов сертейской культуры, украшенными геометрическими композициями, выполненными в накольчато-прочерченной манере. На уровне материка была зафиксирована постройка (№ 558) округлой формы (3,08 x 2,3 м), со столбовыми и кольевыми ямами по периметру и с центральной столбовой ямой, углубленным полом и очагом в северо-восточной части конструкции. Вероятно, к этому же времени относятся и две постройки (№№ 174, 178) трапециевидной формы (2,8 x 1,6 м) столбовой конструкции с округлым углубленным очагом в центре и входом с западной стороны. С ними связаны находки керамики фазы «а» и кремневые изделия мезолитического облика. Особый интерес представляют черешковые наконечники. Наконечники с коротким черешком и асимметричным пером. Заготовкой для них служили пластины правильной формы, длиной от 3,5 до 5,0 см, шириной от 1,0 до 1,4 см и толщиной не более 0,4 см. Длина черешка составляет около 0,5 см, а перо занимает около 1/3 длины наконечника. Черешок изготавливался на проксимальном конце пластины крутой, наносившейся со стороны брюшка, ретушью, которая образовывала две глубокие выемки. Перо изделия оформлялось путем косога усечения дистального конца пластины. В начале производилась микрорезцовое снятие, негатив которого затем обрабатывался крутой ретушью. Наконечники этой группы отличаются от постсвидерских наконечников типом заготовки, оформлением насада и пера. В то же время техника оформления пера аналогична технике, которая широко представлена в материалах яниславицкой культуры. Здесь же был обнаружен торцевой нуклеус со следами снятий микропластин. В одном культурном горизонте, связанным с ранними постройками и черешковыми наконечниками с укороченным насадом, были обнаружены небольшие, достаточно массивные округлые скребки на отщепах длиной около 2,5 см и толщиной до 1,5 см. Ретушь создающая лезвие, заходит далеко на спинку отщепа почти смыкаясь на ней. По своей форме эти скребки близки скребкам кундской культуры. На памятнике Сертея XIV к этому времени можно отнести и остатки жилища 1, которое имело овальную форму (3,4 x 2,3 м), углубленный пол и углубленный очаг в центре постройки. На поверхности пола прослежены остатки столбовых ям. В заполнении жилищной впадины были также найдены фрагменты сосудов фазы «b-1», что может свидетельствовать о длительном существовании данной постройки, либо о многократном ее использовании.

Учитывая, что стоянка этого времени располагалась на берегу палеоводоёма, который в период с 9300 до 7500 л. н. был наиболее глубоководным, вполне резонно предположить, что эти материалы предшествуют материалам, найденным в культурных слоях А памятников Сертея X и Рудня Сертейская.

Фрагменты сосудов фазы «b» были встречены в культурных слоях памятников расположенных на минеральных террасах слабопроточных палеоводоёмов (Сертея X, XII, XIV, XIX, селище Узмень, Гуковы Нивы I, Романовская) и на дюнах, развитых по бортам озерных котловин (Сертея 3-1, 3-2, 3-3, XX, Лукашенки I-1, III-3). С этой керамикой можно уверенно связывать серию хозяйственных ям и ям, связанных с расщеплением кремня (Сертея XII, 3-3). На памятнике Сертея X зафиксированы остатки постройки с углубленным полом на 50—70 см в материк, имеющую овальную форму (2,5—3 м), с расположенными по периметру ямками, в которых находились кольца, формировавшие конусообразную кровлю, и с углубленным очагом в центре постройки. Кроме этого зафиксированы углубленные очаги, вокруг которых прослеже-

ны кольевые ямки — остатки либо ветровых заслонов, либо конусообразных кровель. Важная конструктивная деталь — над очагами кровля была приподнята, т. к. фиксируются кольевые ямки по периметру очага. С открытых сторон (со стороны входов) фиксируются повышенные содержания P_2O_5 , что является маркером скопления на этих местах органических остатков, либо мест выброса очажных заполнений, т. к. основным видом топлива на островном памятнике были костные остатки. Выявлены хозяйственные постройки овальной формы, с немного углубленным в результате выравнивания древней дневной поверхности полом, ориентированные выходом на южную сторону. В центре и по периметру прослежены кольевые ямки от конусообразной кровли, которая опиралась на колья, поставленные в центре постройки. В центральной части построек фиксируется большое скопление фосфатов.

Сосуды фазы «b-1» встречены в культурных слоях, приуроченных к аналогичным участкам рельефа, что и предшествующая фаза керамики и были встречены на памятниках Сертея XIV, Усвяты II раскоп I, селище и стоянка Узмень, Романовская Сертея 3-3, XX, Лукашенки I-1, III-3. По видимому, к этому же времени относится овальное (2,63 x 1,62 м) углубленное жилище, открытое на селище Узмень в 1967 г. Жилище № 3 на памятнике Сертея X имело овальную форму (2,8 x 1,85 м), углубленный в материк на 15—20 см пол, с углубленным очагом в южной части.

Фрагменты сосудов, относящиеся к фазе «с», встречены в культурных слоях, приуроченных к слоям синеватого опесчаненного сапропеля (Сертея X) или серо-желтого перемытого песка (Сертея XIV), а также на минеральных террасах палеоводоемов — Сертея XII, X, XIV, XVII—XX, поле над Рудней Сертейской № 3, селище Узмень, стоянка Узмень, Усвяты II раскоп 2, Романовская. С данной керамикой можно связать существование постройки № 220 на памятнике Сертея XIV. Она имела овальную форму (5,1 x 3 м) и была вытянута с СЗ на ЮВ. По периметру и в центре выявлены столбовые ямы, основание которых расположено на уровне материка. В западной части было зафиксировано очажное пятно с обожженными и расколотыми камнями, по его периметру прослежены остатки кольевых ям. В это же время или чуть позже возникает столбовая постройка подтрапцевидной формы (8,8 x 6,3 м) со входом, ориентированным на запад. По длинной оси постройки прослежено два ряда столбовых ям, видимо, являющихся опорами крыши. У северо-восточной стенки постройки обнаружен овальный очаг ф (1,65 x 1,05 м), имевший каменную обкладку с северной стороны. Вокруг него прослежены остатки кольевых ям, которые, вероятно, поддерживали кровлю над очагом. Создается впечатление, что постройка заканчивает свое существование, когда уже существует керамика фазы «с-1».

Фрагменты глиняных сосудов фазы «с-1» были зафиксированы в культурных слоях, приуроченных к минеральным террасам палеоводоемов — Сертея X, XII—XIV, XVII—XIX, селище Узмень, стоянка Узмень, Усвяты II раскоп 2, Романовская.

Сейчас представляется сложным выделить каменный инвентарь для каждой керамической фазы. В культурных горизонтах с керамикой фазы «b—с-1» найдены листовидный наконечник лавролистной формы. Его длина — 3,0 см. Заготовкой для него послужила правильная призматическая пластина шириной около 1,1 см и толщиной 0,3 см. Края орудия со стороны брюшка обработаны крутой ретушью. Перо занимает 2/3 длины пластины и симметрично ее продольной оси. Со стороны брюшка перо имеет подтеску, выполненную плоской встречной ретушью.

Листовидный наконечник со стоянки Сертея XX также имеет лавролистную форму, его перо и насад имеют плоскую подтеску с брюшка. Однако, по сравнению с первым наконечником, он обладает и морфологическими особенностями. В качестве заготовки использовался пластинчатый скол. По обоим краям наконечник обработан зубчатой ретушью, а спинка — целиком струйчатой ретушью.

Листовидные наконечники с вентральной подтеской пера и насада представлены единичными экземплярами. В материалах среднего и позднего неолита долины р. Сертейки в настоящее время они неизвестны.

В этих же горизонтах найдены концевые скребки на обломках пластин длиной около 3,0 см; округлые скребки на массивных отщепях (длиной около 5 см, толщиной 1,5 см), часто для их изготовления использовались отщепы с коркой; скошенные скребки на массивных пластинчатых отщепях, их лезвие было создано крупной полукрутой однорядной ретушью.

Наибольший интерес для типолого-морфологического анализа представляют массивные округлые скребки, которые находят прямые аналогии в верхневолжской культуре.

Эти аналогии также можно обнаружить и среди рубящих орудий. С верхними культурными горизонтами (там же, где были обнаружены массивные скребки) связаны находки грубых бифасиальных орудий подтреугольной формы. По всей видимости, рабочим являлся желобчатый, наиболее массивный конец орудия. Угол между поверхностями, образующими лезвие, составляет около 30°. Вся поверхность орудия и лезвия были сформированы обширной плоской ретушью.

Здесь также были представлены фрагменты долотовидных орудий с желобчатым лезвием, со следами заполировки.

Группа топоров представлена овальными в плане небольшими топориками, заготовками которых служили нуклевидные сколы, и острообушными топорами подтреугольной формы, изготовленными на массивных сколах.

Хронологический период 7500—6200 л. н. — время распространения в Ловатско-Двинском междуречье среди местного мезолитического населения навыков изготовления глиняной посуды. Распространение глиняной посуды в данном регионе, вероятнее всего, происходило не только в результате контактов различных групп населения, но и в результате проникновения на данную территорию групп нового населения с более южных территорий, что находит отражение в каменном инвентаре и в традициях домостроительства.

Начало рассматриваемого периода по палинологическим данным совпадает с переходом от бореального периода к атлантическому. Начало атлантического периода характеризуется максимальным содержанием пыльцы широколиственных пород (до 36 %) и лещины (*Alnus* — 15—20 % и *Corylus* — 10—15 %), на фоне снижения количества пыльцы сосны и березы (*Pinus* и *Betula sect. Albae*), что указывает на потепление климата, по сравнению с бореальным периодом. Пыльца *Picea* не превышает 5 %. Пыльца трав и спор единичны.

В начале атлантического периода (7500—7300 л. н.) в Сертейских озерных котловинах фиксируется падение уровня воды, после трансгрессивной фазы, максимум которой отмечался 8000—7800 л. н. (рис. 1)². Понижение уровня воды в водоемах привело к образованию в при-

² Реконструкция ландшафтно-палеоклиматических условий проводилась методом геохимической индикации. Для исследований были отобраны образцы из озерных отложений с четкой литолого-стратиграфической последовательностью (скважина 63 Сертея X, скважина 71 Сертея XIV). Возраст сапропелевых отложений был определен методом радиоуглеродного датирования в лаборатории Института Географии СПб ГУ (Мазуркевич, Долуханов, Савельева, Арсланов, Зайцева, Кулькова, 2003). Возраст отложений с повышенной антропогенной нагрузкой в малой озерной котловине на глубине 190—180 см по данным радиоуглеродного анализа — 75400 ± 90 лет BP (6397—6229 BC) (Лу-4900). Возраст отложений на глубине 160—170 см в малой озерной котловине соответствует 6910 ± 110 лет BP (5960—5665 BC) (Лу-4901). На глубине 150—160 см возраст прослоев в малой озерной котловине находится в промежутке между 6910 ± 110 лет BP (Лу-4901) и 5770 ± 100 лет BP (4765—4500 BC) (Лу-4902) — 150—140 см. Хронология прибрежных песчано-алевритовых отложений устанавливалась по археологическим данным. Химический состав сапропелевых отложений определялся методом рентгено-спектрального флуоресцентного анализа. Интерпретация результатов проводилась с помощью методов математической статистики. Корреляция между химическими элементами позволяет определить на основании группировок элементов минеральные комплексы в образцах. Метод факторного анализа характеризует взаимоотношения между этими минеральными комплексами в образцах. Это, а также использование соотношений отдельных элементов, дает возможность установить условия окружающей среды, которые повлияли на изменения в составе отложений. Соотношение карбонатов, осаждающихся в толще озерной воды хемогенным и биогенным путем, и элементов тяжелых минералов — составляющих терригенных частиц, может являться индикатором изменения уровня воды в палеоводоеме (Dean et al, 1997; Szefer, 1998). Индикаторное соотношение SiO₂/Al₂O₃ для глубоководных отложений, которое предложил использовать В. М. Гавшин (Гавшин, Хлыстов, 2000), показывает долю биогенного кремнезема и характеризует продуктивность водоема. Антагонизм P₂O₅, MnO по отношению к остальным элементам характеризует совокупность биологического и антропогенного влияния. Изменение концентраций P₂O₅ по разрезу уточняет антропогенное влияние на водоем. Milton G. Nunez (1977) отмечает, что если большое количество фосфора концентрируется в почве как результат человеческой активности, значительная часть его входит в нерастворимые соединения (например, с железом и алюминием) и может противостоять процессам выветривания (вымывания) и поглощения растительностью тысячелетиями. Кальций и фосфор являются главными элементами зубов и костей. В процессе эрозии почвы фосфор накапливается в озерных отложениях в виде нерастворимых

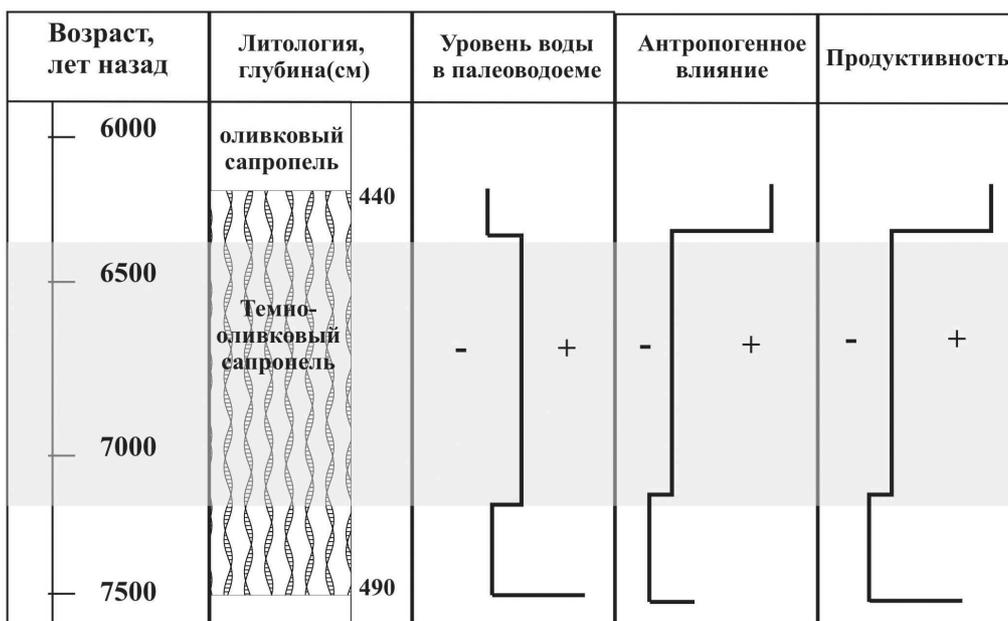


Рис. 1. Результаты геохимической реконструкции уровня воды, продуктивности палеоводоема и антропогенной нагрузки по скважине 71 у памятника Сертея XIV.

брежной части котловин озерных террас 2-го уровня. Особенно хорошо эти террасы прослеживаются в Нивниковской озерной котловине (на памятнике Сертея XIV). В это время в материальной культуре появляется керамика фазы «а». Продуктивность водоемов в этот период низкая.

Антропогенное воздействие на водоемы, определенное по данным геохимического анализа, отличается для большой Сертейской (Сертея X) и малой Нивниковской (Сертея XIV) озерных котловин. Антропогенное воздействие на большую озерную котловину около 7500 л. н. уменьшается по сравнению с предыдущим периодом. Антропогенное влияние на малую озерную котловину увеличивается по сравнению с предыдущим периодом. Данное различие в антропогенной нагрузке объясняется различной плотностью памятников (населения?) в данных котловинах. Это, вероятно, следствие хозяйственной стратегии древнего населения. На период раннего неолита приходится максимальное количество стоянок, открытых на сегодняшний день в Сертейском археологическом микрорайоне. В результате работ по созданию объемной модели современной дневной поверхности долины р. Сертейки, стала очевидной взаимосвязь расположения памятников раннего неолита с участками флювиогляциального рельефа.

Стоянки с остатками долговременных построек ориентированы на юг или юго-запад, защищены с севера бортом котловины или иными формами рельефа. Они так же приурочены к местам впадения древних ручьев в озера. Стоянки иного типа расположены на узких террасах или небольших мысах противоположного — западного борта котловины на берегу палеозера, при впадении ручьев или озерных протоков. Данное наблюдение над топографией памятников можно объяснить особенностями хозяйственной стратегии древнего населения в эпоху мезолита — раннего неолита, которая была направленной в первую очередь на добычу рыбы. Отсутствие больших емкостей, в т. ч. глиняных, предназначенных для хранения запасов пищи и воды, свидетельствует о том, что в этот период не заготавливается пища впрок.

В целом, на малую озерную котловину в период 7500—6000 л. н. отмечается большее антропогенное воздействие, чем на большую озерную котловину. Возможно, один из факторов интенсивного заселения — это выгодные ландшафтные особенности малой озерной котловины, позволяющие вести эффективно хозяйственную деятельность.

соединений и в местах древних стоянок этот элемент является индикатором антропогенной деятельности. Марганец может также выступать как индикатор антропогенной активности в случае высокой степени корреляции с фосфором. Повышенные содержания марганца, по данным Milton G. Nunez (1977), характерны для захоронений.

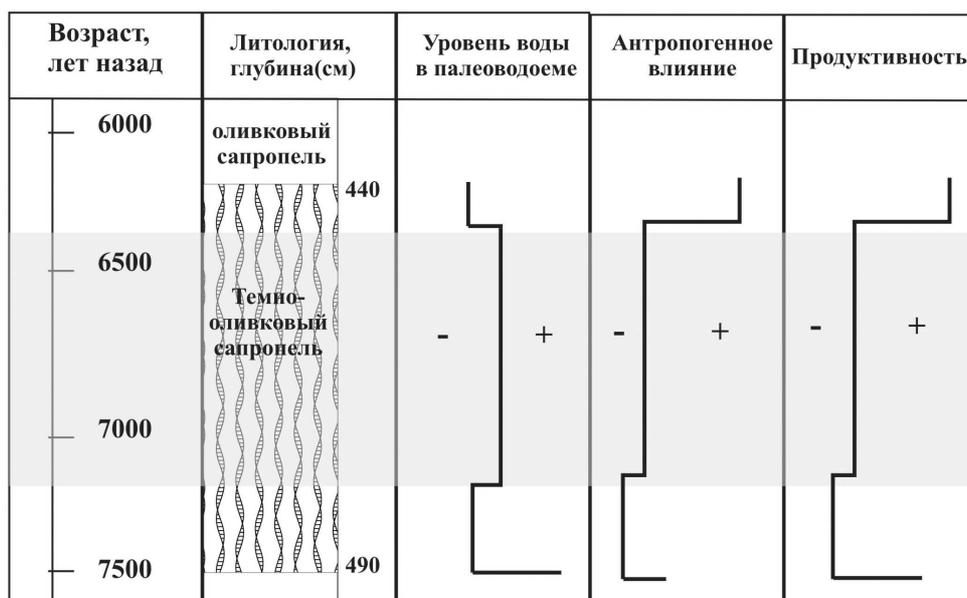


Рис. 2. Результаты геохимической реконструкции уровня воды, продуктивности палеоводоема и антропогенной нагрузки по скважине 63 у памятника Сертея X.

Максимум регрессии приходится на 7300 л. н. В это время существуют памятники с керамикой фазы «а». Аналогии данной посуде можно усмотреть в материалах археологических культур Верхнего и Среднего Подонья, Подесенья, Сура-Мокшанского междуречья и Нижнего Поволжья. Керамические материалы фазы «в» можно рассматривать как продолжение развития керамики предшествующего времени. Появление керамических материалов фаз «b-1» и «с» происходит под влиянием нового культурного импульса как со стороны более восточных культур — верхневолжских (распространение керамики с каплевидными наколами, массивных округлых скребков, грубых бифасиальных рубящих орудий подтреугольной формы), так и с территории Верхнего Подонья (керамика, орнаментированная зубчатым штампом, треугольными наколами) и Нижнего Подонья. Неорнаментированная керамика фазы «с» находит аналогии не только в материалах Верхнего Подонья Карамышево 5 (Смольянинов, 2003), но и в материалах нижних слоев Ракушечного Яра (Белановская, 1995). Волна переселенцев с керамикой фазы «с» появляются в Ловатско-Двинском междуречье до 7000 л. н. Влияние этой волны фиксируется и в материалах нижних раннеолитических слоев стоянки Звезде. Произошедшая около 7000 л. н. трансгрессия привела к переотложению материалов фазы «с» на стоянках Ловатско-Двинского междуречья. Появление керамических материалов фазы «b-1», судя по топографическому расположению памятников, приходится на начало данной трансгрессии, что свидетельствует о более позднем времени этого культурного импульса.

Около 7000 л. н. происходят изменения в окружающей среде, уменьшается сумма пыли широколиственных пород на 1—3 %. Фиксируется небольшое поднятие уровня воды в водоемах, повышается продуктивность. Антропогенное воздействие на Сертейскую озерную котловину остается низким, по сравнению с Нивниковской озерной котловиной, где оно высокое. В малой озерной котловине (памятник Сертея XIV) вода поднимается до уровня основания 2-й террасы и затапливает предыдущие стоянки с керамическими материалами фаз «а—с».

Ко времени около 6300—6200 л. н. уровень воды в озерных котловинах понижается, с этим, вероятно, связано уменьшение озерной продуктивности. В этот период антропогенное воздействие повышается в обеих озерных котловинах. В хронологический отрезок 7000 — 6300—6200 л. н. существуют памятники с керамикой фазы «с—с-1». Керамика фазы «с-1» может рассматриваться как результат взаимодействия предшествующих керамических традиций. Развитие сертейского культурного цикла прекращается в результате появления здесь носителей нарвской культуры около 6200 л. н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995
- Гавшин В. М., Хлыстов О. М.* Диатомовые водоросли в контексте глобальных изменений палеоклимата // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена. Вып. 2. Новосибирск, 2000.
- Мазуркевич А. Н.* О раннем неолите Ловатско-Двинского междуречья // ПАВ. № 9. СПб, 1995.
- Мазуркевич А. Н., Микляев А. М.* О раннем неолите междуречья Западной Двины и Ловати. // АСГЭ. Вып. 33. СПб, 1998.
- Мазуркевич А. Н., Долуханов П. М., Савельева Л. В., Арсланов Х. А., Зайцева Г. И., Кулькова М. А.* Динамика заселения долины р. Сертейки (Смоленская обл.) в каменном — железном веке // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конф. Часть I. М., 2003.
- Микляев А. М., Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н.* Ловатско-Двинское междуречье в каменном — железном веках: (Опыт археолого-палеогеографической периодизации) // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1991.
- Салинз М.* Экономика каменного века. М., 1999.
- Смольянинов Р. В.* Карамышево 5 — ранненеолитическое поселение нового типа на территории Верхнего Дона // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конф. Часть I. М., 2003.
- Dean W. E., Gardner J. V., Piper D. Z.* Inorganic geochemical indicators of glacial-interglacial changes in productivity and anoxia on the California continental margin // *Geochimica et Cosmochimica acta*. Vol. 61. No. 21. 1997.
- Nunez M. G.* Archaeology through soil chemical analysis: an evolution. Helsinki, 1977.
- Szefer P.* Distribution and behavior of selected heavy metals and other elements in various components of the Southern Baltic ecosystem // *Applied Geochemistry*. Vol. 13. 1998.

КЕРАМИКА РАННЕГО НЕОЛИТА СЕВЕРО-ВОСТОКА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Начиная с 1986 года, на рассматриваемой территории автором открыто и исследовано около 40 памятников первобытной эпохи и средневековья. Большинство из них расположено на озерах и реках бассейна р. Оять, левого притока р. Свирь, соединяющей Ладожское и Онежское озера (Гусенцова, Андреева, 1994. С. 63—69). Несколько памятников обнаружено в бассейне р. Капша, притока р. Паша, впадающей в Ладожское озеро. Как правило, памятники эпохи неолита занимают сухие песчаные участки озерных (высотой 0,7—1,5 м) или речных (2,5—5 м) террас. Нередки стоянки на островах озер. Многие из них были заселены в различные периоды эпохи камня, энеолита, бронзы и средневековья. В числе раскопанных имеются долговременные памятники площадью 1000—3000 м², культурный слой которых достигает 0,4—0,5 м и кратковременные стоянки площадью 150—300 м² со слабо насыщенным культурным слоем. Долговременные стоянки исследованы на широкой площади: 640 м², 156 м², 112 м², 100 м²; на других стоянках площадь раскопа — 30 м², 48 м², 60 м². Ранний неолит представлен материалами, оставленными населением с различными культурными традициями, наиболее выразительными из которых является керамика: сперрингс, гребенчатая (сяр I), ямочно-гребенчатая (Гусенцова, Андреева, 1996. С. 226—234; Гусенцова, Андреева, 2000. С. 23—24).

Культура сперрингс. Наибольшее количество посуды культуры сперрингс происходит из раскопок стоянок бассейна р. Шокша, правого притока р. Оять. Указанный район более всего приближен к юго-западному побережью Онежского озера, где сосредоточено значительное количество стоянок культуры сперрингс. Материалы этой культуры найдены на стоянках Падань I, Шокша I, IV, VI, VII. В небольшом количестве они имеются на стоянках других районов: Мальгиничи (оз. Мальгинское); Ащозеро VII—VIII (оз. Ащозеро — р. Ащина, левый приток р. Оять); Леринская 1 (оз. Леринское — бассейн р. Капши). На ряде памятников (Падань I, Шокша I) находки керамики сперрингс приурочены к наиболее высокой части террасы.

Керамика сперрингс насчитывает свыше 1300 фрагментов от более 25 сосудов. Количество последних может быть больше, поскольку посуда сильно фрагментирована и узоры на ней однообразны. Сосуды определены по индивидуальным особенностям орнамента и оформлению верхней части сосуда. Посуда лепилась из грубого теста, содержащего органику, песок, крупную дресву, иногда, охристые включения. Сосуды изготавливались ленточным налепом встык, ширина лент — 5—6 см. Толщина стенок преимущественно 0,7—0,8 см. Встречаются более толстостенные (0,9—1,2 см) и тонкостенные (0,5—0,6 см) сосуды. Цвет керамики — красно-коричневый с оттенками. Внутренняя поверхность заглажена, но часто имеет следы от вкраплений примеси. На внешней поверхности иногда встречается окраска охрой. Форма сосудов яйцевидная с прямыми стенками и приостренным дном. Венчики, в основном, прямые, торец их плоский или слегка расширен, без орнамента. Только на нескольких сосудах орнамент нанесен на внутреннюю поверхность венчика, образуя наплыв. Сосуды имеют крупные размеры, диаметром горла составляет 30—40 см. Встречаются и небольшие тонкостенные сосуды, диаметр горла которых — 20—22 см.

Посуда покрыта сплошным орнаментом по всей поверхности, включая дно. Система орнаментации — горизонтально-зональная. Ниже торца венчика прослеживается бордюрная зона, узор на которой несколько отличается от основного орнаментального поля. Для разделения зон на всех сосудах использовались пояски из одного или двух рядов ямок, ямчатых вдавлений, горизонтального зигзага. Ямки, как правило, не оставляют следов на внутренней поверхности сосудов.

Для украшения посуды использовались различные орнаменты: рыбы позвонки, орнаменты, оставляющие плотные ряды наколов или прочерченные линии, «веревочка». Последнее название условно, поскольку, вероятно, использовалась не веревочка, намотанная на палочку, а специальный штамп.

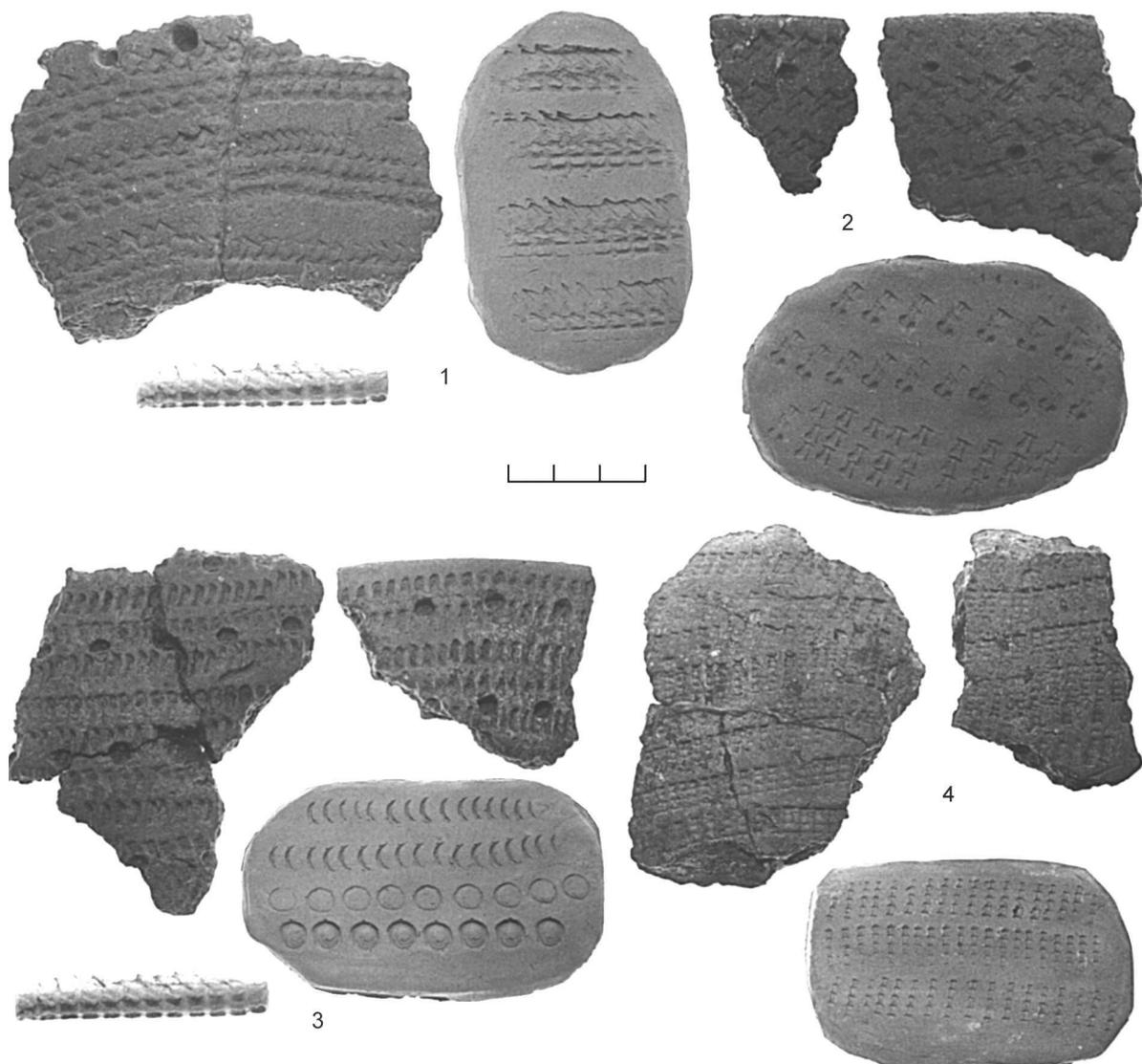


Рис. 1. Керамика с позвонковым орнаментом (Падань I) и оттиски на глине, выполненные позвонками рыб.

Позвонковым орнаментом украшено более 130 фрагментов от 9 сосудов. При проведении эксперимента по выявлению орнаментировщиков удалось определить два приема нанесения позвонкового узора: вертикально поставленные одинарные, двоянные и строенные позвонки, напоминающие отпечатки римских цифр I и II и горизонтальный прокат крупного позвонка рыб (Гусенцова, Андреева, 1996). Для этого были использованы позвонки щуки, леща и окуня — наиболее распространенных видов рыб в озерах северо-востока Ленинградской области (рис. 1, 1—4). Орнаментальное поле заполнено оттисками штампа, образующего горизонтальные и редко диагональные линии в сочетании с ямками (рис. 2, 4, 5; 4, 1, 4).

Несколько большее количество керамики (более 300 фрагментов, 10 сосудов) орнаментировано в технике отступания или прочерчивания. Преобладают оттиски широких штампов с рабочим краем прямоугольной или округлой формы, оставляющих гладкие вдавленные линии или отдельные строчки наколов (рис. 2, 7; 3, 3—5; 4, 1, 2). На некоторых сосудах орнамент выполнен в технике и отступания, и прочерчивания (рис. 2, 2). На других — оттиски рыбьих позвонков сочетаются с прочерченными линиями (рис. 2, 6, 9). По проведенным экспериментам, для нанесения узора могли быть использованы сланцевые стерженьки, а также крупные кости рыб (рис. 2, 9) или животных. Характерной особенностью этой группы посуды является диагональное размещение орнамента и применение геометрических элементов — «елочки», «плетенки» (рис. 3, 3).

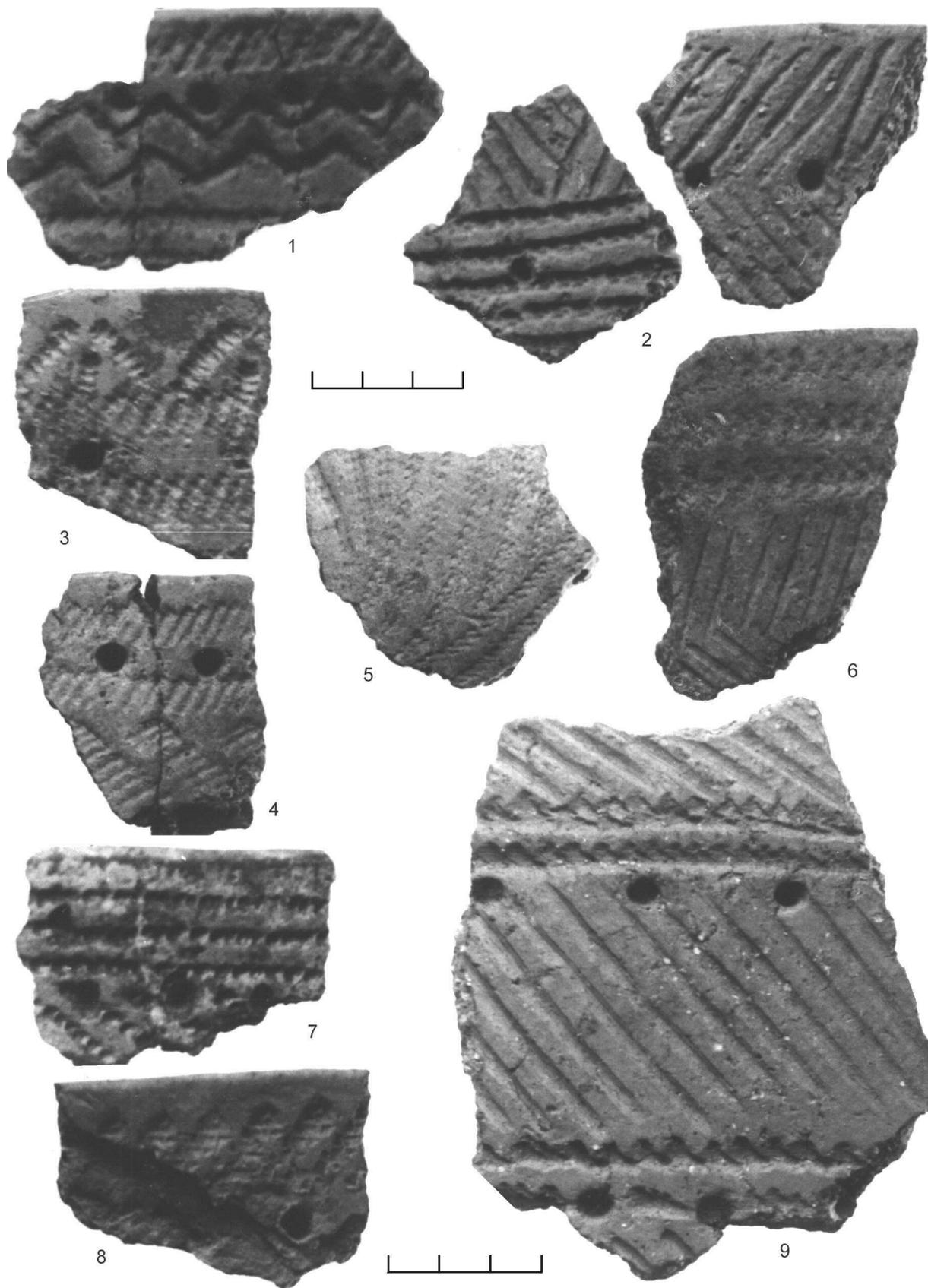


Рис. 2. Фрагменты сосудов культуры сперрингс (Падань I).

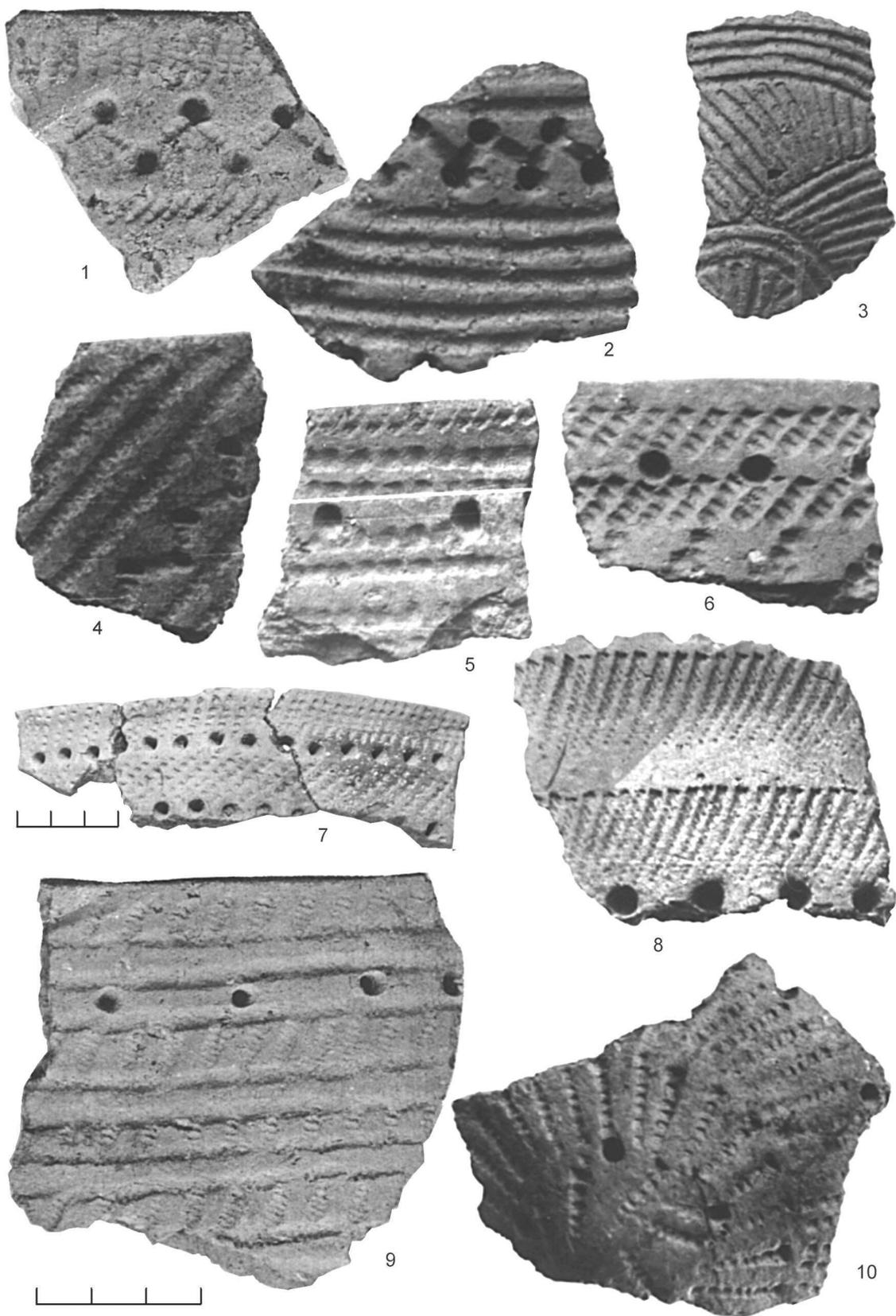


Рис. 3. Фрагменты керамики: 1, 6, 7—8, 10 — культура сяр I (гребенчатая); 2—5, 9 — сперрингс.
2—6, 8, 10 — Падань I; 1, 9 — Шокша I; 7 — Ащозеро VIII.

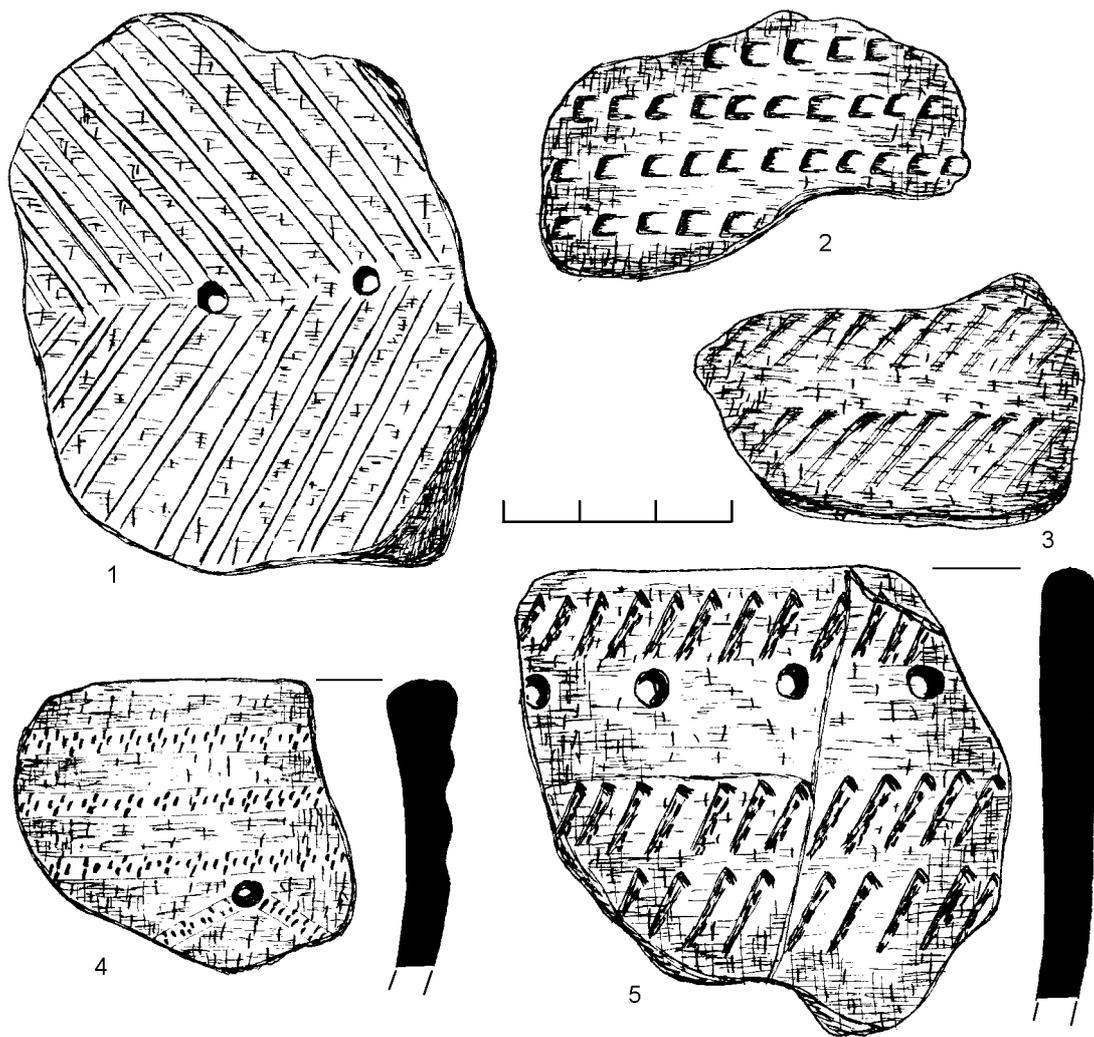


Рис. 4. Фрагменты керамики (Падань I): 1—4 — культуры сперрингс; 5 — сяр I (гребенчатая).

Остальная керамика (около 700 фрагментов от семи сосудов) украшена «веревочкой» (рис. 2, 1, 3; 3, 2, 4, 9; 4, 4; 5, 5, 7). Несколько фрагментов этой керамики отличаются от вышеописанных по технологическим признакам: глиняное тесто более плотное, хорошо вымешанное, толщина стенок сосудов — 0,4—0,5 см. Поверхность всех сосудов орнаментирована четкими, довольно глубоко вдавленными отпечатками. Помимо горизонтальных линий, разделенных рядами ямок, встречается сочетание наклонных, коротких или удлиненных и горизонтальных рядов штампа. На части посуды ямки расположены в шахматном порядке и связаны зигзагом (рис. 3, 2).

Необходимо отметить некоторые особенности орнаментации керамики за пределами бассейна р. Шокша. На стоянках Ащозеро VII и VIII, Леринская I, Мальгиничи посуда украшена преимущественно отпечатками позвонка, а на стоянке Мальгиничи — в технике отступления.

В целом наблюдается равномерное распределение всех способов нанесения орнамента на керамику сперрингс. По этим признакам она не отличается от большинства известных в Карелии памятников, за исключением «веревочного» орнамента, который там встречается значительно реже (Археология Карелии, 1996. С. 64—95). Внутри группы имеется более ранняя посуда, сопоставимая с материалами памятников типа Сулгу II, Кочнаволоок I и развитая, типа поселений Уя III и Шелтозеро VIII, расположенных на западном побережье Онежского озера (Герман, 1996. Рис. 2, 3, 5; 3, 3, 8, 10).

Исходя из радиоуглеродных определений, сделанных по материалам Карелии, керамика сперрингс может быть датирована в пределах 6400—6300 л. н. (Герман, 2000. С. 18—19).

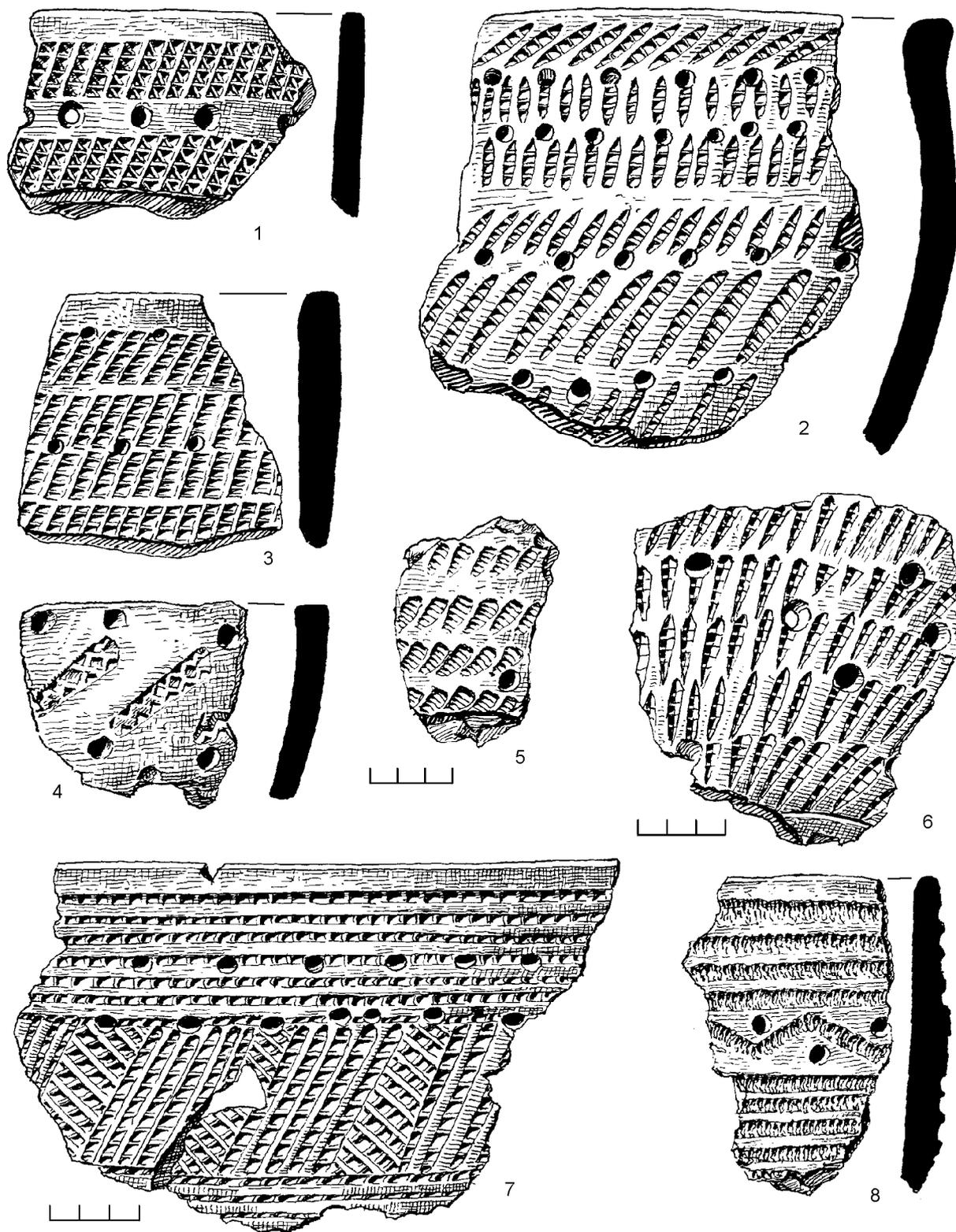


Рис. 5. Керамика (Падань I): 1, 3, 4—5, 7 — культуры сперрингс ; 2, 6, 8 — сяр I (гребенчатая).

На многих памятниках керамика культуры сперрингс встречается с посудой, орнаментированной гребенчатым штампом. Количество сосудов небольшое — от одного до двух-трех

(свыше 500 фрагментов). Наибольшее число собрано на стоянке Падань I (390 фрагментов, пять сосудов). Способ лепки, состав примесей к глиняному тесту, характер обжига, цвет и фор-

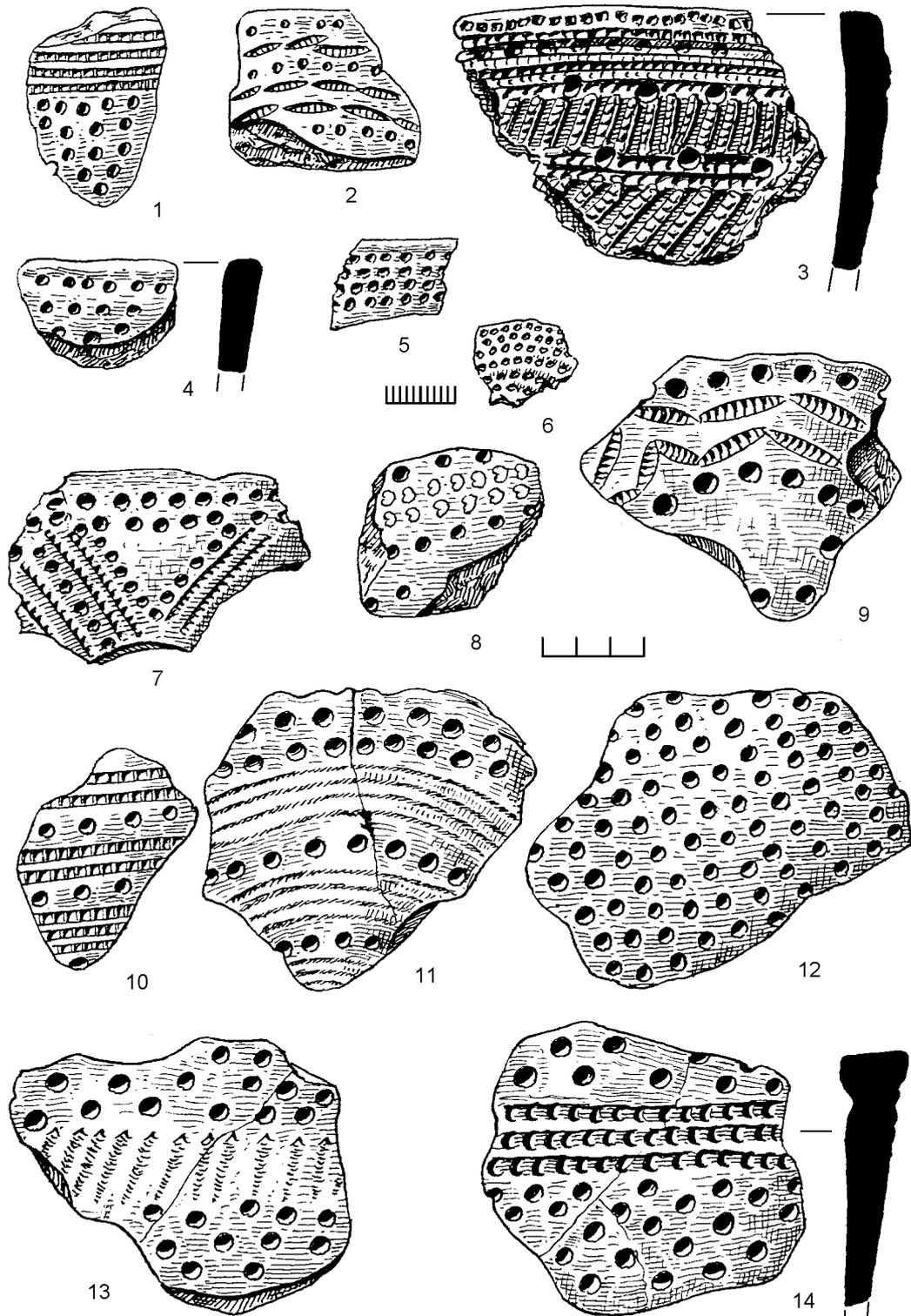


Рис. 6. 1—2, 4—14 — ямочно-гребенчатая керамика; 2 — сяр I (гребенчатая).
1, 2, 4, 8, 11, 12 — Мулевская; 3, 9, 10, 13, 14 — Мальгиничи; 5, 7 — Ащозеро VIII; 6 — Ащозеро VII.

ма их близки к керамике сперрингс. Можно лишь отметить уменьшение количества крупной дресвы в тесте и соответственно большую легкость ряда черепков. Толщина стенок сосудов также различна — 1,0—1,2 см и 0,5—0,7 см. Сосуды как прямостенные, так и слабопрофилиро-

ванные с плоским венчиком. Узор наносился коротким прямым или зубчатым штампом, образующим плотные наклонные оттиски (рис. 3, 6; 4, 5; 5, 2, 6; 6, 3). Бордюрная зона иногда украшена двойным рядом ямок, связанных зигзагом (рис. 3, 1). Один сосуд орнаментирован штампом с косыми нарезками, аналогичным найденному на стоянке Тудозеро V (юго-западное побережье Онежского озера). Несколько сосудов украшено длинными наклонными рядами гребенки (рис. 3, 8) или плетенкой (рис. 5, 8). Эти элементы узора сходны с декором сосудов, украшенных в технике отступания и прочерчивания.

По всем признакам посуда с гребенчатым орнаментом аналогична керамике культуры сярэясниеми I (сяр I), выделенной в Финляндии и известной в Карелии на вышеупомянутых памятниках Уя III, Шелтозеро, Тудозеро V и др. (Герман, 1998. С. 266—272; рис. 1, 1, 8, 9; 3, 3, 8). Время существования керамики сяр I на рассматриваемой территории, по-видимому, можно соотнести с развитым этапом культуры сперрингс — конец V — начало IV тыс. до н. э.

На большинстве исследованных неолитических стоянок преобладает керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом. К раннему неолиту относится около 700 фрагментов от более 25 сосудов (Падань I, Мальгиничи, Мульевская, Ащозеро I, VII, VIII, Шокшозеро I, IV, VI, VII, Леринская I). Только на стоянке Ащозеро I был получен «чистый» комплекс ранней ямочно-гребенчатой посуды в сочетании с каменным инвентарем, основу которого составляют изделия на пластинах (Гусенцова, Андреева, 1996а. С. 219—225).

Керамика изготовлена из хорошо отмученного теста с добавлением песка, очень редко, мелкоотделанной дресвы, органики и шамота. Цвет посуды желто- и красно-коричневый, иногда серый. Редко встречается окраска охрой. Сосуды крупные, с диаметром горла более 30 см, и мелкие, с диаметром горла до 10 см. Форма их полуяйцевидная с округлым дном. В придонной части сосуды не утолщены. Толщина стенок сосудов соответствует их размерам: 0,6—0,7 см и 0,2—0,5 см. Форма венчиков прямая, уплощенная или округлая, иногда венчики орнаментированы тонкими оттисками гребенчатого штампа. По технологическим признакам изготовления к этой группе отнесена и неорнаментированная посуда. Преобладает горизонтально-зональное размещение узора, состоящего из широких зон ямок, разделенных поясками из вертикальных или наклонных оттисков гладкого или зубчатого штампов, а также прочерченными линиями или оттисками плюсен птиц (рис. 6, 1—2, 4—14). При этом оттиски гладкого штампа преобладают на стоянках Ащозеро I, VII, Мульевской. На одном из фрагментов керамики из Ащозера VIII прослеживается сочетание двух способов нанесения орнамента — позвонка и ямок. На отдельных сосудах ямки расположены в шахматном порядке или образуют треугольники. Некоторые миниатюрные сосуды покрыты только ямочным узором. Глубина ямок различная — поверхностная или оставляющая негативы от следов на внутренней поверхности сосудов. Форма ямок округлая с плоским или коническим дном. Возможно, они наносились специальными штампами из сланца, наподобие орудия, найденного на стоянке Чик-озеро I.

Описанная керамика имеет наибольшее сходство с посудой памятников типа Черной речки I и может быть датирована концом V тыс. до н. э. (Лобанова, 1996. С. 198—211, рис. 2).

Существование различных групп керамики отражает многообразие процесса заселения территории в эпоху раннего неолита. Технология изготовления керамики свидетельствует об ее значительном сходстве с материалами памятников бассейна Онежского озера. В то же время существуют явные локальные отличия, сформировавшиеся в результате развития навыков гончарства у определенной группы населения. Исследования в бассейне р. Оять нескольких памятников эпохи мезолита, указывают на возможность сопоставления их индустрии с ранне-неолитической и, очевидно, получения навыков самостоятельного изготовления керамики (сперрингс) позднемезолитическим населением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Герман К. Э. Культура сперрингс на территории Карелии // ТАС. Вып. 2. 1996.

Герман К. Э. Ранняя гребенчатая керамика в бассейне Онежского озера // ТАС. Вып. 3. 1998.

- Герман К. Э.* Проблемы хронологии раннего неолита северо-восточной Фенноскандии // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Гусенцова Т. М., Андреева Н. А.* Итоги изучения памятников эпохи камня в северо-восточных районах Ленинградской области // ТАС. Вып. 1. 1994.
- Гусенцова Т. М., Андреева Н. А.* Некоторые особенности изготовления раннеолитической керамики Межозерья (юго-восточное Приладожье и Прионежье) // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Гусенцова Т. М., Андреева Н. А.* Новые памятники эпохи камня и средневековья в бассейне р. Оять // ТАС. Вып. 2. 1996а.
- Гусенцова Т. М., Андреева Н. А.* Неолитические памятники северо-востока Ленинградской области и вопросы их периодизации // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Лобанова Н. В.* Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита: (Некоторые итоги изучения) // ТАС. Вып. 2. 1996.

КЕРАМИКА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА (к вопросу о неолитизации в Северной Европе)¹

Общие вопросы исследования каменного века, то обретая особую актуальность, то получая приглушенное звучание, никогда не снимались с повестки дня археологической науки. Возвращение к некоторым из них на примере культур северо-запада Европейского Заполярья объясняется тем, что в этом регионе, при несомненной специфике, происходили процессы, характерные для более южных территорий, причем в наиболее чистом, обособленном виде. Автохтонное население Северной Фенноскандии, природной страны на окраине Европы, включающей, помимо Мурманской области России (Кольский полуостров), финскую провинцию Лаппи, шведскую — Лаппланд, норвежские — Северный Нордланд, Тромс, Финнмарк, имело близкую генетическую основу, сходное развитие и общие исторические судьбы. Отражение континентальных процессов и событий фиксируется здесь, как правило, в трансформированном, ослабленном виде, что, наряду со своеобразием природных условий и оригинальностью исторического развития, способствовало более длительному сохранению архаических форм системы жизнеобеспечения, базировавшейся на присваивающей экономике.

Археологическое изучение каменного века Северной Фенноскандии ведется давно, но резкая активизация начинается с 70-х годов XX века. В западной части — благодаря, в основном, реализации региональных проектов, в восточной — как результат планомерных работ Кольской экспедиции ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН.

Лучше исследовано побережье, однако и в континентальных районах известны сотни памятников. Самые ранние археологические объекты относятся к культуре комса, начало которой относится ко времени не позднее 8 тыс. до н. э.

Еще полвека назад выдающийся скандинавский археолог Г. Йессинг утверждал, что корни неолитического населения уходят в культуру комса, и в настоящее время это положение поддерживают практически все исследователи. В отличие от мезолита, чей статус эпохальной стадии развития человеческого общества вызывал и вызывает серьезные возражения, правомерность выделения неолита в качестве самостоятельной периодизационной единицы, пожалуй, не вызывает сомнения. Правда и здесь есть свои проблемы, но они совершенно иного плана. Среди западноевропейских специалистов сложилась традиция маркировать начало неолита возникновением или заимствованием производящего хозяйства. Большинство российских и финских археологов рубежом этой эпохи считают появление глиняной посуды (керамики). Попытки примирения позиций пока успеха не имели, а предложение ввести особые термины для земледельческого и охотничьего неолита — агро- и агонеолит, не получило общего признания.

Для южных регионов Европы такое противостояние на первый взгляд менее существенно, хотя и имеет принципиальное значение, но для скандинавских материалов приобретает особую остроту. Дело даже не в том, что одни и те же памятники, культуры часть исследователей относит к мезолиту, а другая — к неолиту. Основываясь на социально-экономическом содержании неолитической эпохи, датировав проникновение на север около 5 тыс. л. н. производящего хозяйства, западноевропейские коллеги оказались в сложном положении, особенно при изучении предшествующих и последующих этапов развития. На страницах многих работ замелькали, наряду с мезолитом и неолитом, иногда соседствуя, такие периодизационные единицы, как ранний, молодой, средний, поздний каменные века. Нередко происходит вынужденный отказ от общей археологической периодизации, которая заменяется фазами, периодами, не только не совмещающимися с положением одновозрастных однокультурных памятников соседних территорий, но произвольно «режущих по живому» историческое развитие. Так, выде-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», РФФИ (проект № 02-06-8469а) и РГНФ (проект № 01-01-00269а).

ленные для севера Норвегии периоды Саленесхогда, Нордли, Гропбаккенген, Грессбаккен и т. д. являются не культурами, не этапами определенных эпох, а скорее отражают социальные и экономические изменения, происходящие, по мнению исследователей, в жизни древнего населения.

Отдельные культуры Скандинавии получают такие определения, как, например, «технологически неолитическая с мезолитической экономикой». Учитывая, что первое введение элементов производящего хозяйства в некоторых регионах было неокончательным, получается, что «неолитические» сообщества сменяются «мезолитическими». Некоторые памятники из-за разночтения в определении палеофаунистических, палеоботанических, палеоантропологических и других данных, изменений взглядов и установок специалистов, уже по несколько раз то обретали неолитические черты, то теряли их. И этот процесс еще далеко не завершен. Сейчас становится все более ясно, что даже на юге Скандинавии, по крайней мере до 2 тыс. до н. э., сосуществовали группы населения с разными типами экономики, а рецидивы возвращения к присваивающему хозяйству не были чем-то совершенно исключительным. Конечно, по контексту почти всегда можно «разобраться» в подобных флуктуациях и составить субъективное представление, ведущее нередко к новым немалым трудностям.

Появление прогрессивного производящего хозяйства, без сомнения, событие огромного исторического значения. Но возведение его в качество основного, эпохального, разграничительного критерия сопровождается столь серьезными осложнениями, что вряд ли целесообразно взваливать на археологическую периодизацию еще и непосильный социально-экономический «крест», тем более, что выделение как предыдущих, так и последующих подразделений первобытности строится на иных (типологических, морфологических, сырьевых) основаниях.

С этих позиций при осознании необходимости общей археологической периодизации, даже признавая ее формальный характер, более оправданным будет придание началу производства глиняной посуды единого и главного критерия неолитического состояния. Помимо него могут быть и другие основания наступления новой эпохи. Так, для Северной Фенноскандии таковыми следует признать использование сланца в качестве широко распространенного подделочного материала и развитие соответствующих эффективных технологий (пиление, пикетаж, шлифовка).

Дополнительные маркеры, кроме того, позволяют разграничить неолитические общности Севера, где появление керамики и производства сланцевых орудий датируется концом 6 тыс. до н. э., и культуры Карелии и южной Финляндии, для которых характерно использование сланца не позднее среднего этапа мезолита. Таким образом, «керамический» критерий, как нам представляется, должен быть всеобщим, обязательным, а дополнительные — многочисленными, разнообразными для отдельных регионов, но могут и отсутствовать.

Начало неолита на разных территориях, конечно, будет не совпадать, что вполне соответствует исторической реальности. Производящее хозяйство может возникать в финальном палеолите, в неолите, в эпоху железа, а где-то вообще не вводиться, и возвращение к старой экономике не может серьезно сказаться на археологической периодизации. Те же общества, которые не обрели керамику или утратили навыки ее производства, должны быть отнесены к другим, предыдущим или последующим эпохам соответственно главным периодизационным критериям (например, наличие металла и отсутствие глиняной посуды в эпоху железа у населения Лапландии).

Привлечение экономического критерия происходит из осознания несовершенства существующих периодизаций, стремления их изменить, приспособить к определенным конкретным целям и задачам.

Появление термически обработанной глиняной посуды — керамики, событие эпохального значения, существенно изменившее жизнедеятельность древних обществ. Помимо укрепления технико-экономического потенциала (получение первого искусственного материала, хранение припасов), оно стимулировало и формировало творческие наклонности человека, закрепило навыки симметрического расположения орнаментации на сферических поверхностях. Для археологии керамика является новым первоклассным источником. Пожалуй, отошли в прошлое горячие дискуссии о приоритете керамических материалов над каменными артефактами в решении реконструкционных задач. Восторжествовало мнение о бездискриминационном использовании остатков материальной культуры во всех ее проявлениях. Но все же приходится, к со-

жалению, констатировать, что, возможно, как отголосок былых споров или в результате многократного увеличения источниковой базы при значительном ее качественном расширении, заметно меньшее внимание к детальному изучению неолитических каменных индустрии.

Способствовать преодолению наметившегося отставания может разумное применение методических разработок специалистов, изучающих докерамические общества, где типолого-морфологический анализ представлен достаточно серьезно. Усилия в этом направлении, вероятно, позволят выявить разные дополнительные критерии наступления неолитической эпохи. Для Северной Фенноскандии еще одним маркером оказался резкий типологический и количественный «всплеск» ножей, которые занимают второе после скребков место в наборе каменных орудий.

Неолитическая эпоха (At и начало Sv) представлена, по современным данным, 196 археологическими объектами, расположенными практически во всех природных зонах Кольского полуострова. Наибольшую концентрацию стоянок и поселений на северо-восточном побережье Баренцева и северном побережье Белого морей можно отнести на счет их лучшей изученности, но основная причина кроется в специфике природных условий центра региона и традиционных хозяйственных направлениях древнего населения, идущих со времен мезолита.

Неолитическая эпоха, особенно ее ранний этап, приходится на самое благоприятное время во всей истории древнего населения Фенноскандии. Археологические материалы эпохи неолита близки позднемезолитическим по присутствию некоторых типов орудий, применению и способам обработки сырья, расположению памятников. Но, вместе с тем, раннеолитические комплексы на данной территории обладают достаточно характерными признаками, позволяющими отделить их от предшествующих. Самый главный и яркий из них — появление термически обработанной глиняной посуды-керамики — событие эпохального значения, существенно изменившее жизнедеятельность древних обществ.

Для археологии керамика является очень информативным источником. Однако в суровых климатических условиях Севера фрагменты сосудов не всегда сохраняются и тогда приходится полагаться более на типологический анализ каменного инвентаря, сравнение его с комплексами, имеющими в своем составе неолитическую керамику. Вторым характерным признаком наступления эпохи неолита на севере Фенноскандии следует признать присутствие на археологических памятниках сланца, специфических приемов его обработки и орудий из этого сырья. Основываясь на этих признаках, типологическом анализе всего материала, учитывая данные геоморфологии, радиоуглеродные определения, удалось не только выделить неолитические комплексы, отделив их от предшествующих и последующих, но и разделить неолит на ранний и поздний этапы развития.

Керамика раннеолитических комплексов (рис. 1—12) представлена 79 реконструированными сосудами обычно полуяйцевидной формы, с округлым, реже, плоским, дном. Техника лепки ленточная, встык. Все сосуды имеют залощенность внешней поверхности, часто стенки окрашены красной охрой, обжиг плохой, реже — средний. Отощителем обычно служили дрова, песок, иногда шамот. Толщина стенок — от 0,5 до 1,5 см, чаще — 0,8—1,1 см. Сосуды довольно крупные — до 34 см в диаметре, венчики очень разнообразны: часто утолщенные с «карнизиком» внутрь, есть отогнутые наружу, прямые и слегка расширенные. По срезу венчика, который скошен внутрь, реже — прямой или округлый, нанесен орнамент, обычно аналогичный тому, которым украшены стенки.

Вся керамика орнаментирована, основой декора является сочетание оттисков различных видов гребенки: короткой, широкой, узкой, овальной, «гладкой», челночной, с нарезками из ямок, которые занимают подчиненное положение, расположены обычно в виде горизонтального ряда под венчиком или разделяют пояски оттисков гребенчатого штампа. Часто ямки небрежно нанесены поверх уже сделанного орнамента или в углах гребенчатого зигзага. Очень редко они образуют самостоятельные узоры, даже на небольших участках поверхности сосудов. Гребенчатые оттиски распространены значительно шире, обычно в виде горизонтальных и вертикальных зигзагов или нескольких горизонтальных поясков. Часто орнамент наносился в отступающей манере. Оттиски веревочки, намотанной на палочку, простые или с «перекручиванием», редки. Иногда используются оттиски различных штампов сложной формы; оттиски небольших косточек, челюстей, техника оттисков «с поворотом». Редко встречаются и узоры в

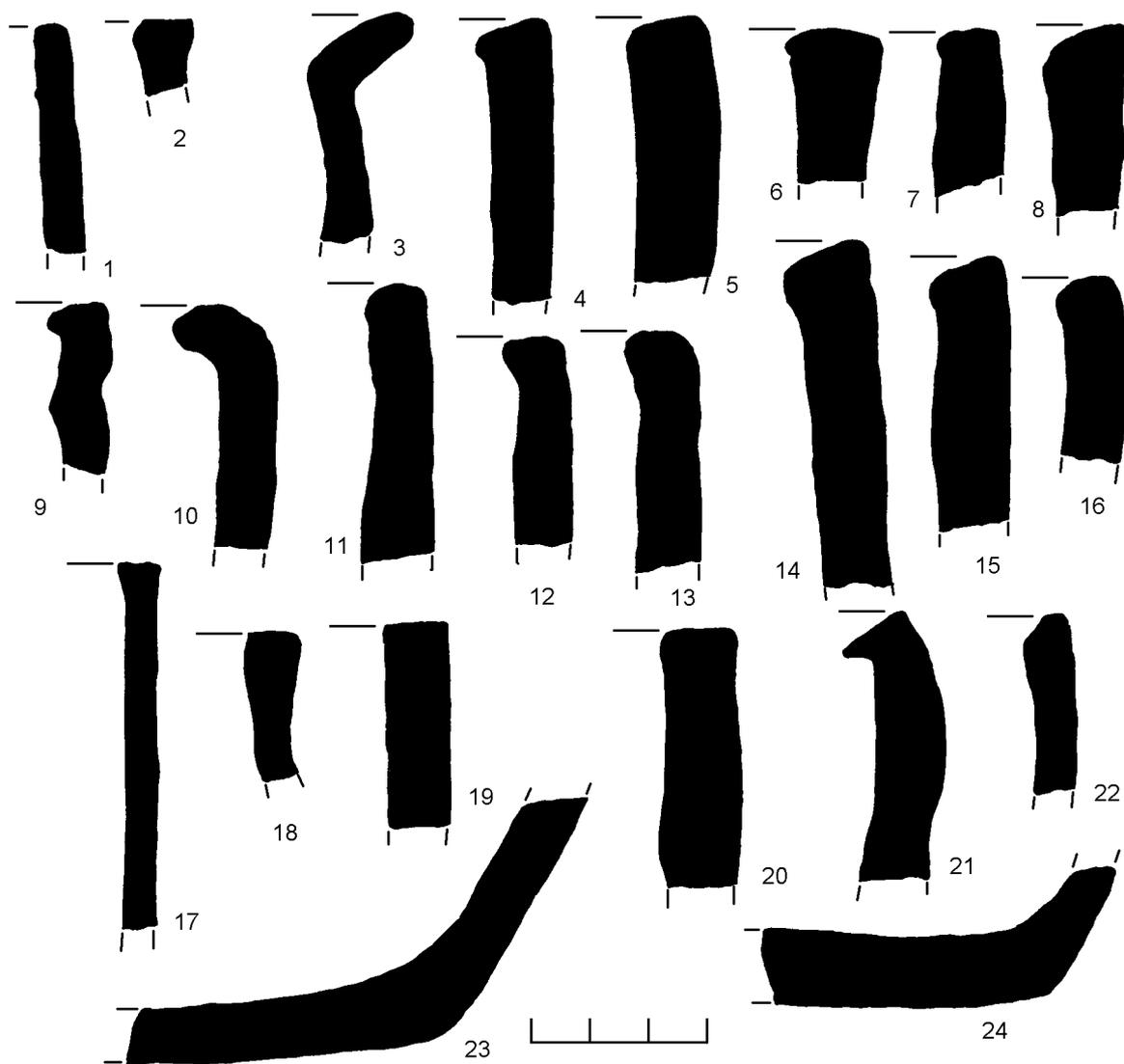


Рис. 1. Основные формы венчиков и днщ сосудов неолита (1—17, 23—24) и раннего металла (18—22).

виде ромбов из оттисков гребенки. Для всей керамики характерно сочетание на одном сосуде двух, реже — трех элементов орнамента. Богатство и нарядность орнаментации обусловлены не количеством элементов и не сложностью узоров, а различными способами нанесения оттисков: глубоко, мелко, косо, под углом, горизонтально, вертикально и т. д., что достигается в результате нажима разных частей орнаментира.

Сосуды поздненеолитических памятников (рис. 1, 13—23) по форме, орнаментации и примесям близки керамике предшествующего времени. Несколько улучшается качество обжига, определенные различия, наметившиеся в виде тенденции еще в раннем неолите между комплексами юга-центра и северо-востока (или, иначе — внутриматериковыми и приморскими), становятся более ощутимыми (сходное положение фиксируется и на основе анализа каменной индустрии). Так, памятники первой группы чаще имеют открытые формы сосудов, примесь шамота, иногда слюды, асбеста, меньше используется лощение и окраска стенок охрой, реже орнаментируется срез венчика, в большей мере используются ямчатые вдавления. На приморских поселениях в керамическом производстве сохраняется больше консерватизма.

Общим для всей территории в целом является усложнение орнаментальных композиций, более небрежное наложение оттисков гребенки, увеличение (особенно на северо-восточных памятниках) роли природных штампов: обломков косточек, палочек и т. д. — для нанесения трубчатых оттисков, ямочек, вмятин. Чаще встречаются узоры в виде ромбов, сетки, выпол-

ненные гребенкой. Очень интересен факт появления асбестовой примеси в части керамики из центральных районов Кольского п-ва. Эти сосуды украшены элементами орнамента, типичного для неолита, хотя совершенно очевидна несовместимость данной орнаментации и асбестовой примеси: оттиски ломают волокна отошителя, получаются нечеткие, как бы «рваные». В этих же комплексах присутствует и типичная поздненеолитическая керамика с примесью в тесте песка и шамота.

Появившаяся на раннем этапе неолита керамика вряд ли была собственным изобретением древнего населения Кольского п-ва. Многие элементы нашей посуды имеют аналогии среди комплексов керамики сперрингс и, особенно, сярэизниemi (сяр 1). Однако на Кольских сосудах отсутствует позвонковый орнамент, являющийся самым распространенным и диагностирующим для керамики сперрингс. Вместе с тем, наблюдаются некоторые параллели в зональном расположении мотивов, залощенности поверхности, окраске охрой. Это же сходство, несомненно, и с керамикой сяр 1.

Дальнейшее их развитие было различным: если сперрингс быстро подверглась сильному влиянию пришедшей ямочно-гребенчатой керамики и по сути дела утратила линию самостоятельного развития, отразившись, правда, в последней, то сяр 1 на Кольском п-ве, как и на остальной части Северной Фенноскандии, доживает до эпохи раннего металла, сменяясь сосудами типа сяр 2. Важно отметить, что то незначительное влияние (в основном, в южных и центральных районах) сперрингс на неолитическую керамику Кольского п-ва оказала не ее ранняя, «чистая», стадия, а более поздняя, уже получившая «импульс» от ямочно-гребенчатой.

Керамический материал эпохи раннего металла чрезвычайно обилен (рис. 1, 24—33). Детальное изучение данного источника требует особого анализа и должно быть темой специального исследования, значительно превышающего возможные размеры этой статьи. Различия с керамикой позднего неолита существенны и уловимы с первого взгляда. Основным отличием является использование других отошителей глиняного теста. Практически полностью исчезает примесь дресвы и песка. Орнаментация посуды приобретает иное направление, хотя и используются некоторые штампы и приемы, характерные для неолита.

Керамика первого этапа эпохи раннего металла своеобразна. В основном изготавливались некрупные тонкостенные сосуды, чашеобразной, реже баночной формы. Венчики округлые, без утолщения, иногда прямые или профилированные, отогнутые наружу. Дно округлое или утолщенное. Цвет черепков светло-желтый, красноватый, в тесте примесь шамота, мелкого тонковолокнистого асбеста, в отдельных случаях — шерсти. На внутренней и внешней поверхности видны следы расчесов — особого приема формовки сосудов. Орнаментация, обычно в верхней трети, небрежная и скупая: заштрихованные треугольники, ромбическая сетка, оттиски тонкой и острозубой гребенки, мелкие ямчатые вдавления и глубокие, малого размера ямки.

Сосуды основного периода по примесям в тесте еще больше отличны от неолитических. Шамот исчезает полностью, вместо него добавляют шерсть, мыльный камень, асбест, слоистый камень, слюду, кость, растительность, причем нередко в определенной комбинации. Венчики обычно прямые или слегка отогнутые наружу. Поверхность сосудов темная, залощенная. При лепке горшков применялся прием подлепа светлой глины на внешнюю поверхность, отчего черепки в разрезе бывают слоистыми. Зафиксирована такая техническая деталь как формовка венчика на каркасе из положенных параллельно срезу крупных палочек асбеста или слоистого камня.

Декор керамики чрезвычайно беден. Большинство сосудов не орнаментировано, остальные имеют орнамент только в верхней трети, у венчика. Мотивы, композиции и элементы орнамента малочисленны и просты: ромбическая сетка из прочерченных линий; ряды косых нарезок и насечек; фигурные оттиски штампов (обломанная палочка, кость и т. д.); ямчатые вдавления; параллельные прочерченные линии; штриховка; оттиски трубчатой кости; острозубая гребенка; сложные прочерченные линии.

Наблюдается некоторая зависимость между орнаментированностью сосудов и составом примесей. Чаще декор наносился на сосуды, в тесто которых добавлялась шерсть в сочетании с мыльным камнем, асбестом и слоистым камнем, реже — с примесью асбеста, слоистого камня и слюды и почти никогда — на сосуды с примесью чистого мыльного камня, шерсти и кости.

При несомненном появлении ряда новых черт, заметна преемственность керамическим комплексам от неолита до конца эпохи раннего металла.

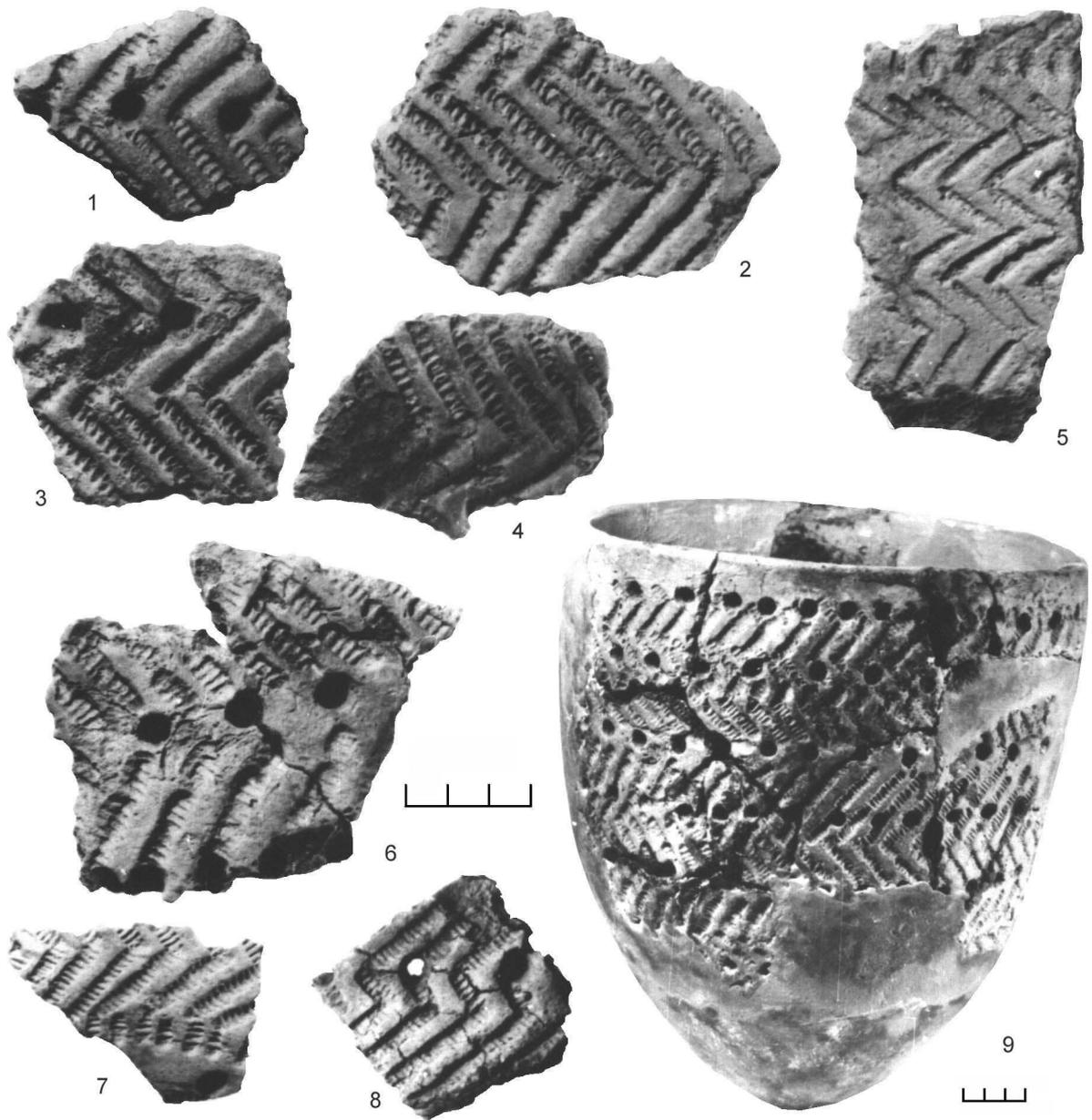


Рис. 2. Нерпичья губа I. Ранний неолит. Керамика.

Изменения в керамическом производстве отразились в орнаментации сосудов, составе примесей и форме. Причем последние нововведения были, скорее всего, заимствованы от более южных племен, заселявших территории современных Карелии и Финляндии. Не местная традиция использования асбеста подтверждается, на наш взгляд, поисками заменителей данного материала в виде применения слоистых пород камня, на который переносились те же функции. Время первоначального появления асбестовой керамики на Кольском полуострове относится к концу 3 тыс. до н. э., основной период развития приходится на эпоху раннего металла, отдельные модификации доживают до средневековья.

Помимо местной керамики, встречаются на стоянках в очень небольшом количестве и другие типы сосудов: фрагменты ложнотекстильной керамики; классической асбестовой, украшенной елочными, гребенчатыми, пунктирными оттисками; вафельной керамики.

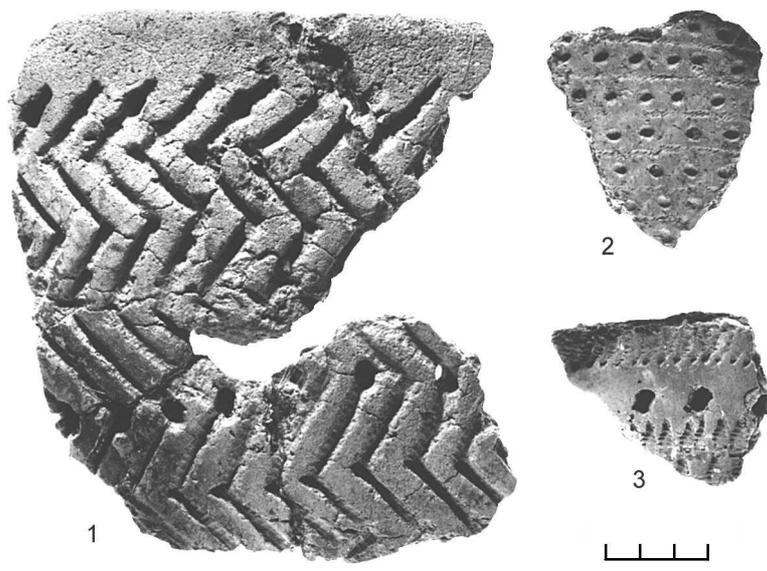


Рис. 3. Усть-Дроздовка. Ранний неолит. Керамика.

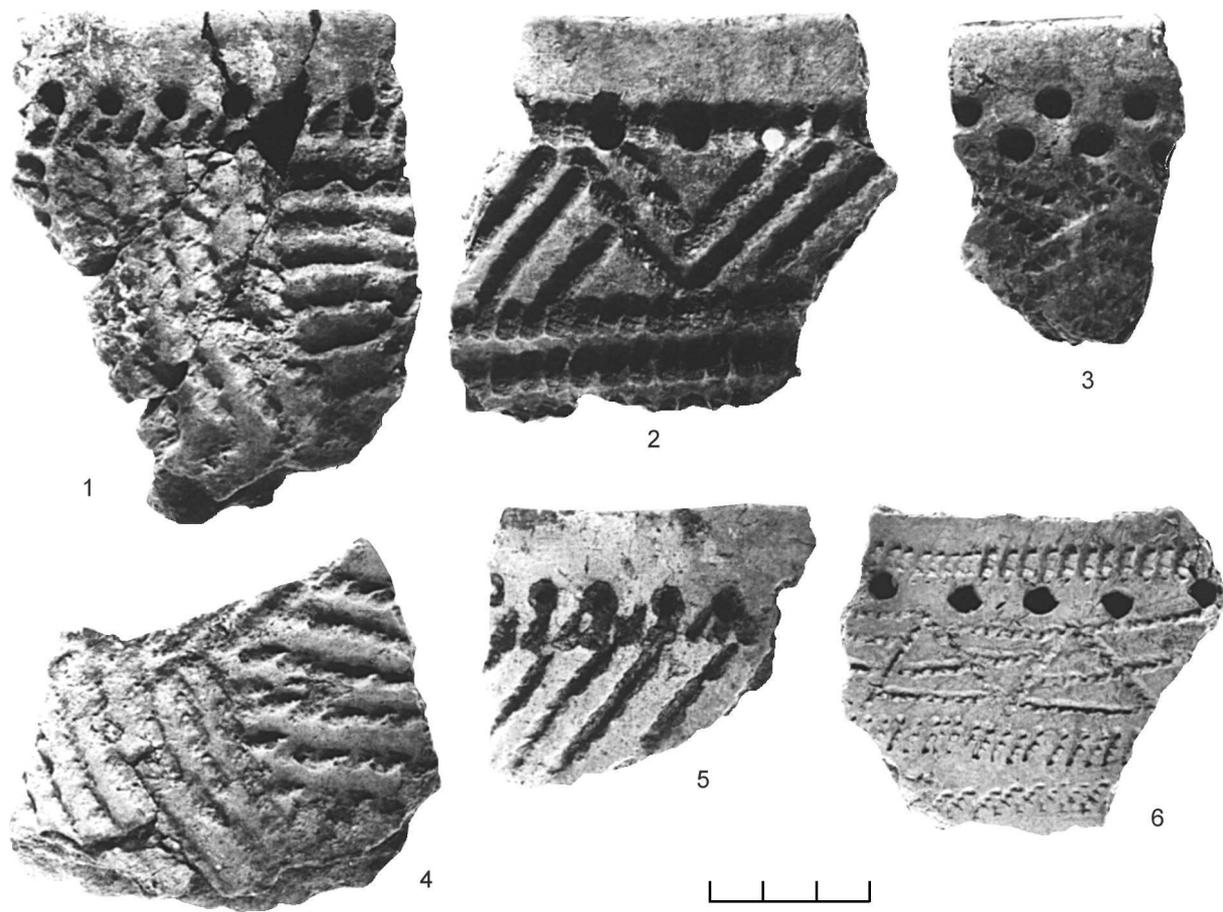


Рис. 4. Усть-Дроздовка. Ранний неолит. Керамика.

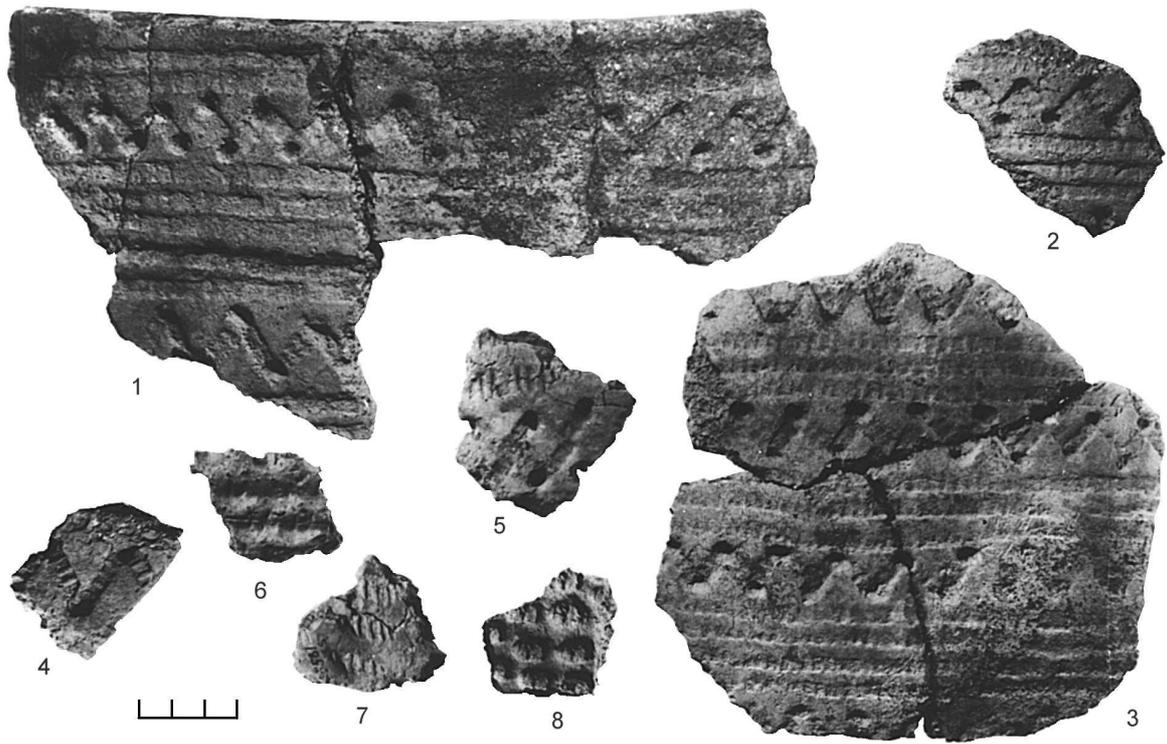


Рис. 5. Чаваньга I. Ранний неолит. Керамика.

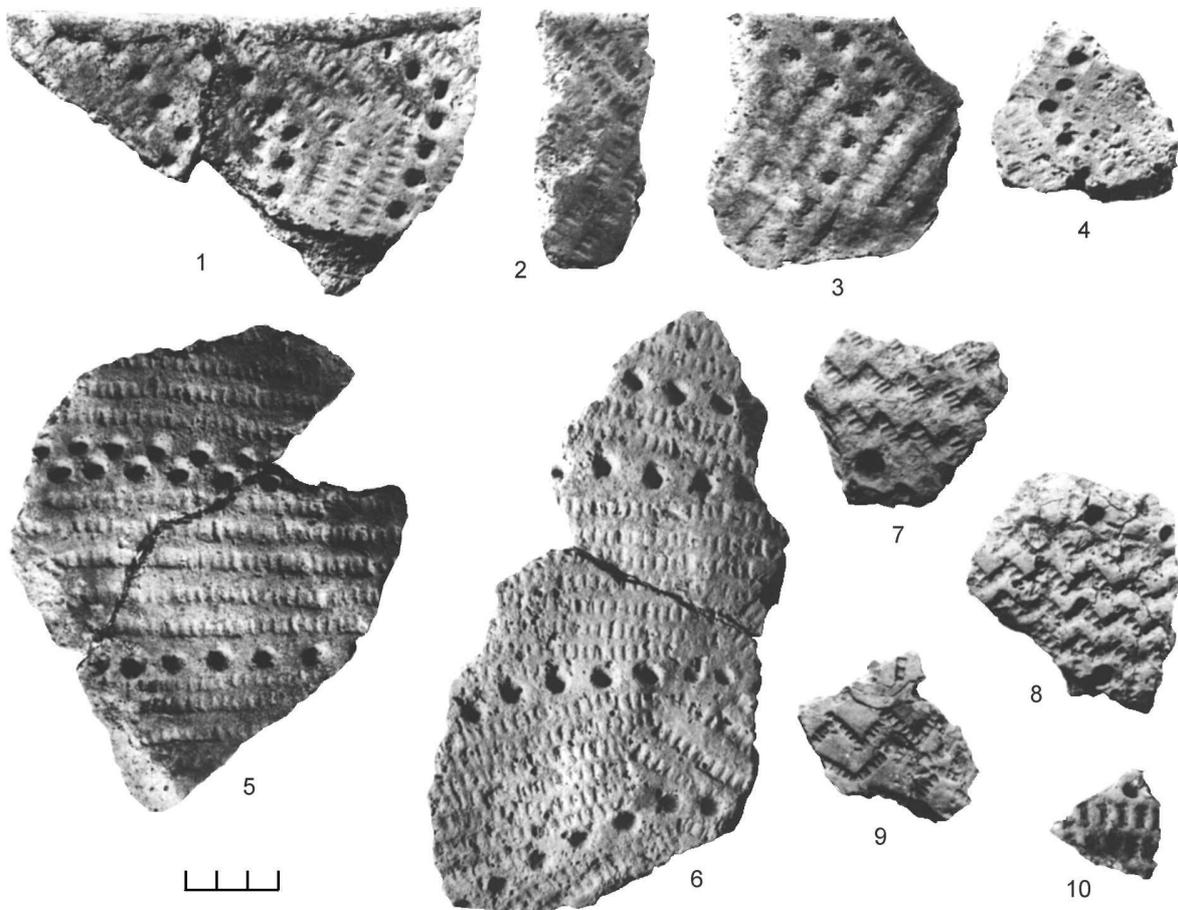


Рис. 6. Чаваньга I. Ранний неолит. Керамика.

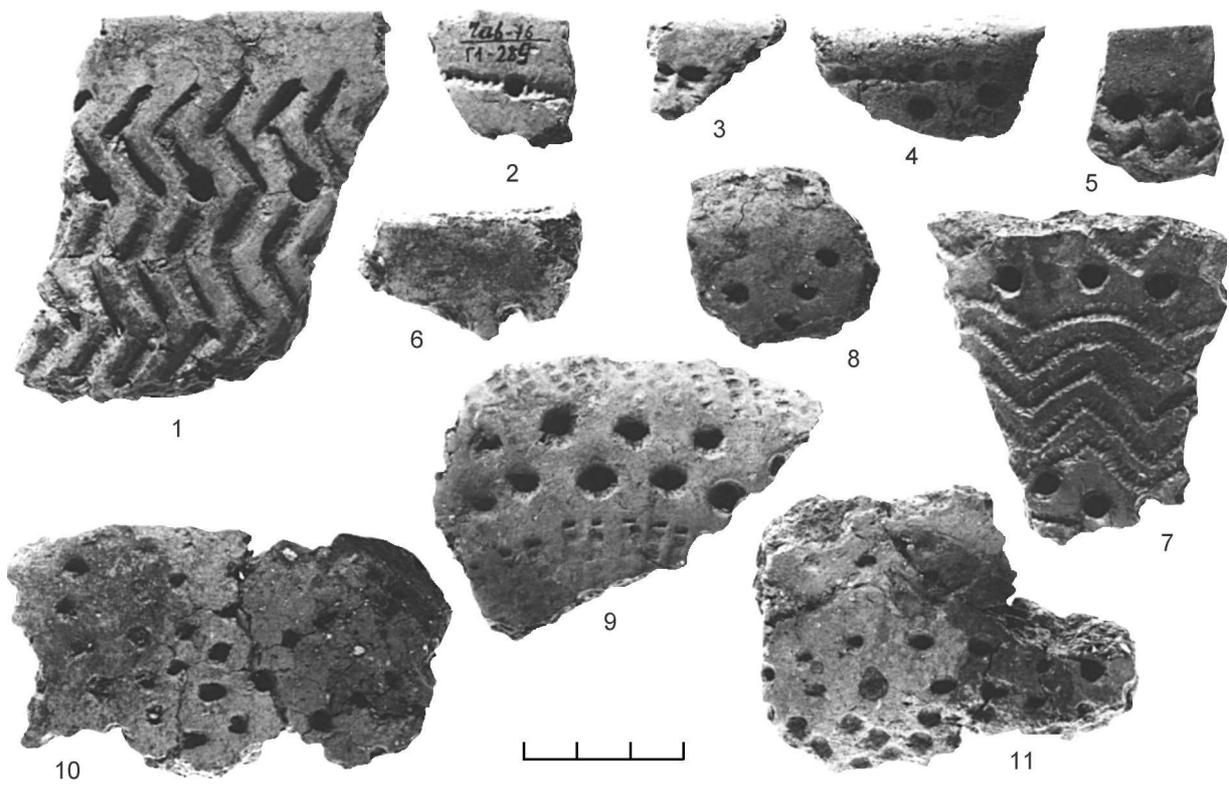


Рис. 7. Чаваньга I. Ранний неолит. Керамика.

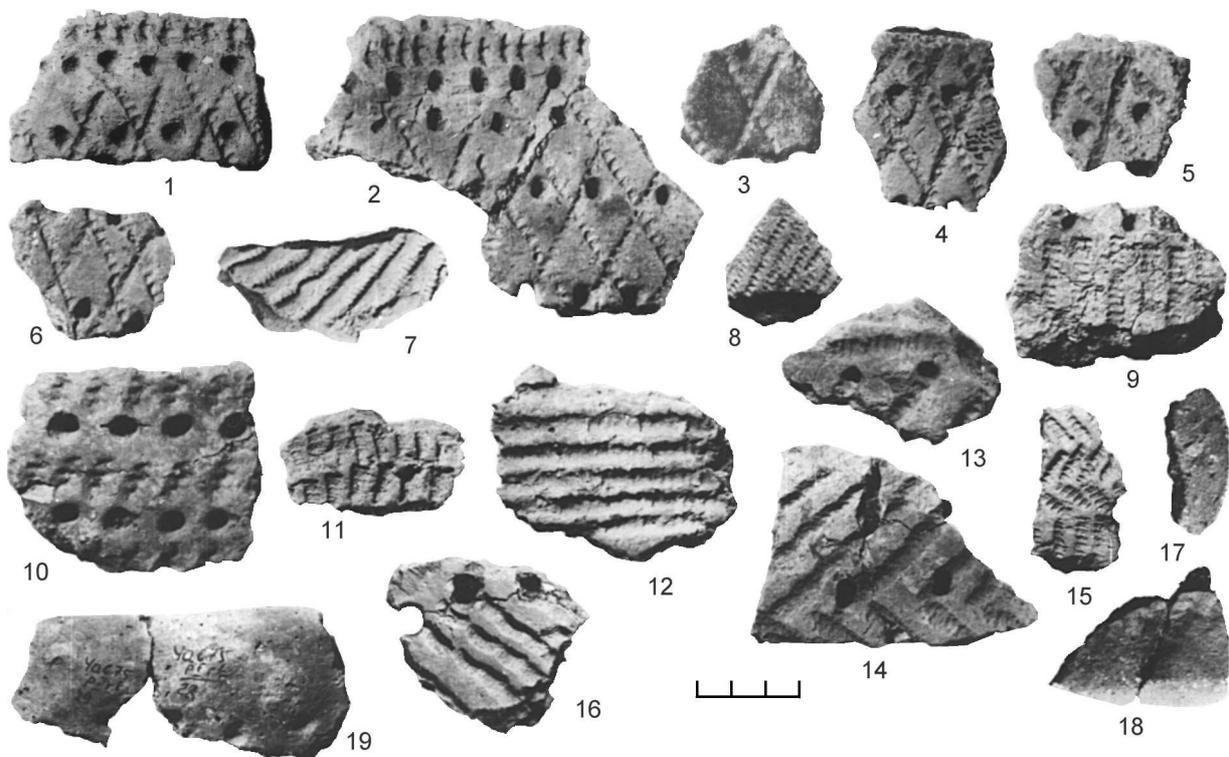


Рис. 8. Чаваньга I. Ранний неолит. Керамика.

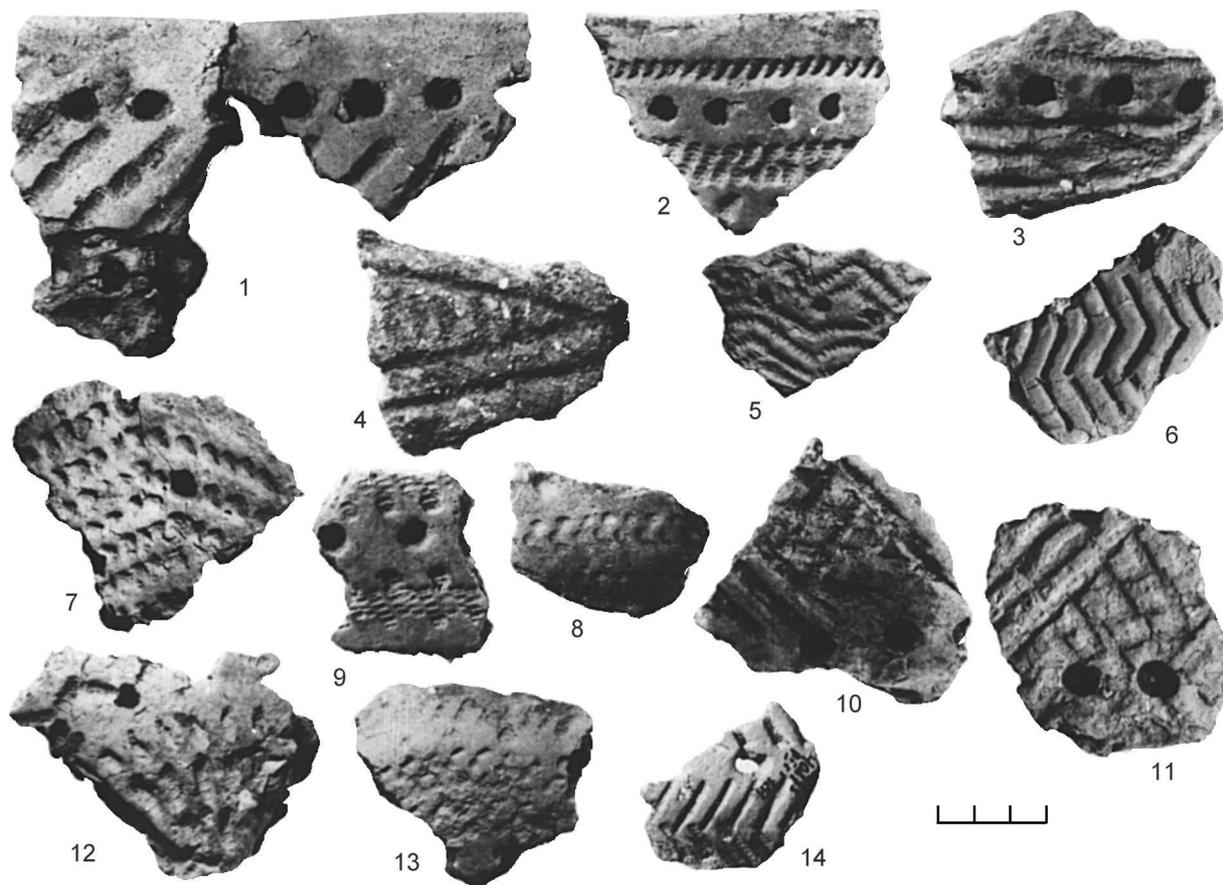


Рис. 9. Чаваньга I. Ранний неолит. Керамика.

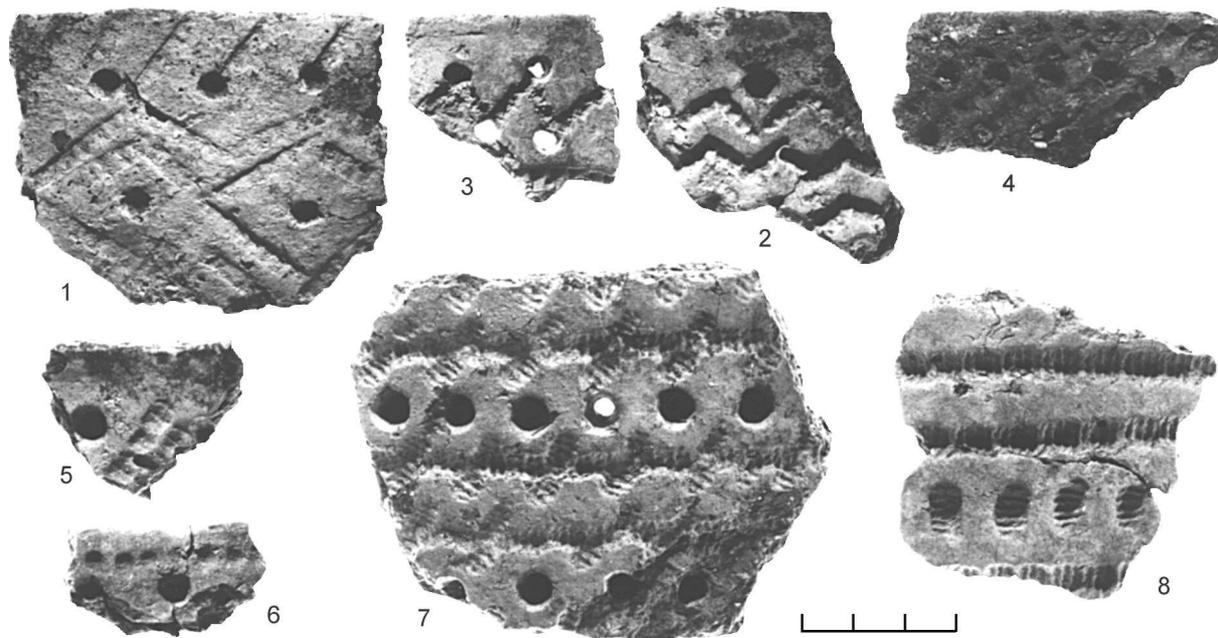


Рис. 10. Чаваньга I. Ранний неолит. Керамика.

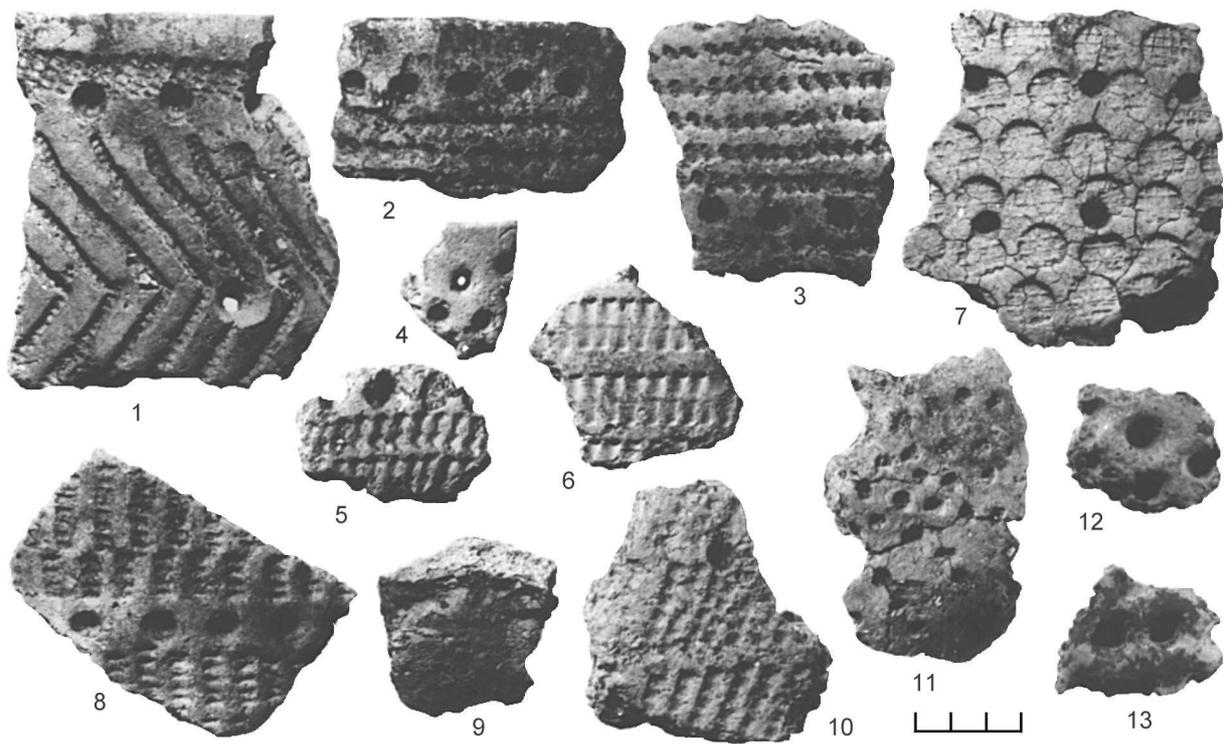


Рис. 11. Чаваньга I. Ранний неолит. Керамика.

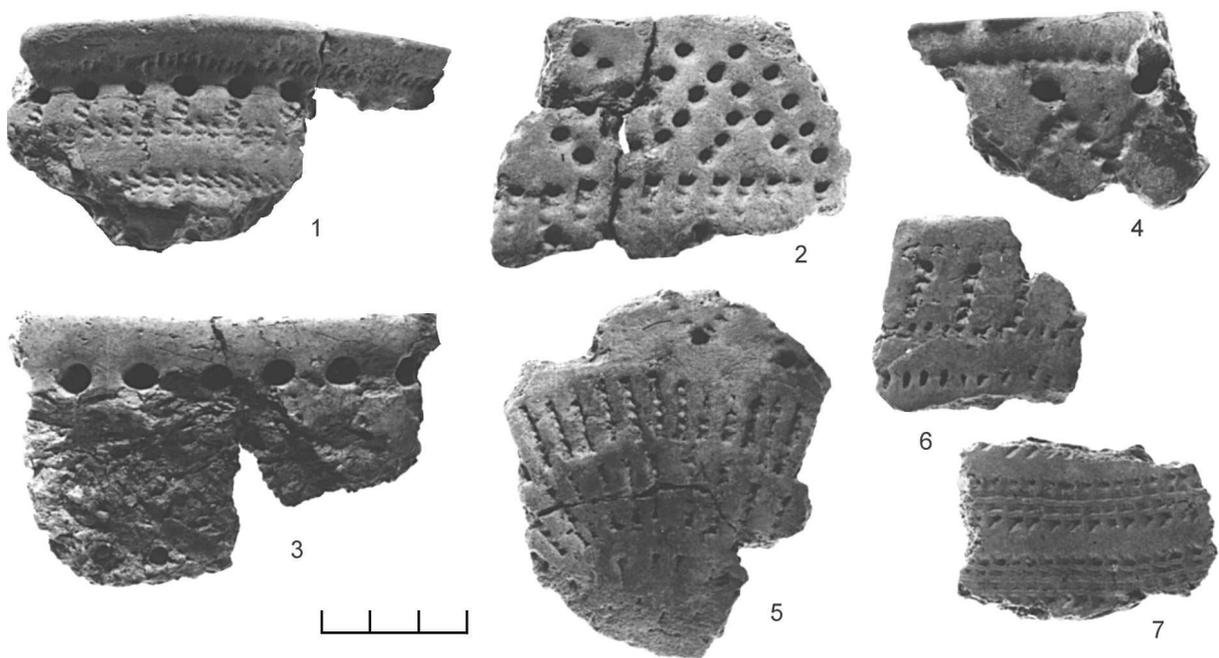


Рис. 12. Цага I. Ранний неолит. Керамика.

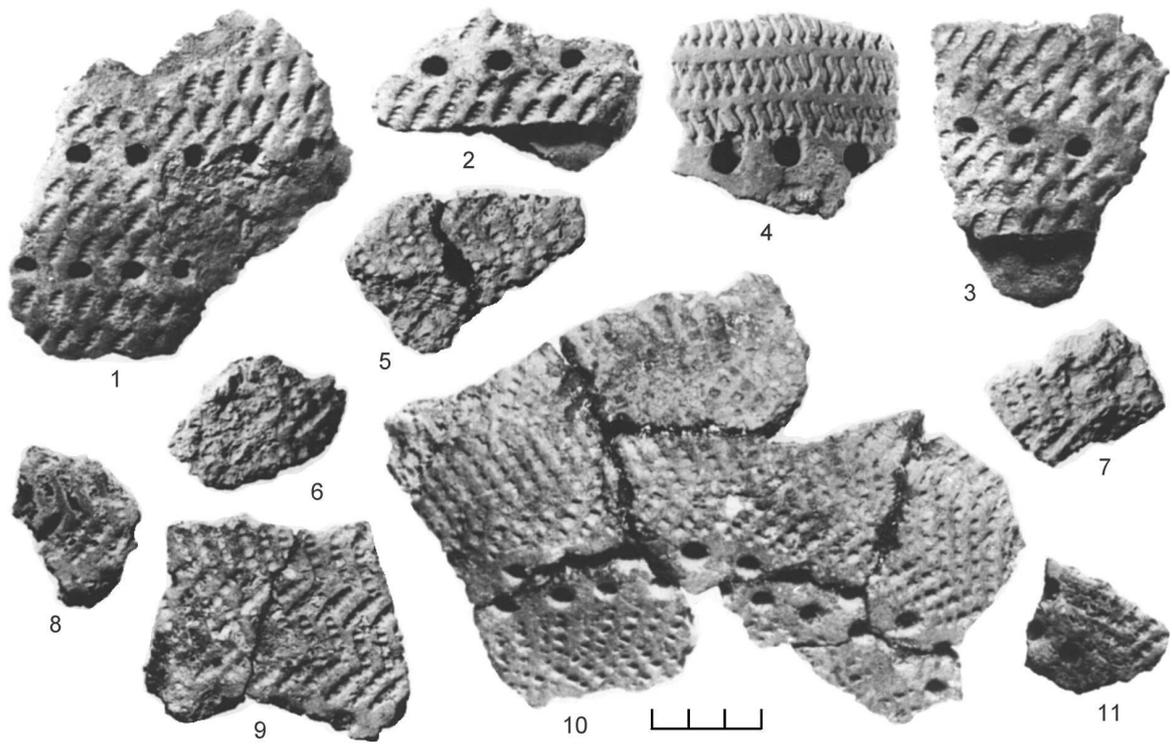


Рис. 13. Нерпичья губа (низ). Поздний неолит. Керамика.

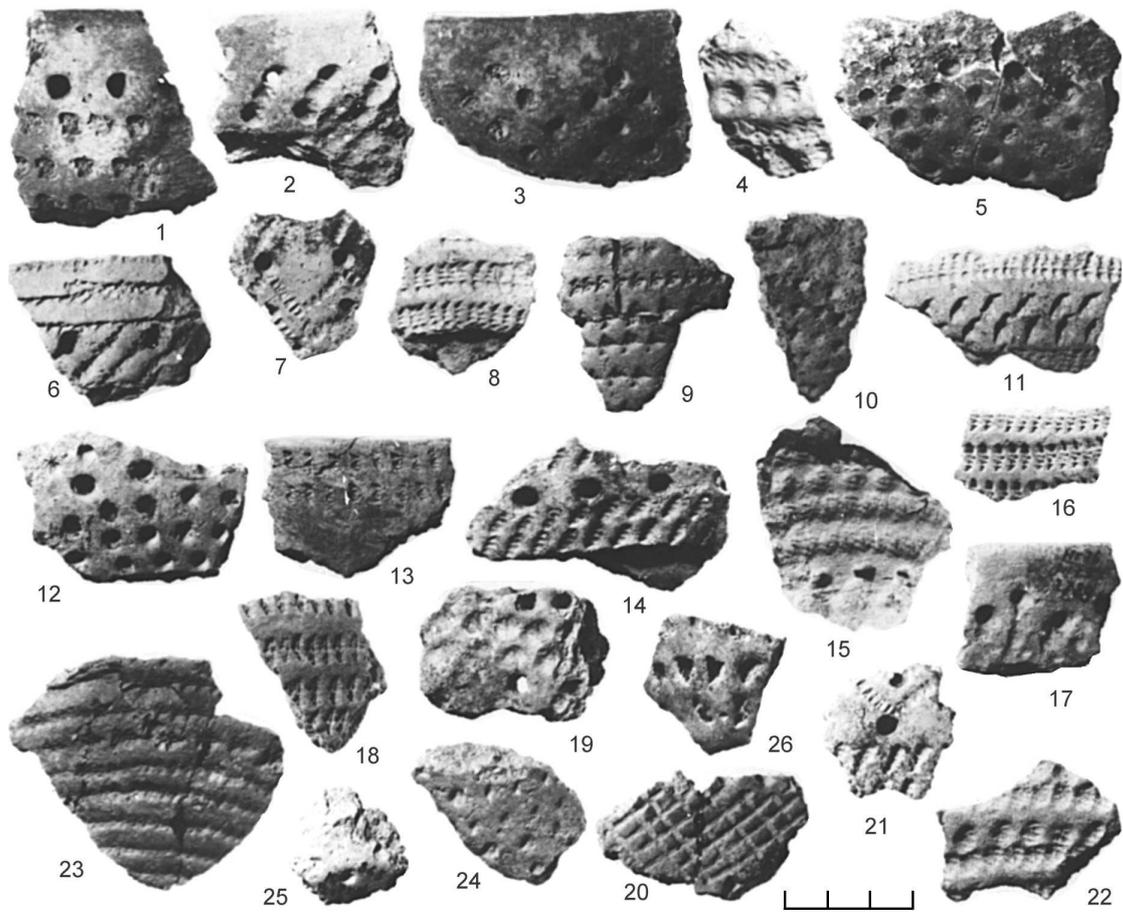


Рис. 14. Нерпичья губа (низ). Поздний неолит. Керамика.

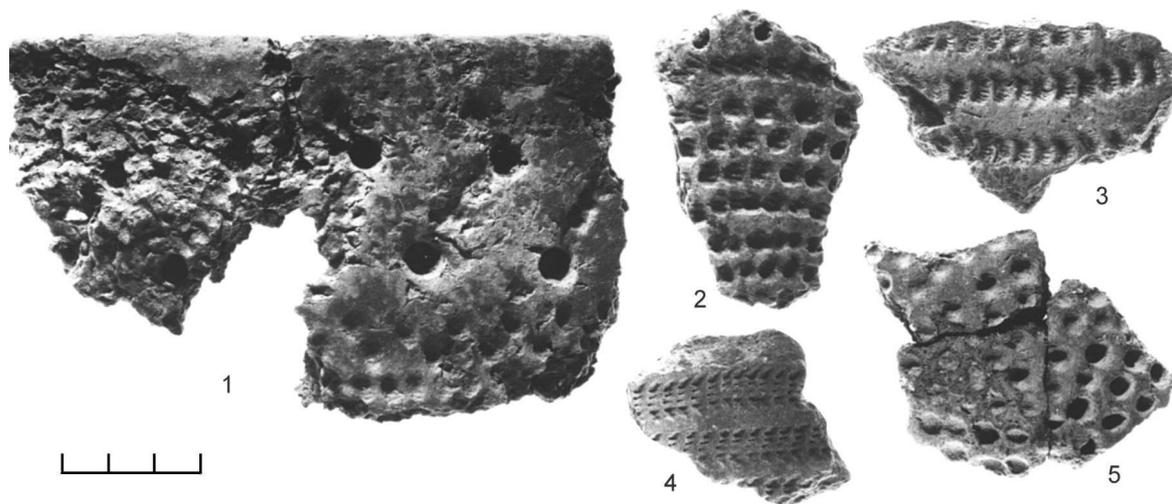


Рис. 15. Нерпичья губа (низ). Поздний неолит. Керамика.

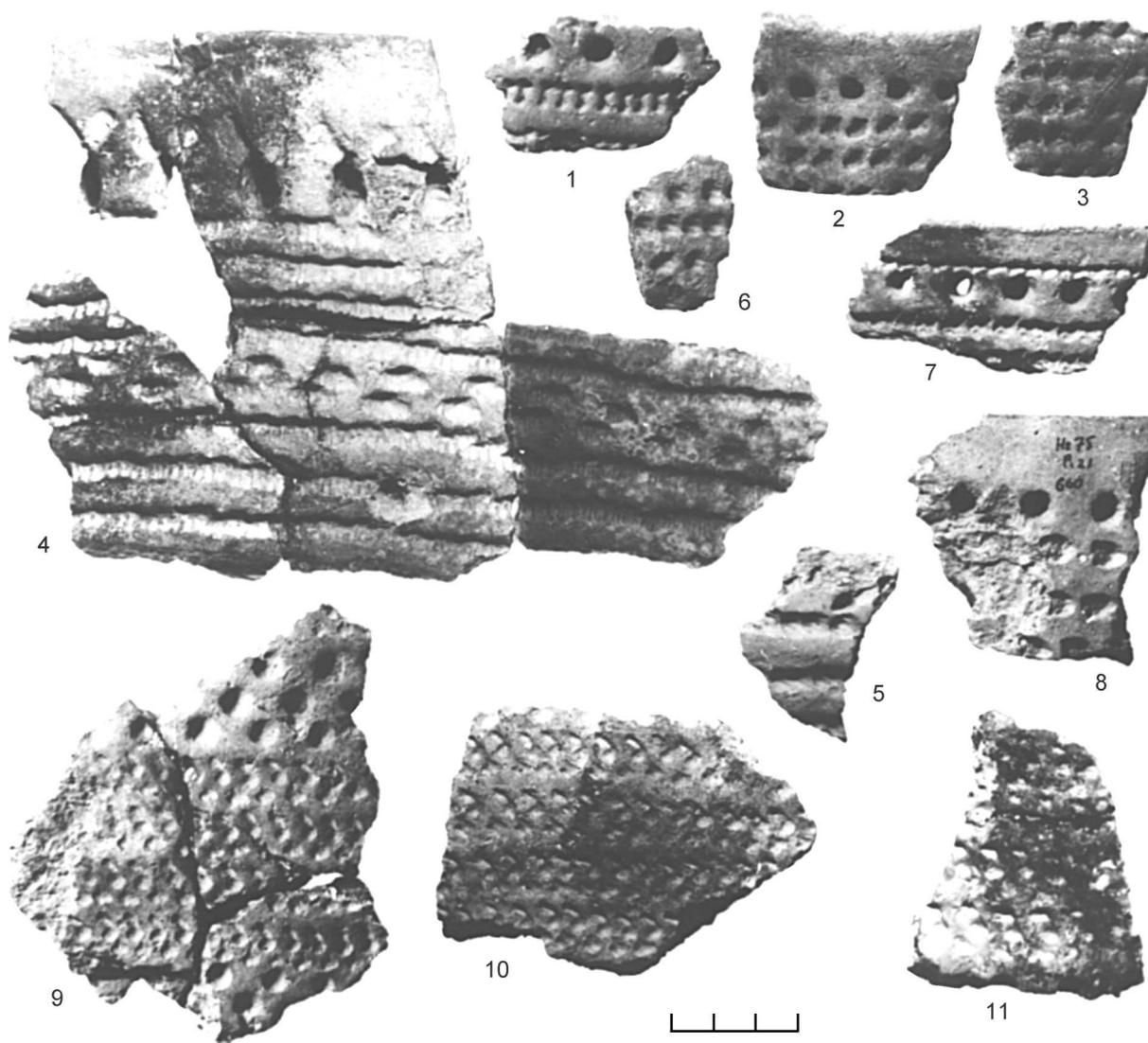


Рис. 16. Нерпичья губа (низ). Поздний неолит. Керамика.

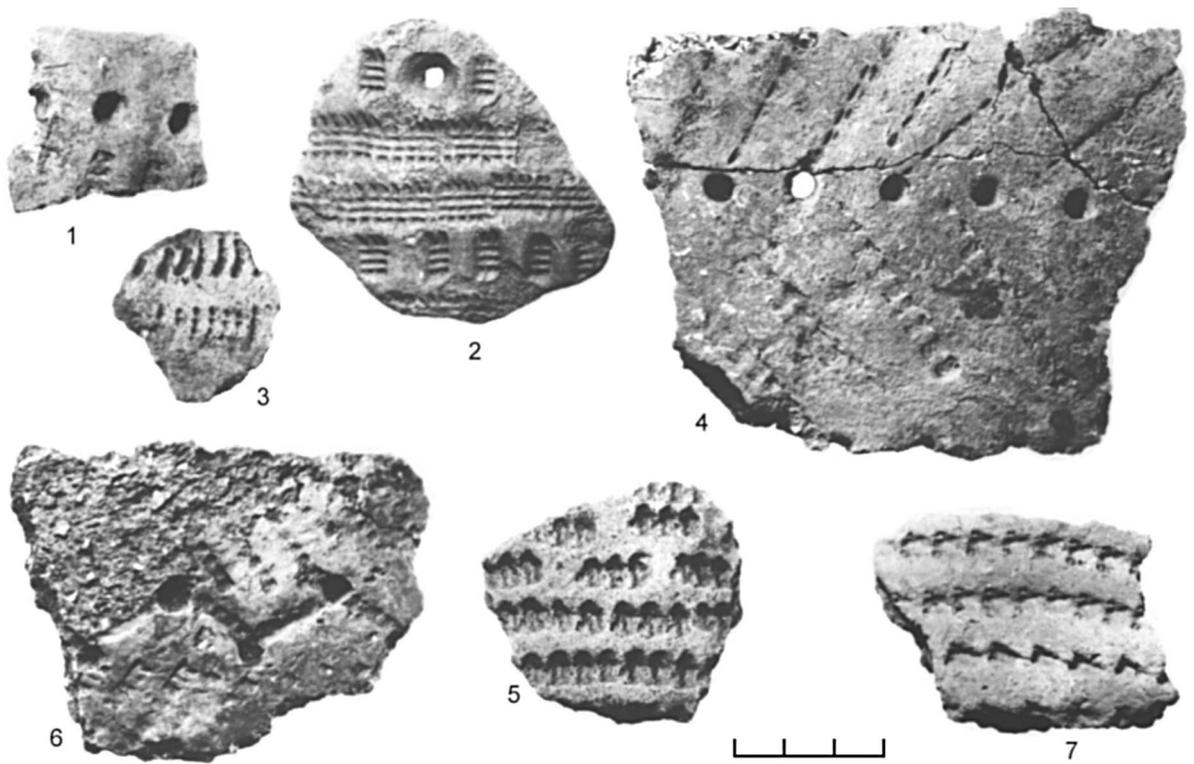


Рис. 17. Маяк II (низ). Поздний неолит. Керамика.

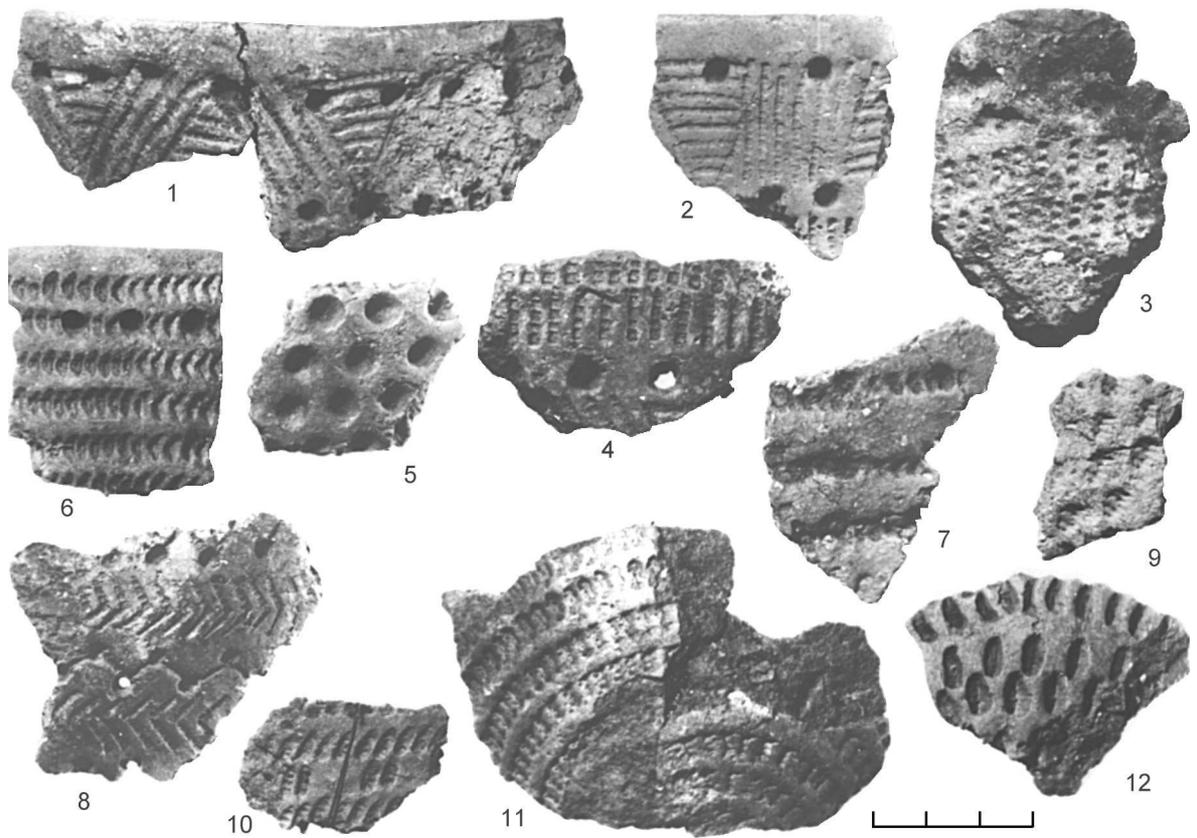


Рис. 18. Маяк II (низ). Поздний неолит. Керамика.

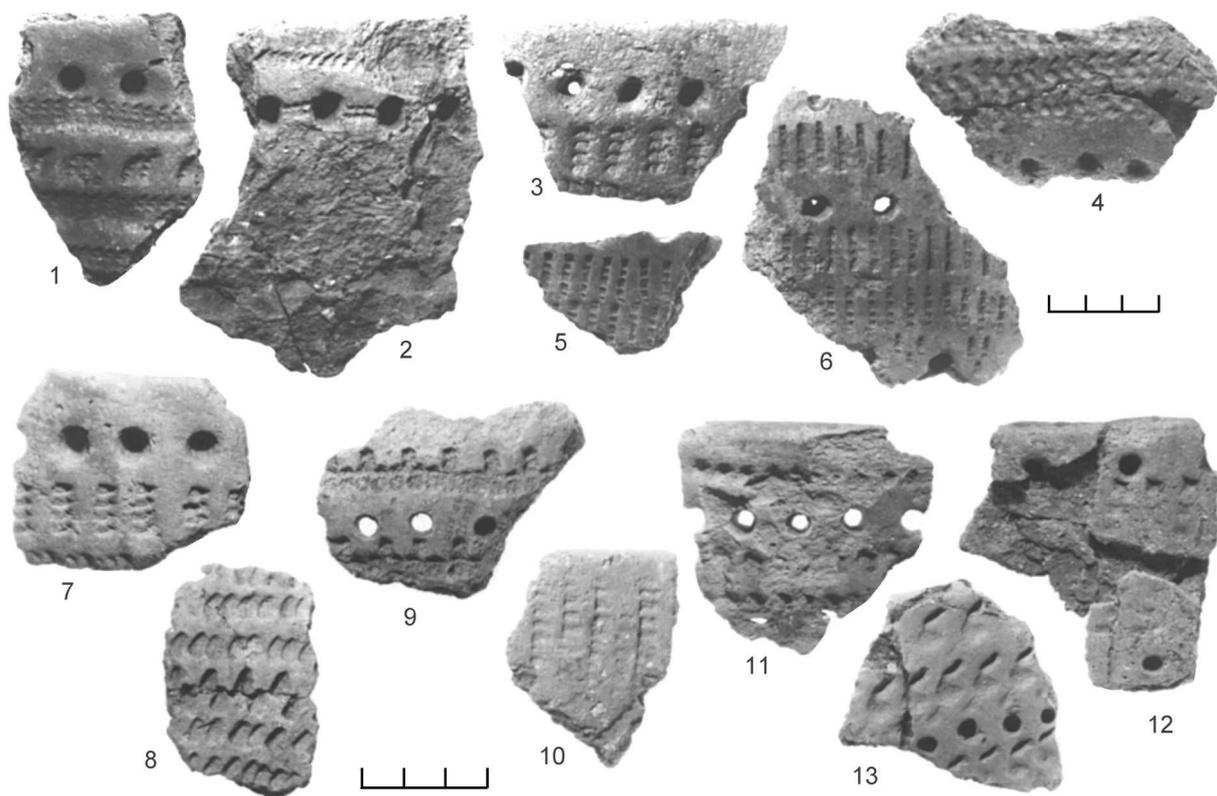


Рис. 19. Маяк II (низ). Поздний неолит. Керамика.

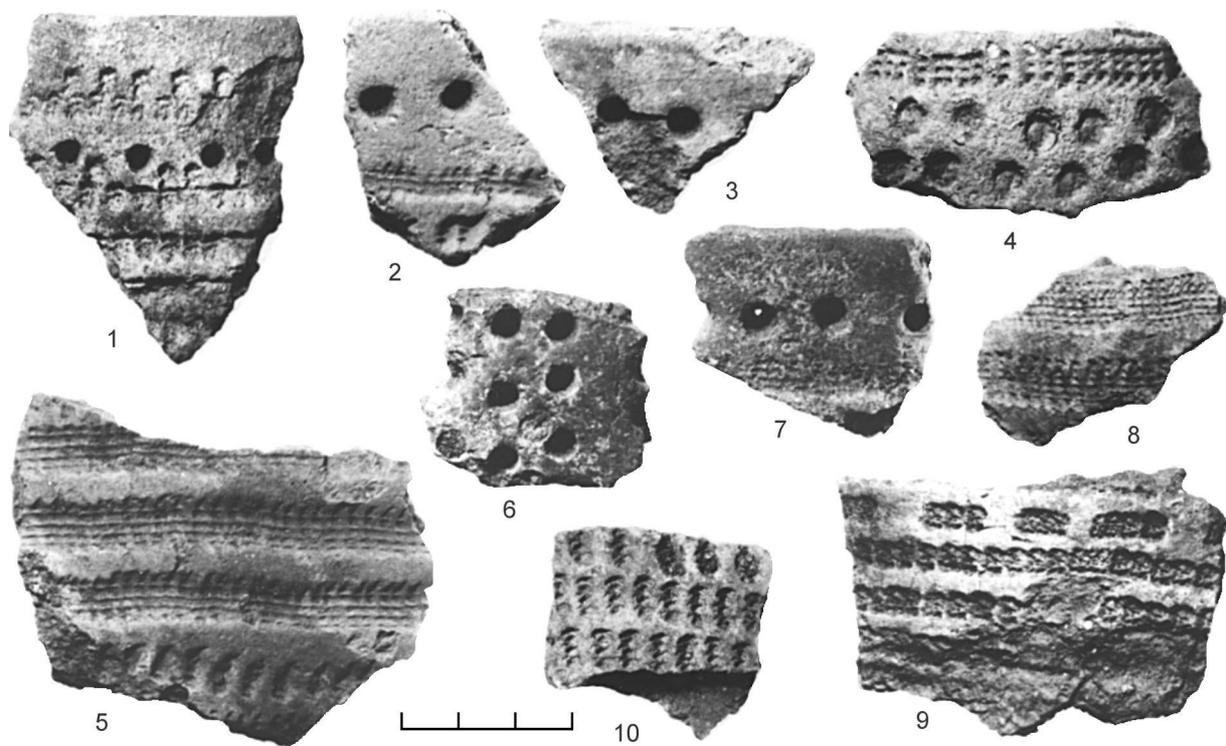


Рис. 20. Маяк II (низ). Поздний неолит. Керамика.

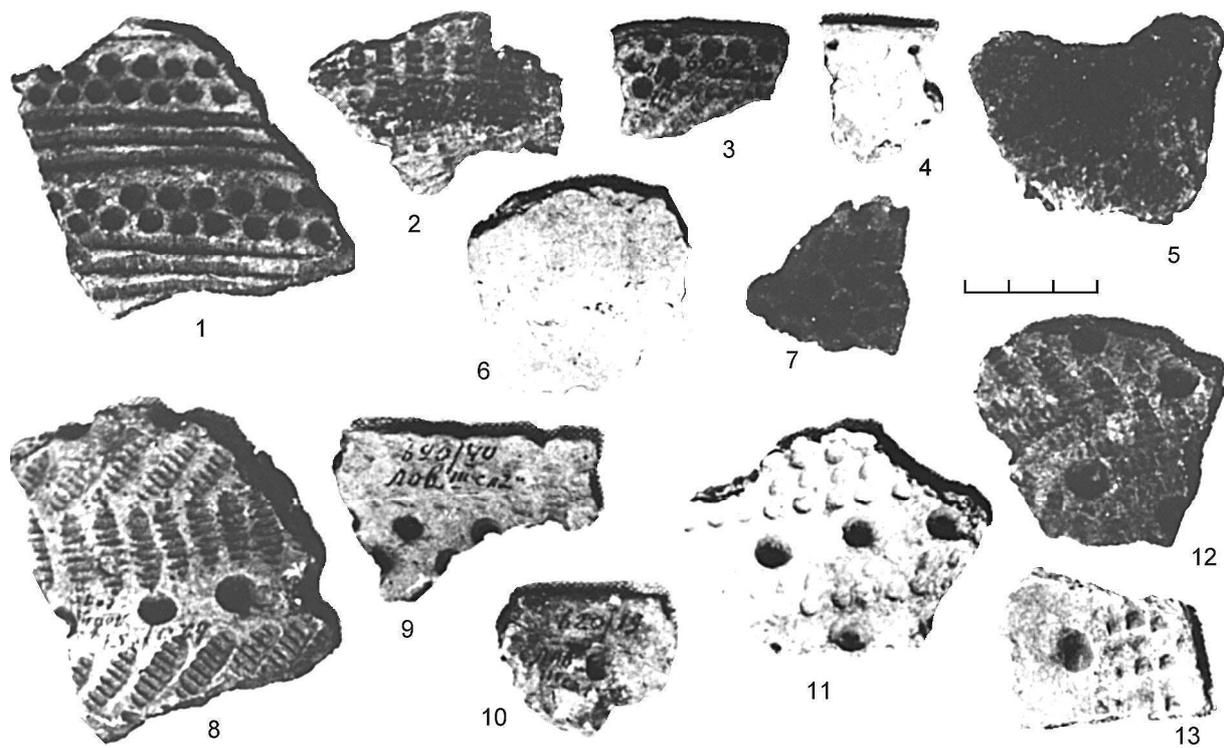


Рис. 21. Ловозеро III (низ). Поздний неолит. Керамика.

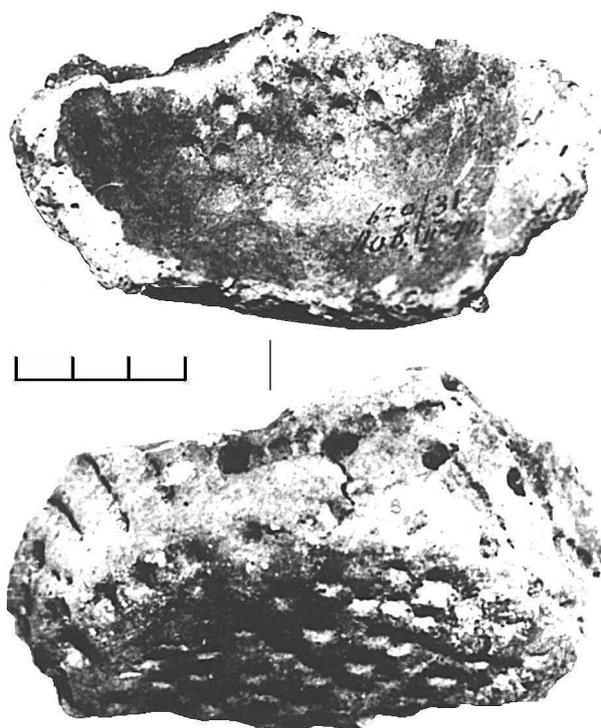


Рис. 22. Ловозеро II (низ). Поздний неолит. Керамика.

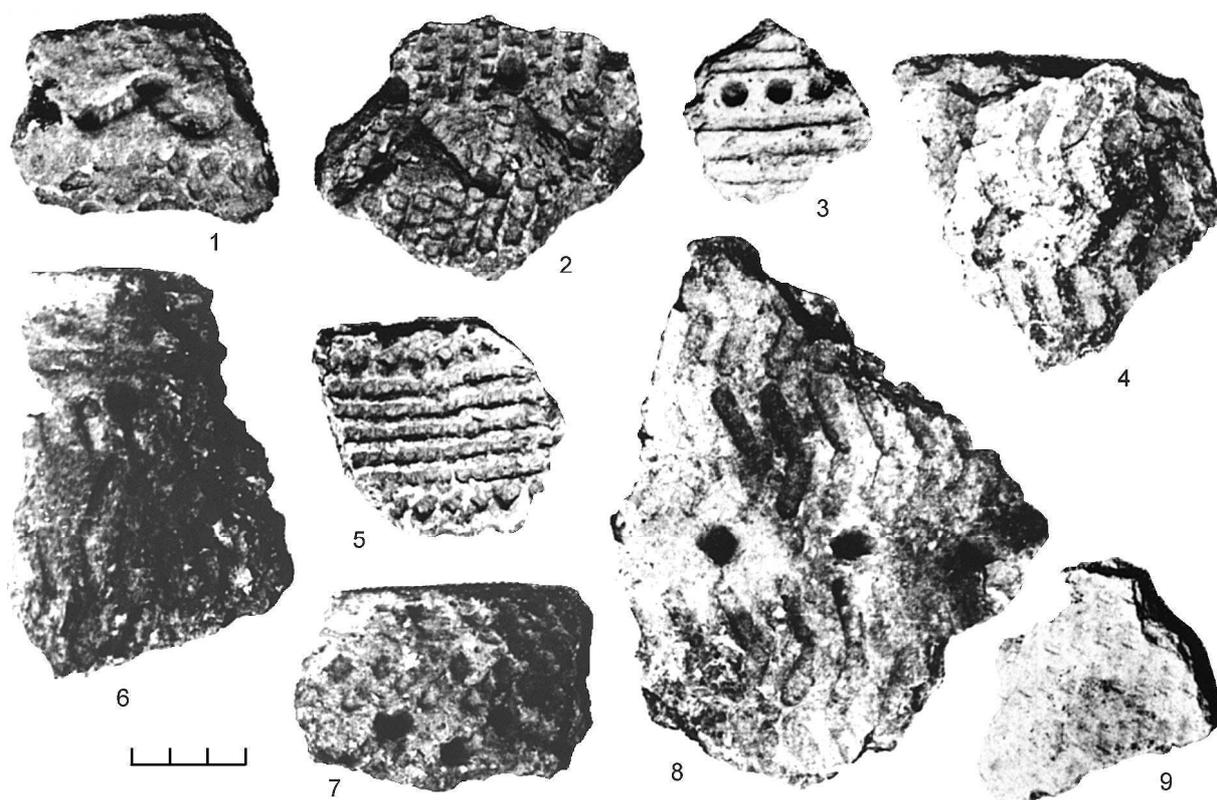


Рис. 23. Ловозеро I (низ). Поздний неолит. Керамика.

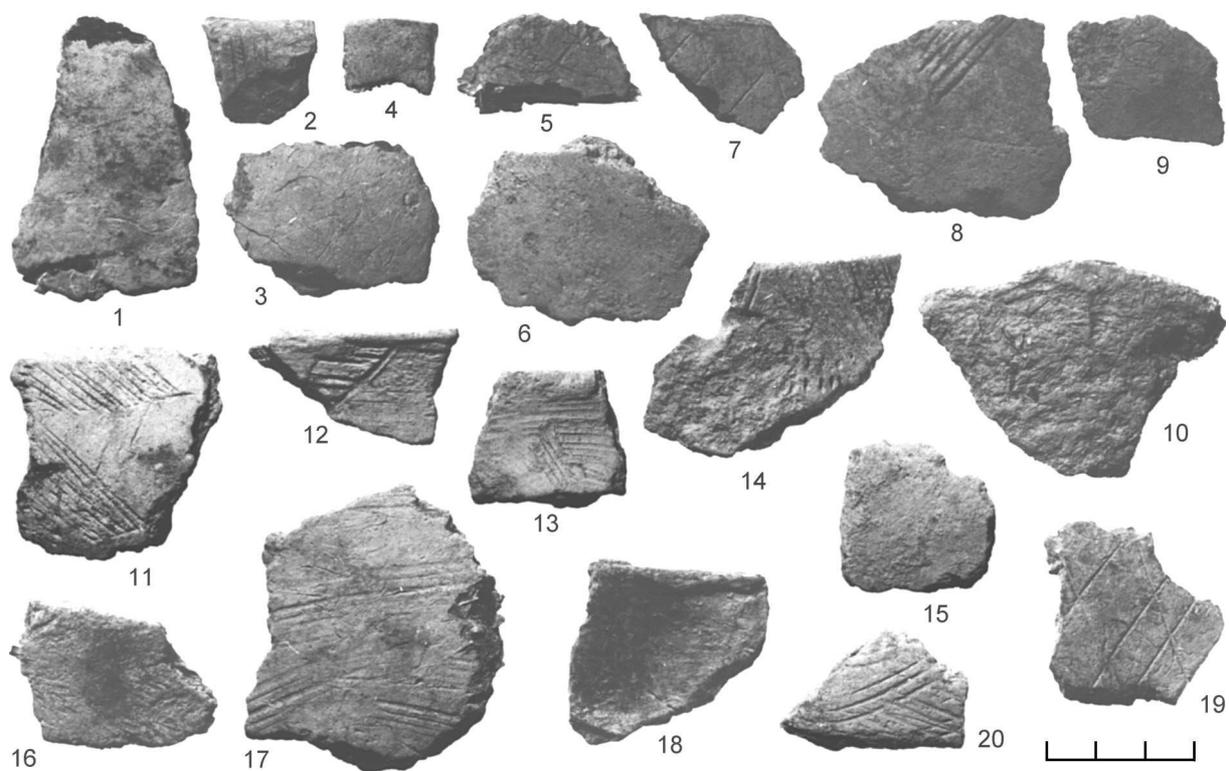


Рис. 24. Понойские стоянки. Ранний металл. Керамика.

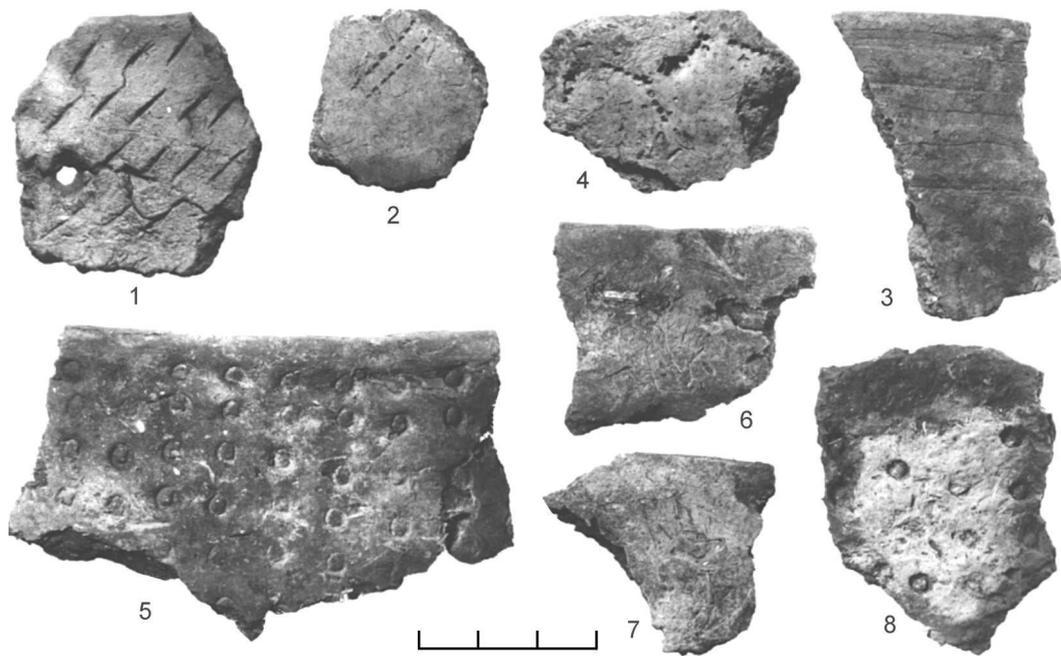


Рис. 25. Маяк II (верх). Ранний металл. Керамика.

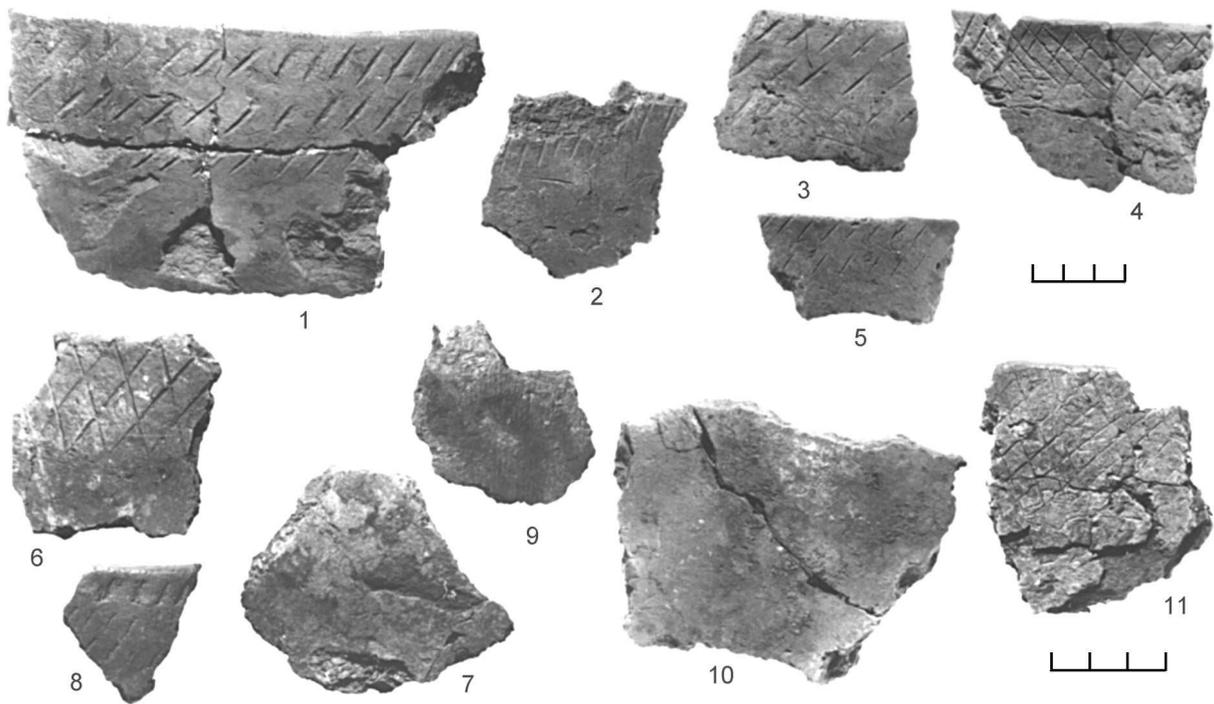


Рис. 26. Маяк II (верх). Ранний металл. Керамика.

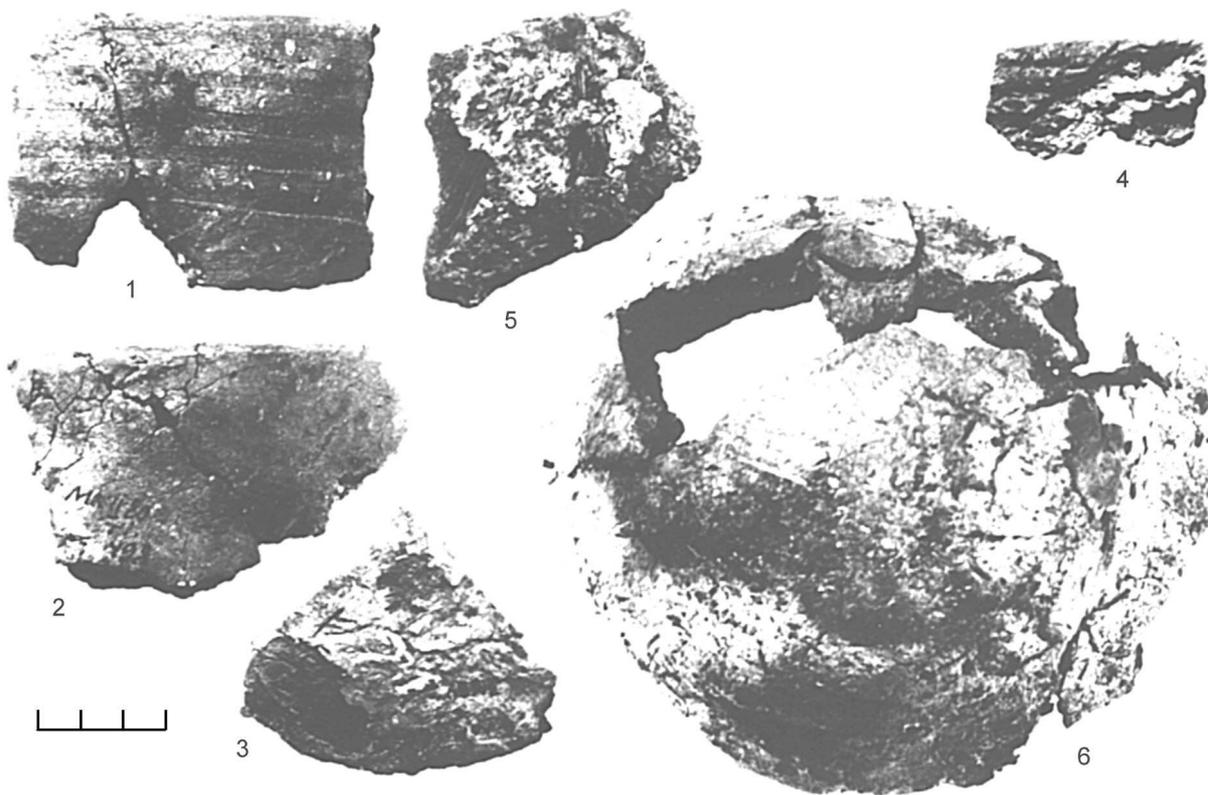


Рис. 27. Маяк II (верх). Ранний металл. Керамика. 6 — дно сосуда.

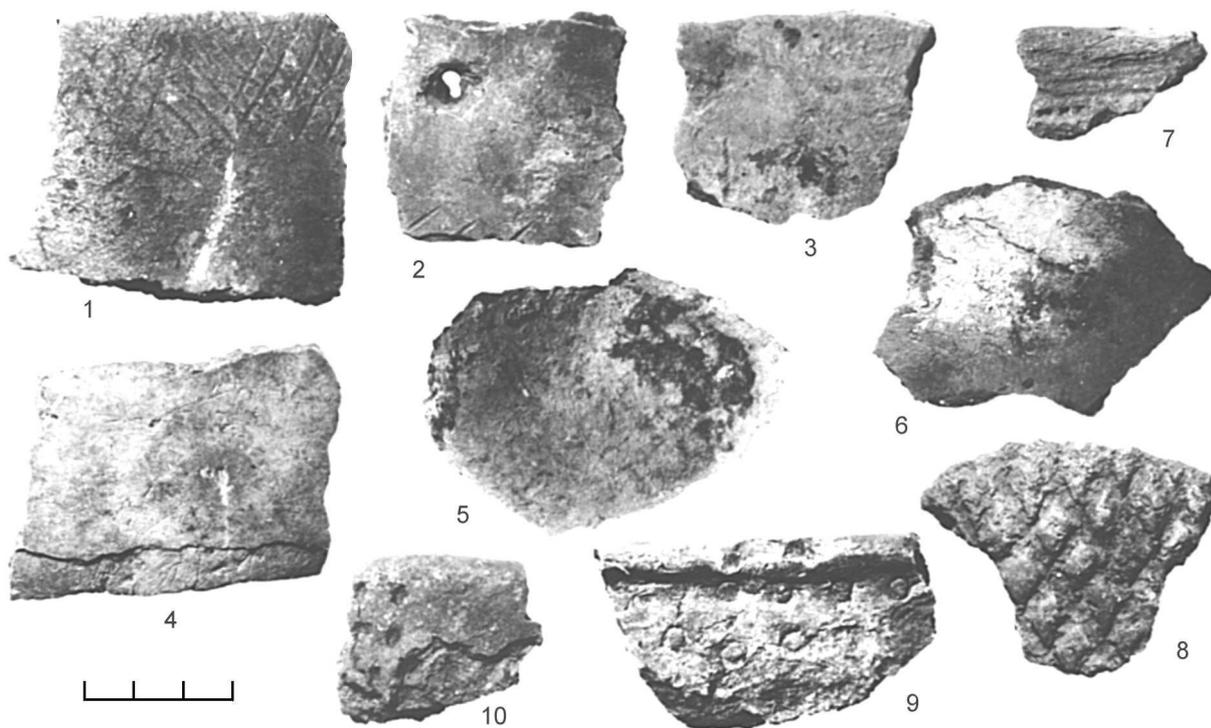


Рис. 28. Маяк II (верх). Ранний металл. Керамика.

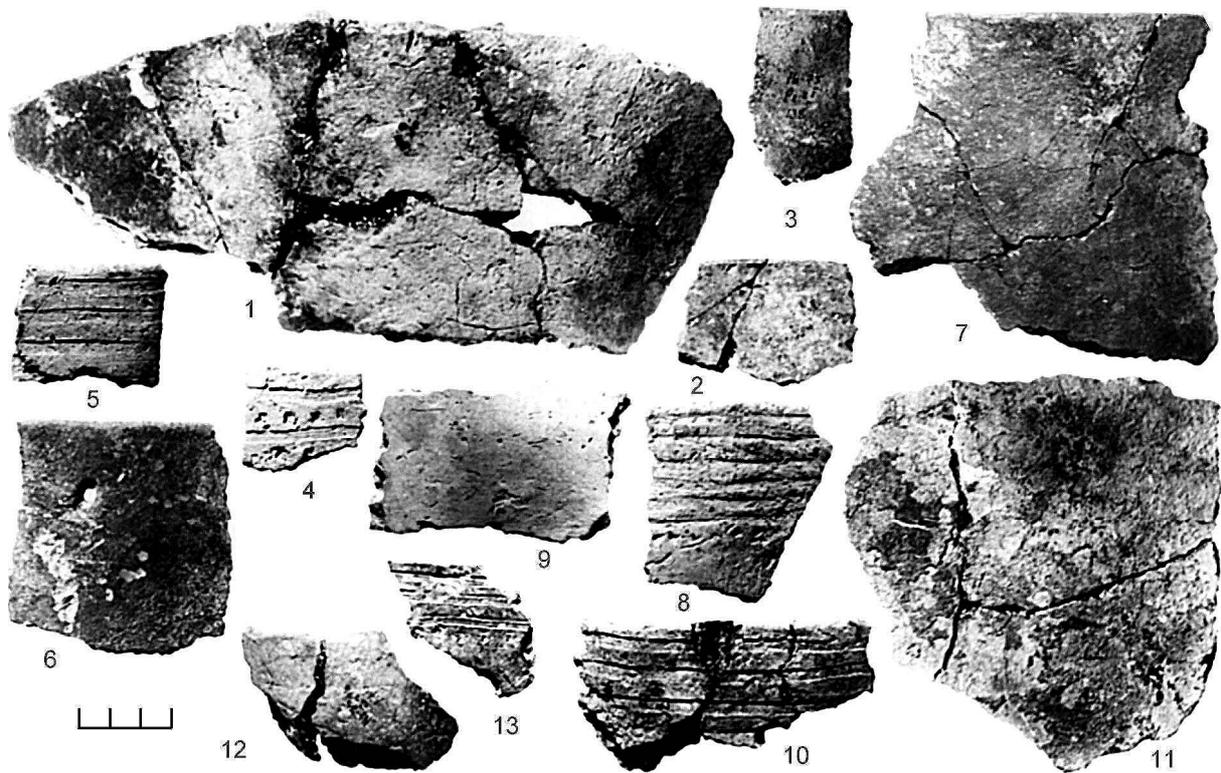


Рис. 29. Нерпичья губа (верх). Ранний металл. Керамика.

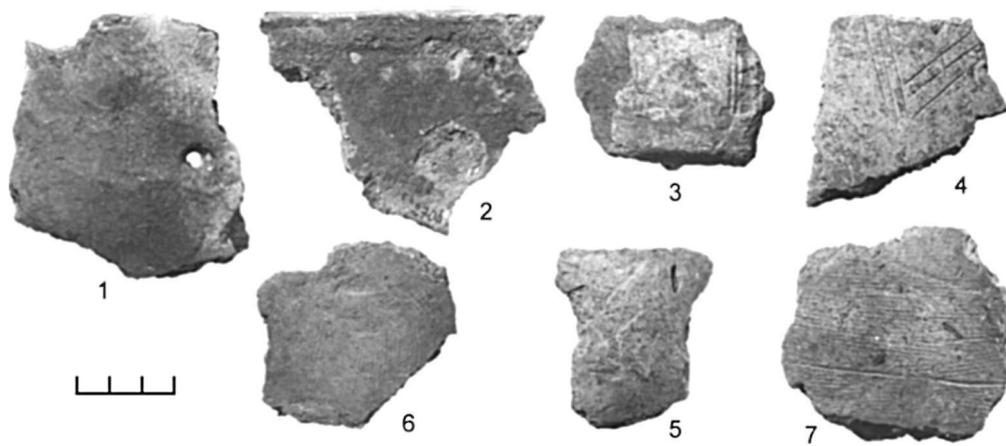


Рис. 30. Мыс 7. Ранний металл. Керамика.

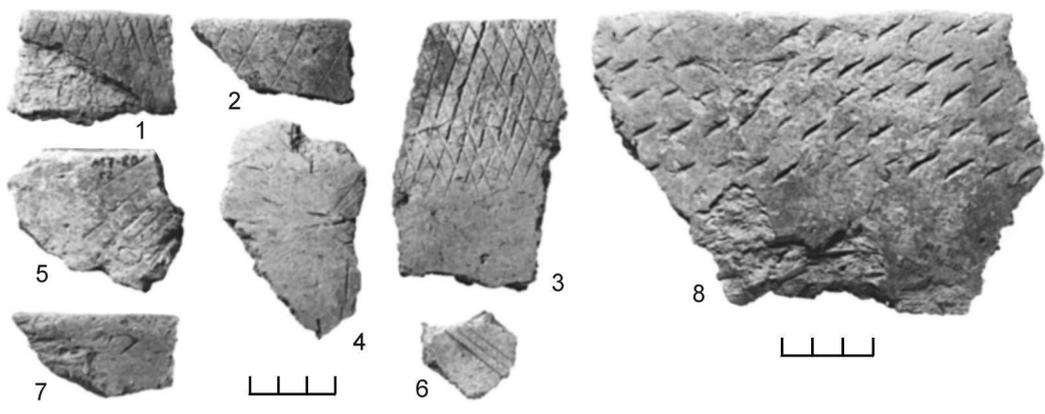


Рис. 31. Мыс 7. Ранний металл. Керамика.

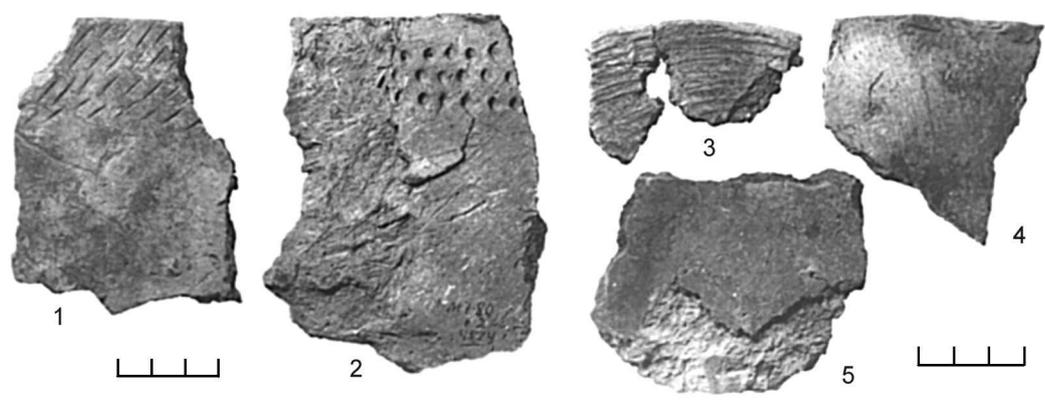


Рис. 32. Мыс 7. Ранний металл. Керамика.

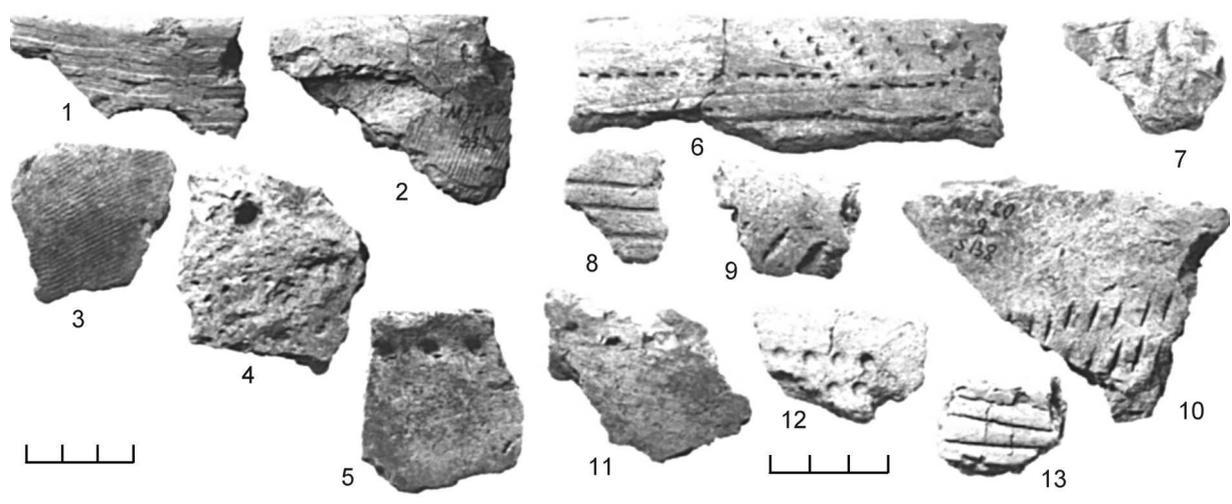


Рис. 33. Мыс 7. Ранний металл. Керамика.

Г. М. Левковская, В. И. Тимофеев,
Ю. В. Степанов, А. Н. Боголюбова (Санкт-Петербург),
Н. С. Котова (Киев, Украина),
О. В. Ларина, Н. Н. Волонтир (Кишинёв, Молдова),
В. А. Климанов (Москва)

О НЕОЛИТИЧЕСКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ НА ЗАПАДЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПНОЙ ЗОНЫ

(по результатам новых исследований на Украине и в Молдове и
материалам археолого-палеоботанико-палинологического банка данных)¹

В течение ряда лет созданы археолого-палеоботанико-палинологические банки данных по раннему и среднему палеолиту (BARPP-A), верхнему палеолиту — мезолиту (BARPP-B) и неолиту (BARPP-C) (Information Technology in Biodiversity..., 2001. P. 101—102; Archaeological informatics..., 2002. P. 491—495). В банках данных концентрируются палеоботанические и палинологические материалы по наиболее хорошо стратифицированным стоянкам из различных регионов бывшего СССР. Значительная часть материалов BARPP-A, BARPP-B и BARPP-C размещена в Интернете. Интернет-адрес банков данных: <http://www.gml.spb.ru> (BARPP-A, BARPP-B и BARPP-C). В данной статье рассматриваются новейшие материалы по проблеме неолитического земледелия, сконцентрированные в банке данных.

Краткая характеристика банка данных

Обычно палеоботанические и палинологические банки данных существуют отдельно. Палеоботанический банк данных Международной организации палеоботаников (PFR) базируется в Великобритании при университете Восточного Лондона, Глобальный пылевой банк данных (GPD) организован при мировом центре климатологии (WDC) и базируется в США в Национальном центре геофизических данных (NG DC) в Боулдере (штат Колорадо). Существуют также Европейский (EPD), Североамериканский (NAPD) и другие палинологические банки данных. В эти палинологические банки данных не включены материалы по стоянкам. Основные особенности созданных нами банков данных (BARPP-A, BARPP-B и BARPP-C) следующие: они включают палеоботаническую и палинологическую информацию по археологическим стоянкам, а также по геологическим эталонам, которые не нарушены антропогенными воздействиями.

В создании банка данных по неолиту (BARPP-C) участвуют: палинолог-палеоботаник (руководитель проекта Г. М. Левковская), большая группа археологов, владеющих материалами по археологии различных хроносрезов или регионов, а также три специалиста по компьютерным технологиям или глобальным телекоммуникациям (в том числе — генеральный директор веб-студии ЗАО «Петерлинк» Ю. В. Степанов). Благодаря спонсорской поддержке ЗАО «Петерлинк» некоторые материалы банка данных по неолиту (BARPP-C), а также по более ранним археологическим эпохам представлены в Интернете. В настоящее время банк функционирует на системе со следующими техническими характеристиками:

- аппаратная платформа — Intel-based PC;
- операционная система — FreeBSD 3.3.;
- программное обеспечение Web-сервера Russian Apache 1.3.9/PL 29.2;
- язык программирования — PERL 5.0005;
- формат хранения информации — тестовые файлы стандартной структуры;
 - программное обеспечение, требуемое для просмотра информации в банке — любой Web-браузер, поддерживающий отображение таблиц.

Информация о банке BARPP-C и ранее созданных банках была представлена на конференциях по различным отраслям знаний: «Пятая европейская палеоботаническая конферен-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и РГНФ (проект № 01-01-00-269а).

ция», Польша, Краков, 1999 г.; «Использование телекоммуникационных систем в биологии», Россия, Санкт-Петербург, 2001; «Применение компьютерных технологий в археологии», Швеция, Готланд, 2001; «Пятая конференция Европейской ассоциации археологов (ЕАА), Греция, Салоники, 2002 и опубликована (*Acta Palaeobotanica...*, 1999. P. 561—567; *Information Technology in Biodiversity...*, 2001. P. 101—102; *Archaeological informatics...*, 2002. P. 491—495; 8th EAA Meeting..., 2002. P. 272—273).

В банке данных представлена текстовая, графическая и картографическая информация по палинологической и палеоботанической характеристике археологических стоянок и региональных геологических эталонов из районов стоянок, радиоуглеродному датированию разрезов с палинологическими или палеоботаническими данными, изображения пыльцы или макроостатков растений, карты с палеогеографическими реконструкциями, сведения об исследователях-археологах, палинолога, палеоботаниках и т. д. Эта информация может быть использована археологами, палеоботаниками, палинологами, геологами, палеогеографами, палеоклиматологами, специалистами по долгосрочному прогнозированию природных процессов, для разработки разнообразных проблем в археологии — для реконструкции палеоэкономики (земледелие, собирательство), среды обитания человека, оценки корректности абсолютных датировок, разработки палеоботанических вариантов периодизации стоянок, выявления взаимодействий природных и культурно-исторических процессов, оценки степени антропогенных воздействий древнего человека на ландшафты и т. д.

Проблема появления древнейшего земледелия в неолите может быть понята лишь при рассмотрении материалов из обширных регионов. Без создания археолого-палеоботанико-палинологического банка данных из неолитических стоянок территории бывшего СССР разработка её сложна, так как после распада СССР прекратилось поступление научной литературы из многих регионов даже в крупнейшие библиотеки (типа Библиотеки Академии Наук России в Санкт-Петербурге), хотя во вновь созданных государствах усилился интерес к своей истории и в массе появились новые материалы или публикации на национальных языках по проблеме древнего земледелия (румынском — в Молдове, латышском, литовском, а также трёх языках, использующих различные варианты кириллического шрифта — русском, белорусском и украинском и т. д.). Эти публикации рассредоточены в изданиях по разным отраслям наук (археология, ботаника, палеогеография, палеоклиматология, геология) и опубликованы нередко очень небольшими тиражами в мелких издательствах или даже в личных компьютерах. Работа по созданию банка данных позволила собрать новейшие материалы в регионах и начать работу по обобщению этих материалов с участием консультантов из Молдовы (О. В. Ларина и Н. Н. Волонтир) и Украины (Н. С. Котова).

Публикация иллюстрирует возможности использования материалов банка данных для изучения истории древнейшего земледелия в юго-западных регионах бывшего СССР, без которой невозможно понимание процессов неолитизации. В данной работе, помимо ссылок на основную библиографию, даются ссылки на индексы карт, рисунков, графиков, которые используются как «адрес информации» в банке данных. В статье обсуждаются некалиброванные значения радиоуглеродных датировок.

Характеристика источников информации по проблеме «Неолитическое земледелие в западной части Евразийской степной зоны»

Важную информацию по проблеме содержат картографические материалы VARPP-C по западной части Евразийской степной зоны и граничащие с ней лесостепью (территории Украины и Молдовы): 1) карты географического распространения памятников эпохи неолита, для которых сделаны палинологические анализы; 2) карты, показывающие распределение памятников с отпечатками растений на керамике; 3) карты распространения памятников, на которых найдены макроостатки культурных растений; 4) карты местонахождений некоторых стоянок с находками пыльцы культурных злаков. Первые три типа карт подготовлены специально для банка данных.

УКРАИНА. Для Украины за основу взяты материалы монографии Н. С. Котовой (2002) и каталоги отпечатков культурных растений на керамике неолитических культур Украины, опубликованные археологом Н. С. Котовой и палеоэтноботаником Г. А. Пашкевич (Котова, Пашкевич, 2002. С. 106—110; Kotova, Paschkevich, 2003).

Картографические материалы по Украине показывают, что макроостатки культурных растений эпохи позднего неолита — энеолита найдены (рис. 1; индекс в BARPP-C: M43) на стоянках: 1) Шкаровка (SKAM), 2) Тальянки (TALM), 3) Майданецкое (MAJM), 4) Косеновка — (KOSM), 5) Чечельник — (CHEM), 6) Незвиско — (NEZM).

Впервые представлены не публиковавшиеся ранее картографические материалы Н. С. Котовой, дифференцирующие распределение отпечатков культурных растений на керамике неолитических культур Украины на два хроносреза: 7500—6300 (неолит) и 6300—4500 ВР (поздний неолит — энеолит) (рис. 2, 3, индексы BARPP-C: M44, M45).

Карта (рис. 2) хроносреза 7500—6300 ВР иллюстрирует распространение следующих неолитических стоянок с отпечатками растений на керамике: 1) Миколина Брояка (MIBO), 2) Шумилово-Чернятка (SHUO), 3) Базьков Остров (BAZO), 4) Заньковцы (ZANO), 5) Шимановское (SHIO), 6) Сокольцы (SOCO), 7) Ровно (ROVO), 8) Гольшев (GOLO), 9) Гирка Полонка (GIRO), 10) Оболюнь (OBLO), 11) Мала Осньця (MALO), 12) Розниччи (ROZO), 13) Бузьки (BUZO), 14) Пищики (PIHO), 15) Стрильча Скеля (STRIO), 16) Вовнигское левобережное поселение (VOVO), 17) Серебрянское (SERO).

Для памятников первого периода бугского варианта буго-днестровской культуры, относимых к этому хроносрезу, в лаборатории Киева получено по кости 13 радиоуглеродных датировок (Котова, Ковалюх 2002. С. 103, табл. 9; индекс таблицы в BARPP-C: UKR-W-7) от 7205 ± 70 (Ki-8164) до 7540 ± 65 (Ki-6694) ВР. Датировки получены на поселениях Заньковцы 2, Сокольцы 2, Митьков остров, Базьков остров, Печера, Сокольцы 1.

На памятнике Сокольцы 2 Г. А. Пашкевич по отпечаткам определена флора культурных растений (Котова, Пашкевич, 2002. С. 109): ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare*), просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*) и, предположительно, — лён (*Linum usitatissimum*).

Для памятников второго периода бугского варианта буго-днестровской культуры, относимых к этому хроносрезу, в лаборатории Киева получено по кости 9 радиоуглеродных датировок (Котова, Ковалюх, 2002. С. 104, табл. 9; UKR-W-8) — от 6930 ± 55 (Ki-6655) до 6520 ± 70 ВР в разрезах: Базьков остров (верхний слой), Саврань, Миколина Брояка (глубина 120 см), Пугач (две ранние даты), Град 3, а также две поздние даты на памятнике Пугач 2 (раскоп 1) — 6560 ± 50 и 6520 ± 60 ВР (Ki-6679 и Ki-6657), которые авторы раскопок относят уже к Триполью А.

По отпечаткам на керамике определена флора культурных растений: пшеница однозернянка (*Triticum monocossum*), пшеница двузернянка (*T. dicossum*), пшеница спельта (*T. spelta*), ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare*). Керамика с отпечатками культурных растений найдена на следующих памятниках буго-днестровской культуры (второй период): О. Базьков, Заньковцы 2, Миколина Брояка, Шумилово, Шимановское (Котова, Пашкевич, 2002. С. 109, табл. 2; индекс в банке: UKR-W-3).

На карте (рис. 3) хроносреза 6300—4500 ВР (поздний неолит — энеолит) показаны стоянки: 1) Гнидава (GNIO), 2) Новосилки (NOVO), 3) Коник (KONO), 4) Вита-Литовская (VITO), 5) Грини (GRIO), 6) Каменка (KAMO), 7) Погореловка-Вырчище (POGO), 8) Лисогубовка (LISO), 9) Бузьки (BUZO), 10) Пищики (PISO), 11) Вишенки (VIHO), 12) Гришевка (GRIO), 13) Скусново (SKUO), 14) Каменная могила 1 (KAMO1).

Две карты (рис. 4, 5; индексы: M46 и M47; составлены Н. С. Котовой) иллюстрируют палинологическую изученность неолитических и поздненеолитических — энеолитических памятников Украины. На картах показаны основные разрезы с палинологическими данными разных палинологов: разрезы 13-ти неолитических памятников хроносреза 7500—6300 ВР и 14-ти разрезов памятников хроносреза 6300—4300 ВР.

МОЛДОВА. Для Молдовы ранее были опубликованы карта (Larina, 1994. P. 55, fig. 1), показывающая распространение памятников трех неолитических культур: буго-днестровской, криш-кереш и линейно-ленточной керамики (рис. 6; индекс BARPP-C: M48), а также карта З. В. Янушевич, показывающая расположение археологических памятников на территории Молдовы с находками остатков культурных растений или их отпечатков разного возраста (1976. Рис. 1). Эта карта размещена в BARPP-C в Интернете (индекс: MM16).

Особенно важны специально подготовленные Л. А. Лариной (рис. 7, 8) карты, показывающие распределение неолитических стоянок с находками макроостатков растений и их отпечатков на керамике по двум хроносрезам: средний неолит (середина VI тыс. до н. э.) и поздний неолит (конец VI тыс. до н. э.).

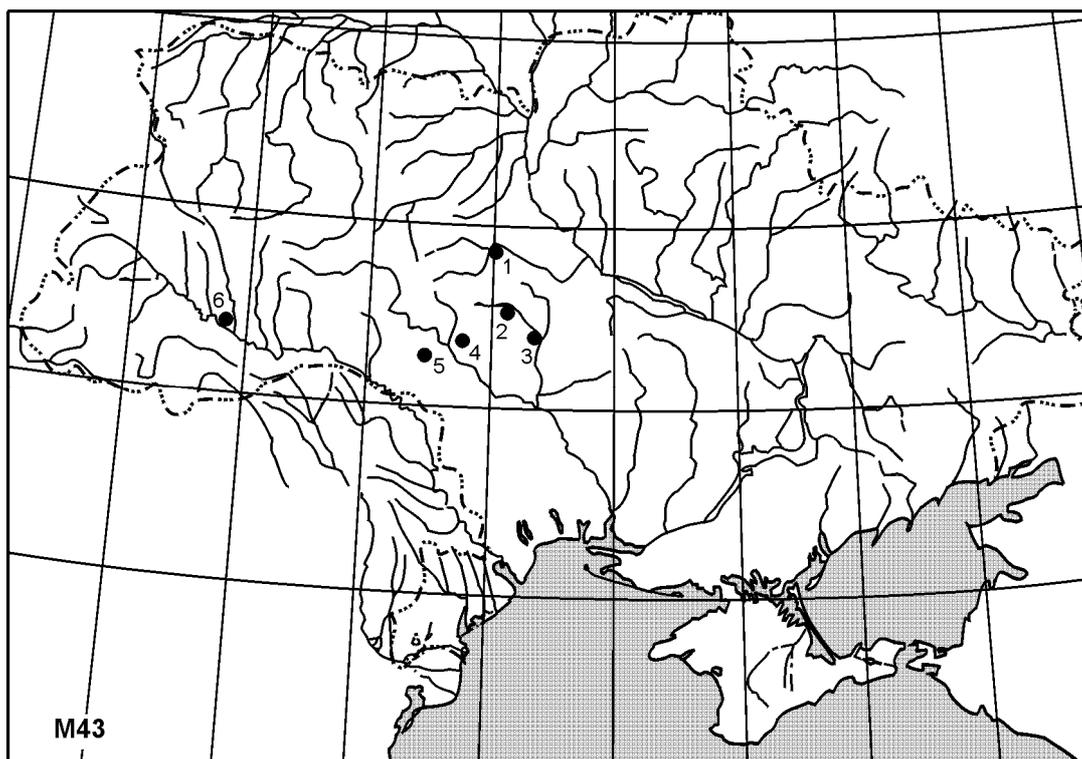


Рис. 1. Украина. Карта памятников эпох неолита и энеолита, на которых обнаружены макроостатки растений: 1 — Шкаровка; 2 — Тальянки; 3 — Майданецкое; 4 — Коссовка; 5 — Чечельник; 6 — Незвиско. Карта составлена Н. С. Котовой (по Котова, Пашкевич, 2002. С. 106—110; Kotova, Pashkevich, 2003).

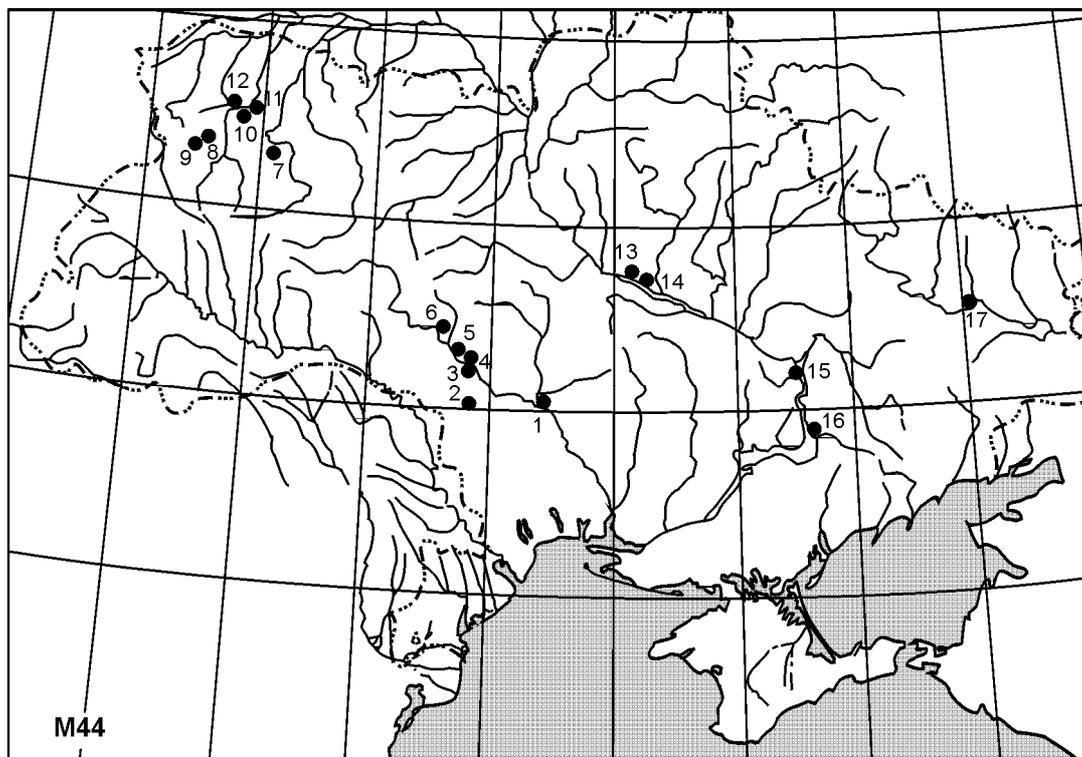


Рис. 2. Украина. Карта неолитических памятников (7500—6300 ВР), на керамике которых были найдены отпечатки растений: 1 — Миколина Брояка; 2 — Шумилово-Чернятка; 3 — Базьков Остров; 4 — Заньковцы; 5 — Шимановское; 6 — Сокольцы; 7 — Ровно; 8 — Гольшев; 9 — Гирка Полонка; 10 — Оболонь; 11 — Мала Осньця; 12 — Розничы; 13 — Бузьки; 14 — Пищики; 15 — Стрільча Скеля; 16 — Вовнигское левобережное поселение; 17 — Серебрянское. Карта составлена Н. С. Котовой (по Котова, Пашкевич, 2002. С. 106—110; Kotova, Pashkevich, 2003).

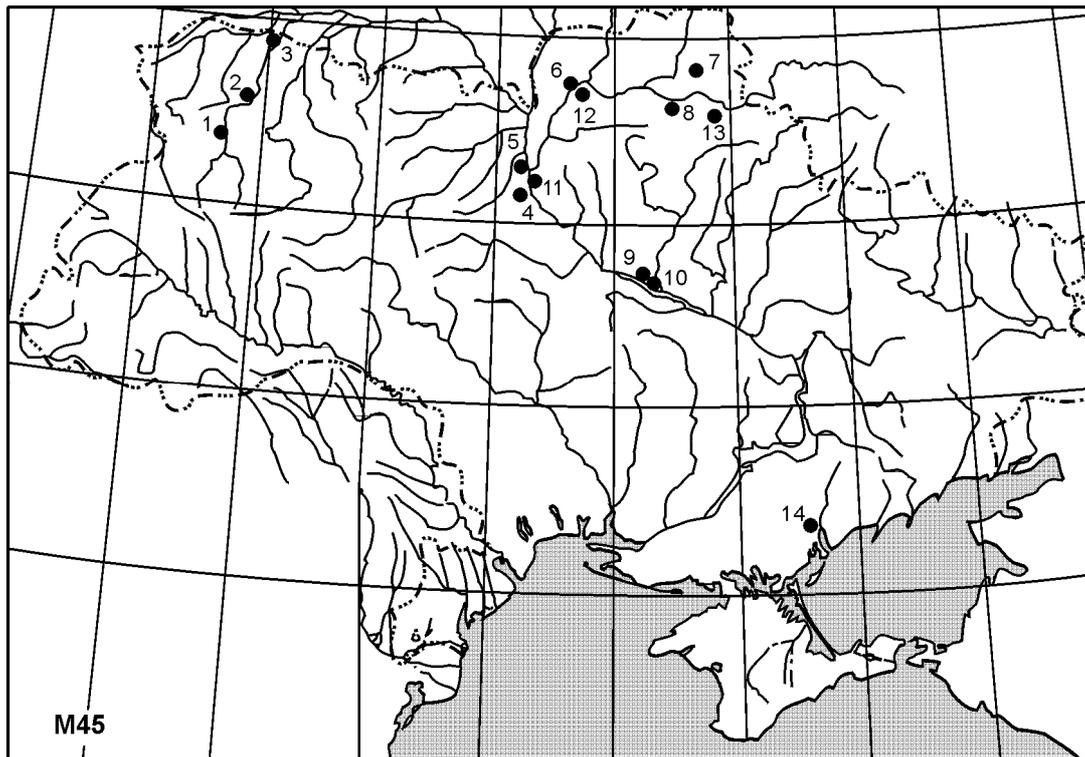


Рис. 3. Украина. Карта поздненеолитических и энеолитических памятников (6300—4500 ВР), на керамике которых были найдены отпечатки растений: 1 — Гнидава; 2 — Новосилки; 3 — Коник; 4 — Вита-Литовская; 5 — Грини; 6 — Каменка; 7 — Погореловка-Вырчище; 8 — Лисогубовка; 9 — Бузьки; 10 — Пищики; 11 — Вишенки; 12 — Гришевка; 13 — Скуносово; 14 — Каменная Могила. 1. Карта составлена Н. С. Котовой (по Котова, Пашкевич, 2002. С. 106–110; Kotova, Pashkevich, 2003).

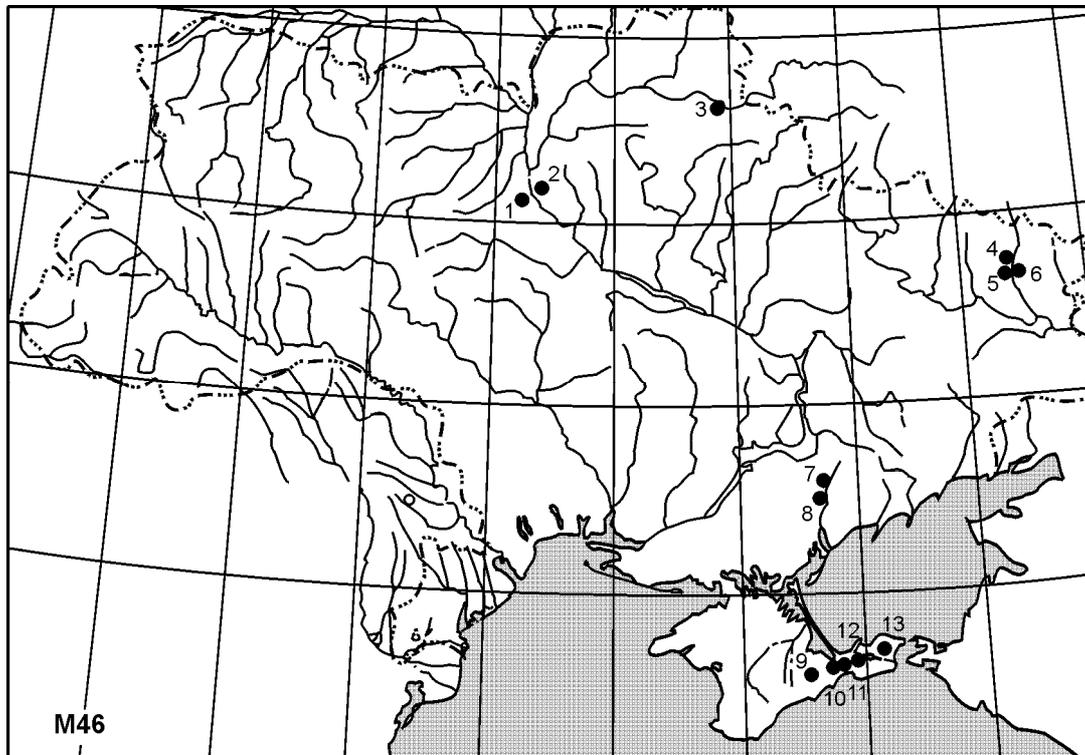


Рис. 4. Украина. Карта неолитических памятников (7500–6300 ВР), для которых имеются палинологические анализы: 1 — Вита Литовская; 2 — Вишенки; 3 — Скуносово; 4 — Подгоровка; 5 — Новоселовка; 6 — Старобельское; 7 — Чапаевка; 8 — Каменная Могила 1; 9 — Фронтное; 10 — Луговое 1; 11 — Луговое 2; 12 — Ленинское; 13 — Алексеевка. Карта составлена Н. С. Котовой.

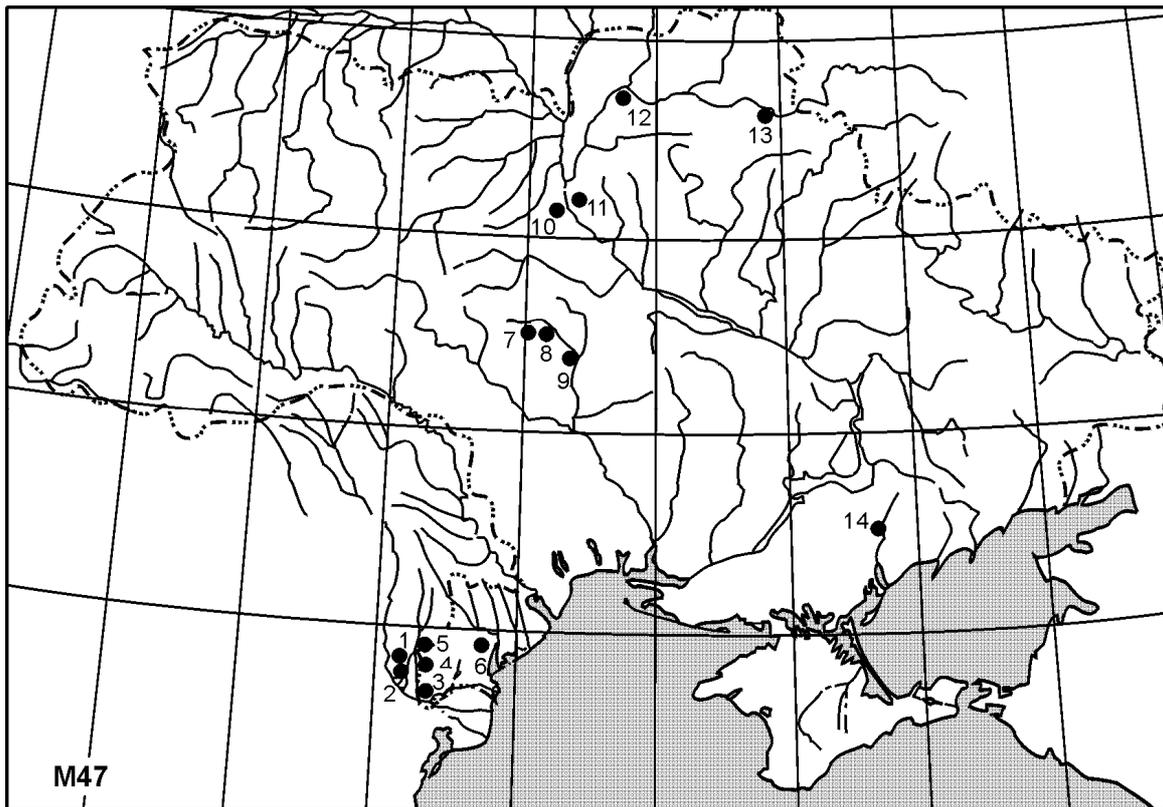


Рис. 5. Украина. Карта памятников эпохи позднего неолита и энеолита (6300–4500 ВР), для которых имеются палинологические анализы: 1 — Вулканешты; 2 — Нагорное; 3 — Озерное; 4 — Болград; 5 — Тараклия; 6 — Мирное; 7 — Доброводы; 8 — Тальянки; 9 — Майданецкое; 10 — Вита Литовская; 11 — Вишенки; 12 — Гришевка; 13 — Скуносово; 14 — Каменная Могила 1. Карта составлена Н. С. Котовой.

На средне-неолитической карте (рис. 7; индекс: М49; середина VI тыс. до н. э.) показано распространение памятников культуры Криш — 1) Сакаровка I (MSAK), 2) Селиште-Руптура (MRUP) и буго-днестровской культуры — 3) Сорока II, слой б (MSOR2), 4) Сорока III (MSOR3).

Для памятника днестровского варианта буго-днестровской культуры Сорока II (слой 1б) по углю получена датировка 6825 ± 150 (Bln-586) ВР, а для памятника Сакаровка I — радиоуглеродная дата 6650 ± 50 (Bln-2425) ВР. На средне- и поздне-неолитических картах Молдовы показана также реконструкция растительности для влажной фазы атлантического периода голоцена (по: Кременецкий, 1991. С. 38, рис. 28): расширение площади лесного массива Кодра и сокращение размера Бельской степи.

На памятнике Сакаровка I З. В. Янушевич (1986. С. 12, табл. 1; Янушевич, Кузиминова, 1989. С. 41) и Н. Н. Кузьминовой (1988. С. 11, табл. 12; Кузьминова и др. 1998. С. 166—178, индекс MOLD-W1) по обуглившимся остаткам растений и по их отпечаткам определена богатая флора культурных и дикорастущих растений. В её составе: пшеницы — двузернянка, спельта, мягкая/карликовая, а также пшеница, не определённая до вида; ячмень плечатый и голозерный; овёс, просо, горох; плодовые дикорастущие и культурные растения — алыча, слива, терн, виноград, вишня/черешня, яблоня/груша, кизил; объекты собирательства — лещина, желуди (очищенная от шкурок сердцевина); сеgetальные сорняки — щетинник, семейство гречишных, горец птичий, бурачок, куколь, подмаренник и вьюнок полевой. Присутствие сеgetальных (пашенных) сорняков — индикатор повторных посевов культуры на одних и тех же землях и засорения посевного материала. По стоянке Сакаровка I опубликована спорово-пыльцевая диаграмма (Medeanic, Larina, 2002. P. 500—557). Флора культурных растений, определённая из ранних слоев буго-днестровской культуры в Молдавии, беднее аналогичной флоры памятника Сакаровка I — определены лишь пшеницы: однозернянка, двузернянка и спельта, а также (предположительно) просо, но нет ячменя.

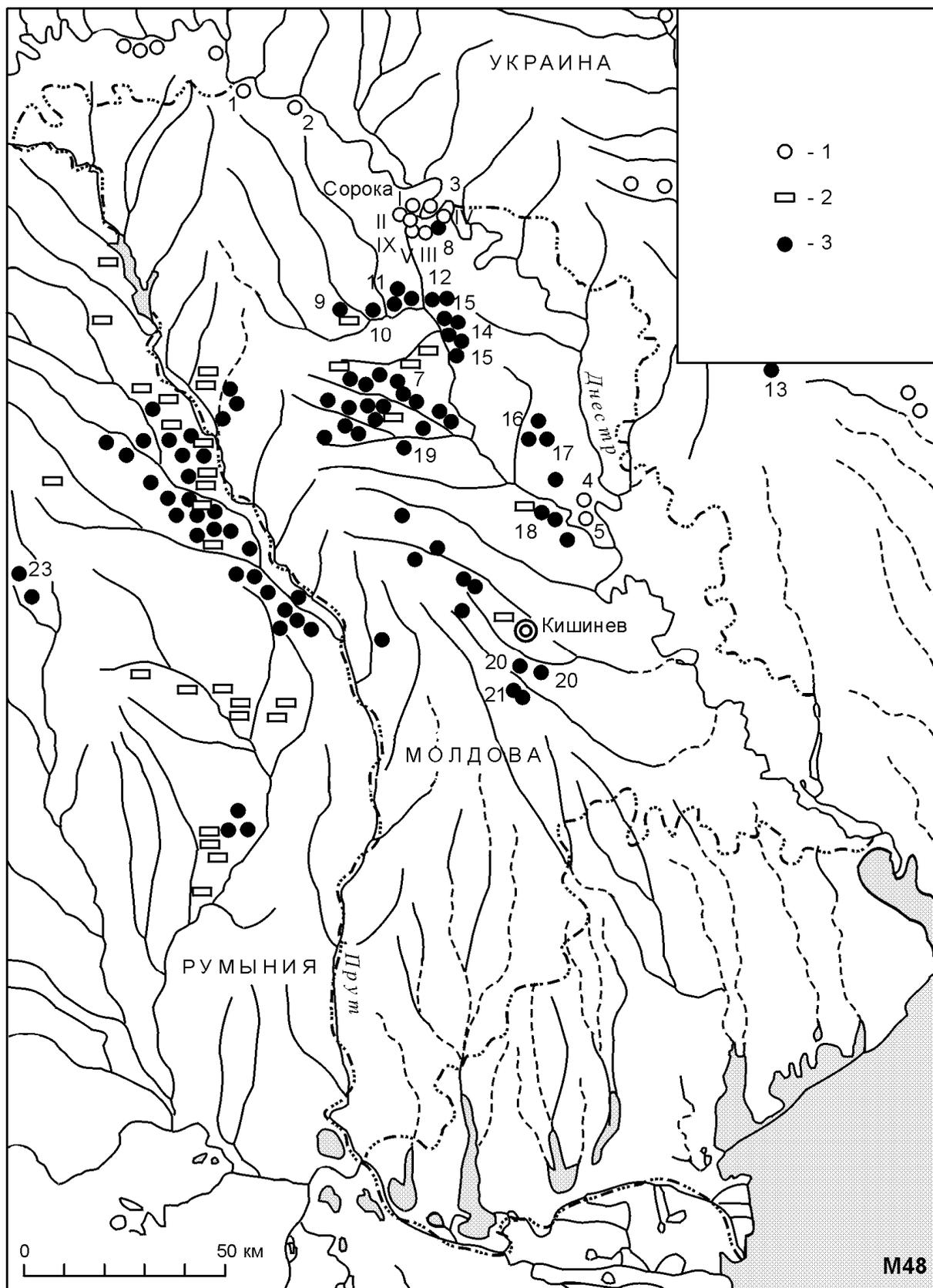


Рис. 6. Молдова. Карта неолитических памятников (по Larina, 1994. Fig. 1, p. 58):
 1 — памятники буго-днестровской культуры, 2 — памятники культуры криш-кереш,
 3 — памятники культуры линейно-ленточной керамики.

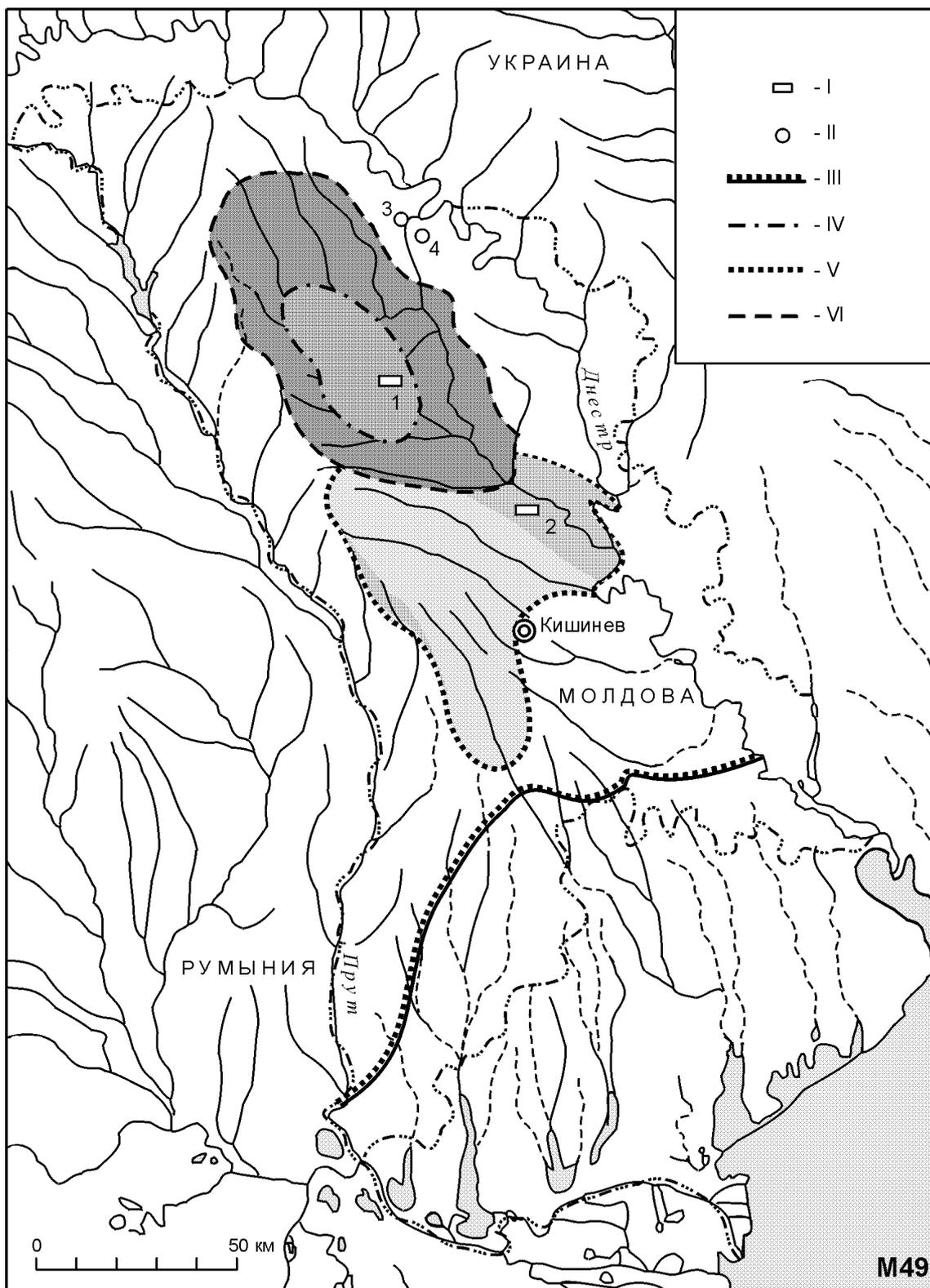


Рис. 7. Молдова. Карта памятников эпохи среднего неолита (середина VI тысячелетия до н. э.) с находками остатков культурных растений или их отпечатков на керамике. Реконструкция палеорастиельности влажного этапа атлантического периода (по Кременецкий, 1991. Рис. 28, с. 138): I — памятники культуры Криш (1 — Сакаровка 1; 2 — Селиште Руптура); II — памятники буго-днестровской культуры (3 — Сорока II, слой б; 4 — Сорока III); III — граница лесостепной зоны; IV — граница Бельской степи, сократившей свои размеры; V — граница облесенных Кодр, расширивших свою площадь; VI — современная граница Бельской степи. Карта составлена О. В. Лариной.

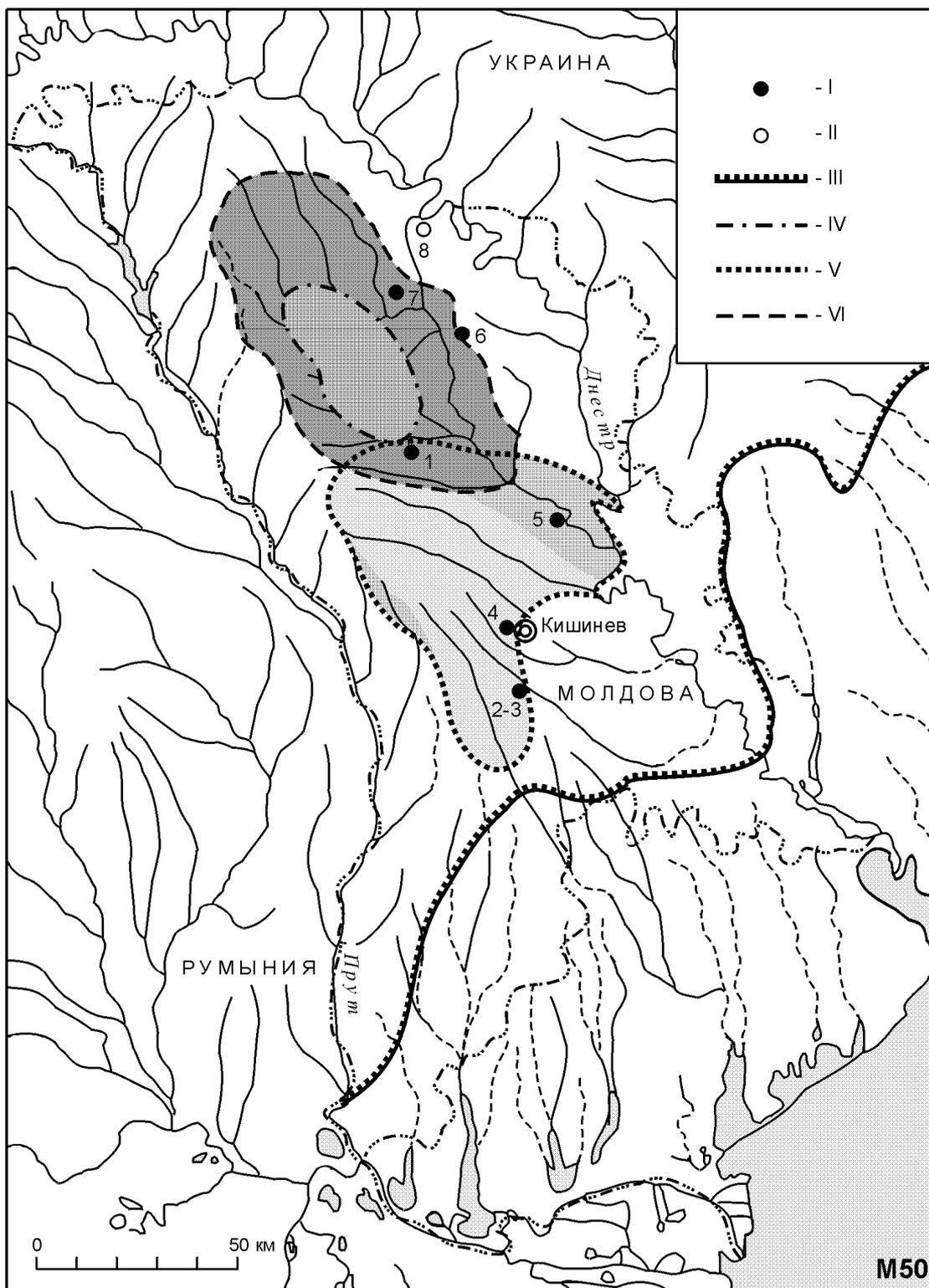


Рис. 8. Молдова. Карта памятников эпохи позднего неолита (конец VI тысячелетия до н. э.) с находками остатков культурных растений или их отпечатков на керамике. Реконструкция палеорастиельности влажного этапа атлантического периода (по Кременецкий, 1991. Рис. 98, с. 138):
 I — памятники культуры линейно-ленточной керамики (1 — Дончень I; 2 — Русештий Ной I; 3 — Русештий Ной II; 4 — Дурлешть I; 5 — Бранешть XIII; 6 — Рогожень II; 7 — Флорешть I);
 II — памятник буго-днестровской культуры (8 — Сороки V); III — граница степной зоны;
 IV — граница Бельской степи, сократившей свои размеры; V — граница облесенных Кодр, расширивших свою площадь; VI — современная граница Бельской степи.

На поздненеолитической карте Молдовы (рис. 8; M50; конец VI тыс. до н. э.) показаны следующие памятники: 1) Дончень (MDON), 2) Русештий Ной I (MNRU1), 3) Русештий Ной II (MNRU2), 3) Дурлешть I (MDUR1), 5) Бранешть XIII (MBRA13), 6) Рогожень II (MROG2), 7) Флорешть I (MFLO1), 8) Сорока V (MSOR5). Памятник Сорока V (дата по углю: 4545 ± 100 BC — Маркевич, 1974. С. 138) относится к буго-днестровской культуре, а все прочие памятники этого хроносреза — к культуре линейно-ленточной керамики.

Результаты палеоботанических исследований поздненеолитических памятников Молдовы приведены в ряде публикаций (Янушевич, 1976; Кузьминова, 1988. С. 8, табл. 12; Ларина 1999. С. 88—89, табл. 23; Janushevich, 1991; Progress in..., 1988. С. 229—231; Larina, Kuzminova, 1994. С. 225—240). Палинологические данные опубликованы для памятников Флорешты, Новые Русешты (Кременецкий, 1991. С. 76—82). Специфика спорово-пыльцевых диаграмм этих разрезов — резкое доминирование индикаторов синантропической растительности (господствует пыльца сорняков полей и пашен), постоянное присутствие культурных злаков (Cerealia).

Интерпретация материалов по проблеме «Неолитическое земледелие в западной части Евразийской степной зоны»

На памятниках Молдовы остатки культурных растений или их отпечатки встречаются, начиная с керамического неолита, о чем говорят данные Сорокской группы памятников. Наиболее ранние находки представлены только пленчатыми видами пшениц — сначала пшеницей однозернянкой и двузернянкой (Сороки II, сл. 1, с датировкой около 6800—6900 л. ВР), позже к ним добавилась спельта (Сороки III). Присутствие спельты говорит о возможном проникновении пшениц из Малой Азии через Балканский полуостров (Маркевич, 1974. С. 153—154).

На основании анализа флоры поселения Сакаровка I З. В. Янушевич (1986. С. 4—13) был сделан важный вывод, аргументированный ею и позднее (Progress in Old World..., 1991. P. 229—231, tabl. 9), о диссоциации этого памятника с памятниками буго-днестровской культуры, к которым относил его В. И. Маркевич (1974. С. 42—43). По трасологическим данным (Коробкова, 1987. С. 156—163) высказано предположение о принадлежности его к культуре Криш, что было доказано и археологическими исследованиями (Dergachev, Sherrat et al, 1991. P. 15; Larina, 1994; Кузьминова, Дергачев, Ларина, 1998. С. 166—182). На основании палинологических данных (Medeanic, Larina, 2002. P. 550—557) (рис. 9) сделан вывод о том, что поселение существовало в атлантический период голоцена.

Палинологические данные позволяют реконструировать особенности палеогеографической обстановки, в которой происходило становление земледелия на основании материалов, полученных для геологических разрезов, не нарушенных антропогенными воздействиями.

Для лесостепной части Молдовы в атлантический период, с которым связано развитие неолитических культур, ранее дифференцировались (Волонтир, 1989а. С. 80—81; 1989б. С. 50; Volontir, 1992. S. 72—73; Адаменко и др., 1996. Прил. 5-2) три хронозоны — АТ1, АТ2 и АТ3. Новые климатические характеристики, впервые полученные для разреза пойменных отложений лесостепной зоны Молдовы по методике В. А. Климанова (1985. С. 38—40) на основе палинологических данных Н. Н. Волонтир по разрезу Григориополь (рис. 11), указывают на более сложную динамику растительности и климата в регионе (рис. 10). Они свидетельствуют о существовании двух сухих климатофаз в атлантическом периоде. Специфика палеоклимата и палеорастительности АТ1, АТ2 и АТ3 по этим данным следующая:

АТ1 — климат теплее и влажнее современного; расширение площадей лесов и мезофильных травянистых сообществ. Зональный тип растительности в северных районах (Адаменко и др., 1996. Прил. 5-2) — лесостепь. Новые данные (рис. 10) говорят о том, что в конце этапа, впервые для Молдовы зафиксирована кратковременная аридизация климата (количество осадков меньше, чем ныне, но температуры выше современных), что требует дальнейшего подтверждения, так как важно для понимания экологии наиболее ранних фаз земледелия региона, хотя эта фаза четко зафиксирована на спорово-пыльцевой диаграмме разреза отложений Днестра из района Григориополь (рис. 11) по резкому доминированию в конце АТ1 (выше максимума липы) пыльцы полыней и уменьшению пыльцы древесных пород. Вблизи этого уровня в данном разрезе имеется радиоуглеродная датировка 6960 ± 70 ВР (КИГН-360), а для предшествующей ей влажной и теплой фазы — 7870 ± 70 ВР (КИГН-359) (Адаменко и др., 1996. С. 112).

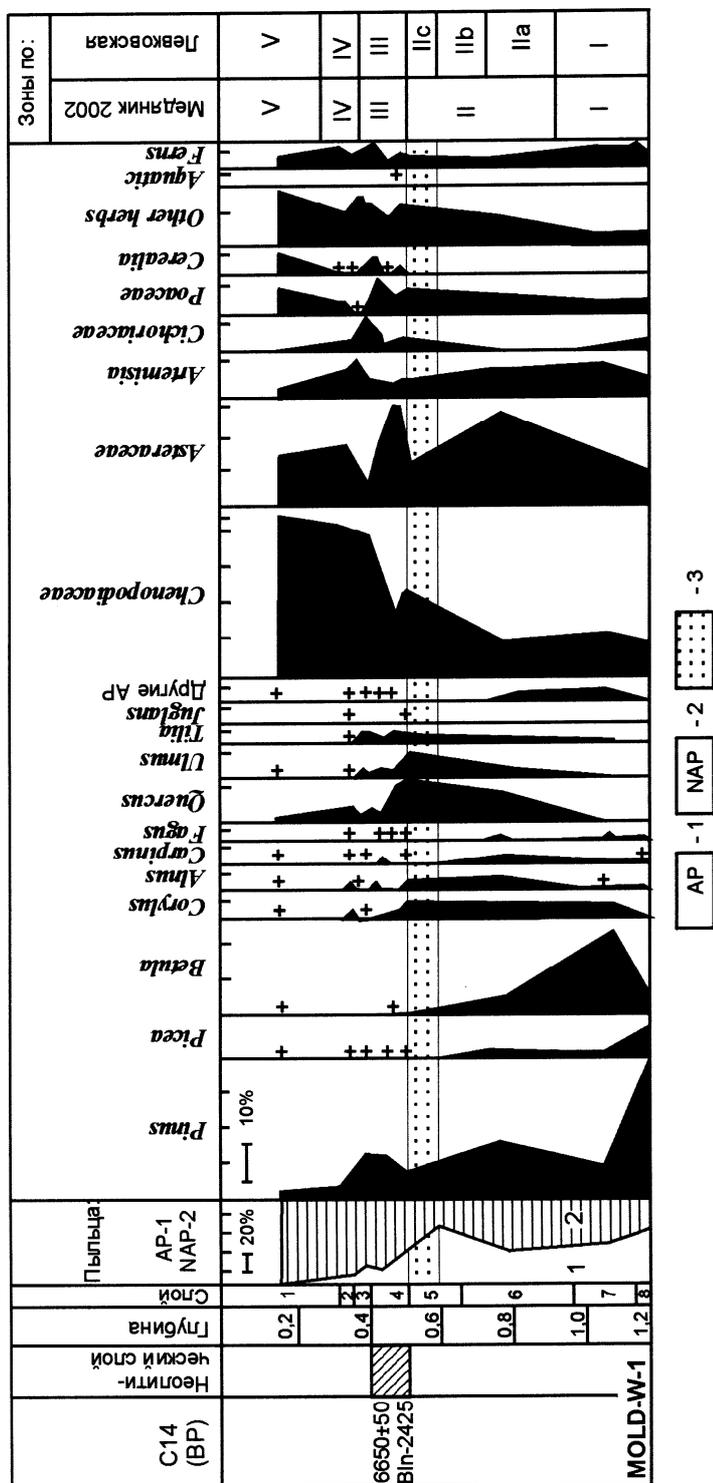


Рис. 9. Молдова. Спорово-пыльцевая диаграмма средненеолитического поселения культуры Криш Сакаровка I (по Medeanic, Lagina, 2002. Fig. 4, p. 554):
 1 — сумма пыльцы древесных пород и кустарников; 2 — сумма пыльцы травяно-кустарниковых растений;
 3 — уровень подзоны II с, соответствующей раннеолитической фазе сухого и теплого климата.

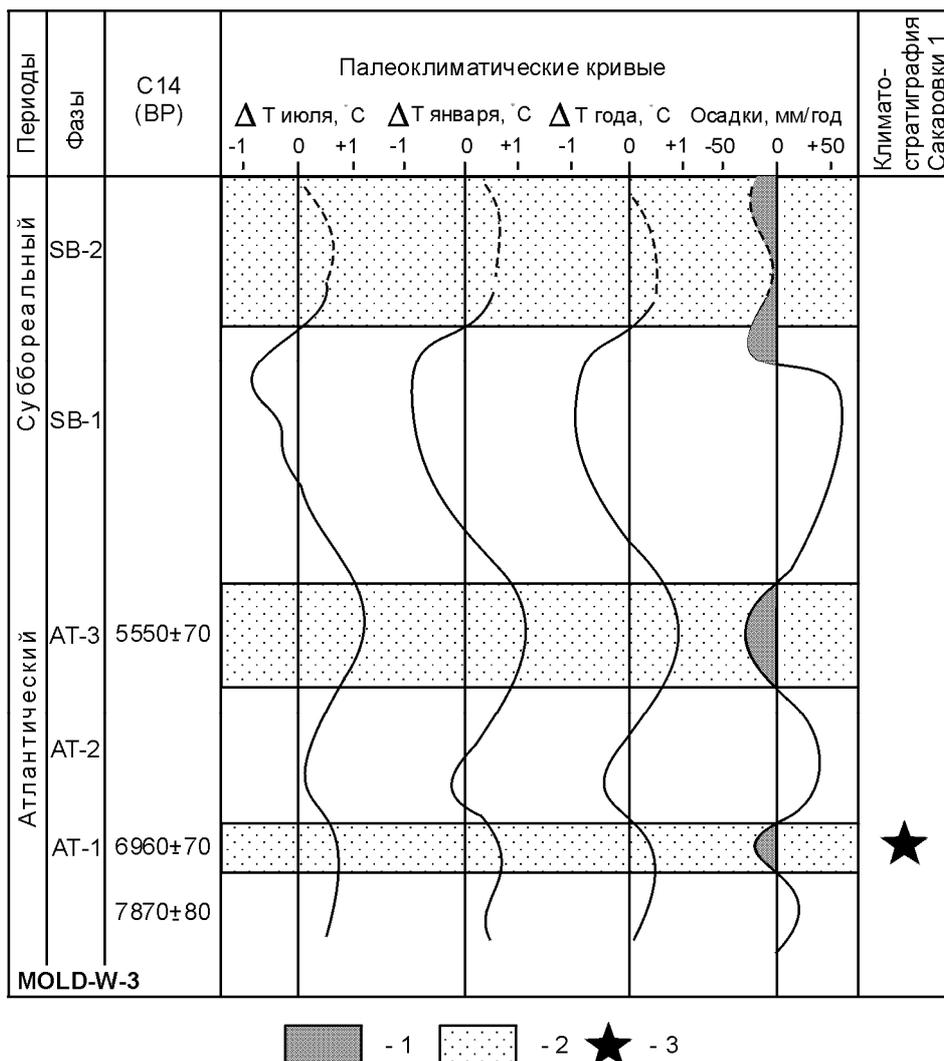


Рис. 10. Молдова. Лесостепная зона. Реконструкция климата среднего голоцена на основе палинологических данных Н. Н. Волонтир (Volontir, 1992. P. 72—73; Адаменко и др., 1996. С. 112; реконструкция выполнена В. А. Климановым): 1 — климатофазы среднего голоцена с количеством осадков меньше, чем в настоящее время; 2 — климатофазы среднего голоцена с сухим и теплым климатом (количество осадков меньше, чем в настоящее время; июльские, январские и среднегодовые температуры выше современных); 3 — климатостратиграфическое положение культурного слоя памятника Сакаровка 1 по палинологическим данным (см. рис. 9).

В более восточных регионах Русской равнины осадкам наиболее засушливого этапа атлантического периода соответствует радиоуглеродная датировка 7200 ± 200 BP (Спиридонова, 1991. С. 195; Спиридонова, Алёшинская, 1999. С. 55).

AT2 — климат влажнее современного; переход от температур ниже современных (начало этапа) к температурам выше современных. Распространение широколиственных лесов. Участки злаковой и кустарниковой растительности. Зональный тип растительности (Адаменко и др., 1996. Прил. 5-2) — леса хвойно-широколиственные.

AT3 — сухая теплая фаза (июльские, январские и среднегодовые температуры выше, чем ныне, а количество осадков меньше, чем в настоящее время).

В конце AT3 начинается понижение температур и повышение количества осадков. В восточной части Русской равнины это увлажнение началось около 5600 л. н. (Спиридонова, 1991. С. 201). Этот переход от сухих условий к влажным продатирован на юге Молдовы (Волонтир, 1989а. С. 92—93) в пойменном разрезе Чумай — 5550 ± 70 BP (ИГАН-640). В SB1 зафиксирован среднеголоценовый максимум осадков и среднеголоценовые минимумы температур. Таким

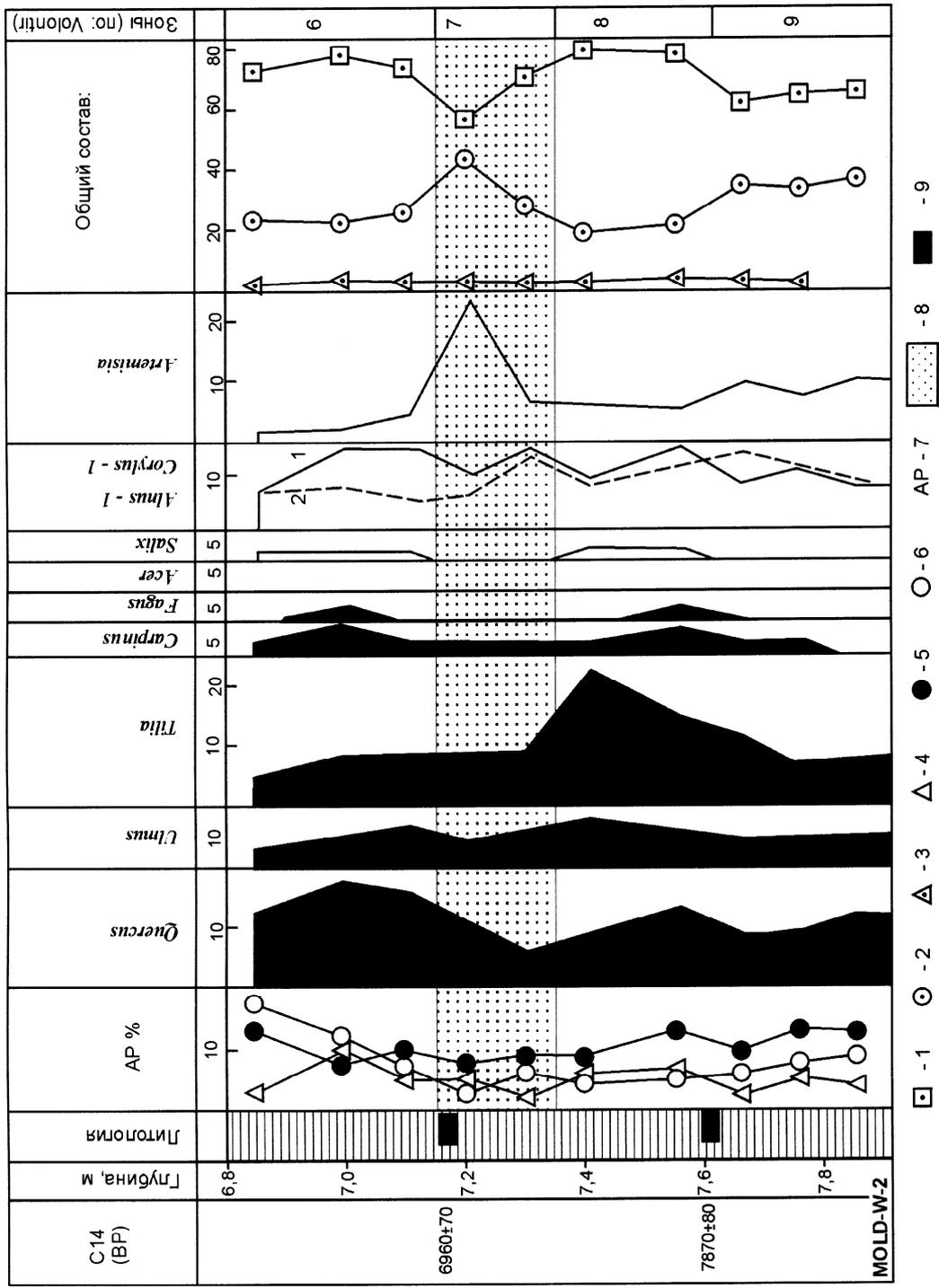


Рис. 11. Молдова. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза пойменных отложений р. Днестр в районе Григориополя, в котором представлена сухая климатофаза атлантического периода голоцена (зона 7) (по: Volontir, 1990, Р. 72—73): 1 — сумма пыльцы древесных пород; 2 — сумма пыльцы травяно-кустарниковых растений; 3 — сумма спор; 4—6 — пыльца (4 — ели, 5 — сосны, 6 — березы); 7 — соотношение пыльцы некоторых древесных пород; 8 — уровень палинозоны 7, соответствующей раннеолигоческой фазе сухого и теплого климата; 9 — уровень отбора образцов для радиоуглеродного датирования.

образом, по новым данным в атлантический период Молдовы выделяется два дополнительных палеоклиматических маркера — две фазы сухого и тёплого климата.

Новое прочтение спорово-пыльцевой диаграммы разреза Сакаровка I (рис. 9) позволяет для зоны II С. Н. Медяник (Medianic, Larina, 2002. P. 553—555, fig. 4) дифференцировать следующие этапы смены фитоценозов: подзона IIa — фаза смешанных лесов (из сосны, березы, широколиственных пород) и луговых степей; подзона IIb — максимум облесения; лесная растительность господствует; подзона IIc — переход к началу уменьшения облесённости и замещения разнотравных лугов ксерофильными группировками, образованными лебедовыми. Последнее очень важно для понимания климатостратиграфии стоянки — это свидетельство начала перехода от влажно-тёплых условий к теплым, но сухим еще до момента возникновения поселения, то есть поселение связано с одной из сухих климатофаз атлантического периода голоцена.

Поселение появилось в лесостепную фазу (зона III на рис. 9). В начале существования памятника облесенность была выше, чем в конце. Леса были образованы сосной и широколиственными древесными породами, среди которых доминировал дуб; в пойменных лесах рос влаголюбивый бук; встречались граб, ольха, вяз, липа, лещина. Леса чередовались с разнотравными лугами и степными или опустыненными сообществами, образованными злаками и лебедовыми. Начиная с культурного слоя, в спектрах появляется пыльца культурных злаков (*Cerealia*) и ореха (*Juglans* sp). На уровне культурного слоя (зона III С. Н. Медяник) зафиксирован максимум пыльцы сложноцветных (*Asteraceae*), что, по-видимому, связано с антропогенным изменением растительности в результате появления пашен. Верхняя часть спорово-пыльцевой диаграммы разреза Сакаровка I (палинозоны IV, V по С. Н. Медяник) соответствует горизонтам B1 и A1 современной почвы. Она отражает почти полное безлесье территории (содержание пыльцы древесных пород в спектрах: 2—10 %) и господство ксерофильных травянистых группировок, образованных лебедовыми, реже — разнотравьем и астровыми, хотя состав дендрофлоры остался прежним. Это состояние растительного покрова в значительной степени обусловлено изменениями коренных фитоценозов антропогенными воздействиями в условиях сухого климата лесостепи. Для культурного слоя стоянки Сакаровка I имеется радиоуглеродная датировка по углю: 6650 ± 50 BP (Bln-245). Сравнение палинологических данных по стоянке Сакаровка I с новыми реконструированными для Молдовы палеоклиматическими кривыми (рис. 10) и с палинологическими и радиоуглеродными данными по разрезу Григориополь (рис. 11) позволяет синхронизировать появление данного памятника культуры Криш в регионе со временем тепло-сухой климатофазы, впервые зафиксированной в регионе в AT1. Это позволяет предполагать, что радиоуглеродная датировка стоянки Сакаровка I несколько омоложена, так как на диаграмме разреза Григориополь (Volontir, 1990. P. 74—75, fig. 2; Адаменко и др., 1996. С. 112, рис. 3, б) для уровня ксерофитизации имеется радиоуглеродная датировка 6960 ± 70 BP, а на юго-востоке Русской равнины, по Е. А. Спиридоновой (1991. С. 198—199), для начала сухого экстремума имеется радиоуглеродная датировка 7200 ± 200 BP. Следующие сухие фитофазы атлантического периода (менее значительные, чем в AT1) отмечались на юго-востоке Русской равнины уже около 6200—6000 и 5000 л. н. (Спиридонова, Алёшинская, 1991. С. 198).

Ранее в Молдове эпоха неолита подразделялась на пять стадий развития буго-днестровской культуры (Маркевич, 1974. С. 138—319). В настоящее время она дифференцируется (Larina, 1994. P. 63) на: 1) ранний неолит (докерамический); 2) средний неолит (середина VI тыс. до н. э.) и 3) поздний неолит (конец VI тыс. до н. э.).

На картах видно, что стоянки буго-днестровской культуры существовали и в среднем неолите (стоянки Сорока III и Сорока II, слой 1б, с датировкой ^{14}C по углю — 6825 ± 150 BP (Bln-586) и в позднем неолите (стоянка Сорока V с датировкой по углю 6545 ± 100 BP). Но со средним неолитом связано существование в районе культуры сакаровка-криш-кереш, выделенной по археологическим, трасологическим и археолого-палеоботаническим показателям лишь в последнее десятилетие (Кузьминова и др., 1998. С. 176; Ларина, 1999. С. 176; Dergachev, Sherrat et al, 1991. P. 15; Larina, 1994), которая была широко распространена в Румынии и других регионах к западу от Молдовы (рис. 6; индекс M48).

Палеоботанические, палеоэтноботанические, палинологические и радиоуглеродные материалы по Украине, обобщенные в монографии Н. С. Котовой (2002) и каталогах отпечатков культурных растений на керамике неолитических памятников Украины (Котова, Пашкевич,

2002; Kotova, Pashkevich, 2003) говорят о том, что для всех неолитических культур Украины на разных стадиях их эволюции имеются свидетельства земледелия. Дифференцируются три стадии в развитии земледелия.

Первая стадия развития земледелия (VIII тысячелетие ВР): свидетельства земледелия имеются для двух регионов — приазовских степей и лесостепных районов бассейна Южного Буга. Население буго-днестровской культуры определенно возделывало ячмень (*Hordeum vulgare*) и просо (*Panicum miliaceum*).

Вторая стадия развития земледелия (VII тысячелетие ВР): все население начинает культивировать растения. Помимо проса и ячменя возделывались пшеницы (*Triticum monococcum*, *T. dicoccum*, *T. spelta*, *T. aestivum*), еще один вид ячменя (*Hordeum vulgare* var. *coeleste*) и горох (*Pisum sativum*). Горох и одна из пшениц (*T. aestivum*), возможно, начали возделываться на Украине благодаря появлению здесь около 6650 ВР населения культуры линейно-ленточной керамики.

Третья стадия датируется 5950—4450 ВР — это время увеличения роли земледелия в жизни северных регионов Украины, усиления контактов с трипольским земледельческим населением.

Археологические материалы говорят о том, что на ранних стадиях земледелие на Украине было мотыжным, двух типов (Kotova, 2003): лесостепной вариант (характерен для племен буго-днестровской культуры и культуры линейно-ленточной керамики) и степной вариант (характерен для населения сурской, нижнедонской и, возможно, азово-донской культур). В обоих случаях посевы были приурочены к лессам и суглинистым почвам. Третий вариант земледелия — это подсеčno-огневое земледелие на опесчаненных или суглинистых почвах лесостепной и степной зон. Этот тип земледелия характерен для племен днепро-днецкой и ямочно-гребенчатой культур. Для Молдовы (Larina, Kuzmina, 1994. P. 228) и лесной зоны (Левковская, 1987. С. 76—77; Levkovskaya, 1998. P. 223) имеются данные также об использовании аллювиальных почв на поймах. В южных областях также существовали памятники с подобными почвами — Ракушечный Яр (Белановская, 1995) и др. Археологические материалы говорят о одновременности начала неолитизации в различных районах Евразии (Тимофеев, 2000).

Представленный в банке данных набор разнообразных источников (палеоботанических, палеозотоботанических, археологических, радиоуглеродных, палинологических, особенно наглядных картографических) позволяет сделать вывод о том, что на западе Евразийской степной зоны дифференцируются следующие этапы развития археологических культур и самых ранних фаз земледелия.

Наиболее ранняя фаза земледелия датируется на Украине VI тыс. до н. э. Свидетельства ее имеются в степном Приазовье и лесостепных районах бассейна Южного Буга. Отпечатки культурных растений на керамике бугского варианта буго-днестровской культуры фиксируются (Котова, Пашкевич, 2002. С. 109, табл. 2), начиная уже с первого периода ее развития (7500—7300 ВР).

В среднем неолите в Молдове шло развитие двух земледельческих культур: буго-днестровской и культуры криш-кереш-сакаровка. Поселение Сакаровка I культуры Криш по богатству и разнообразию культивируемых видов отвечает примерно уровню развитого этапа культуры Кукутень-Триполье (Progress in Old World Palaeobotany, 1998. P. 17). Хронология культуры кереш-сакаровка нуждается в уточнении.

Выводы

Впервые для юго-востока Евразийской степной зоны выявлены два этапа сухого и теплого климпта в атлантическом периоде голоцена, закончившиеся около 7000 и 5600 л. н.

В настоящее время для Украины сделан вывод о том, что необходимо отдавать большее предпочтение восточному источнику происхождения земледелия у населения Побужья (Котова, 2002. С. 46; Kotova, 2003. P. 85). В то же время для Молдовы имеются доказательства связей с западной культурой Криш. Ранее большинство исследователей считало, что население буго-днестровской культуры заимствовало мотыжное земледелие у кришского населения. В свете новых данных процесс неолитизации и появления раннего земледелия на юго-западе Европейской степной зоны и лесостепи представляется более сложным. Он являлся результатом и за-

падных, и восточных влияний на хозяйственную деятельность неолитического населения этого макрорегиона. Были ли эти влияния синхронны или разновременны, покажут будущие исследования.

Заключение²

В работе изложен лишь один аспект многообразных возможностей использования информации банка данных. Материалы археолого-палеоботанико-палинологического банка данных могут быть использованы для разработки целого ряда культурно-исторических и палеоэкологических проблем:

- 1) получение палеоэкономических реконструкций (собирательство, древнее земледелие);
- 2) реконструкция для каждого поселения среды обитания древних людей;
- 3) обоснования климатостратиграфии памятников;
- 4) межрегиональной корреляции стоянок и их климатостратиграфическая периодизации (на основе палинологических данных);
- 5) оценка достоверности некоторых абсолютных датировок и увеличение радиоуглеродной основы датирования культурных слоёв путём «снятия» некоторых дополнительных радиоуглеродных датировок со спорово-пыльцевых диаграмм отложений без археологических находок.

Материалы банка данных важны также для разработки различных ботанических, палеогеографических, палеоклиматических и других проблем: выявление особенностей палеофлор дикорастущих и культурных растений, а также сегетальных, пасквальных и рудеральных сорняков, изменений их ареалов, реконструкций динамики палеоклимата, палеогидрологических процессов, зональных типов растительного покрова и антропогенных фитоценозов — индикаторов степени преобразования ландшафтов в доисторический период.

Для разработки проблемы неолитизации особенно важны материалы BARPP-C, позволяющие реконструировать начальные фазы земледелия и связь их с различными культурно-историческими процессами на широком региональном материале. Создание археолого-палеоботанико-палинологического банка данных в Интернете для археологических стоянок территории бывшего СССР особенно актуально. Оно открывает возможность для разработки широких региональных проблем и коллективного их исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаменко О. М., Голдберт А. В., Осюк В. А., Матвишина Ж. Н., Медяник С. И., Моток В. Е., Сиренко Н. А., Чернюк А. В.* Четвертичная палеогеография экосистем нижнего и среднего Днестра. Киев, 1996.
- Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995.
- Волонтир Н. Н.* К истории растительности юга Молдавии в голоцене // Четвертичный период: Палеонтология и археология. К XXVIII Международному Геологическому Конгрессу, Вашингтон. Кишинев, 1989а.
- Волонтир Н. Н.* Динамика растительного покрова нижнего Поднестровья в голоцене // Фауна и флора мезозоя и кайнозоя южных окраин Русской платформы. Кишинев, 1989б.
- Климанов В. А.* Реконструкция палеотемператур и палеоосадков на основе спорово-пыльцевых данных // Методы реконструкции палеоклиматов. М., 1985.
- Коробкова Г. Ф.* Культурно-хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987.
- Котова Н. С.* Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Котова Н. С., Ковалюх Н. Н.* Каталог радиоуглеродных дат неолитических памятников Украины // Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Котова Н. С., Пашкевич Г. А.* Каталог отпечатков культурных растений на керамике неолитических поселений Украины // Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Кременецкий К. В.* Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. М., 1991.

² Авторы выражают благодарность С. Н. Коваленко за помощь в сборе материалов, а также В. Я. Стеганцевой и Н. А. Лазаревской за компьютерное оформление статьи.

- Кузьминова Н. Н. Находки обугленных остатков семян сорных растений на трипольских памятниках Молдавии // Ботанические исследования. Вып. 1. Флора, геоботаника и палеоботаника. Кишинев, 1988.
- Кузьминова Н. Н., Дергачев В. А., Ларина О. В. Палеозноботанические исследования на поселении Сакарровка 1 // *Revista archeologica* (Археологический журнал). № 2. 1998.
- Ларина О. В. Культура линейно-ленточной керамики в Днестровско-Прутском регионе // *Stratum Plus*. № 2. 1999.
- Левковская Г. М. Природа и человек в среднем голоцене Лубанской низины. Рига, 1987.
- Маркевич В. И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.
- Спиридонова Е. А. Эволюция растительного покрова Дона в верхнем плейстоцене и голоцене. М., 1991.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. Периодизация неолита и энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. № 1. 1999.
- Тимофеев В. И. Радиоуглеродные даты и проблемы неолитизации Восточной Европы // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвящ. памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Янушевич З. В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим данным. Кишинев, 1976.
- Янушевич З. В. Культурные растения северного Причерноморья. Палеоботанические исследования. Кишинев, 1986.
- Янушевич З. В., Кузьминова Н. Н. Возникновение и развитие земледелия в северном Причерноморье по палеоботаническим данным // Флора и растительность. Ботанические исследования АН Молд. ССР. Вып. 5. 1989.
- Acta Palaeobotanica* // International Journal of Palaeobotany and Palynology. Supplement 2. Krakow, 1999.
- Archaeological Informatics: Pushing the Envelope CAA 2001*. Computer Applications and Quatitative Methods in Archaeology. Proceedings of the 29th Conference. Gotland, April, 2001. BAR. International Series. No. 1016. Oxford, 2002.
- Dergachev V., Sherratt A., Larina O. Recent Results of Neolithic Research in Moldavia // *Oxford Journal of Archaeology*. Vol. 10, No. 1. 1991.
- 8th EAA Meeting, 24–29 September 2002. Thessaloniki, Hellas. Abstracts Book. European Association of Archaeology. 2002.
- Information Technology in Biodiversity Research*. Proceeding and Abstracts of the 2nd International Symposium. St. Petersburg, 2002.
- Kotova N. S. Neolitization in Ukraine. BAR. International Series. No. 1109. Oxford, 2003.
- Kotova N. S. The First Agriculture in Ukraine // 9th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Final Programme and Abstracts. St. Petersburg, 2003.
- Kotova N. S., Pashkevich G. A. The Catalog of Imprints of Cultivated Plants on Ceramics of the Neolithic Cultures of Ukraine // Kotova N. S. Neolithization in Ukraine. BAR. International Series. No. 1109. Oxford, 2003.
- Larina O. Neolitcul pe teritoriul Republicii Moldova // *Thraco-Dacica*. Vol. XV (1–2). Bucuresti, 1994.
- Larina O. V., Kuzminova N. N. The Late Neolithic Farming of the territory of the Prut-Dnestr Interfluve // *Pré-histoire Européenne*. Vol. 7. 1994.
- Levkovskaya G. M. The beginning of the agriculture in the Eastern Baltic // *Palaeobotany and Archaeology*. International Work-Group for Palaeobotany. 8th Symposium. Nitra-Nové Vozokany. *Acta Interdisciplinaria Archeologica*. No. VII. 1989.
- Medeanic S., Larina O. Palynological Evidence for Environmental changes and Agricultural Development in the Neolithic of Moldova // *Acta Palaeontologica Sinica*. No. 41 (4). 2002.
- Progress in old World Palaeoethnobotany*. Zeist van W., Wasylikova K., and Behre K.-E. Balkema A. A. (eds.) Rotterdam, Brookfield, 1991.
- Volontir N. Dinamica invelisului vegetal și modificările climatice in Holocene din Tinutul de sud-est al R.S.S. Moldova // *Lucrările Seminarului geographic «Dimitrie Cantemir»*. No. 10. 1990.

Список сокращений

АО	—	Археологические открытия. М.
АВ	—	Археологические вести. СПб.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
ВУАК	—	Всеукраинская археологическая комиссия. Киев.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л.
СА	—	Советская археология. М.
ПАВ	—	Петербургский археологический вестник. СПб.
РА	—	Российская археология. М.
ТАС	—	Тверской археологический сборник. Тверь.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «АкадемПринт».
г. Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 19.
Подписано в печать 12.12.2003 г.
Формат: 60X90 1/8. Бумага ксероксная.
Печ. л. 23. Уч.-изд. л. 39,5.
Тираж 300 экз.